

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг.

Часть I. Научные исследования

Издательские решения
По лицензии Ridero
2022

УДК 82-9
ББК 76.01
К53

Издано при поддержке Управления культуры Администрации
Екатеринбурга, по инициативе Музея истории Екатеринбурга

Научный редактор В. М. Кириллов

Рецензенты:

В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор УрГЮА;
О. С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор УрФУ имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Авторы: Кириллов В. М., Быкова С. И., Вебер М. И.,
Дробина И. В., Килин А. П., Кириллова Т. С., Константинов С. И.,
Миронова-Шушарина Е. Ю., Мосин А. Г., Олешко В. Ф., Парфенова Е. Г.,
Пазгле Н. М., Печерин А. В., Печуркина Р. А., Погорелов С. Н.,
Прищеп А. И.

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер.
К53 **1980-х гг. : Часть I. Научные исследования / В. М. Кириллов**
[и д. р.]. – [б. м.] : Издательские решения, 2022. – 752 с.
ISBN 978-5-0055-7562-3 (т. 1)
ISBN 978-5-0055-7563-0

Коллективная монография в жанре книги памяти. Совмещает в себе аналитические статьи известных ученых Урала по различным аспектам истории государственного террора на материале Екатеринбурга-Свердловска, проблемам реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий с очерками о судьбах репрессированных, основанными на источниках личного происхождения.

УДК 82-9
ББК 76.01

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-7562-3
ISBN 978-5-0055-7563-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1. Проблемы историографии политических репрессий в СССР и на Урале (1917–1980-е гг.) (В. М. Кириллов)	18
Глава 2. Террор в годы Гражданской войны	41
2.1. Красный террор и орган его осуществления – УралоблЧК в 1918 г. (С. И. Константинов)	41
2.2. Екатеринбургский концлагерь №1: история, контингенты, социальный состав репрессированных (С. И. Константинов)	56
Глава 3. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции ..	70
3.1. Правовая основа процесса лишения избирательных прав (А. П. Килин)	70
3.2. Процесс восстановления в избирательных правах (А. П. Килин)	84
Глава 4. Церковь и советский атеизм	101
4.1. Этапы репрессивной политики по отношению к церкви и верующим (А. В. Печерин)	101
4.2. Социальный портрет репрессированных священнослужителей (А. В. Печерин)	112
Глава 5. Репрессии по контрреволюционным делам 1928–1939 гг.	127
5.1. Борьба за новую генеральную линию партии. 1928–1935 гг. (В. М. Кириллов)	127
5.2. Подготовка и осуществление Большого террора. 1936–1938 гг. (В. М. Кириллов)	181
5.3. «Восстановление законности» в деятельности репрессивных органов. 1938–1939 гг. (В. М. Кириллов) ..	223
5.4. «Время-тать»: особенности темпоральных и политических представлений жителей Уральского региона в 1930-е гг. (С. И. Быкова)	244

5.5. «История покажет, что от лукавого...»: представления уральцев о масштабах и причинах массовых репрессий (С. И. Быкова)	263
5.6. Способы речевого воздействия на сознание читателей газеты «Уральский рабочий». 1928–1937 гг. (Т. С. Кириллова)	281
Глава 6. Борьба с инакомыслием на Урале (конец 1940-х – середина 1980-х гг.)	291
6.1. Окончание Великой Отечественной войны и усиление критических настроений на Урале во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. (А. И. Прищепа)	291
6.2. Самодеятельные политические кружки уральской молодежи середины 1940-х – середины 1960-х гг. (А. И. Прищепа)	306
6.3. Нелегальная политическая деятельность и правозащитное движение на Урале в 1960–1980-х гг. (А. И. Прищепа)	316
Глава 7. Технология террора и исполнители	335
7.1. Законодательная основа политических репрессий (1917–1950-е гг.) (В. М. Кириллов)	335
7.2. «Сдохнешь, но подпишешь». Методы получения признательных показаний в системе УНКВД по Свердловской области в годы Большого террора (А. Г. Мосин)	360
7.3. Личности советского и партийного руководства Урала в 1917–1918 гг. (С. И. Константинов)	380
7.4. Комендант Верх-Исетского завода подпоручик М. К. Ермохин: эпизоды биографии (М. И. Вебер)	386
7.5 Судьба первого председателя Уральского областного суда Н. В. Жирякова. Портрет на фоне эпохи (С. И. Константинов)	414
7.6. Екатеринбургская Губчека в 1919–1922 гг. (С. И. Константинов)	436

7.7. Зоны массовых захоронений 1930–1950-х годов у Нового и Старого Московских трактов («12 км», «с/к Динамо») в районе Квашнинского рудника (С. Н. Погорелов)	448
Глава 8. Масштабы государственного террора в СССР и процесс реабилитации репрессированных. (В. М. Кириллов)	492
Приложение 1. Сведения о количестве репрессированных в Свердловской области	502
Приложение 2. Гражданское население и репрессированные в СССР, Свердловской области и в Нижнетагильском регионе Урала (1926–1951 гг.)	503
Список сокращений	512
ФОТОГРАФИИ И ДОКУМЕНТЫ	515
К статьям Константинова С. И. (Глава 2)	517
К статьям Килина А. П. (Глава 3)	524
К статьям Печерина А. В. (Глава 4)	537
К статьям Кириллова В. М. (Глава 5)	544
К статье Константинова С. И. «Екатеринбургская Губчека в 1919–1922 гг.» (Глава 7)	621
Авторы	625
Примечания	631
Предметный указатель	719
Именной указатель	730

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели! Вашему вниманию предлагается научно-публицистическая монография «Книга памяти: Екатеринбург репрессированный. 1917 – сер. 1980-х гг.». Это коллективный труд, в создании которого приняли участие 16 человек, среди которых известные ученые – исследователи истории политических репрессий на Урале, журналисты и сотрудники Музея истории Екатеринбурга.

Уникальность представленного материала состоит в том, что это первое столь объемное исследование, посвященное истории государственных репрессий в отношении жителей города Екатеринбурга-Свердловска и его окрестностей.

В последовательной ретроспективе вниманию читателей авторами представлен большой объем фактологических исследований, основанных на материалах государственных и частных, семейных архивов, а также на воспоминаниях современников и участников описываемых событий.

Глубокий смысл и предназначение книги заключены в самом ее названии. Память – это то, что не позволяет нам по-

вторять ошибки, сделанные в прошлом, а для того чтобы память сохранялась, необходимы достоверные знания, пускай не самые приятные, а порой и откровенно страшные, что в полной мере подтверждают события и человеческие судьбы, описанные авторами этой монографии.

На памятнике «Стена скорби» на проспекте Сахарова в Москве высечены четыре слова: «Помнить», «Знать», «Осудить» и «Простить». Каждое из них имеет особое значение. Они как бы являются ступенями, вехами того пути, по которому нам следует двигаться, обращаясь к страницам истории, связанным с периодом Большого террора и массовых репрессий. События и факты, изложенные в этой книге, являются уверенной основой знаний, которые должны навсегда остаться в нашей памяти и подвергнуть самому решительному осуждению тот произвол и беззаконие, которые имели место в определенные периоды нашей недавней истории. Сможем ли мы это простить – каждый решает индивидуально, и в любом случае для этого понадобится время.

*Уполномоченный
по правам человека в Свердловской области,
член Межведомственной рабочей группы
по координации деятельности, направленной
на реализацию Концепции государственной
политики по увековечению памяти жертв
политических репрессий
Т. Г. Мерзлякова*

ВВЕДЕНИЕ

Проект издания Книги памяти «Екатеринбург репрессированный» был задуман в 2019 г. и реализован в течение трех лет. Перед авторским коллективом стояла непростая задача – аккумулировать исследовательские работы известных уральских историков – специалистов по истории политических репрессий в Екатеринбурге-Свердловске. Вторая, не менее важная задача – собрать документальный материал по персоналиям репрессированных и дополнить научно-исследовательские работы статьями и очерками о судьбах жертв политических репрессий. Задуманная нами книга является по своему жанру не столько научной монографией, сколько именно Книгой памяти, в которой исследование общих проблем политических репрессий органично сочетается с материалом о судьбах конкретных людей, основанным на источниках личного происхождения: архивных документах, интервью, воспоминаниях.

Выбор названия книги напрямую связан с судьбой нашего города в советский период. В 1924 г. Екатеринбург был переименован в Свердловск и носил это название до 1991 г. Как известно, Я. М. Свердлов, председатель ВЦИК и член Оргбюро ЦК РКП (б), глава СНК после покушения на Ленина, был одним из организаторов разгона Учредительного собрания, расказачивания и красного террора. Рядом современных историков он рассматривается как один из руководителей большевистского правительства, давших санкцию на осуществление расстрела царской семьи. Наименование города фамилией одного из адептов государственного террора стало, таким образом, символическим репрессивным актом. Поэтому не случайно в конце XX века произошло возвращение к родовому названию столицы Урала.

Первоначально содержание книги было призвано отразить все этапы и практики политических репрессий, начиная с по-

слереволюционного террора и заканчивая борьбой с инакомыслием конца 1940-х – середины 1980-х гг. Однако в полной мере реализовать такой план не удалось по причине слабой разработанности отдельных историографических сюжетов, а также отсутствия комплексных работ по рассматриваемой теме на материалах Екатеринбурга-Свердловска. Наиболее трудными местами в уральской историографии истории репрессий являются периоды Гражданской войны, практической реализации Большого террора в Свердловске и особенно репрессий в годы Второй мировой войны и послевоенный период.

Логика построения содержания книги базируется на сложившемся к настоящему времени подходе к оценке значения политических репрессий как одного из главных инструментов политики коммунистической партии. Установка на террор и насилие была провозглашена Лениным, принята на вооружение партией большевиков, последовательно реализована в годы Гражданской войны 1917–1922 гг., «Второй гражданской войны» (как войны с крестьянством), объявленной Сталиным в 1929 г., Большого террора 1937–1938 гг.

Курс большевиков на превращение войны империалистической в войну гражданскую расколол все население России на враждебные социально-политические группы и открыл дверь в преисподнюю беззакония и массового взаимоистребления.

Утопическую модель так называемого социал-коммунистического государства можно было реализовать только путем принуждения. Поэтому политические репрессии использовались на всем протяжении существования СССР. По этой причине мы начинаем наше повествование с 1917 г. и заканчиваем 1980-ми, т. е. захватываем весь временной период существования власти коммунистической партии.

Наряду с обычным кратким введением к монографии мы решили написать обзор историографических проблем изучения истории политических репрессий в СССР в целом и Уральском регионе (Глава 1). Это дает возможность читателю понять, на каком этапе погружения в тему мы находимся

сегодня, какие проблемы требуют профессионального внимания историков.

Содержание второй главы представлено материалом по одной из наименее разработанных проблем истории политических репрессий – красному террору времен Гражданской войны (работы С. И. Константинова).

Третья глава (автор А. П. Килин) посвящена такому широкому явлению социальной дискриминации, как практика лишения избирательных прав на основе классового принципа. В этой главе мы лишь частично приблизились к репрессивной реальности 1920-х. Так называемый нэповский период (1921–1928) часто представляется непросвещенному читателю как наиболее «вегетарианский» в истории социалистического государства. Однако именно в это время произошла кодификация советского права на базе концепции революционной законности, принят Уголовный кодекс 1926 г., нацеленный на закрепление террора. Одновременно проводится жесткая антицерковная политика, происходит расправа с оппозиционными политическими партиями (эсеров, меньшевиков, кадетов, монархистов и т.п.). Органами ВЧК-ОГПУ с 1921 по 1929 г., согласно официальным данным^[1], было арестовано более одного миллиона человек, многие тысячи из них расстреляны. Состоялись сотни судебных процессов над духовенством, общее количество репрессированных священнослужителей составило около 10 000 чел., пятая часть из них расстреляна. В конце 1927 – начале 1928 г. за принадлежность к левой оппозиции исключили и сослали в ссылку более 3000 чел., в том числе Л. Д. Троцкого. В 1928 г. грянул показательный Шахтинский процесс, связанный с обвинением в шпионской деятельности и вредительстве «буржуазных специалистов».

Благодаря исследованиям А. В. Печерина (Глава 4) мы получили возможность проследить особенности репрессивной политики применительно к социальной группе священнослужителей в широких временных рамках (1917–1941). Автор делает трагический по своей сути вывод: «Большой террор привел к практи-

ческому исчезновению городского духовенства как социальной группы [...], в 1941 г. в Свердловске не осталось ни одного служащего клирика Православной церкви [...]

Авторы исследовательских статей пятой главы (В. М. Кириллов, С. И. Быкова, Т. С. Кириллова) посвятили свое внимание периоду массовых репрессий, открывшемуся кризисом нэпа в 1928 г. и завершившемуся последней фазой Большого террора в 1939 г.

В. М. Кириллов в качестве основных источников своей работы использовал подшивки газет «Уральский рабочий» (Свердловск) и «Рабочий» (Нижний Тагил) за период с 1928 по 1939 гг. Применение метода контент-анализа позволило проследить динамику репрессивной политики в Свердловске, Уральской и Свердловской областях, выявить ее взлеты и падения, особенности властной мотивации. Автором разработан комплексный классификатор «Политические репрессии по материалам газеты „Уральский рабочий“», в котором сочетаются символичный и структурный виды контент-анализа. Сделан доказательный вывод о том, что пиковыми значениями применения репрессий отличаются периоды 1928–1931 и 1937 гг.

Принципиальное значение имеет статья С. И. Быковой, посвященная представлениям о причинах и масштабах репрессий советских людей – современников событий 1930-х гг. Начиная с полупризнаний Хрущева вместе с синклитом из Президиума Политбюро КПСС на XX съезде об их незнании о масштабах репрессий и заканчивая фейками сегодняшнего дня о самоуправстве главы НКВД «немецкого агента Ежова» в обход воли вождя, мы слышим повторяющийся рефрен: «Народ верил в вождя, поддерживал его, ... репрессировано всего 2% населения СССР, и этого никто не заметил в обстановке великих побед пятилеток...».

Светлана Ивановна делает вывод: « [...] жители Свердловска, других городов и заводских поселков Урала имели разнообразную информацию для оценки масштабов и понимания причин массовых репрессий в 1930-е гг. Интерпретация сведений

из официальных источников корректировалась их личными впечатлениями, отражаясь на страницах дневников и в частной переписке, в слухах и доверительных разговорах, в «письмах во власть» и устном народном творчестве. Осознавая целенаправленный характер террора, личную заинтересованность И. Сталина, других политических лидеров, уральцы называли среди главных причин массовых репрессий как произвол местных органов НКВД, так и соучастие некоторых из современников».

В статье С. И. Быковой об особенностях темпоральных и политических представлений жителей Уральского региона в 1930-е гг. анализируется «миф о «темном прошлом» и «светлом будущем» как важнейший фактор мобилизации советского народа, как главный аргумент в оправдании возникших трудностей и неизбежности применения радикальных мер в политической практике». Автор приходит к заключению: « [...] в условиях экстраординарных перемен и ускоренного ритма жизни из нравственной системы координат оказались вытесненными многие ценности. Именно по этой причине человек соглашался с мнением власти, не доверяя иногда даже самым близким, а оказавшись в застенках НКВД, мог решиться на сговор со следователем, на самооговор (по сути, на отказ от себя, своего честного имени) «в интересах государства»».

Весьма интересный аспект изучаемой проблемы нашел отражение в работе Т. С. Кирилловой, которая проанализировала способы речевого воздействия на сознание читателей газеты «Уральский рабочий» средствами политической пропаганды. Заключительный вывод автора гласит: «в процессе анализа газетных материалов, опубликованных в газете „Уральский рабочий“ в 1928 и 1937 гг. становится совершенно очевидным стремление журналистов всеми имеющимися в русском языке средствами воздействовать на сознание читателей, манипулировать им, не брезгуя ни грубо просторечной лексикой, которая всегда находилась за пределами литературного языка, ни откровенно негативными оценочными высказываниями, унижающими чело-

веческое достоинство, чтобы выполнить заказ партии большевиков на оболванивание собственного народа».

В 1998 г. вышла в свет монография А. И. Прищепы «Инакомыслие на Урале», а в 1999 году на эту тему им была защищена в институте истории УРО РАН докторская диссертация. Однако текст монографии, как говорится, не стал «достоянием широкой общественности». По договоренности с Александром Ивановичем, мы решили познакомить читателей с основным ее содержанием, скорректированным автором.

Работы по истории инакомыслия на Урале можно пересчитать буквально «по пальцам». По этой причине материал главы шестой является уникальным. В одном из выводов автор утверждает: «Наиболее заметные сдвиги произошли благодаря правозащитникам в духовной жизни общества. Началось восстановление прерванной в 30-е гг. духовной преемственности российской культуры [...]. Благодаря правозащитникам началось возрождение родовых черт российской интеллигенции с ее вечными вопросами, решенными, казалось, навсегда. В ходе борьбы с навязыванием односторонних идеологических установок и штампов происходил возврат к тем общечеловеческим ценностям, которые отстаивались не одним поколением людей и которые были органически чужеродны статичной авторитарно-бюрократической системе: демократизм, гуманизм, гражданские свободы, идея социальной справедливости, понимаемая как равенство всех граждан в правах и возможностях, правовое государство».

Наиболее сложной для сбора материала первоисточников стала глава седьмая – «Технология террора и исполнители» (авторы: В. М. Кириллов, А. Г. Мосин, С. И. Константинов, М. И. Вебер, С. Н. Погорелов). Она открывается статьей В. М. Кириллова, в которой анализируется концепция революционной законности как правовая основа политических репрессий. Автор констатирует: «К концу 1930-х гг. окончательно оформилась система правового бесправия, опиравшаяся на положения различных законных и подзаконных актов,

в своей совокупности сформировавших нигде официально не утвержденную в цельном виде концепцию революционной законности. В нее, исходя из правоприменительной практики большевиков, можно включить следующие положения: враги революции и народа, определяемые на основе классового подхода, как главный преступный элемент государства диктатуры пролетариата; уголовная ответственность за политические и идеологические убеждения; политический преступник – социально-опасный элемент; уголовный преступник – социально-близкий элемент; террор и концлагеря как средства наказания и изоляции; наказание по велению революционной совести; презумпция виновности обвиняемого до суда и признание обвиняемого как основа обвинения; наказание за недонесение и за покушение на деяние, как самого деяния; обратная сила принимаемых законов; использование чрезвычайных, внесудебных органов».

Во втором разделе главы (автор А. Г. Мосин) анализируется технология фальсификации контрреволюционных дел в годы Большого террора на примере «дела 52-х», искусственно созданного руками сотрудников Первоуральского городского отдела НКВД в 1937 г.

Следующие разделы главы посвящены исполнителям террора времен Гражданской войны: советским и партийным руководителям Урала, представителю белого движения подпоручику М. К. Ермохину, председателю Уральского областного суда Н. В. Жирякову и кадрам Екатеринбургской ГубЧК.

В заключительном разделе главы (автор – военный поисковик, историк-археолог С. Н. Погорелов) представлен уникальный материал, связанный с известным всем свердловчанам расстрельным полигоном НКВД на 12-м километре Московского тракта. Автор в 2020 г. по договору с Музеем истории Екатеринбурга провел профессиональное обследование этого места и выявил две зоны массовых казней и захоронений, установил значительные разрушения, вызванные непродуманным строительством биатлонного комплекса «Динамо» и варварскими «ан-

тропологическими» бурениями 1990-х и настоящего времени. Фактически этим исследованием сформирована доказательная база для обоснования нового обследования территории места захоронения и установления подлинных границ расстрельного полигона, реконструкции ныне существующего мемориального комплекса.

В главе 8 (автор В. М. Кириллов) анализируется современное состояние изучения масштабов государственного террора в СССР и процесса реабилитации репрессированных. Автор констатирует, что только в рамках законов 1990-х гг. реабилитации подлежат от 12 до 13 млн чел. За период с 1954 по начало 2009 г. в СССР, затем России реабилитировано 5 387 517 чел.

Во второй части книги, в статьях и публицистических очерках нескольких авторов, повествуется о трагической судьбе более 100 чел., ставших жертвами беззакония. В статьях С. И. Константинова и Е. Г. Парфеновой описана история заключенных Екатеринбургского арестного дома (тюрьмы №2) в годы Гражданской войны и Большого террора.

В журналистских очерках Р. А. Печуркиной описана судьба людей разного социального статуса и национальной принадлежности, репрессированных в 1930–1940-х гг. Среди них: родственники Софьи Андреевны Толстой-Берс, комкор РККА С. А. Пугачев, мужики из деревни Аверино Сысертского района, крестьянка Мария из села Афанасьевского Ачитского района, художник М. В. Дистергефт и его жена Элеонора Павловна, немец-антифашист и ученый-минералог П. Э. Рикерт, политэмигрант из Германии, узница сталинских лагерей Дора Ангрес-Рикерт.

В очерке В. Ф. Олешко повествуется об истории дела 30 школьных учителей во главе с заведующим Свердловским облОНО И. А. Перелем, которые были подвергнуты жестокому наказанию по сфальсифицированному делу о «поджигателях» (пять из них замучены на следствии, двадцать четыре умерли в лагерях, один выжил и был реабилитирован, а сам И. А. Перель – расстрелян).

Н. М. Паэгле посвятила свои статьи судьбе главного режиссера Свердловского театра драмы Ефима Брилля и известного уральского художника Л. П. Вейберта.

В 2020 г. была проведена работа по изучению судеб репрессированных студентов, преподавателей, ученых и простых служащих Уральского федерального университета, пострадавших в ходе политических репрессий. На основе данных, указанных в «Книге памяти жертв политических репрессий Свердловской области», были установлены имена более 185 пострадавших. Сотрудник Музея истории Екатеринбурга Е. Ю. Миронова-Шушарина на основе архивно-следственных дел УГААО СО, семейных архивов и интервью подготовила девять материалов о репрессированных сотрудниках университета. В их числе ректор Свердловского университета Э. Ф. Торбакова, доцент энергетического факультета Л. Н. Брук-Левинсон, студент историко-филологического факультета С. А. Захаров, профессора Ю. М. Колосов, И. А. Соколов, И. В. Стецула и другие.

Создавая книгу памяти, мы старались придать ей научно-публицистический характер в стремлении охватить как можно более широкий круг читателей. В ее создании приняли участие 16 человек, среди которых известные ученые – исследователи истории политических репрессий на Урале, журналисты и сотрудники Музея истории Екатеринбурга.

В. М. Кириллов

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР И НА УРАЛЕ (1917–1980-Е ГГ.) (В. М. КИРИЛЛОВ)

История репрессий на Урале в советский период – проблема актуальная как в научном, так и в общественно-политическом отношении. В ходе революций 1917 г. и Гражданской войны Урал стал местом противоборства различных политических и социальных сил. Эта борьба сопровождалась жестокими акциями красного и белого террора. Здесь велись боевые действия с армией Колчака, а в Екатеринбург волею судеб попала семья последнего русского царя и здесь же была жестоко убита. В 1920-е десятки тысяч уральцев подверглись жесткой дискриминации в виде лишения избирательных прав. На рубеже 1920–1930-х гг. активизировалась политика колонизации северо-восточных районов Советского Союза. В результате Урал стал местом интенсивного промышленного строительства и военным арсеналом страны. Сюда было направлено более пятисот тысяч раскулаченных – спецпереселенцев СССР, а в конце 1930-х – 1940-е гг. созданы многочисленные лагерные системы, пропустившие через себя сотни тысяч заключенных, в том числе, репрессированных по политическим мотивам.

История репрессий первоначально изучалась преимущественно в масштабах всей страны, поэтому чрезвычайно важны региональные исследования по этой проблеме. Глобальные социально-экономические процессы оставляют свой след в историческом сознании людей лишь после их фиксации на локальном и индивидуальном уровне. Общая объективная картина

политических репрессий советского периода может быть представлена наиболее объемно только благодаря комплексу локально-региональных исследований.

Историография истории политических репрессий в СССР прошла ряд этапов в своем развитии. Первые отклики на деяния большевиков появились в ходе революции, Гражданской войны и через несколько лет после ее завершения.

Начальный этап развития историографии – **1920-е – начало 1930-х гг.** С анализом большевистской доктрины и практики выступили ученые-философы, историки, экономисты, социологи, общественные деятели, оказавшиеся в эмиграции: А. Н. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, С. П. Мельгунов, И. А. Покровский, П. Э. Струве, С. Л. Франк, С. А. Котляревский и другие^[2]. Наряду с западноевропейскими учеными, изучавшими фашистский режим в Италии (Г. Амендола, Л. Вассо, Ф. Турати, Г. Хеллер), они сделали вклад в формирование **концепции тоталитаризма**. Именно тогда в европейскую науку и вошло понятие «тоталитаризм».

Как известно, события в России раскололи массовое сознание во многих странах и, несмотря на ужасные последствия красного и белого террора, одни восхищались большевиками, других их ненавидели. В такой ситуации не могло быть нарисовано объективной картины причин, масштабов и последствий террора. Впрочем, большая часть социал-демократии, не говоря уже о сторонниках других политических движений, восприняла действия большевиков негативно. Противники коммунизма на Западе и русские эмигранты однозначно осудили красный террор и положили начало его исследованию, обобщая материал как в масштабах всей России, так и Урала в частности. Однако в работах этого направления оказалось больше пристрастности, чем объективности^[3].

В 1920-х – начале 1930-х гг. научное исследование террора и репрессий практически не велось. Это был период благодушной веры в усилия большевиков и определенного восхищения их достижениями. Лишь немногие историки, в основном пред-

ставители российской эмиграции, продолжили линию осуждения красного террора и без особого успеха проклинали узурпаторов власти в России^[4].

Следующий этап развития историографии по истории и практике репрессий в СССР совпадает с эпохой массового террора **1930-х – конца 1940-х гг.** С утверждением авторитарно-тоталитарных режимов в Италии, Германии, СССР, Испании расширяется круг гуманитариев, изучающих это новое явление. Продолжили свои исследования Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. Б. Струве. Особенно большое значение имел труд Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», который получил всемирную известность. Именно он стал первым российским автором теории тоталитаризма. Зарубежные обществоведы: Л. Мизес, Ф. Хайек, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Кон, С. Нойман; писатели: Д. Оруэлл, А. Кестлер и другие делают вывод об однотипности власти большевиков, фашистов, национал-социалистов^[5]. Исследователи доказали, что тоталитаризм отличается от традиционной автократии и является особенностью цивилизации XX века. Именно на этом этапе «заложены прочные основы теории и истории тоталитаризма»^[6].

С середины 1930-х формируется **оппозиционная точка зрения в ВКП (б)** (Л. Троцкого, Н. Бухарина, Ф. Раскольников), согласно которой репрессии второй половины 30-х гг. объяснялись личной nepopядочностью, коварством Сталина и его попытками расправиться с верными ленинцами. При этом совершенно не подвергалась сомнению необходимость террора в ходе революции, Гражданской войны, практика лишения гражданства и избирательных прав в 1920-е гг.

В западной историографии избавление от иллюзий началось только в конце 1930-х гг. в среде эмигрантов, в том числе – нелегальных^[7]. Как отмечал Ж. Росси, «вопреки множеству уличающих показаний, мировое общественное мнение долго не хотело заметить советскую концентрационную действительность. После чистки 1937 г. не видеть ее мог лишь тот, кто не хотел»^[8].

В ноябре 1947 г. Американская федерация труда публично обвинила СССР в использовании принудительного труда. Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП) с 1949 г. начала расследование этого факта. Позднее к ней подключилась ООН. В результате МКСП, базируясь на мемуарах узников советских лагерей и ряде эмигрантских исследований на эту тему, опубликовала в 1954 г. брошюру «Сталинские лагеря для поработанных». В данной работе анализировались декреты СНК от 24 сентября и 9 октября 1930 г. и указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 августа 1940 г., ряд других законодательных актов по регулированию трудовых отношений, свидетельствующих о репрессивном характере законодательства. Была сделана попытка оценить численность заключенных в СССР и описать условия жизни в ИТЛ. Факты, изложенные в данной книге, оказались весьма близкими к действительности, и она попала в научно-методический кабинет научно-исследовательского отдела Главного Управления ИТК МВД СССР^[9].

Третий этап историографии датируется **началом 1950-х — серединой 1980-х гг.** За рубежом растет поток литературы о репрессиях, постепенно расширяется проблематика исследований, начинаются первые научные дискуссии^[10]. Изучаются такие проблемы, как труд и производительность в советских концлагерях, основы пенитенциарной политики, методы управления государством, советский суд и карательная политика. На основе десятков свидетельств бежавших узников сделана первая попытка картографирования ИТЛ СССР^[11]. Появились первые оценки численности заключенных в СССР, описаны условия жизни в ИТЛ. В рамках концепции тоталитаризма пишут свои работы зарубежные ученые: Х. Арндт, Р. Арон, З. Бжезинский, М. Джилас, Р. Конквест, К. Фридрих, представители второй и третьей волны российской эмиграции: А. Авторханов, М. Восленский, А. Некрич, Б. Яковлев и др.^[12]. На третьем этапе **окончательно оформилась теория тоталитаризма** и с помощью ее методологического аппарата проведен сравнительный анализ диктатур

в Италии, Германии, СССР, Испании, Португалии. Первым ученым, поднявшим тему Большого террора в историографии стал Р. Конквест^[13].

Смерть «вождя всех народов» активизировала самиздатскую литературу в СССР и западную историографию. Одним из наиболее результативных стало исследование Б. Яковлева, в котором были описаны карательные органы СССР, представлены этапы возникновения и развития лагерей с 1918 по 1954 гг., проанализирована структура управления ИТЛ, составлен алфавитный список концлагерей, создана их карта, дано описание отдельных лагерей. В третьем разделе книги подробно анализировалось репрессивное законодательство. Понятно, что источниками для автора стали, прежде всего, устные свидетельства, но, тем не менее, именно отсюда можно было почерпнуть **первые сведения о лагерях Урала**.

Следует отметить, что заметный негативный отпечаток на работы этого периода наложила **советология** как политически ангажированная дисциплина периода холодной войны. Начиная с 1970-х гг. в рамках советологии, наряду со сторонниками концепции тоталитаризма, появилось так называемое **ревизионистское направление**.

Уже в 1960-е тоталитарная модель была поставлена под сомнение историками-ревизионистами (Л. Хаимсон, М. Левин, Ш. Фицпатрик): «они оспорили роль партии в качестведемиурга, выступив за историю „снизу“, т. е. историю индивидов, социальных групп и противоречий между ними. Основываясь на малом количестве доступных источников, применяя **методологию социальной истории**, они попытались понять социальные основы советского режима и прогнозировать изменения, которым он мог подвергнуться». Ревизионисты хотели «деидеологизировать» историю СССР, прекратив переоценивать значение сферы политической власти и обратившись в большей мере к изучению ее социально-экономических институтов. Тоталитаристы и ревизионисты поспорили вничью, «запутавшись в собственной системе доказательств»^[14].

Однако отечественная историография осталась в стороне от этих исследований и новаций. Переломное значение для нее сыграл доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Первым российским историком, который осветил проблему массовых репрессий, стал Р. А. Медведев^[15]. Его работа базировалась на оценках XX и XXII съездов КПСС. Он настаивал на существовании в Политбюро либеральной антисталинской фракции, не выявил причин перехода к террору, не рассматривал массовые операции.

Официальная советская историография, сообразуясь с партийными установками, связала репрессии с борьбой против оппортунистов, в ходе которой пострадали и невинные. Хотя специальных работ по теме репрессий в нашем отечестве не вышло, эта версия имела хождение в авторских коллективах М. П. Кима, Н. Н. Маслова, Б. Н. Пономарева, Ю. А. Полякова, Н. Н. Федосеева и др.

Принципиально важным для отечественной историографии было появление нового подхода к теме, выражением которого стала логика построения публицистического исследования — «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына^[16]. Здесь осуждена государственная политика советской власти начиная с 1917 г., обличен во лжи и насилии как Ленин, так и его последователи.

Однако массовое советское сознание 1950-х — конца 1980-х гг. в лучшем случае осуждало «перегибы» времен культа личности Сталина, чему способствовал поворот к официальному неосталинизму на рубеже 1960–1970-х.

Реставрация идеологии сталинизма на рубеже 60–70-х гг. незамедлительно отозвалась в исторической науке. Произошло возвращение к политике умолчания о репрессиях и потерях. Утвердилась на долгие годы партийная формула, обязательная для советских историков: «Нарушение ленинских норм партийной и государственной жизни нанесло вред делу строительства социализма, но не могло изменить природу социалистического общества [...]»^[17].

В уральской исторической литературе в этот период появились биографические очерки деятелей большевистской партии, пострадавших от сталинщины: участников Революции 1917 г. И. А. Наговицына, М. Н. Уфимцева; Гражданской войны – В. К. Блюхера; руководителя Уральского и Свердловского обкома партии И. Д. Кабакова и др.^[18]

В монографии А. В. Бакунина упоминалось о массовых репрессиях 1936–1937 гг. на Урале, перечислялись многие имена репрессированных. А. В. Бакунин оценил удельный вес «бывших эксплуататорских элементов» в составе рабочего класса Свердловской области на середину 1930-х гг. в 17%. В эту цифру им были внесены и заключенные лагерей, тюрем, колоний^[19].

О включении в состав трудящихся Урала «нетрудовых элементов» (спецпереселенцев, иностранных специалистов) говорилось в работах Н. М. Щербаковой^[20]. Непременным атрибутом историографии той поры было выборочное оправдание лидеров партийно-хозяйственной номенклатуры и неременное осуждение «раскулаченных» и «буржуазных спецов».

В работах ряда авторов той поры упоминались многие деятели партии, репрессированные в 1930-е гг., но без каких-либо подробностей их жизненного пути.

Четвертый период в развитии историографии – **вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.** Общественно-политическая ситуация данного времени в СССР определялась правящей коммунистической партией и была порождена инициативой с ее стороны (перестройка, гласность, отмена ст. 6 Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС).

Во второй половине 1980-х гг. в работах И. В. Бестужева-Ладды, Ю. С. Борисова, Г. Бордюгова, В. Козлова, А. П. Бутенко оформилась концепция, сходная с оппозиционной точкой зрения 1930-х. Репрессии сталинизма были в основном описаны, и установлена прямая связь между раскулачиванием, «спецеедством» и политическими процессами 1930-х гг.

Следующий шаг был сделан в результате дискуссии, возникшей вокруг двух основных точек зрения. Согласно одной из них,

репрессии – это отступление от ленинизма, деформация социализма под воздействием И. Сталина (А. П. Бутенко, Д. Волкогоннов, Р. Медведев, В. Роговин и др.). Фактически эта группа исследователей повторила теоретические установки Л. Троцкого о причинах событий 1930-х гг. Другой взгляд заключался в том, что репрессии – итог построения социализма в соответствии с доктриной марксизма-ленинизма (А. С. Ципко, И. Л. Бунич и др.). Массовое историческое сознание под воздействием разоблачений эпохи гласности склонилось к осуждению опыта построения социализма. Однако такая оценка была в то время политизирована и слабо связана с базой конкретных исторических фактов.

В зарубежной историографии 1980-х историки-ревизионисты второго поколения (Ш. Фицпатрик, Дж. Гетти, Х. Куромия, Р. Терстон, Р. Мэннинг), провозгласив главным объектом своего внимания социальную историю, продолжали аргументировать свой тезис о событиях 1930-х гг. как «революции снизу».

Отечественная историография по истории репрессий сделала лишь первые шаги и была нацелена на выявление и публикацию источникового материала. Освоение темы началось после январского Пленума ЦК КПСС 1989 г., который позволил обнародовать материалы засекреченных архивов. Первые публикации источников появляются в журнале «Известия ЦК КПСС» и затрагивают, в основном, «громкие» процессы 1930-х гг. Так, в одном из официальных сборников обобщены материалы по 11 процессам^[21]. Благодаря работам В. Н. Земскова и Н. Ф. Бугая становятся широко известными факты о деятельности ГУЛАГа, численности его контингентов, спецсылке, раскулачивании и депортации народов СССР^[22].

Прокатившаяся после объявленной в 1987 г. политики перестройки волна публицистики на тему репрессий, последовавшие за ней многочисленные научные публикации постепенно подвели нас к качественно иному уровню понимания темы репрессий. Изучение большинства вопросов данной темы стало глубже и объективней. Это касается проблем коллективизации-раскула-

чивания; депортации народов; террора середины 1930-х; отчасти репрессий в 1920-е и в годы Великой Отечественной войны. У некоторых исследователей даже сложилось мнение, что «тема репрессий из самостоятельной превращается во вспомогательный частный сюжет проблемы советского тоталитаризма»^[23].

Наиболее радикальные изменения внесли в развитие историографии события 1991 г. – распад СССР, образование РФ, выход в свет указов «О реабилитации жертв политических репрессий», «О реабилитации репрессированных народов». В 1991 г. Правительство РСФСР своим постановлением отменило цензуру. В соответствии с Указом Президента РФ (23.06.1992) с материалов, связанных с политическими репрессиями, сняты ограничительные грифы. В 1991–1992 гг. спецхран ГУЛАГа стал доступным для более широкого круга исследователей. В 1992–1993 гг. начинается «архивная революция», теперь в секретные архивы попадают рядовые исследователи, рассекречиваются архивы ФСБ и МВД. Одновременно с потоком разоблачительных публицистических работ появляются первые серьезные научные исследования. Отечественным гуманитариям стали доступны достижения мировой исторической науки, многие книги зарубежных авторов переведены на русский язык, установлены контакты между учеными и исследовательскими центрами.

Выходит серия «прорывных» публикаций источников^[24]. Значительный интерес для изучения проблемы Большого террора представляют публикации документов высших органов партийной и государственной власти^[25]. В 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС» опубликована статья, где упомянута директива НКВД от 30.07.1937, а в 1992 г. в газете «Труд» впервые обнародован приказ №00447 о массовой «антикулацкой» операции. С тех пор опубликовано немало документов, позволивших изучить механизм Большого террора.

К обозначенному времени в отечественной историографии и правовой практике достаточно четко наметился круг основных проблем темы «Репрессивная политика и ее жертвы в СССР»:

причины и сущность революционного переворота 1917 г.; формирование и специфика правовой системы советского государства; красный и белый террор периода Гражданской войны; практика лишения избирательных прав; раскулачивание и спецссылка; Большой террор; лагерная система 1930-х – начала 1950-х гг.; масштабы репрессий и количество репрессированных; интерпретация понятий «репрессии», «репрессивная система и репрессивные органы», «виды репрессий и категории репрессированных», «система и структура мест отбытия наказания», «кассационный пересмотр дела, прекращение дела, амнистия, реабилитация», «юридические основания репрессий и реабилитации», типы источников и виды архивных документов по истории репрессий и другие.

В своих работах В. Н. Земсков проанализировал материалы о «кулацкой ссылке» с 1930 г. по конец 1950-х гг., показал географию спецпоселений (в **том числе и на Урале**); описал историю ГУЛАГа, впервые привел официальные данные о численности заключенных различных категорий, осветил тему репатриации советских граждан и рождения «второй эмиграции». Н. Ф. Бугай занимался изучением истории депортаций народов СССР.

В рассматриваемый нами период зародилась историография проблем политических репрессий против российских немцев: в печати появились воспоминания трудармейцев, состоялись первые научные конференции^[26].

Применительно к проблеме Большого террора принципиальное значение имели публикации О. В. Хлевнюка, который одним из первых стал работать с архивом Сталина^[27]. Он выработал новую концепцию массовых репрессий, доказав «что репрессии были результатом спланированной Политбюро ЦК ВКП (б) акции по ликвидации потенциальной «пятой колонны» в преддверии возможной войны; «генеральной чистки» советского общества от «бывших»; возвратившихся из ссылки кулаков; борьбы против религии как конкурирующей идеологии; ликвидации преступности^[28].

В целом ряде работ российских историков раскрывается механизм массовых репрессий в различных регионах СССР^[29].

Важное место в документальных публикациях на тему репрессий занял процесс раскулачивания. Одними из первых здесь стали работы авторских коллективов из Новосибирска, Петрозаводска и другие^[30]. В них представлен значительный массив директивного материала органов спецссылки и раскулачивания как центрального, так и регионального уровня. Документы позволяют оценить идеологические и хозяйственные мотивы этих процессов, проследить за конкретным воплощением их в жизнь, проанализировать важнейшие проблемы функционирования спецссылки: условия жизни и труда спецпереселенцев, их хозяйственное использование.

Многие уникальные материалы, как по раскулачиванию, так и по другим видам репрессий, представлены в выпусках «Неизвестная Россия XX в.», «Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах», в хрестоматии «История России. 1917–1940»^[31].

Ценный статистический материал, без которого невозможно оценить численность жертв репрессий, содержится в публикациях специалистов-демографов. Они позволяют наиболее близко к истине оценить результаты Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 гг., понять причины официального аннулирования результатов второй из них, вычленив из общей массы населения 1930-х заключенных и спецпереселенцев^[32].

В уральской исторической литературе рубежа 1980–1990-х гг. происходит быстрое продвижение вперед в изучении проблемы репрессий. Под прямым воздействием деятельности общественных объединений «Коммунар» и «Мемориал» историки публикуют материалы как о репрессированных большевиках-ленинцах, так и о троцкистах: Н. Н. Крестинском, С. В. Мрачковском, Л. С. Сосновском и др. В работах Н. Н. Попова дается оценка урона, понесенного свердловской партийной организацией в середине 1930-х гг.^[33]

В 1989 г. в Свердловске прошла научная конференция по теме «Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале», где были подняты и методологические проблемы изучения репрессий. Важным результатом работы свердловских историков стала книга о репрессиях 1937 г.^[34]

В 1992 г. в ходе конференции «Политические партии и течения на Урале: история сотрудничества и борьбы» (Свердловск) был поднят вопрос о методах борьбы большевиков со своими политическими противниками. Затем состоялась конференция, посвященная судьбам репрессированной научно-технической интеллигенции Урала, и на ее основе опубликован сборник материалов^[35].

Изучается история репрессий в автономных республиках Урала. Особую активность проявляют исследователи Республики Коми. В ноябре 1993 г. здесь прошла научная конференция, организованная Сыктывкарским государственным университетом и обществом «Мемориал», под названием «История репрессивной политики на европейском севере России (1930–1950-е гг.)»^[36].

Событием стала и конференция «Тоталитаризм и личность», проведенная в июле 1994 г. Пермским НИЦ «Урал-ГУЛАГ», где присутствовали и выступали бывшие историки партии, независимые исследователи, участники диссидентского движения. Материалы конференции отразили широкий спектр мнений в подходе к основным вопросам темы репрессий^[37].

В пределах бывшего СССР к середине 1990-х гг. сложился ряд научно-исследовательских центров по изучению истории репрессий. В Москве на базе НИЦ Московского и Международного Мемориала ведется разработка целого ряда исследовательских проектов: «История диссидентства», «Остарбайтеры», «Поляки, репрессированные в СССР», «История ИТЛ СССР (1929–1961 гг.)»; вышел целый ряд интересных публикаций^[38].

Активно занимаются изучением темы репрессий в Санкт-Петербурге, Харькове, Донецке, Перми, Екатеринбурге, ряде горо-

дов Сибири (Тобольск, Новосибирск, Омск, Томск, Кемерово)^[39], Магадане^[40], Петрозаводске^[41], Воркуте, Сыктывкаре, Рязани^[42], Калуге, Элисте, Владивостоке, Казани, Алма-Ате, Воронеже, Краснодаре, Ярославле, Кургане, Нижнем Тагиле, Челябинске^[43] и др.

Глубокая разработка темы репрессий ведется не только в центре, но и в региональных масштабах. Подтверждением вышесказанному является ситуация в Екатеринбурге, где роль объединяющего начала в изучении проблемы играл Уральский государственный университет. Здесь была утверждена исследовательская программа «Региональный банк данных: Урал в XX веке», началось формирование баз данных: концлагеря Урала в 1920-е – начале 1930-х гг.; судьба церкви и священнослужителей в 1920-е гг.; контрреволюционные выступления населения Урала в 1918 – начале 1930-х гг.; кулацкая ссылка на Урале в 1930-е гг.; принципы формирования образа врага народа в 1920–1930-х гг.; социально-экономические и психологические последствия репрессивной политики и др.^[44]

Первые результаты исследований отражены в многочисленных публикациях, сборниках ряда региональных конференций^[45].

Самыми существенными из опубликованных явились работы по кулацкой ссылке на Урале^[46]. Первая из них представляет сборник важнейших документов по раскулачиванию и спецссылке, расположенных в хронологическом порядке с 1 февраля 1930 г. по 25 ноября 1936 г. Вторая входит в серию «Десять новых учебников по историческим дисциплинам». В ней Т. И. Славко раскрывает прямую связь между лишением избирательных прав и раскулачиванием, прослеживает историю репрессивной политики в отношении крестьянства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., показывает условия жизни в спецссылке и трудовое использование спецпереселенцев. Уточняя сведения о количестве спецпереселенцев, Т. И. Славко приходит к выводу, что на промышленных предприятиях Урала они составляли от 40 до 80%, а в лесной промышленности от 50 до 90% кадрового потенциала^[47].

Разворачивается исследовательская и публикационная деятельность на базе архивов Свердловской области. Сотрудниками архивов издан ряд документальных публикаций и справок-обзоров^[48]. С 1995 г. начинает выходить периодический журнал «Архивы Урала» с постоянной рубрикой «Из тайников секретных служб», где печатаются материалы архивно-следственных дел и подборки документов по раскулачиванию^[49].

Говоря об изучении репрессий в масштабах Урала, нельзя обойти вниманием работы А. А. Базарова и И. Е. Плотникова^[50]. Научно-публицистическое исследование первого из них стало одним из первых в описании истории раскулачивания на Урале с точки зрения новых подходов к советской истории. Автор проанализировал широкий круг документов из архивов Свердловской, Челябинской, Пермской и Курганской областей и достаточно интересно подал «сухой» материал источников. В его труде раскрыта политика налогового ограбления крестьян, эксплуатации его с помощью государственных займов и, наконец, уголовного преследования до и после раскулачивания. Определенные недостатки исследования (отсутствие сведений из центральных архивов, некоторая вольность в обращении с цифрами и т. п.) восполняются четкой и страстной позицией автора по отношению к Агроулагу.

И. Е. Плотников, в отличие от А. А. Базарова, использует данные центральных архивов: ГАРФ, РГАЭ, РЦХИДНИ (правда, без фонда ГУЛАГа и Отдела спецпоселений МВД СССР), проверяя обобщенные данные с мест. В его работах весьма убедительно обоснованы этапы коллективизации и раскулачивания, произведен подсчет численности спецпереселенцев по годам, описаны условия жизни и труда, хозяйственное использование спецссылки, показано сопротивление коллективизации.

За короткий период времени российская историография сделала огромный шаг вперед. Целый ряд публикаций позволил не только сравняться с зарубежной гуманитаристикой, но и опередить ее по ряду направлений. Вполне очевидно, что глубокое исследование темы репрессий отечественными исто-

риками еще только начиналось и перед ними стоял целый ряд проблем. Значительным было отставание в области методологии: вслед за зарубежными историками стало модным использование тоталитарной модели при объяснении истории СССР. Между тем за рубежом данный подход стал лишь одним из направлений в научных следованиях.

В 1991 г. начался второй период в развитии историографии политических репрессий против российских немцев. Немецкое национальное движение обрело организационную структуру и сформировало свои исследовательские центры. Произошло становление нового направления в отечественной историографии, связанное с изучением практики депортации, трудовой мобилизации, спецпоселения, истории и культуры российских немцев^[51].

Фундаментальное значение для анализа проблемы репрессий имела публикация собрания документов по истории сталинского ГУлага^[52]. Во введении к первому тому редакция констатировала, что массовые репрессии «были в большинстве своем тщательно спланированными и централизованными акциями, обсужденными на самом высоком уровне Сталиным и Ежовым»^[53].

Н. Верт предложил разделять репрессии против элиты и массовые операции, начавшиеся с августа 1937 г., поддержал концепцию О. В. Хлевнюка о борьбе с «пятой колонной» как главной причине Большого террора^[54].

Итогом российско-американского проекта по изучению ГУЛАГа явились коллективные труды, в центре внимания которых^[55] – принудительный труд, его производительность и эффективность, методы повышения производительности. Издание семитомного собрания документов по истории ГУЛАГа стало революционным прорывом в источниковедческом и теоретическом изучении проблемы принудительного труда^[56].

Вскоре вышло документальное издание, непосредственно посвященное механизму осуществления массовых операций Большого террора^[57]. Затем были подведены итоги международ-

ного исследовательского проекта^[58]. Одним из них стала монография под редакцией О. Л. Лейбовича^[59].

На новом этапе развития исследований появляется целый ряд историографических работ по проблеме Большого террора^[60].

Согласно оценке В. Н. Хаустова и Л. Самуэльсона «проблема конкретного участия Сталина в развертывании массовых репрессий, охвативших страну в 1937–1938 гг., до настоящего времени не получила достаточного освещения»^[61]. Но именно она является основной в общественных и научных дискуссиях, как личностный фактор, повлиявший на общую политику государства^[62].

О. В. Хлевнюк убежден, что террор всегда находился под контролем центра и лично Сталина^[63]. Анализируя причины террора, О. В. Хлевнюк по-прежнему считает наиболее убедительной версию о борьбе с «пятой колонной»^[64].

История репрессивной политики достаточно популярна в историографии, ее описанию посвящены сотни работ. Изучены институциональные основы, законодательно-нормативная база и лагерная юстиция, формирование карательной системы и ГУЛАГа, этапы развития репрессивной политики, проведены подсчеты количества жертв репрессий (расчет демографических потерь содержится в диссертации С. А. Кропачева)^[65].

Важное место в отечественной историографии репрессий 1930-х гг. занимают публикации о масштабах и количестве жертв террора. В начале 2000-х вышло несколько серьезных трудов по демографической истории России первой половины XX века^[66]. В них названы близкие к реальности масштабы массовых политических репрессий середины 1930-х. Сформировалось мнение о том, что «публикациями 2000–2005 гг. была поставлена точка в многолетней дискуссии о количестве репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы репрессий [...]. Сейчас принято считать, что в результате карательной политики Советского государства страна потеряла более 1 млн человек погибшими»

[67]. Однако, с нашей точки зрения, вопрос по сию пору остается дискуссионным.

Возвращаясь к периодизации историографического процесса, следует подчеркнуть, что есть основания и для выделения **нового этапа** историографии по теме политических репрессий: **с 2004–2006 гг. – по настоящее время**. На этом этапе государство фактически свернуло работу по реабилитации граждан, произошло ужесточение архивной политики, окончательно исчез из повестки дня план восстановления государственности российских немцев. В 2004 г. вступил в силу новый закон об архивном деле в Российской Федерации, а в 2006-м последовал совместный приказ Министерства культуры, МВД и ФСБ о порядке доступа к делам репрессированных. Эти акты наложили запрет исследователям на доступ к личным делам репрессированных на срок 75 лет^[68].

В 2009 г. началось «архангельское дело», возбужденное против создателей Книг памяти по российским немцам – профессора Поморского университета М. Н. Супруна и полковника МВД А. В. Дударева^[69]. В 2016 г. последовал несправедливый суд над правозащитником Ю. А. Дмитриевым, известным по поиску мест захоронений репрессированных в Карелии. Заметным стало усиление просталинских настроений в обществе и государственной политике. Таким образом, завершился период «архивной революции» и значительно осложнилась работа исследователей по проблеме политических репрессий. Эти обстоятельства, несомненно, напрямую негативно повлияли на работу профессиональных историков.

Последовательное продвижение общества от разоблачения преступлений сталинского режима, критики советской модели государственного устройства, выявления в качестве основ тоталитарного государства институтов политических репрессий и принудительного труда, восстановления памяти о жертвах репрессий, анализа карательной системы ГУЛАГа на уровне ИТЛ и спецпоселения, изучения отдельных категорий репрессированных к анализу спецконтингента в целом, его роли в мобили-

зационной модели экономики – таков путь, пройденный исторической наукой России за короткий период времени.

Постепенно в ходе развития отечественной и зарубежной историографии истории политических репрессий выявились основные узловые моменты репрессивной политики в СССР и определена специфика репрессий в отношении российских немцев. Применительно к этническому меньшинству В. М. Кирилловым были выделены следующие проблемы: репрессии времен Гражданской войны и «военного коммунизма»; восстание в Поволжье 1921 г.; борьба с эмигрантским влиянием в 1920-х и немецкой эмиграцией в 1928–1929 гг.; раскулачивание-спецпереселение конца 1920 – начала 1930-х гг.; антинемецкая кампания 1933–1935 гг.; Большой террор и «немецкая операция» 1937–1938 гг.; депортация 1940-х; трудовая мобилизация 1940-х; спецпоселение (1941–1955); реабилитация (1955–2000-е)^[70].

Библиография литературы о советском обществе и проблеме репрессий насчитывает тысячи наименований. Историографическое «освоение» этого массива началось уже в 1990-х гг. и продолжается по настоящее время^[71].

Акцентируя внимание на исследовательской практике уральских историков, попробуем обобщить достижения в изучении истории политических репрессий к настоящему времени. Следует отметить, что их интересы сосредоточены на узловых проблемах этой сложной темы. Традиционно серьезное внимание в уральской историографии советского времени уделялось влиянию революций 1917 г. и Гражданской войны на население Урала. В современных условиях акцент сменился на изучение многоаспектной истории различных политических партий на Урале, рассмотрение деятельности белого движения, антибольшевистского повстанческого движения, проявлений красного и белого террора, формирования новой пенитенциарной системы и правоприменения концепции революционной законности.

Наиболее продуктивными исследователями являются М. И. Вебер, А. С. Верещагин, С. И. Константинов, П. И. Косто-

грызов, Р. Р. Мардамшин, В. В. Московкин, С. С. Салазникова, И. В. Скипина, Н. А. Черухин, которые защитили диссертации по различным проблемам Гражданской войны^[72]. К ним примыкают другие ученые и краеведы: И. В. Нарский, Н. И. Дмитриев, В. В. Кашин, А. М. Кручинин. По теме Гражданской войны накоплена достаточно полная научная база историографической рефлексии^[73]. В то же время проблема репрессий (красного и белого террора) еще не стала предметом специального рассмотрения на уровне диссертационных исследований.

Следующий этап репрессивной политики большевиков связан с периодом нэпа. Усилия историков сосредоточены в основном вокруг дискриминационной практики лишения избирательных прав. В качестве наиболее глубоких работ следует назвать исследования А. П. Килина – автора единственной диссертации по лишенцам на Урале, Л. Н. Мазур, В. М. Кириллова^[74].

История Великого перелома на Урале представлена целым рядом проблем, связанных с репрессивной практикой: лишением избирательных прав, процессами против «спецов», чистками в партии в рамках борьбы с оппозицией, коллективизацией-раскулачиванием. Серьезных успехов удалось добиться в изучении истории коллективизации-раскулачивания-спецссылки. Защищен ряд диссертаций по этим проблемам^[75]. Значительный интерес вызывают исследования А. А. Базарова, Т. И. Славко, Н. Н. Плотникова^[76]. В рамках относительно нового, основанного на социальной истории (ревизионистского) подхода написаны диссертации И. Г. Серебряковой и И. В. Ильиных, С. И. Быковой.

Пока довольно скромны успехи в изучении проблемы Большого террора на Урале. Большею частью это работы пермских историков О. Лейбовича, А. А. Колдушко, которые связаны с международным проектом Рурского университета^[77]. Перспектива исследования этой проблемы связана и с инициативой Музея истории Екатеринбурга^[78].

Наиболее полно выглядит на данный момент историография становления и развития пенитенциарной системы, исправительно-трудовых лагерей (особенно в годы Великой Отечественной

войны). Историками и юристами защищено 16 диссертаций по этой теме, из них три докторских^[79]. Наиболее глубокие исследования по Уралу принадлежат А. С. Смыкалину, А. Б. Суслову, Г. А. Гончарову, И. В. Евсееву, Г. Я. Маламуду, Ю. Ю. Пажит, К. А. Пименову, С. Л. Разинкову, М. В. Рубинову, Г. А. Саранче, С. В. Токмяниной, С. А. Шевырину. В. М. Кириллов сосредоточил свое внимание на реконструкции истории и социального портрета узников Тагиллага, Богословлага, ИТЛ БМК-ЧМС, Севураллага, Востураллага.

Репрессивная политика в годы Второй мировой войны приобрела широкие масштабы. По количеству жертв (целенаправленно были депортированы и отправлены на спецпоселение целые народы) она даже превзошла довоенный период. История репрессивной практики этого времени довольно основательно отражена в работах по лагерям и спецконтингенту уральских лагерей и колоний. Особенно тщательно изучению подвергнута история репрессий против советских немцев, которые были депортированы, принудительно мобилизованы в трудовую армию и закреплены на спецпоселении до середины 1950-х гг. НКВД^[80].

Слабым местом в историографии политических репрессий является послевоенный период борьбы с инакомыслием. Применительно к этой проблеме можно назвать работы А. И. Прищепы, Ю. А. Русиной^[81].

Только еще начинается исследование проблемы реабилитации жертв политических репрессий как в масштабах бывшего СССР, так и Урала в частности. Пионерской работой в этом направлении можно считать диссертацию Е. Г. Путиловой^[82].

В историографической литературе выделяются исследования проблем, выходящих за рамки определенных этапов репрессивной политики: репрессии против крестьянства, национальных и этнических групп, партийной, советской и национальной номенклатуры, интеллигенции, церкви и духовенства, проблема принудительного труда и мобилизационной экономики^[83].

Большим вкладом в увековечение памяти репрессированных являются книги памяти. Они изданы по всем областям

Уральского региона. На сегодняшний день в этих изданиях увековечены имена более 300 000 граждан СССР, подвергнутых политическим репрессиям^[84].

Книги памяти жертв политических репрессий, в том виде как они публикуются в России, являются промежуточным жанром между сборником документов и научным исследованием. С одной стороны, это публикация биографических справок или именных списков репрессированных – реабилитированных (созданных на основе первоисточников из фондов карательных ведомств, различных архивов), подборок документов и иллюстраций по репрессивной политике и реабилитации; с другой – изложение концепции по проблеме «реабилитация – репрессии в годы советской власти» и научно-исследовательские статьи профессиональных историков. Та и другая часть книг памяти представляют собой (в их лучших образцах), как правило, неразрывное целое и соответствуют жанру коллективной монографии.

Вышеуказанной цельностью обладают книги памяти, созданные исследователями Пермского «Мемориала» и лаборатории «Исторической информатики» НТГСПИ (г. Нижний Тагил). В процессе работы по проекту Gedenkbuch, например, были подвергнуты изучению материалы архивов ИТЛ Тагиллаг, Богословлаг, Челябинметаллургстрой, Севураллаг, Востураллаг и проанализированы в исследовательских статьях, реконструирующих историю лагерей, условия жизни и труда, социальный портрет спецконтингента^[85].

В качестве идеологических подходов в исследовательской деятельности уральских ученых представлены главные политические течения, оказывающие воздействие на историков: консервативно-традиционалистское (просоветское), либерально-демократическое (ревизионистское). В региональной уральской историографии не пользуются особой популярностью прокоммунистическое, радикально-националистическое и радикально-антисоветское, антикоммунистическое течения. В качестве теоретической основы истории используют концепции позитивизма,

неомарксизма, модернизации, тоталитаризма, социальной истории, междисциплинарные подходы.

В связи с воздействием определенных политических и теоретических концепций ученые строят различные объяснительные модели репрессивной политики советского режима. Доминирующей моделью является описание сталинского государства и общества как тоталитарного, где репрессии являлись родовым признаком созданной системы (работы А. В. Бакунина, Р. Т. Москвиной, В. М. Кириллова, А. С. Смыкалина, С. И. Быковой и др.).

Сторонники консервативно-традиционалистской точки зрения полагают, что командно-административные методы были главным двигателем социалистического строительства^[86].

Ученые, опирающиеся на концепцию модернизации, полагают, что репрессии являлись объективной составляющей процесса модернизации в российских условиях. Например, В. В. Алексеев считает, что при всей жестокости курс на ускоренную модернизацию страны объективно отвечал насущным интересам государства в ту эпоху^[87].

Под воздействием концепций ревизионизма и «новой исторической науки» (включающей в себя новую и новейшую социальную историю, историю повседневности, микроисторию, историческую антропологию и т. п.) в уральской историографии развивается направление, которое опирается на объяснение политических репрессий как феномена, формируемого «заказом снизу», определенного структурой менталитета и политического мировоззрения определенных слоев советского социума. Таким образом, предлагается изучать феномен советской истории как социальную, социокультурную систему, являющуюся итогом предшествующей исторической эволюции^[88].

Признаком глубокого осмысления проблем истории политических репрессий на Урале является историографическая рефлексия, которая представлена в ряде диссертационных исследований, монографий и статей^[89].

Историографический анализ позволяет определить приоритеты в исследовательской работе уральских ученых. Региональ-

ная историография имеет значительные пробелы в представлениях о практике репрессий периодов Гражданской войны, 1920-х гг., Большого террора, репрессивной политике военного и послевоенного времени, заслуживает дальнейшего исследования вопрос о законодательном обеспечении репрессий, народном сопротивлении, диссидентском движении. Актуальной является ориентация ученых на новые методологические подходы и методические практики, связанные с социокультурной историей и выявлением «субъективного измерения» истории репрессий на Урале.

В условиях новой волны ресталинизации, сужения читательской базы объективных научных исследований, примитивной «интернетизации» разноречивой, зачастую фальсифицированной информации пока невозможно говорить о рационализации исторического сознания. Как подчеркивает Л. Гудков, « [...] проблема преодоления сталинского мифа заключается не в том, что люди не знают о преступлениях Сталина, а в том, что они не могут считать преступной саму советскую систему»^[90]. Смирение с традицией принудительной модернизации, глубоко связанной с историей России, приводит к уходу от подлинного осмысления истории.

ГЛАВА 2. ТЕРРОР В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

2.1. КРАСНЫЙ ТЕРРОР И ОРГАН ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ – УРАЛОБЛЧК В 1918 Г. (С. И. КОНСТАНТИНОВ)

Большой юридический словарь (2004) определяет термин «террор» как физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства политических противников. А терроризм в широком смысле политика и практика террора, вид насильственной преступности^[91].

Теоретическое обоснование революционного, красного, террора дали еще классики марксизма. К. Маркс констатировал эту закономерность как объективную данность: «...существует лишь одно средство *сократить*, упростить и концентрировать кроважную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство – революционный терроризм*»^[92]. В трудах К. Маркса имелся ответ и на чисто практический вопрос: «Когда успешно совершают революцию, можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебный приговор. Их можно убрать с дороги как побежденных врагов, но нельзя судить как преступников. После совершенной революции или контрреволюции нельзя обращать ниспровергнутые законы против защитников этих самых законов»^[93].

Большевики не только не отрицали революционного террора, но и считали его неизбежным. Благая цель, по их мнению, оправдывает средства. В. И. Ленин в работе «Государство и революция», написанной еще летом 1917 г., разъяснял, что «диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны по-

давить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой [...]»^[94].

История красного террора неотделима от истории органов его осуществления. Любая революция – отмечает историк В. П. Булдаков, – протекает в действительности на личностно-бытовом, а не политическом уровне. Ее исход и историческую судьбу определяет обыватель, а не доктринер. Революционный хаос можно рассматривать как раскрытие «варварского» человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой «цивилизаторского» насилия власти^[95].

Отсюда важно напомнить не только число жертв и последствий красного террора, но и понять, кто, как и почему сделал его реальностью. Если деятельности ВЧК посвящено довольно большое количество исследований, то история исполнителей красного террора – местных ЧК остается еще изученной недостаточно.

7 декабря 1917 г. в Москве, на заседании СНК, создается Всероссийская Чрезвычайная комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Ф. Э. Дзержинским^[96]. Сразу после своего образования, в декабре 1917 – начале 1918 г., ВЧК могла осуществлять борьбу с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией только в Петрограде. Она не имела сил и средств, чтобы действовать в других городах. В отчете Народного комиссариата внутренних дел за первое полугодие 1918 г. признавалось, что «в первый период революции вся Советская Россия рассыпалась на целый ряд как бы независимых друг от друга губернских, уездных и даже волостных советских „республик“ со своими „совнаркомками“ вместо исполнительных комитетов»^[97].

Призыв к местным Советам немедленно приступить к организации чрезвычайных комиссий, опубликованный в газете «Известия ВЦИК» 15 (28) декабря 1917 г., остался без последствий^[98]. Произошло это еще и потому, что фактически функции борьбы с контрреволюцией на местах выполняли уже другие организации. В Екатеринбурге, который с 1917 г. стал практически

главным административным центром Урала, их осуществлял отдел по борьбе с контрреволюцией Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Возглавлял отдел с ноября 1917 г. П. Д. Хохряков^[99], прибывший в город еще в августе 1917 г. по направлению ЦК РСДРП (б) во главе отряда матросов. Причем отдел, учитывая слабость и некомпетентность органов милиции Временного правительства и только создаваемых органов советской милиции, был вынужден брать на себя и задачи борьбы с уголовной преступностью.

Позднее, после октября 1917 г., как вспоминал председатель правления филиала Волжско-Камского банка в Екатеринбурге В. П. Аничков: «В Екатеринбург из Кронштадта прибыла сотня матросов, «красы и гордости Русской революции». Начались обыски по квартирам... Официально искалось оружие, но брались обычно все, что нравилось [...]»^[100].

Всероссийская Чрезвычайная комиссия, в радиограмме от 23 февраля 1918 г. ко всем местным Советам, призвала их к мобилизации сил на отпор наступлению германцев и всех враждебных выступлений в стране. При этом вновь предлагалось «всем Советам... немедленно организовать в районах чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, если таковые еще не организованы [...]»^[101].

На основании постановления ВЧК о создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией первая Чрезвычайная комиссия на Урале была образована в Екатеринбурге 24 февраля 1918 г. Ее деятельность распространялась на все губернии региона, и ей были подчинены создаваемые уездные ЧК. К лету 1918 г. Чрезвычайные комиссии были созданы практически во всех крупных городах Урала — в их числе Нижний Тагил, Верхотурье, Невьянск, Красноуфимск, Камышлов и целый ряд других.

Первым председателем Екатеринбургской ЧК стал М. И. Ефремов. В хранящейся в архиве автобиографии старый боевик революции 1905 г. Михаил Иванович Ефремов писал: «В январе 1918 г. Екатеринбургский комитет партии большевиков поручил

мне организовать первую Екатеринбургскую ЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Был председателем ЧК [...]»^[102].

Для этого периода деятельности ЧК было характерно отсутствие нормативной базы, спонтанность действий, да и произвол в отношении населения. В первое время у чекистов не было никаких инструкций, по которым могла идти планомерно и правильно работа, не было поставлено никакой канцелярии. У Екатеринбургской ЧК не было ни своего штампа, ни даже печати, поэтому первое время приходилось пользоваться печатью Областного Совета.

С момента создания (с февраля по май 1918 г.) Екатеринбургская ЧК действовала в здании на углу Покровского проспекта (сейчас – ул. Малышева, 68) и ул. Златоустовской (сейчас – ул. Р. Люксембург). До 1917 г. в бывшей усадьбе купца П. В. Холкина размещалась так называемая Американская гостиница

На Вознесенском проспекте, 19 (ныне ул. К. Либкнехта) в мае – июле 1918 г. действовал отдел ЧК по борьбе со спекуляцией. Здание не сохранилось, в настоящее время на этом месте находится Архитектурная академия. Непродолжительное время, до захвата города белыми войсками в конце июля, Уральская ЧК находилась в здании по ул. Офицерской, 3 (ныне ул. Пролетарская), ранее это была усадьба фабриканта Ф. А. Злоказова, арестованного ЧК. Видимо чекисты решили быть поближе к Дому Особого Назначения (Вознесенский проспект, 8), где содержалась семья Романовых^[103].

Попытки решения проблемы преступности, погромов и самосудов зимой 1917–1918 гг. с помощью Красной гвардии, милиции и других вооруженных подразделений местных советов оказались неэффективными. В поисках выхода из все более осложняющейся ситуации советские учреждения стали применять расстрелы преступников в обход действующих декретов СНК, т. е. организовывая фактически государственные самосуды. В это время в газетах фиксируется значительное число расстре-

лов на месте преступления или даже при препровождении к месту допроса, якобы при попытке к бегству.

Так, например, после допроса Хохряковым при попытке к бегству (двумя выстрелами спереди в грудь и в голову (?)) 15 января 1918 г. был убит двоюродный брат В. И. Ленина юрист Виктор Александрович Ардашев. Позднее был также расстрелян вместе с зачинщиками выступления 10 июня рабочих Верх-Исетского завода двоюродный племянник В. И. Ленина прапорщик Г. А. Ардашев. Во главе кавалерийского эскадрона Красной армии он перешел на сторону рабочих и заплатил за это жизнь^[104].

Наступление германских войск, требовавшее укрепления тыла для отпора врагу, изменило ситуацию. Пункт 6 декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г. требовал расстрела сопротивляющихся мобилизации в батальоны для рытья окопов «работоспособных членов буржуазного класса». Пункт 8 гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». Так как в документе не говорилось об органах, получивших право расстрела, декрет открыл целую череду новых несанкционированных расстрелов местными органами власти.

Постановление ВЧК от 22 марта 1918 г. «О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» положило начало планомерному строительству системы ЧК в масштабах всей России. К концу мая насчитывалось уже 40 губернских и 365 уездных ЧК^[105].

Несмотря на их большое количество, высшая мера наказания весной 1918 г., как правило, ими не применялась, за исключением расстрелов на месте преступления. Ситуация стала меняться в июне, когда за мятеж, сопровождавшийся 17–18 июня многочисленными жертвами, в Тамбове было расстреляно 50 чел., а 3 июля еще 11чел. Во второй половине июня было расстреляно 10 чел. чрезвычайными комиссиями Ельца, Витебска и Екатеринбургa. Так, в Екатеринбурге за шпионаж по теле-

графу был расстрелян телеграфист Стенин. Местные Советы этих городов этим лишь подтвердили принятое ими автономно еще весной решение о введении смертной казни.

На заседании ЦК РКП (б) 19 мая 1918 г. была отвергнута идея массового расстрела в связи с массовыми расстрелами финскими белогвардейцами революционеров. Но было принято принципиально важное решение «ввести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления». Наркомюсту было поручено подготовить соответствующий проект. И вот уже принятое наркомом юстиции П. И. Стучкой 16 июня 1918 г. постановление давало ревтрибуналам необходимые полномочия о применении смертной казни. Таким образом, декрет большевистского Наркомюста оказался сильнее неотмененного октябрьского решения высшего органа власти Съезда Советов^[106].

«Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует революции, он отменяется или исправляется»^[107], – указывал В. И. Ленин.

Толчком к консолидации антибольшевистских сил летом 1918 г. стало вооруженное выступление 25 мая почти 40-тысячного чехословацкого корпуса, состоявшего из пленных солдат-славян австро-венгерской армии. Общее количество жертв белочехов, и в целом режима Самарского КОМУЧа (правительство – Комитет членов учредительного собрания) летом – осенью 1918 г. в Поволжье, насчитывает более 5 тыс. чел.^[108]. Всего же в 22 губерниях Центральной России контрреволюционерами, только в июле 1918 г., был уничтожен 4 141 советский работник^[109].

Усилившийся массовый и индивидуальный белый террор летом 1918-го неизбежно вел к пересмотру карательно-репрессивной политики советского правительства. Официальное введение института смертной казни Верховным трибуналом, образование комбедов и единой сети чрезвычайных комиссий, удаление

из них после июльских событий левых эсеров создавали необходимые предпосылки для коренного изменения внутренней политики. Разрыв с эсерами и анархистами, сужение социальной опоры в обществе неизбежно вели к диктатуре партии большевиков, а как следствие — к введению массового красного террора.

С образованием в конце января 1918 г. Уральского областного Совета Екатеринбург стал центром обширной Уральской области, в которую вошли Вятская, Пермская, Уфимская и часть Оренбургской губернии. Соответственно и Екатеринбургская ГубЧК просуществовала лишь несколько месяцев. По постановлению Уралоблсовета в мае 1918 г. она была переименована в Уральскую областную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией — сокращенно УОЧК или УралоблЧК^[110].

Ей были даны следующие права: производить обыски, выемки, конфискации и реквизиции, выносить решения о заключении под стражу, производить дознание для передачи в следственную комиссию трибунала. Следственные комиссии при ревтрибуналах имели право или готовить обвинительный акт, направленный для рассмотрения на заседании трибунала, или прекращать дело, если не было состава преступления^[111].

Среди чекистов ощущался острый дефицит не только профессионалов, но и грамотных людей. В городе найти необходимое число работников не удалось. Да и требовались люди, не связанные родственными связями с местным населением. Пришлось прибегнуть к набору в Перми. Как вспоминал И. И. Родзинский: «Уральский областной комитет партии в течение недель двух пытался организовать коллегия из старых членов партии с большим партийным стажем (*дело происходило в Перми. — К. С.*), и ничего из этого не вышло [...] Отказываются категорически. Говоря, что вы, чтобы я пришел? Это значит, я должен буду завтра Ивана Ивановича сажать, а ведь мы с Иваном Ивановичем на каторге вместе были и так далее... Пойти, это значит завтра, возможно, придется сажать, потому что они занимают враждебную позицию. А так мы с ним друзья и не мо-

жем, старые связи [...] И вот тогда, собственно говоря, в результате всего этого Лукоянов был приглашен в качестве председателя областной Чрезвычайной комиссии [...]»^[112].

Ф. Н. Лукоянов в то время возглавлял губернскую ЧК в Перми. Там и были им набраны кадры первого состава Уральской ЧК. Среди них недоучившиеся молодые студенты – Владимир Митрофанович Горин, Исая Ильич (Иделевич) Родзинский, молодой чекист Валентин Аркадьевич Сахаров и другие.

Родзинский, будучи в то время студентом первого курса Пермского отделения Петроградского университета, в своем двадцатилетнем возрасте уже успел побывать в Перми членом железнодорожного ревкома, комиссаром по охране Пермской дороги и даже председателем первого на Урале Мотовилихинского народного суда. Он же, вместе с председателем Мотовилихинской организации большевиков Г. И. Мясниковым (будущим заместителем председателя Пермской губЧК и организатором расстрела 13 июня 1918 г. формально последнего императора России Михаила Александровича Романова), в течение двух часов наметили в состав отряда 60 человек, взяв весь состав военной организации РСДРП (б). Как вспоминал Родзинский, «это оказались члены партии пятого, шестого, седьмого, восьмого годов. Вызывали их и прямо они домой не возвращались. Тут же направлялись в отряд. Поехали мы. Вагон был забит народом [...]».

Показательно, что когда поезд ночью проезжал Невьянск, будущие чекисты едва не стали жертвами вспыхнувшего как раз тогда Невьянского восстания.

А когда приехали в Екатеринбург, сразу были брошены на подавление Верх-Исетского восстания. «Связались мы с обкомом, с облисполкомом, в частности с Белобородовым, – вспоминал Родзинский. – Он очень обрадовался, что мы приехали наконец, и тут же говорит, что вот у нас восстание. Тушат, говорит, чуть ли не пять организаций. Все тушим, а толку мало. Вот вы приехали, езжайте, говорит, в помещение городской ЧК и берите на себя все [...] А, собственно говоря, единственная сила,

которая действовала, это был батальон мадьяр. Мы быстро с ними договорились, поняли, что надо оттеснить в одно место всю эту толпу, не допускать до станции, до телеграфа. Так в течение постепенно двух-трех часов стискивали, стискивали и они оказались стиснутыми в определенном небольшом радиусе. Ну, после этого наши начали выхватывать зачинщиков и мы буквально через день, уж не помню сколько, человек 30 расстреляли»^[113]. Таково было боевое крещение Уральской облЧК.

«Позже, по организации в центре чрезвычайной комиссии, была организована чрезвычайная комиссия и у нас – вспоминал Я. Юровский. – Первым председателем этой комиссии как будто бы был Ефремов, уральский подпольный работник, в частности занимавшийся в подпольный период экзами, за что и отбывал, кажется, 10-летнюю каторгу. Затем был назначен председателем Иван Бобылев и еще позже был председателем Федор Лукоянов, это было примерно в начале июня месяца. Я также был назначен членом коллегии областной чрезвычайной комиссии, туда же входил членом коллегии и Сергей Егорович Чуцкаев [...] Контрреволюционным отделом чрезвычайной комиссии ведал тогда бывший студент Исай Родзинский, а борьбой со спекуляцией и саботажем – тоже бывший студент Горин... Чрезвычайная комиссия размещалась в бывшей Американской гостинице на углу Покровского и Златоустовской улиц [...]»^[114].

Таким образом, постановлением Президиума Областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов Урала от 21 июня 1918 г. был утвержден новый состав членов Уральской Областной Чрезвычайной Следственной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. В состав входили: председатель – Ф. Н. Лукоянов, товарищ председателя – С. Е. Чуцкаев^[115], секретарь – М. И. Яворский, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией – В. М. Горин, заведующий отделом по борьбе со спекуляцией – И. И. Родзинский, заведующий хозяйственным отделом – Мясников, начальник отряда – Н. А. Бобылев^[116], заведующий по охране города – Я. М. Юровский.

Необходимо отметить, что практически все партийное и советское руководство Урала и Екатеринбурга в 1917–1918 гг. составили профессиональные революционеры – борцы с прежним режимом. Все они неоднократно побывали в тюрьмах и ссылках и прибыли в Екатеринбург после освобождения их Февральской революцией. При этом практически все они были людьми одного поколения в возрасте от 26 (Белобородов, Сафаров) до 34 (Крестинский) лет.

Историки А. И. Колпакиди и Г. В. Потапов в своей хронике террора и репрессий режима Николая II насчитали не менее 130 тыс. чел. только убитых^[117]. Можно представить, каково было отношение к царскому режиму революционеров, лучшие годы проведших в тюрьмах, ссылках, эмиграции. Екатеринбургский историк, академик РАН В. В. Алексеев отмечает, что, возвращаясь из сибирской ссылки, Свердлов и Голощекин «покаялись застрелить „Николая Кровавого“»^[118].

После исполнения их мечты, в статье «Казнь Николая Кровавого», опубликованной 23 июля 1918 г. в газете «Уральский рабочий», заместитель председателя Уралоблсовета и Уралобкома РКП (б) Г. И. Сафаров писал: «Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца [...] Николай Второй – был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда февральская революция опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить „по недоразумению“».

Председатель следственной комиссии при ревтрибунале Екатеринбургского горсовета, а затем заместитель председателя ЧК Яков Юровский (сам из семьи ссыльного уголовника), в воспоминаниях 1922 г. заметил: «Восставший пролетариат, забитый нуждой, безграмотный, имел полную возможность и полное право излить свою вековую злобу на попавших в их руки злодеев. И, однако, какая красота: восставшие для раскрепощения человечества, даже в отношении своих злейших врагов являют безпримерное великодушие, не оскорбляя, не унижая человеческого достоинства, не заставляя страдать напрасно лю-

дей, которые должны умереть потому, что того требует историческая обстановка. Люди строго выполняют тяжелый революционный долг, разстреливаемые узнают о своей судьбе буквально за две минуты до смерти».

Немаловажным было и другое соображение. Солдат-строитель, а затем член Совета рабочих депутатов в с. Таватуй, екатеринбургский чекист и участник расстрела царской семьи Г. П. Никулин считал, что с царем поступили даже гуманно, расстреляв его без пыток. В своем интервью в 1964 г. он заявил: «Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски»^[119].

О главном злодеянии, произошедшем в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., – расстреле семьи бывшего императора Николая II и его слуг написано значительное количество исследований: от вышедшей в 1924 г. в Париже на французском языке книги следователя Н. А. Соколова до работ внука царского старшего повара И. М. Харитонов, расстрелянного вместе с царской семьей, П. В. Мультатули^[120].

Не стоит забывать в то же время и о том, что в ходе начавшегося 13 июля успешного наступления чехословаков и казаков на Екатеринбург погибло не менее 1000 рабочих и красноармейцев^[121].

Но стоит привести и два кратких отрывка из воспоминаний участников этого преступления. Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М. А. Медведева (Кудрина): « [...] Слышим голос Юровского: – Стой! Прекратить огонь! Тишина. Звонит в ушах. Редет пелена дыма и пыли [...] Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик: – Слава богу! Меня бог спас! Шатаясь, подымается уцелевшая горничная – она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда

двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От ее предсмертного крика очнулся и часто застонал легко раненый Алексей — он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего «маузера». Парень затих и медленно сползает на пол к ногам отца [...] Осматриваем остальных и достреливаем из «кольта» и ермаковского нагана еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны».

Не менее страшен и рассказ о последующих действиях царевубийц. По схожим версиям Юровского и Медведева-Кудрина, трупы сначала бросили в шахту, но к утру обнаружили, что шахта была неглубокой, а лежавший лед помог трупам сохраниться, как живым. Решено было их достать и сжечь, изуродовав лица серной кислотой, которую привез П. В. Войков. По свидетельству Г. З. Беседовского, Войков в 1925 г. в Варшаве, будучи полпредом СССР в Польше, вспоминал: «для этой работы было выделено 15 ответственных работников Екатеринбургской и Верх-Исетской партийных организаций. Они были снабжены новыми, остро отточенными топорами такого типа, какими пользуются в мясных лавках для разрубания туш [...] Самая тяжелая работа состояла в разрубании трупов. Войков вспоминал эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что, когда эта работа была закончена, возле шахты лежала громадная кровавая масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ, голов. Эту кровавую массу полили бензином и серной кислотой и тут же жгли. Жгли двое суток. Не хватало взятых запасов бензина и серной кислоты. Пришлось несколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы и сидеть все время в атмосфере горелого человеческого мяса, в дыму, пахнувшем кровью [...] — Это была ужасная картина, — закончил Войков. — Мы все, участники сжигания трупов, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще таких несколько дней — и он сошел бы с ума [...]»^[122].

По данным О. А. Платонова, одним из организаторов убийства семьи и слуг бывшего императора был и начальник милиции Екатеринбурга Алексей Николаевич Петров^[123].

Несомненно, исследование девиантного поведения людей революционной эпохи — занятие не для слабонервных. Но отказываться от рассмотрения жутких сторон революции, значит, в конечном счете, отказаться от познания вообще^[124].

Заложников в Екатеринбурге арестовывали в разное время и по разным поводам. Дядька наследника цесаревича К. Г. Нагорный и лакей царской семьи И. Д. Седнев были отправлены в тюрьму 28 мая, есаула Мамкина и матроса Т. Нахратова арестовали на площади Верх-Исетского завода при выступлении фронтовиков 10–12 июня. Некоторых взяли в заложники после введения в городе военного положения 29 мая, а бывший управляющий Верх-Исетским заводом, затем владелец механической конторы «Фадемак» Александр Иванович Фадеев был арестован в ночь на 26 июня, хотя и был болен.

29 июня 1918 г. в ответ на гибель комиссара И. М. Малышева их вывели из камер, посадили на грузовики и повезли по Тюменскому тракту. За дачами Агафурова на месте городской свалки был произведен первый в городе массовый расстрел. Удалось убежать только Н. П. Чистосердову. 31 июля, после занятия города чехословаками, все 19 человек были торжественно похоронены на Монастырском и Ивановском кладбищах^[125].

Мобилизованным горожанам Екатеринбурга, которые забирались в основном из имущих классов, пришлось строить укрепления и окопы для красных от Верхнего Уфалея до Косого Брода. Часть из них была при разных обстоятельствах расстреляна. 3 августа тела убитых «окопников» Б. В. Макарова, С. М. Елшанкина, Н. Бебешина, И. Б. Шейнеса, инженера И. С. Соколова и Щапова привезли на станцию Екатеринбург I и на следующий день захоронили.

Сбежавший также из-под расстрела жандармский ротмистр Стрельников рассказал, как еще одну партию заложников из одиннадцати человек привезли из тюрьмы на станцию Екатеринбург II. Среди них были епископ Тобольский Гермоген (Георгий Ефремович Долганов), священник церкви Каменского завода отец П. И. Карелин, бывший екатеринбургский полицмейстер

Г. И. Рупинский. Их повезли вместе с отрядом матроса П. Д. Хохрякова, называвшимся «карательная экспедиция тобольского направления». Красноармеец А. Посохин вспоминал (стиль оригинала сохранен): «При отправлении из Екатеринбурга нами были захвачены заложники, контрреволюционеры, около 12 человек, часть из студентов, бывших офицеров, духовенства и, как помню, бывший жандарм [...] вся эта свора по возвращении от Тобольска на обратном пути под селом Покровским [...] по приказу тов. Хохрякова были расстреляны».

18 августа на девятой версте от станции Екатеринбург II в сторону Тюмени на бывшем стрельбище были обнаружены шестьдесят два тела, в основном крестьяне Камышловского уезда. Единственный спасшийся из них, И. М. Шелехов, рассказал, как всех вывели из подвала Американской гостиницы, посадили в вагоны и увезли на стрельбище. Здесь расстреляли из винтовок и пулемета, а потом ходили и добивали тех, кто остался в живых.

В августе екатеринбургские газеты почти ежедневно печатали сведения и статьи о жертвах красного террора: двадцать два человека в Ирбите, восемь священников в Каменском заводе, семьдесят рабочих в Верх-Исетском заводе^[126].

Ход и исход «красной смуты», как назвал ее исследователь революции историк В. П. Булдаков, лежит за пределами обычных представлений о добре и зле – сколь бы высокими и благородными идеалами не руководствовались ее вольные и невольные вдохновители и какими бы низменными и бесчеловечными не оказывались действия тех, чьими руками она творилась^[127].

Накануне отступления из Екатеринбурга чекисты выпустили на свободу пятьдесят заложников, среди которых оказался и талантливый изобретатель телевидения В. К. Зворыкин. При этом чекисты вывезли с собой еще около полусотни арестованных заложников. Среди них были и двенадцать екатеринбуржцев: священники о. Сельменский и о. Уфимцев, граждане города Баранцев, А. Керенцев, Лазарев, врач А. В. Линдер, В. И. Липин, М. К. Лемке, П. Первшин, Соколов, С. И. Степанов и С. И. Рож-

ков. Остальные заложники были из заводов и селений Екатеринбургского уезда. Некоторые из них по дороге были расстреляны, как например начальник станции Ревда Абрамов.

В дальнейшем из Пермской пересыльной тюрьмы арестанты были доставлены для работы в Кизеловские угольные копи, где были освобождены наступавшими частями Сибирской армии в декабре 1918 г. Значительная часть заложников заболела от перенесенных испытаний, плохого питания и отвратительного обращения^[128].

После падения красного Екатеринбурга, 25 июля 1918 г., ЧК вместе с другими учреждениями советской власти эвакуируется в Пермь, где продолжает поначалу существовать как областной орган. Затем, после падения Уфы, сливается с Коллегией Пермской ЧК, которая распространяет свое влияние только на Вятскую губернию и уезды других губерний, не занятые белогвардейцами.

Уральская ЧК летом 1918 г. арестовала 400 чел. (35 расстреляно), а осенью их количество было уже свыше тысячи человек^[129]. В Перми было уничтожено во второй половине 1918 г. до 100 священнослужителей; в Екатеринбургской епархии 47 служителей культа^[130].

В Перми Областная ЧК еще продолжает свое существование некоторое время как руководящий областной орган, но с падением Уфы происходит слияние областной коллегии с коллегией Пермской ЧК, которая распространяет свое влияние только на Вятскую губернию и уезды других губерний, не занятые белогвардейцами. Здесь ЧК помимо своих прямых задач принимает самое деятельное участие в формировании отрядов и отправке их на Восточный фронт, а также вооружает пароход «Левшино» и бросает его с командой из своего отряда по направлению Оса, Оханск, на борьбу с Народной армией Самарского Комуча.

Но борьба была проиграна, Пермь пришлось эвакуировать. УралоблЧК выехала в Вятку, где на время окончила свое существование как областная^[131].

2.2. ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ №1: ИСТОРИЯ, КОНТИНГЕНТЫ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ (С. И. КОНСТАНТИНОВ)

Октябрьская революция 1917 г. отвергла большинство ранее используемых правовых норм, и новая государственная власть была поставлена перед проблемой формирования нового пенитенциарного законодательства. В мае 1918 г. был создан Центральный Карательный Отдел Народного Комиссариата юстиции, который «начал организовывать производительный труд» заключенных. По приказу Л. Д. Троцкого от 4 июня 1918 г. начинают создаваться концентрационные лагеря, которые законодательно были оформлены во «Временной инструкции о лишении свободы» от 23 июля 1918 г.^[132]

16 июня 1919 г. Постановление ВЦИК определило организацию лагерей принудительных работ. Она возлагалась на губернские чрезвычайные комиссии (Губчека). Во всех губернских городах в указанные в особой инструкции сроки должны были быть созданы лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 чел. каждый. Заключение в лагеря подлежали те лица и категории лиц, относительно которых были вынесены постановления отделов Управления, ЧК, революционных военных трибуналов, народных судов и других советских органов, которым представлялось это право декретами и распоряжениями^[133].

В соответствии с постановлением ВЦИК от 17 мая 1919 г., наряду с тюрьмами во всех губернских городах России начали создаваться лагеря принудительных работ, подведомственных НКВД. Постановление ВЦИК не только регламентировало порядок организации лагерей, но и впервые в истории пенитенциарной системы советской России определило правовое положение заключенных.

На 25 ноября 1919 г. в стране уже был 21 лагерь (16 000 заключенных), к ноябрю 1920 г. – 84 лагеря (59 000 заключенных), а к маю 1921 г. число лагерей достигло 128, а количество заключенных – примерно 100 000 чел. В Екатеринбургской гу-

бернии было создано три концлагеря (Екатеринбургский, Нижне-Тагильский и Верхотурский)^[134].

В мае 1920 г. президиумом Губчека с согласия Губкома РКП (б) и Екатеринбургского Губисполкома было принято решение организовать в городе концентрационный лагерь. Это был первый в Уральской области концлагерь для приговоренных к отбытию наказания в виде принудительных работ^[135].

В докладе о работе Губернского подотдела принудительных работ с 1 марта по 28 июля 1920 г., направленном в Губернский отдел Управления, заведующий Губернским подотделом принудительных работ сообщает, что «концентрационный лагерь при подотделе организован на 5 000 человек и с 19 июля сего года туда начали поступать осужденные на принудительные работы с содержанием под стражей». По мнению заведующего подотделом, поздние сроки открытия лагеря в июле 1920 г. объясняются тем, что город не давал подходящей территории, а также отсутствием конвоя. Кроме того, требовалось подыскать зимнее помещение под лагерь, так как «настоящее устраивалось для лета»^[136].

В фонде Екатеринбургского управления местами заключения хранится дело о деятельности концентрационного лагеря №1, содержащее рукописную схему лагеря, составленную в январе 1921 г. Тогда лагерь располагался за чертой города и находился к северу от станции Екатеринбург I, между речкой (*р. Основинка на плане не обозначена. — С. К.*) и Верхотурским трактом. В записке в Президиум Губернского исполкома, датированной 5 ноября 1920 г., говорится о том, что «земельный участок для постройки концентрационного лагеря отведен и к Губернскому Подотделу принудительных работ актом комиссии прикреплен; участок расположен между городом и Верх-Исетским заводом, имеет форму ромба, с северной стороны прилегает к ипподрому, южная сторона выходит к спичечной фабрике, западная к Верх-Исетскому и восточная к исправдому №1. Длина южной и северной стороны равна 82,5 сажень [176 метров], западной и восточной равна 95,8 сажень [204 метра], все-

го в участке 8903,5 квадратных сажен, восточный угол не выходит до дороги (Красноуфимский тракт) 15 сажен».

При сопоставлении плана лагеря с картами города 1918-го, 1930-го и современной картой удалось установить, что лагерь находился к северу от железнодорожных путей, между современным проспектом Космонавтов и улицей Кислородной. Указанная на плане речка (р. Основинка) сегодня протекает в трубе, проложенной под улицами Кислородная и Основинская. В настоящее время на этой территории расположены Северное трамвайное депо и АООТ «Екатеринбургское такси»^[137].

О непригодности лагеря в зимнее время свидетельствует и протокол комиссии, проводившей осмотр лагеря 7 октября 1920 г. В нем дано подробное описание как внешнего, так и санитарного состояния лагеря. К этому моменту в лагере находилось уже более 500 осужденных за «контрреволюцию и другие аналогичные преступления» и 502 военнопленных поляка.

Заключенные содержались на бывшем кирпичном заводе Николаева в кирпичных сараях, которые в ширину были равны 5–6 саженям [10–12 метров], а в длину тянулись на несколько десятков саженей. Крыши были железными в два ската, снаружи сараи до некоторой высоты засыпаны глиной. Комиссией были осмотрены два сарая, в одном из них шел ремонт. Первый барак отапливался несколькими железными печами, в первой половине были нары, расположенные в четыре ряда – «два ряда вдоль стенок и два ряда посередине» – в помещении полумрак, пол глинистый. Во второй половине, где размещались военнопленные поляки, не было ни печей, ни нар. Отмечена грязь внутри сарая – «общее содержание и вид [...] грязный; одежда, белье, постельные принадлежности грязные».

Ввиду отсутствия печей во второй половине люди вынуждены греться около костров, сооружаемых на полу. Второй барак подготавливали к зиме – «изнутри стенки обшиваются досками при засыпке межстенного пространства землей; нары устраиваются также в четыре ряда, пол между ними (в проходах) устилается кровельными досками; устанавливаются железные печи».

В отремонтированной части было выделено помещение для женщин, караула и мастерские.

В лагере среди заключенных велась определенная культурно-просветительская работа. В ноябре 1920 г. была организована библиотека с фондом 1,5 тысячи книг, но в докладе о культурно-просветительской работе отмечено, что большинство осужденных составляли «несознательные» малограмотные крестьяне и рабочие, хотя образованных читателей насчитывалось 300 чел. Работали школы грамотности – по 6 часов в день. Их посещение было в обязательном порядке: действовала система поощрения (снижение срока, свидания с родными, красная доска). Имелись школы для малограмотных I ступени (с преподаванием основ физики, математики и т.д.) и для малограмотных II ступени (начальное обучение)

Велась внешкольная работа – систематические лекции по сельскому хозяйству, скотоводству и прочему. Велась также и политическая работа^[138].

На лагеря распространял свое действие КЗОТ РСФСР 1918 г. Для заключенных устанавливался рабочий день, определялась сдельная заработная плата за все работы, производимые заключенными, кроме хозяйственных работ по лагерю, – 100% оплата по расценкам профсоюзов. Устанавливалась средняя сумма заработка в день и в зависимости от нее процент, который удерживался с заключенного за содержание его в государственном учреждении – две трети заработной платы.

Так, в Москве при заработной плате в день от 12 до 24 рублей в казну отчислялось две трети, т. е. 8 или 16 рублей соответственно. Если же заключенный вырабатывал в день меньше нормы (12 руб.) – это рассматривалось как нежелание трудиться, и тогда использовалось экономическое принуждение. В этом случае в казну шло 16 рублей. Если же заключенный зарабатывал в день больше 24 рублей, от его зарплаты удерживалось только 16 рублей. Максимум вычета из зарплаты заключенного в Екатеринбурге был установлен в 22 рубля 40 копеек^[139].

Практически во всех местах заключения создавались мастерские, а затем в лагерях появились и земельные участки. Также осужденные могли работать в учреждениях или в низшем аппарате лагеря. Так, в Екатеринбургском лагере в январе 1921 г. при учреждениях жили и работали 167 чел., с жителямством при лагере – 46 чел. и 39 чел. непостоянно. При лагере работали 149 чел. и 39 непостоянно, неработающих насчитывалось 60–80 чел. Общая численность заключенных в лагере на этот момент составляла 359 человек.

В это время в лагере заключенные работали над стройкой помещения для надзирателей, бани, вели ремонт и оборудование прачечной. Помимо этого в январе 1921-го в лагере было четыре мастерских: столярная, портновская, кузнечно-слесарная и сапожная. В столярной и сапожной мастерской не хватало инструментов, мастеров. Помещения, в которых они располагались, были непригодны. Та же ситуация была и в портняжной мастерской – там была только одна исправная машина. Кроме этих мастерских при лагере была парикмахерская в плохом состоянии и с одной мастерской.

С 1921 г. в лагере вводятся ведомости учета заключенных на 15 календарных дней. Согласно их данным, ежедневно на различных работах было занято от 42 до 74% заключенных. На работах, требующих специальной подготовки, как работа в мастерских, был занят относительно небольшой процент осужденных – от 5 до 19% (24 и 73 чел. соответственно).

Немаловажными являются сведения о заключенных, занятых на работах вне лагеря с возможностью жителямства при тех учреждениях, на которых они работают. Их число является относительно стабильным в течение 1921 г. – от 25 до 47% (июнь и сентябрь соответственно). Эта стабильность объясняется тем, что для работ при учреждениях привлекались в основном люди по специальности, а получение права жить при учреждениях давалось индивидуально. Число заключенных, работающих при учреждениях с явкой в лагерь, постоянно меняется – от 118 чел. (15–30 июня) до 11 чел. (конец декабря). Скорее всего, эти за-

ключенные привлекались для разовых работ. Так, например, женщины привлекались для мытья полов в помещении подотдела принудительных работ.

К одной из категорий заключенных, чей труд оплачивался, относились осужденные, выполняющие работы в администрации лагеря. Заключенные занимали следующие должности: секретарь, делопроизводитель, бухгалтер, счетовод, статистик, конторщик и посыльный. Общее количество работающих в администрации Екатеринбургского лагеря заключенных составляло 54 человека. Вольнонаемные рабочие в основном составляли административный аппарат лагеря — охрану, а также специалистов, работавших в мастерских. С августа 1921 г. в Екатеринбургском лагере начинает работать кирпичный завод, на территории которого и был расположен лагерь. Первоначально на заводе выпускалось до 3 тыс. кирпичей в день. Всего на работах по выделке кирпича было занято 64 человека^[140].

Обед и ужин для заключенных готовился из одного блюда, порция хлеба составляла три четверти фунта (300 г.). Порция работающих заключенных была повышенной. Следует отметить, что 13 ноября 1920 г. заведующий Губернским подотделом принудительных работ А. М. Зверев в докладе в Президиум Екатеринбургского Губисполкома говорит о том, что порция работающего в момент составления протокола составляла полтора фунта (600 г.) хлеба в день. Но уже в первой половине ноября этот паек был снижен до одного фунта (400 г.) хлеба в день для всех категорий осужденных.

А. М. Зверев указывает на то, что комиссия признала необходимым усилить питание, и просит Губисполком немедленно принять меры по снабжению мест заключения продуктами продовольствия. Подобные требования А. М. Зверев выдвигал и в части снабжения концлагеря одеждой, обувью и постельными принадлежностями, акцентируя на то, что ввиду их отсутствия у заключенных «администрация лишена возможности посылать их на работы, что она обязана делать немедленно,

согласно пункту 31 Постановления ВЦИК о лагерях принудительных работ»^[141].

Концлагеря начали функционировать в тяжелейшее для страны время разраставшегося голода. Питание заключенных в голодном 1921 г. действительно было на грани выживания. Но если сравнивать нормы довольствия в концлагере №1 и в Исправительном Рабочем Доме №1, то окажется, что при той же норме хлеба в день (1 фунт – около 400 г.) мяса или рыбы содержащиеся в лагере получали больше – 137,6 г. и 100 г. соответственно^[142].

Можно ужасаться и возмущаться скудостью пайка заключенных в концлагере №1, но вырывать эти страшные факты из контекста общей обстановки в этот период неисторично. Приведем выдержки из «Двухнедельного обзора-бюллетеня по госинформации №1 Екатеринбургской ГубЧК за время с 1 по 15 января 1922 г.»: «Общее политическое состояние Екатеринбургской губернии за период с 1 по 15 января не улучшилось и остается прежним – неудовлетворительным [...] В Сысертском детском доме имел место случай голодной смерти двух детей [...] В Кыштымском заводе питается лебедой до 60% всего населения. Цена за пуд лебеды достигает 170 тысяч рублей (*при стоимости пуда пшеницы 1 000 070 руб. – К. С.*). В Каменском уезде зарегистрирован случай убийства матерью двух своих дочерей на почве голода. Особенно резко, в форме голода, кризис существует в трех уездах губернии: Каменском, Красноуфимском и части Екатеринбургского [...]»^[143].

Да и тиф не щадил никого. Так, 23 декабря 1922 г. умер от тифа член Губисполкома, заведующий Губернским отделом юстиции, член комитета Первого городского района РКП (б) Савва Ефимович Волков^[144].

При этом необходимо отметить, что официально прописанные нормы питания заключенных не соответствовали реальным условиям. Голодный 1921-й привел к тому, что продовольственный паек уменьшался до трех четвертей (иногда и до одной чет-

верти) фунта хлеба (т. е. 100 г.), 6–24 золотников крупы, 6–16 золотников мяса или рыбы.

В довершение всех сложностей подворовывала и лагерная администрация. Ревизионные проверки, имевшие место в концлагерях №1 и №2, выявили ряд «крупных дефектов, упущений проступков даже уголовного характера». В лагере №1, например, был обнаружен крупный недостаток продуктов питания. Разница показателей по муке и хлебу по данным, зафиксированным в расходных книгах, и по фактической наличности составляла в среднем по 30 пудов, т. е. по 480 килограммов^[145]. И это происходило в ситуации, когда ежедневный паек доходил до 100 граммов хлеба!

Документы позволяют проследить численность заключенных лагеря в период с октября по декабрь 1920 г. По сведениям комиссии, на 7 октября численность заключенных составляла 1002 человека. По данным доклада А. М. Зверева от 4 ноября 1920 г. — 2500 человек, а в докладе заведующего отделом Управления губернией от 8 декабря указана численность заключенных — 770 человек. Таким образом, за месяц численность заключенных сократилась в три раза. А в докладе «О жизни Екатеринбургского концентрационного лагеря №1» от 25 января 1921 г. указывается число осужденных на 30 декабря 1920 г. — 359 человек, из которых работало в учреждениях с жительство при лагере — 102 человека, с жительство при учреждениях — 166 человек^[146].

Главный недостаток лагеря был и в том, что баня располагалась от лагеря в 5–6 верстах, а белья и теплой одежды у большинства заключенных не было. Не удивительно, что при отсутствии санитарной обработки вновь поступавших заключенных, осенью-зимой 1920–1921 началась эпидемия тифа, которая бушевала и в городе. Предпринимаются срочные меры по разгрузке лагеря. 18 ноября 1920 г. 600 заключенных лагеря были отправлены в Нижний Тагил, при этом им, после помывки в гарнизонной бане, выдано 300 комплектов белья (рубашек и кальсон)^[147].

Вследствие большой скученности, антисанитарии и отсутствия нормального питания в концлагерях разрастались различные заболевания. Судя по официальным отчетам, смертность среди заключенных за 1921 г., прежде всего от тифа, достигала 12,7%. В январе 1921 г. 34 наиболее тяжелых больных пришлось отправить в госпиталь. Заразных больных оставалось в лагере 24; болевших, но не заразных – 294; повторно болевших – 531^[148].

Даже по состоянию на 1 июля 1922 г. в штате концлагеря №1 не имелось квалифицированных врачей. Были только несколько фельдшеров, сестер милосердия, сиделок и один фармацевт^[149].

Обратимся теперь к строкам книги одного из первых исследователей красного террора С. П. Мельгунова «Красный террор в России 1918–1923», вышедшей пятым изданием в Москве в 1990 г., где упоминается город Екатеринбург. Относятся они к 1921 г. Ссылаясь на издание «Рев. Россия» №12/13, Мельгунов сообщает: *«Из концентрационного лагеря в Екатеринбурге бежало 6 человек. Приезжает заведующий отделом принудительных работ Уранов, выстраивает офицеров, содержащихся в лагере, и „выбирает“ 25 человек для расстрела – в назидание остальным»*^[150].

Труды современных исследователей позволяют уточнить данные, касающиеся Екатеринбургского концлагеря №1, приведенные С. П. Мельгуновым. Во-первых, заведовал Губернским подотделом принудительных работ Семен Никифорович Ураков^[151]. Во-вторых, в июле 1921 г. в лагере расстреляно было не 25, а 30 офицеров, содержащихся в концлагере №1 (5 – за подготовку к побегу и 25 заложников). А в августе – еще 6 офицеров, совершивших побег 2 июля. События лета 1921 г. подробно описаны Н. И. Дмитриевым в статье «Побег из застенка»^[152].

Кратко дело состояло в следующем. Действительно, бежать из лагеря принудительных работ было от чего. И бежали не только из лагеря, но даже из Екатеринбургской тюрьмы –

только за первое полугодие 1920 г. бежало 23 человека^[153]. Какие меры предписывала центральная власть для предотвращения побегов? Еще 17 декабря 1919 г. был издан декрет Совнаркома за подписью Ленина о порядке отпуска заключенных на работы в советских учреждениях, где указывалось, что в случае побега заключенного поручителя, под чью ответственность работал заключенный, немедленно арестовывать на срок 3 месяца без права изменения меры пресечения^[154].

Нарастание голода участило побегии. Последовал приказ №118 Екатеринбургского губисполкома, губчека и губотдела принудительных работ от 27 мая 1921 г. Приказ гласил: «Ввиду участвовавших за последнее время случаев побега арестованных... а также ввиду того, что неоднократно выясняется, что побег тем или иным заключенным совершен благодаря содействию остальных заключенных из той группы, с которой бежавший находился в одной камере... или на внешних работах... — в целях быстрого прекращения этих явлений и устранения их в будущем, дабы пресечь возможность новых преступных действий со стороны злостных преступников, каковые уже имели место среди сбежавших ранее, настоящим приказывается: ввести во всех местах заключения Екатеринбургской губернии круговую поруку среди арестованных, и ОБЪЯВЛЯЕТСЯ для сведения, что с момента издания настоящего приказа впредь за каждого сбежавшего арестованного будет расстреляно 5 человек из той группы, из которой сбежал арестованный, и того рода преступления, к которой относится сбежавший с места заключения или с места работ арестованный [...]». Подписали: Предгубисполкома Израилович; Зампредгубчека Г. Штальберг (*Герта Штальберг*. — К. С.); Завгуботдела принудительных работ А. Зверев^[155].

Совершались побегии и из лагеря №1. Так, 17 мая 1921 г. скрылся Константин Голубев. Совершили побег офицеры Килосов, Короткин, Шайтанов, Щапов, всего около десяти человек^[156].

В такой обстановке и был совершен побег из Екатеринбургского лагеря №1: шесть офицеров покинули лагерь 2 июля

1921 г. Далее в своей статье Н. И. Дмитриев описывает обстоятельства этого дела. В ходе дознания допрошенные офицеры заявили, что знали о приказе №118 и о возможном расстреле оставшихся в лагере одноклассников, но не предполагали, что такое может свершиться на практике. Хотя некоторые офицеры пытались отрицать сам факт разговоров о побеге и личного участия в нем, но в ходе разбирательства (*т.е. оно все-таки производилось.* — К. С.) все вынуждены были признать подготовку к побегу. (*Должны были бежать восемь офицеров.* — К. С.).

В своем заключении по допросам Ураков писал: «Из настоящего донесения усматривается твердое желание и подготовка к побегу, который был намечен на понедельник. Настоящий побег был предупрежден исключительно благодаря сообщению, сделанному заключенным Степановым Павлом Гавриловичем [...] К упомянутому Степанову прошу принять меру поощрения, а к остальным применить на основании приказа №118 высшую меру наказания [...]»^[157]. Этим и ограничилось участие С. Н. Уракова в расследовании этого дела.

В ходе дознания выяснено, что конвоир красноармеец Бойко в нарушение приказа отпустил девятерых офицеров, отправленных в лес для постановки изгороди из колючей проволоки вокруг огорода для концлагеря, для сбора ягод и покупки молока у проходивших по тракту деревенских женщин. При этом три офицера (Коземаслов, Чиркунов, фамилия еще одного неизвестна) отказались от побега.

На следующий день в лагере были сформированы два списка. Первый состоял из имен и фамилий пяти офицеров, только готовившихся совершить побег. Второй список включал фамилии двадцати пяти офицеров, входивших в одни и те же десятки с бежавшими в эти же дни шестью офицерами. Составленные списки комендант лагеря А. Филатов немедленно направил председателю Екатеринбургской губчека А. Г. Тунгусову для привлечения виновных «к высшей мере наказания на основании приказа №118».

В ходе заседания Екатеринбургской губчека 4 июля 1921 г., в котором участвовали А. Г. Тунгусов (председатель), А. Крылов,

Г. Н. Штальберг, А. Я. Калькштейн (секретарь), были рассмотрены списки «белых офицеров, пытавшихся бежать из лагеря» из пяти человек (А. М. Чечулин, Н. В. Бардин, С. М. Алексеев, В. Н. Боярский, В. Н. Левашов) и «белых офицеров, в десятках из коих бежало шесть человек» – из 25 человек. Постановили: «На основании приказа губисполкома, губотдела принудительных работ и губчека всех перечисленных лиц, обвиняемых в организации и содействии побегу, будучи связаны круговой порукой, согласно вышеупомянутого приказа от 27 мая с/г за №118, подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять». 4 июля приговор был приведен в исполнение.

Все шесть действительно бежавших офицеров вскоре были задержаны крестьянами в Ирбитском районе и переданы милиции. 3 августа дело об их побеге было заслушано на заседании членов коллегии Екатеринбургской губернской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В ночь с 3 на 4 августа они были расстреляны^[158].

Остается добавить, что среди расстрелянных заложников, чьи автобиографии приводятся в статье Н. И. Дмитриева, указан подполковник Иннокентий Иннокентьевич Китновский (1878–1921). Выпускник Казанского пехотного юнкерского училища храбро воевал, защищая Россию. Командовал батальоном, 29 мая 1915 г. произведен в подполковники, а 7 ноября того же года награжден Георгиевским оружием. Был ранен, после возвращения из германского плена, 27 августа 1918 г., мобилизован в белую армию. Как инвалид назначен начальником Новониколаевской унтер-офицерской школы, а затем получил назначение на фронт в качестве завхоза полка^[159].

Но на следующий год в редакцию журнала пришел отклик историка из Барнаула А. Краснощекова на первую часть статьи, где сообщалось небольшое дополнение. «Судя по всему, Китновскому удалось скрыть факт активного участия в боях против Красной армии. Есть сведения, что летом-осенью 1919 г. он **командовал 2-м штурмовым полком** 3-й Сибирской штурмовой

бригады (с августа 1919 г. в составе Сводной Сибирской дивизии)»^[160] (выделено мною. – К. С.).

В январе 1922 г. в Екатеринбургском концлагере №1 числилось 784 заключенных. При этом более четверти из них составляли бывшие белые офицеры. Их средний возраст – 27,5 лет. Не укладывается в сложившийся стереотип белого офицера социальное происхождение этих бывших колчаковцев: из крестьян и мещан (поровну) – 88%, остальные – из духовного звания, казаков, почетных граждан и лишь три человека – из дворян. Ясно, что основную массу заключенных составляли младшие офицеры^[161].

Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь №1 был одним из первых опытов молодого государства в налаживании аппарата карательной системы, строительства собственно советских мест заключения. В этом смысле лагерь еще не имел жесткой дисциплины, достаточного количества конвоя, чтобы водить заключенных на работы. Более того, осужденные имели возможность жить при учреждениях, где они работали. Техническое состояние, условия содержания заключенных, необустроенность быта, наличие библиотек и школ, относительно гуманное отношение к заключенным – факторы, свидетельствующие о том, что лагерная система только зарождалась.

Но условия продолжающейся Гражданской войны, разруха и голод, воцарившиеся в стране, все более ужесточали режим содержания в местах заключения. О чем свидетельствуют события лета 1921 г. в Екатеринбургском концлагере №1.

В том же 1921 г. ЦК РКП (б) создал комиссию, которая предложила пересмотреть дела в отношении всех лиц, попавших в места заключения в годы Гражданской войны. В результате были проведены массовые амнистии и пересмотр дел тех заключенных, которые не подпали под них. Декрет СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. обязал Народный комиссариат труда и его местные органы содействовать трудоустройству заключенных, для чего была издана специальная инструкция.

Постановлением СНК от 25 июля 1922 г., и совместным постановлением НКЮ и НКВД от 12 октября 1922 г., все управление местами заключения было сосредоточено в НКВД с образованием в его составе Главного управления местами заключения (ГУМЗ), а лагеря и бывшее Главное управление принудительных работ упразднили. Так, в Екатеринбурге появилось Губернское управление местами заключения (ГУБУМЗАК), существовавшее до 15 декабря 1923 года. Однако в ведении ВЧК, а затем и ОГПУ осталось значительное количество специальных лагерей, деятельность которых регулировалась совершенно секретными инструкциями и приказами по линии Государственного политического управления (ОГПУ)^[162]. В 1930-е гг. из подобных лагерей вырос «архипелаг ГУЛАГ».

ГЛАВА 3. ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В 1920–1930-Е ГГ. КАК ИНСТРУМЕНТ НЕГАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕЛЕКЦИИ

3.1. ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОЦЕССА ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ (А. П. КИЛИН)

После октября 1917 г. экономические преобразования были подчинены политическим целям – удержанию власти, социальному переустройству старого и формированию нового общества. Одним из методов классовой борьбы в условиях новой экономической политики было внесудебное ограничение в гражданских правах значительной части населения.

Большевики, «диалектически» сочетая идеологический догматизм и прагматизм в оперативном управлении, с одной стороны декларировали демократические принципы, а с другой подвергали дискриминации значительную часть населения. Нельзя утверждать, что в данном случае был реализован принцип «кто был ничем, тот станет всем», поскольку, помимо «бывших», ряды маргиналов пополнили новые «неполноправные свободные».

Механизм внесудебного лишения избирательных прав позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных». Среди представителей последних были как те, кто эксплуатировал чужой труд, так и те, кто занимался торговлей. Лишение частных предпринимателей избирательных прав, то есть дискриминация граждан по признаку профессиональной деятельности, заслуживает особого внимания, поскольку демонстрирует «законные, но не противо-

правные» действия властей, так как граждане существенно ограничивались в своих правах за занятие легальным видом деятельности, которую государство облагало налогами.

Отметим внесудебный, административный порядок лишения избирательных прав граждан, что является радикальной мерой по современным меркам. Так, в сельской местности включение человека в список лишенных избирательных прав и исключение из списка избирателей могло производиться на бездокументной основе, т. е. со слов односельчан или представителей сельсовета человек объявлялся «торговцем» или «кулаком».

Правовая среда Советской России 1920-х гг. была уникальной и единственной в своем роде. Законодательство монархической России в первые годы после Октябрьского переворота использовалось для нужд нового государства в части, не противоречащей декретам советской власти и духу «революционной законности».

Подобно многоукладной экономике, в законодательной практике присутствовали элементы прежнего буржуазного права, над которыми доминировали нормы «революционной законности». Последние сочетались с неписаными правилами — «большевистской этикой» и базировались на восприятии общества через призму классово-борьбы, таким образом можно говорить о специфической модели «правового плюрализма». Оценка конкретных ситуаций с этой, специфической, точки зрения была повсеместной. В таких условиях грань между законом и беззаконием в деятельности органов власти и управления зачастую становилась прозрачной и трудноразличимой.

По прямому признанию В. И. Ленина, революционные декреты служили, прежде всего, целям пропаганды, а главное, и они, и весь гигантский массив юридических документов, практика юридических органов строились в соответствии с «духом революционного правосознания», ни в коей мере не ограничивали всевластие партийных чиновников и административного аппарата партийного государства, юридически облагораживали ничем не ограниченные внесудебные и судебные репрессии,

расправу с негодными, «контрреволюционерами» и «оппозицией»^[163].

С. С. Алексеев отмечает две особенности советского права. *Во-первых*, в него непосредственно включалось социальное революционное право, т. е. «неправовой» в юридическом смысле феномен; *во-вторых*, оно было носителем тоталитарной идеологии, которая, подчинив право, пропитав его догмами, превратила правовую систему в предельно заидеологизированную, тоталитарную, утратившую коренные правовые ценности^[164].

Учитывая специфику правовой среды советской России, приходится констатировать, что ограничение значительной части членов общества в гражданских правах (лишение права голоса на выборах) с формальной точки зрения было законно^[165]. В Конституциях РСФСР 1918 и 1925 гг. содержалось положение, в соответствии с которым, наряду с заключенными и душевнобольными, целый ряд категорий граждан (на основе классового или профессионального признаков) лишались права избирать и быть избранными (пассивного — быть избранным и активного — избирать). К категории «лишенцев»^[166] относились «классово чуждые» элементы, идеологические противники, представители некогда правящих групп и сословий, а также граждане, не занятые в обобщественном секторе производства. В своей работе Г. Алексопулос пишет о том, что «Ленин заявил, что его партия „лишит избирательных прав всех граждан, препятствующих социалистической революции“»^[167].

Основными источниками при изучении проблем избирательного законодательства 1920-х являются Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. и «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов».

Последовательное изучение инструкций по выборам 1920 г.^[168], 1925 г.^[169] (изданной в связи с принятием новой конституции), 1926 г.^[170], а также 1930 г.^[171], дает возможность проследить изменения в избирательном законодательстве советской России в части лишения граждан избирательных прав.

Закономерным является юридическое оформление *de jure* тех изменений, которые произошли в реальной практике *de facto*. Любые корректировки инструкции о выборах свидетельствовали о необходимости приведения юридических норм в соответствие с требованиями жизни. Так, появление постановления ВЦИК от 10 апреля 1930 г. и последующие уточнения, несомненно, свидетельствуют о массовых злоупотреблениях и нарушениях в правоприменительной практике избирательного законодательства^[172].

Рассмотрим инструкции о выборах и сопоставим содержащиеся в них отдельные положения в части категории лишенных избирательных прав.

В инструкции 1920 г. говорилось: «Не избираются и не могут быть избранными... а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, как то: заводчики, фабриканты, деревенские кулаки и другие паразитические элементы, эксплуатирующие труд рабочих, служащих, деревенских батраков и т. д.; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты, доходы с предприятий, имущество и т. п.; в) спекулянты, частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи, духовные служители церквей и религиозных культов всех вероисповедований, сект и т. п.; д) служащие и агенты бывшей царской полиции, особого корпуса жандармов, охранных отделений; е) полиция и милиция всех бывших контрреволюционных правительств, существовавших во время Гражданской войны [для Урала это было связано, прежде всего, с правительством адмирала Колчака. — А. К.]; ж) члены царствующего дома в России; з) лица, бежавшие с контрреволюционным правительством во время его бегства от Красной армии [для Урала это означало „бегство с Колчаком“. — А. К.]; и) лица, признанные в установленном порядке душевно больными или умалишенными, а также лица, состоящие под опекой, и осужденные за корыстные или порочные преступления на срок, установленный законом или судебным приговором»^[173].

Нет указания на то, на основании каких документов должно быть вынесено решение. В данной инструкции не идет речь о лишении избирательного права членов семьи «лишенца», которые достигли избирательного возраста, но находились на иждивении. В последующих документах этот тезис повсеместно присутствует, что существенно расширяло круг граждан, ущемленных в правах.

Необходимо отметить, что отдельные нормы инструкции о выборах в части лишения избирательного права не всегда использовались с одинаковой интенсивностью. В первые годы нэпа, когда были сделаны уступки рынку, а также допускалось легальное существование частных предпринимателей, органы власти были несколько дезориентированы и не применяли повсеместно лишение избирательных прав к частным торговцам и прочим, наиболее экономически активным социальным группам. Когда началось наступление на принципы нэпа и государственное регулирование усилилось, активизировался и процесс лишения избирательных прав.

В 1924 г. на короткий срок, а затем планомерно, начиная с 1926 г. и вплоть до 1930-х гг., лишение избирательных прав как форма классово-борьбы применялось наиболее активно. Однако следует учитывать, что начало разработки документа и момент его принятия разделял определенный временной промежуток. Правоприменительная практика в раннесоветском обществе могла как отставать от законодательства, так и стремительно опережать его, радикализируясь, или ослабевать в зависимости от политической конъюнктуры.

Так, например, инструкции 1925, 1926 и 1930 гг. имеют существенные отличия от предшествующего положения 1920 г. В них более детально проработан механизм лишения избирательных прав и порядок рассмотрения жалоб граждан. Это, несомненно, свидетельствует о насущной необходимости регламентировать широко распространившуюся практику лишения прав. В последующих инструкциях, помимо уточнения категорий граждан, указывалось, на основании каких документов

должно было приниматься решение о внесении их в списки местных избирательных комиссий, что, в свою очередь, свидетельствует об усилении правового регулирования избирательного процесса.

В инструкции 1925 г. говорится, что «учет лиц, лишенных избирательных прав, проводится на основании сведений документального характера»: копий приговоров или справок судебных органов; сведений финансовых органов об уплате подоходного и промыслового налогов, справок о выборке патентов на занятие торговой и предпринимательской деятельностью; справок административных органов или волостных исполнительных комитетов и сельских советов; а также актов органов здравоохранения^[174].

Очевидно, что включение в инструкцию 1925 г. перечня лиц, которые не должны ограничиваться в гражданских правах, было обусловлено реальной практикой неправомерного лишения избирательных прав целого ряда кустарей, ремесленников и мелких сельских производителей.

Не лишались избирательных прав лица, которые пользовались наемным трудом в соответствии с правилами об условии применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах; владельцы и арендаторы мельниц, просорушек, маслобоек, кузниц и т. п. предприятий и вообще все кустари и ремесленники, имевшие не более одного или двух учеников, если они лично участвовали в работах; лица, получавшие проценты с вкладов и облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов; лица, выбиравшие патент первого разряда (торгующие вразнос); вспомогательный персонал церковных организаций, если они работали в них по найму; члены семей лиц, лишенных избирательного права, если они материально не зависели от лиц, лишенных избирательного права по своей профессии^[175].

Инструкция 1926 г. дополнила этот перечень. Не могли быть лишены избирательного права лица, занимавшиеся сельским хозяйством и сбывавшие продукты своего труда на ры-

нок; привлеченные в свое время в ряды белых армий путем мобилизации рабочие, низшие служащие, трудовые крестьяне, казаки, кустари и ремесленники; лица, в силу особых причин занимавшиеся мелкой торговлей, как то: инвалиды труда и войны, торговавшие по бесплатным патентам Наркомата социального обеспечения, безработные рабочие и служащие (состоявшие на учете посреднических бюро труда); лица свободных профессий, занимающиеся общественно полезным трудом, если они не эксплуатировали чужого труда с целью извлечения прибыли^[176].

Логично предположить, что в реальной практике перечисленные категории лишались избирательных прав, об этом свидетельствуют и материалы личных дел «лишенцев»^[177]. Поэтому с целью ограничения поступления новых жалоб на неправомерное лишение, а также исходя из практики избирательных комиссий всех уровней по пересмотру дел, перечень был дополнен и детализирован. Перечень категорий лиц, не подлежащих лишению, свидетельствует об уступках субъектам рыночных отношений, какими являлись крестьяне, кустари, ремесленники, безработные, рабочие и служащие, торговавшие на рынках, а также о допущении деятельности частных адвокатов, врачей и учителей. Массовостью лишения избирательных прав, а порой и злоупотреблениями, связанными с этим процессом, можно объяснить включение в текст инструкции 1925 г. пункта №22, по которому «избирательные комиссии не имеют права дополнять перечень лиц, указанных в настоящей главе»^[178]. К сожалению, это положение нарушалось. Материалы личных дел «лишенцев» предоставляют немало тому свидетельств.

Одновременно, положения инструкции 1926 г. позволили более широко распространить ограничения гражданских прав на иждивенцев. «До опубликования инструкций 1926 г. в городских и сельских округах РСФСР на иждивенцев приходилось лишь 9% бесправных членов семей. К 1929 г. иждивенцы, обычно женщины и молодежь, составляли 35% всех бесправных в городских районах и 49% сельских бесправных»^[179].

Повсеместное расширительное толкование положений Инструкции о выборах, в части ограничений в гражданских правах потребовало корректировать деятельность местных властей. Это беззаконие, даже с точки зрения «революционной законности», достигло такого размаха, что было издано постановление ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г., призванное пресечь массовые нарушения.

Было предписано создать специальные комиссии на местах для пересмотра списков лишенных избирательных прав и рассмотрения жалоб. В случае обнаружения неправильного или необоснованного решения специальные комиссии были правомочны исключить гражданина из списков и тем самым восстанавливать его в избирательных правах. Необоснованными считались те решения, которые были вынесены на основании документально неподтвержденных сведений.

В ходе работы спецкомиссий восстанавливались в правах и те граждане, которые были ранее лишены прав как члены семей «лишенцев» и достигли совершеннолетия после 1924 г. Чтобы пресечь злоупотребления, списки «лишенцев», разработанные в ходе предвыборной кампании, предписывалось утверждать в вышестоящих исполкомах, без чего они не могли быть опубликованы. Отмечалось, что никакие органы и организации, например: фабзавкомы, месткомы, домоуправления, колхозы, бригады и т. п., кроме местных советов и их президиумов, не имеют права лишать каких бы то ни было граждан избирательных прав. Это положение косвенно свидетельствует о том, что такие решения принимались этими организациями.

Постановление акцентирует внимание на неправомерном и расширительном толковании норм. В пункте 9 говорилось: «Предложить ЦИКам автономных республик, краевым и областным исполкомам, наркоматам и кооперативным центрам РСФСР и другим учреждениям и организациям в десятидневный срок отменить все постановления, циркуляры и распоряжения, устанавливающие какие-либо дополнительные ограничения, установленные только по признаку лишения избирательных прав

и не предусмотренные законодательством Союза ССР и РСФСР, в отношении лиц, лишенных избирательных прав, и членов их семей, как то: выселение из квартир, городов, рабочих поселков, сельских и других местностей, лишение заборных книжек [дающих право на нормированное получение продуктов. — А. К.], лишение медицинской и юридической помощи, отказ в приеме жалоб и выдаче справок, исключение детей из школ, исключение из членов промысловых артелей, раскулачивание, обложение в индивидуальном порядке налогами и сборами, лишение права застройки, муниципализации строений и т. п.»^[180]

К числу неназванных относились следующие ограничения: невозможность служить в кадровых частях Красной армии, а лишь в тыловом ополчении; запрет на поступление в высшие учебные заведения. Крестьяне-«лишенцы» не могли замещать должности сельских исполнителей, в чьи функции входило созывать народ на сход. Это ограничение было связано с необходимостью заплатить дополнительный налог. «Лишенцев» не принимали на работу в государственные организации, и они в первую очередь подвергались увольнению.

Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе^[181]. По мнению Г. Алексопулос, правовой статус «лишенцев» напоминал «статус евреев и цыган в Третьем Рейхе, которые характеризовались как паразиты, воры и бездельники, были отстранены от должностей гражданской службы и вооруженных сил, подвергаясь жестокой дискриминации и экономическому разорению, были лишены социальных пособий, доступных только для граждан, и стали жертвами усиления полицейских репрессий»^[182].

Такие существенные ограничения заставляли человека стремиться к восстановлению в избирательных правах. Стимулом было не только избавление от морального прессинга, но и элементарные соображения выживания. Естественно, что с просьбой о восстановлении обращались те, кто имел шанс на восстановле-

ние (имел пятилетний стаж трудовой деятельности, мог доказать лояльность к советской власти, был членом профсоюза и т. д.). Как вариант, с заявлением о восстановлении в правах обращались граждане, которые считали, что лишены избирательных прав незаконно, поэтому требовали восстановления справедливости. Зачастую стимулом к восстановлению являлись потребности членов семьи, которые нуждались в трудоустройстве или планировали получать образование.

По своему духу постановление от 10 апреля 1930 г. было аналогично постановлению ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»^[183]. Постановление от 10 апреля 1930 г. и последующие за ним уточнения и мероприятия властей носили характер кампании и были призваны исправить «искривления на местах», поддержать в народе миф об отеческой заботе государства о своих гражданах. Необходимо отметить, что юридически оформленные ограничения на процедуру лишения избирательных прав и сокращение перечня категорий граждан, подпадающих под ограничения, осуществлялись параллельно с процессом свертывания нэпа и, как следствие, сопровождались увеличением числа «неполноправных свободных», дискриминируемых в правовом отношении граждан. На наш взгляд, постановление от 10 апреля было вызвано еще и тем обстоятельством, что лишение избирательного права в начале 1930-х гг. уже не играло столь важной роли в арсенале борьбы с «классово чуждыми элементами». Государственная машина, выстроенная по авторитарному типу, уже набрала силу и была готова применить к «врагам народа» более радикальные меры. Гипотеза об обострении классовой борьбы в период строительства социализма нуждалась в фактическом подтверждении.

Как отмечает Г. Алексопулос, ежегодные данные о количестве людей, лишенных избирательных прав в РСФСР, остаются противоречивыми, но в пиковые годы политики советская государственная бюрократия зарегистрировала около **четырёх миллионов** [выделено нами. — А. К.] бесправных людей^[184]. По дан-

ным переписи 1926 года, население РСФСР составляло 92,8 млн человек.

При этом численный состав «лишенцев» напрямую отражал колебания государственной политики в отношении частного предпринимательства, со всеми его взлетами и падениями. «Начиная с 1930 года число лишенных гражданских прав стало сокращаться в регистрах местных органов государственной власти. Цифры на бесправных как процент избирателей, показал резкий рост в кампании 1926–1927 гг., незначительное увеличение с кампании 1928–1929 гг., а затем резкий спад с кампании 1930–1931 гг.»^[185].

Региональные особенности в процессе лишения избирательных прав нуждаются в дальнейшем исследовании. Г. Алексопулос обращает внимание на существенный разброс в процентах лишения по различным субъектам СССР и РСФСР. «Методы учета и отслеживания населения без прав едва ли представляют собой точную науку, а цифры о количестве изгоев часто варьируются в различных источниках. Тем не менее, можно видеть поразительную картину этнических анклавов, сообщающих о более высоких, чем в среднем, показателях численности их бесправного населения. В избирательной кампании 1926–27 и 1928–29 гг. РСФСР сообщала примерно о 3–4% сельских и 7–8% городских лишенцев от имеющих право голоса. По сравнению с этими цифрами, 13% голосующих [...] было бесправными в Калмыцкой АССР в 1928–29, и Крымская АССР, указавшая 8,7% без прав в 1928–29. Московская область лишила избирательных прав 3–6% населения избирательного возраста в 1928–29 годах, в то время как Северная Осетия – 7,6%, Бурят-Монгольская АССР – 7,6% [...] В городских районах Татарская АССР зарегистрировала 12% бесправных на выборах в советы в 1926–27 гг., а изгой Узбекской ССР в кампании 1928–29 гг. составили 13,7%. Кроме того, в конце 1920-х гг. исключение этнических групп не стало обычным явлением. Еще в 1924–25 гг., когда в РСФСР были лишены избирательных прав 1–3% населения, такие города, как Одесса и Жито-

мир, лишились избирательных прав 9,9% и 11,3% соответственно»^[186].

Автор делает однозначный вывод о том, что «нерусские гораздо чаще теряли свои права, чем русские, и по причинам, связанным с их экономической практикой, а также культурными традициями»^[187].

По нашим данным, представители «нацменов», формировавшие диаспорный уклад, были активно вовлечены в самые разнообразные и специфические виды торговли, что влекло за собой лишение избирательных прав.

В фонде Уральского областного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов хранятся документы областной избирательной комиссии, в компетенцию которой входило рассмотрение ходатайств граждан о восстановлении в избирательных правах, не удовлетворенных в комиссиях низового уровня. В частности имеются списки лишенных избирательных прав по городу Екатеринбург, составленные 15 октября 1924 г.^[188]

Два списка разделены по признаку – основание для лишения: первый на основании ст. 65, второй в соответствии со ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. В первый список включены: священники, торговцы и совладельцы торговых предприятий, предприниматели, занятые ремесленным или промышленным производством (в т. ч. ассенизаторы, парикмахеры, владельцы часовых мастерских и пекарен и т. п.), а во второй – состоящие на учете в Государственном политическом управлении, в том числе: административно-высланные, перешедшие границу и бывшие белые офицеры.

Списки содержат сквозную нумерацию и включают в себя 3208 записей, соответственно – 2053 записи в первом и 1155 во втором. При этом в Екатеринбурге-Свердловске в 1923 г. проживало 97 400, а в 1926 г. – 140 000 человек^[189]. Если ориентироваться на ближайший к 1924-му 1923 г., то, согласно составленным спискам, 3,29% горожан были лишены права избирать и быть избранными.

Поскольку объектом наших исследований длительное время являлись частные предприниматели, то наше внимание сосредоточено именно на них^[190]. Частные торговцы являлись самой многочисленной группой среди «лишенцев». Среди них было не только много представителей различных этносов, но и подданные различных государств.

Нами был проанализирован первый список, поскольку основное внимание мы уделяли частным торговцам, которые составляли абсолютное большинство (1679 чел.), 374 гражданина были лишены избирательного права по иным основаниям.

Каждая запись состоит из трех позиций: фамилия, имя, отчество гражданина; вид деятельности в настоящее время, который явился основанием для лишения избирательных прав; а также статья Конституции, на основе которой было принято решение о лишении. Последняя запись стандартная и воспроизводится без изменений «Согласно п. „В“ Статьи 65 Конституции».

Из общего числа торговцев (1679) в 1466 случаях фамилия, имя и отчество были указаны полностью, а в 213 случаях в сокращенном или урезанном виде. Это обстоятельство могло повлиять на судьбу человека, поскольку в материалах личных дел «лишенцев» есть жалобы на то, что гражданин был лишен избирательных прав по ошибке, что его перепутали с другим гражданином.

При анализе торговцев выяснилось, что некоторые записи дублируют друг друга. После анализа нами были исключены записи, определенно совпадающие друг с другом, в отношении 15 записей остались сомнения в их дублировании, по этой причине они были сохранены в общем перечне. Таким образом, нами проанализировано 1626 записей, относящихся к торговцам. Причины, по которым одни и те же граждане внесены в список дважды, могут быть следующие. Во-первых, техническая ошибка и невнимательность машинистки. Во-вторых, дублирование документов, на основании которых производилось лишение. По одним документам гражданин проходил как торговец, выбравший патент на промысловое занятие, а по дру-

гим — числился совладельцем торгового предприятия, в котором сам не вел торговлю. Третья причина носит более сложный и труднодоказуемый характер. Как полагает Г. Алексопулос, местные чиновники искусственно расширяли списки лишенных избирательных прав, желая продемонстрировать свою бдительность и «перевыполнить план» по очистке списков избирателей от неблагонадежных элементов. По факту, в списки включали несовершеннолетних детей, уже восстановленных в избирательных правах и даже умерших. Традиция использования «мертвых душ», по всей видимости, глубоко укоренилась в бюрократической практике. Г. Алексопулос пишет: «Даже маленькие дети появлялись в списках бесправных, поскольку местные чиновники пытались удовлетворить своих начальников, но в то же время оставляли свои общины относительно незатронутыми. На Северном Кавказе и в других местах дети в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет были обнаружены в списке бесправных, и один сельский совет в Коми включил в свой список детей в возрасте до одного года. Должностные лица также внесли в свои списки имена погибших, выехавших из региона или уже восстановивших свои права»^[191].

Из числа занятых торгово-посреднической деятельностью (1626 чел.) непосредственно числились торговцами 1549, а 77 являлись совладельцами торговых предприятий.

Поскольку этническая принадлежность предпринимателей не указана, ее можно весьма условно определить исходя из особенностей имен, отчеств и фамилий. Разумеется, такая идентификация далека от строго научной, поэтому в ряде случаев определить этническую принадлежность невозможно. Особенно это сложно с представителями азиатских стран. Даже обращение за консультацией к носителям языка не позволило определить точную этническую принадлежность гражданина. Особенности звучания их имен и отсутствие строгих правил транслитерации не позволяют провести достоверную идентификацию. По этой причине граждане китайского или корейского происхождения оказались в одной группе — граждане ази-

атского происхождения – 79 человек. Граждане еврейского происхождения – 113, тюркского – 184 и славянского – 1079. В остальных случаях это оказались граждане, которые относились к иным этническим группам, не подходящим под четыре основные, выделенных нами. К этой же категории относились те, чью этничность даже приблизительно не удалось определить, поскольку при записи были использованы краткие наименования, либо этничность не «считывалась». Это обстоятельство не позволило определить и пол некоторых «лишенцев», практически полностью это оказалось невозможно сделать в отношении представителей азиатских стран. Всего же из тех, кого удалось идентифицировать – 1001 мужчина и 531 женщина.

Списки по городу Екатеринбург демонстрируют высокую экономическую активность городского населения в целом и торговцев в частности. Отметим широкое представительство различных этнических групп и активное вовлечение в торговлю женщин, особенно оставшихся без кормильца и вынужденных самостоятельно обеспечивать не только себя, но и своих малолетних детей.

3.2. ПРОЦЕСС ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (А. П. КИЛИН)

Включение в списки «лишенцев» происходило оперативно; напротив, процесс восстановления был длителен и сложен. Необходимо было пройти административную процедуру и выполнять целый ряд условий, среди которых был своего рода «карантин», т. е. пятилетний стаж общественно полезного труда после прекращения неблагонадежной деятельности. Восстановление в избирательных правах напоминало судебную процедуру, пусть и осуществляемую в заочной форме, в рамках которой человек должен был доказать, что лишен избирательных прав незаконно, или, если лишение было законным, обосновать возможность своего восстановления (доказать лояльность советской власти, подтвердить пятилетний трудовой стаж и т.

п.). Таким образом, доминировала презумпция виновности человека, который был вынужден самостоятельно доказывать свою невиновность. Отправной точкой на этом пути было заявление «лишенца» о восстановлении в правах.

Предполагалось, что личное дело гражданина, возбужденного ходатайство о восстановлении в избирательных правах, должно включать в себя комплекс документов, с точки зрения членов избирательной комиссии необходимых и достаточных для вынесения окончательного решения. На основе происхождения и по тематическому признаку весь комплекс документов, содержащийся в личном деле, можно подразделить на несколько групп: 1) заявление (жалоба, прошение, обращение) гражданина; 2) сопроводительные документы, собранные и предоставленные самим заявителем, призванные подтвердить изложенные в заявлении факты; 3) материалы избирательной комиссии (решения, выписки из протоколов, запросы в сторонние организации, анкеты); 4) документы сторонних организаций, собранные по инициативе избирательной комиссии (характеристики и рекомендации, финансово-хозяйственные документы, медицинские справки и акты освидетельствования пациента, материалы кадрового делопроизводства, копии записей актов гражданского состояния)^[192].

Наиболее информативным документом в личном деле является заявление гражданина, с включенными в него биографическими данными, как единичные случаи могут встречаться автобиографии в качестве самостоятельного документа.

В основу изложения материала заявителем был положен хронологический принцип, поэтому структура автобиографии вполне традиционна. Однако, помимо хронологической канвы, в текстах автобиографий можно выделить три линии повествования: «историческая», «личностная» и «торговая», последняя непосредственно связана с лишением избирательных прав.

Первая, «историческая», построена на описании наиболее значимых событий и соответствует общепринятой периодизации: до октября 1917 г., в годы Гражданской войны, в период

нэпа и на стадии его свертывания. Эта периодизация была задана содержанием анкет, которые предлагали заполнить заявителям. Отдельные исторические события могли занимать достаточно большое место в биографии человека, а могли игнорироваться, в зависимости от того, насколько активно гражданин был в них включен.

«Личностная» линия построена на описании собственно биографии гражданина. Периодизация отражает этапы жизненного цикла: детство, юность, взросление, зрелость, старость. За основу берутся значимые с точки зрения «лишенца» события:

- рождение и связанное с ним социальное происхождение;
- учеба и, соответственно, уровень образования и политической грамотности;
- семейное положение как фактор социального окружения и стимул к труду (особенно для глав семьи с большим количеством иждивенцев);
- служба в армии (царской, белой, красной) с различными, порой взаимоисключающими оценочными характеристиками этого периода жизни;
- отдельные факты биографии (безработица, болезнь, инвалидность, переезд в другую местность и т. п.).

Наиболее детально описывается «торговая» сюжетная линия, в которой излагаются обстоятельства, связанные со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер), а также лишение избирательных прав и его последствия. Таким образом, в основу этой линии положен факт торговли («до», «во время» и «после» торговой деятельности). Напомним, что частные торговцы, как профессиональные, так и те, для кого это было временным занятием, составляли большинство среди тех, кто обращался в органы власти с заявлением о восстановлении в правах.

На дооктябрьский период делается акцент в биографиях национальных меньшинств (инородцев, нацменов) и представителей неправославных конфессий (иноверцев). В большинстве биографий этот период рассматривается как пример тягот,

связанных как с этническим, так и с пролетарским происхождением автора, как время жестокой эксплуатации со стороны имущих классов (купца, владельца магазина и т. п.). Эти сюжеты призваны продемонстрировать низкий социальный статус или оппозиционность гражданина при «царском режиме», доказать факты дискриминации. Порой революция и Гражданская война уходят на второй план или совсем исчезают из поля зрения автора, который говорит только о тех обстоятельствах, которые касаются его непосредственно. В рассмотренных нами делах практически «прозрачными» являются революционные события 1917 г., сюжеты, связанные со сменой власти. По всей видимости, это объясняется тем, что заявители были слабо вовлечены в политические процессы. Единственное событие, которое достаточно часто упоминается и которое можно отнести на счет уральской специфики, — это описание наступления и отхода войск адмирала А. В. Колчака.

Наибольшее значение в биографии гражданина имели события, служащие основанием для восстановления в избирательных правах (служба в Красной армии, пятилетний стаж трудовой деятельности после окончания торговли, членство в профсоюзе). Эти факты биографии призваны продемонстрировать лояльность гражданина к советской власти, подчеркнув при этом неза заслуженное ограничение его в правах. Такая подача материала должна была показать противоречие и явную несправедливость, при которой человек сохранял низкий социальный статус как до, так и после октября 1917 г.

Этот прием можно рассматривать как манипуляцию, способ психологического давления на членов избирательной комиссии, так как противопоставление с дореволюционным прошлым было излюбленным приемом официальной пропаганды, и любые сопоставления не в пользу нового строя могли рассматриваться как скрытая форма протеста. Оппозиционность официальной власти подчеркивалась при упоминании фактов из биографии до 1917 г., напротив лояльность Советской власти была отправной точкой при изложении материала «советского периода».

По этой схеме «минусы» до 1917 г. должны были трансформироваться в «плюсы» после октября 1917 г.

Примечательно, что особый акцент, как со стороны заявителей, так и со стороны членов избирательной комиссии, делался на оценке «лояльности» гражданина, хотя точность определения этой категории порой оспаривается. П. И. Перевощиков в своем заявлении пишет: «Президиум четвертого райсовета по моему ходатайству о восстановлении в правах гражданства отказал, мотивируя, что я не проявил лояльности к советской власти, как я ее мог проявить и выставить на вид, чтоб об этом знали члены комиссии, я не знаю. Я знаю, что вообще честно работал, нигде взысканиям и выговорам не подвергался, хотя как инвалид первой группы, освобожденный экспертизой на один год от работы, я все же продолжал работать»^[193].

Анализ автобиографий «лишенцев» подтверждает вывод о том, что «историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидуом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями^[194].

При анализе биографий обращает на себя внимание сочетание динамики исторических изменений со статикой жизненной траектории, «пробуксовка» судьбы человека. С одной стороны, за короткий промежуток времени, буквально за несколько десятилетий, перед нами разворачивается калейдоскоп исторических событий, количества которых с избытком хватило бы на несколько человеческих жизней. С другой – все эти изменения не приводят к положительной динамике, карьерному росту, развитию личности. Этот вывод вытекает из специфики данного типа источника – личного дела «лишенца». Совершенно очевидно, что рассмотрение, например, наградных материалов сформировало бы у исследователя более оптимистическую историческую картину.

Порой наивысший уровень социально одобряемого поведения авторы биографий напрямую связывают с пролетарским

происхождением (родился в бедной крестьянской семье, сын пролетария), т. е. с событиями до октября 1917 г.

В советский период можно говорить о некоей положительной динамике, связанной с обучением, с периодом трудовой деятельности или службой в Красной армии. Период 1920-х гг. описывается в предельно драматических тонах, схожих с оценками, которые в современной публицистике применяются к «лихим девяностым». Экономическое и отчасти идеологическое разнообразие, ослабление государственного регулирования, а также уклонение власти от выполнения ряда социальных функций, которые она не в состоянии была выполнять из-за дефицита ресурсов, предопределяли необходимость выбора и создавали почву для экономической автономии личности. Бремя выбора всегда тяжело, а к экономической самостоятельности не все были готовы. Сделав рациональный выбор в пользу материального благополучия членов своей семьи, занимаясь частным предпринимательством, человек совершал ошибку в идеологической системе координат. Именно в годы нэпа происходит «грехопадение» гражданина, под воздействием внешних, как правило, не зависящих от воли индивида объективных обстоятельств (безработица, голод, большая семья).

Вслед за дискриминацией была необходима реабилитация. С точки зрения права, под реабилитацией понимается официальное восстановление в прежних правах, восстановление чести и репутации опороченного лица. В этом контексте восстановление в избирательных правах рассматривается как возможность возвращения к прежнему социальному статусу, к ситуации *status quo*, предполагающей реабилитацию гражданина. Таким образом, жизненная траектория оказывается замкнутой, в ней отсутствует положительная динамика. В качестве основного тренда биографии демонстрируют нисходящую социальную мобильность.

В заявлении С. И. Шишалова^[195] говорится: « [...] решительно ничего не имею, что в жизни своей я перенес очень многое и по справедливости в настоящий период торжества трудящих-

ся я первый должен был бы быть на пиру, но я по неосознанности, политической неграмотности это свое первородство променял на чечевичную похлебку, пошел торговать, опять-таки, я повторяю, меня толкнуло [на] это тяжелое материальное положение и совращенье выгодным предложеньем, что я считаю безвинным, так как закон разрешает заниматься этим делом, что вину эту свою я осознал и больше на этот путь не вернусь. [...] Мой послужной формуляр не блещет заслугами, но моя жизнь, зато, полна страданий и, может быть, вы к моим страданиям отнесетесь с пролетарской чуткостью и мое ошибочное отступление зачеркаете, приняв меня в ряды и семью трудящихся»^[196].

Использование образов «искушения» и «грехопадения», наличие религиозных мотивов в заявлениях может быть объяснено как характером дореволюционного образования, так и сложившейся устной традицией, которая в столь короткий срок не могла быть в полной мере замещена новым «советским» языком.

Возможно, по мнению авторов биографий, жанр покаяния или исповеди подразумевал именно такую лексику. Терминология зачастую заимствовалась из речей партийных лидеров, широко распространяемых через периодическую печать. Так, о «пролетарском первородстве» говорил Н. И. Бухарин, когда описывал перспективы сосуществования советской экономики и мирового хозяйства^[197].

По мнению Г. Алексопулос, эта стилистика является отголоском обычного права: «Жалобы изгоев и ответы советских чиновников на них иллюстрируют сохранение обычного права, в котором ценятся жалость и смирение, а также неформальность, привлекающая внимание к особенностям жизни и деятельности людей»^[198]. Таким образом, обычное право и формальные юридические нормы, «революционная законность» и традиции формировали живописную и контрастную палитру правового плюрализма.

Тексты биографий свидетельствуют о проблеме профессиональной самоидентификации заявителей. Быть торговцем для

них означало не только относиться к определенной профессиональной группе. Как правило, под термином «торговец» подразумевалось нечто большее. Даже признавая сам факт торговли, гражданин дистанцировался от слоя профессиональных торговцев, крайне негативно характеризуя своих коллег по цеху. В сводках ОГПУ по Тобольскому округу находим пример градации продавцов на «торговцев» и «торгашей»: «В деятельности частной торговли, вольного рынка можно отметить, что сами *торговцы* указывают на большое развитие *торгашей* (выделено нами. – А. К.), которых распространилось больше, чем покупателей и говорят, что с таким ростом торговцев продавать товар будет некому»^[199].

Даже выбирая патент на занятие торговлей, заявители, по сути, не отождествляли себя с торговцами на вполне законных основаниях, например, в ситуации, когда сотрудники финансовых или правоохранительных органов вынуждали брать патент крестьянина, который реализовывал на рынке продукцию своего хозяйства. Грань между профессиональными торговцами и людьми, занимающимися ею в качестве дополнительного промысла, была весьма условной.

Критерием, который предлагалось использовать при отделении «настоящих» торговцев от «ненастоящих», являлся факт эксплуатации чужого труда, т. е. очевидно стремление избежать дискриминации исключительно по профессиональному признаку. В заявлении одного из «лишенцев» читаем: «Лишать избирательного права настоящего нэпмана, это другое дело. Настоящий нэпман живет исключительно спекуляцией чужого труда»^[200]. Примечательно «переключение» в применении термина «спекуляция» с перепродажи товаров на использование наемного труда.

Революция влечет за собой радикальную ломку, трансформацию социальной структуры общества, порождает конфронтационное мышление и детерминирует процесс формирования собственной идентичности, основанной на противопоставлении старого и нового, добра и зла, героя и антигероя. В идеологии

большевизма странным образом сочетались детерминизм, фатум, рок, обусловленный социальным происхождением индивидуума, с одной стороны, и концепция формирования нового человека, предусматривавшая возможность социального, классового перерождения, с другой^[201].

Это наблюдение вполне согласуется с выводом, который сделал А. Гершенкрон относительно противоречивости доктрины большевиков: «Официальная идеология в России представляет собой некое странное сочетание различных принципов, которые служат лишь для оправдания проводимой политики, практически не имеющей никакого отношения к исходной марксистской идеологии»^[202].

Авторы биографий, конструируя свое видение ситуации, ориентировались на идеологический шаблон «советского человека». Это был гражданин, имеющий безукоризненное пролетарское происхождение, незапятнанную биографию и отличные личностные характеристики, идеологически выдержанный, наделенный всей полнотой прав, принимающий активное участие в строительстве социализма, работающий в обобществленном секторе хозяйства, его не страшит безработица. Все эти характеристики давали основание для включения его в систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Идеал, который брался за основу, в действительности не существовал. В результате возникал конфликт, порожденный несоответствием между ожидаемым и реальным положением вещей.

Противоположный этому прием используют авторы, когда соотносят свою биографию с судьбой «антигероя» («бывший», «контрреволюционер», «нэпман» и т. п.). Образ антигероя, в отличие от героя, не был столь абстрактен и недостижим. Порой это были близкие автору люди, на которых он переносил часть ответственности за свое «грехопадение». В тексте биографий авторы порой стремятся отстраниться, дистанцироваться от членов своей семьи (родителей, жены, мужа), занимавшихся торговлей.

А. П. Востров^[203] писал: «Лишен же я избирательных прав только потому, что бывшая жена моя — К. Н. Вострова, с которой

я уже три года не живу и формально разведен с 1927 г. (см. справку ЗАГСа), и которая теперь уже несколько лет снова вышла замуж за другого и не живет в г. Свердловске, а в г. Павлодаре, занималась торговлей. Я же совладельцем ее дела не был, и на ее средства не жил, так как имел свой заработок, работая, как кустарь-пиротехник, в городских садах и других культурных организациях. В личной жизни с моей бывшей женой Кл. Н. Востровой тоже у меня не было почти ничего общего, так как я не мог ужиться с ея: как идеологией, так и с ея взглядами, вследствие чего и развелся с нею»^[204].

Основной причиной занятия частной торговлей, по официальной версии, распространяемой пропагандой, являлась жажда наживы, но этот тезис неоднократно оспаривается авторами биографий. Реальная мотивация к занятию торговлей, по мнению «лишенцев», была вызвана необходимостью выживания, адаптации к неблагоприятным условиям, желанием повысить (точнее восстановить) уровень благосостояния после экстремального периода войны и голода.

Стремление «включиться» в советскую систему координат требовало как обоснования причин занятия торговлей (как правило, вынужденных), так и создания образа лояльного и законопослушного гражданина, пусть и запятнанного неблагоприятной («преступной») деятельностью.

Авторами подчеркивалась ценность отдельных эпизодов их биографий, как реальных, так и потенциально возможных, но не случившихся, что позволяет маркировать эти характеристики как социально значимые. Встречаются перечисления того, что могло произойти, могло быть сделано, но не произошло с гражданином (под судом не был, у белых не служил, наемный труд не использовал, с Колчаком не ушел, не спекулировал, не имел долгов по налогам и т. п.).

По мнению Г. Алексопулос, «для многих было предпочтительнее и легче приобрести советскую идентичность риторически, так сказать, переосмыслив прошлое или подчеркнув то, чего никто не делал [...] подчеркивалось отсутствие каких-либо

судимостей или причастность к контрреволюционной деятельности и своевременная уплата ими всех налогов и сборов»^[205].

В процессе самоидентификации авторы автобиографий использовали традиционные шаблоны, при этом доминировали архаичные представления о праведности тяжелого труда, связанного с материальным производством; напротив, торгово-средническая деятельность криминализировалась. Занятие торговлей «списывали» на негативное влияние «несознательных» членов семьи, а право на восстановление обосновывалось родством с «пролетарски безупречными родственниками».

Г. Алексопулос пишет: «В своих ходатайствах некоторые из лишенных гражданских прав ссылались на членов семьи, которые имели хороший советский профиль, и перечисляли общественно полезную деятельность родственников. Те, кто отстал в осуществлении личной трансформации, надеялись на поддержку политически не по годам развитой семьи и демонстрировали лояльность и общественно полезный труд через мужей, родителей и детей. Семейные отношения часто стигматизируются, но они также могут быть реабилитационными. Супруги играют важнейшую роль в реабилитации, независимо от того, несут ли они ответственность за утрату гражданских прав. Женщины всегда упоминают своих мужей в петициях, а мужья иногда делают полезные ссылки и на своих жен. В своем ходатайстве уральский мужчина отметил благоприятную идентичность своей супруги, хотя и был лишен гражданских прав за свою деятельность»^[206].

Авторы выбирали оборонительные или наступательные стратегии для достижения поставленной цели. Абсолютное большинство выступало с «покаянием», не оспаривало обоснованности лишения избирательных прав, использовало уничижительные самооценки. Другие, напротив, активно отстаивали свою позицию, доказывая неправомерность лишения избирательных прав. В качестве аргументов совершенно справедливо приводились ссылки на то, что частная торговля была разрешена, что члены избирательной комиссии слишком вольно трактовали по-

ложения инструкции о выборах и лишали прав тех, кто не должен был подпадать под эту санкцию (безработные, инвалиды, мелкие производители, сбывающие продукцию собственного производства и т. п.). Приводились примеры, когда лишение избирательных прав использовалось для сведения личных счетов.

В. И. Лагуткин^[207] так оценивал свое положение: «Исходя из вышеизложенного, я имею право претендовать на ту обиду, которая наносится мне к концу ликвидации частной торговли вообще: лишившись своего дела [он занимался продажей книг. – А. К.], а также и средств, находившихся в моем распоряжении, я, естественно, должен где-то работать, но и этой прелестью я как лишенец получить нигде не могу. Несмотря на то, что мной сделаны попытки работать не только по своей специальности, но и по другим видам работ, где меня, как лишенца, снимают с работы и для наглядности прилагаю удостоверение о моей работе, с которых я снят [...] Скажите, какое преступление мной сделано? И заявляю, если я действительно являюсь преступным элементом, отдайте под суд и если заслужил, то расстреляйте. Это будет лучшая расплата за свой грех, чем быть манекеном и быть заживо погребенным в тот момент, когда есть работа и нужны люди. Еще раз настоятельно прошу восстановить в правах гражданства, чтобы я мог еще поработать на этом культурно-просветительном фронте»^[208].

Специфика биографии В. И. Лагуткина заключается в том, что переход из крестьян в торговцы произошел еще до революции, а реализация книжной продукции рассматривалась им как вполне престижная и социально-значимая, а не ущербная или дискриминируемая. Деградация социального статуса произошла резко и повлекла за собой необходимость быстрой адаптации к новым условиям в непривычной для него роли. Состояние здоровья и психологические перегрузки привели к печальному финалу. Трагизм ситуации подчеркивается тем обстоятельством, что последнее решение комиссии облисполкома об отказе в восстановлении избирательных прав было принято уже после смерти заявителя, который скончался в психиатрической больнице. Это

решение было принято по прежним материалам дела и не учитывало то обстоятельство, что душевнобольные, при наличии медицинского освидетельствования, лишались избирательного права.

Спектр негативных оценок частной торговли широк — от глупости и «заразы» до греха и уголовного преступления, несмотря на то, что частная торговля в 1920-е гг. была легальной, осуществлялась с санкции государства на основании патента и облагалась налогами (как регулярными, так и экстраординарными).

Авторы, ищущие справедливости, апеллируют к исторической памяти адресата, напоминают о той ситуации, которая привела к легализации частного предпринимательства, и подкрепляют свою позицию ссылками (пусть и не всегда точными) на нормативно-правовые акты.

«Реабилитационный механизм, — по мнению Г. Алексопулос, — формировал особый диалог между гражданами и государством. У новоиспеченных граждан появились определенные представления и ожидания относительно советской власти. Например, процесс предоставления прав побуждал некоторых заявителей апеллировать к понятию справедливости при советской системе [...] Кроме того, восхваляя сострадание и справедливость советского режима, лишённые гражданских прав лица призывали советских чиновников отстаивать свои собственные стандарты, удовлетворять просьбу просителя или рисковать, выглядя лицемерными»^[209]. В этой связи можно вспомнить основное требование правозащитников к советским властям: «Соблюдайте свои законы».

С целью социальной реабилитации бывшие торговцы были вынуждены начинать с нуля, с низкоквалифицированной и грязной работы. В конъюнктурных обзорах кредит-бюро отмечается: «Ушедший с рынка частник, в связи с неблагоприятной для него конъюнктурой, держит себя крайне осторожно. Достаточно сказать, что многие частники работают на черных работах, на которые неохотно идут даже рабочие с биржи. Работа эта состоит

главным образом из распилки дров, поставки каменного угля и т. п. Идя на эту работу, частник имеет в виду зарекомендовать себя в качестве общественно полезного работника с тем, чтобы впоследствии перейти на более легкую работу. Кроме того, частники руководствуется моментами фискального характера — представить себя неимущими для органов фиска»^[210].

В биографиях бывших торговцев описываются все тяготы такого труда, к которому многие по состоянию здоровья или ввиду пожилого возраста были не приспособлены.

Судьба человека в делопроизводственной переписке выглядит рутинно и буднично, очевидно, что трагизм положения могли в полной мере оценить лишь близкие человеку люди. Трагедия «маленького человека», его персональная катастрофа весьма наглядно характеризует эпоху и дополняет наше представление о периоде новой экономической политики. Образно и одновременно адекватно это настроение передал И. В. Нарский, рассматривая жизнь населения Урала в 1917–1922 гг.^[211]. Отметим, что и последующий этап отечественной истории, предшествующий периоду массовых репрессий 1930-х гг., был полон трагизма. Лишение избирательных прав и дискриминация гражданина, которые приводят к его болезни, преждевременной смерти или самоубийству, вряд ли могут рассматриваться как исключение или единичный случай.

Стремление восстановить свои гражданские права было предопределено не только социально-политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки (в т. ч. связанные с лишением прав, неучастием в выборах и более высокими затратами на самообеспечение, приобретением товаров на рынке, более высокой арендной платой, повышенным уровнем налогообложения) признавались допустимыми. По мере того как торговля переставала покрывать издержки на содержание себя и членов своей семьи (возрастали материальные издержки, а доходность падала), становилась нелегальной, либо появля-

лись альтернативы на рынке труда, усиливалось стремление прекратить торговлю. С ликвидацией многоукладной экономики нэпа исчезали альтернативы для самозанятости, а статус «лишенца» являлся препятствием для получения работы в обобщественном секторе.

Занятие торговлей приводило к изменению социального статуса индивида в идеологической и политической системе координат. Можно говорить о двухступенчатой нисходящей мобильности: производитель (рабочий, крестьянин) становился частным торговым посредником («спекулянт»), а затем лишался избирательных прав, переходил в категорию «неполноправных свободных». Падение было стремительным, напротив, восстановить свой статус, реабилитироваться было намного сложнее, и «восходящая мобильность» требовала больших затрат времени и сил.

Диктатура, используя механизм террора, дискриминируя отдельные социальные группы, преследовала несколько целей. Помимо устрашения всего населения, репрессии позволяли перенаправить внимание дискриминируемых групп с будущего на прошлое. Вместо отстаивания своих прав, требований привести в соответствие их экономический и политический статус, человек стремился вернуть то, что потерял, восстановить *status quo*, возратить утраченное, включиться в сконструированные для него социальные рамки, стать «как все», реабилитироваться^[212]. Даже несовершенная и ущербная социальная модель поведения становилась желанной, к ней стремился «лишенец». Таким образом, биографии бывших торговцев демонстрируют отрицательную социальную динамику или социальную статику.

Материалы биографий частных торговых предпринимателей подтверждают вывод о тенденции политической маргинализации наиболее активных в экономической сфере индивидуумов в раннесоветском обществе. В этой связи можно говорить о негативной социальной селекции. «Негативной» с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования.

П. Сорокин связывал этот процесс с экстремальными историческими периодами — войнами и революциями, но эти процессы были характерны и для относительно мирного периода нэпа. «Для исторических судеб любого общества далеко не безразличным является: какие качественно элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период времени. Внимательное изучение периодов расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону. Изменения, испытанные населением России в этом отношении, типичны для всех крупных войн и революций. Последние всегда были орудием отрицательной селекции, производящих отбор „шиворот навыворот“, т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться „худшие“, т. е. людей второго и третьего сорта»^[213].

Особое место в социальном конструировании раннесоветского общества занимала процедура лишения и восстановления в избирательных правах. Лишая своих граждан избирательных прав во внесудебном и массовом порядке, власть давала населению сигнал о том, какая модель поведения являлась одобряемой, а какая порицалась. В биографиях «лишенцев» отчетливо проступает как идеализированный образ «нового человека», который должен служить образцом и идеалом, так и образ антигероя, от которого заявители стремятся любыми способами дистанцироваться. Парадокс заключался в том, что идеальный образ не существовал в реальности, что порождало когнитивный диссонанс в сознании гражданина. Напротив, «антигерой» был материализован и вполне реален, а в большинстве случаев к таковым относились родственники, близкие и знакомые просителя (отец, мать, жена, муж). Для «лишенца» было важно не только то, что он реально делал, но и то, что он мог бы совершить, но не сделал. В последнем случае за основу негативного поведения брался образ «антигероя».

Стремление дистанцироваться от собственного прошлого, декларировать новую идентичность можно считать реальным

продуктом социального конструирования. В этом случае заявитель описывал себя в категориях, предписанных господствующими идеологическими установками и нормативными актами, стремился на словах порвать со своим прошлым и своим окружением.

Ликвидация многоукладности привела к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России оказывалась, как минимум, проблематичной. Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнопредпринимательского укладов. Проблема существования «замкнутого круга частного сектора хозяйства», которая активно обсуждалась в 1928–1929 гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывали его с контрреволюцией^[214].

В раннесоветском обществе доминировали патрон-клиентские отношения, культивировался патернализм со стороны государства, насаждался повсеместный, тотальный контроль над гражданами, в том числе и через систему распределения. Эти обстоятельства создавали условия, при которых частные предприниматели вытеснялись из легальных хозяйственных связей, исчезали совсем, либо пополняли ряды представителей теневого сектора экономики.

ГЛАВА 4. ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКИЙ АТЕИЗМ

4.1. ЭТАПЫ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ И ВЕРУЮЩИМ (А. В. ПЕЧЕРИН)

С первых дней или даже часов Октябрьской революции пришедшие к власти политические силы проявили себя непримиримыми врагами Церкви. Достаточно сказать, что в принятом 26 октября одним из первых «Декрете о земле» объявлялось о национализации церковно-монастырских земель. Последующими постановлениями советской власти была аннулирована действительность церковного брака, ликвидирован институт духовников в вооруженных силах, упразднены домовые церкви при государственных учреждениях и т. д.^[215]

Итог начальной фазе антицерковной политики советского правительства подвел принятый 20 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (тезисы которого были обнародованы еще в начале января), носивший в отношении церковных структур крайне дискриминационный характер.

В такой обстановке 19 января появилось послание патриарха Тихона, вошедшее в историю как «анафематствование большевиков». Заседавший в Москве Поместный собор не признавал ни одного постановления новой власти. Жесткое противостояние советского государства и Церкви стало неизбежным.

В условиях разгоревшейся вскоре в стране Гражданской войны (на начальном этапе сопровождавшейся красным террором в отношении противников новой власти – реальных или потенциальных) развернулись гонения на духовенство, которое

на Урале пострадало больше, чем в каком-либо другом российском регионе^[216].

Так, согласно данным, представленным Высшему Временному Церковному Управлению, только в период с 10 июня по 17 октября 1918 г. в пределах Екатеринбургской епархии были убиты разными способами 47 служителей культа, из них 3 протоиерея, 33 священника, 7 диаконов, 1 псаломщик, 1 просвирня и 2 монашествующих^[217]. По сообщениям Екатеринбургского епархиального совета, в это же время тюремному заключению подверглись 25 священников, скрывались от преследований около 50^[218].

При этом следует отметить, что среди служителей церкви в самом Екатеринбурге погибших от рук красных в то время не оказалось, но это не значит, что положение духовенства здесь могло считаться благополучным. Так, еще 13 февраля пьяными матросами Северного революционного отряда в городе был зверски убит воспитанник Екатеринбургской семинарии Симеон Коровин^[219].

По мере ухудшения положения на фронте, красными производились аресты заложников, в число которых попадали и представители духовенства. В Екатеринбурге среди таковых оказалось шесть протоиереев^[220]. Один из них, настоятель Всехсвятской церкви на Михайловском кладбище Алексей Катагощин, в мае и июле 1918 г. дважды едва не погибший от рук красных, в дальнейшем ярко описал свои злоключения на страницах епархиальной прессы^[221].

После ужасов Гражданской войны страну постигло еще одно бедствие. Летом 1921 г. невиданная засуха поразила ряд регионов, не обйдя стороной и Урал. В этих условиях советская власть, вместо того чтобы объединить все силы для борьбы с начавшимся голодом, решила воспользоваться моментом для того, чтобы нанести по своим идеологическим противникам сокрушительный удар. В стране началось повсеместное изъятие церковных ценностей, сопровождавшееся арестом тех представителей духовенства, которых хоть в какой-то степени можно было обвинить в сопротивлении властям.

Именно в этот период прошли первые суды над екатеринбургским духовенством. Для начала был арестован настоятель Свято-Духовской церкви протоиерей Александр Здравомыслов — за то, что собрание прихожан его храма осудило изъятие. Суд состоялся в сентябре 1922 г. Отец Александр получил три года заключения; правда, на свободу он вышел досрочно. 20–21 января 1923 г. в губернском ревтрибунале состоялся открытый процесс над главой епархии архиепископом Григорием (Яцковским) и ирбитским протоиереем Александром Анисимовым — отчасти на основании сфабрикованного дела о сопротивлении изъятию ценностей, отчасти за сотрудничество с Колчаком. В реальности же главной причиной ареста архиерея, по видимому, стал его отказ признать созданное с подачи властей обновленческое Высшее Церковное Управление. В итоге Григория приговорили к трем годам и четырем месяцам тюремного заключения, Анисимова — к одному году^[222].

Середина двадцатых годов для Урала и страны в целом характеризовалась заметным ослаблением репрессивной политики государства по отношению к Церкви. Отдельные авторы оценивают этот период с использованием понятия «религиозный нэп»^[223]. Тем не менее, благоприятным для духовенства он мог считаться разве что в сравнении с последующей эпохой.

В это время власть активно занималась дезорганизацией церковных структур путем инициирования всевозможных расколов (обновленческого, григорианского и проч.). Против религии и духовенства была развязана настоящая информационная война — в газетах, журналах, радиопередачах, кинофильмах и т. д.

Одной из самых продолжительных репрессивных кампаний против представителей духовенства стало лишение их избирательных прав. Согласно инструкции «О выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» от 13 октября 1925 г. (п. 14), избирательного права лишались служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, как то: монахи, послушники, священники, диаконы, псаломщики и т. д., незави-

симо от того, получают ли они за исполнение этих обязанностей вознаграждение^[224].

В дальнейшем происходил рост числа лишенцев за счет добавления новых категорий, в т. ч. членов семей.

Таблица 1.1

**Количество лишенных избирательных прав
по религиозному признаку в г. Свердловске***

Категория	1924 г.	1935 г.
Епископы	1?	3
Священники	35	5
Служители культа (в т. ч. бывшие)	–	21
Диаконы (в т. ч. бывшие)	23	10
Псаломщики	10	1
Монахини	12	2
Жены служителей церкви	–	8
Матери, дети служителей церкви	–	3
Братья, сестры, иные члены семьи служителей церкви	1	5
Другие	4	3
Всего	85	61

* Составлено по: Список лишенных права голоса по г. Свердловску 1934–1935 г. ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442. Л. 1–46.

На рубеже двадцатых-тридцатых годов в стране был взят курс на радикальные социально-экономические преобразования, проводившиеся присущими большевикам методами. Одновременно развернулась тотальная антицерковная кампания, проводившаяся под лозунгом «Борьба с религией – борьба за социализм». В стране началось массовое закрытие церквей,

пик которого пришелся на 1930 г. В Свердловске (без пригородов) тогда оказалось закрыто девять православных церквей из 11, при этом основные храмы центральной части города были тут же разрушены^[225]. В это же время произошло и резкое усиление репрессий против представителей церкви.

Таблица 1.2

**Количество осужденных «церковников»
по г. Свердловску^[226]**

Год	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Всего осуждено	1	2	–	–	–	1	1
Из них духовенства	1	2	–	–	–	1	1

Год	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
Всего осуждено	–	16	2	9	1	–	7
Из них духовенства	–	6	2	6	–	–	6

Год	1936	1937	1938	1939	1940	1941
Всего осуждено	–	70	6	–	–	2
Из них духовенства	–	26	6	–	–	–

* Составлено по авторской Базе данных репрессированного духовенства Урала.

Именно к 1930 г. относится первый смертный приговор, вынесенный свердловскому городскому духовенству. Высшую меру наказания при этом получил протодиакон Иоанно-Предтеченской церкви Василий Степанович Лушников, основная вина которого заключалась в скупке разменной серебряной монеты, которой у него в итоге было обнаружено на сумму в 150 рублей^[227]. Пожалуй, при сколько-нибудь адекватном подходе к делу, в подобных действиях вообще нельзя было бы усмотреть состав преступления!

Если в двадцатые годы репрессиям по политическим обвинениям подвергались только представители духовенства, то отныне «компетентные органы» взялись и за мирян. Так, фигурантами одного из дел стали пять женщин с Уктуса (член церковного совета и четыре простых прихожанки), оказавших решительное противодействие попытке властей разгромить церковь. В итоге две из них получили по три года концлагеря, остальные – по году принудительных работ. Вероятно, приговор мог оказаться и куда более суровым, но в последний момент наиболее «тяжелые» пункты статей из обвинительного заключения оказались кем-то вычеркнуты, оставлена только антисоветская агитация^[228].

Новое усиление натиска на Церковь (после небольшой передышки, вызванной «головокружением от успехов») произошло в 1932 г., когда в стране было объявлено о начале «безбожной пятилетки». Правда, девять осужденных тогда свердловских «церковников» отделались лишь трехлетней ссылкой (главным образом – в Казахстан).

Очередной небольшой всплеск репрессий, произошедший в 1935 г. (кстати, нехарактерный для области в целом), вероятно, был связан с обострением внутривластной ситуации в стране после убийства С. М. Кирова.

В данный период не ослабевал и административный нажим на Церковь. Для разорения общин с целью последующего закрытия церквей власти повсеместно применяли непомерно завышенное налогообложение.

Кульминацией репрессивной политики большевиков против Церкви стал Большой террор 1937–1938 гг., начавшийся после выхода приказа Народного комиссара внутренних дел СССР №00447 от 30 июля 1937 г.

Следует отметить, что эта беспрецедентная по своему размаху и жестокости кампания началась далеко не спонтанно; по крайней мере, постепенное нарастание гонений на церковь происходило на протяжении нескольких месяцев. Так, еще до начала массовых репрессий сокрушительный удар на Урале был нанесен по обновленцам (которые в былые времена пользовались широким покровительством со стороны властей). 26 мая 1937 г. арестовали обновленческого митрополита в Свердловской области Михаила Трубина, а вместе с ним 126 других представителей этой церкви, проживавших в Свердловске, Перми и других городах^[229]. Приговоры им вынесли, однако, уже в период действия приказа №00447.

Первым же свердловским «церковником», осужденным в рамках начавшейся кампании, оказался заштатный диакон Михаил Бирюков, обвинение в адрес которого выглядело на удивление «несолидно»: « [...] В апреле месяце с. г. Бирюков М. И. в присутствии своих квартирохозяев [...] вел антисоветскую пропаганду, направленную к дискредитации руководителей ВКП (б) и советского правительства, нанося по отношению их оскорбления»^[230]. И только! Тем не менее, для расстрельного приговора (вынесенного 9 августа 1937 г.) этого оказалось достаточно^[231].

Подобные эпизоды, отмечавшиеся в то время и в других местах, свидетельствуют о том, что выполнение поступившей к ним разнарядки сотрудники НКВД начали с отдельных лиц, на которых в то время у них имелся хоть какой-то компрометирующий материал. Но, разумеется, это оказалось лишь каплей в море. Сложившаяся ситуация уже очень скоро заставила чекистов полностью перестроить свою работу, перейдя к массовым арестам на основании одного лишь «социально чуждого происхождения»^[232] (и т. п. мотиваций).

Подавляющее большинство «церковников», попавших в то время в жернова репрессивной системы, проходило по групповым делам, насчитывавшим 34, 37 и даже 88 фигурантов каждое. Заметим, что хотя речь в этих делах шла об организациях «церковников», реальную принадлежность к Православной Церкви большинства их фигурантов надо признать неочевидной (достаточно сказать, что среди них нередко встречаются старообрядцы, а также сектанты – евангелисты и проч.). Поэтому в наших подсчетах и при составлении Базы данных мы их не учитывали.

При этом в адрес подследственных выдвигались написанные «под копирку» обвинения, уже напрочь оторванные от всякой реальности.

– Контрреволюционная организация церковников в борьбе против ВКП (б) и советской власти своими задачами ставила:

1. Свержение советской власти, с тем, чтобы ликвидировать большевизм и учредить в России фашистскую диктатуру, по принципу диктатуры Гитлера в Германии.

2. Совершение террористических актов над руководителями ВКП (б) и советского правительства.

3. Организацию массовых диверсионных актов в промышленности, в сельском хозяйстве и на железнодорожном транспорте Советского Союза.

4. Создание мощных повстанческих кадров внутри СССР, на случай вооруженного восстания, намечаемого контрреволюционной организацией церковников, в момент вооруженного нападения на Советский Союз фашистских государств [...]!^[233]

Составлявших подобные, с позволения сказать, документы, ничуть не смущало даже то, что в них порой заявлялось, к примеру, о намерении организовать диверсии на Невьянском медеплавильном комбинате (которого никогда не существовало) или уничтожить путем поджога железнодорожные тоннели на линии Казань – Свердловск (в которых гореть было просто нечему)!^[234]

И уж подавно никто не придавал значения тому, что, скажем, по одному из дел осужденные оказались расстреляны 19 октяб-

ря 1937 г., а обвинительное заключение (на основании которого, по идее, только и мог быть вынесен приговор) было составлено лишь в ноябре!^[235]

Обращают на себя внимание крайне подробные показания, данные на следствии митрополитами – «сергиевцем» Петром (Савельевым) и «григорьевцем» Петром (Холмогорцевым). В том и в другом случаях они занимают по 60–80 листов, на которых едва ли не все подчиненное этим архиереям духовенство аттестуется в угодном для сотрудников НКВД духе^[236]. И в то же самое время, другие архиереи – «сергиевец» Макарий (Звездов) и «обновленец» Михаил (Трубин) никаких признательных показаний так и не дали.

Приговоры обвиняемым выносились в соответствии с приказом №00447 – расстрел (более чем в 60% случаев) и 10 лет лагерей (8-летних сроков по свердловским «церковникам» не отмечено). При этом в августе и сентябре 1937 г. ВМН получали все обвиняемые поголовно, в октябре абсолютное преобладание (88%) имели приговоры к 10 годам ИТЛ, в начале ноября картина перевернулась: ВМН – 86%, в середине того же месяца всех стали приговаривать к 10 годам ИТЛ и, наконец, в феврале-мае 1938 г. вновь выносились исключительно расстрельные приговоры (хотя и в значительно меньшем количестве, чем полгода назад). Вероятно, это может быть объяснено тем, что сотрудники НКВД вначале постарались «закрыть лимит» по первой категории, далее принялись за вторую. Вскоре, однако, «плановые показатели» оказались пересмотрены в сторону увеличения, на места были спущены дополнительные цифры, после чего все началось по новой. И так повторялось неоднократно.

Последний приговор свердловским «церковникам» в рамках Большого террора был вынесен 13 мая 1938 г., хотя по стране в целом кампания после этого продолжалась еще полгода. Возможно, что, с одной стороны, в областном центре ее удалось закончить быстрее; с другой, представители духовенства и церковного актива попали под удар одними из пер-

вых и на завершающем этапе сотрудникам НКВД пришлось переклассифицироваться на иные категории «антисоветских элементов».

После завершения Большого террора, вопреки бытующему мнению, никакой перемены в отношении к религии и духовенству со стороны властей предрешающих не наступило. В отношении немногих чудом оставшихся на свободе служителей церкви по-прежнему проводилась агрессивная политика, направленная на ущемление их прав. Так, летом 1940 г. все духовенство Свердловска и пригородов было вызвано в областную милицию, где снято с паспортного учета и предупреждено о необходимости покинуть город в течение 24 часов. Официальной причиной был назван квартирный кризис. Единственным городским священником, которого эта мера не коснулась, стал протоиерей Николай Адриановский^[237].

И хотя, как казалось, после этого подвергать репрессиям здесь было уже просто некого, сотрудники «компетентных органов» отыскивали-таки еще двоих человек, «активного церковника» Н. В. Байнова и бывшую монахиню А. А. Зыкову (73-летнюю старушку), которых годом позже приговорили по 58-й статье к восьми и пяти годам лагерей соответственно^[238].

Незадолго до начала Великой Отечественной войны в Свердловске закрылась Всехсвятская церковь на Михайловском кладбище. После этого действующей оставалась одна-единственная церковь – Иоанно-Предтеченская (тоже кладбищенская), но и ее судьба выглядела предрешенной; достаточно сказать, что ее настоятель из-за непосильных налогов был вынужден оставить службу и уйти на гражданскую работу^[239]. А ведь накануне революции в городе (с пригородами) насчитывалось более 40 православных храмов!

Всего за период активных гонений на Православие (1918–1941 гг.) в Екатеринбурге-Свердловске (включая территории, включенные в его состав в дальнейшем), по имеющимся на сегодня данным, подверглось репрессиям:

– архиереев	8
– игуменов	2
– протоиереев	16
– священников и иеромонахов	21
– протодиаконов и диаконов	7
– псаломщиков	3
– монашествующих (без сана)	14
– мирян, занимавших должности при храмах	16
– активных прихожан	29
– прочих	2

Итого 118 «церковников», в том числе 57 представителей духовенства, включая заштатное (из них расстреляно 49 и 27 соответственно)^[240].

На первый взгляд, приведенные цифры выглядят совсем не впечатляюще, однако надо учесть, что эти 57 человек составляют более 60% от общего количества священно-церковнослужителей, насчитывавшегося до революции по г. Екатеринбург с пригородами^[241]. А ведь, как уже было отмечено, данные о численности репрессированных должны быть признаны заведомо заниженными!

Долгожданную переменную в отношении политического руководства страны к религии принесла лишь Великая Отечественная война. Однако даже в период, так сказать, наибольшего потепления, власть нет-нет да и возвращалась к привычным формам взаимоотношений с церковью.

Достаточно сказать, что первый после длительного перерыва глава епархии архиепископ Варлаам (Пикалов), прибывший в Свердловск в октябре 1943 г., спустя 10 месяцев был арестован, попал в лагерь (правда, на сей раз – по уголовной статье), где и погиб^[242].

Другое дело, что подобные репрессии по своему размаху не шли ни в какое сравнение с теми, которые имели место

в тридцатые годы. Однако же, и количество действующих храмов с тех пор сократилось многократно, как и численность состоявшего при них духовенства.

4.2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕПРЕССИРОВАННЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ (А. В. ПЕЧЕРИН)

К началу революционных потрясений 1917 г. Екатеринбургская епархия по количественным показателям достигла наивысшего расцвета за всю свою историю. Общее количество православного и старообрядческого населения в ее пределах составляло более полутора миллионов человек, при примерно 100 тысячах иноверцев. Количество приходов в 1917 г. равнялось 504 (465 православных и 39 единоверческих)^[243]. Православного приходского духовенства в 1915 г. насчитывалось 1417 человек.

Являвшийся епархиальным центром Екатеринбург имел ряд особенностей, отличавших его от епархии в целом.

Таблица 2.1

Приходское духовенство в 1915 году*

Территория	протоиереев		священников		диаконов		псаломщиков		Итого
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	
Екатеринбургская епархия	31	2%	625	44%	255	18%	506	36%	1417

Территория	протоиереев		священников		диаконов		псаломщиков		Итого
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	
г. Екатеринбург (с пригородами)	13	14%	34	37%	32	34%	14	15%	93

* Составлено по: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 г. РГИА. Ф. 796 Оп. 442. Д. 2699. Л. 36–38; Справочная книга Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915. С. 16–22, 31, 43–44. Здесь и далее диаконы указаны совместно с протодиаконами.

Таким образом, среди городского духовенства значительно большую долю занимали протоиереи и меньшую – священники, что можно объяснить наличием нескольких соборов (которым протоиереи полагались по штату) с одной стороны и лучшими возможностями для повышения по службе с другой. Также наблюдается преобладание диаконов над псаломщиками.

В целом, служить в крупных городах, по-видимому, во все времена было престижно. Так, описывая ситуацию на Среднем Урале в первой половине XIX века, историки нашего времени отмечают следующее: «Наиболее богатыми считались городские приходы. Особенно важным было то, что с духовенством городских церквей расплачивались деньгами [а не натуральной оплатой], а потому оно располагало довольно значительными наличными средствами»^[244]. Очевидно, что к началу XX века картина поменялась не сильно. Следует отметить и заметно бо-

лее высокий уровень образованности городских клириков в целом.

Таблица 2.2

Уровень образованности духовенства в 1915 году*

Образование	протоиереев		священников		диаконов		псаломщиков	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Екатеринбургская епархия в целом								
Духовная академия или светский университет	5	16%	5	1%	–	–	2	0%
Духовная семинария (в т. ч. неполный курс)	25	81%	438	70%	74	29%	128	26%
Иное	1	3%	182	29%	181	71%	376	74%
Всего	31	100%	625	100%	255	100%	506	100%
г. Екатеринбург (с пригородами)								
Духовная академия или светский университет	3	23%	3	9%	–	–	–	–
Духовная семинария (в т. ч. неполный курс)	9	69%	29	85%	15	47%	3	21%
Иное	1	8%	2	6%	17	53%	11	79%
Всего	13	100%	34	100%	32	100%	14	100%

* Составлено по: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 г. РГИА. Ф. 796 Оп. 442. Д. 2699. Л. 36–38; Справочная книга Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915. С. 16–22, 31, 43–44.

Образовательный уровень духовенства напрямую влиял на размер получаемого им дохода. Так, в Екатеринбурге к 1917 г. имелось 10 учебных заведений Оренбургского учебного округа, в которых преподавателями Закона Божьего (и исполняющими должности таковых) числилось 15 священников.

14 из них одновременно состояли в городских приходах, получая жалование и по церковной службе. На размер годового преподавательского жалования влияли: должность, статус учебного заведения, стаж работы, количество преподаваемых часов. В учебных заведениях Екатеринбурга жалование для священников колебалось от 140 до 4130 руб. в год (см. табл. 2.3), в то время как их средний оклад на приходах епархии, согласно «Справочной книжке Екатеринбургской епархии», составлял 300 руб.

Таблица 2.3

**Размеры окладов клириков-преподавателей
г. Екатеринбурга за 1915 год***

Учебное заведение	Должность	Годовое жалование, руб.
Екатеринбургская гимназия	законоучитель	2500, квартира
	и. о. законоучителя	240
Прогимназия	законоучитель	144
Реальное училище	законоучитель	4130
Учительский институт	законоучитель	1440
1-я женская гимназия	законоучитель	1883
	и. о. законоучителя	240
	и. о. законоучителя	140
2-я женская гимназия	законоучитель	1430
Частная женская гимназия	законоучитель	360
	и. о. законоучителя	460

Учебное заведение	Должность	Годовое жалование, руб.
1-е высшее начальное училище	законоучитель	900
2-е высшее начальное училище	законоучитель	700
	и. о. законоучителя	150
Железнодорожное высшее начальное училище	законоучитель	468

* Источник: Оренбургский учебный округ. Памятная книга на 1915 год. Уфа, 1915. С. 207–245.

Как правило, городские священнослужители дополнительно занимали и различные административные должности, которые также могли приносить весьма неплохой доход.

После прихода к власти большевиков ситуация изменилась самым кардинальным образом.

В 1917–1918 гг. вышло сразу несколько декретов советской власти, которые подорвали экономическое положение духовенства и резко понизили его социальный статус. В первую очередь это были декреты о земле и об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» ударил, прежде всего, по священнослужителям, работавшим преподавателями в учебных заведениях. Теперь они подлежали увольнению, а также выселению из казенных квартир. Всем остальным клирикам (и служащим духовного ведомства) прекратилась выплата казенного жалования.

Кроме того, до революции клирики на приходах жили или в собственных или церковных домах или на съемных квартирах. Следствием декрета об отделении церкви от государства стало изъятие всех церковных домов для государственных учрежде-

ний. Собственные дома в дальнейшем, как правило, либо также изымались у владельцев, либо (в лучшем случае) к последним подсылали дополнительных жильцов.

Окончательное занятие Урала Красной армией в 1919 г. привело к массовому бегству населения вместе с отступавшими колчаковцами в Сибирь и на Дальний Восток. Масштаб «исхода» духовенства еще недостаточно исследован. По оценке, проведенной исследователем Гражданской войны на Урале А. М. Кручининым, накануне занятия г. Екатеринбурга красными, город покинула почти треть жителей: 26 тыс. из 83 тыс. (без учета населения пригородов, включенных в состав города позднее). Из 200 врачей осталось только 10; ушли почти все преподаватели горного университета и гимназий, большая часть музыкантов, артистов, деятелей театра; богатые и состоятельные люди^[245]. Среди беженцев было немало и представителей духовенства. В дальнейшем некоторые из них вернулись; остальные либо умерли во время скитаний, либо перебрались в Китай, либо осели на территории Сибири.

Одним из тех, кто активно поддерживал белое движение, был известный в Екатеринбурге протоиерей Екатеринбургского собора Иоанн Сторожев – последний, кто совершил для царской семьи богослужение в особняке Ипатьева за два с половиной дня до ее убийства. Назначенный благочинным военного духовенства всех полковых частей Уральской области, он впоследствии эмигрировал с белой армией в Харбин^[246]. Священник Симеоновской церкви-школы в Екатеринбурге Александр Лукин, который был откомандирован в распоряжение военного ведомства еще в 1916 году, будучи уже полковым священником в белой армии, в конечном итоге также оказался в Маньчжурии^[247].

Дабы заполнить вакуум, образовавшийся после ухода многих представителей духовенства с Колчаком, епархиальное начальство спешно и в большом количестве принялось рукополагать в священнический сан диаконов, псаломщиков, а также лиц, прежде вообще не состоявших на церковной службе (в основном из крестьян и мещан). Произведенный автором анализ кли-

ровых ведомостей за начало двадцатых годов по ряду приходов показывает, что уровень образования последних обычно ограничивался двухклассными школами Министерства народного просвещения, земскими школами, учительскими школами и учительскими семинариями, редко гимназиями. Родом их деятельности до вхождения в состав клира было по преимуществу преподавание. Удельный вес священнослужителей с семинарским образованием резко сократился.

В целом для приходского духовенства после Гражданской войны стало характерно значительное снижение образовательного уровня и профессиональных навыков. В кратчайшие сроки произошло фактическое разрушение той социальной группы, которая существовала до революции, и формирование нового духовенства, значительно отличавшегося по своему социокультурному портрету от прежнего.

При этом значительный приток в послереволюционные годы новых людей не привел к «омоложению» духовенства. Категория рукоположенных в священный сан в возрасте от 40 до 50 лет в 1919 г. из исключения стала нормой. В последующие годы тенденция к рукоположению немолодых ставленников сохранялась. В годы тотальной нехватки духовенства епископат был обеспокоен, прежде всего, не поиском «пассионариев», а «затыканием дыр» на конкретных приходах.

Все это (хотя и в несколько смягченной форме) было вполне свойственно и для духовенства г. Екатеринбурга (переименованного в 1924 г. в Свердловск). Отметим, что характерная для того времени нехватка источников, содержащих биографические сведения о духовенстве, делает исследование этого вопроса непростым. Наиболее репрезентативной здесь может считаться выборка, составленная на основании анкет из следственных дел периода Большого террора (когда репрессиям подверглось подавляющее большинство городского духовенства), которая была дополнена известными сведениями о клириках, избежавших ареста.

Таблица 2.4

**Сравнительные характеристики духовенства
Екатеринбурга-Свердловска за 1915 и 1937 гг.***

Сан, должность	Общая численность	Из них – с образованием не ниже неоконченного семинарского	Средний возраст, лет
1915 год			
протоиереи и священники	47	44 (94 %)	41
диакона	32	15 (47 %)	36
псаломщики	14	3 (21 %)	31
1937 год			
протоиереи и священники	20	11 (55 %)	53
диакона	4	–	51
псаломщики	–	–	–

Составлено по: Справочная книга Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915. С. 16–22, 31, 43–44; Авторская База данных репрессированного духовенства Урала.

Таким образом, за два десятка послереволюционных лет произошло резкое снижение образовательного уровня городского духовенства и его существенное «постарение». При этом почти на три четверти сократилась его общая численность (в частности, осталось лишь пятеро клириков, служивших в горо-

де с дореволюционных времен), а такая группа, как псаломщики, здесь исчезла полностью. Последнее произошло, прежде всего, из-за сокращения клириков на приходах, ввиду ухудшения экономического положения последних. Кроме того, в результате массового закрытия церквей появилось большое количество «лишних» священников, которые стали выполнять, в том числе, и причетнические обязанности.

Отметим, однако, что сокращения численности архиереев в этот период не только не произошло, но, по причине образования нескольких церковных юрисдикций, она даже увеличилась. Так, если до революции в городе был лишь один архиерей – епископ Серафим (Голубятников), то к 1937 г. здесь их стало трое – «сергиевский» архиепископ Петр (Савельев), «обновленческий» митрополит Михаил (Трубин) и «григорианский» митрополит Петр (Холмогорцев)^[248].

Для характеристики повседневной жизни духовенства в двадцатые-тридцатые годы рассмотрим его доходы и жилищные условия.

Для сравнительного анализа денежных доходов духовенства нами были использованы данные епархиального справочника 1915 г. (фактически относящиеся к 1913 г.) и нескольких найденных в Центральном государственном архиве Удмуртской республики клировых ведомостей по Свердловской епархии за 1930–1931 гг. Ввиду совершенно разного уровня цен в первом и втором случаях ниже приведена сравнительная таблица цен на некоторые продукты для того и другого периода.

Таблица 2.5

**Сравнительная таблица доходов духовенства
за 1913 и 1930–1931 гг.***

Приход	Общий размер годового дохода (из всех источников), руб.	
	1913 г.	1930–1931 гг.
Билимбаевский завод	3858 (на 7 членов причта)	5715 (на 3 членов причта)
с. Бруснятское	1435 (на 3)	1285 (на 2)**
с. Шарташское	720 (на 2)	1003 (на 1)**

* Источник: Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915; ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 169, 172, 173. ** Пересчитано исходя из указанной суммы доходов за неполный год.

Таблица 2.6

**Сравнительная таблица цен на основные
продукты питания**

Наименование товара, единица измерения	Средние цены по г. Москве, в руб.		
	1913 г.	1925 г.	1937 г.
Хлеб ржаной, кг	0,07	0,12	0,85
Хлеб пшеничный, кг	0,14–0,17	0,29–0,39	1,70
Масло сливочное, кг	1,10–1,22	1,88–2,49	16,0

Наименование товара, единица измерения	Средние цены по г. Москве, в руб.		
	1913 г.	1925 г.	1937 г.
Рис, кг	0,39	0,43	6,0
Картофель, кг	0,02	0,06	Нет данных
Говядина, кг	0,46–0,56	0,54–0,68	6,0–7,0
Сахар, кг	0,29–0,32	0,63–0,75	4,7
Сукно, м	2,82	10,98	Нет данных

* Источник: Терешкова М. Цены 1913 года в современных рублях [Электронный ресурс] // Красное место. URL: <http://www.krasplace.ru/ceny-1913-goda-v-sovremennyx-rublyax> (дата обращения: 05.11.2018); Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Молодая гвардия, 2007; Справочник отпускных и розничных цен по г. Москве (1937 г., август).

Таким образом, если общие доходы причтов в 1930–1931 гг. в цифровом выражении представляли собой величины, более или менее соразмерные с 1913 г., то покупательная способность рубля при этом снизилась по меньшей мере в несколько раз, в зависимости от вида товара.

К сожалению, не удалось найти подобные данные по основным церквям Свердловска, где размер доходов, очевидно, был выше. Следует, однако, иметь в виду, что власть повсеместно проводила политику разорения духовенства, путем обложения его непомерными налогами. Отмечались случаи, когда налоги, начислявшиеся на доходы «служителей культа», превышали сами эти доходы.

Что касается низкого уровня обеспеченности жильем городского населения, то он являлся для тех лет вполне обыденным, и положение духовенства в этом плане ничем не отличалось в лучшую сторону. Так, правящий архиерей Екатеринбургской епархии, а с середины двадцатых годов глава «григорианского» раскола Григорий Яцковский, имевший в своем распоряжении до 1918 г. огромный архиерейский дом с множеством обслуживающего персонала, домовою церковью, надворными постройками и т. д., в 1932 г. проживал в одном из помещений Иоанно-Предтеченской церкви, жилой площадью 10 кв. м. Вместе с ним в других помещениях церкви проживало еще четыре человека. При этом размер жилой площади архиерея продолжал оставаться самым большим среди городского духовенства, превышая средний уровень более чем в два раза.

На основании переписи домовладений г. Свердловска нами была составлена выборка, показывающая уровень жилищных условий духовенства на начало 1930-х гг.

Таблица 2.7

Уровень жизни духовенства, согласно результатам переписи домовладений г. Свердловска за 1932 год

ФИО	Возраст, из них жил в городе	Домовладелец	Кол-во жильцов всего, из них членов семьи клирика	Всего жилых м ² / м ² на семью клирика / м ² на человека
Ляпустин Н. А., прот.	67 / 1	нет	5 / 1	40 / 6 / 6
Хромцов Ф. С., прот.	58 / 25	нет	4 / 4	25 / 25 / 6,3
Исаков А. В., свящ.	52 / 15	да	31 / 5	96 / 15 / 3
Левицкий Д. А., свящ.	52 / 52	нет	35 / 7	65 / 16 / 2,2
Григорий (Яцковский), архиеп	65 / 14	нет	5 / 1	38 / 10 / 10

ФИО	Возраст, из них жил в городе	Домовладелец	Кол-во жильцов всего, из них членов семьи клирика	Всего жилых м2 / м2 на семью клирика / м2 на человека
Рождественский А. А., диакон	4 / 2 мес.	нет	5 / 1	39 / 6 / 6
Подкорытов П., прот.	55 / 35	нет	18 / 2	101 / 12 / 6
Хаймин И. И., прото-диакон	37 / 5	нет	21 / 7	83 / 15 / 2,1
Леонтьев В. Ф. (быв. диакон, рабочий-сапожник)	49 / 49	да	16 / 8	48 / 26 / 3,3
Иванов И. (быв. протодиакон, служащий)	66 / 10	нет	69 / 5	624 / 21 / 4,2

* Источник: ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 179. Л. 2–2 об.; Д. 206. Л. 12–12 об.; Д. 264. Л. 12–12 об.; Д. 283. Л. 12–12 об.; Д. 295. Л. 4–4 об.; Д. 313. Л. 4–4 об.; Д. 480. Л. 4–4 об.; Д. 517. Л. 33–33 об.; Д. 532. Л. 31–31 об.

Как явствует из материалов переписи, средний размер жилой площади на одного члена семьи клирика составлял менее пяти квадратных метров. Если среди «служителей культа» и оставались владельцы собственных домов, то в результате подселения к ним дополнительных жильцов они были поставлены в равное с квартиросъемщиками положение. Для сравнения укажем, что в 1934 г. средняя жилая площадь на одного человека в поселке ВИЗ составляла 5,6 кв. м.^[249]

Вернемся к вопросу о численности городского духовенства. В 1915 г. в Екатеринбурге (включая населенные пункты, вошедшие в его состав в дальнейшем) насчитывалось 93 приходских клирика (см. табл. 2.1).

Согласно спискам лишенных избирательных прав за 1924–1925 гг., количество духовенства Свердловска составляло тогда 58 священнослужителей (35 священников и 23 диакона) и 10 псаломщиков. Согласно данным Всесоюзной переписи, в 1926 г. в Свердловске проживало 55 священнослужителей и 11 псаломщиков, из которых одна женщина^[250]. Кстати говоря,

появление женщин-псаломщиц стало одной из наиболее серьезных перемен, происшедших в церковной практике в послереволюционный период. Но для крупных городов это являлось скорее исключением.

Согласно списку граждан, лишенных избирательных прав, к 1935 г. в Свердловске проживало около 30 священно-церковнослужителей^[251], в т. ч. 3 епископа, 26 священников и диаконов (из них четыре значились как «бывшие»), 1 псаломщик. Отметим, что эти цифры неплохо согласуются со сводными данными на 1937 год, представленными в таблице 2.5^[252].

Таким образом, с 1926 по 1935 гг. духовенство в г. Свердловске сократилось на 44 человека: часть их была репрессирована, убыль остальных связана с оставлением служения в церкви, в связи с уходом за штат или снятием сана (из-за закрытия приходов), переводами на другие места, смертью по естественным причинам. После этого, в 1935 г., в Свердловске было репрессировано 6 клириков, а во время Большого террора 1937–1938 гг. — еще 32 священнослужителя (включая архиереев, протоиереев, священников, диаконов), что составляло подавляющее большинство проживавшего тогда в городе духовенства^[253].

Общая динамика изменения численности свердловского духовенства отражена на рис. 1.

Таким образом, Большой террор привел к практическому исчезновению городского духовенства как социальной группы, а последующие принятые властями меры довели дело до логического завершения — в 1941 г. в Свердловске не осталось ни одного служащего клирика Православной Церкви.

Великая Отечественная война заставила власть серьезно пересмотреть свою внутреннюю политику. Тотальная антирелигиозная кампания вскоре была свернута, а в 1943 г. руководство большевистской партии и советского государства и вовсе решило «повернуться лицом» к церкви и верующим. В результате начался медленный численный рост свердловского духовенства: в 1942 г. оно состояло из двух человек, в 1945-м — из восьми, не считая архиерея^[254]. В 1953 г. на городских при-

ходах служило уже 5 протоиереев, 4 священника и 4 диакона^[255].

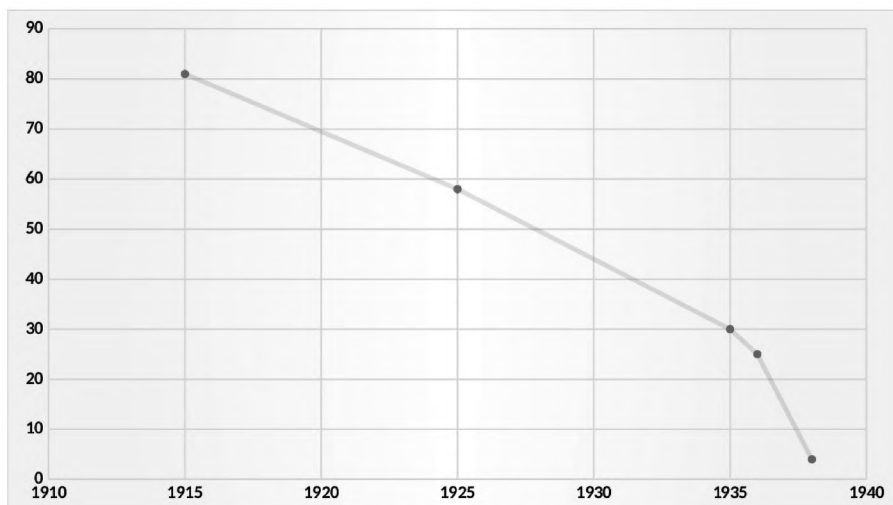

Рис. 1 – Изменение численности священнослужителей г. Свердловска

Дальнейшему увеличению численности духовенства препятствовало то, что в городе в то время действовало всего две церкви, открытия новых не происходило. А после того, как в 1961 г., в ходе «хрущевских» гонений на религию, осталась лишь одна из них (кладбищенская Иоанно-Предтеченская), процесс и вовсе оказался заморожен на три десятилетия. Подлинное возрождение церковной жизни в городе (и по стране в целом) стало осуществляться лишь с конца восьмидесятых годов, в результате начавшихся в обществе коренных перемен.

ГЛАВА 5. РЕПРЕССИИ ПО КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫМ ДЕЛАМ 1928–1939 ГГ.

5.1. БОРЬБА ЗА НОВУЮ ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ ПАРТИИ. 1928–1935 ГГ. (В. М. КИРИЛЛОВ)

Прошедший в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б), определяемый в советской партийной литературе как съезд коллективизации, наметил приоритеты нового этапа классовой борьбы. Их можно вычленить по пропагандистским клише центральной и местной печати. Поэтому в качестве основного исторического источника для написания данного раздела мы использовали подшивку газет «Уральский рабочий» (Орган Уральского областного и Свердловского окружного комитетов ВКП (б), Уральского областного исполкома Советов и Уралпрофсовета) 1928–1939 гг. и «Рабочий» (орган Тагильского окружкома ВКП (б), Окрпрофбюро и Окрисполкома) за период 1928–1939 гг.^[256]

При изучении текстов периодической печати нами использован метод контент-анализа и парадигматический подход, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов рассматриваются как определенным образом организованная структура. В качестве ключевого системообразующего ядра такой структуры мы взяли понятие «генеральная линия партии».

Элементами структуры, образуемой ключевым понятием-проблемой, стала группа категорий, опирающихся на содержание номеров газет: 1. международная политика, 2. оппозиция и уклоны в партии, 3. антирелигиозная пропаганда, 4. кулачество, 5. коллективизация, 6. «бывшие» и специалисты, 7. новая культура, 8. хлебозаготовки, 9. займы, 10. налоги, 11. торговля, 12. кооперация, 13. военизация, 14. печать, 15. репрессии, 16.

классовая бдительность, 17. школа и молодежь, 18. стратегия и тактика партии, 19. советское строительство, 20. вопросы производства, 21. патриотизм, герои, 22. карательные органы, 23. реабилитация, 24. конституция, право, 25. отношение к Сталину, 26. наука, 27. национальная политика, 28. перепись, 29. принудительный труд. В период 1928–1934 гг. количество категорий контент-анализа составило 20 единиц, в период 1935–1939 гг. расширилось до 29^[257].

Обращение к отдельным высказываниям и формулировкам внутри этих категорий (единицам высказываний) позволяет проследить эволюцию основных установок генеральной линии партии, подсчет единиц высказываний дает возможность «взвесить» роль того или иного элемента стратегии и тактики партии в период с 1928 по 1939 гг. Применительно к самой генеральной линии партии мы сконцентрировали свое внимание на ее репрессивной составляющей.

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1928 г.^[258] репрессивная тематика наиболее ярко отразилась в категориях 2, 4, 6, 16, 15 и составила в общем объеме 294 единицы высказываний.

В первую очередь акцентируется внимание читательской аудитории на проблемах хлебозаготовок, борьбе с оппозицией и уклонами в партии, с кулачеством, «бывшими», репрессивных актах в духе революционной законности. Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. был вызван недовольством крестьян государственными закупочными ценами на зерно и привел к невыполнению плана зернопоставок. В конечном счете это подвигло Сталина и его единомышленников на завершение «оппортунистической» политики нэпа и переход к наступлению на деревню. Вначале кризис партийные лидеры пытаются объяснить низкой дисциплиной заготовителей хлеба и небрежностью в выполнении плана, акцентируют внимание на ненужности чрезвычайных и принудительных мер, призывают крепить союз города и деревни. Однако достаточно быстро переходят к другим объяснениям: поискам вредителей, отсутствию клас-

совой линии, предложениям судить нарушителей директив партии в «строгом порядке». Хлебозаготовки из рутинной сельской работы превращаются в боевую задачу на хлебном фронте.

Кроме изъятия хлеба в фонды государства, на плечи крестьян возлагаются займы (так называемый заем восстановления крестьянского хозяйства и заем индустриализации), налог самообложения. Их объявляют «орудиями культурного подъема деревни». Внедряется установка – «Каждый крестьянский двор должен иметь облигацию займа индустриализации. Облигации довести до самой глухой деревни Урала»^[259], которая очень редко дополняется критикой повсеместной практики принудительного размещения займа. Прямо подчеркивается, что налог самообложения – «классовый закон», направленный против зажиточных слоев деревни. Его следует сочетать со статьей 107 Уголовного кодекса (о спекуляции). Исходя из материалов большевистской печати, посвященных торговле, создается устойчивое впечатление, что любая торговля – это спекуляция^[260].

Начинается пропаганда массовой коллективизации как «единственного пути подъема уровня жизни деревенской бедноты». По поводу плана массовой коллективизации еще нет устойчивых представлений: то утверждается, что его еще нет, то – «план выполнен на 178%». Большевикам греются колхозы и совхозы как «фабрики хлеба» недалекого будущего. Безапелляционно подчеркивается, что «крестьянство настроено в пользу коллективных форм землепользования»^[261]. Переходит в активную стадию борьба с кулачеством, «пытающимся захватить „командные высоты“ в деревне». Перед нами типичные примеры высказываний на эту тему: «Кулаки и богатеи мешают культурному строительству деревни», «Кулаки скрывают хлеб», «Кулак ведет классовую борьбу против советской власти», «Вычистить кулаков и подкулачников», «Надо бороться с самой почвой, на которой растет кулак».

Второе место по количеству единиц высказываний приходится на категорию «репрессии». В газете опубликована инфор-

мация о 10 крупных контрреволюционных делах, половина из которых имела отношение к Уралу. Первостепенное внимание уделено так называемому Шахтинскому делу. Кроме того, освещается дело епископа Скальского и ксендзов – «польских шпионов», Смоленское дело, дело против белогвардейцев-кулаков в Киеве, Кушвинское дело, Соликамское дело, Богомоловское дело (процесс лесных вредителей), Лудорвайское дело, ряд дел против дезорганизаторов хлебного рынка. Согласно информации прокурора РСФСР Н. В. Крыленко (*репрессирован, расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1955 г. – ВМК*), в 1927 г. только по заметкам рабселькоров было возбуждено 19 480 уголовных дел^[262]. Преобладающая часть дел связана с так называемым «вредительством», обвинением, формулируемым в рамках концепции революционной законности. Дела были направлены против так называемых «бывших», с обвинением их в классовой борьбе против советской власти.

В качестве примера политических фальсификаций обратимся к делу всесоюзного масштаба (Шахтинскому) и делу регионального характера, приобретшему всесоюзное звучание (Лудорвайское дело). Первое дело получило широкий резонанс и фундаментально освещено в современной научной литературе. Обвинения в заговоре специалистов, выдвинутые ОГПУ и поддержанные на уровне Политбюро ЦК ВКП (б), за отсутствием улик строились на компрометирующих показаниях и самозаговорах. «Шахтинский процесс» над группой представителей «буржуазной» интеллигенции стал знаковым событием в истории СССР, обозначив переход от нэпа к «социалистическому наступлению» в экономике. В 2000 г. Генеральной прокуратурой РФ все осужденные были реабилитированы за отсутствием состава преступления^[263].

Лудорвайское дело связано с уральским регионом (название дано по д. Лудорвай, процесс происходил в г. Ижевске, Удмуртия). В июне 1928 г. в деревнях Лудорвай, Юськи и Непременной Лудзе местная деревенская верхушка (которую обозначили «кулаками») с согласия некоторых членов сельсовета устроила

массовые телесные наказания бедных односельчан. Крестьян выпороли черемуховыми прутьями за неисправные изгороди на меже деревень. Возникший общественный резонанс привел к возбуждению уголовного дела. К различным срокам лишения свободы по ст. 58, 109, 110, 111 Уголовного кодекса РСФСР были приговорены 10 человек (от 3 до 10 лет исправительных работ с конфискацией имущества и выселением из Удмуртии). ЦК ВКП (б) обязал парторганизации Удмуртии развернуть решительную борьбу с кулачеством и в то же время содействовать коллективизации крестьянских хозяйств.

В удмуртских деревнях в силу традиционного права существовал порядок содержания скота без пастухов. В огороженные леса, луга и паровые поля с весны выпускали скот и собирали только осенью. Поэтому община строго следила за состоянием изгородей, которые были разбиты на участки по числу хозяев. На изгородях каждый владелец ставил свой родовой знак, и по нему проверяющие общинники определяли, чей участок неисправен. В этом случае община в соответствии с приговором, принятым на кенеше (сельском сходе как органе местного самоуправления), определяла меру наказания провинившемуся. Нередко такой мерой являлась порка прутьями. Такой обычай при всей своей жестокости относился к обычному праву и не вызывал особого сопротивления и жалоб. Поэтому фактически произошедшее являлось проявлением обычного права, существовавшего в удмуртских деревнях с давних времен. Но дело было оценено партийными и государственными органами страны как демонстрация противодействия кулачества социалистическим преобразованиям в деревне. Дело получило классовую оценку как террор кулачества по отношению к бедноте и середнякам, выступавшим за коллективизацию и передел земли. Лудорвайское дело, получившее большой общественный резонанс, положило начало «антикулацкой» политике. Вслед за показательным процессом над его участниками в Ижевске, подобные процессы прошли в других районах Удмуртии^[264].

Понять направленность репрессивной политики этого времени можно только в связи с изменениями в генеральной линии партии, произошедшими на XV съезде ВКП (б), который проходил в Москве с 2 по 19 декабря 1927 г.

Он обозначил курс на индустриализацию и коллективизацию, а также ознаменовался началом внутривнутрипартийной борьбы: из партии были исключены члены троцкистской оппозиции, Л. Д. Троцкий выслан в Среднюю Азию (Алма-Ата). Целями пропагандистской кампании Сталина стала борьба с правым уклоном, троцкизмом, примиренчеством. В самом начале 1928 г. Уральским обкомом был подведен итог деятельности троцкистской оппозиции в Свердловске: признано ее политическое банкротство, полный развал. Выдвинут лозунг: «Не ослабляя борьбы с троцкизмом, направить главный удар направо». Началась активная чистка партии от сторонников Троцкого и иных оппозиционеров. Утверждалось, что на Урале 128 крупных партийцев отошли от троцкизма^[265]. Глава Уральского обкома партии И. Д. Кабаков в докладе «Что делают наши враги» вполне верноподданнически разоблачал троцкистов, как врагов советской власти^[266]. Все выступления против политики коллективизации, принудительного самообложения зажиточных крестьян, наступления на кулака рассматривались как проявления правого уклона.

Методы идеологической обработки населения тесно увязывались с политикой партии, а эффективность их использования обеспечивалась иерархической структурой государства, в котором массовые периодические издания являлись «приводным ремнем» диктатуры. Вождь и политики, подвластные ему, искусно обосновывали необходимость «вынужденных» репрессивных мер против врагов социализма. До приговора по Шахтинскому делу публикуются многочисленные материалы под названием «Удержать массы от огульного спецедействия», а после появления приговора в печати – «В Верхотурье свила гнездо шайка „бывших людей“» (о врагах-спецзах)^[267].

В «Уральском рабочем» применительно к специалистам и «бывшим» наиболее распространенными можно считать такие высказывания: «Беспощадная борьба с контрреволюционными элементами»; «Преодоление кастовой замкнутости»; «Не допустим спецедействия»; «Всех огульно не виним»; «Помогать специалистам, но проверять их»; «Перевоспитание кадров служащих»; «Подготовка советских специалистов для промышленности. Число инженеров к концу пятилетки увеличить вдвое». Одновременно оружие классово-борьбы заточивается против «бывших» – частников, торговцев, домовладельцев, лишенцев.

Продолжала развиваться система массового доносительства и закреплялся статус «бдительного ока народа» – рабселькора. В постановлении ЦК партии от 28 августа 1926 г. рабселькорское движение было определено как одна из форм рабоче-крестьянской общественности. Постепенно расширялись права рабочих и сельских корреспондентов, их полномочия закреплялись в ряде секретных постановлений.

К концу 1920-х гг. рабселькоры фактически стали агентурой ОГПУ, которое проявляло ответную заботу о них. Им присваивались псевдонимы, несанкционированная расшифровка которых, согласно циркуляру суда РСФСР, являлась «уголовно наказуемым преступлением»^[268]. Страницы газет пестрили довольно грозными и революционными псевдонимами-кличками: Игла, Шило, Лезвие, Острый, Оса, Горн, Око, Зуботычка, Игрек, Зеро, Дьявол, Чорт, Фуганок, Дикий, Нетерпеливый, Скороход, Пардон, Красный сокол, Штурвал, Следопыт, Прокатчик, Маломальский, Мастеровой, Рабкор №4342, Вопиющий, Рабкоровский, Черно-рабочий, Деревенский, Заречный и др.

Схема действия рабселькора была проста. Обнаруживая «врагов народа», он писал агентурное донесение в ОГПУ, которое в интересах этого ведомства часто превращалось в газетную статью и попадало на страницы «Уральского рабочего» и других газет. Редакция газеты посылала подлинник заметки в орготдел горсовета с визой «Для расследования. „Уральский рабочий“ ждет ответа без напоминания», и вскоре следовал результат^[269].

Таким образом организовывалось «всенародное обличение замаскировавшегося врага» и ОГПУ только оставалось выполнить свою роль – расправиться с ним.

Специальное внимание обращалось на защиту рабкоров и селькоров. ЦК призвал провести на местах несколько показательных процессов преследования рабселькоров с широким освещением их в печати. Происходила политизация уголовных преступлений, совершаемых против рабкоров. В рабселькорах призывали видеть нарождающуюся советскую интеллигенцию, которая была верным союзником пролетариата, в отличие от «бывших».

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1929 г. в целом репрессивная тематика особенно явно прослеживается в категориях 2, 4, 6, 16, 15 и насчитывает 375 единиц высказываний. Таким образом, преобладает нацеленность на борьбу с оппозицией в партии, с кулачеством, «бывшими» и политические репрессии в чистом виде.

Сталин, проведя две партийные чистки: в советских и вузовских ячейках в 1925 г. и деревенских ячейках в 1926 г., отдал команду о генеральной чистке партии в 1929–1930 гг.^[270]. Снова внедряется установка о чистке деревенских ячеек, начинается чистка советского партаппарата методом «открытой чистки» с широким привлечением масс рабочих, служащих и красноармейцев. Чистка должна была сопровождаться вербовкой в партию новых членов, преимущественно преданных генеральной линии ВКП (б) рабочих, батраков и бедняков. Идет одновременно борьба с двумя уклонами: левым, троцкистским, с его установками на перманентную революцию, за равенство, против мелкобуржуазной стихии нэпа и правым как кулацкой программой обогащения в условиях продолжения нэпа. В одну антипартийную шеренгу зачислили кулака, подкулачника, правого и примиренца. Всякие попытки снизить темпы индустриализации и коллективизации подавлялись.

Оппортунисты и уклонисты разного уровня именовались персонально, жестко критиковались, изгонялись из партийных

органов. Поступили заявления об отходе от оппозиции Е. А. Преображенского (*репрессирован, расстрелян в Москве 13 июля 1937 г., реабилитирован в 1988 г. – ВМК*), К. Б. Радека (*репрессирован, убит 19 мая 1939 г. в Верхнеуральской тюрьме, реабилитирован в 1988 г. – ВМК*), И. Т. Смильги (*репрессирован, расстрелян в Москве 10 января 1937 г., реабилитирован в 1987 г. – ВМК*), сторонников Т. Ф. Сапронова (*репрессирован, умер 28 сентября 1937 г. в Верхнеуральском изоляторе, реабилитирован в 1990 г. – ВМК*). Н. И. Бухарин (*репрессирован, расстрелян в Москве 15 марта 1938 г., реабилитирован в 1988 г. – ВМК*) был снят с работы в Коминтерне с осуждением его теорий «организованного капитализма», «черепашьего шага», «врастания капиталистических элементов в социализм». Началось преследование «птенцов из школы Бухарина»: А. Н. Слепкова (*репрессирован, расстрелян 26 мая 1937 г., реабилитирован в 1959 г. – ВМК*) – в Самаре, А. Д. Зайцева (*репрессирован, расстрелян в Саратове 23 января 1938 г., реабилитирован в 1958 г. – ВМК*) – в Саратове, А. Ю. Айхенвальда (*репрессирован, в 1937 г. осужден на 15 лет, вторично в 1941, расстрелян 11 сентября 1941 г. в г. Орел. – ВМК*) – в Казани. Заявления о разрыве с правым уклоном сделали Н. А. Угланов (*репрессирован, расстрелян 31 мая 1937 г. в Москве, реабилитирован в 1989 г. – ВМК*), Е. Ф. Куликов (*репрессирован в апреле 1936 г., умер в ИТЛ в сентябре 1943 г., реабилитирован в 1958 г. – ВМК*), В. А. Котов (*репрессирован, расстрелян 27 мая 1937 г., реабилитирован в 1958 г. – ВМК*) и Михайлов, признавшийся на пленуме ЦК в своих ошибках. Н. И. Бухарин выведен из состава Политбюро ЦК ВКП (б). Сталин, по чьей воле инициировались репрессии против оппозиции в партии, в этой ситуации подавался как «знаменосец воинствующего большевизма»^[271].

Первостепенное внимание в печати было уделено яростной борьбе с кулачеством (99 единиц высказываний). Вот некоторые типичные филиппики против кулаков: «Кулацкая карта будет бита»; «Поп и кулак ведут бешеную борьбу с колхозами, угрожая коммунарам и богом, и пулей»; «Советский закон должен положить конец кулацкому бандитизму»; «Ударим пятикраткой по кулаку и злостным зажимщикам»; «Заставим кулака продать хлеб государству»^[272].

Активно ведется борьба с происками «бывших» и «старых специалистов», хотя то и дело появляются предостережения против «спецеества». Раскрыта контрреволюционная вредительская организация, состоящая из старых инженеров и акционеров, в золотоплатиновой промышленности Урала и на транспорте^[273]. Начато наступление на чердынских краеведов, которые издали «никчемный и политически вредный сборник „Чердынский край“». Нашли «примазавшихся» в Уральском политехническом институте: Яблонского – сына попа, Матвейчука – сына жандарма, Плотникова – сына жандарма, Фролова и Степанова – троцкистов. В корреспонденции «Чужаки в УПИ. Они пришли в Политехникум обманным путем», читаем: 40 чужаков пролезли [...] Молчанов Б. И. – сын попа. Садовская Н. Н. – дочь дворянина. Ключев Б. П. – сын жандарма. Попов К. – сын крупного торговца. Попов Н. А. – белый офицер, Диев И. Д. – сын священника. Янковская Елена – дочь генерала, Юшмановы – сыновья заводчика и купца. В итоге была принята специальная директива ОблРКИ с целью не допускать чужаков в вузы.

Из Центрального рабочего кооператива «вытряхнули 112 чуждых» (купцы, торговцы, офицеры белой армии, царские и колчаковские чиновники, фабриканты, помещики, попы, монархисты). В конце года рабочие бригады обнаружили 80 чужаков в аппарате ЦРК (Свердловск). Началась повторная чистка. В центре началось «академическое дело». Работники Ленинграда потребовали предания суду академиков С. Ф. Платонова и С. Ф. Ольденбурга, которые якобы скрывали

от партии в архиве академии важные политические документы^[274].

Активизировалась репрессивная политика. ОГПУ раскрыты контрреволюционные организации в золотоплатиновой промышленности и на транспорте. Более 20 человек – «господ-акционеров железных дорог» приговорили к высшей мере наказания за вредительство (неисправные паровозы, задержка военных и хлебных грузов)^[275].

В Ленинграде ОГПУ раскрыта крупная вредительская организация шахтинского масштаба (ее участники: Владимир Костенко – технический директор треста «Судотрест», Кондратьев, Ладыгинский, Зворыкин, Виллер и др.). Вредители из Судотреста строили негодные суда^[276]. Раскрыт контрреволюционный заговор украинских националистов^[277]. Состоялся суд над специалистами Ураласбеста, найдены вредители в Дегтярске и Златоусте. Троицкий окружной суд приговорил кулаков-террористов к двум годам тюрьмы^[278]. В Сарапуле приговорен к расстрелу кулак Павел Колегов за антисоветскую пропаганду^[279].

Практиковалась деятельность общественно-показательных судов и «трибуналов пролетарской общественности». Пролетарский суд должен был четко проводить классовую линию. Правая опасность грозила и прокуратуре – в «потакании правым» обвинен прокурор Кононов в Свердловском округе^[280]. Рабкоры докладывали: «Белогвардеец Шилов и группа несознательных рабочих (42 чел.) подписали контрреволюционное заявление на Лысьвенском заводе»^[281].

Рабселькоры вели поиск конкретных врагов партии и их разоблачение: «бывших» (дворян, белогвардейцев, торговцев, жандармов), нэпманов, священнослужителей. Каждая корреспонденция-донос обрекала на преследование главного героя такого материала. В 1929 г. подобные доносы стали все более частыми и персонифицированными.

Обратим внимание на результаты процессов против вредительской деятельности. После приобретшего всесоюзную и международную известность Шахтинского дела (53 подсудимых,

процесс проходил 18.05–06.07.1928) процессы над вредителями посыпались один за другим во всех отраслях промышленности. Весной 1929 г. Коллегия ОГПУ в Свердловске вынесла приговор по делу «О контрреволюционной вредительской организации в золото-платиновой промышленности СССР». Перед Коллегией предстало 26 человек, свою вину признали 12 из них, частично – 3 чел., отказались признать – 11 чел. Один обвиняемый – профессор П. А. Пальчинский^[282], признанный главным вредителем, – был расстрелян, остальные 25 подсудимых избежали высшей меры социальной защиты и приговорены к заключению в ИТЛ (на срок 10 лет – 12 чел., остальные – от 3 до 8 лет). В 1994–1995 гг. уральский историк А. В. Свалухин получил доступ к архивно-следственному делу по «золото-платиновому вредительству», хранящемуся в ГААОСО, и составил две подборки документов из дела^[283].

Знакомство с обвинительным^[284] заключением и поиск информации по различным базам данных жертв политических репрессий позволили нам проследить судьбу некоторых участников этого дела. Во-первых, все они реабилитированы, во-вторых, подвергались репрессиям и в дальнейшем. Например, П. А. Пальчинского арестовывали за контрреволюционные преступления в 1917 и 1922 гг., Л. Г. Рабиновича на процессе Промпартии 1930 г. назвали членом центрального комитета этой мифической организации и продолжали тюремные допросы, в результате чего он и скончался от болезни сердца в 1934 г. М. А. Эйдлин был вновь осужден по делу Промпартии в 1930 г., затем работал на золотых приисках в системе Дальстроя ОГПУ-НКВД, вновь арестован в 1937 г., осужден и расстрелян в числе руководящих работников Дальстроя в 1941 г. В. В. Савельев вновь арестован и приговорен к расстрелу Верховным судом Якутской АССР 14 июля 1938 г. Судьба большинства жертв «вредительского дела» пока остается неизвестной, но понятно, что повезло немногим. Например, К. М. Чарквиани, бывший директор Уралзолота (получивший по приговору 10 лет ИТЛ), в 1939 г. по ходатайству Уральского

филиала АН СССР направлен на работу в УФАН, где проработал 19 лет. Умер он в 1960 г.^[285]

Исследователь проблемы вредительства О. Б. Мозохин подвел итог репрессивной операции: «Коллегия ОГПУ 22 мая 1929 года постановила расстрелять участников контрреволюционных организаций на железнодорожном транспорте: фон Мекк Н. К. и Величко А. Ф. и в золотоплатиновой промышленности – вредителя Пальчинского П. А., приговор приведен в исполнение. Подчистив специалистов, часть из которых была осуждена, другая выгнана с работы, НКПС столкнулся с такой проблемой, что некому стало работать. Политбюро ЦК 5 августа 1931 года принимает согласованное с ОГПУ и НКПС предложение о досрочном освобождении от наказания специалистов, передаваемых ОГПУ для работы на транспорте, с оставлением им наказания условным и о применении к освобожденным гласного надзора ОГПУ»^[286].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1930 г. на первом плане сохраняется борьба с уклонами, кулаками, репрессии, борьба с «бывшими» и хлебозаготовки. В целом репрессивная тематика (категории 2, 4, 6, 16, 15) представлена 588 единицами высказываний.

Наиболее распространенными высказываниями для категории «оппозиция и уклоны в партии» являются следующие: «Всю силу классовой беспощадности обрушим против правого оппортунизма и левых загибов»; «Всю массу рабочих заразить жгучей классовой нетерпимостью»; «Проверить классовую боеспособность аппаратов (чистка аппаратов)»; «Беспощадно ударить по оппортунизму и примиренчеству в партийных рядах»; «Ничто не может остановить нашего стремительного наступления на кулака»; «Решительно разоблачать правых оппортунистов, кулацких «плакальщиков» и левых, не отличающих кулака от середняка»; «Гоните вон оппортунистов и двурушников»; «Чистка – важнейшее дело всей партии, всего рабочего класса»; «Крепко ударить по тем, кто под прикрытием борьбы с «левыми» перегибами творит правые дела. Бить на два фрон-

та»; «Давать сокрушительный отпор проявлениям правого уклона и «левым загибам»»; «Сталин: Правая опасность была у нас, и остается главной опасностью. «Левые» загибщики являются объективно союзниками правых. Решительное исправление ошибок «левых» загибщиков – неременное условие успешной борьбы против главной опасности – правого оппортунизма»; «Большевистской самокритикой, исправлением «левых» загибов – заглушить перекличку оппортунистических критиканов»; «X областная конференция уральских большевиков требует от бывших лидеров правых оппортунистов критики оппортунистических ошибок, активной борьбы против всяких попыток правых уклонистов ревизовать ленинскую генеральную линию партии»; «Да здравствует победоносный воинствующий ленинизм, сметающий на своем пути оппортунистическую агентуру капитализма»; «Формальному согласию с генеральной линией – грош цена (партия не потерпит в своих рядах идеологов капиталистической реставрации, лидеры правого уклона должны полностью признать свои ошибки)»; «Правые смыкаются с национальной оппозицией»; «Примиренцы – злостные носители проявления правого оппортунизма. «Троцкисты поют теперь о «чрезмерности» большевистских темпов» (Сталин). Профоппортунисты помогают вредителям сталкивать поезда с рельс»; «Непримиримость к двурушничеству и аллилуйщине»; «Беспощадно бороться с право-левым блоком – пособником классового врага. Вредителей расстрелять»; «Изменникам не задержать победоносного хода социалистического строительства. Сокрушить предателей, пытавшихся восстановить власть капитала».

Обратим внимание на репрессивную практику. В этом году количество политических судилищ возросло. Вот наиболее крупные из них: процесс «Союза освобождения Украины» (СВУ); дело «кирилловцев» – белогвардейцев-фальшивомонетчиков (Ленинград); дело кулаков-террористов (Соликамск); процесс над «кондратьевщиной» – контрреволюционной организацией во главе с Н. Д. Кондратьевым (*репрессирован, расстрелян*

в 1938 г., реабилитирован в 1963 и 1988 г. – ВМК), Садыриным, Чайновым, Юровским, Сухановым, Рамзиным, Базаровым и др. (Москва); процесс лжеинженера Аксельрода; процесс над вредителями рабочего снабжения – контрреволюционными «организаторами голода» (Рязанцев, Карпенко, Воронцов, Куранов, Денисов, Рубинштейн и др., всего 48 чел., Москва); процесс над вредительской организацией в пищевой промышленности Урала (порча овощей в Свердловске); процесс Всехимпрома – дезорганизаторов строительства в Березниках (Луговой, Самарский); процесс Промпартии; процесс контрреволюционеров-пантюркистов в Узбекистане; дело контрреволюционной группы церковников и торговцев во главе с попами и монархистами Русановым, Муравьевым, Зевакиным и другими в Челябинске; процесс над «чувсовскими вредителями»; суд над группой работников Уралмента (ВИЗ, Свердловск); суд трибунала над 17 «саботажниками и рвачами» (шахты Кизела); в Шарташском районе разоблачены и преданы суду агенты кулака (Городецкий – председатель сельсовета); вскрыта работа вредителей на Воткинском заводе.

Как правило, все судебные процессы на местах были напрямую связаны с процессами над правыми и левыми оппортунистами в центре. Сталин, взяв курс на выполнение плана «сверхиндустриализации» (который был предложен Троцким еще в 1925 г. – ВМК), решил покончить со всеми сомневающимися привычным для него способом – обвинением во вражеских намерениях и жесткими репрессиями. Среди процессов в центре можно выделить: дело Трудовой крестьянской партии, обозначенного как «кондратьевщина» (Кондратьев, Суханов, Базаров, Громан), дело Промпартии (Рамзин, Куприянов, Очкин, Федотов, Чарновский, Ларичев), фракционной антипартийной группы Сырцова – Ломинадзе, процесс над вредителями в рабочем снабжении, по итогам которого расстреляно 48 человек, процессы против националистов (Украина – СВУ, Узбекистан – пантюркисты).

С ними связаны «местные» процессы на Урале: вредителей рабочего снабжения в Свердловске (Плешков, Толкачев, Коншин, Залецкий и др.), вредительской шпионской организация в Воткинске (цель – организовать голод), дело Уральского инженерного центра, процесс над контрреволюционерами Уралмета, процесс над оппортунистами-дезорганизаторами Всехимпрома (Березники), процесс над саботажниками шахт Кизела, процесс над контрреволюционной группой церковников и торговцев во главе с попами и монархистами Русановым, Муравьевым, Зевакиным и другими в Челябинске.

Рассмотрим комплекс процессов над «вредителями», которые стали повседневной практикой ОГПУ. Как считают известные исследователи истории вредительства О. Б. Мозохин и С. А. Красильников, «Борьба с „вредительством“ – масштабная кампания, проводившаяся во второй половине 1920-х – 1930-х годах по инициативе Политбюро ЦК ВКП (б) и лично И. В. Сталина. Главной целью кампании было стимулирование развития советской экономики за счет устрашения одних работников репрессиями других»^[287].

В 1928–1931 гг. развернулась широкая репрессивная кампания против «буржуазных специалистов». Под предлогом «правого уклона» или классовой чуждости до 1933 года было отстранено от работы более 150 тысяч служащих^[288].

В 1929 г. по инициативе ОГПУ кампания по борьбе с вредительством приобрела новое качество. Начались поиски единого организующего вредительского центра и его ставленников в руководящих хозяйственных органах, в рядах интеллигенции и военных. Вскоре «разоблачили» целый ряд групп заговорщиков. Первой была Промпартия – антисоветская организация, которая в 1925–1930 гг. якобы занималась вредительством в разных отраслях промышленности и на транспорте. Главой Промпартии определили директора Всесоюзного теплотехнического института, члена Госплана и ВСНХ СССР Л. К. Рамзина.

На открытом процессе по делу Промпартии разбирались вредительская деятельность восьми человек. Им вменялись саботаж индустриализации, сотрудничество с иностранными разведками, подготовка иностранной военной интервенции в СССР. Обвиняемые признали свою вину, пятеро из них были приговорены к расстрелу, трое – к десяти годам лишения свободы. Через некоторое время расстрел был заменен на 10 лет лишения свободы, остальным сократили сроки заключения, так как квалифицированных специалистов катастрофически не хватало.

Процесс над Промпартией открыл дорогу другим публичным постановочным процессам 1930-х гг., вплоть до третьего Московского процесса 1938 г.^[289].

В этом же году целый ряд политических, общественных и научных деятелей (в том числе: заместитель наркома земледелия СССР Андрей Берзин, экономисты Николай Кондратьев, Александр Чаянов, Лев Литошенко и другие) были арестованы по делу центрального комитета выдуманной чекистами контрреволюционной вредительской организации «Трудовая крестьянская партия». Их обвиняли в подготовке смены власти в стране и создании нового правительства, приговорили к различным срокам заключения. По неполным данным, помимо лиц, обвиненных в руководстве партией, в связи с делом ТКП было арестовано 1296 человек, в том числе по делу Уральской областной организации – 26 человек. Среди мнимых членов «Трудовой крестьянской партии» оказался ряд крупных экономистов, проходивших также по делу «контрреволюционной эсеровско-кулацкой группы Чаянова – Кондратьева». Им вменялся саботаж в области сельского хозяйства и индустриализации^[290].

22 сентября 1930 г. в «Правде» были опубликованы первые материалы о деле «снабженцев-вредителей». По версии следствия, организация возглавлялась профессором А. В. Рязанцевым, бывшим помещиком, генерал-майором; профессором Е. С. Каратыгиным, в прошлом октябристом. Коллегия ОГПУ, рассмотрев по поручению ЦИК и СНК СССР дело о контрреволюционной вредительской организации в области снабжения

населения продуктами питания, приговорила к расстрелу всех фигурантов дела – 48 человек. Открытого процесса не последовало, в газетах опубликовали выдержки из признательных показаний подсудимых и сообщение о приведении приговора в исполнение^[291]. Дело, сфабрикованное ОГПУ, затронуло во всесоюзном масштабе старых «буржуазных» специалистов, причастных к производству и распределению мясной и рыбной продукции в организациях «Союзмясо», «Союзрыба», «Союзплодоовощ» и соответствующих звеньях аппарата Наркомторга СССР^[292].

Осужденным приписывалось вредительство, «срывающее все мероприятия, направленные к поднятию холодильного и мясного дела, чтобы, лишив страну мяса и приведя ее к голоду, облегчить возможность изменения существующей власти [...], к установлению буржуазно-демократической республики». На них возложили вину за дефицит мясной и рыбной продукции, возникший в 1930 г. в результате коллективизации^[293].

Как говорится в сводке ОГПУ, «Опубликованные в прессе материалы о раскрытии ОГПУ вредительской организации в пищевой промышленности, по предварительным данным, вызвали сильное возмущение всей рабочей массы московских предприятий по адресу вредителей. Митинги, организованные в день опубликования материалов, почти по всем предприятиям прошли при участии подавляющего большинства рабочих и с большим подъемом». Наряду с осуждением арестованных вредителей «большинством рабочих» приводятся и отдельные примеры «враждебных высказываний», в которых как раз и отражается истинное положение вещей. Например, на фабрике им. Калинина 1-го Госпищетреста одна из работниц говорила в цеху: «Нечем оправдываться коммунистам перед рабочей массой, вот и пустили „утку“, что раскрыли контрреволюционную вредительскую организацию; не мы, мол, виноваты в имеющихся у нас трудностях». Агитация антисоветского элемента сводится к утверждению, что раскрытие вредительских организаций является очередным вымыслом советского правитель-

ства, необходимым для того, чтобы «отвлечь внимание населения от создавшегося в стране катастрофического положения» и «скрыть неумение коммунистов управлять страной». Самойловский лесопильный завод: «Дело обстоит не так, как это пишут в „Правде“. Прочитаешь, и сразу странным покажется, что арестованные, не запираясь, рассказывают, что они вредители, что до конца жизни они будут самыми злейшими врагами советской власти, если их не расстреляют. Дело не так, как пишут, и потому, боясь скандала, передали его в ОГПУ судить „втемную“» (старший счетовод ящичного цеха, ведет систематическую антисоветскую агитацию)»^[294].

В условиях «Великого перелома», окончательного слома нэпа, фактического провозглашения политики «большого скачка», стремление инженерно-технических работников работать «по-старому» воспринималось властью как свидетельство объективной контрреволюционности данного социально-профессионального слоя. В глазах большевиков он превратился из «незаменимого» в «ненужный» и даже «вредный» элемент.

К середине 1930 г. в партийно-государственном аппарате вызревает идея применения качественно новых репрессивных мер против старой технической интеллигенции. В докладе И. В. Сталина на XVI съезде ВКП (б) 1930 г. говорилось о «злостном вредительстве верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности»^[295].

Как резюмирует уральский историк А. И. Делицой, «к осени 1930 г. политика „советизации“ технической интеллигенции приобретает качественно новые черты — если раньше „тюремные“ методы выполняли, прежде всего, иллюстративно-запугивающую роль, то теперь через процедуру лагерной обработки должен был пройти поголовно целый слой ИТР — наиболее квалифицированная их часть. Другим новым моментом политики власти в этом вопросе становится установка на форсированную замену на ключевых постах специалистов старой школы новыми (как тогда считалось, качественно превосходящими первых) „пролетарскими“ специалистами»^[296].

В конце 1930 – начале 1931 г., по подсчетам А. И. Делицоя, органами ОГПУ на территории Уральской области было арестовано не менее 125 так называемых буржуазных специалистов (примерно 15–20% от их общего числа). «По своим масштабам репрессивная кампания 1930/31 г. значительно превосходила кампанию 1928 – первой половины 1930 г.; тогда на Урале было арестовано около 40 инженеров и техников. Таким образом, 3/4 всех арестов технических специалистов за все время „большой чистки“ ИТР 1928–31 гг. приходилось именно на вторую половину 1930 – начало 1931 г.»^[297].

«Уральский инженерный центр» (по задумке ОГПУ – уральский «филиал» Промпартии), например, включал 15 наиболее колоритных инженерно-технических фигур региона (всего обвинялось 19 чел.), среди которых – В. А. Гассельблат – главный инженер Магнитостроя, члены Президиума Уралоблсовнархоза М. А. Соловов, Б. С. Дунаев, Г. В. Рубинштейн, технические директора крупнейших трестов и т. д.^[298]. Осужденных приговорили к различным срокам лишения свободы – от 5 до 10 лет.

Дальнейшей судьбе этих выдающихся людей не позавидовать: В. А. Гассельблат умер на этапе в 1932 г., М. А. Соловов отбывал срок на Соловках до 1940 г.; в сибирские лагеря попали В. И. Тибо-Бриньоль, А. А. Иванов, И. Ф. Гергенредер. Правда, в условиях острой нехватки специалистов группу репрессированных инженеров уже в 1931–1932 гг. направили на заводы Урала, где они вскоре стали руководителями разных подразделений. Для значительной части осужденных репрессии продолжались: П. А. Гирбасов получил новый срок – 10 лет, в 1937–1938 гг. расстреляны Д. А. Антонов, М. А. Балакин, Н. И. Папетов, получил новые 10 лет А. А. Троицкий и погиб в Ивдельлаге в 1942 г., В. В. Миловидов в 1947 г. получил срок в 25 лет, Г. В. Рубинштейн приговорен к 10 годам ИТЛ в 1950 г., А. Е. Маковецкий покончил с собой в 1939 г.^[299].

Параллельно с вышеуказанными процессами началась фабрикация отраслевых «вредительских групп» – в черной и цветной металлургии, лесной, угольной отрасли, в Уралгипроме, на Магнитострое и т. д.^[300]

Второе место среди выделенных нами категорий занимает «борьба с кулачеством» (125 единиц высказываний), к ней примыкают категории «коллективизация», «хлебозаготовки» и некоторые другие. Мы выделили наиболее типичные единицы высказываний в связи с антикулацким фронтом боевых действий партии: «За беспощадную борьбу с кулацкими террористами»; «Шире развернуть борьбу по раскулачиванию»; «Не пускать кулака в колхоз»; «Ликвидировать кулачество как класс»; «Выселять кулаков. Конфисковать у них имущество – этого требуют беднота и середняки»; «Миллионы горят огнем классовой ненависти к кулаку»; «Изгоним с предприятий и из совпарата кулацких сподручных, пособников и дружков»; «На штурм кулацкого класса. Не ждать самораскулачивания»; «Последние корни капитализма в деревне выкорчевывают батрачество и беднота в союзе с середняком»; «Огнем, обрезом и контрреволюционной агитацией озверелый кулак пытается задержать темп наступления»; «В схватке с кулаком закаляются ряды колхозников»; «Бейте по хвостистам, обломовым, оппортунистам и кулацким однокашникам»; «Беспощадная борьба с двурушниками – агентурой кулака»; «Кулака и шамана сбросить с дороги большевистской путины».

Проанализированная нами газетная информация не отражает процесса «ожесточенной классовой борьбы» в целом, умалчивает о жестоких массовых репрессиях, количестве раскулаченных-спецпереселенцев как в самой Уральской области, так и вселенных сюда из других регионов страны. Между тем, современные исследователи называют близкие к реальности цифры. А. А. Раков подводит итог: «На 10 декабря 1930 г. общее количество „раскулаченных“ хозяйств по Уралу – 25 624»^[301]. Исходя из среднего количества состава крестьянских семей в 5 чел. – это около 125 тыс. чел. Согласно переписи фев-

раля 1931 г., по всем районам ссылки Уральской области насчитывалось 134 421 чел. спецпереселенцев^[302].

Сопротивление крестьян нарастало. Как ныне хорошо известно, в 1929 г. по стране произошло более 1300 крестьянских бунтов, в которых участвовало 244 тыс. человек, а на Урале только в первые три месяца 1930 г. – 52 коллективных выступления крестьян. На 1930 г. пришелся пик массовых выступлений крестьян – их произошло около 13800, объединивших примерно 3 млн 400 тыс. человек. Это была самая настоящая гражданская война, спровоцированная Сталиным. В этом году по делам, относящимся к ОГПУ, в СССР было приговорено к расстрелу более 20 тыс. человек^[303]. Акты злодеяния старались сохранить в тайне. Так глава Уральского обкома ВКП (б) И. Д. Кабаков в телеграмме Верхне-Камскому окружкому ВКП (б) директивно указывал «Категорически воспрещается производить публикацию в печати фактов расстрела кулацких элементов. Примите точно исполнению»^[304].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1931 г. в целом репрессивная тематика (категории 2, 4, 6, 16, 15) составляет массив в 97 единиц высказываний.

В масштабах СССР в этом году на первое место, безусловно, выходит показательный процесс Союзного бюро меньшевиков – открытый судебный процесс Специального присутствия Верховного суда Союза ССР, проходивший в Москве 1–9 марта 1931 г. Обвинялась группа советских хозяйственных работников, всего 14 чел.^[305].

По версии ОГПУ, контрреволюционная организация поддерживала связи с заграничным центром меньшевиков и состояла в блоке с Промпартией и Трудовой крестьянской партией в целях восстановления капиталистических отношений в СССР, делая ставку на иностранную интервенцию. Обвиняемые были приговорены к разным срокам заключения в тюрьмы особого назначения, в дальнейшем снова подвергались репрессиям и до частичной реабилитации в период хрущевской оттепели дожили лишь двое (В. К. Иков и М. П. Якубович)^[306].

«Уральский рабочий» на своих страницах резюмировал деятельность «заговорщиков»: «Социал-вредители-меньшевики в союзе с „Промпартией“ и кондратьевцами под руководством 2-го Интернационала пытались, опираясь на штыки интервентов, восстановить капитализм в СССР»^[307].

Между тем на Урале расходились круги новых разоблачений вредителей в связи с делом Промпартии. Согласно справке ОГПУ «О ликвидированных контрреволюционных организациях на Урале», «О.Г.П.У. за последнее время вскрыты и ликвидированы на Урале целый ряд к.-р. организаций, охвативших активной вредительской деятельностью все основные участки Уральской промышленности.

В настоящее время следствие ведется по следующим отраслям промышленности: черная металлургия, строительство Магнитогорского завода, цветная металлургия, каменноугольная промышленность, машиностроение, строительство электростанций, бывший геологический комитет, сельхозмашиностроение, промышленность строительных материалов, лесная и химическая промышленность.

К [онтр]-р [еволюционные]. группы вскрыты также в научно-исследовательских институтах и ВТУЗах Урала.

Следствием установлено, что вредительские организации на [Урале] [руко] водились в своей деятельности указаниями Уральского Областного Центра «Промпартии», связанного, в свою очередь, с ЦК Промпартии в Москве»^[308].

Во главе придуманного чекистами Уральского областного вредительского центра (*впоследствии «Инженерного центра»*. – *ВМК.*) «стояли: 1. ГАССЕЛЬБЛАТ – б [ывший]. главный инженер УралГипромеза и главный инженер Магнитостроя. 2. КРАПИВИН – б [ывший]. технический руководитель треста „Уралмет“. 3. ГИРБАСОВ – б [ывший]. технический директор „Уралгостреста“ и консультант Уралгеолкома. 4. ДУНАЕВ – член Президиума Уралоблсовнархоза и 5. СОЛОВОВ – б []. председатель промсекции Уралплана... Военно-диверсантские ячейки состояли в своем большинстве из б [ывших]. офицеров царской и белой ар-

мии. Их задачей являлось на случай интервенции парализовать деятельность уральской промышленности»^[309].

Обвиняемые были приговорены к разным срокам заключения в ИТЛ, и, как всегда, в дальнейшем их ждала непростая судьба людей, находящихся под политическим прицелом. Реабилитация последовала только в конце 1980-х гг.

Однако политическая и социально-экономическая ситуация в СССР постепенно менялась. А. И. Делицой пишет: «Стремительный рост доли выпускников советских ВТУЗов в общей численности ИТР позволил «растворить» в их массе немногочисленных «буржуазных специалистов» (к 1931 г. доля «новых» инженеров и техников составляла уже 60–70% от всех ИТР промышленности региона).

Фронтальные репрессии против инженерно-технической элиты, почти полное ее изъятие из производства позволили находящемуся в угаре гигантомании сталинскому руководству в полной мере осуществить в промышленности левацкий, авантюристический курс «большого скачка». В обстановке всеобщего развала промышленности, обескровливания хозяйственных структур, в сталинской политике начинается новый поворот, названный некоторыми зарубежными историками «великим отступлением»^[310].

В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. И. В. Сталин отмечал: «Мы имеем определенные признаки поворота известной части нашей интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти. Тот факт, что не только этот слой старой интеллигенции, но даже определенные вчерашние вредители, значительная часть вчерашних вредителей начинает работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом — этот факт с несомненностью говорит о том, что поворот среди старой технической интеллигенции уже начался [...]. Поэтому должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции. Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось, главным образом, в поли-

тике разгрома, то теперь [...] должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней»^[311].

В постановлении ЦК от 10 июля 1931 г. старые и новые специалисты уже не разделяются – обе эти группы ИТР начинают рассматриваться как равноправные части квалифицированных работников. А. И. Делицей отмечает: «Сразу же после принятия постановления ЦК от 10 июля тысячи недавно выдвинутых на руководящие посты рабочих (т. н. выдвинутцев) были вновь отправлены на производство. Их места заняли более грамотные в техническом отношении лица, в том числе и осужденные за вредительство инженеры и техники. Их умением „латались дыры“ на приоритетных участках индустрии»^[312].

Однако такое изменение в политике диктатора отнюдь не означало шага к свободе. Об этом свидетельствует дальнейшая судьба специалистов с дореволюционным образованием, которые просто стали наиболее ценной частью поработанной, закрепощенной сталинским режимом «рабсилы».

Продолжилась борьба за коллективизацию, против кулачества, за «выжимание» из крестьянства хлеба для продажи на экспорт в обмен на машины и оборудование. Как резюмирует исследователь А. А. Раков, «В течение 1930–1931 гг. в Уральской области было „раскулачено“ 28 394 семьи (136 602 человека), из них внутри Уральской области переселено 26 854 семьи (128 047 человек). В 1932 г. на Урале, по расчетам СПО ОГПУ, планировалось переселить 2000 семей, а в 1933 г., по плану ОГПУ – еще 1000»^[313].

По подсчетам того же автора, «общее количество всех переселенных «кулаков» (вселенных или переселенных внутри Уральской области) [...] на 9 августа 1931 г. составляло на Урале до 120 000 семей (около 600 000 человек)»^[314].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1932 г. репрессивная тематика представлена (2, 4, 6, 16, 15, 8 категории) 237 единицами высказываний. К категориям, напрямую связанным своим названием с репрессивной политикой, мы с полным на то основанием отнесли «хлебозаготовки». Это вполне невин-

ное название с началом коллективизации приобрело зловещий смысл.

Заголовки газетных материалов дают представление об узловых моментах битвы за урожай: «Борьба с саботажем хлебозаготовок»; «Ссылки на неурожай — прямой обман партии»; «Контрреволюционный саботаж классового врага и сопротивление хлебозаготовкам подавить жесточайшими мерами»; «За утайку хлеба и отказ от ссыпки семян карать беспощадно»; «На тысячу центнеров хлеба, тысяча центнеров потерь»; «Уполномоченные по хлебозаготовкам привлечены к ответственности»; «Каждый ссыпной пункт превратить в центр политической и культурно-массовой работы»; «Хлеб сыпается в помещения без окон и дверей, не закрыт от дождя и снега, самовозгорается, портится»; «Уничтожить ложные ожидания на дополнительные семенные ссуды, нацелиться на участие в семенных колхозных займах»; «Пресекать использовать семсуду на продовольственные нужды. Добиваться, чтобы все ресурсы единоличников были использованы для выполнения плана большевистского сева»; «Ввиду того, что урожай в этом году удовлетворительный, семенная ссуда выдаваться не будет».

Средоточием преступлений сталинского режима с 1929 г. становится деревня, объектом — крестьянское население, которое решили «выжать досуха», принеся в жертву индустриализации. Население Уральской области в момент ее образования почти на 82% состояло из крестьян. Поэтому репрессии на Урале с началом коллективизации приобрели повсеместный характер. Известный специалист-крестьяновед В. В. Кондрашин отмечает: «Уже в первую колхозную страду, летом 1930 г., повсеместно наблюдались огромные потери зерна при уборке урожая, составив по СССР 177 млн центнеров (22% валового сбора). Происходило это вследствие применения так называемого конвейерного метода, целью которого было стремление власти вывезти из деревни как можно больше хлеба для государственных нужд, т. е. обеспечить выполнение „первой заповеди“ колхоза»^[315].

В 1932 г. поднялась очередная волна раскулачивания. Она была связана со многими объективными обстоятельствами. Падение сельскохозяйственного производства, вызванное разорением деревни, засухой 1931 г., жестоким голодом зимы и весны 1932 г., заставило крестьян рассчитывать только на себя. Опять начался массовый уход из колхозов в надежде прокормиться за счет индивидуального хозяйства. План по хлебозаготовкам летом 1932 г. был выполнен только на 46%. Отсюда новая волна репрессий.

С середины 1932 г. массовое переселение раскулаченных семей значительно сократилось и «постановлением СНК СССР от 19 мая ОГПУ предлагалось отдельные контрреволюционные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста»^[316]. На этом этапе власть, опираясь на уцелевшие колхозы, закабалила деревню и выкачала из нее почти все зерно. Такая политика, наряду с неурожаем, привела к голоду и еще большему распространению голодного воровства.

А. А. Раков пишет: «В 1931–1933 гг. голод на Урале стал массовым. В 1932–1933 гг. суточная норма питания составляла 245–400 гр. хлеба-суррогата, 400 гр. картофеля, стакан молока. Другие овощи, рыба, мясопродукты в рационе уральцев отсутствовали вовсе. Численность населения некоторых районов уменьшилась в два раза, вымирали целые деревни. Как свидетельствуют беспристрастные документы, доходило и до трупоедства»^[317]. В условиях продуктового кризиса партия инициировала закон от 7 августа 1932 г. В 1932 г. по нему осудили 54 645 чел.^[318], по Уральской области в этом году к расстрелу приговорили 55 чел., а в 1933 г. – 194 чел.^[319].

Редакция «Уральского рабочего» под воздействием центрального печатного органа газеты «Правда», курируемого лично Сталиным, избегала каких-либо разговоров о голоде. Журналисты бойко рассказывали своим читателям о страшном голоде и неурожаях во всем остальном мире, в частности в Польше, Чехословакии, Китае, Германии, США. Типичными являются заголовки о голоде «за границей»: «Голодные умирают у роскошных

витрин»; «Режим голода и террора под лозунгом „внутреннего мира“»^[320].

Преследование крестьянства и массовая ссылка продолжились. По данным отдела спецпоселений НКВД, к 1 января 1932 г. на Урале числилось 484 380 раскулаченных^[321]. В целом на Урале было сосредоточено 37,2% «кулацкой ссылки»^[322].

Четвертый этап спецссылки на Урале начался с весны 1932 г. Отправной точкой его можно считать постановление Бюро Уралобкома ВКП (б) от 8 мая 1932 г. о выселении 4 тыс. семей кулаков. Теперь их, согласно установке Сталина на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), стали искать в колхозах, которые они якобы разрушали изнутри. Однако виновниками стали отнюдь не зажиточные, а крестьяне-середняки и бедняки, вынужденные в условиях голода 1932–1933 гг. заимствовать крохи из скудного коллективного урожая. По закону «о пяти колосках» с 7 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. по Уралобласти было осуждено 13 914 единоличников, 11 215 колхозников и 4 929 кулаков^[323].

В течение 1932 г. на Урал прибыло еще 35 533 выселенных, убыло гораздо больше – 154 374 чел. Поэтому на 1 января 1933 г. состояло на учете по Уралу 365 539 чел.^[324] Причиной снижения численности спецссылки являлись бегство и высокая смертность. Например, по данным за 1932 г. в спецссылке родилось всего 18 тыс. детей, а умерло 89,7 тыс. человек, т. е. смертность превышала рождаемость в пять раз^[325]. На 1930–1932 гг. пришелся пик массовых репрессий, вполне сравнимый с периодом Большого террора 1937–1938 гг.: были расстреляны и заключены в концлагеря «несколько сотен тысяч „вредителей“ и „кулаков“, а более двух миллионов „кулаков“ и членов их семей отправлены в ссылку»^[326].

Политика, именуемая «коллективизация-раскулачивание», привела к массовому голоду начала 1930-х гг. Как отмечает историк В. В. Кондрашин в своей книге, посвященной голоду 1932–1933 гг., «В контексте голодных лет в истории России своеобразие голода 1932–1933 годов заключается в том, что

это был первый в ее истории „организованный голод“, когда субъективный, политический фактор выступил решающим и доминировал над всеми другими [...]. В комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор как равноценный другим, характерный для голодов 1891–1892, 1921–1922, 1946–1947 годов. В 1932–1933 годах не наблюдалось природных катаклизмов, подобных великим засухам 1891, 1921, 1946 годов»^[327].

Причиной голода 1930-х стали последствия принудительных хлебозаготовок 1929 г. и сплошной коллективизации, начатой в 1930 г., создавших дефицит продовольствия на селе. Голод явился прямым результатом курса сталинского руководства на ускоренную индустриализацию, требовавшую валютных источников для ее осуществления, одним из которых стал зерновой экспорт. С этой целью для крестьянских хозяйств устанавливались невыполнимые задания по хлебосдаче.

Современная оценка числа погибших от голода в масштабах СССР – 7–8 млн чел. Население СССР сократилось с осени 1932 г. до апреля 1933 г. со 165,7 млн чел. до 158 млн чел., т. е. на 7,7 млн чел., причем преимущественно за счет сельского населения^[328].

Хлеба не хватало не только на селе, но и в городе. «Недоснабжение городов и поселков Урала поставками Наркомснаба, – жаловался Микояну председатель Уралсовета Ошвинцев, – достигает 60–20%. В итоге систематическое недообеспечение хлебом целых регионов. Сокращается снабжение рабочего населения Урала и фабрично-заводской продукцией»^[329].

Историк и экономист А. А. Базаров эмоционально резюмирует: «Промышленный Урал застывал в голоде. Маленькие предприятия и учреждения усохли до юридического скелета. Работники разбегались по деревням в поисках случайного куска. Великие стройки надсадно дышали, перемалывая в прах остатки подневольных энтузиастов – спецпереселенцев и заключенных. Бунты и очереди по бесполезности сошли на нет. Опорный край державы впал в коматозное состояние, когда

есть советская власть и плюс больше ничего. Голый социализм»^[330].

Все – и идейные сторонники утопического плана построения коммунизма, и их противники, и обычные малограмотные люди – искали объяснение происходящей катастрофе. Диктатору совершенно не нравилась обстановка разноречивых толкований его «гениального» леворадикального курса. Поэтому он привычно и настойчиво предлагал свое простое и традиционное объяснение, порожденное долгим опытом ведения войны со своим народом, – происками классовых врагов. В нескольких номерах «Уральского рабочего» публикуются материалы о процессе 48 вредителей рабочего снабжения, бывших работников 2-го Горпо (Свердловск)^[331]. Их называют последышами «организаторов голода» – участников «контрреволюционной организации вредителей рабочего снабжения», осужденных в Москве в 1930 г. Среди обвиняемых: Рябков – бывший торговец, домовладелец и колчаковец, Смирнов – кулак, пролезший в кооперацию, сбежавший с лесозаготовок, Перепелкин, Пензин – глава шайки по делу 48-ми. Таким образом, канализируется народный гнев, который проявляется в резолюциях рабочих различных предприятий, требующих смерти «участникам банды расхитителей». В итоге Пензин, Перепелкин, Рябков приговорены к ВМН, остальные: 5 к 10 годам, 1 – 8 лет, 11 – 5 лет, 5 – 3 года, 4 – 6 мес. принудительных работ, 5 – 1 год принудительных работ, часть условно, 1 оправдан. На процессе было озвучено, что только за четвертый квартал 1931 г. к ответственности за хищения в потребкооперации были привлечены 1571 чел. В отчете с процесса анонимный корреспондент пишет: «Жестоко преследуя и карая классовых врагов за попытки подорвать рабочее снабжение, пролетариат Урала обязан укрепить аппарат кооперации, окружить его неослабным рабочим контролем, и раз навсегда закрыть путь вредительским элементам к фондам рабочего снабжения»^[332].

Со своей стороны, как автор, могу лишь сказать, что главным «вредителем» в деле продовольственного обеспечения всей страны и Урала, в частности, являлись инициаторы политики «большого скачка» по главе со Сталиным. Их-то и следовало судить со всей пролетарской принципиальностью.

Между тем в обстановке кризиса снабжения Сталин взялся за укрепление позиций генеральной линии партии, отсекая всех в ней сомневающихся. В первых номерах «Уральского рабочего» за 1932 г. встречается целый ряд материалов, связанных с разоблачением «троцкистских контрреволюционеров» среди преподавателей высшего образования. Например, в передовице газеты под названием «С ленинской непримиримостью бороться за чистоту революционной теории и революционной практики» упоминаются свердловские контрреволюционеры: «Некоторые ячейки (УралОНО, Облисполком, 1-й У [уральский] К [оммунистический] У [ниверситет], Уральский пединститут) уже после опубликования письма тов. Сталина^[333] проявили либеральное отношение к троцкистским контрреволюционерам и двурушникам Эльвову, Гребеннову, Архангельскому, сейчас уже исключенным из партии, Гоникману и др.»^[334]. На первой странице газеты опубликовано постановление Уралобкома ВКП (б) «О ходе проработки письма тов. Сталина от 1 января 1932 г.» с призывом вести борьбу «против конкретных носителей правого и „левого“ оппортунизма, контрреволюционного троцкизма и гнилого либерализма на всех участках социалистического строительства». Вскоре последовали и конкретные практические действия: в Уральском научно-исследовательском педагогическом институте (Пермь) исключили из партии «двурушника» Архангельского, за «антипартийный выпад» — Воронина, поставили вопрос о пребывании в партии Фильцер, «тов. Пумпянскому предложено дать статью с развернутой критикой своих ошибок», поставлен вопрос о замене секретаря партиячейки Каракоровской.

Борьба с «двурушниками и гнилыми либералами» продолжилась. Широко развернулось преследование преподавателей разных вузов. Например, в Уральском индустриально-педагогич-

ческом институте (ныне УрГПУ. – ВМК) последовала целая цепь разоблачений. В 1932/33 уч. г. в пединституте с работы были сняты профессор Гордон за «протаскивание [...] идеологических установок в преподавание истории Запада», историк Нецкий за «биологизацию человека» и преподаватель педагогики Прохоров за «апологетизацию американской школы». Несмотря на нехватку преподавательского состава, из института одного за другим увольняют преподавателей – по идеологическим причинам. В 1932 г. руководителя кафедры физики П. А. Смирнова^[335], доцента А. Н. Плешкова уволили из института «за допущения в программах и преподавании троцкизма», «левацкие перегибы в преподавании педагогики (незнание предмета)», «идеологическое извращение в преподавании физики».

В декабре 1931 г. из института была уволена доцент общественно-экономической кафедры Ю. А. Бэр «за идеологическое извращение преподавания истории Запада». Освободили от работы также профессора А. С. Соколова, руководителя кафедры, «за непринятие мер к разоблачению доцента Бэр, идеологическое извращение троцкистского порядка в преподавании истории». В 1932 г. уволили доцента Г. Лейканд (сторонника меньшевистствующего идеализма в политэкономии, последователя И. И. Рубина) за «допущения в программах и преподавании троцкизма». Освобождается от работы в институте преподаватель политэкономии К. Клязик «за грубейшие извращения, допущенные им во время занятий в экономической группе». Преподаватель политэкономии Дуковский увольняется из института за ошибки «рубинского характера»^[336]. Среди «врагов» оказались бывший белогвардейский офицер, активный меньшевик Гольдман (зав учебной частью), троцкистка Невская (завкафедрой общественных дисциплин), «троцкистский контрабандист» Даутен, «контрабандисты» – преподаватели Усыкин, Мартон, Табачков^[337]. Идеологический контроль коммунистической партии над деятельностью педагогических учебных заведений становился тотальным. Это касалось даже оговорок при изложении преподавателями материала на занятиях, неудачно построенных фраз.

Оттачивала политическую бдительность и партийная организация Уральского коммунистического университета: преподаватель Гребенев исключен из партии, создана комиссия для проверки литературных работ преподавателя Гингорна^[338].

Определяющим фоном для развития политических и социально-экономических процессов 1933 года стал провал леворадикальной политики «большого скачка». Как резюмирует известный специалист по этому периоду О. В. Хлевнюк, «невыполнимые планы пятилетки не были достигнуты даже приблизительно»^[339]. Следствием форсированной коллективизации и индустриализации стал самый катастрофический в истории России, искусственно организованный голод. Пик голода пришелся на конец 1932 – начало 1933 г., когда он поразил регионы с населением более 70 млн человек. СССР оказался во власти эпидемий, высокой смертности, миллионы перенесли тяжелейшие заболевания, остались инвалидами. Сводки ОГПУ в первые месяцы 1933 г. были переполнены сообщениями о каннибализме, матери убивали детей, массово вымирала «кулацкая» ссылка. К середине 1933 г. в неволе оказалось более 2,5 млн человек.

Урожай 1932 г. оказался ниже плохого урожая 1931 г. (хлеба заготовлено на 20% меньше), в 1932–1933 гг. в основных житницах страны – Украине и Северном Кавказе – на 40% снизилась сдача хлеба государству. Сталин был взбешен огромным снижением поставок зерна. Высшим проявлением его жестокой и циничной природной сущности стало «заявление в феврале 1933 г. на первом съезде колхозников-ударников: „Мы добились того, что миллионные массы бедняков, жившие ранее впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными [...] Это такое достижение, какого не знал еще мир и какого не достигало еще ни одно государство в мире“. Именно в это время голод достиг своего пика»^[340].

Кризис в стране подорвал положение вождя, приходилось идти на компромисс, искать выход из тупика. Новая политическая линия была обозначена Сталиным на январском пленуме ЦК ВКП (б). Был взят курс на снижение темпов промышленного

производства, расширение экономической самостоятельности предприятий, оживление материального стимулирования труда, осуждены левацкие идеи прямого продуктообмена, в деревне государство перешло на твердые нормы сдачи хлеба по принципу продналога. В феврале 1933 г. Сталин пообещал колхозникам помощь в приобретении коров, постепенно законодательно было гарантировано право крестьян на приусадебный участок и получение от него доходов. Это стало спасением от очередного голода после плохого урожая 1936 г.

8 мая 1933 г. Молотов и Сталин подписали «Инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры». Ключевым моментом в ее содержании являлась фраза: «ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях»^[341].

ЦК ВКП (б) и СНК было постановлено: прекратить массовые выселения крестьян, упорядочить производство арестов и разгрузить места заключения, снизив число заключенных с 800 до 400 тыс. чел.

Однако даже в этой «эпохальной» инструкции двойная мораль вождей проявилась вполне очевидно. В пункте 1 постановляющей части говорилось: «Выселение допустить... в следующих предельных количествах: ...12 тыс. хозяйств»^[342]. В то же время, стала демонстрироваться приверженность «социалистической законности», чекистам на время запретили проводить массовые аресты и депортации^[343].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1933 г. репрессивная тематика представлена 407 единицами высказываний.

Обратим внимание на основные лозунги, выдвинутые в связи с борьбой против оппозиции и уклонов в партии: «Усилим партийные ряды, очистим их от оппортунистов, правых и „левых“ капитулянтов»; «Мы не можем терпеть ни одного дня группировки в рядах партии, несогласия с генеральной линией партии»; «Вычистить из партийных рядов всех ненадежных,

неустойчивых примазавшихся элементов»; «Гнать саботажников, разоблачать двурушников»; «Поднять активность колхозников в чистке партии»; «Повышение большевистской бдительности – в основу чистки»; «Ряд партийных организаций в порядке „подготовки“ к чистке, „чтобы чистка не застала их врасплох“ исключали пачками коммунистов»; «О составе комиссий по чистке. Многие ее члены не разбираются в вопросах борьбы с оппозицией, не знают сущности троцкизма и уклонов»; «Чистка разоблачает чужаков, двурушников, перерожденцев, шкурников»; «К чистке надо привлечь широкие рабочие и крестьянские массы» (Л. М. Каганович); «Чистка учит коммунистов и беспартийных колхозников распознавать лицо классового врага».

Таким образом, ослабления жестокой воли вождя не заметно: никаких признаний в ошибках прежнего курса и нацеленность на яростную борьбу с врагами и сомневающимися. Партию ориентировали на тотальную чистку своих рядов. Как известно, нацеленность на чистку была заложена в устав Коминтерна, в документе под названием «21 условие приема в Коминтерн» (*он был разработан Лениным в 1920 г. – ВМК*). За прошедшее после революции время партией проведены: партийная перерегистрация 1920 г., чистка партии 1921 г., чистка производственных ячеек 1924 г., проверка деревенских ячеек 1925 г., тотальная чистка всей партии в период ликвидации оппозиции 1929–1930 гг. Как можно заметить, она предпринималась в момент радикальных изменений курса партии, когда требовались ее более жесткая централизация в проведении новой генеральной линии, освобождение от сомнеющихся и диссидентов.

Генеральная чистка намечается на заседании Политбюро 10 декабря 1932 г., а 12 января 1933 г. это решение подтверждается объединенным пленумом ЦК и ЦКК. В нем речь шла уже не о чистке партии от «социально чуждых элементов» или «бывших оппозиционеров». На сей раз сталинское руководство нашло более эластичное и удобное определение для подлежащих чистке – «ненадежные». В Постановлении ЦК и ЦИК ВКП (б) обосновывалась необходимость чистки: за 2,5 года числен-

ность партии увеличилась на 1 400 000 чел. В 1933 г. членов партии уже 3 200 000 чел. (2 млн членов и 1,2 млн кандидатов), «при массовом приеме проникли чуждые элементы, двурушники, много политически малограмотных, не знающих программы и устава и не могущих активно проводить политику партии». Поэтому решено: «провести чистку партии в 1933 г. и организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить партии железную пролетарскую дисциплину, вычистить из партийных рядов всех ненадежных, неустойчивых примазавшихся элементов [...]». Это решение согласовано с директивой Коминтерна от 30 июня 1920 г., рекомендовавшей «периодические чистки»^[344].

Новую чистку рекомендовалось начать с 1 июня в Московской, Ленинградской, Уральской и некоторых других областях и закончить по СССР не позже конца ноября 1933 г.^[345].

В августе председатель 1-й районной комиссии по чистке в Свердловске В. П. Шахгильдян докладывал ее предварительные итоги по мотивам исключения: «двурушники, оппортунисты» – 36%, «нарушители дисциплины» – 22%, «перерожденцы» – 13%, чужаки, обманным путем пробравшиеся в партию, – 13%, совершенно оторвавшиеся от партии – 13%^[346].

Кандидатуры членов комиссий по чистке проходили тщательную проверку, в газете довольно много материалов, посвященных этому процессу. Пропагандируется назначение на должность руководителей комиссий «испытанных большевиков». Например, в №137 помещена статья о В. Ф. Головине под заголовком «Испытанным большевикам вручается дело чистки партии. О тех, кем сильна наша партия», в других статьях содержатся материалы о Ф. М. Маркусе, В. Г. Шахгильдяне, Б. А. Ройзенмане, Ф. И. Карклине^[347], занимавших ключевые посты в этом «очистительном» процессе. Превозносятся их личные качества: честность, преданность партии, Сталину, «подлинный большевизм». Однако стоит заглянуть на 4 года вперед во времена очередной «мафиозной разборки» под названием «кадровая революция», «номенклатурная чистка», а в народ-

ном сознании — Большой террор, и мы видим совсем иное к ним отношение. Все перечисленные выше лица стали «врагами народа», обвинены в работе на «фашистское гестапо» и расстреляны^[348].

В Тагильской парторганизации чистка началась 15 июля 1933 г. с цеха колес Гриффина на УВЗ. На 1 января 1934 г. в Нижнем Тагиле из партии исключили 22,3% коммунистов, при этом в ОРС УВЗ — 54%, горсовете — 53,6%, в деревенских парторганизациях — 29,3% их состава. Согласно градации комиссии по чистке, 27% были исключены как «классово-чуждые», 23,9% — как нарушители дисциплины, 15,6% — за пассивность^[349]. По состоянию на 6 января 1934 г. из партийных ячеек горсовета, горно и юстиции было вычищено более 40 членов и кандидатов ВКП (б).

В 1933 г. на Урале в результате чистки были сняты председатели почти всех крупнейших горсоветов. За этот год по 2364 сельсоветам Уральской области заменили 1789 председателей^[350].

В докладе председателя Нижнетагильской городской Контрольной Комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции Вейса говорилось о том, что в 1932–1933 гг. к партийной ответственности привлекли 699 чел., исключили из партии из этого числа 353 чел.

В масштабах Свердловской области за 1931–1933 гг. из рядов ВКП (б) исключили 17 617 чел.^[351].

Газета «Уральский рабочий» регулярно «докладывала» о результатах борьбы с врагами. Например, в публикации «Гнилые либералы из Энергоинститута» читателей извещали о том, что «здесь в течение 8–10 мес. существовала контрреволюционная троцкистская группа, которая систематически вела подрывную работу, оставаясь неразоблаченной до самого последнего времени [...] Руководитель группы — Оленев. Входили: сын городского, кандидат партии Казачук, предцехкома Шадрин, Бурундуков. Знали Стрельцов и Богданов»^[352]. В другом номере публикуется информация о постановлении Уральского

областного комитета по чистке партии от 20.09.33 по делу Попова, которого требуют исключить из партии как «буржуазного перерожденца»^[353].

Бюро Обкома и президиум ОблКК информируют, что «член президиума ОблКК и партколлегии т. Уфимцева, вместо решительной борьбы с контрреволюционным троцкизмом, на деле проявила примиренчество к делам троцкистов (Плотникова, Дерябина, Федосимовой, Филиппова, Еконина) [...]. С работы снять»^[354]. Последовало разоблачение Федосимовой из ячейки фабрики «Одежда», « [...] за спиной пролетарского коллектива трусливым шепотком изрекавшей контрреволюционные лозунги [...]»^[355].

В августе 1933 г. в Нижнем Тагиле и районе было арестовано 26 чел., обвиненных в принадлежности к «контрреволюционной диверсионно-вредительской и шпионской организации, охватывающей целый ряд промышленных объектов, промпредприятий, электростанций и военных заводов Урала». Экономический отдел ПП ОГПУ по Уралу, видимо, решил, провести судебный процесс по этому делу образцово-показательно. Брошюра о нем была распечатана типографским способом. В ноябре следствие по делу №11071 завершилось – 1 чел. был приговорен к расстрелу, 12 – к десяти годам ИТЛ, 5 – к пяти годам ИТЛ, 8 – к ссылке в Карелию на три года (Беломоро-Балтийский канал). Все осужденные проходили по ст. 58 пп. 4, 6, 7, 11^[356].

В обвинительном заключении, в частности, говорилось: «Организация был связана и руководилась германским подданным, шефмонтером фирмы „Броун-Бовери“ Э. Либгардтом, ныне работающим на Урале по индивидуальному договору в качестве консультанта „Востокостали“ по воздухоудвному хозяйству... Деятельностью контрреволюционной организации были поражены: 1) снарядные заводы №63 и 72 (в Нижнем Тагиле и Верхней Туре. – ВМК.); 2) Нижнетагильская электростанция; 3) Кушвинский металлургический завод; 4) медный рудник III Интернационала; 5) Висимский и Исовской золотоплатиновые прииски; 6) теплоэлектроцентраль Березниковского химкомби-

ната... Целью организации было свержение советской власти при помощи интервентов капиталистических стран. Практическая деятельность была направлена по линии: 1) разрушения промышленных предприятий и электростанций путем прямой диверсии и вредительства; 2) сбора шпионских сведений о работе военных заводов и золотоплатиновой промышленности и политических настроениях населения»^[357]. Без сомнения, дело об этой организации было частью борьбы с «заговорами спецов» и дела Промпартии. Истоки шпионской деятельности Э. Либгардта находили в 1927 г.^[358]

Борьба с оппозицией и уклонами шла в привычном уже разоблачительном русле, правда, пока без смертельных приговоров. В публикации «Беспощадная борьба на два фронта – основа наших побед – против правого оппортунизма и „левых“ загибов» резко критиковались М. П. Томский (*покончил с собой 22.08.1936*) и А. И. Рыков (*репрессирован, расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1988 г.*)^[359].

В начале года опубликована информация о том, что за последние месяцы «вскрыт ряд антипартийных группировок, пытавшихся вести подпольную борьбу против партии и ее руководства. В частности, «антипартийная группировка Эйсмонта (*Н. Б. Эйсмонт осужден на три года, в 1935 г. погиб в авиакатастрофе, реабилитирован в 1962 г.*), Толмачева (*В. Н. Толмачев расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1963 г.*) и Смирнова (*А. П. Смирнов расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1960 г.*) [...] Слепкова – Рютина (*А. Н. Слепков репрессирован, в 1933 г. осужден на 5 лет, в 1937 г. расстрелян, реабилитирован в 1988 г.; М. Н. Рютин в 1932 г. приговорен к 10 годам лишения свободы, в 1937 г. расстрелян, реабилитирован в 1988 г.*) [...] Мы не можем терпеть ни одного дня группировки в рядах партии, несогласия с генеральной линией партии [...]»^[360].

В 1990-х гг. в журнале «Известия ЦК КПСС» были опубликованы материалы по делу групп Смирнова – Эйсмонта – Толмачева и Слепкова – Рютина. В них, в частности, говорилось: «На допросах в ЦКК Эйсмонт и Толмачев говорили, что они ис-

пытывали тревогу в связи с развалом насильственно созданных колхозов и уничтожением в них всякой личной заинтересованности в труде, который „держится на голом принуждении и репрессиях“, и считали возможным возникновение весной 1933 года крестьянских восстаний на Северном Кавказе. На заседании Президиума ЦКК в центре внимания оказалась [...] фраза о необходимости „убрать“ Сталина. По этому поводу Постышев угрожающе заявлял допрашиваемым: „Для нас понятно, что значит „убрать“. Убрать – убить. Для меня, когда говорят „убрать“, это значит убить. Это уголовный, контрреволюционный язык“»^[361]. Следует отметить, что язык заговорщиков не отличался по своему уголовному оттенку от языка диктатора. Н. Б. Эйсмонт употреблял слово «убрать», что на принятом партийно-чеккистском жаргоне того времени действительно означало «убить».

Дело Смирнова – Эйсмонта – Толмачева разбиралось на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, а затем специальной комиссией ЦКК, вслед за тем оно было вынесено на январский (1933 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК. В постановлении пленума «Об антипартийной группировке Эйсмонта – Толмачева – Смирнова А. П. и др.» их обвинили в создании подпольной группы, которая ставила своей задачей отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности, кулачества. Пленум исключил Эйсмонта и Толмачева из партии, а Смирнова из ЦК. Вслед за этим Эйсмонт, Толмачев и Попонин были во внесудебном порядке осуждены к заключению в политизолятор сроком на три года. Смирнов был исключен из партии в декабре 1934 года»^[362].

Контрреволюционные группировки разоблачаются не только в центре, но и в Уральском регионе. Следователями ОГПУ расследуется дело контрреволюционной группы в Коми-Пермяцком округе, участники которой были превращены в кулацко-повстанческую контрреволюционную организацию, «ставящую основной задачей вооруженное восстание и образование Финско-

Угорской Федерации с вхождением в нее всех народов Севера, отделение от СССР и присоединение к Финляндии». Вместе с тем, «под шумок» расправились и с недовольными режимом: кулаками, середняками, кустарями и пр. (всего по делу было осуждено 43 человека). Позже к этому делу вернулись уже в ходе «антикулацкой операции» 1937 г., что предопределило расстрельные приговоры^[363].

Продолжается борьба с виновниками всех бед – «вредителями». В начале 1933 г. в газете публикуется статья «Змеиные гнезда, раздавленные пролетарской диктатурой», в которой читательская аудитория информируется о раскрытии «славным стражем завоеваний революции» – ОГПУ четырех «банд вредителей», которым «общая дорога с мировым фашизмом», а их «преданными слугами» называют Каутского и Троцкого^[364]. В их числе ОГПУ ликвидирована «контрреволюционная группа организаторов голода» – «[...] вредительская организация в некоторых органах Наркомзема и Наркомсовхозов, главным образом в сельскохозяйственных районах Украины, Северного Кавказа и Белоруссии»^[365].

В Свердловске прошел процесс над вредителями общественного питания. Тридцать работников треста «Нарпит» с дурным классовым происхождением обвинены в «растрате продовольственных ресурсов, самоснабжении, расхищении социалистической собственности». В публикации подчеркивается, что «именно о них, о нынешних кулаках и подкулачниках, ставших большей частью людьми «тихенькими», «сладенькими» и почти «святыми» говорил тов. Сталин [...]»^[366]. Раскрыта группа вредителей-диверсантов в электропромышленности. По делу арестованы: Василий Алексеевич Гусев – начальник электростанции металлургического завода в Златоусте; Адольф Станиславович Гаевский – главный механик механического завода Златоуста; Василий Андреевич Соколов – электрик механического завода Златоуста; Николай Петрович Витвицкий – инженер ЧГРЭС (Челябинск)^[367].

В 1931–1932 гг. на советских электростанциях участились аварии — из строя выходили котлы, моторы, турбины и генераторы. Это и стало поводом для дела «вредителей». Эксперты, привлеченные обвинением, утверждали, что поломки оборудования были результатом «преступной небрежности или прямого вредительства». Семнадцать фигурантов дела (процесс по которому проходил в Москве) — начальников нескольких электростанций, их подчиненных и сотрудников английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», инженеры которой обслуживали станции, — обвинили по четырем статьям, в том числе по 58.7 УК. Помимо вредительства им инкриминировали сбор секретных сведений военно-государственного значения и передачу их британцам. Верховный суд приговорил троих подсудимых к 10 годам лагерей с конфискацией всего имущества. Двух британцев осудили на три и два года лишения свободы, еще трое отделались выдворением из СССР, один был оправдан. Остальные обвиняемые получили сроки от полутора до восьми лет лагерей; лишь один — гражданин СССР — был оправдан^[368].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1934 г. репрессивная тематика представлена 260 единицами высказываний.

На XVII съезде партии, который прошел в феврале 1934 г. в отчетном докладе Рудзутака о работе Центральной Контрольной комиссии были озвучены результаты чистки партийных рядов: на начало января 1934 г. проверено 1 149 850 членов и кандидатов партии. Из этого количества исключено 17%, переведено в кандидаты и сочувствующие — 6%, по социальному составу наибольший процент исключенных падает на крестьян — 23%, по партийному стажу основная часть исключенных падает на вошедших в нашу партию за последние 3–4 года [...] Чистка освободила партию от оппортунистов, двурушников, чуждых и примазавшихся людей недисциплинированных, всех тормозивших социалистическое строительство элементов»^[369].

Глава комиссии по чистке в Уральской области Б. А. Ройзенман на 12-й областной партконференции озвучил цифру «вычищенных» на Урале: «...в проверенных 276 ячейках прошло чистку 133 017 членов и кандидатов партии. Весь отсев: 44 373 чел. – 33%. 76,9% исключенных – молодые со стажем 1929–1932 гг. По категориям: классово-чуждые 6091 – 19,5%, двурушники – 2176 – 7,1%, нарушители дисциплины – 6820 – 22,3%, зажимщики самокритики – 1,3%, шкурники, карьеристы – 6,3%, морально разложившиеся – 12,3%, шовинизм, национализм, антисемитизм – 0,3%, перерожденцы – 11,6%, пассивные – 19%. Для пролетариата Урала процент исключенных высок – 24,4%. Это результат кампанейщины при приеме»^[370].

Таким образом, в период активной борьбы с оппозицией, сопровождаемой чисткой партии в 1929–1930 гг., одновременно в нее набрали огромное количество людей случайных, не имевших революционного и политического опыта. Вытеснение из ВКП (б) «старой большевистской гвардии» любой ценой привело к более чем случайной замене молодыми, малограмотными кадрами.

Классовая бдительность настойчиво пропагандировалась Сталиным в свете его теории об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. В газетной статье под названием «Какие классы существуют в СССР», излагаются «мудрые» мысли вождя: к ныне существующим классам он относит пролетариат, социалистическое крестьянство и небольшую часть населения «остающуюся пока еще на почве старых методов производства». «Советская интеллигенция прочно идет за пролетариатом [...]». С 1931 г. начался поворот старой технической интеллигенции на сторону советской власти. Однако « [...] в нашей стране сохранилось еще то отребье человеческого рода, которое тов. Сталин в докладе об итогах 2-й пятилетки охарактеризовал как «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты

шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы»^[371].

Вредительские происки этого «отребья» по-прежнему требовали «заботы» ОГПУ и решительно пресекались. В газете публикуются материалы по делу Красноуральского отдела технического снабжения. Расхитители социалистической собственности традиционно обвиняются по политизированной 58-й статье: Москвин к высшей мере наказания, Семенов, Смолин, Кириллов, Брюханов и Дюков к лишению свободы на 10 лет, Щербаков, Новиков – на 3 года, Драчев – 2 года, Пислегин – 1 год.

Все осужденные относятся к «бывшим», кулакам, торговцам^[372].

Дела против «вредителей» возбуждались по принятой в 1926 г. статье 58.7 – «Противодействие нормальной деятельности госучреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта в контрреволюционных целях». Она была включена в главу «Контрреволюционные преступления» и предполагала расстрел и конфискацию всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не меньше пяти лет. Кроме того, использовались ст. 58–9 (разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества) и ст. 58–14 (контрреволюционный саботаж)^[373]. 4 апреля 1927 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление – приравнивать небрежность, влекущую за собой разрушения и прочий ущерб на предприятиях государственной промышленности и транспорте, к государственным преступлениям. После процессов по Шахтинскому делу и делу Промпартии начались десятки других «вредительских» процессов.

Показательные процессы в отношении сотрудников железнодорожного транспорта продолжались и в 1934 г. Политбюро ЦК ВКП (б) 5 марта 1934 г. рассмотрело вопрос о нарушениях на железной дороге, предложив прокурору А. И. Акулову провести показательные процессы по четырем делам о крушениях на Казанской, Екатерининской, Юго-Восточной и Донецкой железных дорогах.

20 апреля 1934 г. Политбюро посчитало необходимым заслушать дела о виновниках железнодорожных крушений на станции Таватуй участка Свердловск – Тагил Пермской железной дороги на показательном процессе в линейном суде дороги с освещением в печати. Для организации процесса и поддержания обвинения Политбюро решило командировать помощника главного транспортного прокурора Липкина^[374].

В публикации «Уральского рабочего» под названием «Нет пощады!» излагаются обстоятельства железнодорожной катастрофы у станции Таватуй, в которой опять виноватыми оказываются «враги народа», способствовавшие аварии по политическим мотивам (приговорены к расстрелу и различным срокам лишения свободы)^[375].

Вскоре следует процесс «взяточников» (Пермская железная дорога). На скамью подсудимых попало 18 чел. Многие из них – бывшие белогвардейцы и дворяне^[376].

В июльских номерах появляются публикации под боевым обличительным заголовком «Кулаки и белогвардейцы занижают урожайность». Читателя настраивали на беспощадное разоблачение обмана государства во время сбора урожая. Председатель Свердловской межрайонной комиссии по урожайности Ф. Васильев утверждал, что в «Кунгурском, Невьянском районах МТС занижали урожайность зерновых в 2–3 раза, обманывая государство. Это дело рук Воронина – бывшего белогвардейца, Токачева – в прошлом крупного кулака, Стругова (Воткинский район) – сына крупного кулака»^[377].

Больше десятка газетных номеров посвящено делу о поджоге кузнечно-прессового цеха Уралмаша. Пожар случился 19 декабря 1933 г., через короткое время после пуска Уралмаша. В цехе, который сгорел начисто от короткого замыкания, еще шел монтаж оборудования. В статье «Изменникам родины нет пощады!» так писали о вредителях на Уралмаше: «Гнусная свора белогвардейских диверсантов» в нужный момент по приказу зарубежных капиталистов «сделала короткое замыкание и „продолжала маскироваться“ тушила, созданный ими же пожар [...]. Оказалось, что контрреволюционная группа была сформирована еще в период строительства УЗТМ, диверсия произошла по указке иностранного специалиста, выполнявшего заказ крупного иностранного концерна машиностроительных фирм, оплата за диверсию составила 20 тыс. руб.»^[378].

После пожара на Уралмаше в 1933 г. состоялся суд, в злоумышленном поджоге были обвинены лучшие инженеры предприятия – коллеги главного инженера Уралмаша В. Ф. Фидлера (который незадолго до этого умер от сердечного приступа в Москве), а самого покойного Владимира Федоровича признали «руководителем контрреволюционной организации». Секретарь парторганизации Уралмаша Леопольд Авербах в обвинительной речи заявил: «следственные органы установили личность главного вредителя – им оказался Фидлер. Большая часть вины за злоумышленный поджог лежит на Фидлере, но он умер. И очень жаль, что умер, а не мы его расстреляли [...]»^[379].

По этому делу обвинили 11 человек: бывшего замдиректора Уралмаша А. И. Баландина, инженеров Кушманова (бывший офицер), Седелева (бывший офицер белой армии), Петрунь, Махно (сын расстрелянного кулака) – к высшей мере наказания, Могилевич, Волынка (сын бывшего управляющего Режевским заводом, служил у белых), Фишер (в прошлом кулак), Пашевский, Толчин, Золотарев (сын рабочего, в 1919 г. отступавшего с белыми) – к разным срокам заключения – от десяти до трех лет по ст. 58 – 7-9-11 УК. Приговор оглашен 30 июля 1934 г.^[380].

После суда разъяренная толпа рабочих Уралмаша кинулась к мемориалу-усыпальнице, где находилась урна с прахом главного инженера. Беснующиеся люди решили, что «враг народа» не должен быть захоронен на территории завода, которому навредил. Мемориал вскрыли, осквернили, вынули оттуда урну и выбросили ее. Доброе имя Фидлера восстановлено уже в период реабилитации^[381].

Продолжалась борьба с «саботажем хлебосдачи». Например, в октябре оглашен очередной приговор: «Челябинский областной суд вынес приговор организаторам контрреволюционного саботажа хлебосдачи и уборки в колхозе им. Фрунзе. Много хлеба в этом колхозе уже погибло, много хлеба до сих пор еще находится под прямой угрозой гибели [...]». Осуждены: Логинов – председатель колхоза, бывший участник кулацкого восстания 1921 г. и Курица – полеводческий бригадир, участник восстания 1921 г. к высшей мере наказания, Петров – счетовод, родной брат колчаковского карателя, Захаров – весовщик, участник кулацкого восстания, судился ранее за кражу зерна, к 10 годам лишения свободы, Сысолитин – конюх, в 1921 г. секретарь бандитской следственной комиссии – к 5 годам. Их обвинили в «затяжке уборки хлеба, порче зерна и машин, расхищении хлеба»^[382].

Несомненно, что на политическую ситуацию в конце 1934 г. оказало определяющее влияние убийство первого секретаря ленинградского обкома С. М. Кирова. Уже на следующий день после этого события Сталин приехал в Ленинград и определил сценарий дальнейшего развития событий, дав поручение сфабриковать дело о причастности убийцы Л. В. Николаева к организации бывших оппозиционеров, сторонников Г. Е. Зиновьева. Известный историк О. В. Хлевнюк делает вывод: «В точном соответствии со сталинскими указаниями в конце 1934 – начале 1935 гг. были проведены судебные процессы. Десятки бывших оппозиционеров, к которым присоединили Николаева, приговорили к расстрелу или к заключению. На осужденных тогда же бывших лидеров оппозиции Зиновье-

ва и Каменева возложили политическую и моральную ответственность за убийство Кирова. Все эти процессы были грубо сфабрикованы. Сталин расправился со старыми политическими соперниками, обвинив их в преступлениях, которых они не совершали [...]. В лагеря и ссылку отправились многие тысячи жителей Ленинграда из числа так называемых „бывших“ – бывшие дворяне, чиновники, офицеры, священнослужители и т. д. Активизировались аресты по политическим статьям и чистка партии»^[383].

В этом же номере газеты опубликованы законодательные новшества, одобренные Президиумом ЦИК СССР 1 декабря 1934 г.: «1. Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. 2. [...] не задерживать исполнения приговоров [...] из-за ходатайств [...] 3. [...] приводить в исполнение приговоры [...] немедленно по вынесении судебных приговоров».

Дополнительно следует информация «В НКВД», из которой читатель узнает, что «за халатное отношение к своим обязанностям по охране государственной безопасности в Ленинграде НКВД смещены со своих должностей и преданы суду» руководители НКВД по Ленинградской области. «Дела об арестованных за последнее время белогвардейцах по обвинению в подготовке организации террористических актов против работников советской власти в Ленинградской области»: 39 чел. и по Московской области: 33 чел. «переданы 02.12 сего года на рассмотрение военной коллегии ВС СССР [...]»^[384].

Вскоре публикуются материалы о приговорах Военной коллегии ВС СССР в Минске по делам белогвардейцев-террористов. Осуждены 12 человек за то, что «проникли в СССР через Польшу с террористическими намерениями, 9 из них к расстрелу, 3 дела отправлены на доследование»^[385].

Читатели информируются и о приговорах Военной коллегии ВС СССР в Киеве по делам о террористах-белогвардейцах: 37 человек осуждены по обвинениям в организации подготовки террористических актов против работников советской власти.

Из них 28 человек приговорены к расстрелу, дела остальных направлены на доследование^[386].

В перепечатанном из «Правды» материале «О бывшей зиновьевской антипартийной группе и ее подонках» говорилось о том, что эта группа впервые проявила себя на XIV съезде партии в 1925 г.: «Г. Зиновьев отстаивал теорию о невозможности построения социализма в стране диктатуры пролетариата, недооценивал роль середняка, впал в панику перед ростом кулака, считал социалистические предприятия госкапиталистическими (государственный капитализм) и требовал объявления свободы группировок внутри партии [...]». Их осудили за ревизию ленинизма, за вступление в блок с троцкистами, создание «новой оппозиции». Группа, по версии ОГПУ, перешла к оформлению своей фракции в нелегальную организацию, от подпольных собраний — к антипартийным и антисоветским выступлениям. «Стала орудием третьей силы против режима пролетарской диктатуры». Зиновьевцы перешли к индивидуальному террору, пример тому — убийство Кирова^[387].

Проводятся дополнительные аресты по делу Николаева: 14 чел., в том числе Г. Е. Зиновьев. Из них 7 чел. освобождены от суда, дела переданы на рассмотрение особого совещания при НКВД, для ссылки их в административном порядке: Г. Ф. Федоров, Г. И. Сафаров, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев^[388].

Одномоментно по указанию сверху начинаются поиски сочувствующих зиновьевцам и на Урале: «Собрание партийного актива 3-го Сталинского района г. Свердловска с пристрастием потребовало от Ельковича, который в прошлом был одним из активных соратников Зиновьева, чтобы он подробно рассказал про свою борьбу с остатками зиновьевской группы». В Перми — на заводе №10 найден «последыш зиновьевской группы» Радин. Награжден «лестными» эпитетами профессор Дубнер, выступивший на партсобрании в Сталинском районе Свердловска, «когда аудитория высмеяла и резко одернула его. И поделом: этот претендующий на ученость горе-оратор понес безграмотную ахинею, в которой нашло место вонючее,

заплеванное тряпье из помойной ямы зиновьевского арсенала»^[389].

Политическую ситуацию 1935 г. историки оценивают по-разному. Одни считают, что кампания репрессий после убийства Кирова знаменовала собой начало подготовки Большого террора, другие характеризуют ее как «полутеррор»^[390].

С одной стороны, весь 1935 г. проходит под знаком разоблачения троцкистско-зиновьевских бандитов и убийц Кирова. Количество жертв нарастает: наряду с бывшими оппозиционерами, ложно обвиненными в подготовке теракта против Кирова, в «кировский поток» вливаются тысячи жителей Ленинграда из числа «бывших» — дворяне, чиновники, офицеры, священнослужители, идет каждодневная борьба с вредительством, аресты по политическим статьям и чистка партии. Однако НКВД так и не может обнаружить реальные доказательства существования реальных подпольных террористических организаций, руководимых бывшими оппозиционерами.

С другой стороны, наблюдается сосуществование террора и остатков «умеренной» политики, репрессии «сопровождались своеобразной политикой консолидации общества на принципах „социального примирения“, постепенного стирания непреодолимых границ между „правильными“ гражданами и изгоями»^[391].

Именно в это время принято решение о принятии новой Конституции СССР, изменяется положение «чуждых элементов» («бывших», спецпоселенцев и других маргиналов), сворачивается практика лишения избирательных прав, на международном фронте вместо тактики «класс против класса», борьбы с социал-демократами как «социал-фашистами» провозглашается тактика народного фронта против фашизма. Именно в этом году Сталин произносит свои эпохальные фразы «Сын за отца не отвечает», «Жить стало лучше, жить стало веселее!». Власть сделала значительные уступки крестьянству: законодательно закреплены гарантии на ведение и увеличение размеров подсобных хозяйств, что помогло улучшить продовольственное положение в СССР.

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1935 г. репрессивная тематика представлена 127 единицами высказываний.

Интересен и показателен контекст материалов газеты «Уральский рабочий», разворачивающийся во времени согласно сюжетам генеральной линии партии. В первом номере газеты за 1935 г. из статьи «Бывший троцкист в роли преподавателя марксизма-ленинизма» мы узнаем о требовании партийного собрания Уралмаша исключить из партии «бывшего троцкиста» Голубева^[392]. На другой день читателей информируют о высылке из Ленинграда в восточные области СССР, за нарушение закона о паспортном режиме «группы граждан из бывшей аристократии, царских сановников, крупных капиталистов и помещиков, жандармов, полицейских и др.»^[393].

В третьем номере газеты публикуется постановление бюро Сталинского РК ВКП (б) об исключении из партии собственного корреспондента «Известий» Молотова, «выступившего на собрании партактива «Уральского рабочего» с прямой защитой контрреволюционных отребьев бывшей зиновьевской антипартийной группы и разоблаченного на этом собрании. Редакция «Известий» отстранила Молотова от работы [...]»^[394].

Довольно скоро следуют вести из центра: опубликовано обвинительное заключение по делу Г. Е. Зиновьева, Г. Е. Евдокимова и др. (19 чел.), обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 17, 58–8, 58–11 УК РСФСР. Из него читатель узнает о том, что наряду с «ленинградским центром» в убийстве Кирова замешан «московский центр» и все их участники подлежат суду Военной коллегии ВС СССР^[395].

Обнаружено «зиновьевское охвостье под крылышком у либералов» аппарата Средуралмедьстроя (Первоуральск) – троцкисты Рудаков, Барабин, Гаевский, Клещев, Закс-Глоднев (бывший редактор «Ленинградской Правды»), Шульман (зам. нач. строительства Средуралмедьстроя), Рябцева^[396].

Жестко критикуется «писательская богемщина» в Свердловске. В газетной статье пишется о том, что «не преодолела групповщины «молодежная группа» Ручьева, Хорунжего, Куштума, Троицкого, Королькова, Реута. Потеряна революционная бдительность. Поэт Троицкий – выходец из социально чуждых классов – пишет контрреволюционное стихотворение «Маргарита». В нем «восхищается помещичьей дочкой, ставшей проституткой, но сохранившей гордость перед лицом «жестокой» советской действительности [...]»^[397]».

Местные материалы перекликаются с сообщениями из центра. Публикуется приговор Военной коллегии ВС СССР по делу бывших сотрудников управления НКВД СССР по Ленинградской области Ф. Д. Медведя (*репрессирован вновь и расстрелян в 1937 г, реабилитирован в 1956 г. – ВМК*), И. В. Запорожца (*репрессирован вновь и расстрелян в 1937 г, не реабилитирован – ВМК*) и др. Приговоры – от 2 до 10 лет. И. М. Бальцевич (*повторно осужден 25.11.1937, расстрелян*) осужден на 10, Медведь, Запорожец – на 3 года^[398].

На местном уровне исключается из партии «троцкистский последыш» Иванов – бывший председатель Сергинско-Пермского райисполкома, разоблачаются троцкисты – члены Полевской парторганизации: В. Н. Калугин, Н. Д. Шахмин, раскрывается гнездо троцкистов и аферистов на Пермской железной дороге: Альбац (сын крупного торговца, бывший меньшевик) – начальник службы электрификации дороги, «защищает троцкиста Мерсона»^[399].

В нескольких номерах печатается разоблачительная статья-инструкция под названием «Оппортунистические группировки в партии и борьба с ними». В Нижней Салде «ловят за язык троцкистского адвоката» – лектора Мануйлова, выявляют «троцкиста» Малкина в парторганизации Губахинского Коксохима^[400]. Постоянно подвергаются разоблачению и преследованию «бывшие», троцкисты, их покровители, белогвардейцы и прочая «нечисть».

Даются наглядные уроки повышения партийной бдительности. Например, в Нижних Сергах выявлено и исключено из пар-

тии 40 белогвардейцев, кулаков, контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев, в партийной организации Ачитского завода вскрыта контрреволюционная троцкистская группировка во главе с В. Звонаревым – председателем завкома^[401].

«Своевременно извещают граждан» обо всех показательных процессах над шпионами и вредителями в СССР. Сюда входит, например, процесс о шпионаже и диверсии в Иркутске, где Военная коллегия ВС СССР начала 31 августа суд над «группой белогвардейцев, проникших по заданию иностранной державы из Манчжурии». Н. В. Кобылкин – бывший полковник, Е. Л. Переладов – бывший офицер и В. В. Олейников задержаны с оружием после перехода границы^[402]. Раскрыта контрреволюционная троцкистская организация в Киеве (паровозное депо «Октябрь» на станции Харьков-Пассажирский). Участники: кулаки, спекулянты, уголовный элемент. Глава – начальник депо станции Богданов – в прошлом эсер, сын крупного домовладельца, белогвардеец, дважды судился за развал транспорта. Савченко – участник антиеврейских погромов в 1917 г., Ткаченко – сын городского, член троцкистского подполья, Харченко – крупный домовладелец. Всего арестовано и осуждено 20 чел.^[403]. Освещается ход суда над «троцкистом – вредителем транспорта», начальником Егоршинского вагонного участка Орловым. За брак в ремонте вагонов он приговорен к 5 годам лишения свободы^[404].

Заметным «новшеством» рассматриваемого времени является понятие «реабилитация», которое выражается в возможности апелляции исключенных из партии, снятии судимости с колхозников. Публикуется партийное постановление «Снятие судимости и всех правоограничений, связанных с осуждением ряда должностных лиц, осужденных в свое время в связи с саботажем хлебозаготовок и выпуском трудовых займов». Партколлегия Комитета партийного контроля извещает, что с 10 марта в Свердловске будут рассматриваться апелляции исключенных из партии выездной партийной партколлекцией КПК при ЦК ВКП (б) и центральной Комиссии по чистке. Перечисляются фамилии примерно 160 человек^[405].

Публикуется постановление ЦИК и СНК от 29.07.1935 «О снятии судимости с колхозников», которое гласит: «1. Снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет, либо к иным более мягким мерам наказания и отбывших данное наказание или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они на момент совершения преступления были единоличниками [...]. 2. Действие постановления не распространяется [...] а) на осужденных за контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления, б) на осужденных свыше 5 лет. Снятие судимости дает возможность получения паспорта»^[406].

Несколько позже публикуется постановление ЦИК СССР «Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, снятии судимости и всех правоограничений, связанных с осуждением ряда должностных лиц, осужденных в свое время в связи с саботажем хлебозаготовок и выпуском трудовых займов, бон и прочих денежных суррогатов» от 11.08.35.

В нем разъясняется, что в период хлебозаготовок 1932–1933 гг. и выпуска займов в 1933–34 гг. «виновные в указанном выше нарушении служебного долга должностные лица были в свое время сняты с работы, отданы под суд и осуждены к различным мерам уголовного наказания [...]» и теперь, « [...] имея в виду, что совершенные указанными выше должностными лицами преступления не были связаны с какими-либо конкретными мотивами и являлись, в подавляющем большинстве случаев результатом неправильного понимания осужденными своих служебных обязанностей [...]» следует «1. Освободить отбывших наказание по ст. 58–14, 110, 111, 113, 128 УК РСФСР [...] 2. Прекратить дальнейшее производство уголовных дел [...], в отношении уже осужденных освободить от дальнейшего наказания [...] 3. Прокурорам представить список осужденных для их освобождения»^[407].

5.2. ПОДГОТОВКА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА. 1936–1938 ГГ. (В. М. КИРИЛЛОВ)

В 1936 г. начался новый поворот в генеральной линии партии, связанный с подготовкой Большого террора. В корреспонденциях «Уральского рабочего» за этот год репрессивная тематика представлена (2, 4, 6, 16, 15 категории) 61 единицей высказываний.

В 1936 г. чистка партии уже не предпринималась. В 1935–1936 гг. происходил обмен партийных документов, который использовался как своеобразный инструмент удаления из партии «чуждых элементов». В то же время, в соответствии с указаниями Сталина, вошла в жизнь новая норма: «1. Прекратить увольнения и отказ в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами [...] 3. Запретить... проведение... чисток аппарата [...]».^[408]

В Свердловской области за январь 1935 – июнь 1936 г. сменилось 63,5% председателей райисполкомов, 54,3% председателей сельсоветов, 57,1% секретарей. Погоня за количеством судебных дел привела к тому, что в 1935 г. в Свердловской области был признан недействительным каждый четвертый приговор^[409].

Борьба с троцкистами и иными оппозиционерами продолжилась. Материалы газеты свидетельствуют об этом. Разоблачен «двурушник, заядлый враг партии Мордвинов, контрреволюционер», выступавший с троцкистской клеветой на партию. Бюро Исовского райкома ВКП (б) исключило из рядов партии автора контрреволюционной статейки Чикурова. Он был пропагандистом вечерней партшколы, преподавал историю партии, разоблачен как троцкист. Троцкист Корниенко обнаружен в Пермском отделении железной дороги. «Он сорвал собрание памяти Кирова, опошил социалистическое соревнование». По-

ступил сигнал от рабкоров о троцкистах Третьякове, Пепелеве и Чукичеве на ВИЗе. На Среднеуральской гидроэлектростанции действовали троцкисты А. Полоцкий, Аграновский. Установлена связь заместителя председателя Горсовета Корнева с троцкистскими последышами Одиноковой и Щепетовской, Сысоевым. В парторганизации Свердловского Госуниверситета оппортунистическую деятельность вел «видный троцкист» Семенов. В Институте марксизма-ленинизма – преподаватель Застенкер и слушатели ИМЛ Матвеев, Аксенов, Киселев^[410].

В ходе собрания коммунистов района им. Орджоникидзе обсуждался доклад Бухарина о троцкистско-зиновьевской банде убийц. Выявлен троцкист Пономарев. «Двурушники и их пособники – гнилые либералы слишком мягко отнеслись к другу Пономарева инженеру Александрову». Троцкист Опрятин голосовал в 1923 г. за троцкистскую резолюцию, ему «вторила троцкистка Сутнясова»^[411].

В статье «Либеральствующее начальство» критиковался начальник политотдела Камского пароходства Копейкин, который «страдает гнилым либерализмом». Выявлены троцкисты Котлов, Казоновцев, Келим, Таборийский, Ураков. На партсобрании фабрики им. Ленина разоблачены «троцкистские последыши» Елисеев, Герасимова, двурушник Лядов (секретарь парткома), троцкист Сустанов. Установлено, что на занятия партучебы из 100 коммунистов регулярно ходят всего лишь 20–25 чел.^[412].

По итогам обмена партийных документов секретарь Свердловского горкома ВКП (б) М. В. Кузнецов доложил, что «исключено из городской партийной организации 35 членов и 33 кандидата, из них 29 пассивных, 5 морально разложившихся, остальные: троцкистско-зиновьевские последыши, белогвардейцы и кулаки, двурушники и покровители врагов». Враги прятались на СУГРЭС, например, Аграновский^[413]. «Специальная комиссия советского контроля проверила Пермский горсовет и вскрыла в его работе крупнейшие ошибки и извращения классовой линии. Аппарат отделов горсовета оказался засорен чуждыми людьми-кулаками и белогвардейцами,

открытыми и маскировавшимися врагами партии и рабочего класса»^[414].

Публикация материалов о разоблачении троцкистов в это время еще не всегда оканчивалась репрессивным результатом. Об этом свидетельствует история с директором Свердловского пединститута С. З. Канценбогеном, который, по утверждениям доносчиков, «скрывал от партии вплоть до 1935 г. свою причастность к троцкистам. За это он был исключен из партии, а затем, как сознавший свою вину перед партией, восстановлен с объявлением строгого выговора. Либералы сняли с него выговор»^[415]. Соломон Захарович Канценбоген в 1932–1935 гг. – ректор педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде. Одновременно был проректором Свердловского педагогического института, в 1935–1936 гг. занимал должность директора института. За критику экономической политики, проводимой советской властью, был понижен в должности, после – арестован НКВД по обвинению в контрреволюционной националистической и троцкистской деятельности. Однако, по существу, репрессии избежал, по некоторым сведениям, благодаря личному знакомству с Н. И. Ежовым. В 1939–1946 гг. преподавал в Уральском государственном университете, в 1943 г. организовал в нем кафедру философии, которой заведовал вплоть до самой смерти.

В марте «Уральский рабочий» информировал о приговоре по делу шпионов-диверсантов, бывших работников Красноярского депо. Это было продолжением работы по разоблачению вредителей на транспорте. Военная коллегия ВС СССР осудила часть арестованных к расстрелу «за сознательное разрушение и вывод из строя подвижного состава в целях подрыва мощи советского государства». Пять человек приговорили к разным срокам лишения свободы^[416]. Оглашается приговор и по другому аналогичному делу группы шпионов-диверсантов, бывших работников Томской железной дороги – Мезлиховского, Мариенгофа, Клочкова. Как оказалось, они были «завербованы одной иностранной разведкой в 1934 г.». Их обвинили в сознательном

разрушении «путевого хозяйства Томской железной дороги в целях подрыва мощи советского государства»^[417]. Как и в случае с десятками других типовых процессов над «вредителями», для осуждения использовали политизированную статью 58 УК 1926 г.

В качестве примеров «умеренного курса» Сталина в этом году можно привести рассмотрение проекта новой Конституции, окончательно утвержденной на XVII съезде ВКП (б) 1937 г. сопровождавшееся ширококвещательной кампанией о демократизации советского государства. Другим позитивным примером является принятие в мае 1935 г. постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором утверждалось: «По существу, дело идет о том, чтобы восстановить в нашей средней школе историю как предмет преподавания и историю как науку [...]»^[418].

В августе 1936 г. открылся московский процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». Троцкистско-зиновьевские группы были раскрыты НКВД, установлена их мнимая «идейная смычка с фашизмом». В результате этого судилища Сталину удалось добиться перелома в своей борьбе с оппозицией – получить санкцию на ее физическое устранение. В 1936 г. расстреляли 16 лидеров оппозиции, заочно приговорили к смертной казни Троцкого. Незамедлительно по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов^[419].

Следили за августовским процессом и в Свердловске, Нижнем Тагиле, по всей стране, стремясь не ударить лицом в грязь. Только по партийной линии в Нижнем Тагиле в этом месяце было наказано 19 троцкистов. А к сентябрю было разоблачено уже 34 троцкиста. Газеты знакомили тагильчан с процессами над «троцкистами – вредителями и диверсантами» на рудниках Кузбасса, Кемеровском руднике^[420].

Фигура «врага народа» становилась все более мощной, а поведение его – все более коварным.

Уже в это время Сталин сделал попытку окончательной расправы с Бухариным. Прокуратура Союза ССР закончила расследование о причастности Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова к троцкистскому центру. Однако дело было временно прекращено^[421].

В ноябре читателей побуждали к очередной кампании ярости против троцкистов информацией о процессе над контрреволюционной троцкистской вредительской группой, действовавшей на Кемеровском руднике (Кузбасс)^[422]. Это был один из наиболее крупных показательных политических судебных процессов в Сибири в советский период. Его организовало Управление НКВД по Западно-Сибирскому краю после взрыва метана 23 сентября 1936 г. на шахте «Центральная» Кемеровского горнорудного района. Процесс явно готовился как важное политическое мероприятие в период развернутой кампании внутрипартийной борьбы в ВКП (б) и имел целью «разоблачение диверсионно-вредительской деятельности троцкистов» в Сибири^[423].

Укрепление диктаторского положения требовало постоянных действий по подавлению потенциальных угроз его власти. Как считает О. В. Хлевнюк, «такими угрозами для Сталина в тот период были [...] остатки „коллективного руководства“ в Политбюро и сохранение значительного слоя бывших оппозиционеров. За решение этих проблем Сталин взялся уже в начале 1935 г., когда было сфабриковано „кремлевское дело“ – обвинение служащих кремлевских учреждений в подготовке террористических актов против вождя. Одним из вдохновителей заговора посчитали Л. Б. Каменева, пособником А. С. Енукидзе. Последний был уволен, затем расстрелян. Это был один из первых ударов по „коллективному руководству“»^[424].

В 1936 г. оппозиционеров окончательно перевели в разряд «врагов» и «террористов». Сталин лично разрабатывал инструктивные материалы по распознаванию коварных врагов. Эта его деятельность отразилась, например, в газетной статье в «Уральском рабочем», перепечатанной из «Правды», под названием «Уметь распознавать врага»^[425]. Из нее мы узнаем, что тов. Сталин много раз говорил о том, что построение бесклассового об-

щества не является стихийным процессом. Со всей непримиримостью он обрушивался на тех, кто понял тезис об уничтожении классов как оправдание лени и благодушия. «Это – перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии, так называл тов. Сталин проповедников контрреволюционной теории затухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нужна бдительность против троцкистско-зиновьевской банды».

Уральские историки пришли к выводу, что «вычищение» номенклатуры в Свердловской области проходило в три этапа: 1. Август 1936 – март 1937 г., 2. Март 1937 – ноябрь 1937 г., 3. Ноябрь 1937 – ноябрь 1938 г. Начало было положено обсуждением инициированного Сталиным закрытого письма «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока» от 29 июля 1936 г. Именно оно побудило к поиску троцкистов и зиновьевцев на местах^[426]. В ходе проверки партийных документов в Свердловской области было исключено из партии 235 троцкистов, зиновьевцев, при обмене партдокументов – 20 троцкистов^[427].

Репрессии против ответственных работников с августа 1936 г. становятся системой. «Самыми крупными фигурами руководящего состава, репрессированными в 1936 – начале 1937 гг., были высокопоставленные сотрудники Наркомтяжпрома СССР: начальник строительства „Средуралмедьстрой“ Жариков, начальник Уралцветмета Колегаев, начальники строительства Уралвагонстроя Марьясин и Тавштейн, начальник Химстроя Каширин, заведующий областным отделением местной промышленности Стриганов и его заместитель Медников. Взяли их в ходе фабрикации дела Ю. Пятакова»^[428].

Был обвинен в участии в «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации», исключен из партии, а затем арестован председатель облисполкома Ф. В. Головин. «Параллельно репрессии разворачивались в аппарате областного отдела народного образования: 31 августа 1936 г. как двурушника исключили из партии заведующего школьным сектором Сверд-

ловского обкома ВКП (б) Застенкера Н. Е., была снята с работы заведующая Пермским городским отделом народного образования Нетупская.

В сентябре-декабре 1936 г. «вычищается» руководство учебных заведений г. Свердловска: за связь с троцкистами репрессированы директор института марксизма-ленинизма Новик, преподаватель Лемкова, директор Горного института Скороделов и другие»^[429].

В сентябре 1936 г. народным комиссаром внутренних дел СССР был назначен Николай Ежов. Первое, что он сделал на новом посту, – «зачистил» органы внутренних дел от людей своего предшественника Генриха Ягоды. Второе и самое главное: развернул массовые репрессии против так называемых «врагов народа».

Призывы к революционной бдительности стали своеобразным рефреном газетных публикаций. Например, в публикации «Выше действенную, большевистскую бдительность!» раскрывается «вражеское лицо» троцкистов в разных городах Урала: Кизел – Гинзбург, Дмитриев (Коксохимкомбинат), Шулепов (зав. культ. сектором союза угольщиков); Чусовской район – Цветков, Нижне-Салдинский завод – секретарь парткома Галактионов, Нижний Тагил – Марьясин, Соликамск – двурушник Соболев, Калийкомбинат – Волховицкая^[430]. В статье следующего номера – «Бдительно разоблачать подлых двурушников и гнилых либералов!» – Терехин – директор Пышминского медного рудника, директор Свердловского педагогического института Канценбоген, преподаватель Рейзин. Было распущено партбюро Госуниверситета «за утерю революционной бдительности»^[431].

К разоблачению врагов подключили «летучие отряды» комсомольской молодежи: « [...] за последнее время в комсомольской организации Орджоникидзевского района заметно повысилась настороженность, комсомольцы начинают оказывать парторганизации более активную помощь в разоблачении врагов, троцкистских последышей». Выявлены враги на заводе им. Орджоникидзе: механический цех №1 – троцкист Абазо-

пуло, 2-й участок механического цеха №1 – троцкисты Соколов, Новоселов. Комсомолец Смирнов разоблачил троцкистского агента Шулаева^[432]. Заметка секретаря комитета ВЛКСМ Свердловского паровозного депо Устюгова с названием „Источники мужества“, посвященная последнему случаю – образец того, как превращали в доносчиков молодежь. Он пишет: „В дни процесса над троцкистско-зиновьевскими террористами нам на деле пришлось проверить, насколько действенно мы вооружаем членов комсомола революционным учением. Для разъяснения материалов процесса комитет послал в молодежные общежития 23 комсомольца. Это явилось проверкой для комсомольцев. В одном общежитии комсомолец т. Смирнов столкнулся с таким фактом. После того как был сделан доклад, выступает некто Шулаев и в тонких, завуалированных формах, хитрыми намеками и недомолвками начинает агитировать за снисхождение к главарям троцкистско-зиновьевской банды. Комсомолец Смирнов сразу же раскусил, кто такой Шулаев и к чему он клонит. Он разоблачил гнусную контрреволюционную подоплеку этого выступления, назвав ее настоящим именем. И действительно, выяснилось, что Шулаев – типичный троцкистский агент, взявший ставку на политическое разложение молодежи. С этой целью – завербовать себе сторонников – он нарочно устроился жить в молодежное общежитие. Но врага разоблачили. Комсомолец Смирнов, показавший на собрании свою ленинско-сталинскую зоркость, непримиримость, сумевший разоблачить вражескую вылазку, показывает пример всем комсомольцам [...]»^[433].

В 1936 г. заметно реже встречается на страницах газеты слово «реабилитация», появившееся в предыдущем году. В заметке «Товарищ Быков обвинен неправильно» читатель информируется о том, что в корреспонденции «Уральского рабочего» (№193) обвинен в троцкизме инженер Ново-Уткинского завода Быков. Дается опровержение этому обвинению^[434]. В следующем номере обвинение в троцкизме снимается с замдиректора электролитного завода Лужно^[435].

В декабрьском номере «Уральского рабочего» целая страница отдана редактором для подборки материалов под общим названием «Собрание граждан села Аверино». Все в этих заметках свидетельствует о замечательной колхозной жизни к моменту обсуждения проекта сталинской конституции 1936 г. в противовес прежней жизни при кулаках-эксплуататорах^[436]. Да вот никак не «вяжется» эта песня о славной жизни колхозного крестьянства с тем, что произошло с жителями села в следующем году. Аveriно попало в разряд главных «контрреволюционных гнезд» с филиалами в Сысерти и Щелкуне, в Полдневом и Мраморском, в Свердловске и Каменске. Решением тройки УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. 49 жителей села были приговорены к высшей мере наказания, а 20 – к разным срокам лишения свободы как участники контрреволюционной повстанческой организации и за «связь с кулаками»^[437]. Так герои публикаций 1936 г. превратились во «врагов народа» в 1937 г.

Этапным рубежом репрессивной политики периода Большого террора стал второй Московский процесс – официально «процесс Параллельного антисоветского троцкистского центра», который проходил в Москве с 23 по 30 января 1937 г. Основными указаниями по фальсификации данного дела стало постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 сентября 1936 г., предлагавшее рассматривать троцкистов как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей. Главными обвиняемыми на процессе стали Ю (Г). Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников. Все 17 подсудимых были признаны виновными. К смертной казни были приговорены 13 человек, в том числе Г. Пятаков и Л. Серебряков. К. Радека, Г. Я. Сокольникова и В. В. Арнольда приговорили к 10 годам, а М. С. Строилова к 8 годам тюремного заключения. Впоследствии они также были расстреляны. В 1963–1988 гг. все осужденные были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления. Установлено, что не было как такового и «параллельного антисоветского троцкистского центра».^[438]

В ходе процесса обвиняемые дали показания против Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Незамедлительно «Уральский рабочий», вслед за «Правдой», отреагировал заметкой под названием «Бухарина, Рыкова, Угланова — на скамью подсудимых. Сурово судить правых реставраторов»^[439].

К началу весны 1937 г. террористическая машина была хорошо отлажена. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) была дана команда на места о расправе, и террор начался. 3 марта 1937 г. Сталин сделал доклад на пленуме «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», где повторил свой тезис об «обострении классово-вой борьбы по мере строительства социализма». По итогам пленума Бухарин был исключен из партии, его дело передано в НКВД (следует отметить, что из 72 участников пленума 52 были расстреляны в ходе террора). В продолжение тезисов Сталина прозвучал доклад В. М. Молотова «Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами»^[440].

В феврале 1937 г. была заложена еще одна преступно-репрессивная, антиправовая традиция — «сталинских расстрельных списков» — приговоров оформленных Военной коллегией Верховного суда СССР после подписей членов Политбюро ЦК ВКП (б). По ним было приговорено к ВМН более 43 тыс. человек. Визы членов Политбюро ЦК фактически становились приговором и никакой, даже формальной легитимации не требовали.

Заголовки материалов 1937 г. в газете «Рабочий» достаточно точно передают смысл действия властей: «Процесс антисоветского троцкистского центра»; «Фашистский ублюдок — Марьясин»; «Вредительство на руднике III Интернационала» (г. Высокой, УВС, Коксохимстрое...); «Враги на железной дороге» (в горсовете, горкоме, торговле, заводе Куйбышева, ЛПХ, комсомоле, архитектуре, гороно, физкультурных обществах, прокуратуре); «Процесс над вредителями в Таборинском районе»; «Контрреволюционная вредительская и диверсионная группа правых Надеждинской конторы Заготзерно»; «Рыковско-буха-

ринские бандиты – контрреволюционная бандитская шайка правых в сельском хозяйстве и животноводстве Нижнетагильского района». Для того чтобы оттенить вражескую сущность выявленных вредителей, Сталин советовал нажимать на чувство патриотизма. Поэтому из газеты в газету переходила тема «О любви к Родине».

Набирала силу волна репрессий в Нижнем Тагиле. Еще 23 декабря 1936 г. на отдыхе в Сочи был арестован руководитель Уралвагонстроя Л. М. Марьясин. Его обвинили во вредительстве и организации покушения на С. Орджоникидзе. 4 января 1937 г. в Нижнем Тагиле состоялась XIV партконференция, где И. Д. Кабаков и Ш. С. Окуджава (первый секретарь горкома ВКП (б)) выступили с разоблачениями «троцкистской банды Марьясина». А 9–10 февраля на собрании городского партактива сам Окуджава признался в троцкистских ошибках^[441].

В Нижний Тагил прибыла комиссия во главе с начальником Главстройпрома С. З. Гинзбургом и кандидатом в члены ЦК ВКП (б) И. П. Павлуновским (*репрессирован, расстрелян в июне 1937 г., реабилитирован в 1955 г. – ВМК*) для проверки вредительских дел на УВС. Однако комиссия, вопреки велению свыше, сделала вывод: «Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития»^[442]. Такие выводы никак не удовлетворяли центр. 28 февраля 1937 г. раздался грозный оклик Молотова на пленуме ЦК ВКП (б), где он обвинил комиссию в политической близорукости и назвал Окуджаву вместе с Марьясиным вредителями-троцкистами.

Окуджава еще 16 февраля был освобожден от должности и арестован как «троцкист-двурушник». 14 марта 1937 г. XIV пленум Свердловского обкома исключил его из своего состава как «врага народа»^[443]. В этом же году арестовали управляющего трестом «Востокоруда», директора ВЖР А. А. Давыдова. Окуджава, Марьясин и Давыдов по приговору НКВД были расстреляны. В мае 1937 г. арестовали и Кабакова, которого тоже приговорили к высшей мере наказания.

Кампания по уничтожению «врагов народа» охватила массы людей. В январских номерах «Рабочего» в связи с публикацией материалов о процессе «антисоветского троцкистского центра», разжигалась ненависть против троцкистов, которые в Нижнем Тагиле представлены «фашистскими ублюдками» Марьясиным и Туроком (последний – глава Тагильского отделения железной дороги). Известный корреспондент, давно бичующий врагов народа, Л. В. Вилкомир начал подбираться к директору Востокоруды Давыдову. Правда, пока его материал носил довольно нейтральное название «Упрямство» (проявленное Давыдовым в связи с увольнением некоего Титова). Февраль начался с публикации приговора «антисоветскому троцкистскому центру», и «праведный» гнев рабкоров обрушился на местных «вредителей-троцкистов». «С большевистской энергией» ликвидировались последствия вредительства «банды Турока» на железной дороге им. Кагановича – разоблачено и наказано девять человек. Разоблачался враг в лице главного геолога рудника III Интернационала Лепинского, «троцкистского подхалима» – редактора газеты «Вагоногигант» Фейгина, и теперь уже безоговорочно были занесены в список врагов Окуджава, Давыдов, Денисов (секретарь парткома УВЗ) и другие. В апреле был распутан «клубок преступлений» руководящей верхушки Нижнего Тагила и распущено бюро Тагильской городской парторганизации (пострадало более 16 чел.). В июле «враги и вредители» были обнаружены в целом десятке организаций города: горно, ОРСе Тагилстроя, спортобществе «Металлург», заводе Куйбышева, Ленинском РК, ВЛКСМ, комитете комсомола УВЗ, в отделе кадров ВЖР, в школе №3. В августе была раскрыта группа из восьми «вредителей» на г. Высокой, «враги народа» на УВС, железной дороге. В сентябре была разоблачена и осуждена (пять человек приговорены к высшей мере социальной защиты) «контрреволюционная вредительская группа правых» из девяти человек в Таборинском районе. В этом же месяце был обнародован приговор по делу ряда руководящих работников ГК ВКП (б),

горсовета во главе с секретарем ГК Пальцевым и председателем горсовета Грушиным (13 чел.)^[444].

Редакция «Рабочего» внимательно следила за реакцией читателей и, делая обзоры писем трудящихся, давала запрограммированные свыше установки. Вот одна из них: «Наш любимый вождь, тов. Сталин, поставил перед нами задачу – выкорчевать до конца предателей Родины – троцкистов, бухаринцев и иных двурушников, трудящиеся приняли эту задачу, как боевой приказ, в своих письмах они помогают срывать маски с врагов и их пособников»^[445].

В октябре 1937 г. «сорвали маски» с вредительской и диверсионной группы правых в Надеждинской конторе Заготзерно, все шесть участников которой приговорены к высшей мере наказания. В ноябре «вражеские покровители и их приспешники» были разоблачены на руднике III Интернационала (пять человек во главе с директором рудника Мигачевым)^[446].

В этом же месяце приговорены к ВМН по ст. 58 п. 7–11 шесть человек, входивших в «контрреволюционную шайку правых, проводивших вредительско-диверсионную работу в сельском хозяйстве и животноводстве Нижнетагильского района»^[447].

В декабре очередь дошла до прокуратуры, где нашли «слуг немецко-японских шпионов» в лице руководителей – Упенюка, Холодова и Насекина. В статье Л. Погодина «Еще раз о работе прокуратуры» писалось: «Почему Тагильская прокуратура оказалась в стороне от разоблачения вражеских гнезд в районе? Разве у нее не было исчерпывающих материалов, чтобы своевременно изобличить банду Уткина и Трусина, разве у нее не было исчерпывающих материалов, чтобы своевременно разоблачить пермяковщину в Тагилторге и вредителей на Тагилстрое? Все эти материалы были. Трудящиеся Тагила своевременно предупреждали о вредительской работе Пермякова и его компании, но вражеское руководство прокуратуры в лице Холодова и Насекина сигналы трудящихся ложили под сукно, а жалобщикам отвечали: „Дайте исчерпывающие материалы, докажите вреди-

тельство фактами“. Подобные ответы вызывали законное возмущение масс»^[448].

По публикациям газеты «Рабочий» можно проследить степень безумия этого самоистребления. Например, в январе 1937 г. с митинга рабочих завода Куйбышева было направлено письмо наркому Ежову с просьбой приговорить к расстрелу «фашистских ядовитых змей Иуды Троцкого» – Пятакова, Радека, Турока, Марьясина. Затем пострадали многие из этих митинговавших. Очень многих исключили из партии. В июне 1937 г. на второй Свердловской конференции ВКП (б) назвали цифры «вычищенных» из партийных рядов: с 1934 г. исключены 18 тыс. чел. (из общего числа членов парторганизации области 48 тыс. чел.). Через год исключили еще 4478 чел.^[449] Следует заметить, что почти за каждым исключенным следовал арест. Репрессии на Урале организовывались твердой и безжалостной рукой испытанных соратников диктатора – Андреева, Жданова, Кагановича.

В 1937 г. число арестованных нарастало от месяца к месяцу. Аресты явно планировались. Заметны попытки властей объединить обвиняемых вокруг одного дела, чтобы доказать существование террористических повстанческих организаций. Так, в конце 1936 – начале 1937 г. была арестована целая группа жителей пос. Висим: И. И. Мартилов, С. В. Евстратов, П. Т. Скакун, П. М. Ермилов, П. А. Самойлов. Им вменялись в вину участие в троцкистской заговорщической организации и подготовка к убийству Кирова. Более того, их дело пытались объединить с делом тагильчан В. Р. Носова, А. Н. Аганичева, А. Л. Пунтуса (правда, неудачно). Всех «заговорщиков» расстреляли в Свердловске^[450]. В 1937 г. арестовали преподавателей горно-металлургического техникума: химии – И. К. Хлопотова, горного дела – Ф. К. Францева, немецкого языка – И. И. Штэрба. Всех обвинили в проведении контрреволюционной деятельности – организации повстанческой группы и диверсиях. И. К. Хлопотова приговорили к расстрелу, другие попали в лагеря^[451]. В октябре был арестован глава земельного отдела Ленинского райисполкома В. К. Уткин, и 22–

24 ноября состоялся открытый показательный процесс над «группой Уткина»^[452]. В нее включили: С. Е. Рыбникова, П. В. Страхова, П. Н. Трусина, П. Л. Веникова, Н. Ф. Жмаева – и обвинили в создании «организации правых», связи с «врагами народа» Окуджавой, Пальцевым, Грушиным и во вредительстве в животноводстве. Приговор гласил: всех расстрелять.

В конце 1936 – начале 1937 г. НКВД было сфабриковано дело об Уральском штабе восстания, существовавшем якобы с 1929 г. По этому делу арестовали председателя Свердловского облисполкома В. Ф. Головина, командующего УралВО комкора И. И. Гарькавого, затем И. Д. Кабакова.

21 мая 1937 г. И. Д. Кабаков был вызван в Москву и там арестован. После ареста Кабакова на номенклатуру Свердловской области обрушился вал репрессий. «Только за четыре месяца (с мая по сентябрь 1937 г.) было снято 94 секретаря райкомов ВКП (б) Свердловской области. Первые лица областного, районного масштабов исключались из партии целыми списками: 25 мая были исключены как враги народа редактор областной газеты «Уральский рабочий» Жуховицкий, председатель облисполкома Хорош, заведующий Областного земельного управления Иконников, начальник треста «Востокосталь» Седашев, заведующий ОблОНО Перель, управляющий Ураллестяж Черноусов, в июне 1937 года – бывший секретарь Октябрьского райкома ВКП (б) Емельховский, секретарь Ленинского райкома ВКП (б) г. Свердловска Федченко, секретарь Н.-Салдинского райкома ВКП (б) Ханин, Золотарев – секретарь Ленинского райкома г. Перми, Павловский – секретарь Ворошиловского горкома ВКП (б), Поздняков – секретарь Кировградского райкома ВКП (б), Смирнов – бывший секретарь Надеждинского горкома ВКП (б)»^[453].

После переизбрания бюро обкома в июне 1937 г. из 11 его членов в новом составе остался только один – начальник управления НКВД Д. М. Дмитриев (М. М. Плоткин)^[454]. Еще в 1934 г. была признана неудовлетворительной работа его предшественника И. Ф. Решетова, которого арестовали 8 июня 1937 г., а 30 октября расстреляли. Дмитриев послушно исполнял

установки центра и прослыл мастером фальсификаций (*арестован в июне 1938 г., расстрелян в марте 1939 г., реабилитирован в 1994 г., невзирая на явное усердие в репрессиях; 11.03.2015 постановлением Главной военной прокуратуры РФ решение о реабилитации отменено, Д. М. Дмитриев признан не подлежащим реабилитации. – ВМК*).

В октябре 1937 г. Дмитриев сообщил наркому внутренних дел Ежову о ликвидации на Урале «Российского общевойскового союза». В сообщении говорилось: «Показаниями арестованных установлено, что офицерско-фашистская организация была создана той частью членов РОВС, которая стоит за установление в России военно-фашистской диктатуры по образцу диктатуры в Германии в противоположность другой части его, стоящей за реставрацию царской монархии [...] Актив Уральской офицерско-фашистской организации составляли кадровые офицеры царской армии – махровые контрреволюционеры [...] организация охватывала ряд крупных промышленных центров области: Свердловск, Пермь, Тагил, Ворошиловск, Надеждинск, Кудымкар [...]»^[455].

В пределах Нижнетагильского региона к участникам этой организации отнесли: «руководителя Тагильского повстанческого округа», «резидента германской разведки» А. В. Булгакова, работавшего начальником отдела снабжения НТМЗ (в прошлом – «капитан царской армии, петлюровский полковник»); его помощника М. Ф. Окулова; заместителя главного бухгалтера Нижнетагильского шамотного завода (в прошлом – «генерал-майор царской армии»); «немецкого и японского агента» – Стихно, работавшего переводчиком при немецких специалистах в управлении Тагилстроя (в прошлом – «белый офицер»); «агента немецкой разведки» Миончинского, преподавателя металлургического техникума в Надеждинске и сотни других. В Нижнем Тагиле Булгаков «руководил резидентурой германской разведки, охватывающей Уралвагонзавод, Тагилстрой и другие промышленные объекты Тагила. По заданиям немцев [...] развернул шпионскую и диверсионную деятельность [...]». В Надеждинске

Миончинский создал диверсионную группу на металлургическом заводе и военном заводе №76. Кроме того, «агент РОВС Котельников создал организацию из бывших белоказаков – спецпереселенцев, среди которых было много офицеров, насчитывающую около 100 участников»^[456].

Агентуру РОВС раскрыли и в Сибири. Всего по делу РОВС арестовали 399 чел., из них «князей – 2, контр-адмиралов – 1, генералов – 8, полковников – 42, капитанов и штабс-капитанов – 43, поручиков, подпоручиков и прапорщиков – 69, дворян – 27, фабрикантов и помещиков – 35, попов – 9»^[457].

Дмитриев установил связь РОВС с Уральским повстанческим штабом и докладывал: «Летом 1936 г. офицерско-фашистская организация вошла в состав контрреволюционного повстанческого подполья, формируемого так называемым Уральским повстанческим штабом, организованным по инициативе правых в 1935 г. и объединившим повстанческую деятельность правых, троцкистов, эсеров и церковников на принципах блока [...]»^[458]. Составной частью этого контрреволюционного подполья считалась «фашистская повстанческая организация церковников» во главе с московским митрополитом Зориным, митрополитом свердловским Холмогорцевым, архиепископом свердловским Сафонием и др. В Нижнем Тагиле за принадлежность к организации арестовали священников Гальянской церкви Г. Я. Кондакова, Александровской церкви А. А. Слоцова, Казанской церкви Менщикова и других (всего более 10 чел.)^[459]

Круги после ареста Кабакова и других руководителей области разошлись по всему Уралу, затронув тысячи людей. Если в 1936 г. в Свердловской области было арестовано 2428 чел., то в 1937 г. – 28 724, а в 1938 г. – 17 016 чел.^[460]

В конце 1937 – начале 1938 г. по Нижнетагильскому району НКВД сфальсифицировал несколько коллективных дел в связи с Уральским штабом восстания. С 19 по 23 декабря 1937 г. в Нижнем Тагиле проходило экспресс-следствие по делу №30190 (23 чел.). Обвинительное заключение гласило: «В процессе следствия по делу вскрытой на Урале контрреволюционной

офицерско-фашистской повстанческой диверсионно-террористической организации установлено, что на территории прииска „Красный Урал“ существовала контрреволюционная организация, руководимая Уральским повстанческим штабом, ставившим своей целью ведение активной подрывной работы в золотоплатиновой промышленности и подготовку террористических актов над руководителями партии и правительства, и что руководителями данной организации являлись враги народа Головин, Булгаков и другие»^[461].

По постановлению Особой тройки УНКВД Свердловской области от 30 декабря 1937 г. все проходившие по этому делу были расстреляны (реабилитированы – 28 июня 1957 г.)^[462].

С 6 по 22 февраля 1938 г. по делу №18171 проходило уже 40 человек, и почти все они расстреляны в один день – 20 марта 1938 г. Параллельно шел процесс с аналогичным обвинением на 36 чел. Особенностью этого дела являлся состав арестованных – почти все они были из спецпереселенцев. Результат тот же – 35 чел. расстреляны (два – 25 марта, четыре – 27 марта, остальные – 20 марта 1938 г.), один умер в тюрьме от «гнояного аппендицита»^[463].

Всего в деле №18171 шесть томов следственного материала. В томе №4 изложено следствие на 66 чел. (все расстреляны 20, 27 марта и 4 апреля 1938 г.), в томе №2 – на 43 чел. (все расстреляны 20 марта 1938 г.)^[464]. В итоге по этому делу проходило 208 чел., все приговорены к ВМН, расстреляны (за исключением двух, умерших в тюремной больнице и похороненных без вскрытия), а впоследствии реабилитированы.

Оба вышеуказанных дела чекисты связали с Уральским штабом восстания и репрессировали тагильчан, занятых на разных производствах: прииске «Красный Урал», на ВЖР, руднике III Интернационала, кирпичном заводе Нижнего Тагила, разных ЛПХ Тагильского района, на УВС, УВЗ, заводе Куйбышева, ВМЗ, Тагилстрое и проживающих в Нижнем Тагиле и окружающих его деревнях и поселках. Тагильское городское отделение НКВД регулярно составляло справки о вскрытых контрреволюционных

организациях для городских, областных и центральных органов партии. Например, в справке от 10 апреля 1938 г. докладывалось, что «за последние шесть месяцев на Уралвагонзаводе была вскрыта контрреволюционная организация право-троцкистского блока и ряд шпионско-диверсионных групп, руководимых иностранной разведкой [...], уволено и арестовано антисоветского элемента около полутора тысяч, из них большой процент бывших кулаков, белых офицеров, торговцев, сыновей фабрикантов и золотопромышленников». В спецзаписках по заводу №63 (ВМЗ) фиксировалось наличие большого количества «социально-чуждого и деклассированного» элемента – на 1938 г. – 430 чел. Излишне говорить, что все неудачи в работе промышленности Нижнего Тагила объяснялись деятельностью вредителей и антисоветских «элементов»^[465].

Операции по изъятию «антисоветского элемента» тщательно планировались и утверждались лично Сталиным. Так было и с массовой операцией, оформленной приказом Н. И. Ежова 31 июля 1937 г. за №00447 «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В пределах Свердловской области намечалось за четыре месяца арестовать около 10 тыс. чел. Фактически эта «массовая кулацкая операция» была проведена уральскими чекистами в августе-сентябре 1937 г. Только в Нижнем Тагиле арестовали более 2 тыс. спецпереселенцев^[466].

В сентябре 1937 г. следственная бригада во главе с начальником Третьего отдела УНКВД Свердловской области Боярским вскрыла «повстанческие округа» в центре Коми-Пермяцкого округа – Кудымкаре, в октябре-ноябре – в Нижнем Тагиле, затем бригада во главе с чекистом Смельским – в Надеждинске^[467].

В августе 1937 г. от Н. И. Ежова пришло распоряжение о начале операции по «перебежчикам». Она была частью массовых репрессивных кампаний, направленных против лиц иностранных для СССР национальностей (поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков, румын, болгар, китайцев, иранцев, афганцев и других).

В середине декабря 1937 г. в адрес УНКВД по Свердловской области пришло телеграфное распоряжение НКВД об аресте всех финнов. В Нижнем Тагиле арестовали жителей «финнгородка» Тагилстроя, более 200 финнов было арестовано в Каменск-Уральском. НКВД потребовало от начальников УНКВД областей ускорить ликвидацию «инобазы». В январе 1937 г. – первой половине 1938 г. прошла первая массовая операция по «иноподданным», в марте-апреле 1938 г. – вторая, в июне-июле – третья. По признанию самих энкаведистов, приговоры были жестокими – на 200–250 чел. арестованных в среднем два человека освобождались, с зачетом срока пребывания в следственной тюрьме, остальные расстреливались^[468]. Для выполнения палаческих функций в 1937–1938 гг. произвели замену многих руководителей УНКВД по стране и на Урале, в частности. В Нижнем Тагиле это произошло в ноябре-декабре 1937 г., когда начальником ГО НКВД стал В. В. Котков, впоследствии осужденный по ст. 103 п. 17 «б» и расстрелянный^[469].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1937 г. репрессивная тематика представлена 170 единицами высказываний. Газета вполне «адекватно» сопровождала разрушительный репрессивный процесс. Новый год в «Уральском рабочем» начинается с материалов, поступавших с городских партконференций, где разоблачали «врагов народа». Например, на партконференции в Нижнем Тагиле последовало разоблачение «контрреволюционной группочки на Уралвагонстрое во главе с троцкистом-террористом Марьясиным»^[470]. Затем разоблачили троцкистов в Первоуральске: бывшего секретаря райкома Чернецова, работников горкома Михалева, Беянина, Бердюгина, Зубарева, Щеколдина, Еремина^[471].

В номере за 12 января опубликовано постановление состоявшегося накануне чрезвычайного пленума Свердловского обкома партии, где подверглись разоблачению «фашистские последыши», троцкисты Марьясин, Колегаев, Тараканов, Киселев. Вместе с ними из состава пленума облизполкома исключены

«подлые враги» Стриганов, Медников, Степанов, снят с работы председатель облисполкома – В. Ф. Головин (*репрессирован, расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1956 г. – ВМК*). В заметке, предваряющей постановление пленума, упомянуты «троцкистский бандит» Жариков, бывший второй секретарь Пермского райкома Дьячков и его «контрреволюционный последыш» Чернецов.^[472]

В номере за 14 января читатель информируется о результатах проявления классовой бдительности в вузах города. Разоблачен «двурушник» П. И. Новик – член парторганизации Института марксизма-ленинизма в Свердловске. Его обвиняют в связях с «шебалкинской» группой, «которая выступила против линии партии в философии, сомкнулись с гнусной бандой троцкистов-зиновьевцев, превратились в озверелых агентов фашизма». Новик, будучи директором ИМЛ Свердловска, способствовал проникновению в институт троцкистов Матвеева, Застенкера, Ленковой, Зайцева, Савельева и «чужака» Ананьина, «врага народа», преподавателя Медникова^[473].

20 января газета публикует информацию об окончании следствия по делу троцкистского «параллельного центра» в составе Ю. (Г). Л. Пятакова, К. Б. Радека, Г. Я. Сокольникова и Л. П. Серебрякова^[474]. А в конце месяца появляется заметка о реакции населения города на решение прокуратуры по этому делу: «Семидесятипяти тысячный митинг патриотов социалистической Родины. Трудящиеся Свердловска одобряют приговор военной коллегии над троцкистской бандой реставраторов капитализма»^[475].

В февральской заметке «В мутной воде подхалимства» говорится о разоблачении директора Индустриального института Свердловска Шрейбера^[476]. Он обвинен в «покровительстве врагам народа», вскоре был уволен из института и через месяц исключен из партии. Вместе с ним пострадал замдиректора по хозяйственной части Жарковский. В начале марта в статье «Свердловский горком извлекает уроки» критике подвергнут секретарь Свердловского горкома Кузнецов^[477].

В конце марта раскрыт новый заговор – сфальсифицировано дело о «Контрреволюционной организации правых в связи Урала»^[478]. В связи с чем, из статьи «Как они вредят» мы узнаем, что Н. С. Горина – работница Свердловского управления связи, была связана «с японскими диверсантами и шпионами»; П. М. Щербак – начальник технического отдела, оказался сыном жандарма. В качестве злостных вредителей назывались: Цунский, Пугачев, Стамблер, Коробов, Родионов, Кожухов, М. Н. Евстюгов – начальник управления связи.

В апреле 1937 г. был пущен в ход механизм перевыборов местного партийного руководства. Шумная кампания в печати сопровождалась массовыми доносами на «врагов народа».

В апреле бюро Свердловского обкома рассмотрело вопрос о работе Института марксизма-ленинизма и нашло «явные следы» деятельности «троцкистских бандитов»: Новика, Медникова, Лемкова. Выпущены как «лучшие ученики» троцкист-двuruшник Матвеев, троцкистский последыш Докучин, Зайцева и др. При этом партком ИМЛ встал на защиту своего директора – Новика^[479]. Впоследствии снята с должности новый директор ИМЛ Сергеева за грубейшие политические ошибки. Она не признала решение Обкома партии^[480].

Постепенно бдительные чекисты и рабкоры добрались и до «чуждых элементов» в Свердловском юридическом институте – здесь «орудовала» группа врагов во главе с Дриженко^[481]. В статье студента СЮИ Я. Иринцева «Вражеский глашатай на научной кафедре» разоблачалась «контрреволюционная троцкистская-право-реставраторская деятельность Пашуканиса и его группы на правовом фронте».^[482] В качестве «буржуазного идеолога, глашатая антимарксистских взглядов в области теории государства и права» назывался профессор Антропов (в прошлом видный колчаковец, юрисконсульт штаба Колчака). Он связан с разоблаченными троцкистскими группами в институте – Гаричева, Воронова, Щипанова, Дукельского, которым он давал свои запрещенные труды и которых консультировал. С ним связан секретарь комсомольской организации Ступин («любимый

ученик»). В свою очередь тот связан с троцкистом Чесноковым (арестован).

Собрание писателей города Свердловска, которое началось 13 мая, обязалось «обсудить статьи «Правды» и «Литературной газеты» о вредительской деятельности Авербаха^[483] и его «последышей» в литературе. В газетной статье по этому поводу говорилось: «Подлый троцкист-враг народа Авербах и его приспешники всячески боролись против решения ЦК ВКП (б) о ликвидации РАПП, боролись последовательно, упорно и злобно. Троцкист Авербах и его единомышленники пытались создать свой, враждебный партии Ленина – Сталина, предназначенный делу капиталистической реставрации в СССР – параллельный литературный центр [...]» «Авербаховская банда» (Киршон, Афиногенов и др.) «поддерживала тесные связи с фашистской контрразведкой и ее агентурой». Они «травили Маяковского и Горького. Двуручнича и осуждая Троцкого, Бухарина, на самом деле пропагандировали их взгляды». В Свердловске в качестве председателя союза писателей «орудовал» Новик. Враг народа Авербах также «орудовал» в Свердловске. «Уральский рабочий» поддерживал союзников этой группы. В нее входили: поэт Г. А. Троицкий (*умер 30.12.1943 в Ивдельлаге. – ВМК*), «автор ряда враждебных произведений» («Маргарита», «Город славы»), литературный критик Горин. Доклад председателя правления союза Астахова на этом собрании оценили как сделанный «на низком идейно-политическом уровне»^[484].

В апреле-мае повсеместно проходят партийные конференции, на которых разоблачают и называют все новых врагов народа. Информация с этих «форумов» наполнена доносами и поголовной критикой. Например, из заметки про одну из таких конференций в Свердловске мы узнаем, что Шахгильдян проглядел Турока, а на Уралмаше действовал матерый троцкист Авербах. На ВИЗе вредительством занимался бывший директор Колгушкин^[485]. Уволен с работы и исключен из партии троцкист Скорodelов – бывший директор Горного института. Озвучены

имена вражеских лазутчиков в Уральском индустриальном институте, назван врагом Шароев — руководитель Свердловского ГК ВЛКСМ, изобличены «враги народа» в обкоме партии: Боровских, Касаткин, «шпион» Федорович, Зубарев, Иконников^[486].

«Народная ярость» подогревается сообщениями из Прокуратуры Союза ССР. Закончено расследованием и передано в суд дело арестованных органами НКВД в разное время М. Н. Тухачевского, И. З. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова, В. К. Путна, Я. Б. Гамарник покончил жизнь самоубийством. Процессу против военных присвоили трафаретное название: «Дело антисоветской троцкистской военной организации». Одновременно к обвиняемым по этому делу присоединили кремлевских врачей. Поэтому свердловские работники медицины клеймят преступление «сатаниста» — врача Д. Д. Плетнева^[487].

Вскрываются «вражеские дела» в Облпотребсоюзе: враги — троцкисты Шварцман, Феофанов, Гришечкин; в Обувьстрое, в Свердловском Когизе, в отделении ТАСС: «Свердловский ТАСС во главе с Прохоровым всю информацию приспособлял к требованиям врагов народа, сидевших в Центральном ТАСС (*Долецкий, Сольц. — ВМК*), к требованиям прежнего руководства Обкома и „врага народа“ Жуховицкого (*24.05.1937, осужден 31.07.1937, мера наказания — расстрел 31.07.1937, реабилитирован. — ВМК*), бывшего редактором „Уральского рабочего“»^[488].

Публикуется материал о вражеских делах в облоно, где разоблачается его глава Перель и другие — «троцкисты — правые двурушники». В Ревдинской средней школе находят целое «гнездо» врагов: преподавательницу истории Черкезову, жену активного троцкиста Рудакова. Она, вопреки разгрому «лженауки», защищает педологию и теорию Блонского исключительного влияния среды. Н. Н. Сафонова — в этой же школе — родная сестра А. Н. Сафоновой, фигурировавшей в процессе троцкистского центра, а М. М. Белоусова — жена троцкиста Белоусова^[489].

А. Н. Власюк в статье «Выкорчевать вражеское охвостье в ОблОНО» фактически пишет донос на работников ОблОНО: «Матерый бандит Перель, ряд лет возглавлявший Свердловский областной отдел народного образования, разоблачен как враг народа» Теперь надо выявить его приспешников. Например, Болотов – «глава школьного отдела»^[490].

Промежуточные итоги «созидательной» работы по «выкорчевыванию врагов народа» обсуждались на июльском пленуме Свердловского горсовета и привели к пессимистичному выводу: «И.о. председателя Облисполкома тов. Алексеев от имени горкома ВКП (б) и Облисполкома предложил: ввиду того, что *большинство членов президиума горсовета сняты с работы, как враги народа и их пособники, президиум распустить*. Это предложение было принято единогласно». На пленуме Свердловского горкома ВКП (б) констатировалось, что работа сосредоточена «главным образом на дальнейшем разоблачении и выкуривании из партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и общественных организаций города троцкистских-правых бандитов и их прихвостней [...]»^[491].

Между тем, инструктивный материал в «топку репрессий» систематически поступал «сверху». Примером являются статьи «Социал-корниловцы (меньшевики)», «Кровавых дел мастера (эсеры)»^[492].

Дела не отстают от теоретических рекомендаций. Из Военной коллегии Свердловского областного суда сообщается: «Следственными органами вскрыта в Таборинском районе Свердловской области контрреволюционная вредительская группа правых, ставившая своей задачей развал колхозов, дискредитацию колхозного движения [...]». В ряду ее участников: Н. Д. Овсянников – бывший секретарь райкома, А. П. Мотылев – предс. райисполкома, Н. Л. Мешанкин – зав. райзо, Н. М. Сивков – зав. животноводческим сектором райзо, Я. Н. Андреев – зав. нефтебазой МТС, С. Ф. Черепков – председатель колхоза «Путь Ленина»^[493].

Идут процессы по делу «контрреволюционной, вредительской и диверсантской группы правых, бывших работников Надеждинской конторы Заготзерно», «контрреволюционной вредительской террористической группы правых в Коми-Пермяцком округе», «контрреволюционной группы в Ирбитском районе»^[494], суд над бывшими руководящими работниками Егоршинского района, «ликвидировавшими колхоз им. Свердлова и разрушившими д. Брагино»^[495], дело «о вредительской шайке, орудовавшей в системе Заготзерно по Режевскому району» (враги: К. Е. Вязников, И. Р. Конюшин, П. А. Антипов, К. З. Сазанов, Б. Ф. Витков, В. С. Прякон).^[496]

В это же время «органами НКВД по Свердловской области вскрыта и ликвидирована по Кировградскому району контрреволюционная группа правых, преступная деятельность которой заключалась в том, что она на протяжении ряда лет проводила вредительскую деятельность, направленную к уничтожению поголовья скота по району и ослаблению экономической мощи колхозов и провоцированию, таким образом, недовольства среди колхозных масс мероприятиями советской власти [...]».^[497] Вскоре разоблачена «контрреволюционная вредительская группа правых, «оперировавшая в системе Областного земельного отдела Свердловского Облисполкома»^[498].

С сотнями таких дел на местах тесно связаны крупные дела о контрреволюционной деятельности, которые рассматривались в центре. Завершает наше повествование о политических репрессиях 1937 г. заметка в газете «Уральский рабочий» в номере за 20 декабря: в Военной коллегии Верховного суда СССР завершено дело на: А. С. Енукидзе, О. М. Карахана, И. Д. Орахелашвили, Б. П. Шеболдаева, В. Ф. Ларина, А. Д. Метелева, В. М. Цукермана, Б. С. Штейгера по ст.58–1а, 58–6. Все приговорены к высшей мере наказания. «Приговор приведен в исполнение»^[499]. Весь этот номер посвящен славному 20-летнему юбилею «верного стража революции ВЧК-ОГПУ-НКВД». Он открывается статьей редактора, приветствием в адрес НКВД, портретами Н. И. Ежова и Д. М. Дмитриева, сообщением о на-

гражденин Б. Д. Бермана, В. А. Каруцкого, Е. Ф. Кривец, Г. А. Лупенина, Д. М. Соколинского, Н. Н. Федорова и других работников НКВД «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий» ЦК ВКП (б). Действительно, пришлось «потрудиться на совесть». Ведь с июля 1937 г. и по конец лета 1938 г. каждый день по стране расстреливали в среднем 1700 чел. На третьей странице стихами народного поэта Казахстана Джамбула Джабаева^[500] под лапидарным названием «Нарком Ежов» советский народ выражает свое восхищение «зоркоглазым и умным наркомом»: «Мильонноголосое звонкое слово летит от народов к батыру Ежову: спасибо, Ежов, что тревогу будя, стоишь ты на страже страны и вождя!».

В разворачивании Большого террора историки выделили несколько этапов: октябрь 1936 – февраль 1937 гг. (перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии»); март 1937 – июнь 1937 гг. (декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров – кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.); июль 1937 – октябрь 1938 гг. (декретирование и реализация массовых репрессивных операций – «кулацкой», «национальных», против членов семей изменников родины, интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и других отраслях); ноябрь 1938 – 1939 гг. (так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных, ротация и уничтожение «ежовских» кадров в НКВД).^[501]

Новый, 1938 г. начался с январского пленума ЦК ВКП (б), где рассматривалось дело П. П. Постышева, к тому времени первого секретаря Куйбышевского горкома партии, отличившегося установлением беспрецедентного режима террора. Постышев был исключен из партии, арестован и расстрелян в 1939 г. (*реабилитирован в 1956 г. по настоянию Н. С. Хрущева. – ВМК*). Маленков в докладе сообщил, что в первом полугодии 1937 г. из партии исключено 24 тыс. коммунистов, а во втором полугодии – 76 тыс., привел ряд фактов формального и огульного подхода к решению вопросов о судьбе коммунистов.

Маленков призвал «разоблачить и до конца истребить замаскированных врагов, пробравшихся в наши ряды и стремящихся фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу, стремящихся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах»^[502].

По докладу Маленкова было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков», признаны «перегибы» в отношении некоторых исключенных.

Однако незаконные исключения объяснили происками «врагов народа», деятельность НКВД не была подвергнута сомнению. Последним крупным показательным процессом времен Большого террора стал открытый политический процесс в Москве по делу об «Антисоветском право-троцкистском блоке», который состоялся 2–13 марта. Третий процесс состоялся над членами так называемого «Право-троцкистского блока». Главным обвиняемым являлся Николай Бухарин, бывший глава Коминтерна, также бывший председатель Совнаркома Алексей Рыков, Христиан Раковский, Николай Крестинский и Генрих Ягода – организатор первого московского процесса. Среди об-

виняемых были также И. Н. Казаков, Л. Г. Левин и Д. Д. Плетнев, известные деятели советской медицины (всего 21 чел.). Все обвиняемые, кроме троих (Бессонова, Плетнева и Раковского), были приговорены к расстрелу. Трое осужденных к тюремным срокам содержались в Орловском центре и были расстреляны в сентябре 1941 г. в Медведевском лесу под Орлом. Впоследствии были реабилитированы все, кроме Ягоды.

В октябре 1938 г. началась подготовка к свертыванию террора. 8 октября Сталин поручил Ежову, Берии, Вышинскому, Рычкову и Маленкову подготовить проект постановления «о новой установке по вопросу ареста, ведения следствия и прокурорского надзора». Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. положило конец Большому террору. Все внесудебные органы, кроме Особого совещания, были ликвидированы, все массовые операции прекращены. Упрощенный порядок ведения следствия категорически запрещался, на любой арест теперь нужно было получить санкцию прокурора^[503].

Н. И. Ежов 24 ноября был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел, его место занял Л. П. Берия. В декабре 1938 года началось массовое освобождение находящихся под следствием «контрреволюционеров». По данным историка Н. В. Петрова, в 1939–1940 гг. из мест заключения были освобождены от 100 до 150 тысяч чел., причем в основном за счет тех, кого арестовали, но не осудили до 17 ноября 1938 г.^[504] Экспертная комиссия МГУ оценила количество освобожденных в этот же период в 150–200 тыс. чел.^[505].

Историки-мемориальцы Н. Г. Охотин и А. Б. Рогинский подвели статистические итоги Большого террора: по делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД) арестовано — не менее 1710 тыс. чел., осуждено — не менее 1440 тыс. чел. В том числе приговорено к расстрелу — не менее 724 тыс. чел. Кроме того, за тот же период осуждено «милицейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЭ) — не менее 400 тыс. чел., подвергнуто высылкам и депортациям в админи-

стративном порядке – не менее 200 тыс. чел., осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям – не менее 2 млн чел., из них в лагеря отправлено не менее 800 тыс. чел.^[506]. Итого: осуждено – 3 840 000 чел., выслано – 200 000 чел., приговорено к ВМН – 724 000 чел., расстреляно около 682 тыс. чел.

В рамках «кулацкой операции» было осуждено тройками около 818 тыс. чел., из них к расстрелу приговорено 436 тыс. С августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. в рамках всех «национальных операций» было осуждено 335 513 чел., из них приговорено к расстрелу 247 157 чел., т. е. 73,66% от общего числа осужденных^[507].

За этот период было расстреляно 681 692 чел. Всего по политическим мотивам было арестовано 1 372 382 чел. По версии историка В. Н. Земскова, расстрелянные по политическим мотивам 681 692 чел. составляют 85% общей численности расстрелянных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления за весь условный «сталинский период» (799 455 чел. с 1921 г. по 1953 г.)^[508].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1938 г. репрессивная тематика представлена в объеме 48 единиц высказываний. Обратим внимание, насколько полно отразилась в газетах столь насыщенная и ужасающая массовая практика истребления партийной диктатурой населения страны. Напрасна попытка современного читателя найти в номерах «Уральского рабочего» своевременную информацию о состоявшемся 9 января пленуме ЦК партии. В день проведения пленума газета сделала упор на патриотических материалах о развитии советской демократии на основе новой Конституции СССР. Подробно освещается созыв и работа первой сессии Верховного Совета СССР, делегаты которого стали первым, кто был выбран в депутатский корпус на основе нового избирательного права.

В номере газеты за 9 января помещена в меру воинственная статья Л. Лебедева «Навести большевистские порядки в учреждениях искусства». Автор резюмирует: «Основной

и главный вывод — нужно энергично, решительно и быстро навести в театрах и других учреждениях искусства большевистские порядки. Это означает раньше всего повышение бдительности всех работников искусства к притаившимся еще кое-где враждебным, политически сомнительным и разложившимся элементам, наносящим вред искусству [...]»^[509]. Наряду с этой «руководящей» статьей помещена небольшая заметка, излагающая решение Комитета по делам искусств о закрытии театра Вс. Мейерхольда, как «чуждого советскому искусству». Вопрос о дальнейшей работе Всеволода Эмильевича Мейерхольда в театре решено «обсудить особо»^[510]. И, действительно, вопрос о судьбе этого выдающегося театрального режиссера, народного артиста республики, был решен «особо» — с помощью ареста, осуждения и расстрела в феврале 1940 г.

В установочной статье Б. Кандидова «Попы-шпионы», перепечатанной из «Красной звезды», приводятся многочисленные примеры антисоветской, шпионской работы священнослужителей, начиная со времен Гражданской войны и по настоящее время. Например, «церковный шпион Ч. проповедовал своим союзникам, что надо создать широко разветвленную организацию по типу троцкистско-фашистской «пятой колонны» в Испании [...]». Реставрировать капитализм в СССР — такова была цель контрреволюционных паразитов в рясах [...]»^[511].

И только 29 января появилась информация о январском пленуме ЦК партии (без указания даты его проведения) и опубликовано постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков»^[512].

В номере газеты за 25 января читателей информировали о показательном процессе над очередной группой «контрреволюционных вредителей» в Надеждинске. Группа «орудовала» в транспортном цехе Надеждинского завода. В ее составе: Поздняк — начальник транспортного цеха, Мачихин — замначальника, Малинников — начальник службы пути. Всем обвиняемым

предъявлено обвинение по ст. 58–7, 58–11. Сопровождается этот материал заглавной редакционной статьей «Поднять дисциплину среди железнодорожников»^[513]. Перед нами очередной пример политизации чисто производственного вопроса о дисциплине и технической грамотности работников железной дороги, на которой по-прежнему отсутствует должный порядок.

В конце февраля газета извещает об окончании следствия по делу заговорщической группы «право-троцкистский блок» Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Г. Ягоды, Н. Н. Крестинского и других^[514]. Моментально организуется одобрительная реакция советского народа. Сначала перепечатывается передовая из «Правды»: «Право-троцкистский блок убийц, шпионов, предателей», сопровождаемая материалами процесса и «бодрыми» призывами о смерти «троцкистско-бухаринским бандитам» со стороны трудящихся^[515]. Затем публикуется подборка писем рабочих и служащих, резолюций общественных и партийных собраний такого же свойства. Например, письмо «Единственный справедливый приговор – расстрелять!» общего собрания коллектива театра оперы и балета им. А. В. Луначарского от имени 600 работников: народного артиста Маргуляна, заслуженного артиста республики Месняева, заслуженного артиста Аграновского, Бернер, Барашкова, Курочкина, Кочнева, Келлера, Еремеева и др.^[516].

Вскоре газета информирует и о приговоре суда как общем деле «всего народа». Прокуратура настаивала на расстреле 18 человек, длительных сроках лишения свободы: Д. Д. Плетневу (ему исполнилось 66 лет) – 25 лет, Х. Г. Раковскому – 20 лет, С. А. Бессонову – 15 лет (они были расстреляны по «сталинским спискам» 11.09.1941)^[517].

Согласно информации из Обкома ВКП (б), найдены новые «враги» и исключены из партии А. Ф. Шаров – служил у Колчака, Н. И. Суворцев – за самовольный выход из организации, М. И. Пыхтеева – «за связь с врагами народа и двурушничество»^[518].

Газета свидетельствовала, что, несмотря на напряженную каждодневную борьбу с вредителями на железной дороге им. Кагановича, последствия вредительства не ликвидируются^[519]. Не помогло и то, что железную дорогу назвали именем одного из «железных» наркомов, передали управление ею под его строгое начало.

Неблагополучно в Свердловском университете, хотя сменено старое «вражеское руководство», не видна борьба за ликвидацию последствий вредительства: студенты плохо учатся, не хватает квалифицированных кадров преподавателей, 50% выпускников 1937 г. не сдали госэкзамены^[520].

Не последнюю роль в этих проблемах высших учебных заведений играли именно репрессии по разным идеологическим, политическим мотивам против руководителей и рядовых преподавателей, зачастую и студентов.

В обстановке непрерывных чисток и репрессий особенно трудно удержаться на посту руководителя обкома или горкома партии. На городской партийной конференции Свердловска критикуется очередной первый секретарь обкома А. Я. Столяр, сменивший репрессированного И. Д. Кабакова: «Партийные массы подвергли острой критике работу райкомов и горкома ВКП (б) [...] Эта критика вполне заслужена. На протяжении длительного времени у руководства Свердловского горкома подвизался Столяр (*осужден и расстрелян в 1938 г. – ВМК*) со своей бандой. Это антипартийное, вражеское руководство было разоблачено благодаря вмешательству ЦК партии. „Плоды“ столяровского руководства известны. Грубо попирая указания партии, эта банда насаждала огульную подозрительность, валовой подход к коммунистам, стараясь перебить партийные кадры [...]». После январского пленума ЦК « [...] прежнее руководство горкома умышленно тормозило исправление ошибок парторганизаций, указанных ЦК. Столяровское руководство сознательно срывало ликвидацию последствий вредительства в промышленных предприятиях, городском хозяйстве, торговле, культурном строительстве города. Горком партии не вскрыл своевременно антипар-

тийные, вражеские методы бывшего столяровского руководства, и в этом его большая вина перед партийной организацией [...]. ЦК партии оказал Свердловской парторганизации большую помощь в исправлении ошибок [...] 50% секретарей парткомов и 60% парторгов первичных партийных организаций Свердловска вновь избрано на ту же работу [...] Решительно исправляя ошибки парторганизаций, твердо проводя в жизнь решения январского пленума ЦК, повышая большевистскую революционную бдительность, до конца выкорчевывая всех врагов партии и народа, неуклонно выполняя указания Сталинского ЦК, большевики Свердловска успешно справятся со своими политическими и хозяйственными задачами [...]»^[521].

На смену А. Столяру «мудрое ЦК» подобрало новую кандидатуру – К. Н. Валухина (был и. о. первого секретаря с марта по апрель 1938 г.) – проверенного чекиста, начальника УНКВД Омской области. Но и с ним через короткое время произошла та же история (*арестован в 1939 г., расстрелян в 1940 г. – ВМК*).

Серьезным фактором воздействия на внутреннюю политику стало обострение международных отношений, война в Испании и Китае, деятельность Л. Д. Троцкого (категория «международная политика» по числу единиц высказываний занимает второе место в газетных публикациях 1938 г.). Одной из главных целей Большого террора, как его понимало НКВД внутри своего карательного ведомства, было уничтожение «пятой колонны» по подобию Испании, только в СССР. Поэтому материалы из серии «международная политика» изобилуют статьями и заметками о происках «троцкистов». Например, в одном из номеров соседствуют заголовки «Китайские троцкисты – враги народа», «Процесс по делу троцкистских шпионов в Испании», «Провокационная деятельность троцкистов в Чехословакии»^[522].

Борьба с вредительством остается системным элементом репрессивной политики. Только теперь акцент сделан на устранении последствий враждебных действий. Обнаружено, что в колхозах «врагами» снижена денежная часть доходов колхозников на трудодень, вопреки постоянным заявлениям партийных про-

пагандистов о «зажиточной» жизни советской деревни. Например, в д. Махнево в 1936 г. выплачивали 13 коп. на трудодень, в 1937 г. — только 8 коп.^[523]. Свидетельством малой привлекательности колхозной жизни явился отток колхозников, которые исключались из колхозов за невыработку трудодней, плохую дисциплину, пьянство. В газетных публикациях часто сетуют на практику исключения. Зачастую руководству области было неизвестно количество исключенных из колхозов.

Дополнительно к этому плохо взыскивались недоимки с единоличников. По закону они должны быть взяты в течение пяти дней, а судьи слагали недоимки или переводили их в рассрочку. Исключали за нарушения трудовой дисциплины, за отходничество и т. п. СНК и ЦК ВКП (б) обязало судебные органы привлекать за эти нарушения как уголовных преступников — «за измену делу колхозников, помощь врагам народа», а судебные органы игнорировали эти установки^[524]. Шла борьба с фактами «проявления буржуазных тенденций в отдельных колхозах». Газетная публикация наставляла: «Рост доходов колхозников должен происходить путем роста трудодня, не путем незаконного расширения приусадебных участков [...]».^[525]

Последствия вредительства не ликвидировались на титано-во-магнетитовом руднике в Первоуральске, как и на многих других объектах промышленности Урала^[526].

На всесоюзном уровне вредители загубили результаты переписи, проведенной в 1937 г. Газета информировала читателя: «Враги народа [...] провели эту перепись с грубейшими нарушениями элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций [...]».^[527] Как известно, Сталин от статистиков ждал увеличения численности населения, а перепись, наоборот, показала его убыль. Для ликвидации последствий этой «вредительской» акции понадобилось провести новую перепись 1939 г., где цифры были фальсифицированы в сторону увеличения.

В октябре «Уральский рабочий» публикует сообщение под заголовком «Всегда быть начеку!» — о приговоре Военного трибунала Уральского военного округа «кулацкой группе диверсантов, орудовавшей в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого округа. Заядлые враги советской власти, руководимые лютой ненавистью к своему могильщику — колхозному строю, пытались путем диверсий подрывать и разваливать колхозы, разрушать счастливую и зажиточную жизнь колхозников [...]»^[528].

В военном трибунале рассмотрено дело «кулаков-диверсантов» по обвинению в поджоге леса и в антисоветской агитации на Василия Ильича Рубцова, Иону Николаевича Прянишникова, Василия Алексеевича Бизяева, Ивана Ивановича Головина, Ивана Степановича Рогачева. На их счету 7 поджогов, сгорело 2000 га леса, «агитировали не тушить пожары». Однако, как и всегда, для их обвинения была использована ст. 58, обязательно связывавшая такие чисто уголовные преступления с деятельностью иностранной разведки^[529].

Вскрыта еще одна «диверсионная группа» — в системе Заготзерно области во главе с Шалагиным. Ее участники окопались в Красноуфимском районе, «портили хлеб, заражали его клещом, выводили из строя машины, гноили мешкотару, создавали условия для массового расхищения зерна [...]»^[530]. Традиционную российскую бесхозяйственность, обремененную глубоко депрессивным состоянием деревни, вызванным насильственной коллективизацией, уничтожением хозяина на земле, объясняли происками врагов, диверсантов, шпионов. Партия призвала «быстрее ликвидировать последствия вредительства в общественном питании». В газете сообщалось, что за три года в Свердловской области закрыто более 400 столовых и фабрикухонь. «Враги народа по мотивам якобы «нерентабельности» закрыли почти все рабочие столовые» в Нижнем Тагиле^[531].

Между тем репрессивный каток подобрался к руководителям советского комсомола. В ноябре в газете опубликовано информационное сообщение о пленуме ЦК ВЛКСМ, который состоялся 19–22 ноября. Рассмотрено заявление работника ЦК

ВЛКСМ О. П. Мишенковой о положении дел в ЦК ВЛКСМ. С постов секретарей сняты А. В. Косарев^[532], С. Я. Богачев, В. Ф. Пикина с формулировкой: «За грубое нарушение внутривластной демократии, бездушно-бюрократическое отношение к честным работникам, за покровительство морально разложившимся, спившимся, чуждым партии и комсомолу элементам и укрывательство двурушнических элементов»^[533]. Вскоре пленум обкома ВЛКСМ Свердловской области объявил о снятии с работы секретарей обкома Санникова^[534] и Кузнецова^[535].

В «Уральском рабочем» в 1937 г. впервые промелькнуло неизвестное ранее слово «реабилитация». В 1938 г. оно уже занимает третье место по числу единиц высказываний среди выделенных нами категорий.

Причиной столь частого употребления этого нового понятия явились решения январского пленума ЦК ВКП (б). В постановлении пленума говорилось: «Пленум ЦК ВКП (б) считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на то, что они, проводя большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей. Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП (б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии [...]. В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии. Понятно, что троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их в болото троцкистского вредительства [...] Среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены **отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений и недостатка бдительности путем применения огульных репрессий против членов**

партии (выделено жирным шрифтом в документе. – ВМК) [...] Пора понять, что для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии – это вопрос жизни и смерти (Сталин) [...] Пленум ЦК ВКП (б) считает важнейшим условием успешного разрешения этой задачи – ликвидацию без остатка антипартийной практики огульного, неиндивидуального, валового подхода к людям, к членам партии [...]». Пленум обязал в своем постановлении: установить индивидуальный подход при исключении из партии, снимать с постов руководителей, которые допускают произвол по отношению к членам партии, в трехмесячный срок рассмотреть апелляции всех исключенных из партии; в решениях об исключении ясно указывать мотивы и обязательно публиковать их в печати; немедленно выдавать партийные документы восстановленным в партии; привлекать к партийной ответственности виновных в клевете на членов партии, «полностью реабилитировать этих членов партии: обязать до 15 февраля 1938 г. обеспечить поступление исключенных... на работу [...]». Постановление одновременно определяло нового врага: «Разоблачить и до конца **истребить замаскированного врага** (выделено жирным в документе. – ВМК), пробравшегося в наши ряды и старавшегося фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу». Таким образом, Сталин действовал в своей привычной манере, перекладывая ответственность за содеянные преступления, совершенные согласно его установкам, на региональных и других руководителей партийных организаций, а также на рядовых коммунистов, проявивших излишнюю бдительность в обстановке тотального погрома (названного «кадровой революцией»)^[536].

В номере газеты, где опубликовано постановление пленума ЦК ВКП (б), незамедлительно появляется статья журналиста М. Е. Кольцова «О лжеразоблачителях и клеветниках», где он приводит в качестве жертвы несправедливых обвинений во враждебной деятельности директора Пермского университета Русакову^[537].

Во втором номере газеты за февраль в качестве передовицы использована передовая «Правды» от 1 февраля, в которой приводился пример действий «клеветников» по Уралу: секретарь партийного комитета Башкирского медицинского института Вшивцев «завел на каждого из них (*профессоров и студентов*. – ВМК) специальное „дело“ по обвинению в антисоветской деятельности». В этом списке около 200 чел.^[538]. В этом же номере опубликована статья «Гнусные клеветники», посвященная «террору клеветников» на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле.

Целая подборка материалов в ответ на решения январского пленума помещена в номере газеты за 9 февраля. В заметке «В Обкоме ВКП (б)» содержится материал о восстановлении на работе ряда партийных и комсомольских работников области. В заметке «Рассмотрение апелляций» говорится о восстановлении в кандидатах партии Самолюк, Лушников и Меркурьевой (Красноуфимский район). В статье Н. Волкова «Беспощадно разоблачать подлых клеветников» рассказывается о том, что в Надеждинске рабкор Кузнецов терроризировал редакцию «Северного рабочего», оклеветал секретаря комитета комсомола Клементьева, начал поиски врагов народа в редакции газеты. Автор резюмирует: «Опорочивая честных коммунистов, направо и налево наклеивая ярлыки – «враги», «прихвостни» и т.д., клеветники создают обстановку подозрительности, недоверия. А трусливые работники из редакции и горкома партии не разоблачают до конца подлые действия клеветников, прикрывающихся маской «бдительности»»^[539]. На наш взгляд, это наблюдение вполне можно применить к деятельности Сталина и его преданного окружения.

Передовица «Уральского рабочего» за 11 февраля носила название «Строго соблюдать революционную законность». В ней говорилось, что Бюро Обкома ВКП (б) обсудило работу суда, милиции и прокуратуры г. Свердловска. Выявлен огульный подход к людям, судебные ошибки из-за клеветнических обвинений: «В судах г. Свердловска за прошлый год было прекращено и закончилось оправданием до 30% дел [...]».

Мобилизующий призыв Обкома – «овладеть большевизмом» [540].

Теперь газеты были обязаны давать материалы обо всех реабилитированных и восстановленных в партии. В номерах газеты за 1938 г. мы встретили 64 материала в связи с реабилитацией, названо более 50 фамилий реабилитированных, ранее исключенных из партии, комсомола и уволенных с работы. Количество реабилитированных, по отчетам партийных органов, составило около 200 человек.

Приведем некоторые примеры. В публикации «О перестраховщиках в комсомоле» говорится о том, что Пустовалов, секретарь Октябрьского райкома ВЛКСМ Свердловска, исключил Шадрину – теперь она восстановлена. Новгородцев, секретарь Сталинского райкома ВЛКСМ, исключил Гаврилову, студентку индустриального рабфака. «Для того, чтобы ее исключить, оказалось достаточным того факта, что ее мать-старушка несколько раз встретила на улице и поговорила с матерью разоблаченного врага народа [...]»^[541].

В примечательной публикации «Сверхбдительный директор» повествуется о клеветнической деятельности В. Зыкова, директора курсов мастеров социалистического труда на ВИЗе. Он организовал преследование учителя русского языка дворянского происхождения О. К. Козловской, которая очень хорошо работала, но директор проявил бдительность. Заставил написать автобиографию и узнал, что Козловская родилась в дворянской семье. После чего Зыков «начинает грубить ей и выискивать компрометирующие ее статьи». На уроке русского языка учительница написала на доске предложение из повести Пушкина «Метель»: «Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику [...]». Зыков констатировал: «Диктует вражеские слова. Не потерплю». Сочинил приказ №155: «На уроке русского языка мною обнаружен недопустимый в советской школе факт. Преподавательница Козловская продиктовала всему классу чуждый по своему идейному содержанию текст предложения [...]». Его обвинения: «Неряшливо, плохо го-

товится к урокам, нет „политического чутья“». Преподаватели и ученики ничего не сделали в защиту Козловской. Она заболела и слегла от нервного приступа. Вмешался Обком ВКП (б), снял Зыкова с работы и объявил ему строгий выговор^[542].

В заметке «Как мы исправляли ошибки. Обсуждение решений январского пленума ЦК на собрании партийной организации Сталинского района» автор информировал, что на заводе им. Сталина восстановили в партии Четверкина, Смолева, Ширинкину, Корнилова и других. Лавренев исключен из партии «за то, что родственница арестованного троцкиста у него на квартире оставила вещи». В решении по делу написано: «Исключить из партии, как убежденного троцкиста-двурушника»^[543].

В публикации «Показная бдительность» разоблачался заведующий горно в Нижнем Тагиле – «перестраховщик» Назаров, который снял с работы 40 учителей. Большинство из них сейчас реабилитированы. Назывались подобные факты в других районах^[544]. В постановлении Свердловского обкома ВКП (б) «О газетах «За тяжелое машиностроение» и «Верх-Исетский рабочий»» бюро обкома обязало «редакторов этих газет реабилитировать через газету товарищей, восстановленных в партии, на которых публиковали клеветнические материалы [...]»^[545]. В этом же номере в разделе «Партийная жизнь» в статье под названием «Реабилитируем необоснованно исключенных из партии» говорится о процессе реабилитации коммунистов в Верхотурском районе. Называется девять фамилий коммунистов, восстановленных в ВКП (б).

В рубрике «Партийная жизнь. На районных собраниях партактива Свердловска» говорилось о реабилитации М. Н. Михеева – директора Уральского физико-технического института, который был репрессирован «за связь с врагами народа, семейственность и зажим самокритики». Он был восстановлен в партии с наложением партийного взыскания^[546].

Процесс реабилитации 1938 г. оказался весьма условным явлением. Его исполнители окончательно запутались в вопросе о том, кого нужно считать врагами народа. Те, кто повторял

троцкистские установки о невозможности победы социализма в одной стране, неожиданно оказались правы, так как их поддержал сам Сталин. Примером тому служит дело комсомольца Иванова. Суть его в том, что штатного пропагандиста обкома ВЛКСМ Иванова объявили троцкистом и сняли с работы за его убеждение, что социализм победил в СССР только полностью, но не окончательно. Первый секретарь обкома Уроженко настаивал, что победа уже произошла окончательно и нам не угрожает реставрация капитализма. Сталин поддержал Иванова и настоял на том, что победа социализма окончательно произойдет в мировом масштабе, а сейчас нам надо усиливать армию и флот. Погрозил обвинителям Иванова за их ошибки^[547].

Те, кто проявлял революционную бдительность согласно установкам ЦК и лично тов. Сталина, яростно разоблачал и преследовал «врагов народа» — правых, «левых», «двурушников», «гнилых либералов» и прочие «чуждые элементы», — вдруг оказались «нечуткими» к своим товарищам по партии, «перестраховщиками», а следовательно, врагами партии и народа. В информационной заметке «До конца выполнить решения январского Пленума ЦК ВКП (б)» Г. Буканов, секретарь Пермского ГК ВКП (б), доложил о разборе апелляций: рассмотрено 224 дела, 76 чел. восстановлены в партии, пересмотрено 47 решений об исключении, 29 отменены, 18 подтверждены. Однако во многих решениях о восстановлении допущены ошибки — «восстановлены враги народа»^[548]. Это — свидетельство полной дезориентации всей партийной среды в определении врага.

У всех на памяти были слова Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 г.: «Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классового борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классового борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств [...]»^[549]. И не случайно они

были вновь процитированы в докладе В. М. Молотова по случаю 21-й годовщины Октябрьской революции.

5.3. «ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕПРЕССИВНЫХ ОРГАНОВ. 1938–1939 ГГ. (В. М. КИРИЛЛОВ)

Кульминация массового террора в СССР пришлось на первую половину 1938 г. В последующие месяцы началось постепенное торможение плановой работы карательных органов, сокращались масштабы репрессий. Главная цель была достигнута – страна сломлена, люди оцепенели от страха и взаимных подозрений. Теперь для поддержания молчаливой покорности достаточно было проводить не такие многочисленные, но систематические аресты. Р. Конквест по этому поводу писал: «Органы безопасности продолжали время от времени прочесывать страну, ударяя по всем подозрительным элементам. В лагеря отправлялись ежегодно до миллиона человек [...]. Но неистовство 1936–1938 гг. больше не повторялось»^[550]. В 1939–1940 гг. были расстреляны Б. Д. Берман, Г. Ф. Горбач, А. А. Наседкин, С. Ф. Реденс, А. И. Успенский и многие другие активные участники Большого террора. 6 апреля 1939 г. был арестован М. П. Фриновский, 10 апреля – Ежов. Им предъявили обвинения в руководстве контрреволюционной фашистской организацией в НКВД, подготовке государственного переворота и терактов, шпионаже, убийствах неугодных им лиц. 3 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда под председательством В. В. Ульриха приговорила их к расстрелу. 4 февраля они были казнены. Тела Ежова и Фриновского кремировали, прах захоронили на Новом Донском кладбище.

Всего в 1939 г. из органов НКВД было уволено 7372 оперативно-чекистских сотрудника (22,9% от списочного состава), арестам из них подверглись 937 чел. Из общего числа 6174 руководящих оперативных работников были заменены 62% [121 чел.]. Немало было таких, которые сделали в годы тер-

рора большую карьеру и выдвинулись на руководящие посты в партии, НКВД, армии и других органах государства^[551].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1939 г. репрессивная тематика представлена в объеме 18 единиц высказываний. Как мы видим, объем единиц высказываний по интересующей нас проблеме совсем невелик.

В основном репрессивная политика связана с переходом к чрезвычайному положению в связи с началом Второй мировой войны. Появляются материалы о нарушении постановления от 28.12.1938 о взыскании за опоздание на работу на 20 минут. Опоздавшие на работу считаются прогульщиками и подлежат немедленному увольнению. Руководителей приказано наказывать по ст. 109 или 111 УК.

Все еще окончательно не решен вопрос о партийном и комсомольском руководстве областными организациями. В сентябрьской публикации «За большевистский стиль руководства» в очередной раз критикуется стиль управления обкома Свердловской области: «Отрыв от масс, шумиха, бесконечные заседания вместо конкретного руководства, вместо большевистской борьбы за ликвидацию последствий вредительства [...] таков был стиль руководства Свердловского обкома. Гнилой, порочный стиль!». Критика обрушилась и на газету «Уральский рабочий», который «не перепечатал из „Правды“ статью Жильцова, правильно критиковавшего работу Свердловского горкома и его бывшего первого секретаря т. Валухина». 4-й внеочередной пленум Свердловского обкома, с участием первых секретарей горкомов и райкомов партии, обсудил Постановление ЦК ВКП (б) от 30.12.1938 «О работе Свердловского обкома ВКП (б)». Снят с поста первого секретаря К. Н. Валухин, выведен из состава бюро обкома редактор «Уральского рабочего» И. П. Леонов и секретарь обкома ВЛКСМ И. С. Санников. Первым секретарем обкома назначен В. М. Андрианов, который и пребывал на этом посту по 1946 г., не подвергаясь репрессиям^[552].

В передовице газеты «Покончить с политической беспечностью, поднять революционную бдительность!» вскрывались недостатки в деятельности прежних секретарей обкома: и при Столяре, и при Валухине сеялось «недоверие к местному партийному и советскому активу. Боясь разоблачения, Столяр не допускал местных активистов в партийный и советский аппарат. Тов. Валухин не извлек уроков и тоже сеял излишнюю подозрительность к местным активистам [...]. Валухин под тем или иным предлогом отводил кандидатуры, которые местные партийные организации выдвигали на руководящие посты [...]». Таким образом, произошел новый крутой поворот в тактической линии партии. Ведь ранее шла борьба с местничеством, разрушением уральского клана во главе с Кабаковым, теперь выдвигается лозунг «местным нужно доверять». И Столяр, и Валухин обвинялись в том, что «подлые клеветники, провокаторы, обливавшие грязью преданных коммунистов, не только не разоблачались снятым ныне руководством обкома, а наоборот, покрывались им (в данном случае Валухиным. — ВМК) и брались под защиту»^[553].

Сталин настаивал на выполнении решений январского пленума ЦК ВКП (б). Подконтрольная ему печать акцентировала внимание на том, что «в Свердловской области длительное время орудовали злейшие враги народа. Они вредили не только в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, но и в деле партийного строительства. Они избивали наши партийные кадры (фактически Сталин говорил о своих преступных действиях. — ВМК). Много честных коммунистов, преданных партии Ленина — Сталина, были исключены из рядов ВКП (б) врагами народа. На их жалобы не обращали внимания. Вражеское руководство всячески издевалось над исключенными. На 1 января 1939 г. не было разобрано около 2 тыс. апелляций. На протяжении 1938 г. все эти апелляции партколлегией комиссии партийного контроля рассмотрены. Честные, преданные коммунисты в партии восстановлены [...]». Только Ленинский РК ВКП (б) исключил из партии за 4 месяца 594 членов и кандидатов партии, или 11,6% всей партийной организации. Сейчас восстановлено 389 чел.^[554].

Буквально через три дня в новой публикации на эту тему снова акцентировалась вина Валухина: «Руководство обкома в лице бывшего первого секретаря обкома т. Валухина встало на антипартийный путь – на путь игнорирования требований Пленума ЦК». К концу 1938 г. не рассмотрено 500 апелляций и 240 чел. не выданы партийные билеты. Клеветники и провокаторы «остались неразоблаченными», а «честные коммунисты, оклеветанные замаскированными врагами, не были реабилитированы и оставались без работы [...]»^[555]. В горкоме ВКП (б) осталось 69 неразобранных апелляций и 40 о снятии партвзысканий, не наказаны клеветники из ОблОНО^[556].

Следует целый ряд публикаций и информационных заметок под названиями «Волокита с разбором апелляций», «Перестраховщики остаются ненаказанными (о клеветниках и доносчиках)», «Подлые клеветники и беспомощный райком». Например, в информационном сообщении «Клеветник Туркин» говорится о суде над секретарем Ирбитского РК партии, который своей целью поставил исключить из партии 90 человек с формулировкой «враг народа» или «за связь с врагами народа». Двое покончили жизнь самоубийством. Туркина приговорили к 7 годам лишения свободы^[557].

С марта 1939 г. состоялся 18-й съезд ВКП (б). Во вступительной речи В. М. Молотова был сделан акцент на недооценке вражеских сил, противостоящих СССР: «Дело дошло до того, что наши внешние враги из лагеря капитализма замыслили произвести своего рода вмешательство в наши внутренние дела. Это своеобразное вмешательство в советское дело заключалось в попытке некоторых империалистических держав, и особенно фашистских, завезти и разместить своих агентов в органах государственной власти СССР»^[558].

В отчетном докладе Сталина констатировалось: «Новая империалистическая война стала фактом [...]». Было подчеркнуто: «Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ [...]». Традицион-

но акцентировалось внимание на «врагах народа»: «Перед лицом этих грандиозных достижений противники генеральной линии нашей партии, разные там „левые“ и „правые“ течения, всякие там троцкистско-пятаковские и бухаринско-рыковские перерожденцы оказались вынужденными смяться в комок, спрятать свои затасканные „платформы“ и уйти в подполье. Не имея мужества покориться воле народа, они предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение иностранной разведке, наняться в шпионы и обязаться помогать врагам Советского Союза расчленить нашу страну и восстановить в ней капиталистическое рабство [...]». Сталин изрек и вполне созвучный своим политическим представлениям трагикомический перл: «Разве не удивительно, что о шпионской и заговорщической деятельности верхушки троцкистов и бухаринцев узнали мы лишь в последнее время, в 1937–1938 годах, хотя, как видно из материалов, эти господа состояли в шпионах иностранной разведки и вели заговорщическую деятельность уже в первые дни Октябрьской революции?».

Сталин подвел итоги чистки партии, начатой в 1933 г. и продолжавшейся до мая 1935 г.: «Было решено [...] прекратить прием в партию новых членов [...] вплоть до 1936 г., причем прием в партию возобновился лишь 1 ноября 1936 г. Далее [...] было решено провести проверку и обмен партийных документов, причем то и другое было закончено лишь к сентябрю 1936 г. Только после этого был открыт прием в партию новых членов и кандидатов. В результате всех этих мероприятий партия добилась того, что она очистила свои ряды от случайных, пассивных, карьеристских и прямо враждебных элементов, отобрав наиболее стойких и преданных людей. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить. Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933–1936 гг. была все же неизбежна, и она дала в основном положительные результаты». Чистка сократила численность партии на 270 тыс. чел.^[559].

В докладе А. А. Жданова об изменениях в уставе партии было подтверждено решение Сталина о практике массовых чисток: «Впредь нужно отказаться от массовых чисток партии [...] – метод введен в начале нэпа, чтобы защитить партию от капиталистических элементов». Сейчас этот метод потерял почву и не позволяет соблюдать индивидуальный подход, а по отношению к враждебным элементам неэффективен, так как оказался направлен своим острием против «пассивных членов партии» и приводил к исключению честных коммунистов^[560].

Новый руководитель НКВД Л. П. Берия в своем докладе повествовал о вреде, нанесенном врагами народа, но при этом сделал и другой акцент: «Но было бы ошибочно имевшие место в ряде звеньев нашего народного хозяйства прорывы объяснять только подрывной работой врагов. В известной мере эти прорывы следует отнести за счет плохой, неумелой работы ряда наших советских, хозяйственных руководителей, которые все еще недостаточно усвоили стиль большевистского руководства [...]»^[561].

В газетных номерах по-прежнему популярно слово «реабилитация». Оно связывается, как это ни парадоксально, с деятельностью новой разновидности «врагов народа» – членов партии. Например, в одной из публикаций это звучит примерно так: «В Свердловской области длительное время орудовали злейшие враги народа. Они вредили не только в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, но и в деле партийного строительства. Они избивали наши партийные кадры». А руководство Свердловского обкома во главе с Валухиным, игнорируя решения январского пленума ЦК, потворствовало этим врагам^[562].

Читатель информируется о наказании наиболее злостных доносчиков, виновных в очернении многих невинных жертв политических репрессий. Например, «клеветник Замараева приговорена судом по ст. 58-10-1 УК к 6 годам лишения свободы»^[563].

В связи с решением публично информировать в газете о реабилитированных, восстановленных в партии и на работе, публикуются краткие информационные сообщения. Например, под заголовком «Реабилитация тов. Пьянкова» сообщается: «16 февраля 1938 г. в газете „Уральский рабочий“ была помещена корреспонденция „При своем мнении“, в которой тов. Пьянков, бывший парторг Косулинского лесопункта, обвинялся в клевете и карьеризме. По сообщению Арамильского райкома, обвинения не подтвердились»^[564]. Мы нашли 14 таких информационных сообщений в «Уральском рабочем» за 1939 г.

Анализ подшивки газеты «Тагильский рабочий» показывает нам практически те же результаты. Заголовки материалов этого печатного органа в конце 1938 г. сменили свою тональность: «Январский пленум ЦК ВКП (б) и V пленум ЦК ВЛКСМ о перегибах в борьбе с врагами народа»; «Борьба с клеветниками»; «Уметь отличать друга от врага»; «Реабилитация».

В публикациях «Тагильского рабочего» названы фамилии 16 жертв, но наряду с ними фигурировало девять фамилий «клеветников», появился ранее почти невозможный материал о реабилитации (первый и единственный раз он встретился в июльском номере за 1938 г.)^[565]. Особенно активными доносчиками газета признала секретаря парторганизации завода Куйбышева Морозова и начальника отдела кадров Коксохимстроя Чередова. С подачи первого из них обвинили во вредительских намерениях более 20 чел., второго — 26 чел. Оба доносчика были изгнаны из партии и уволены с работы. Более того, Чередову дали два года тюрьмы^[566].

До середины 1938 г. «восстановить свое доброе имя» было совсем не просто. Например, из апелляций по восстановлению в партии, рассмотренных в бюро Свердловского обкома в 1937 г., была удовлетворена лишь каждая третья^[567].

Как мы отмечали ранее, Сталин уже на январском пленуме ЦК ВКП (б) попытался создать видимость восстановления законности. Такие же установки прозвучали на V Пленуме ЦК ВЛКСМ, состоявшемся в марте 1938 г. Передовая «Тагильского рабочего»

от 4 февраля носила название «Уметь отличать друга от врага», а передовица номера за 9 февраля — «Беспощадно разоблачать карьеристов и перестраховщиков». Реабилитация в 1938 г. была только пропагандистским маневром, призванным постепенно остановить вакханалию «ежовщины». Массовые операции по осуждению и ликвидации людей прекратились только в ноябре 1938 г., а 17 декабря 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о недопустимости нарушений в следствии по контрреволюционным делам. В следующем 1939 г. в Свердловской области органами госбезопасности было арестовано уже только 392 чел.^[568].

В соответствии с законами деятельности репрессивной машины, с наступлением нового этапа в политике партии нужно было убирать старых, дискредитировавших себя исполнителей. Ежов стал той необходимой жертвой, на которую впоследствии можно было возложить ответственность за крайности «Большого террора».

Наступило время иных, более скрытых действий, бразды правления в НКВД перешли к Берии. Он стал практиковать закрытые индивидуальные процессы, создал видимость восстановления законности путем реабилитации жертв грубо сфальсифицированных дел. Теперь репрессии сводились к ударам по немногим ключевым фигурам. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы сохранить контроль над страной на рубеже 1930–1940-х гг. Пропаганда помогла в этом карательным ведомствам. Вот типичные заголовки «Тагильского рабочего» за 1939 г.: «Реабилитация»; «Чутко и бережно относиться к члену партии»; «Разоблачение клеветников». Однако в этом же году был снят председатель горсовета Семенов, продолжалась уже менее масштабная чистка на предприятиях.

В 1939 г. Берия под видом восстановления законности прочистил «ежовские» кадры НКВД. В результате наказали наиболее одиозных карателей, типа начальника УНКВД Свердловской области Дмитриева. При этом осуждались многие факты нарушения «законности». Вот лишь некоторые из них, содержащиеся

в выписке из протокола судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Уральского округа: «Подсудимый Чернышев пояснил: «Когда в Нижний Тагил приехал Пикерман, с которым я работал в Перми, он мне поручил собрать факты извращения следствия в Нижнетагильском горотделении, якобы необходимые для освещения вражеской деятельности Дмитриева, Боярского и других. Собирая эти данные, я узнал от следователей, что техник завода №63 Сморыго был ошибочно арестован вместо отца, и Глинкин заявил, что Сморыго освободить нельзя, так как он может рассказать о методах ведения следствия». Свидетель П. П. Князев показал: «Я с 1934 по 1938 г. работал в Нижнетагильском горотделении, последнее время был в подчинении у Глинкина. В период массовых операций по инобазе я работал у Чернышева. Мною окончен по кулацкой операции с соблюдением УПК ряд дел, а затем до 300 дел провокационным следствием, в основном осуждены только финны [...]. Я, как и все остальные, добиваясь подписи протоколов, считал, что это необходимо для Советской власти. Арестованные татары были, как якобы связаны с японской разведкой. Конкретные указания, как вести следствие, Чернышев получил у Титова, и когда он нам об этом рассказал, то мы заявления от арестованных с их признанием в шпионаже брали легко. Многие арестованные были малограмотные, а татары, например, даже не знали русского языка и расписывались на татарском языке [...]. Арестовывались люди без санкции прокурора. Брали санкцию тогда, когда дело было уже оформлено и арестованные этапированы в УНКВД. В отношении некоторых арестованных компрометирующих материалов не было. В таких случаях, когда арестованный был уже расстрелян, а протоколы допроса им не подписаны, составлялся акт о том, что он от подписи отказался» [...]]^[569].

Дело о контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей в Тагильском районе, было признано фальсифицированным. В справке, составленной для председателя Военного трибунала войск НКВД Уральского округа 17 декабря 1939 г., по этому поводу говорилось, что контрреволюцион-

ная организация была искусственно создана работниками НКВД путем провокационных методов следствия по обвинению Булгакова. В справке констатировалось: «В списке, написанном Булгаковым, якобы найденном у него при обыске, числится 2094 чел., как участники контрреволюционной повстанческой организации, из указанного списка было арестовано 570 чел., из них осуждено к ВМН 211 чел., осуждены на разные сроки 162 чел., нет решений на 96 чел. и прекращено за недоказанность состава преступления 314 чел. Не значится арестованных 1505 чел. [...]»^[570]. За фальсификацию дел работники НКВД: Н. Я. Боярский – осужден на 25 лет ИТЛ, И. С. Глинкин – приговорен к расстрелу вместе с В. В. Котковым в 1939 г.^[571]

В материалах по «вопросу провокационных методов ведения следствия в период массовых операций» 1937–1938 гг. говорилось о том, что с назначением Боярского на должность начальника Третьего отделения УНКВД по Свердловской области были введены незаконные методы ведения контрреволюционных дел. Боярский признался в совершенных им подлогах при составлении списков контрреволюционного элемента в Кудымкаре и Нижнем Тагиле. На следствии он объяснил это так: «Потому, что путем этого подлога я имел возможность рапортовать о хороших успехах в следственной работе. Путем обмана советской власти, репрессий в ряде случаев ни в чем невинных людей, я хотел нажить себе авторитет [...]. Точно назвать количество дел и лиц, привлеченных к ответственности по этим делам, которые были созданы путем провокационных методов ведения следствия, я не могу. Из числа арестованных кулаков, так называемых трудпоселенцев и лиц инонациональностей в количестве 24 тыс. чел., путем провокационных методов ведения следствия, были созданы в действительности не существовавшие шпионские, диверсионные и другие контрреволюционные формирования. Сейчас трудно сказать, какое количество лиц из этого числа было в действительности причастно к контрреволюционной работе, так как в процессе следствия ко всем арестованным применялись одни и те же провокационные методы»^[572].

В следственных материалах по Уральскому повстанческому штабу были названы инициаторы-фальсификаторы этого дела: «Создавались липовые дела с громким названием и крупным масштабом. Таким делом является так называемый Уральский повстанческий центр. Это дело создано бывшим начальником УНКВД Дмитриевым, его помощником Дашевским и бывшим начальником Третьего отдела Боярским [...]»^[573].

Согласно заданию Дмитриева работал начальник ГО НКВД Нижнего Тагила В. В. Котков. Примеры его деятельности освещены в показаниях обвиняемых и свидетелей. Бывший оперуполномоченный Нижнетагильского ГО НКВД на допросе показал: «Котковым начальнику отделения [...] сразу же было предложено, кроме того знаю, что звонили из Управления по телефону [...] составить списки на меньшевиков, эсеров и анархистов, а также сионистов, после чего на всех выявленных лиц, примыкавших к политпартиям, были составлены списки и направлены в УНКВД. В ответ на это последовало распоряжение произвести немедленно их арест, что и было проделано, арестовано было около 100 чел. [...]»^[574]. Другой обвиняемый рассказывал: «Когда я был еще в Тагиле, то начальник ГО Котков, приехав из Свердловска с совещания, мне и Глинкину сказал, что имеет задание арестовать 500 чел. Приказал нам подготовить людей. Мы пересмотрели все имеющиеся дела и набрали, кажется, 150–200 лиц, на которых у нас имелись материалы об их контрреволюционной деятельности. Котков нас отругал, говоря: «У нас в районе 20 тыс. кулаков, а вы не знаете, где взять людей» – посадил нас в машины и повез на УВЗ в райкомендатуру, где, взяв учетные карточки, дал нам установку, кого выбирать: кулаков из районов, смежных с западной границей, донских и кубанских кулаков. Выбрали мы на этот раз карточек до 1 тыс. Дальше Котков дал приказание написать постановление на арест и периодически, проводя аресты по 100–200 чел., людей арестовали. Всего, таким образом, было в Тагиле арестовано кулаков, кажется, около 2 тыс., если не более [...]. Арестованных передавали для ведения следствия бригаде [...], а они делали из них участ-

ников контрреволюционных организаций и шпионов (безусловно, среди этого контингента были и действительные враги) [...]» [575].

НКВД в этой вакханалии беззакония пытался как-то замаскировать свои действия. Так, в личных карточках арестованных на УВЗ мы видим разные записи: «отзыв по запросу НКВД», «арест», «уволен по ст. 47Д КЗОТ» (увольнение по причине ареста). Однако знакомство с судьбами людей, уволенных с завода по этим трем причинам, позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство из них репрессированы по политическим мотивам. Приведем несколько примеров. Старший счетовод ЖКО УВЗ М. Е. Андрощук был уволен 16 мая 1937 г. по ст. 47Д, расстрелян 15 октября 1937 г., 16 января 1989 г. реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР. Слесаря вагоноборочного цеха УВЗ А. М. Бера 31 декабря 1937 г. уволили по формуле: «отозван органами НКВД», 8 октября 1938 г. расстреляли, 18 марта 1960 г. реабилитировали. А. В. Васильеву, обмотчицу электромонтажного цеха УВЗ, уволили «по причине ареста», 7 февраля 1938 г. расстреляли, 1 сентября 1989 г. реабилитировали.

Результаты проведенной тотальной чистки партии и народа оказались неоднозначны. С одной стороны, Сталин стал безоговорочным диктатором огромной страны и создал «карманную» партию. Теперь достаточно было одного окрика вождя, чтобы страна поворачивалась направо-налево. Однако понесенные страной потери резко сузили возможности самого Сталина. За годы чрезвычайных мер в деревне (1933–1934) серьезно пострадали низовые советские руководители.

Как уже упоминалось, в Свердловской области за полтора года сменилось 63,5% председателей райисполкомов, 54,3% председателей сельсоветов, 57,1% секретарей^[576].

К еще большим потерям привел 1937 г. Областные руководящие органы обновлялись на Урале в 1937–1939 гг. по несколько раз, то же было и в Уральском военном округе (за полтора года арестовано трое командующих), менялись трижды и начальники

областных отделений НКВД. На промышленных предприятиях были арестованы почти все директора и многие ИТР до мастеров включительно. Как отмечал Н. Н. Попов, «это привело к нарушению преемственности руководства, падению производительности труда, росту аварийности»^[577]. Привычное объяснение всего этого происками оппортунистов, врагов и вредителей не имело отношения к подлинной реальности и не помогло изменить ситуацию к лучшему. М. А. Фельдман, например, сделал следующие выводы: «К 1938 г. уральские организации ВКП (б) пришли обезглавленными и обескровленными. Их численность с 214 750 чел. на 1 января 1933 г. сократилась до 72 500 чел. [...] Снизилась рабочая прослойка. К 1938 г. только 25% вместо 41,6% на 1 января 1933 г., был уничтожен практически весь партийный аппарат, сформировавшийся в 1920–1930-е гг.». Потери коммунистов Урала были более тяжелыми, чем по стране в целом, что стало «одной из главных причин того спада в экономике Урала, который пришелся на 1937–1938 гг.»^[578].

Командный состав и специалисты на производстве боялись доносов рабочих, рабочие боялись доносов секретарей парткомов и комитетов ВЛКСМ, те, в свою очередь, боялись НКВД. Поднятые на щит стахановцы, зачастую демагоги, ради которых нарушался технологический процесс, пытались командовать опытными инженерами. В результате в промышленности воцарилась анархия, планы систематически не выполнялись, падало качество продукции. А между тем началась Вторая мировая война, Красная армия опозорилась на весь мир в ходе войны с Финляндией, промышленность не справлялась с оборонными заказами. Понятно, что в таких условиях репрессии нужно было остановить, восстановить определенное доверие к кадрам ИТР, повысить технологическую грамотность «выдвиженцев» и уделить внимание системе профессионального обучения молодежи. Все это понимал Сталин и попытался исправить положение в 1939–1941 гг.

Тем не менее, главным и испытанным средством решения всех проблем оставалось насилие и добровольно-принудительная система организации труда, к которой в полной мере прибегали в 1940–1941 гг. В годы Великой Отечественной войны и после нее «восстановитель законности» Л. П. Берия показывал свои инквизиторские способности, переселяя целые народы, репрессировав направо и налево людей, попавших в мясорубку тяжелой войны.

Репрессии не могли помочь подлинному решению проблем, стоявших перед народом огромной страны. Они были вызваны отсутствием жизненной основы для нормального функционирования утопически спроектированного коммунистического хозяйства, и потребность в них была постоянной. Почти все интересы человека оказались враждебными реалиям социализма, и потому у любого начинания Сталина появлялись все новые и новые враги. Коллективизации противостояли «кулаки», «подкулачники», «агенты и пособники кулака», «зажиточные», «оппортунисты» и «правые». На пути индустриализации стояли «спецы», «шахтинские заговорщики», «члены Промпартии», «правые и левые оппортунисты» и «примиренцы», «вредители». Культурная революция была связана с борьбой против «попов», «церковников», «сектантов», «обывателей». Проведению новой генеральной линии партии мешали все категории врагов. Постоянно враждебны советской власти были все «бывшие» и «лишенцы» (кулаки, нэпманы, бывшие дворяне, белогвардейцы, торговцы, жандармы, попы и т. п.). При попытке поднять производительность труда советская власть столкнулась с врагами стахановцев и ударников – «прогульщиками», «недисциплинированными рабочими». В борьбе за качество мешали «лжеударники», в борьбе за экономию – «рвачи», «воры», «хулиганы», «пассивные». После утверждения генеральной линии партии враги затаились и стали «перерожденцами-двурушниками».

Никому не гарантировалась безопасность, и власть была готова в любой момент «сорвать маску „рабочих“ и „крестьян“ с антисоветских элементов». К началу 1930-х гг. существовала

обширная категория «классово-чуждого и антисоветского элемента», которая находилась под наблюдением ОГПУ, а затем НКВД. К «чужакам» относились и «бывшие оппозиционеры», «ненадежные», «неустойчивые» и «примазавшиеся».

В период Большого террора обозначения врагов народа стали еще более жестокими, с элементами национализма – «диверсанты», «фашисты», «террористы», «немецко-японские шпионы», «националисты», «рыковско-бухаринские бандиты», «члены антисоветских повстанческих организаций». Иногда все эти термины объединялись в единое целое. Так, например, членов подпольного Уральского повстанческого центра называли участниками «контрреволюционной, офицерско-фашистской, диверсионно-повстанческой, террористической организации».

Столь разветвленная терминология к концу 1930-х гг. проникла в сознание всех граждан СССР и никого из них не оставила в спокойном расположении духа. Никто не считал себя безгрешным и в одночасье мог превратиться во врага. Тотальное «промывание мозгов» превратило страну в единый управляемый вождем механизм.

Достаточно сложным для исследователя является вопрос объективной оценки численности, организованности, намерений и опасности для советской власти «врагов народа». Анализируя материал личных дел арестованных, сводок ОГПУ и аналитических справок НКВД, мы сталкиваемся с лавиной подлогов, подтасовок, фальсификаций. Наименее подвержены дезинформации сводки ОГПУ рубежа 1920–1930-х гг., в которых секретные осведомители дословно фиксировали антисоветские высказывания крестьян, рабочих, обывателей. Однако в период Большого террора объективность материалов карательных ведомств оставляет желать лучшего, ибо все антисоветские заговоры возникали преимущественно в уме Сталина и ретивых исполнителей в центре и на местах. В 1937–1938 гг. задача НКВД состояла не в скрупулезной работе по выявлению подлинных врагов, а в организации кампании массового запугивания целого народа.

Чекисты сами признавали позднее, что «правдоподобность показаний арестованных не проверялась». Один из них, бывший следователь Нижнетагильского ГО НКВД, свидетельствовал: «По отношению лиц, на которых мною были проведены следственные дела провокационным методом, являлись эсерами, в то же время кулаками, белогвардейцами или карателями. Вызывало некоторое подозрение, что среди них есть некоторая организованная деятельность, так как, например, в с. Висимо-Уткинске действительно, я лично знаю, была нелегальная оружейная мастерская у мельника Телепнева, в которой было обнаружено в ремонте пять штук револьверов; в с. Кайгородке со стороны Романовых проявлялись попытки к террору местного актива; в дер. Дубасовой Бредовского сельсовета поджог трактора белогвардейцем, эсером Бастраковым, в 1918 г. награжденным крестом лично Колчаком. Все это было. Но при следствии рассматривались не в таком направлении, чтобы подлинно расследовать, принадлежал ли тот или иной факт преступления одному или двум арестованным или организации, а всему этому придавалась организованная окраска. Вот в чем суть провокации»^[579].

В. Лебедев, публикуя в журнале «Источник» в рубрике «Антибольшевистское подполье» документы о деятельности на Урале и в Сибири Российского общевоинского союза, убежден, что такая организация действительно существовала и представляла серьезную угрозу советской власти. Однако, помня талантливую фальсификацию ОГПУ середины 1920-х гг. под названием «Операция Трест» и учитывая реабилитацию многих руководителей РОВС, разоблачение фальшивки Дмитриева (начальника УНКВД Свердловской области в 1937–1938 гг.) по Уральскому повстанческому центру в 1950-х гг., можно усомниться в реальности антисоветского подполья. Сталин, как и Гитлер, сумел почти полностью устранить организованную оппозицию в стране.

Хозяйство Урала испытало жестокий стресс, лишившись более чем наполовину своих организаторов и технических руководителей. Перед началом Великой Отечественной войны здесь,

как и в некоторых других регионах страны, сложилось катастрофическое положение с кадрами профессионалов, дисциплиной и производительностью труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Многие репрессированные, избежавшие расстрела, попадали в концлагеря и продолжали использоваться в народном хозяйстве. На территории Нижнетагильского региона в начале 1930-х гг. было построено около 200 спецпоселков, а в конце этого десятилетия создавались лагерные системы Севураллага, Ивдельлага. В них разместились десятки тысяч репрессированных. Оценивая численность репрессированных в масштабах Свердловской области, нужно учитывать разные их категории. Во-первых, на 1 июля 1938 г. в области насчитывалось 171 899 спецпереселенцев. Во-вторых, в результате партийных чисток в области с 1931 по 1938 гг. из партии было исключено 41095 чел. В 1936–1939 гг. в области арестовали по ст. 58 – 48560 чел.

К сожалению, сегодня еще нет возможности полного подсчета жертв репрессий по контрреволюционным делам в исследуемом нами регионе. Динамика этого вида репрессий в период 1929–1940 гг. прослежена на материале г. Нижнего Тагила.

**ПРИЛОЖЕНИЕ. КОМПЛЕКСНЫЙ КЛАССИФИКАТОР
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПО МАТЕРИАЛАМ
ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»***

(Сочетание символического и структурного видов
контент-анализа)

Категории анализа	Количество единиц анализа			
	1928	1929	1930	1931
1. Международная политика	–	–	68	65
2. Оппозиция и уклоны в партии	77	185	284	22
3. Антирелигиозная пропаганда	39	19	46	3
4. Кулачество	81	99	125	26
5. Коллективизация	29	5	50	27
6. «Бывшие» и специалисты	35	51	60	12
7. Новая культура	11	2	6	11
8. Хлебозаготовки	117	19	2	19
9. Займы	42	0	6	6
10. Налоги	45	7	12	4
11. Торговля	18	7	4	4
12. Кооперация	9	3	9	5
13. Военизация	13	3	7	7
14. Печать	49	16	43	10
15. Репрессии	99	39	90	30
16. Классовая бдительность	2	1	29	7
17. Школа и молодежь	7	10	12	8

1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
60	55	125	124	30	75	95	100
21	131	19	25	38	42	0	1
3	3	1	0	0	6	7	3
11	22	4	4	0	0	0	2
41	92	50	48	2	13	23	39
2	6	5	3	1	0	2	8
23	13	69	50	5	7	17	16
153	201	173	73	1	9	15	23
6	6	10	2	2	6	9	2
5	1	4	2	0	2	0	2
13	4	12	11	0	2	2	3
5	1	2	1	0	1	0	0
15	9	12	18	6	4	16	22
21	11	15	23	3	9	7	3
46	37	46	17	20	89	35	5
4	10	13	5	19	39	13	2
30	14	19	33	14	23	19	21

Категории анализа	Количество единиц анализа			
	1928	1929	1930	1931
18. Стратегия и тактика партии	67	10	28	30
19. Советское строительство	3	8	19	3
20. Вопросы производства	13	1	51	78
21. Патриотизм, герои				
22. Карательные органы				
23. Реабилитация				
24. Конституция, право				
25. Отношение к Сталину				
26. Наука				
27. Национальная политика				
28. Перепись				
29. Принудительный труд			10	
Итого:	1928	1929	1930	1931
	/	/	/	/
	756	485	1001	387
Тема репрессий:	2/	4/	3/	3/
место/ %	13	8	9	7,75
В целом репрессивная тематика (категории 2, 4, 6, 15, 16).	294	375	588	97
Кол-во единиц/ %	/	/	/	/
	38,9	77,3	58,7	25

1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
68	56	133	138	27	93	111	81
3	2	30	30	2	21	49	51
128	137	123	151	62	36	59	101
			36	6	35	14	22
			2	0	21	7	1
			3	2	1	64	26
			7	42	20	20	4
			7	6	8	2	7
				5	3	1	2
				1	1	1	0
						6	10
1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
/	/	/	/	/	/	/	/
658	811	865	813	294	566	594	557
5/ 7	7/ 4,6	7/ 5,3	13/ 2,1	6/ 6,8	2/ 15,7	6/ 5,9	15/ 0,9
84	61	87	54	61	170	48	18
/	/	/	/	/	/	/	/
12,7	7,5	10	6,6	20,7	30	8	3,2

* Подсчет единиц высказываний по выделенным нами категориям показывает, что тема репрессий занимает «почетное» место в публикациях «Уральского рабочего». Пиковыми значениями отличаются период 1928–1931 гг. и 1937 г., в процентном отношении – 1928 и 1937 гг. Тесно сопрягаются с темой репрессий категории 2, 4, 6, 16. С учетом этих категорий место и процентное соотношение репрессивной тематики с другими категориями и общим числом единиц высказываний выглядит несколько иначе. Тем более, что репрессивную тематику можно обнаружить и внутри всех остальных категорий анализа, особенно связанных с насильственными хлебозаготовками в условиях голода. Количество анализируемых категорий постепенно увеличилось: с 20 до 29. Все они связаны с содержанием газет.

5.4. «ВРЕМЯ-ТАТЬ»: ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1930-Е ГГ. (С. И. БЫКОВА)

Изучение представлений о времени, в котором жили и действовали люди, имеет принципиальное значение в исследовании исторической реальности 1930-х гг., поскольку власть использовала миф о «темном прошлом» и «светлом будущем» как важнейший фактор мобилизации советского народа, как главный аргумент в оправдании возникавших трудностей и неизбежности применения радикальных мер в политической практике. Исторические источники позволяют утверждать, что современники участвовали в создании мифа, главными элементами которого являлись противопоставление настоящего прошлому и устремленность в будущее.

События 1917 г. и принятие новой Конституции СССР в 1936 г. воспринимались многими как начало новой эры в мировой истории. Образ советского государства, олицетворявшего надежды человечества, тиражировался в официальных издани-

ях, многотиражках и стенгазетах. Например, в стенгазете Невьянского механического завода 1936 г. указывалось, что «Октябрьская революция расколола весь мир на две противоположные системы – строящегося социализма и гибнущего капитализма», Советский Союз назывался «первым очагом социализма в океане империалистических стран»^[580]. Авторы брошюры «Плоды освобожденного труда. Что дала советская власть рабочим?», распространявшейся в Свердловской области в 1938 г., называли СССР «страной побед социализма», «страной счастливых», которая «стоит нерушимо, как утес, среди империалистического разбоя и бушующей капиталистической стихии»^[581].

Убежденность в том, что СССР является передовым государством, в котором реализованы самые высокие идеалы справедливости, гуманности и прогресса, сохранялась даже при непосредственных контактах с «миром прошлого» – при знакомстве с капиталистическими странами. Советскому человеку многое в этом мире было непонятно, вызвало неприятие и протест. В частности, интересны и очень показательны наблюдения уральцев – ударников труда, побывавших в 1931 г. в заграничном путешествии на теплоходе «Украина». Рабочие и мастера ВИЗа, Магнитки, УЗТМ, Златоустовского завода, шахт и рудников Урала описывали очень эмоционально увиденное в Германии, Великобритании, Италии. Такие явления, как безработица, проституция, эксплуатация, вызывали у них отрицательное отношение: «Мы кипели от ненависти и гнева... Мы поняли: для немецких рабочих выход один – в революции [...]». После пребывания в Лондоне впечатления у всех были одинаковые: «Так больше продолжаться не может [...] Английские товарищи рано или поздно под руководством Коминтерна и Коммунистической партии Англии до революции все равно дойдут»^[582].

Исторические преобразования в 1930-е гг. были связаны в сознании многих уральцев с активным строительством индустриальных гигантов, изменявших облик старых городов и образ жизни людей. В Уральском регионе интенсивность индустриального развития была чрезвычайно высока, поэтому некоторые

города изменялись до неузнаваемости на глазах представителей одного поколения. Очень выразительно о родном городе писали в 1934 г. кадровые рабочие металлургического завода Г. Шафигуллин, М. Данилов и И. Новоселов американским рабочим: «На месте *старого Надеждинска*, грязного городишки заводчицы Надежды Половцовой, растет *социалистический индустриальный Кабаковск* – город социалистической стали»^[583]. Особенно поражали воображение современников новостройки. Очень часто жители уральских городов и заводских поселков вспоминали, что на месте крупнейших предприятий, ставших символами советской индустрии, – Уралмаша, УВЗ, Магнитки, ЧТЗ – совсем недавно «была угрюмая тайга», «находилось болото» или «шумел глухой сосновый лес».

Темпы строительства новых предприятий, освоения новых пространств и новых технологий вызывали гордость даже у тех, кто отбывал сроки наказания в исправительно-трудовых учреждениях ГУЛАГа. Так, главный инженер Половинкинского шахтоуправления И. Ф. Сидоркин, в 1934 г. по решению Коллегии ОГПУ отправленный в Сибирь, выражал в письме свое восхищение «перестройкой страны из отстающей в передовую с развитой индустрией, первоклассной техникой» – за «удивительно короткие сроки»^[584]. Желание преобразовать мир было настолько сильным, что у людей возникало ощущение неограниченных возможностей. Директор Уралмаша Л. С. Владимиров, как и многие, с оптимизмом заявлял: «[...] достигнутое сегодня, завтра становится неприемлемым»^[585]. Однако жители уральских городов, ставших в годы первых пятилеток эпицентром индустриального строительства, выразили свое отношение новой пословицей, авторы которой отмечали порочность гонки за рекордами: «Темпы без качества – такое же рвачество»^[586].

Советское правительство акцентировало внимание на принципе научной организации экономики, противопоставляя социалистическое планирование стихийности капиталистического рынка. Один из исследователей сталинизма П. Грегори считает, что планы представляли собой символические ритуалы, поддер-

живавшие легитимность системы, как и парады на Красной площади. Планы, по его мнению, имели сакральный статус – они были по определению совершенны, поскольку предположительно составлялись вождем, невыполнение плана могло произойти только по вине исполнителей и их наказание приобретало символическое значение^[587].

Наказание было обязательным и для тех, кто критиковал планы, методы их реализации, понимал невозможность выполнения плановых показателей. Согласно данным ОГПУ, в выступлении одного из рабочих Миасского завода в 1930 г. прозвучали такие слова: «Раньше нам попы обещали царствие небесное да рай земной, а теперь убаюкивают пятилеткой». Рабочий отметил, что результатов пятилетки ждать долго, а работать требуют сейчас^[588]. Столяр П. М. Башкирцев (житель заводского поселка Новая Ляля на северном Урале) был арестован в 1933 г. за анекдот: «В сельской школе учительница спрашивает учеников: „Когда закончится вторая пятилетка, что у нас будет?“ Один из учеников дал правильный ответ: „Социализм“. Второй ученик: „У нас останутся три вещи“. Учительница удивленно спросила: „Какие?“ Ученик ответил: „От цветов – букет, от Ленина – портрет и от мужика – один скелет“»^[589].

На Урале в ответ на активно используемое пропагандой выражение «генеральная линия партии» появилась поговорка: «Линия-то была, да работы не было»^[590]. А. Водков, артист театра музыкальной комедии (г. Свердловск), был арестован за высказывание, отражавшее отношение обычных людей к политическим дискуссиям между «правыми», «левыми» и ЦК ВКП (б): «Левые лицом к городу, правые – лицом к деревне, а линия партии – ни к селу, ни к городу»^[591]. Лаконичная фраза очень точно характеризовала позиции оппонентов: «левых» во главе со Л. Троцким, ориентировавшихся на приоритетное развитие индустрии и выступавших против бюрократизации партии; Н. Бухарина и его «правых» сторонников, стремившихся сохранить крестьянское хозяйство и осуществить гармоничное развитие отраслей экономики в интересах всего населения, и И. Сталина,

олицетворявшего «линию» коммунистической партии и отражавшего только государственные интересы. При обсуждении очередных властных инициатив в 1934 г. один из студентов Уральского горного института утверждал: «Все, что не пишется партией и советской властью, остается лишь на бумаге, никогда не выполняется»^[592]. В стране рассказывали анекдоты о несуществующих электростанциях, непостроенных предприятиях^[593].

Тем не менее, многие искренне надеялись, что в результате их усилий будет построено самое справедливое общество. Именно эта вера поддерживала энтузиазм, оправдывала произвол власти, трудности и жертвы. Помимо пропагандируемого властью идеала светлого будущего была создана классификационная решетка категорий, согласно которой люди делились на «своих» и «чужих»; на «культурных» и «некультурных»; на тех, кто имеет право получить паспорт, и тех, кто должен жить без паспорта. Данные и иные классификации принимались и воспроизводились представителями разных социальных групп. Именно это согласие, по мнению Н. Н. Козловой, стало одной из причин успешности советской системы^[594]. Основными категориями социальной стратификации являлись «бывшие» и «новый советский человек». Следует подчеркнуть, что в 1920-е гг. «бывшими» называли дворян, офицеров царской армии, предпринимателей, чиновников, специалистов и членов политических партий Российской империи, но в 1930-е гг. данный термин использовался для характеристики огромного числа людей: после ареста и осуждения он стал дополнением к прежней их должности («бывший инженер», «бывший директор», «бывший председатель исполкома», «бывший народный комиссар» и т. д.).

В ситуации политических репрессий причиной осуждения могли стать и самые невинные свидетельства прошлого – фото в форме императорской армии, снимки городских пейзажей и домашних интерьеров, портреты Николая II и членов его семьи квалифицировались как антисоветская агитация^[595]. Однако с особым вниманием властные инстанции и ОГПУ/НКВД относились к памяти о репрессированных политических лидерах.

После открытых судебных процессов в Москве и регионах принимались решения о переименовании улиц, площадей, предприятий и городов, которые ранее были названы в честь политиков, «не оправдавших доверие партии и советского народа»; в библиотеки, учебные заведения и магазины направляются циркуляры об изъятии книг и портретов руководителей, писателей, ученых, объявленных «врагами народа». Советские граждане должны были не только одобрять на митингах «справедливые приговоры пролетарского суда», но и ликвидировать все, что было связано с именами этих деятелей. Школьники заклеивали или черной краской закрашивали портреты представителей «ленинской гвардии» — тех, «кто вместе с Ильичом» подготовил и осуществил Октябрьскую социалистическую революцию, победил в Гражданской войне. За сохранение портретов репрессированных политиков и их книг могли приговорить к лишению свободы и даже к высшей мере наказания — расстрелу^[596].

Одной из самых активных групп, сопротивлявшихся установлению диктатуры И. Сталина, были бывшие красные партизаны — именно они, сражавшиеся за советскую власть с оружием в руках, чувствовали личную ответственность за настоящее и будущее людей, искренне верили в возможность реализации нового, основанного на справедливости, социального устройства. События 1930-х гг. воспринимались ими как предательство и искажение заветов Ленина. Они активно боролись с существующими недостатками, открыто критиковали ошибки власти, выступали против несправедливости, обмана. Стремясь исправить «искажения», они выступали на собраниях, предлагая способы решения проблем. В результате напряженного осмысления идеала и реальности очень часто возникала иная версия социализма, воспринимавшаяся властью как большая опасность и приводившая к репрессивным мерам в отношении «соавторов»^[597].

Среди молодых людей, только начинавших в 1930-е гг. свой жизненный путь, тоже были такие радикальные критики. Мечтательные, образованные, желавшие творить — они стал-

кивались с множеством трудностей в повседневной жизни и профессиональной деятельности. Знания, умение мыслить и чувство ответственности способствовали формированию объективного отношения к действительности. Удивительно глубокое понимание исторической трагедии страны представлено в листовке «Великий русский народ». Ее автор, молодой рабочий из г. Нижнего Тагила Г. В. Андрющенко, выразил свою боль такими словами: «Измученные – угнетенные – забытые рабы тирана – нового монарха... Вас обманули, вас вызывали на великое народное дело... Вас обманули, завязали вам глаза... Вами строят новые тюрьмы и вами их заполняют. У вас отобрали все права и средства. Вы стали темные, жалкие жертвы революции, которую вы сами сотворили»^[598]. Судьба предыдущих поколений и личный жизненный опыт разрушали оптимизм и веру. Сложное, неоднозначное восприятие действительности сопровождалось постоянным поиском смысла жизни. Неудовлетворенность происходящим не давала покоя – даже активная производственная деятельность и возможность профессиональной самореализации в условиях несвободы и социальной напряженности не приносили радости, не создавали ощущения полноты жизни. Поэтому не случайны признания, часто встречающиеся в дневниках и письмах, квинтэссенцией которых можно считать фразу молодого инженера СУГРЭС В. А. Ефимова: «...Умирать не хочется и жить не лучше»^[599]. Отчаяние являлось основой мировосприятия многих молодых людей – во второй половине 1930-х гг. такие часто подвергались арестам и получали приговор за пессимизм, увлечение поэзией С. Есенина, за собственные стихи. В частности, в стихах А. Яковлева преобладают реквиемы: «Время-татья», выпавшее на долю его поколения не только лишает радости, но и приносит смерть.

Жизнь шутить умеет, баловница.
Только... шутки иногда так злы...
Недописанные дней твоих страницы
Завязала в смертные узлы^[600].

Невозможность смириться с настоящим и отсутствие перспектив изменить его заставляло молодых либо создавать альтернативную систему ценностей, либо – уходить из жизни. Среди прочих позиций привлекают внимание честность и конструктивность морального дистанцирования, осознание наличия в жизни иных ценностей и ориентиров, более важных для людей. Документы свидетельствуют, что молодежь пыталась противостоять тотальному влиянию идеологии и официальным нормам поведения, ориентируясь на традиционные ценности – любовь, заботу о родных и близких.

Многие все-таки надеялись на лучшее и старались реализовать идеал нового советского человека. Одним из вариантов доказательства гражданской ответственности и советского патриотизма являлось «самозакрепление»: комсомольцы и коммунисты, работавшие на новостройках и предприятиях Урала, давали клятву остаться, несмотря на производственные трудности и невыносимость бытовых условий.

В ситуации, когда добросовестно трудившиеся люди не понимали причин дефицита продуктов питания, отсутствия предметов потребления, невыполнения планов, аварий и других негативных явлений, одним из элементарных объяснений возникавших трудностей стало «вредительство». В результате многие граждане с доверием относились к официальной информации, искренне верили в наличие врагов, препятствующих реализации идеала светлого будущего.

По этой причине некоторые «сознательные советские люди» с энтузиазмом помогали власти раскрывать «контрреволюционные и шпионские организации». «Горизонтальный террор» – активное участие людей в преследовании своих современников – является более сложным феноменом, чем государственное наси-

лие. Власть, официально одобряя подозрительность, недоверие, предательство и жестокость, создавала атмосферу оправдания всех аморальных поступков абстрактными идеалами «светлого будущего», «советского патриотизма», «революционной законности» и «политической бдительности»^[601].

Самой интенсивной формой сотрудничества власти и «активных» советских людей в 1930-е гг. были доносы, имевшие разные формы реализации. Власть, получая «сигналы» от граждан, реагировала на сообщения о «врагах народа» по-разному: иногда меры принимались сразу же, а порой за названными в доносе людьми агенты ОГПУ/НКВД наблюдали в течение нескольких лет. Оперативность реагирования определялась многими факторами: политической ситуацией в стране и регионе; заинтересованностью органов власти в развитии и сдерживании террора; индивидуальной позицией чиновника, получившего донос; социально-политическим статусом личности, характеризующейся в доносе как «враг народа».

Власть поддерживала борьбу с «врагами народа» не только через создание специальных институций для выполнения этих функций («Легкая кавалерия»^[602], организации рабочих и сельских корреспондентов, общества содействия милиции, группы содействия прокуратуре), но и оформление «правовых» гарантий безопасности активистов. В частности, деятельность рабкоров и селькоров, которая согласно Постановлению ЦК ВКП (б) от 28.08.1926 рассматривалась как одна из форм общественной жизни, была защищена секретными циркулярами. В специальном документе Верховного суда РСФСР предусматривались самые строгие меры: «...Разглашение должностными лицами имен корреспондентов и равно содержание записок, передаваемых ими для расследования, является наравне с разглашением не подлежащих оглашению данных дознания и следствия или сведений, не принадлежащих оглашению, уголовно наказуемым преступлением; виновные привлекаются к ответственности по 117 ст. УК». Народная молва реагировала на такую ситуацию

мгновенно: появилась пословица «Съел бы волк рабкора, да боится прокурора»^[603].

Деятельность рабкоров воспринималась населением Урала и всей страны далеко не однозначно. В частности, в стихотворении «Рабкоровка», записанном в 1936 г. краеведом В. П. Бирюковым в г. Надеждинске, создан образ девушки, олицетворяющей новую эпоху. Автор с грустью повествует о ее убийстве и выражает чувство ненависти к «врагам»^[604]. Основой данного сюжета могло быть реальное событие, поскольку многие люди негативно оценивали сотрудничество рабкоров с ОГПУ/НКВД. В Свердловской области одним из самых громких политических процессов в 1935 г. был суд над людьми, обвиненными в убийстве участника группы содействия прокуратуре Д. Кедуна и рабкора Г. Быкова^[605]. Редакции газет, получившие корреспонденцию, были обязаны направлять эти материалы в органы ОГПУ/НКВД «для принятия мер», т. е. для расследования. Как правило, заметки и статьи в газетах, подписанные авторскими псевдонимами (такими как Лезвие, Острый, Красный Орел, Следопыт и др.), становились причиной ареста людей, фамилии которых были названы. О настроениях рабкоров свидетельствуют названия статей: «Рабкоры требуют применить высшую меру наказания», «Рабкор – разоблачитель и организатор борьбы за план и темп»^[606].

Своеобразной демонстрацией политической лояльности и преданности являлось согласие человека на официально-секретное сотрудничество с ОГПУ/НКВД. Можно предположить, что некоторые становились агентами следственных органов под давлением, по принуждению, из превратно понимаемого чувства долга, но удивляет – при знакомстве с документами – пунктуальность и «добросовестность» исполнения этой социальной роли. Агентурные данные, которые в соответствующие инстанции предоставляли «источники» под псевдонимами (Герман, БУР, Нагорный, Тобол и др.), были чрезвычайно информативны и содержали подробнейшие сведения не только о политических настроениях, но и о личной жизни, привычках и даже литера-

турных пристрастиях наблюдаемых^[607]. В неофициальном фольклоре данная ситуация нашла отражение в пословицах о «стукачах» – так в народе называли осведомителей и доносчиков. Эти пословицы отражали осознание современниками не только добровольного, но и принудительного характера сотрудничества с властью. Наиболее распространенными были следующие варианты: «Лучше стучать, чем перестукиваться»; «Лучше один раз стукнуть, чем семь лет перестукиваться»^[608].

Однако источники свидетельствуют, что было очень много добровольных информаторов, не являвшихся агентами следственных органов или членами «разоблачительских» организаций, но считавших своим долгом сообщать о сомнительных фактах или подозрительных людях. Они направляли свои заявления, докладные записки и анонимки во все инстанции – в партбюро и Центральный Комитет ВКП (б), в местные управления и Наркомат внутренних дел, в газеты, в Верховный суд и Прокуратуру СССР. Очень трудно – практически невозможно – понять главные мотивы, побуждавшие человека написать донос. На такой поступок решались люди, убежденные в необходимости ликвидации «чуждых элементов», но иногда это была сознательная дезинформация власти, вызванная желанием получить личную выгоду.

Содержание анонимок, заявлений и докладных записок не позволяет дать однозначного ответа на эти вопросы: авторы использовали принятые в те годы лексемы и пропагандистские клише, ни в коей мере не обозначая истинных намерений. Лишь косвенно можно уловить личную пристрастность, обратив внимание на формальные моменты. В частности, некоторую ясность вносит сокрытие или указание своего имени и адреса; требовательность в проведении расследования и выражение готовности дать более подробные сведения. Иногда настроение авторов ярко демонстрирует сам стиль сообщения, его особая эмоциональность.

Так, в письмах, адресованных в центральные органы, один из жителей Свердловской области заявлял о стремлении всегда

оправдывать «доверие советской власти» и желании «убрать сор, мешающий строительству социализма». Он просил помочь «выдернуть корни капитализма»^[609]. В других корреспонденциях авторы, характеризуя подозреваемых ими людей, использовали такие выражения: «Он враг республики, враг рабочего класса [...]»; «Сомневаюсь, что он большевик...»; «Заверяю, что это чужой человек... для нашего строительства»; «Это далеко не советские люди [...]»^[610].

Очень часто авторы доносов не только проявляли подозрительность к указанным ими лицам, но и выражали возмущение работой органов, задачей которых считались выявление и изоляция «чуждых» людей. Весьма показательным является мнение автора анонимного послания, датированного 1936 г.: «Живущие с ними... удивляются, почему и под чьим руководством такой буржуазный тип находит должности в нашем советском хозяйстве и даже пользуется правами советских граждан»^[611]. Примечателен и тот факт, что наряду с умеренными требованиями («обратить серьезное внимание и расследовать вышеизложенное», «принять меры», «не мешало бы политотделу поинтересоваться им», «проверить белогвардейского офицера, проживающего здесь [...]», «исследовать это дело и привлечь к ответственности»; «рассмотреть и передать, куда следует»; «спросить меня, я подробно все расскажу [...]») некоторые авторы демонстрируют агрессивность по отношению к следственным органам: «я буду дальше писать, если ты не примешь мер против этого злодея»^[612].

Документы свидетельствуют: уверенность в правильности своего поступка сочеталась с чувством исполненного долга. В некоторых доносах авторы подчеркивали, что делают «ответственное заявление»; в других – «по долгу гражданской совести нашли необходимым изложить в настоящем заявлении [...]».

Отзывчивость советских людей на призывы власти «разоблачать врагов» наиболее наглядно подтверждают случаи, когда причиной «тревоги» становились не происхождение, не прошлое и не факты вредительства, а высказывания и анекдоты. Так, ква-

лифицированный рабочий Пермского судоремонтного завода К. И. Меркушев был осужден на 10 лет за то, что в нетрезвом состоянии называл Л. Троцкого «товарищем» и говорил о его значительной роли в революции. Двое свидетелей-коммунистов оценили этот поступок как «троцкистская пропаганда» и обратились в партком. Состоявшееся собрание коммунистов приняло решение: «Обязать партком подобрать весь материал и передать в соответствующие органы»^[613]. Мастер завода им. Молотова П. А. Борчанинов был приговорен к расстрелу за рассказанный анекдот, о котором по совету секретаря парткома сообщил один из коммунистов^[614].

Софья Швед, в 1930-е гг. работавшая инженером на УЗТМ и осужденная как «член семьи изменника Родины», в воспоминаниях характеризовала 1937 г. как время «гигантского спроса на клевету и разоблачения»: «Некоторые разоблачали из искренних побуждений, поддавшись общей мании искания врагов, другие клеветали без зазрения совести из желания выслужиться, освободить для себя хорошую должность или просто насолить соседу [...] Широко задуманная физическая расправа была подготовлена длительной работой по моральному растлению партии и народа»^[615].

Уральцы, как и все советские люди, долгое время без протеста позволяли власти нарушать и ограничивать их гражданские и экономические права (свободу слова и объединений, право на выбор места жительства и др.), равнодушно воспринимали насилие над целыми социальными группами – священнослужителями, дворянством, предпринимателями, «зажиточным» крестьянством, считая террор против них заслуженной карой и наивно полагая, что «честных тружеников», «истинных коммунистов» не ожидает такая участь. Н. С. Ошивалов, работавший тогда в Свердловском горкоме партии, написал в воспоминаниях о феномене привыкания к политическому произволу: «К массовым репрессиям конца 1930-х гг. мы сами себя готовили шаг за шагом [...] Сначала гонения обрушились на бывших белогвардейцев, затем на бывших мень-

шевиков и эсеров, затем наступил черед людей, допускавших какие-либо политические колебания (а таких в период построения нового общества всегда немало [...]). Наконец, наступил черед верных ленинцев. И партия не ужаснулась расправе над ними»^[616].

Огромное значение в формировании чувства вины перед Родиной, партией, трудовым коллективом имели практики самокритики, требовавшие публичного признания человеком имеющихся недостатков и допущенных ошибок. Чувство неуверенности в себе и осознание несоответствия идеалу «нового советского человека» способствовали возникновению подозрений в отношении других людей и – в случае ареста – согласие с обвинителями и самооговору (этим словом называли добровольное или принудительное признание обвинений)^[617].

Самым удивительным аспектом истории следствия и репрессий является обман следователями арестованных и самообман арестованных, основанный на принципиальном противоречии в понимании патриотизма. Следователи прагматично и откровенно цинично использовали искренние чувства преданности Родине оказавшихся в их распоряжении людей. Согласно множеству свидетельств, следователи сначала стремились внушить, что они знают об арестованном только положительные отзывы, однако «интересы государства требуют [...]»^[618]. Например, в тюрьме «Красный камень» (г. Нижний Тагил) следователи заявляли, что аресты – часть особо секретной кампании, проводимой по указанию сверху, аресты активистов и стахановцев нужны для разоблачения настоящих врагов, а признания – «для блага Родины»^[619]. В других тюрьмах следователи обещали, что за добровольные признания, «необходимые советскому государству», арестованные не только будут освобождены, но и получат работу по их желанию в любом районе СССР. По этой причине арестованные не только подписывали протоколы, но учили и даже репетировали речи для выступления на открытом судебном процессе. Однако в большинстве случаев обещания следователей являлись расчетливым обманом – они знали, что суда

не будет, что многие из арестованных уже приговорены к ссылке или расстрелу.

Многие из арестованных соглашались на сотрудничество со следователями, доверяя им как представителям советской власти. Одним из примеров подобного поведения можно считать Сигизмунда Негребецкого, молодого рабочего УЗТМ, стахановца, арестованного в начале 1938 г. Он сообщал в письме своей матери о том, каким образом был осужден на десять лет: «В тюрьме следствия никакого не было. Следователь просил подписать документ о шпионско-диверсионной деятельности, объясняя это тем, что нужно для дипломатических целей, и обещал полную свободу через два месяца. У следователя я был только один раз, где подписал документ, который от меня требовали, тем более от имени государства и Советской Власти, а не доверять Советской Власти у меня нет никаких оснований»^[620].

Другой вариант развития событий представил в своей жалобе А. Т. Чернышев, до ареста работавший молотобойцем на Богословских копях. Отбывая наказание, он обратился в 1939 г. в Президиум Верховного Совета СССР, указывая, что был осужден, хотя никаких преступлений не совершал: «Следователь ставит меня в известность, что материалов на меня никаких нет, и он знает, что я не виновен [...] но нужен материал [...] о якобы совершенных действиях контрреволюционного характера, который Вы должны подписать. Нужно это в дипломатических целях, для изжития иностранных консульств. Если Вы не подпишете, Вы являетесь врагом народа, не хотите помочь нашему правительству [...]»^[621].

К сожалению, не являлась редкостью третья модель отношений «следователь-арестованный». Главный инженер Уралэнерго, член партии большевиков с 1917 г., участник Гражданской войны, ставший талантливым специалистом, поверил следователю, который убедил его в необходимости фабрикации материалов для предъявления английскому правительству данных о шпионской деятельности против Советского Союза. Умный, эрудиро-

ванный коммунист, находившийся ранее в длительной командировке в Великобритании, вместе со следователем в течение нескольких дней составлял протокол допроса о шпионской деятельности. Причем инженер исправлял написанное следователем, чтобы «материал выглядел правдоподобно»^[622].

Игра в патриотизм предназначалась не только для арестованных, но и для самих следователей: в документах встречаются свидетельства, как руководство убеждало их в том, что массовые аресты и «особые» методы ведения следствия осуществляются «в интересах родины», «в интересах советской власти», «в интересах партии и страны». Среди признаний следователей, привлеченных в 1938–1939 гг. к ответственности «за нарушение революционной законности», можно прочесть: «Нас постоянно предупреждали: кто сомневается в правильности проводимой нами работы — тот сам враг и подлежит уничтожению»^[623].

В письме на имя Л. П. Берии, датированном 30 ноября 1938 г., оперуполномоченный УНКВД Свердловской области А. Г. Гайда признал, что он являлся «участником вражеской работы, которая проводилась последние два года»; что все следователи требовали и получали от арестованных показания «для советской власти»^[624]. Данное свидетельство подтвердил 23 марта 1939 г. заместитель начальника УНКВД по Свердловской области Н. Варшавский, привлеченный к ответственности за «активную» работу в период массовых политических репрессий: на допросе он признал незаконность действий следователей, отметив, что они уговаривали арестованных дать показания о принадлежности к иностранным разведкам, поскольку советскому правительству нужны были факты для предъявления претензий иностранным посольствам^[625].

Многие арестованные, несмотря на все методы воздействия со стороны следователей, не признавали обвинений, заявляя, что в контрреволюционные организации не вступали, антисоветскую агитацию не вели, диверсиями, террором и шпионажем не занимались. Как правило, такие люди, не признавая себя виновными, отказывались подписывать протоколы допросов

с ложными показаниями^[626]. Н. Шелегов, журналист «Уральского рабочего», после следствия написал в Верховный суд СССР: «Мне только 34 года... половину своей жизни я работал в комсомоле и партии... я никогда не был и не мог быть участником какой бы то ни было контрреволюционной организации. Я был и остаюсь [...] советским патриотом». В записках родным, которые так и остались в деле, Николай писал, уверяя их в своей невиновности: «Я решил до конца, чего бы мне не стоило, остаться честным и правдивым перед партией и перед собой. Не все поступают так [...]». Такой же позиции придерживался Я. К. Донкушин, диспетчер станции Свердловск: виновным себя не признавал, показания других называл оговором, в последнем слове заявил: «Никогда не был вредителем, всегда работал честно»^[627].

Тем не менее, определяющей была тенденция, о которой сообщала в письме, переданном из тюрьмы родным, директор Свердловского государственного университета З. Ф. Торбакова, вынужденная после долгого противостояния следствию признать «обвинения»: «Так поступает большинство»^[628]. Признание в несовершенных преступлениях против Родины, даже данное под пытками, являлось причиной морального потрясения и мучительных размышлений — именно признание многими воспринималось как преступление и предательство не только себя, но и всех идеалов партии и советского государства. Невыносимые страдания вызывало понимание ответственности за судьбу оговоренных людей: «Я с ужасом стал думать о том, что благодаря моим показаниям многие уже, возможно, находятся под арестом, а некоторые, попав в аналогичное с моим положение, так же станут на путь ложных показаний — тогда все дело будет настолько запутано, что восстановить истину будет уже чрезвычайно трудно»^[629].

Осознав трагизм произошедшего, многие решались на поиски справедливости, обращаясь с письмами и ходатайствами во все инстанции, которые могли повлиять на исход дела. Некоторые авторы акцентировали внимание не на личной трагедии,

а на социальной и государственной значимости проблемы: «На основании Сталинской конституции я обращаюсь к вам с просьбой дать указание о пересмотре моего дела, т. к. в Советском Союзе каждый трудящийся имеет право на свободный труд и защиту своих гражданских прав [...] Наше правительство... не оставит без внимания невинно находящихся в заключение людей»^[630]. Как правило, в таких заявлениях авторы конструировали негативную идентичность следователей и других людей, которых они считали (по тем или иным причинам) виновными в своем аресте.

Безвыходность ситуации, чувство обреченности, физическое истощение и душевные страдания становились причиной многих трагедий. В воспоминаниях очевидцев событий содержатся описания самоубийств, попыток самоубийства, случаев сумасшествия, произошедших в разных тюрьмах и следственных изоляторах (от Москвы до Петропавловска-Камчатского)^[631]. Абсурдность обвинений и жестокость следователей, требовавших «признаний», оказались невыносимыми даже для бывших политкаторжан, имевших опыт заключения в царских тюрьмах.

Следователи и охрана в изоляторах и тюрьмах, охрана и заключенные-уголовники на этапах и в местах заключения по отношению к «врагам народа» использовали нецензурную брань, называли их «гадами», «фашистами». Помимо унижительных вербальных характеристик использовались и другие способы фиксации негативной идентичности арестованных. Как правило, врачи к «фашистам» не заходили. Кроме того, политическим заключенным было запрещено праздновать революционные праздники – почти во всех тюрьмах у них изымались вещи и предметы красного цвета, жестоко наказывалось пение «Интернационала».

Однако, несмотря на запреты и наказания, политические заключенные использовали любой повод для протеста, называли друг друга «товарищами» и «большевиками». Некоторые воспринимали заключение как настоящую «школу большевизма». С. Швед вспоминала, что в тюрьме с особым пафосом декламиро-

вали «Советский паспорт» В. Маяковского: «Может быть, эти стихи поддерживали в нас веру, что мы достойны быть советскими гражданами»^[632].

Подводя итоги, можно лишь с сожалением констатировать, что в 1930-е гг. происходили удивительные метаморфозы с представлениями о патриотизме и гражданском долге. Как правило, до собственного ареста или ареста своих родных и друзей советский человек доверительно относился к фактам «выявления» «врагов народа», воспринимая их через официальные объяснения об обострении классовой борьбы и стремлении «мирового империализма» уничтожить социалистическое государство. Являясь активными участниками происходивших в стране преобразований, большинство советских граждан мечтали о новых достижениях и об улучшении жизни, работая с полной самоотдачей, не жалея сил и времени. Однако в условиях экстраординарных перемен и ускоренного ритма жизни из нравственной системы координат оказались вытесненными многие ценности. Именно по этой причине человек соглашался с мнением власти, не доверяя иногда даже самым близким, а оказавшись в застенках НКВД, мог решиться на сговор со следователем, на самооговор (по сути, на отказ от себя, своего честного имени) «в интересах государства». В большинстве случаев ценой сделки являлись заверения и обещания следователей от имени советской власти, не имевшие никаких реальных юридических оснований, но декларировавшиеся как единственная гарантия для арестованного сохранить «советскую» идентичность. Соглашаясь на подмену, человек верил в честность «игры» и, как только он понимал реальность обмана, пытался отказаться от принятой им негативной идентичности, обращаясь за помощью к государству, имевшему для него статус высшей ценности.

В случае сопротивления предложениям следователей обвиняемые, не принимавшие никакой «оправдательной» идеологии, были обречены на долгий процесс оскорблений, унижений, морального и физического давления. Однако, не признавая никаких сделок с совестью, не допуская возможности лжи, отстаивая

чистоту идеалов, многие сохраняли мужество и стойкость. Именно таким поведением они считали возможным показать советский характер, понимая обреченность своего положения.

5.5. «ИСТОРИЯ ПОКАЖЕТ, ЧТО ОТ ЛУКАВОГО...»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УРАЛЬЦЕВ О МАСШТАБАХ И ПРИЧИНАХ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ (С. И. БЫКОВА)

Массовые репрессии, происходившие в 1930-е гг. на Урале, как и в других регионах СССР, являлись результатом социокультурных и политических изменений после 1917 г., с одной стороны, а с другой — были одним из важнейших факторов, оказывавших влияние на трудовую деятельность и поведение людей, на эволюцию их морали и политических настроений. Современникам событий было очень трудно оценить масштабы, характер и цели террора, но историческая реальность и личный жизненный опыт заставляли человека осмысливать происходившее. Информационные материалы инстанций, занимавшихся изучением настроений населения Урала, документы партийных и профсоюзных организаций, дневники, письма, фольклор того времени и мемуары — представляют широкий спектр мнений о репрессиях. Наблюдая ситуацию в городе и на работе, анализируя официальные сообщения и слухи, каждый человек делал свои выводы. Сравнивая различные источники, можно опровергнуть утверждения некоторых историков о том, что советские люди в 1930-е гг. не знали о репрессиях или имели лишь фрагментарные сведения о них. Во-первых, газеты и радио подробно освещали судебные процессы против «контрреволюционных, диверсионных и шпионских организаций» как в Москве, так и в регионах. Во-вторых, объективно оценивать ситуацию позволяли личные наблюдения и косвенные свидетельства.

Массовый характер кампаний в Свердловске становился очевидным для каждого, кто знал об арестах коллег по работе, соседей, знакомых. Подобные события происходили и в других

городах и заводских поселках Урала. О новой волне арестов люди узнавали по длинным очередям, которые возникали у зданий Управления НКВД по Свердловской области (Ленина, 17) и тюрем^[633]. Родственники арестованных людей узнавали и передавали друг другу также сведения об отправлении из г. Свердловска эшелонов с осужденными. Дочь преподавателя медицинского института Б. В. Пигулевского вспоминала: «О том, что очередной такой эшелон готовится к отправке, становилось известно какими-то неведомыми путями, тем не менее, *каждый раз* слухи подтверждались... В течение каждого месяца нам случалось услышать об отправке трех-четырех эшелонов. На самом деле их, очевидно, было гораздо больше, поскольку эшелон, в котором был отправлен отец, мы все-таки пропустили»^[634].

Самым очевидным свидетельством массового характера репрессий были этапы осужденных, которые под конвоем пешком направлялись в другую тюрьму, на вокзал или в исправительно-трудовые лагеря. Михаил Шангин, арестованный в 17 лет с другими сотрудниками газеты «Сталинский путь», так описывал свой маршрут к месту заключения: «...В Кургане в августе 1937 г. вывели нас, человек 500, через ворота [тюрьмы] и гнали колонной до вокзала»; в Челябинске — «опять пеший строй через весь город»; в Магнитогорске «идем такой же пылью... [уже] *двухтысячная колонна*»^[635].

Даже далеко от областного центра и индустриальных городов уральцы могли видеть сотни и тысячи осужденных, которые двигались по дорогам в любое время года. Б. Тихонов, проживавший в поселке рядом с г. Ивделем, вспоминал об этапировании в 1937 г. «врагов народа» по дороге, ведущей через поселок на Север: «В ноябре по первопутку прогнали мимо нас первые этапы ... [потом] гнали всю зиму, даже в трескучие морозы»^[636]. Варлам Шаламов, описывая свой путь по этапу на Урале, отмечал, что в пермяцких деревнях многие хозяева сдавали свои избы для ночлега, получая с этого определенный доход. Находясь в лагере, он сам был свидетелем многих этапов с севера^[637].

Убедительным доказательством массового характера репрессивных кампаний стали переполненные камеры мест предварительного заключения. Авторы всех прошений, кассационных жалоб и заявлений в различные властные инстанции обязательно отмечали невыносимые условия содержания во время следствия. Инженер криолитового завода В. Н. Цой (г. Полевской), арестованный в 1937 г. как «иностранный шпион», рассказывал о таком эпизоде: сначала их поместили вместе с уголовниками, но арестованных становилось все больше и больше. Чтобы найти для них место, «бытовиков» освободили. В Свердловской тюрьме в общей камере, в которой – по рассказам знатоков – до революции содержалось не больше 60 заключенных, находилось почти 350 чел. Он сообщал, что по этой причине постоянно «были заняты не только нары, но и все пространство под ними»^[638]. Павел Афанасьев, инженер треста «Уралмедьруда», вспоминал: сначала для новичков мест не было даже под нарами^[639]. Софья Швед, инженер УЗТМ, записала, что в стационарной женской тюрьме г. Свердловска новых арестованных разместили в коридорах, поскольку в камерах женщины стояли и сидели на полу: «Одновременно всем сидеть нельзя было». Такой же была ситуация в Свердловской пересыльной тюрьме^[640]. М. Шангин описал положение в Курганской тюрьме, где в камерах, рассчитанных на 20 человек, содержали по две сотни узников, и в Челябинском центре, в котором насчитывалось 15 тыс. заключенных, в камере «на тридцать персон» было 286 чел.^[641] С. Негребецкий, рабочий-стахановец УЗТМ, арестованный в 1938 г. как «польский шпион», в своем заявлении Генеральному прокурору СССР указывал, что в камере, рассчитанной на 29 чел., содержалось 115^[642].

В воспоминаниях очевидцев сохранялись свидетельства о том, что для содержания арестованных открывали «филиалы»: ими становились хозяйственные постройки, находившиеся в тюремных дворах, школьные здания, вокруг которых возводили высокие заборы со сторожевыми вышками по углам^[643]. П. Афанасьев приводит в своих воспоминаниях очень показательный

пример: в Свердловске Управление НКВД находилось в одном здании с Бактериологическим институтом — после того, как большинство научных работников были арестованы, институт закрыли, а его комнаты стали апартаментами НКВД^[644].

По мере усиления репрессий в лексиконе уральцев, как и жителей других регионов, появились новые слова, обозначающие неожиданные аресты. Одной из таких лексических ассоциаций стало выражение «черный ворон» — так называли закрытый грузовик для перевозки арестованных и заключенных^[645]. Студент пединститута Е. Подчивалов, отмечая особую напряженность атмосферы в Свердловске во второй половине 1930-х гг., характеризовал ситуацию такими словами: «Из уст в уста все чаще шепотом, с оглядкой передавалось слово „взяли“. О „черном вороне“ знал и стар, и млад». Фридрих Шолохович, отправленный после ареста отца в Нижне-Исетский детский дом, вспоминал, как одного из воспитанников после того, как он кинул стакан с киселем в портрет Сталина, «увезли в фургоне с надписью „Хлеб“ — так тогда маскировали „воронки“, чтобы у населения не возникало подозрения, что, мол, слишком много в городе тюремных машин»^[646]. Тем не менее, даже через десятилетия из тревожных воспоминаний раннего детства, как отмечает в своих воспоминаниях один из современников, «остался испуг во время колоссального пожара в термическом цехе Уралмашзавода да еще боязнь автофургона, прозванного народом „черный ворон“, во время арестов людей в 1937–1938 гг.»^[647].

Жители Уральского региона, являясь свидетелями происшедших событий, пытались предположить численность арестованных, высланных и расстрелянных. Скрыть трагическую арифметику террора было невозможно, и люди говорили об огромном количестве пострадавших. Так, автор анонимного письма, назвавший себя «Советским служащим», с осуждением утверждал: «...При самой демократической конституции *десятки и сотни тысяч* сидели и еще сидят зря в концлагерях (и многие умерли)»^[648]. Американец Джон Скотт, работавший на Магнитке и наблюдавший «чистки», оценивая ситуацию

в масштабах Советского Союза, отметил, что их последствия были губительны для *нескольких миллионов* советских граждан. Он указал, что «чистки сильно ударили по Магнитогорску в 1937 г.: *тысячи* людей были арестованы, месяцами находились в тюрьме, и, в конце концов, высылались». Несколько раз, подчеркнув, что многие были лишены свободы, Дж. Скотт обратил внимание: даже в 1938 г. «процесс чисток идет здесь в более широком масштабе, чем в столице»^[649].

Весьма показательны свидетельства самих работников НКВД: данные о численности жертв становились известны в связи с привлечением к ответственности «за нарушение революционной законности». Так, один из оперуполномоченных III отдела УНКВД по Свердловской области в письме от 30 ноября 1938 г., адресованном Л. П. Берия, сообщал, что «за последние 2 года здесь были арестованы *десятки тысяч* человек»^[650]. В обвинении, выдвинутом против бывшего начальника УНКВД по Челябинской области П. В. Чистова, указывалось: занимая этот пост с июля 1937 г. по февраль 1938 г., он санкционировал аресты 12 480 чел. Большинство из них были обвинены в «контрреволюционной деятельности, из них 5.980 человек приговорены к расстрелу. Иногда высшая мера наказания применялась к семьям — в полном составе, включая детей»^[651].

М. Шаньгин, вспоминая голодовку заключенных в Челябинском центральном в знак протеста против невыносимых условий содержания в камерах, записал ответ директора этой тюрьмы: «Вашей сволочи... у нас *миллионы*, и на всех тюрем мы пока не построили»^[652]. Предположения об огромном количестве заключенных высказывались и представителями российской эмиграции. Г. Федотов в журнале «Современные записки» (1936) утверждал, что по его подсчетам «в концлагерях томится (или томилось) до *3 млн* человек»^[653].

Современники террора имели достаточно фактов для составления объективной оценки происходившего, но некоторые абстрагировались, многие считали, что им ничего не угрожает. Один из уральских инженеров в поэтической форме выразил

трагедию ареста своего друга и высказал осуждение себе и окружающим:

Ходим мы по одной доске,
Как будто ничего не знаем^[654].

Современники пытались понять, против каких социальных групп направлены репрессии^[655]. Дж. Скотт, являясь почти сторонним наблюдателем, отметил, что в Магнитогорске «чисток не избежала ни одна группа, ни одна организация». Он обратил внимание на то, что за последние три года партийная организация подвергалась репрессиям три раза и, как правило, вслед за арестом первого секретаря горкома арестовывали всех работников аппарата, их жен и детей. Дж. Скотт подчеркнул, что в большинстве случаев жертвами «чисток» являются чиновники всех рангов и инженеры. Он заметил, что «рабочие зачастую даже радуются, когда арестовывают какую-нибудь „важную птицу“ – начальника, которого они по каким-то причинам невзлюбили»^[656].

П. Афанасьев, вспоминая ситуацию в марте-апреле 1937 г. в Свердловске, указал, что в этот период «как из рога изобилия посыпались аресты руководящих работников промышленности, обкома ВКП (б) и ВЛКСМ, руководителей районных и советских органов, профсоюзных организаций, командного состава армии»^[657]. За время пребывания в городской и внутренней тюрьме НКВД г. Свердловска он встретился с главным геологом треста «Уралмедьруда» А. В. Ефремовым, ректором Свердловского горного института П. Я. Ярутиным, членом ОК ВЛКСМ В. Тариком, директором УЗТМ Л. С. Владимировым, секретарем Пермского ГК ВКП (б) С. Высочиненко, секретарем Пермского ГК ВЛКСМ В. Бубновым, начальником ОКСа УНКВД В. В. Каоугалем.

Среди обитателей камер, в которых П. Афанасьев побывал в августе 1937 г. – сентябре 1938 г., находились иностранные и местные рабочие ВИЗа, УВЗ, УЗТМ, инженеры трестов и директора многих заводов. На стенах камер новички находили надписи, которые давали сведения о предшествующих обитате-

лях: об арестованных женщинах; о ветеринарных врачах из г. Красноуфимска, ожидавших смертного приговора; о группе комсомольцев, передавших свои страдания такими словами: «Погибаем от пыток. Палачи Гайда, Мизрах, Парушкин, Варшавский»^[658]. С. Швед, сравнивая ситуацию 1935 г. и 1937 г., отметила, что «в тридцать седьмом ареста ожидали почти все – по крайней мере, все интеллигенты, партийные, хозяйственные, военные работники»^[659]. В документах имеются свидетельства о том, что «среди арестованных было значительное количество кадровых рабочих с большим производственным стажем»^[660].

Г. Чусовитина и С. Швед в воспоминаниях о времени предварительного заключения и отбывании срока наказания в ИТЛ отмечали, что состав пострадавших был чрезвычайно разнообразен: в тюрьмах, на пересылочных пунктах и в лагерях они встречались с женщинами разного возраста, из разных районов Советского Союза и Урала; среди них были сельские и городские жительницы, жены и дочери партийных, советских и военных начальников^[661].

Современниками этих событий осознавалась непредсказуемость судьбы отдельного человека. Террор, являясь фактором повседневности, создавал в стране два мира – иллюзорной свободы и абсолютной несвободы. Границы этих миров были невидимы и подвижны, поскольку каждый человек неожиданно мог оказаться в «другом мире». Дж. Скотт, описывая вакханалию арестов в г. Магнитогорске, отмечал крайнюю беспорядочность действий НКВД: «Арестованные пропадали, иногда неправильно устанавливалась их личность...». Американский рабочий обратил внимание на то, что сотрудники специальных групп, производившие аресты, появлялись в районе, в котором он жил, *каждую* ночь^[662].

Многие уральцы находились в постоянном ожидании арестов. Так, при встрече с П. Афанасьевым в июле 1937 г. директор Северо-Карабашского рудоуправления П. М. Трухин сказал, что *каждый* день ждет ареста. Профессор В. А. Кутейщиков, с которым П. Афанасьев познакомился в тюрьме, признался,

что до ареста хранил дома под кроватью вещмешок с бельем и сухарями, приспособленный для тюремного обихода — не имеющий пуговиц, крючков и кожаных ремешков^[663]. Авторы книжки «Воззвание», обнаруженной во время обыска на квартире у И. Д. Шепеляева — токаря судоремонтного завода им. Дзержинского (г. Пермь) в 1938 г., назвали все проявления произвола власти — аресты, обыски, суды, допросы, пытки, расстрелы, заключение в тюрьме, высылку лишение имущества — террором. Они предупреждали своих современников: «Мы должны ожидать — *каждый* — неизбежно горькой этой участи»^[664]. М. Шангин, подчеркивая массовый характер репрессий, отмечал: «*Никто* не был уверен в своей безопасности»^[665]. Аналогичные мнения и свидетельства встречаются в других источниках, характеризующих ситуацию в стране. В частности, писатель Б. Пильняк — по сообщению агента НКВД — говорил: «В этой стране нет *ни одного* мыслящего взрослого человека, который не задумывался бы о том, что его могут расстрелять»^[666].

Многие из свидетелей и участников событий, пытаясь понять смысл происходившего, не могли найти рационального объяснения и сравнивали репрессии с различными стихийными бедствиями — неожиданными и непреодолимыми. Так, автор одного из стихотворений появление сотрудников НКВД интерпретирует как «*гроза*»^[667]. М. Шангин, анализируя события, современником которых он был, использовал для характеристики атмосферы метафору «*черное время*»: «Аресты шли как *смерч*»^[668]. Вспоминая кампанию арестов в Свердловском педагогическом институте, Е. Подчивалов указал, что первой жертвой стала студентка Гарькавая — жена командующего УрВО. Описывая дальнейшее развитие событий, он также использует метафоры: «Сначала *волна* сметала лишь самых видных „врагов народа“. Но это было *затишье перед бурей*»^[669]. Дж. Скотт, передавая свои впечатления от происходивших репрессий в Магнитогорске, назвал их частью «*обширной бури*», охватившей всю территорию Советского Союза и продолжавшуюся с 1935 по 1938 г.^[670].

В прошениях и жалобах, направляемых арестованными и их родственниками в различные инстанции, выражено удивление и непонимание. Многие воспринимали арест и абсурдные обвинения следователей как «случайное недоразумение», «роковую ошибку», «нелепый эпизод»^[671]. Студент Уральского индустриального института (УИИ) Викторин Ефимов в своих дневниковых записях охарактеризовал аресты товарищей по группе как «неприятный инцидент, причины которого *понять невозможно*»^[672]. Софья Швед, работавшая до ареста инженером УЗТМ, вспоминала встречу в одном из лагерей с иностранкой-заключенной, которая ко всем обращалась с одним и тем же вопросом: «Мы – иностранцы, но ведь вы-то должны знать, как это произошло?». Иностранка, удивлялась, не верила, что и советские люди ничего не понимают. Пытаясь найти ответ у находившихся в заключении коммунистов, они слышали повторяемые как заклинание слова: «Это большая ошибка. Коммунистическая партия разберется в этом». На вопрос «Когда это будет?» звучали ответы, лишаящие всякой надежды: «Не скоро, не ранее, чем через сорок или более лет [...]»^[673].

Происходившим событиям, недоступным пониманию и объяснению, современники давали эмоциональные характеристики, используя такие слова, как «ужас, кошмар», «сон», «мистика»^[674]. Предъявляемые следователями обвинения и сфабрикованные показания свидетелей называли «страшными», «фантастическими», «сказочными»^[675].

Для описания действительности, почти недоступной пониманию, многие использовали образы эсхатологического мифа. Религиозная риторика, к которой обращались люди, являвшиеся атеистами, – самое выразительное свидетельство отчаяния и растерянности перед трагедией жизни. Так, В. Ефимов назвал московские процессы «ужасным и странным событием», выразив надежду: «История покажет, что тут *от лукавого*». Капитан УГБ Н. А. Костин, один из самых активных организаторов репрессий в Свердловской области, сам оказавшийся под арестом

в 1939 г., называл обвинения в контрреволюционной деятельности «*адской* махинацией, *дьявольской* хитростью»^[676].

Чувства жителей Уральского региона были идентичны чувствам других людей. В частности, Н. Бухарин в своей записке, адресованной И. Сталину, характеризовал обвинения как «*дьявольскую* провокацию» и обращался к «вождю» с вопросом: «Что за *адво* сумасшествие происходит сейчас?»^[677]. В своем послании «Будущему поколению руководителей партии» он признал свое поражение перед «*адской* машиной» и, как В. Ефимов, выразил надежду, что история восстановит справедливость^[678]. Эмигрировавший российский философ Г. Федотов, анализируя поступавшие из России сведения, также характеризовал ситуацию как картину *Дантовского ада*^[679].

Многим уральцам, как и жителям других регионов СССР, чрезвычайно трудно было понять причины массовых арестов и казней. Однако осознание опасности, угрожавшей каждому, приводило к постоянным размышлениям и поиску ответа. Пытаясь разобраться в ситуации, они воспринимали версии, распространяемые официальной пропагандой, весьма своеобразно. Несмотря на то, что материалы печати и радио, документальные фильмы о показательных процессах содержали «убедительные доказательства» преступной деятельности «контрреволюционных», «диверсионных» и «шпионских» организаций, многие современники высказывали иные точки зрения.

Теме репрессий посвящена значительная часть записей дневника Викторина Ефимова – это свидетельствует о его желании разобраться в происходившем, ибо слежка, доносы, аресты стали явлением повседневной жизни. Характер записей отражает неоднозначность его отношения к фактам арестов. В студенческие годы, когда происходили аресты однокурсников и знакомых, сначала возникло даже чувство одобрения и удивления, затем – непонимания и неприятия. В частности, когда арестовали одного из студентов, поведение которого казалось Викторину подозрительным, он записал в дневнике: «Может быть, я отношусь к нему предвзято, но его нужно было давно изолировать

и выяснить, что он за человек». Тем не менее, Викторин выразил надежду: «Там разберутся». Арест товарища по группе он уже назвал происшествием: во-первых, сотрудники НКВД неожиданно явились в первом часу ночи; во-вторых, ему было «трудно даже предположить, что послужило поводом к столь репрессивным мерам». Поскольку они вместе жили в общежитии, Викторин понимал, что нет никакой причины для ареста. В дневнике он записал: « [...] этот инцидент неприятен. Хорошо, если так и кончится [...]». Однако при аресте третьего студента из его группы Викторин и возмущался, и, видимо, начал паниковать: «Что тут такое — понять невозможно [...]».

Работая инженером на СУГРЭС и наблюдая практику бессмысленных арестов, он уже критически относился к таким событиям: «Медленно, но верно прививаю себе аполитичность... у нас такой кавардак — посмотришь, кругом подлецы, „враги“ и ни одного честного человека». Молодой инженер сделал вывод об отрицательном влиянии арестов: страх специалистов и начальников перед возможными наказаниями, опасения принимать самостоятельные решения оказывали негативное воздействие на производственную деятельность, не позволяя обсуждать возникавшие проблемы и действовать в ожидании указаний от вышестоящих инстанций. Такие долгие согласования и нерешительность (особенно в случае аварии) приводили к непоправимым последствиям.

Жители Уральского региона, признавая необоснованный, беспричинный характер репрессий, осуждали их как проявление произвола власти^[680]. В самодельной брошюре «Воззвание» авторы утверждали, что в ссылке и заключении «невинно томится народ»^[681]. Даже в фольклоре нашла отражение тема немотивированных арестов и сроков наказания. Татьяна Чусовитина вспоминала, как в Темниковском лагере пели частушку:

Кому — восемь, кому — пять,
А за что — нельзя понять^[682].

Наиболее распространенным объяснением происходивших событий было предположение о стремлении власти получить таким образом рабочую силу, необходимую для строительства новых предприятий и освоения отдаленных районов страны. Так, согласно данным Челябинского обкома ВКП (б), П. М. Мясоедов (завотделом народного питания Усть-Катавска) и И. А. Ширяев (рабочий Усть-Катавского завода) открыто заявляли, что «судят людей зря, чтобы иметь бесплатных рабочих», что «построили тяжелую промышленность страны на „принудиловцах“»^[683].

В Уральском регионе в условиях форсированной индустриализации подобная интерпретация событий была особенно объективной и подтверждалась повседневной реальностью. Неофициальный фольклор отразил эту ситуацию. На новостройках пели – среди прочих – такую частушку:

Советские правители
До чего доправили –
Весь молоденькой народ
На Урал отправили^[684].

Обсуждая начавшиеся аресты, люди высказывали предположения о новых, подобных мероприятиях власти. Некоторые из уральцев, как например, Н. Пархачев (зав. здравотделом, г. Камышлов), говорили: « [...] Нужны будут люди построить еще один такой канал, как Москва – Волга»^[685]. О достаточно широкой распространенности таких представлений свидетельствует случай, произошедший в 1937 г. в г. Нижняя Салда. Во время ареста счетовод А. Постыляков заявил сотрудникам НКВД: « [...] Нашли «врага народа»... Давайте, ведите меня, где у вас снова открылся канал»^[686]. В. Ефимов при новом аресте студента из своей группы выразил опасения, если «пришьют, как и тем трем огурчикам, 58-ю, и поедет наш Иван на Волго-Дон». Однако многие осознавали это только после долгих лет заключения. Так, М. Шангин, вспоминая собственные ожидания и отражая надежды находившихся в лагере рядом с ним людей, отметил: «Только в 1939 г. все убедились – никакого пересмотра дел

не будет ... [Сталину] нужны были миллионы дешевых рук задавленных, сломленных, безропотных роботов, потом и кровью которых он укрепит свой режим»^[687].

Другой причиной современники считали стремление власти изолировать критически настроенных людей. На Урале в эти годы изменились некоторые пословицы: так, вместо прежней, говорили «Язык до Остяко-Вогульского округа доведет», имея в виду возможное наказание ссылкой за критические высказывания^[688]. Появилась серия анекдотов про анекдот, который мог стать причиной ареста, ссылки и даже расстрела. Так, в одном из них воспроизведен диалог встретившихся знакомых: «Знаешь анекдот? — А ты знаешь, кем построен Беломорканал? — Нет. — Анекдотчиками»^[689].

Некоторые из современников считали главным виновником массовых репрессий И. Сталина. В лагерном фольклоре были распространены такие выражения, как «сталинская дача», «сталинский курорт (санаторий)», означавшие ИТЛ или тюрьму. Выражения «быть у Хозяина», «в гостях у Хозяина» современники понимали, как лишение свободы, заключение. За особенную жестокость происходивших расправ Сталина называли на лагерном жаргоне Зверь^[690]. С. А. Гвай, житель г. Первоуральска, оказавшийся в заключении в 1938 г., размышляя о причинах арестов многих людей, убежденно заявлял: такие события «не могли происходить без ведома и санкции вождя народов т. Сталина и его верных соратников»^[691]. М. Шангин, наблюдая за настроением осужденных, сделал вывод: большинство людей, в начале заключения надеявшихся на то, что «Сталин узнает и всех освободит», с течением времени рассматривали произошедшее не как ошибку, а как заранее спланированную, продуманную акцию произвола, продиктованную Сталиным^[692]. В. Шаламов, находясь в лагере, отмечал ощущение безвыходности, заставлявшее людей смиряться. Тем не менее, большинство из них, считая главным виновником трагедии И. Сталина, видели надежду в его смерти: «Важно остаться в живых. Важно пережить Сталина. В этом была логика. И сотни тысяч «подпи-

савших», обреченных на бесчисленные страдания, душевные и физические, умиравших от голода, холода и побоев, в этой единственной надежде находили силу ждать и терпеть [...]»^[693].

Кроме того, многие утверждали, что репрессии связаны с личными интересами И. Сталина и его ближайших соратников – с их желанием ликвидировать политических соперников. Именно так оценили убийство С. М. Кирова инженер УЗТМ В. И. Игнатов, машинист железнодорожного отдела ЧТЗ Л. А. Кожевников и другие. Мнение многих о том, что процесс «Объединенного центра» организован И. Сталиным для того, чтобы «убрать Г. Зиновьева», высказал электрик Тавдинского лесокombината П. И. Чирков. Желание И. Сталина избавиться от таких соперников, как Н. Бухарин и А. Рыков, многие считали очевидной причиной для проведения нового московского процесса. В частности, медсестра О. И. Вольская (г. Нижняя Салда) заметила по этому поводу: «Два медведя в одной берлоге не живут»^[694].

Наблюдая за процессом троцкистско-зиновьевской группы, студент УИИ В. Ефимов записал в дневнике такой вывод: «Действительно, что-то ужасное. Однако тут много непонятого и нужно знать внутренние причины кремлевского механизма, чтобы оценить положение». Ему показалось удивительным обвинение, предъявленное Н. Бухарину: «...Он не мог идти на такое дело... Он представляется очень порядочным, честным...» Размышляя о причинах осуждения этого политического лидера, В. Ефимов высказал предположение о возможном влиянии характеристики, данной В. И. Лениным. Такие размышления свидетельствуют о знакомстве автора дневника с содержанием ленинских заметок, написанных на рубеже 1922–1923 гг. и получивших название «Письмо к съезду». В 1930-е гг. их текст был запрещен для публикации, т. к. в нем Ленин называл негативные черты И. Сталина, а Н. Бухарина характеризовал как «ценнейшего и крупнейшего теоретика», «любимца партии».

Репрессии против известных политических деятелей актуализировали архаические представления о «народных заступниках». В агентурных донесениях и сводках НКВД отмечались

разговоры о том, что Л. Троцкий, Н. Бухарин, М. Тухачевский, Я. Гамарник и другие, преследуемые И. Сталиным, руководители боролись за интересы рабочего класса, хотели улучшить жизнь трудящихся^[695]. Такие представления были распространены и в других регионах Советского Союза. В частности, согласно информации, поступившей во ВЦИК в апреле 1938 г., С. И. Лапшин, житель Горьковской области, на собрании открыто заявил: «Люди, которых расстреливают в Москве, это — наши люди... за нас и погибли»^[696]. Сочувствуя жертвам И. Сталина, некоторые выражали надежду: « [...] все равно всех не пересадят: этих расстреляют, другие на их месте за правду будут стоять [...]»^[697].

Обращаясь в высшие властные инстанции в поисках справедливости и с надеждой на помощь, большинство людей самой главной причиной репрессий называли произвол сотрудников НКВД. В письмах, адресованных М. Калинину, И. Сталину, Л. Берии, Л. Кагановичу, и в кассационных жалобах, направляемых в органы Прокуратуры, Верховный суд СССР, просители обвиняли сотрудников НКВД в нарушении конституционных прав, советских законов и методов ведения следствия. Можно предположить, что для некоторых это был тактический ход с целью получить поддержку, но многие искренне надеялись на гуманность «народной» власти. Уверенные в том, что массовые аресты — инициатива местных органов НКВД, жители Урала и других регионов писали во все инстанции, от которых могла зависеть судьба арестованных или заключенных. По данным О. Хлевнюка, только в Прокуратуру СССР количество обращений было так велико, что в апреле 1938 г. там приняли решение: часть жалоб без всякой проверки складировать. Через год Комиссия партийного контроля ЦК ВКП (б), работавшая в Прокуратуре, обнаружила 160 тыс. документов^[698].

В этих документах воссоздается история ареста, условия содержания во время предварительного заключения и произвол следователей. Пострадавшие называли различные формы физического и морального давления, применяемые на допросах: от-

каз от очных ставок со свидетелями и другими обвиняемыми; отказ от внесения в протокол объяснений и показаний, опровергавших версию следствия; лишение права на свидание и запрет переписки с родными; угроза арестовать членов семьи; нецензурные оскорбления и повторяемые угрозы бросить в камеру к рецидивистам; заключение в карцер; лишение пищи и сна; угрозы расстрела^[699].

Невозможность добиться справедливого судебного решения осознавалась представителями всех социальных групп, имевших разный культурный уровень. В стихотворении, сочиненном горняком Ф. П. Арестовым, создан символ Правды, вечно гонимой и недостижимой:

Где ты, правдушка, загулялася,
Ненаглядная, забавлялася...
Я искал тебя...
Среди полочка ты в рогоже спишь,
В зипуне зимой на тракту дрожишь,
В непогодушку ты в лаптях бежишь,
И на суд тебя гонят деспоты,
И в тюрьме найдешь, видно, место ты —
Для тебя оно приготовлено...
Будешь по миру ходить вечно ты,
Гнут в бараний рог тебя деспоты!^[700]

В. В. Дубянский, управляющий трестом «Ураласбест», являвшийся в 1917 г. делегатом II Съезда Советов, говорил (согласно меморандуму) вновь прибывшим: «Раз ведут следствие органы НКВД, то можете не ожидать скорого окончания следствия... также не ожидайте и благополучного, справедливого исхода». Агент, находившийся в камере, передал мнение В. В. Дубянского и о том, что суд определяет меру наказания по усмотрению НКВД^[701].

Понимание необъективности суда и непредсказуемости судьбы каждого арестованного передает поэтический рассказ «Тюрьмы», написанный верующим человеком:

Коих требовали в полночь – суд был, трибунал:
Коих на смерть присуждал, коих домой отпускал,
А коих на расстрел, но таков им был удел...^[702].

По мере развития репрессий росла убежденность в широком использовании следственными органами незаконных методов. В частности, постепенно всем стало ясно, что «вызовы» в НКВД были способом ареста^[703]. В народной молве аббревиатура НКВД расшифровывалась таким образом – **Не**известно **К**огда **В**ернусь **Д**омой, поскольку вызванные исчезали надолго^[704]. Необоснованные аресты и приговоры стали одним из важных сюжетов фольклора уральцев. Использование пословиц «Семь анкет – один ответ», «Пропал – ни пены, ни пузырей» в определенном контексте свидетельствовали о достаточно объективной оценке деятельности НКВД^[705]. Наличие знания о жестоких наказаниях подтверждает уникальный случай, произошедший в 1937 г. в г. Нижний Тагил. Молодой рабочий, пытавшийся из-за несчастной любви расстаться с жизнью, после неудачной попытки самоубийства явился в отделение НКВД, надеясь, что самооговором добьется высшей меры наказания. Он заявил, что слышал о подобных фактах, имевших место ранее^[706].

Факты злоупотреблений НКВД становились известны на открытых процессах, которые арестованные использовали как возможность реабилитации и себя, и вынужденно оговоренных ими людей. Так, директор музея А. Н. Словцов (г. Нижний Тагил) на судебном заседании 3 января 1935 г. рассказал о следователе, который после отказа ученого подписать сочиненный протокол, заявил: «Таких людей, как я, они судили и будут судить, расстреливали и будут расстреливать». А. Н. Словцов дополнил, что ему отказали в очных ставках, в вызове врача, несмотря на порок сердца^[707]. Инженеры и рабочие шахты им. Володарского (г. Кизел), арестованные «за принадлежность к контрреволюционной организации», на открытом заседании Спецколлегии Свердловского областного суда 18 октября 1935 г. также отказались от показаний,

данных ими ранее, заявив, что сделали это под давлением следователей^[708].

Осознавая невозможность сопротивления сотрудникам НКВД после ареста, многие люди решались на самоубийство. Такая радикальная форма индивидуального протеста против произвола власти и органов НКВД была единственным выходом в ситуации, когда происходили аресты друзей, коллег и близких знакомых. Так погиб, бросившись на шины трансформатора, М. А. Тамаркин, начальник строительства вагоноборочного корпуса УВЗ, не желая давать показания против своего друга – директора УВЗ Л. М. Марьясина и других людей^[709]. В марте 1937 г. покончил с собой второй секретарь Свердловского обкома ВКП (б) Н. А. Узюков. Через несколько месяцев, в мае, застрелился назначенный на этот пост К. Пшеницын^[710]. Подобным образом поступали и другие люди, пытаясь спасти свою честь^[711].

Современники отмечали, что значительные перемены в сознании и взаимоотношениях людей частично предопределены вступлением на историческую сцену нового поколения, изменением численности и социокультурных характеристик социальных групп, составлявших население Уральского региона. Наиболее отчетливо осознание этих факторов выразил один из коммунистов Чусовского завода, пытаясь поддержать во время чистки 1933 г. опытного квалифицированного рабочего И. А. Хлопотова. Выступая на собрании, он заметил, что в 1923 г. обвинение в контрреволюционных преступлениях «не прошло бы», так как старые рабочие знали хорошо работу и поведение друг друга «как при белых, так и во времена красных»^[712].

Частые перемены места жительства и разрушение родственных связей, вызванных интенсивными процессами индустриализации Урала, не способствовали формированию отношений доверия и взаимопомощи. Напротив, создавались условия для возникновения подозрительности и зависти. Поэтому частными были случаи доноса из-за сведения личных счетов. Источники свидетельствуют, что письменные и устные заявления

в НКВД подавали соседи, родственники и коллеги по работе^[713]. Тем не менее, сообщения агентов, доносы, «заявления» не являлись основной причиной арестов и осуждений – эти сведения иногда в течение нескольких лет сохранялись в делах и использовались в ситуации нового этапа репрессий.

Таким образом, жители Свердловска, других городов и заводских поселков Урала имели разнообразную информацию для оценки масштабов и понимания причин массовых репрессий в 1930-е гг. Интерпретация сведений из официальных источников корректировалась их личными впечатлениями, отражаясь на страницах дневников и в частной переписке, в слухах и доверительных разговорах, в «письмах во власть» и устном народном творчестве. Осознавая целенаправленный характер террора, личную заинтересованность И. Сталина, других политических лидеров, уральцы называли среди главных причин массовых репрессий как произвол местных органов НКВД, так и соучастие некоторых из современников.

5.6. СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ». 1928–1937 ГГ. (Т. С. КИРИЛЛОВА)

Для публицистического стиля русского литературного языка, в частности газетно-журнального его подстиля, характерны две основные цели: информировать читателя и воздействовать на него. Последняя, как известно, не менее важна, чем первая. По мнению д. филолог. наук, проф. И. А. Стернина, «речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять вашу точку зрения. Задача речевого воздействия – изменить поведение или мнение собеседников (читателей) в необходимом говорящему (пишущему) направлении»^[714].

Существует **пять способов воздействия**: доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, принуждение^[715].

Кроме понятия «речевое воздействие», в современной лингвистике широко используется понятие **«манипулирование»**. Это «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению»^[716].

Анализируя тексты газеты «Уральский рабочий» за 1928–1930-е гг., мы обнаружили богатейший материал для лингвистического и психолингвистического анализа данных текстов, который позволяет понять, какие разнообразные способы воздействия на сознание читателей газеты и манипулирования им были в арсенале советской журналистики в этот сложный период отечественной истории.

На лексическом уровне мы встречаем на страницах «Уральского рабочего» за 1928 год

- разнообразную экспрессивно окрашенную разговорную, просторечную и грубо просторечную лексику, например:

«Бывшие **торгаши** в инвалидной кооперации [...]» №248, 24.10.1928; «**морда** классового врага в деревне» №130, 7.06.1928; «штампованные **головотяпы**» №17, 20.01.1928; «шахтинское **охвостье**». №136, 14.06.1928.

- слова и словосочетания, употребленные в переносном значении:

«Ишимские **«комбинаторы»** (развал местной промышленности)» №179, 03.08; «**«Спаситель Грузии от большевизма»** состоит в связи с фашистскими организациями Европы» №151, 1.07; «**«Вредкор»** инженер Детер рассказывает [...]» №138, 16.06; «ВИЗ игнорирует изобретения. Директор завода грозит раздавить **«писак»**. Администрация завода издевается над рабкором (обвинения, травля, обыски)» №230, 3.10.1928.

- слова с уменьшительными суффиксами, придающими высказыванию уничижительное значение: «Отпраздновали **«христов праздничек»** (прогулы)». №18, 21.01; «троцкистские **группки [...]**» №216; «**Церковки** набиты до отказа» №211, 11.09.1928.

- окказионализмы (новообразования): «Индустриальный техникум будет **„орбочен“**» №185, 11.08.1928.

Авторы газетных статей для большей наглядности и убедительности используют известные фразеологизмы, наполняя их соответствующим времени содержанием, например: «*Об оппозиции: **Лебедь – рак – и щука.** „Лебедь“ – сапроновская группа, пусть она летит в безвоздушное пространство, „щука“ – троцкисты тянут в меньшевистское болото и, надо надеяться, в нем и потонут вместе с оппозиционной поклажей, а „рак“ – это Зиновьев и Каменев по-рачьи пятятся обратно к партии*» №2, 3.01.1928; «*„Шахтинская буря“ в теченском стакане воды*» №135, 13.06.1928.

К морфологическим особенностям анализируемых текстов можно отнести использование:

- абстрактных существительных с собирательным значением **казенщина, кулачье, кушвинщина, поповщина**: «*Решительный отпор кулачью*» №24, 28.01.1928; «Суд над героями „**кушвинщины**“» №146, 26.06.1928;
- имен числительных, которые показывают размах «вредительства»: «**149** изблеченных в 1927 году «Уральским рабочим» отданы под суд, **141** сняты с работы, **110** получили выговоры» №103, 5.05; «**Шахты. 100 тысяч** советских инженеров и техников требуют жестокого наказания вредителям» №150, 30.06.1928;
- глаголов с экспрессивно-эмоциональной окраской: «Кулачество всеми мерами пытается **пролезть** в Советы» №285, 8.12.1928; «Кулак **орудует** в райизбиркоме» №286, 9.12.1928; «Частники **объегоривают**. Отписки» №136, 14.06.1928.

Синтаксис газетных публикаций изобилует

- инфинитивными конструкциями, которые придают особую категоричность высказываниям: «Беспощадно **бить** по вредителям в аппарате» №55, 4.03.1928; «**Вычистить** кулаков и подкулачников [...]» №277, 29.11.1928; «**Заменить** поповщину культурой» №284, 7.12.1928; «Рождество «**не праздновать**»» №299, 25.12.1928; «**Не допускать** снижения хлебозаготовок» №65, 17.03.1928;
- побудительными предложениями, осложненными обращениями: «**Безбожник, изучай** своего врага!» №290,

14.12.1928; «Женщина, будь активисткой весеннего сева» №58, 8.03.1928;

- простыми предложениями с тире между подлежащим и сказуемым: «Самогонщик — наш классовый враг» №15, 18.01.1928; «Путь троцкизма — путь контрреволюции» №26, 31.01.1928; «Пасха — праздник рабов» №87, 12.04.1928.

В анализируемых нами газетных текстах для усиления воздействия и манипулирования чувствами читателей активно используются разнообразные **фигуры речи и тропы**:

- риторические вопросы: «Кто же виноват?» №147, 27.06.1928; «Как быть с иконами?» №151, 1.07.1928; «Соликамское дело — вредительство или халатность?» №161, 13.07.1928; «Враги готовятся, а мы?» №171, 25.07.1928; «Что делают профсоюзы?» №178, 2.08.1928;

- антитеза: «Попы работают, а безбожники спят» №214, 14.09.1928;

- повтор ключевых слов: «Развернем антирелигиозный **фронт**. Христианство, пьянство, хулиганство — единый **фронт**, **фронт** мракобесия» №221, 22.09.1928;

- метафоры с негативной семантикой: «Партийные **сорняки**» №219, 20.09.1928; «Советская общественность начинает очищаться от **кулацкого мусора**» №147, 27.06.1928; «Назревает новый **гнойник** протекционизма» №194, 22.08.1928; «Раскопали в Воткинске **гнездо** возмутительных преступлений» №220, 21.09.1928;

- эллипсис (пропуск): «107-ой — по кулаку» №48, 25.02.1928; «За самообложение — за дело культуры!» №18, 21.01.1928; «Враг за углом» №277, 29.11.1928; «Заем — в деревню» №293, 18.12.1928;

- ряды однородных членов (градация): «Арестованы спекулянты мануфактуры. **Мануфактурные крысы**. ГПУ арестовало 38 спекулянтов» №7, 8.01.1928; «Кучка спецов, **шкурников**, гнусные элементы, продающие себя иностранному капиталу [...] **зловонный нарост**, [...] **бельмо на глазу** [...] достойны суровой кары [...] Клеймим позором предателей» №65, 17.03.1928.

Заметим, что нередко у газетных публикаций этого периода нет конкретных авторов. Рабкоры и селькоры предпочитают печататься под псевдонимами: **«Слово твердо»** №37, 12.02.1928; **«Ванька Сценарист»** №39, 15.02.1928; **«Тихон Холодный»** №54, 3.03.1928; **«Егор», «Меч», «Гайка» и др.** №111, 15.05.1928.

Проведем сравнительный анализ газетных материалов, опубликованных в «Уральском рабочем» в конце 20-х г. XX века, с материалами того же издания за 1937 г.

Как и прежде, читатель встречает на страницах «Уральского рабочего» за 1937 г. большое количество негативно-оценочной лексики и фразеологии. Так называемых «врагов народа» авторы публикаций называют **«бандитами», «двурушниками», «пришпешниками», «прихвостнями», «последышами», «наймитами», «отщепенцами», «лазутчиками», «садистами», «извергами», «гадами»** и т. п. Вот только некоторые примеры:

«Гнусная банда троцкистов-зиновьевцев... превратились в **озверелых агентов фашизма»** №14, 17.01.1937; **«Исключение из партии подлых двурушников** Рыкова и Бухарина» №57, 11.03.1937; **«Правые отщепенцы** стали сообщниками в преступной работе троцкистов – **кровавых наемников** Гитлера» №85, 14.04.1937; **«Выявление подлых троцкистско-немецко-японских фашистских наймитов»** №64, 30.03.1937; **«Пришпешники** директора Новика шельмуют критикующих [...] „Троцкистский **последыш**“ Докучин» №59, 14.03.1937; **«Свердловские работники медицины** клеймят преступление **садиста** Плетнева» №132, 11.06.1937.

Очевидно, что большинство этих ярлыков не придуманы самими журналистами, а заимствованы из речей и докладов вождей, прежде всего Сталина и Молотова, которые и послужили их первоисточником.

29 марта 1937 г. в газете «Уральский рабочий»^[717] был опубликован доклад Сталина на Пленуме ЦК ВКП (б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Приведем некоторые характерные цитаты: **« [...] не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа,**

этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц“; „Троцкистско-зиновьевские агенты фашизма“; „Шпионская и диверсионно-террористическая агентура германской полицейской охраны [...]“; «Двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши органы [...]».

В докладе В. М. Молотова «Наши задачи в борьбе с троцкистами и иными вредителями, диверсантами и шпионами», опубликованном в газете «Уральский рабочий» 22 апреля 1937 г.^[718], мы встречаем те же негативно и экспрессивно окрашенные языковые средства, которые уже стали штампами в публикациях данного периода. Например: «Уроки **вредительства, диверсии и шпионажа** японо-немецко-троцкистских агентов»; «Ослабление самокритики наши враги легко используют в своих антисоветских целях, в целях **вредительства и диверсионно-шпионской работы**»; «Выявление и разоблачение **троцкистских диверсантов**»; «У нас нет должной бдительности к врагу, надо поднять дело большевистского воспитания кадров».

В №93 «Уральского рабочего» за 1937 г. опубликована вторая часть доклада Молотова, где автор подробно рассматривает «уроки разоблаченной вредительской диверсионной работы троцкистско-фашистской **шайки**»^[719]. Это слово тоже в дальнейшем неоднократно тиражировалось в различных публикациях наряду с лексемой «**банда**».

Кроме того, в текстах газеты «Уральский рабочий» за 1937 г. мы видим много примеров использования экспрессивно окрашенной разговорной и просторечной лексики:

«Райком **шарахнулся** в сторону» №110, 16.05.1937; «Враг народа **разбазарил** сотни тысяч рублей (бывший директор ВИЗа Колгушкин)» №121, 29.05.1937; «Враг народа троцкист Заплетин **пролез** в состав правления Свердловского Союза архитекторов» №113, 20.05.1937.

По нашим наблюдениям, достаточно частотным в анализируемом материале является употребление слов и словосочетаний в переносном, метафорическом значении, например: «**Иудушка**

Троцкий» №17, 21.01.1937; «**Кровавых дел мастера (эсеры)**» №181, 9.08.1937; «Редактор газеты Грязных вел себя как **«беззубый и шамкающий либерал»**» №8, 10.01.1937; «На Уралмаше действовал **матерый** троцкист Авербах» №120, 28.05.1937.

Цель использования этих языковых средств и приемов та же – максимально усилить воздействие на сознание читателей газеты.

Кроме того, в публикациях «Уральского рабочего» за 1937 г. широко используются слова с уменьшительными суффиксами, придающими высказыванию уничижительное значение: «**контр-революционные группочки**» №7, 9.01.1937; «**враждебные теориейки**» №46, 26.02.1937 и др.

Авторы газетных статей для большей убедительности и усиления воздействия нередко обыгрывают фразеологические обороты с разной стилистической окраской, наполняя их соответствующим времени содержанием, например: «**Враги проникли и на «участок архитектуры [...]» Головин приложил грязную руку к делу застройки городов**» №113, 20.05.1937; «**Что троцкисты и правые бандиты готовили трудящимся? [...] Что эти изверги собирались принести на алтарь капиталистической реставрации на момент войны**» №122, 30.05.1937. Последние конструкции представляют собой риторические вопросы.

К морфологическим особенностям анализируемых текстов можно отнести:

- использование абстрактных существительных с собирательным значением: «**Сеть шпионажа [...] Агентура** Троцкого в Италии» №95, 26.04.1937; «О преступном **ротозействе** и заклипания [...] Гнусная банда троцкистов-зиновьевцев [...] превратились в озверелых агентов **фашизма**» №14, 17.01.1937,

- существительных с количественным значением, которые призваны показать размах «диверсионной работы»: «**Десятки** жизней красноармейцев, рабочих уничтожила диверсионная работа троцкистов и правых гадов. **Сотни, тысячи и миллионы** людей [...] эти изверги собирались принести на алтарь капиталистической реставрации на момент войны» №122, 30.05.1937.

Синтаксис газетных публикаций 1937 г., как и в конце 20-х гг., изобилует инфинитивными конструкциями, которые придают особую категоричность высказываниям: «**Выкорчевать** вражеское охвостье» №242, 21.10.1937; «**Заклятых врагов народа, изменников, кровавых шпионов – расстрелять, как бешеных собак!**» №133, 12.06.1937. Эта категоричность, безусловно, усиливается в контексте за счет употребления сравнительных оборотов.

Отметим, что в анализируемых нами газетных текстах для усиления воздействия и манипулирования чувствами читателей в 1937 г., как и прежде, в 20-е гг., активно используются разнообразные фигуры речи и тропы:

- эпитеты: «Редактор газеты „Колхозный путь“ Н. Леснов открыто провозглашал **визгливые гнуснейшие** троцкистские лозунги» №233, 10.10.1937; «**Лютые** враги народа – троцкисты» №26, 3.02.1937; «**Гнилые** теории» №84, 12.04.1937.

- ряды однородных членов (прием восходящей градации): «Гнусное преступление. Садист и **черносотенец, шарлатан и жулик**» №132, 11.06.1937; «Гоните из ваших рядов **агентов фашизма – троцкистов, подлых провокаторов** войны, замаскировавшихся **шпионов** пятой колонны генерала Франко» №99, 1.05.1937;

- повтор ключевых слов «**вражеский**», «**гнев**» и др.: «**Вражеские** нравы» №89, 18.04.1937; «Искоренить **вражеский** стиль на обувной фабрике» №90, 20.04.1937; «**Вражеская** вылазка в Н. Тагиле (троцкистская клевета на партию)» №100, 4.05.1937; «**Вражеский** глашатай на научной кафедре (Свердловский юридический институт)» №103, 8.05.1937; «**Вражьи** наймиты, слуги фашизма злобно, систематически разваливают работу [...]» №208, 10.09.1937.

Каковы глубинные причины постепенного усиления негативной экспрессии и обличительной риторики в журналистике анализируемого нами периода? Думается, что, помимо объективных причин (международная обстановка, капиталистическое окружение СССР, близость войны), нельзя не учитывать и субъективные факторы.

В монографии О. В. Хлевнюка «Сталин. Жизнь одного вождя» читаем: «Мы располагаем многочисленными свидетельствами, косвенно демонстрирующими особое душевное состояние советского диктатора в 1937–1938 гг. [...] В последние годы стали доступны подлинные записи его выступлений. Их характеризует постоянное присутствие идеи заговора и вездесущности врагов» [720].

Нарком внешней торговли СССР А. П. Розенгольц утверждал, что «его (Сталина) подозрительность доходит до сумасшествия». По словам Розенгольца, Сталин в этот период сильно изменился. Если ранее во время докладов Сталин спокойно подписывал приносимые документы, то теперь он пребывал в «припадке, безумном припадке ярости». О. В. Хлевнюк констатирует: «Эту сталинскую ярость, несомненно, нельзя игнорировать. Она была важным фактором огромного размаха и особой жестокости Большого террора» [721].

Мы считаем, что это обстоятельство не могло не отразиться и на работе печатных органов, контролируемых партией. Известно, что Сталин писал передовые статьи в газету «Правда», редактировал их. Эти публикации перепечатывались другими газетами, в том числе «Уральским рабочим». Таким образом, психологическое состояние вождя транслировалось через печатные органы и овладевало массами.

Неслучайно поэтому на страницах «Уральского рабочего» именно в 1937 г. одним из частотных ключевых слов становится лексема «**гнев**»: «*Грозный **гнев** народа. Вся страна охвачена **гневом**» №21, 27.01.1937; «*По всей стране бушует буря народного **гнева**» №22, 28.01.1937.**

Таким образом, в процессе анализа газетных материалов, опубликованных в газете «Уральский рабочий» в 1928 и 1937 гг., становится совершенно очевидным стремление журналистов «Уральского рабочего» всеми имеющимися в русском языке средствами воздействовать на сознание читателей, манипулировать им, не брезгуя ни грубо просторечной лексикой, которая всегда находилась за пределами литературного

языка, ни откровенно негативными оценочными высказываниями, унижающими человеческое достоинство, чтобы выполнить заказ партии большевиков на оболванивание собственного народа.

ГЛАВА 6. БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ НА УРАЛЕ (КОНЕЦ 1940-Х – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)

6.1. ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И УСИЛЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ. (А. И. ПРИЩЕПА)

С каждым годом по мере удаления от победоносного окончания Великой Отечественной войны все более очевидным становилось то, что одним из ее главных нравственно-психологических итогов явилось появление критически мыслящих людей. Иллюстрацией для подобного заключения может служить жизненный путь фронтовика Н. И. Титова. Уйдя на фронт в 1942 г. добровольцем со студенческой скамьи Казанского авиационного института, в составе разведроты он попал в самое пекло войны — под Сталинград. При выходе из окружения был взят в плен. Прошел концентрационные лагеря в Восточной Пруссии, служил у бауэра. После освобождения и прохождения фильтрации в январе 1945 г. вновь попал на фронт. Демобилизовался в декабре 1945 г. Из близких родственников в живых никого не осталось. Два брата погибли на фронте. Без материальной поддержки продолжать учебу было невозможно. Решил немного заработать денег, завербовался на шахту «Капитальная-6», г. Кизел Пермской области. Совершил прогул, за что Пермским военным трибуналом был приговорен к семи годам исправительно-трудовых лагерей. По амнистии в 1953 г. был освобожден. Работал бывший студент лесорубом, маляром, проживал в бараке-

общежитии на станции Исеть, где представители органов Свердловского областного управления КГБ арестовали его в 1957 г.

Ему инкриминировали «систематическое распространение рукописи антисоветского содержания и проведение антисоветской агитации, враждебное отношение к советской власти». Подобного рода деятельностью он занимался на протяжении длительного времени. Осенью 1957 г. «рукопись антисоветского содержания» Н. И. Титов вручил секретарю партийной организации мостопоезда и пытался доказать несправедливость общественного строя в СССР. С нею он ознакомил многих рабочих. Рукопись представляет собой глубоко прочувствованный итог размышлений автора о пройденном жизненном пути. Н. И. Титов писал: «Моя идеология – это идеология людей со слабым характером, которых советская власть хоронит заживо. Мои поступки также нельзя шифровать иначе: мне уже ничего не нужно, ничего не интересует [...] я обречен. Заживо погребенный – таков характер отношений советской власти к русскому народу»^[722].

18 июня 1958 г. Н. И. Титов был подвергнут амбулаторно-психиатрической экспертизе. Однако экспертиза не дала желаемого для следствия результата. Н. И. Титов был признан вменяемым. Только по второму требованию следствия, направленному в адрес стационарной судебной психиатрической экспертизы при Свердловской областной психоневрологической больнице №1, было сделано заключение о том, что «Н. И. Титов страдает хроническим душевным заболеванием в форме вялотекущей шизофрении»^[723].

Через полтора года он был освобожден из Казанской психушки с записью в медицинской справке: «В условиях психиатрических больниц не нуждается»^[724]. Вероятно, Н. И. Титов стал одной из первых жертв, впоследствии получившей окончательное утверждение концепции вялотекущей шизофрении Снежневского – Лунца.

Для второй половины 1940-х гг. становилось все более очевидным истощение властных ресурсов, проявившееся в сниже-

нии эффективности идеологической работы. Так, рассмотрев итоги деятельности кафедр марксизма-ленинизма вузов г. Свердловска в 1946/1947 уч. г., бюро обкома ВКП (б) признало их работу неудовлетворительной и обратило особое внимание на то, что ответы многих студентов показали поверхностное, неосмысленное и формальное изучение «Краткого курса истории ВКП (б)» и произведений классиков марксизма-ленинизма. В ходе проверки обнаружилось неумение студентов обобщать и связывать революционную теорию с практикой социалистического строительства^[725].

В силу вызванных войной существенных трансформаций общественного сознания граждан СССР произошли заметные изменения в механизме, воспроизводящем устрашение, и готовности подчиняться ему. Как показывает анализ архивных документов, после войны советский человек стал более смело, самостоятельно, не ортодоксально мыслить и говорить. Так, на заседании партийного бюро Уральского государственного университета в мае 1945 г. не нашли поддержки обвинения Ф. П. Быстрых в троцкизме преподавателя С. Л. Каценбогена, основанные на том, что он в лекции для студентов и научных работников использовал не опубликованные в первоисточнике высказывания В. И. Ленина. Несмотря на то, что свое заявление Ф. П. Быстрых направил в горком ВКП (б), большинство членов партийного бюро университета квалифицировало это обвинение, как «необоснованное и носящее клеветнический характер»^[726].

Ректор Уральского университета профессор Г. И. Чуфаров при приеме в партию М. А. Горловского, автора книги «Горный город Екатеринбург», возражая Ф. П. Быстрых по поводу недостаточного использовании им положений марксизма-ленинизма об обострении производственных отношений рабочих и предпринимателей на Урале, заявил, что «мы не должны предъявлять таких высоких требований знания классиков марксизма-ленинизма при поступлении людей в члены ВКП (б)»^[727].

В 1946 г. в Уральском университете на факультете журналистики подобралась группа талантливых студентов, которые создали «Литературно-творческий кружок»^[728]. В разное время им руководили преподаватели литературоведческих кафедр университета: Л. А. Гладковская, М. Л. Мамаева, К. В. Боголюбов. В состав кружка входили: И. А. Герасимов (Гершенбаум), И. Д. Бак, И. Лебензон, Г. В. Пиньжаков, В. К. Очеретин, В. С. Рутминский, Л. Г. Шкавро, В. А. Шустов. Многие из кружковцев, такие как В. А. Шустов, И. П. Герасимов, Л. Г. Шкавро, стали впоследствии яркими писателями.

Надежды советской либеральной интеллигенции на то, что тенденции сотрудничества и культурного обмена с Западом, наметившиеся в годы войны, получат дальнейшее развитие, в мирное время были быстро развеяны. В августе 1946 г. ЦК партии опубликовал постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», в котором обвинял их, особенно после публикаций произведений поэтессы А. Ахматовой и сатирика М. Зощенко, в проведении «идеологий, чуждых делу партии»^[729]. Власти развернули широкое наступление против любого проявления интеллектуального творчества, где обнаруживалось так называемое «заграничное влияние», «западное упадничество», «метафизические тенденции», «антирусский партикуляризм», «мелкобуржуазный индивидуализм» и «искусство для искусства».

Газета «Комсомольская правда» опубликовала разгромную статью по поводу творческих исканий юных свердловских литераторов. Ее обвинения с партийной страстью развивал «Уральский рабочий», который писал о «потере бдительности» коммунистов УрГУ, их неспособности разоблачить «вредные, гнилые декадентские теориейки, имевшие хождение среди ряда студентов историко-филологического факультета и факультета журналистики»^[730]. Началось уголовное и партийное расследование.

Его итоги были подведены на партийном собрании Уральского университета в сентябре 1947 г. По мнению властных органов, группа студентов в составе В. С. Фалеева-Рутминского,

С. Н. Мяготина и Захарова влияла на окружающих в духе упадничества, разлагала молодежь университета своим поведением и стихами^[731].

С. Н. Мяготин был арестован и осужден на 8 лет. Студент В. С. Рутминский провел в лагерях 5 лет. Seriously пострадал В. А. Шувагин. Он был отчислен из университета за «недисциплинированность и аморальное поведение». Член кружка Г. В. Пиньжаков был выведен из состава РК ВЛКСМ и вынужден перейти на заочное отделение^[732].

Разоблачения XX съезда КПСС привели к мучительной переоценке духовных ценностей творческой интеллигенции. «Передовая часть общественности уже почувствовала заскорузлость и мертвенность старых образчиков и канонов»^[733], — писал студент отделения журналистики филологического факультета Уральского университета Г. Федосеев в рукописном журнале «Всходы» в феврале 1956 г. Его статья «Поэзия настоящего» выходила за границы допустимой степени свободы, призванной после XX съезда «вдохновлять» писателей. По существу, она содержала отрицание принципа партийности в советской литературе. Автор выступал за свободу творчества писателей, полагая, что тотальная идеологизация искусства и литературы препятствует созданию подлинно художественных произведений. «Это, собственно, и не художники, это мещане, напихавшиеся кое-чем из классиков, они способны только скраивать и выбрасывать на рынок идиотски приспособленную к духу времени писанину», — решительно утверждал инакомыслящий студент^[734].

В Свердловске внесудебные репрессии против авторов журнала «Всходы» начались в ноябре 1956 г., после того, как бюро Областного комитета КПСС рассмотрело вопрос «О фактах нездоровых проявлений среди студентов филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького» и вынуждено было признать, что «на факультете по инициативе отдельных комсомольцев без разрешения партийной и комсомольской организаций стали выходить журналы, в которых проповедовались политически вредные

взгляды. На отделении журналистики у части комсомольцев проявились явно нездоровые взгляды, гнилые настроения, недисциплинированность и распушенность»^[735].

Следствие по делу студентов УрГУ закончилось в августе 1956 г. КГБ долго не могло определить соответствующие ему масштабы «политического эффекта» предстоящего процесса. До суда их держали ровно один год в одиночках^[736]. В основе приговора лежала 58 статья, еще совсем недавно используемая против «врагов народа». А. Нечаеву дали один год. Ю. Хлусов получил три года. К. Белокуров – четыре. Самый юный из них В. Колтышев – пять лет лагерей. Г. Федосеева направили на принудительное психиатрическое лечение в г. Казань^[737]. После тридцати месяцев заключения была расстроена психика Ю. Хлусова. Он умер в сумасшедшем доме в 1967 г. Г. Федосеев после принудительного лечения в Казани в 1960 г. поступил на математический факультет Московского государственного университета. Через год пропал без вести. По мнению его близкого товарища К. Белокурова, «исчез бесследно при попытке уйти на Запад»^[738].

В конце 1940-х гг в Уральском государственном университете им. А. М. Горького развертывается беспринципная борьба с космополитизмом. В апреле 1949 г. печатный орган Свердловского обкома ВКП (б) газета «Уральский рабочий» положил начало травле заведующего кафедрой философии Уральского государственного университета им. А. М. Горького Якова Абрамовича Мильнера. В опубликованной статье он обвинялся в «политических ошибках», выразившихся в том, что в ходе философской дискуссии 1947 г. высказывался в «космополитическом духе о развитии философской мысли, отрицал национальный принцип и поэтому неправильно освещал предмет философии»^[739]. Состоявшееся в июне 1949 г. общее партийное собрание Уральского государственного университета рассмотрело персональное дело Я. А. Мильнера и обнародовало новые факты его «космополитических философских заблуждений». Выяснилось, что он неправильно освещал учение Чернышев-

ского, искажил и принизил его значение. В работах о Дидро и Спинозе Я. А. Мильнер так же «проводил космополитическую линию» о мировой философии и истории общечеловеческой мысли, «порывая связь с марксизмом-ленинизмом, игнорируя партийность философии, не раскрывая классовых корней того или другого течения философии»^[740].

В ходе обсуждения вскрывались факты «крупных недостатков» в работе кафедры философии. Было признано, что «кафедра работала неудовлетворительно». Она плохо участвовала в общественно-политической жизни университета. Лишь один из присутствующих на партийном собрании коммунистов выступил в защиту Я. А. Мильнера. Это был начинающий преподаватель философии Лев Наумович Коган. Выведенный из состава партийного бюро университета в 1947 г. в связи с делом «Литературно-художественного кружка», он не утратил чувства собственного достоинства и порядочности. В своем не просто смелом, а рискованном по тем временам выступлении Л. Н. Коган пытался понять, объяснить и разделить «вину и политические ошибки» Я. А. Мильнера. Он говорил, что в «работе кафедры есть и наши ошибки, а не только ее руководителя [...] у него есть все возможности, чтобы исправить положение»^[741].

В июне 1949 г. травлю уличенных в космополитизме преподавателей УрГУ продолжило бюро Свердловского обкома ВКП (б). Оно специально обсудило итоги изучения курса марксизма-ленинизма в Уральском государственном университете и в принятом постановлении представило весьма мрачную картину идеологической обстановки в одном из крупнейших вузов Свердловска. Я. А. Мильнер оказался не единственным, кто оказался «в плену буржуазных идей космополитизма»^[742].

Судя по окончательной формулировке, завершившей травлю ученого, он не каялся во всех мнимых и реальных грехах и вел себя достойно на суде партийной инквизиции. Он был освобожден от работы в университете «за неудовлетворительную работу кафедры философии, пропаганду идей буржуазного космополи-

тизма» и «нежелание дать большевистской оценки своим ошибкам»^[743].

Наиболее разрушительные последствия борьба с «космополитизмом» имела в биологии, где вне закона оказалась «буржуазная псевдонаука» генетика, а на ее место явилась «прогрессивная» агробиология лжеученого Трофима Лысенко, который, спекулируя экономическими и, в первую очередь, сельскохозяйственными трудностями страны, торжественно обещал «лично товарищу Сталину» в минимальные сроки обеспечить в стране изобилие сельскохозяйственных продуктов. Начавшиеся накануне войны преследования генетиков и биологов были с удвоенной энергией возобновлены в 1947–1948 гг. В стране была запрещена генетика Менделя, а также все отрасли знания, которые рассматривали ту или иную форму неопределенности: квантовая физика, теория вероятности, статистический анализ в социологии.

На Урале наиболее активным и последовательным сторонником «реакционного вейсманийско-морганистского учения в биологии» являлся директор Института биологии Уральского филиала Академии наук СССР профессор В. И. Патрушев. Несмотря на развернувшуюся кампанию преследования генетиков, он не воспринял «мичуринского учения» и «мичуринских методов» Т. Лысенко. Руководимый им институт не был мобилизован на разработку актуальных проблем сельского хозяйства в духе решений августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ. Антимичуринец Патрушев вплоть до своего увольнения вел преподавание биологии, дарвинизма и генетики в моргановско-менделевской трактовке. На основе постановления бюро Свердловского обкома ВКП (б) «О состоянии научно-исследовательской работы и преподавания биологических наук в вузах и научно-исследовательских учреждениях г. Свердловска и области», принятого в октябре 1948 г., он был освобожден от должности директора Института биологии УфАН «как активный сторонник реакционного вейсманийско-морганистского направления в биологии, направлявший деятельность биологического института УфАНА

по неправильному пути и оторвавшегося от практики сельскохозяйственного производства»^[744].

В своей научной оппозиции властям В. И. Патрушев не был одинок. Профессор Винницкий в Свердловском медицинском институте так же открыто выступал против Т. Лысенко и, как отмечалось в цитируемом постановлении, «до того обнаглел, что снял его портрет в аудитории»^[745]. В Свердловском сельскохозяйственном институте заведующий кафедрой растениеводства Адегдан в научном студенческом кружке высказывал антимичуринские взгляды, помогал студентам писать рефераты, направленные против теоретических установок Лысенко. В этом институте профессор Минин и доцент Клабуко в своих лекциях «старались примирить революционное учение Мичурина – Лысенко с реакционной теорией Вейсмана – Менделя – Моргана». В лесотехническом институте доцент Вигоров принимал учение Мичурина, а декан лесохозяйственного факультета доцент Новиков уклонялся от работы по пересмотру «порочных учебников, пропагандирующих менделизм-морганизм». Научный сотрудник Института биологии УфАНА, в будущий академик Шварц доказывал важность теоретических положений изгнанного из Академии наук Шмальгаузена о стабилизирующем отборе^[746].

Это было начало разгрома уральской школы генетиков, а также большого числа ученых ботаников, зоологов и агрономов. Его довершили постановления бюро Свердловского горкома ВКП (б) «О мероприятиях по изучению и разъяснению итогов Сессии ВАСХНИЛ им. В. И. Ленина», «О положении в биологической науке»^[747] и «О состоянии и мерах по улучшению качества преподавания биологии в средних школах г. Свердловска»^[748]. Они сопровождались созданием бригад по проверке состояния научно-исследовательской работы и преподавания биологии в научно-исследовательских институтах и вузах города, изъятием из библиотек литературы, отражающей влияние «реакционного вейсманистского направления», установлением систематического контроля за состоянием

преподавания биологии, обсуждением на кафедрах мероприятий по улучшению ее преподавания, корректировкой учебных программ^[749]. В результате научная деятельность целого поколения уральских ученых, работавших в этой области, была парализована.

Во второй половине 40-х гг. на Урале, как и во всей стране, влияние партноменклатуры на духовную жизнь советских людей утрачивает даже бывшее формальное обоснование первых лет «культурной революции» и приобретает агрессивные формы прямого вмешательства в развитие гуманитарных наук. В декабре 1946 г. бюро Свердловского обкома ВКП (б) определило порядок назначения на должности преподавателей общественно-экономических дисциплин вузов, в соответствии с которым ректорам запрещалось принимать на работу в высшие учебные заведения преподавателей марксизма-ленинизма, политэкономии, философии, истории СССР и новейшей истории без согласования с обкомом ВКП (б)^[750].

Идеологическому маразму последних лет Сталина противостояла группа талантливых ученых – гуманитариев и обществоведов Свердловского педагогического института. Команда «воспитывать» будущие учительские кадры в духе псевдоидейности и псевдофилософии официального мировоззрения под аккомпанемент кнута и пряника вызвала протест у преподавателей кафедр всеобщей истории, всеобщей литературы, психологии и педагогики М. Я. Сюзюмова, Канторовича и Недоспасова. Понимая истинный смысл диалектики, они показывали студентам, что многое из того, чему их учат в вузе, противоречит реальной жизни, а аргументом является не «критерий практики», а выполнение установок руководящего мнения партии. Их стремление не допустить профанации гуманитарного и социального образования, утвердить в обучении уральских учителей подлинную мысль и культуру, отвергать «идейность без идей» рассматривалось бюро Свердловского горкома ВКП (б) в 1950 г. как «допущение Канторовичем, Сюзюмовым и Недоспасовым теоретических ошибок»^[751].

После XX съезда КПСС советская историография получила ощутимый импульс свободы творчества, обогатилась вопреки разрушительной инерции второй половины 1940-х гг., препятствовавшей этому позитивному процессу, множеством ценных и талантливых исследований. Уральскими историками были введены в научный оборот новые источники, обнародованы ранее неизвестные факты истории России. Однако в большинстве случаев этот материал должным образом не осмысливался и подгонялся под декретированные сверху оценки. Редко какому историку удавалось преодолеть традицию догматизма в отечественной науке, подняться до научных обобщений альтернативных концептуальных подходов и переосмысления богатейшего фактического материала.

Таким «ревизионистом», научные взгляды которого рассматривались как «идеологическая диверсия», на Урале являлся В. В. Адамов, заведующий кафедрой истории СССР УрГУ. В 1960-е гг. он и группа московских исследователей, специалистов в области истории СССР конца XIX – начала XX вв. – П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. Я. Аврех, Л. М. Иванов, И. В. Гиндин и др., получившая название «новое направление», предприняли попытку пересмотреть ряд установившихся стереотипов в оценке предыстории и истории Октябрьской революции. Они пришли к выводу, что степень зрелости ее материальных предпосылок в советской историографии явно завывшалась, а блок политических и классовых сил, совершивших революцию, был гораздо шире, чем это утверждалось в официальной науке. Подобные взгляды рассматривались властью как покушение на освященную господствующей идеологией концепцию.

Основанием для вывода историков «нового направления» явились результаты разработки проблемы многоукладности российской экономики. В 1969 г. в Свердловске состоялась сессия Научного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции, а в 1972 г. научная конференция, на которой специально рассматривались предпосылки Октябрьской революции под углом зрения взаимодействия социально-экономиче-

ских укладов^[752]. Именно Свердловск стал местом сбора инакомыслящих историков. Судя по материалам конференции, В. В. Адамов не затерялся на фоне маститых московских профессоров. К его авторитетной научной позиции прислушивались, он был очень активен и деятелен.

В пересмотре официальной доктрины степени зрелости объективных предпосылок Октябрьской революции даже в группе историков «нового направления» В. В. Адамов занимал, пожалуй, наиболее радикальную научную позицию. В отличие от И. Ф. Гиндина, Ю. Н. Нетесина, П. Г. Рынзюнского и некоторых других московских гостей, исходивших из факта господства в России капиталистических отношений и поэтому в многоукладности ее экономики видевших лишь многоукладность российского капитализма, В. В. Адамов считал, что «крупный капитал в России, хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь строй. Экономика страны до самой революции носила переходный характер»^[753]. Сегодня совершенно очевидно, что это была откровенно антиленинская позиция.

Почти все «новонаправленцы» были практически отлучены от науки. В ходе организованной властями обвинительной кампании их лишили возможности аргументированно вести дискуссию, а центральные и региональные средства массовой информации приложили максимум усилий для их шельмования. По воспоминаниям очевидцев, В. В. Адамов глубоко переживал происходящее. Идеологические репрессии расшатали и без того неважное здоровье фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны. Он часто болел^[754]. Его научные взгляды по заданию Свердловского горкома КПСС стали предметом резкой критики на заседании партийного комитета Уральского государственного университета. Вскоре по настоятельной рекомендации горкома КПСС В. В. Адамов от заведования кафедрой был отстранен^[755].

На фоне начинавшегося свертывания прогрессивных преобразований предшествующих лет, усилившихся проявлений авторитарных тенденций в деятельности Н. С. Хрущева вполне

логично выглядит предпринятая в 1962 г. Свердловским обкомом КПСС атака на журнал «Урал». Поводом для разгромного постановления бюро Свердловского обкома КПСС «Об ошибочных выступлениях журнала „Урал“» послужила инициатива его редакции, обратившейся к читателям с предложением высказать свои суждения о путях развития советской литературы. Однако, уже в первой, опубликованной в журнале №11 статье пермского писателя В. Астафьева «Нет, алмазы на дороге не валяются» обнаружилось, по мнению бюро обкома, противоречие между замыслом редакции и его практическим осуществлением. Как отмечалось в постановлении, в своей статье В. Астафьев полностью обошел главные проблемы развития литературы и искусства, определенные Программой КПСС. Автор сосредоточил главное внимание на отвлеченном обсуждении таких понятий, как нежность и красота и отрицал художественную и идейную ценность произведений писателей, откликнувшихся на современные темы и, по существу, поставил под сомнение позицию партии по идейно-художественным вопросам^[756].

Особенно критически свердловский обком КПСС оценивал статьи редактора журнала «Урал» – члена КПСС Г. К. Краснова. Ему за публикацию «незрелых, беспринципных, бьющих на сенсацию выступлений» был объявлен выговор^[757].

Подводя итог деятельности Г. К. Краснова в качестве главного редактора, бюро обкома констатировало, что «руководство журнала не сделало для себя необходимых выводов из постановления бюро обкома КПСС от 5 февраля 1963 г., нередко беспринципно относилось к отбору произведений для публикаций на страницах журнала, не предъявляло к авторам высокой партийной требовательности». Г. К. Краснов был освобожден от обязанностей главного редактора журнала Урал^[758].

«Оттепель» 1950-х гг. сдавала позицию за позицией. В этом отступлении угадывались симптомы окончательного поворота к консерватизму, грозящего принять необратимый характер. Официально культивировавшаяся статичность творчества, осно-

ванного на социалистическом реализме, вызвала к жизни такое характерное для 60–80-х гг. литературное явление, как «антисоветские сочинения».

18 марта 1974 г. в г. Свердловске судебная коллегия в открытом заседании рассмотрела дело по обвинению Петра Арзанафьевича Молокова. Он родился в 1937 г. в г. Тюмени. После окончания средней школы работал матросом на судне в Мурманской области. Демобилизовавшись из армии в 1960 г., устроился на УЗТМ в г. Свердловске, где работал сначала стропалем, а затем шофером. Одновременно поступил учиться на заочное отделение факультета журналистики УрГУ. С 1963 по 1974 гг. П. А. Молоков работал преподавателем немецкого языка, директором школы, заведующим отделом писем городских газет в Шале, Асбесте и Артемовском. В ходе следствия дознаватели вынуждены были признать, что он «являлся образованным и опытным газетчиком»^[759]. Коллеги по работе характеризовали его как «разносторонне увлеченного, эрудированного, с широким кругозором человека»^[760].

В 1969–1973 гг. П. А. Молоков написал повести «Первый ухаб», «Суд в Симонятах», «Осина горькая» и стихи, начинавшиеся словами «Народ мой [...]». Его произведения объединяла общая идея о враждебности человеку советского общественного и государственного строя. Коммунизм, по мнению автора, является, в сущности, новой религией, созданной ее жрецами для оболванивания народа. Одной из форм обмана людей являются выборы в органы власти, так как «выборы одного из одного» — это бессмыслица и представляет собой, по сути, диктатуру. Октябрьская революция 1917 г. была бесперспективна и вредна, так как лишила личность свободы и подчинила ее государству. П. А. Молоков утверждал, что в советской стране «общественность влезает в душу людей, вторгается в самые интимные области человеческих чувств и мыслей, осуществляет контроль над художественным творчеством». В его произведениях люди либо гибнут в условиях «реального социализма», либо вынуждены приспособляться, лицемерить, лгать не только другим,

но и себе самому^[761]. Суд справедливо квалифицировал повести уральского писателя как антисоветские.

Кроме этого, П. А. Молокову предъявляли в качестве одного из главных обвинений попытку опубликования книги за границей. Подсудимый не признал свою вину. Это стоило ему лишения свободы в соответствии со статьей 190–1 УК РСФСР сроком на два года и шесть месяцев с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима^[762].

Противостояние инакомыслящей части общества и партийной власти происходило не только в сфере социальной науки, но и во всех областях духовной деятельности людей, где наиболее ярко проявлялись индивидуальные творческие способности личности. Так было и в сфере изобразительного искусства. Многие неформальные течения на Урале не находили официального признания и существовали на положении андеграунда.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг., время «оттепели», которое для культуры Свердловска было знаменательно тем, что именно тогда в родной город вернулись многие выпускники Ленинградских и Московских художественных вузов, составив с талантливыми выпускниками городского художественного училища плеяду молодых мастеров, оплодотворенных новыми творческими исканиями. Молодые уральские художники не желали расставаться с романтической верой в возможность «нонконформистского официального искусства». Они мечтали о создании монументальных произведений гражданского звучания. Идеалом для них станет выдающийся скульптор Эрнст Неизвестный, а примером мозаика «Освобождение человека» Бориса Тальберга на фасаде дворца культуры «Урал» электромеханического завода, выполненная им в 1968 г.^[763]

Пик социальных иллюзий и начало кризиса творческих исканий свердловских художников обозначила история с картиной Геннадия Мосина и Михаила Брусиловского «1918-й», показанная в 1964 г. на первой зональной выставке «Урал социалистический». Последовавшие выставки усилили их контакты с коллегами из Челябинска и Оренбурга, Перми и Уфы, Тюмени и Кургана. Они

укрепляли позиции ранее разобщенных молодых новаторов и на первых порах даже противостояли консервативно настроенным властям. Во всяком случае, на требования московского начальства снять «1918-й» выставком ответил единогласным отказом. Споры о картине охватили весь город. Это был редкий случай в советской действительности, когда произведение изобразительного искусства стало явлением не только художественной, но и общественной жизни^[764].

«Неформальная» духовная активность «оттепели» питала нравственную и политическую оппозиционность формирующегося правозащитного движения, истоки которого мы относим к середине 1940-х гг.

6.2. САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ УРАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ СЕРЕДИНЫ 1940-Х – СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГГ. (А. И. ПРИЩЕПА)

Начиная с 1946 г. в СССР прокатилась волна политических процессов, связанных с оппозиционной деятельностью «антисоветских молодежных групп». Они были созданы в Москве, Воронеже, Свердловске, Челябинске и многих других городах страны. В следственных делах эти молодежные организации в ряде случаев квалифицировались даже как «террористические». Их участниками были школьники старших классов, учащиеся техникумов, студенты вузов.

Интересен генезис движения. У его истоков лежали совсем не политические мотивы. Молодые люди собирались в кругу близких товарищей для самостоятельного изучения литературы, философии, истории. Попытки уйти от официальных штампов школьных и вузовских программ, навязанных оценок и дозволенных суждений перерастали в потребность, а затем и в способность самостоятельно мыслить. Естественный процесс познания переключался с вопросов литературы и философии на проблемы современной политики. Тогда возникала общая

для молодежных групп идея: сталинский режим на деле означает вовсе не то, за что он себя выдает^[765].

Воспользовавшись победой народа, объективно укреплявшей авторитет государства, власти через карательные органы повели войну с ним. Идеологическое и политическое ужесточение 1945–1953 гг. привело к разрастанию репрессивных органов и концентрационной системы. В 1948–1952 гг. число заключенных в лагерях и тюрьмах достигло своего максимального уровня^[766]. В 1948 г. в СССР были созданы лагеря «специального режима», в которых содержались лица, осужденные за «антисоветские» и «контрреволюционные акты». У этих людей не оставалось никаких иллюзий относительно антигуманного характера советской системы. Они, как правило, прошли военную службу, умели обращаться с оружием и имели совершенно другой жизненный опыт и мировосприятие по сравнению с «врагами народа» 1930-х гг., убежденных, что их арест является результатом «ужасного недоразумения».

Способные сопротивляться давлению уголовников, которые при попустительстве администрации всегда терроризировали «политических», эти новые заключенные превратили некоторые спецлагеря в настоящие очаги восстаний и организованного политического сопротивления. Самые известные из них произошли в Печоре (1948), Салехарде (1950), Кенгире (1952), Экибастузе (1952), Воркуте (1953), Норильске (1953) и ряде других спецлагерей^[767]. Возглавленное, как и в большинстве предыдущих вооруженных выступлений бывшими военными, это движение приняло открытый политический характер.

На Урале в октябре 1951 г. осужденный за «контрреволюционную деятельность» заключенный «Востураллага» В. С. Поваров, участник Великой Отечественной войны, награжденный орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя медалями «За отвагу», имеющий четыре личных благодарности Сталина, дважды тяжело раненный и дважды контуженный, сын замученного немцами командира партизанского отряда майора В. С. Поварова^[768], вместе с солагерником

В. П. Ильчиным написали на простыне антисоветские лозунги, призывавшие к свержению социалистического строя в СССР, и вывесили их на заборе жилой зоны. После заключения в ШИ-30 В. С. Поваров объявил голодовку и заявил, что ему «противен сталинский хлеб»^[769].

Следствием было установлено, что враждебно настроенный к советской власти В. С. Поваров систематически проводил агитацию среди заключенных лагпунктов «Тигень» и «Березники» 5-го отделения «Востураллага» МВД СССР. За период с декабря 1948 г. по сентябрь 1950 г. он сочинил несколько стихотворений контрреволюционного содержания, в которых «клеветал на Советскую власть, на руководителей большевистской партии и Советского государства», а также читал эти стихотворения другим заключенным. На основании статьи 58–10 части 1 В. С. Поваров, В. П. Ильчин, В. П. Багрянцев были приговорены к лишению свободы на десять лет каждый^[770].

В декабре 1951 г. во время выборов народного судьи 1-го участка Орджоникидзевского района г. Свердловска Г. А. Куприн, участник Великой Отечественной войны, награжденный медалями «За победу над Японией» и «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии», на избирательном бюллетене «учинил контрреволюционные надписи: „Долой фашистское правительство Сталина!“ и „Долой крепостное право!“»^[771].

Г. А. Куприн служил в Советской армии с 1944 по 1951 гг. Там ему постоянно приходилось слышать от солдат высказывания о недостатках, имевших место в колхозах и промышленности. В 1950–1951 гг. он работал на радиотехнических пеленгаторах в порту Дальнем в качестве оператора-пеленгаторщика и в свободное время прослушивал передачи радиостанции «Голос Америки». Они оставили в нем глубокий след и заставили, как он вспоминал, «несколько другими глазами глядеть на советскую действительность»^[772].

После демобилизации из армии Г. А. Куприн приехал в Свердловск и в сентябре 1951 г. поступил работать на Уралмашзавод в качестве токаря. Небольшие заработки, периодически

пересматриваемые расценки и увеличиваемые нормы выработки, трудности с жильем — все это вместе взятое, как показывал на следствии Г. А. Куприн: «Породило во мне недовольство жизнью, порядками, и, в конце концов, я на избирательных бюллетенях учинил надписи антисоветского характера»^[773].

Г. А. Куприн был арестован 27 марта 1957 г. Криминалистическая экспертиза почерка доказала, что он в течение семи лет систематически в ходе избирательных кампаний в центральные и местные органы власти «выполнял надписи антисоветского содержания». В 1954–1957 гг., являясь студентом исторического факультета УрГУ, не прекращал своей антисоветской деятельности, распространял среди студентов свои убеждения, «кохаивал внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства и советскую действительность, восхвалял американский образ жизни»^[774].

В 1951 г. Г. А. Куприн познакомился с рабочим 80-го цеха УЗТМ Е. М. Лихачевым. Их политические настроения оказались весьма близкими. Токарю Уралмашзавода и недоучившемуся историку не хватало специального образования для формулирования своих социально-политических требований и конструктивных лозунгов. Однако в критике и оппозиционности Советскому правительству они были весьма настойчивы и последовательны. Е. М. Лихачев вплоть до марта 1957 г., используя 12 избирательных бюллетеней, анонимно выражал свое несогласие с существующим общественно-политическим строем в СССР и «призывал к ликвидации Коммунистической партии Советского Союза»^[775].

Состоявшийся в июле 1957 г. в г. Свердловске суд приговорил Г. А. Куприна и Е. М. Лихачева на основании статьи 58—10 часть 1 к лишению свободы соответственно на пять и четыре года без поражения прав^[776]. В августе 1958 г. Президиум Верховного суда РСФСР снизил меру наказания Г. А. Куприну до трех лет лишения свободы и в силу Указа ПВС СССР от 27 марта 1953 г. он от дальнейшего отбытия наказания был освобожден, с него была снята судимость. Е. М. Лихачеву снизи-

ли меру наказания до двух лет и за отбытием этого срока из-под стражи освободили^[777]. Однако судьбы молодых людей уже были сломаны. Г. А. Куприн историком так и не стал. Обосновался в местах, где отбывал срок, осел в г. Караганде. Е. М. Лихачев, конечно, в тюрьме не вылечился.

Репрессии второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг., казалось, навсегда выкорчевали не только какие-либо оппозиционные ростки, но и само явление свободомыслия. Однако в середине 1950-х гг. наступает новый этап в развитии инакомыслия в советском обществе.

После смерти Сталина начинается борьба за лидерство в руководстве партии и страны, в ходе которой разоблачение культа личности, начало реабилитации его жертв, попытки реформирования культовой модели социализма использовались наследниками Сталина для укрепления своих номенклатурных позиций. Наиболее ярко это проявилось в либеральных новациях Л. П. Берии в марте-июне 1953 г. и особенно в сенсационном докладе Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС в феврале 1956 г.

Вероятно самыми глубокими непредвиденными последствиями «детской болезни „либерализма“ в коммунизме» посталаинского руководства стало раскрепощение духовной жизни советских людей, новое политическое мышление и снижение социального страха.

В Свердловске эпицентром разоблачения культа личности Сталина и выражения инакомыслия стали студенческие аудитории трех крупнейших вузов Урала – Уральского политехнического института им. С. М. Кирова, Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Уральского педагогического института. Состоявшиеся в октябре-ноябре 1956 г. отчетно-выборные комсомольские собрания этих вузов в буквальном смысле потрясли партийную власть г. Свердловска.

13 ноября 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС специально рассмотрело вопрос «О факте антипартийного, антисоветского выступления на XIII отчетно-выборной комсомольской

конференции Уральского политехнического института им. С. М. Кирова». С глубокой тревогой члены бюро областного комитета партии констатировали, что на этой конференции имел место факт «антипартийного, антисоветского выступления делегата конференции, студента 4-го курса физико-технического факультета А. А. Немелкова», в котором им были сделаны «клеветнические заявления и выпады против партии, комсомола, государства и народа». Весьма показательно, что, по признанию самого бюро обкома партии, «этому выступлению сразу же не дано было решительного отпора»^[778].

Для наведения порядка на конференции потребовалось вмешательство самых высших партийных инстанций индустриального центра страны. «Только на третий день, – успокаивая вышестоящие партийные органы, писало в своем постановлении бюро Свердловского обкома КПСС, – правильный ход конференции был обеспечен»^[779].

Еще больший импульс инакомыслию придали решения XX съезда КПСС в Уральском педагогическом институте. Здесь была предпринята попытка утвердить демократические принципы в организации студенческой жизни и комсомольской работы в вузе. 1 ноября 1956 г. после окончания собрания студенческого актива группа его участников – члены ВЛКСМ Северова, Бродский, Фельдман и ряд других студентов по своей инициативе, самовольно организовали выборы «Комиссии по выработке требований к администрации и партийным органам института». Подготовленный этой комиссией «Проект решения студенческого коллектива» содержал, как отмечало в своем постановлении бюро Свердловского обкома КПСС 20 ноября 1956 г., «целый ряд ошибочных формулировок и предложений»^[780]. Наиболее активные инакомыслящие студенты педагогического института организовали обсуждение проекта в учебных группах и подразделениях вуза. «Эти недопустимые действия группы студентов [...] не получили должного отпора со стороны комсомольской организации»^[781], что свидетельствовало о глубокой эволюции сознания значительной части студенческой молодежи.

Массовый характер «разнузданные и демагогические выступления об изживании комсомола с требованиями „свободы критики“, „свободы слова“, „демократии“ приняли на отчетно-выборном комсомольском собрании отделения журналистики УрГУ, состоявшемся в конце октября 1956 г. Общий характер комсомольского собрания студентов-журналистов был необычен даже в сравнении с ситуацией, сложившейся в политехническом и педагогическом институтах. На собрании в УрГУ кричали, свистели, стучали ногами. Выступления коммунистов встречали криками: „Долой с трибуны!“, „Хватит!“. Выдвижение кандидатов в состав бюро ВЛКСМ прошло в обстановке шума, отводов и самоотводов. Студенты Антонов, Черкизов, Скоп, Абдрашидов, Лиханов и многие другие выступали против мелочной, перестраховочной опеки партийного бюро комсомольской жизни факультета, требовали демократических изменений в комсомоле, свободы идеологических дискуссий и развития студенческого самоуправления в вузе. Много критических замечаний было высказано в адрес администрации и преподавателей университета с требованиями улучшения преподавания обществоведческих наук, увольнения с работы ряда не пользующихся авторитетом преподавателей, введения свободного посещения лекций, увеличение размера студенческой стипендии»^[782].

Меры в отношении «взбунтовавшегося факультета» УрГУ со стороны партийных властей города были особенно крутыми. Были исключены из комсомола и университета почти все активные участники собрания^[783]. 13 ноября 1956 г. решением бюро Свердловского обкома КПСС от обязанностей ректора университета был освобожден Г. И. Чуфаров с традиционной для того времени формулировкой «по состоянию здоровья»^[784]. 27 ноября 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС приняло специальное постановление «О фактах нездоровых проявлений среди студентов филологического факультета Уральского госуниверситета им. А. М. Горького», в котором обвиняло бывшего ректора университета в «потере чувства партийной и государственной ответственности за воспитание молодежи... высокой требова-

тельности к преподавательскому составу». Этим постановлением бюро обкома КПСС инициировало расправу над преподавателями, «утратившими политическую бдительность, допуская либеральное, примиренческое, беспринципное отношение к фактам нездоровых настроений»^[785].

Прислушиваясь к голосу Свердловского обкома КПСС, ученый совет Уральского государственного университета 31 января 1957 г. рассмотрел вопрос «О поведении преподавателя т. Куканова Александра Михайловича». В ходе его обсуждения, заслуженного фронтовика, участника боев под Халхин-Голом, сражения под Сталинградом, штурма Вены и освобождения Венгрии, обвиняли в высказываниях о том, что «у нас возрождается обстановка 37 и 49 годов». Ему инкриминировали факт совместных с преподавателем университета Тмарченко неортодоксальных заявлений о нарушениях норм партийной жизни, ограничении критики и демократии в партии и обществе. В предложенной профессором Ф. П. Быстрых резолюции ученый совет осудил «демагогические, нездоровые взгляды и настроения преподавателя А. М. Куканова» и просил ректорат освободить его от работы в Уральском государственном университете^[786].

Повсеместно нарастающее в стране «брожение умов» вызвало в середине 1950-х гг. ответную реакцию властей. 19 декабря 1956 г. последовало «закрытое» письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок „антисоветских, враждебных элементов“»^[787], самим названием свидетельствовавшее о наличии в обществе оппозиционных настроений и недовольства заметной части населения политическим и экономическим курсом руководства страны.

Явно «экстремистской» представлялась органам КГБ действовавшая в Свердловске группа Льва Григорьевича Шефера, члены которой считали, что «для нас парламентский путь неприемлем [...], остается только второй путь — путь революции большинства, долженствующий привести к победе нового строя, к возрождению целей и методов социализма»^[788].

Эта организация являлась самой многочисленной на Урале в первой половине 60-х гг. По ее делу было привлечено к уголовной ответственности восемь человек. Кроме этого, материалы в отношении А. М. Балаховского, Ю. М. Денисова, В. И. Завьялова, Л. А. Речкина и А. А. Асанкина были выделены в отдельное производство. Несомненно, что следственные органы Управления КГБ по Свердловской области рассматривали его результаты как исключительный успех своей оперативной работы. В контрольном листе, фиксирувавшем доступ к делу Л. Г. Шефера, отмечалось, что оно использовалось девятнадцать раз в течение 1965–1984 гг. с учебной целью слушателями высших курсов КГБ^[789].

Лидером группы и ее организатором являлся Л. Г. Шефер. Это имя было широко известно в кругу уральских политических заключенных. Л. Г. Шефер после освобождения продолжал антисоветскую деятельность, привлекался к судебной ответственности по политическим мотивам и отбывал вторично срок заключения в первой половине 80-х гг.^[790]

Становление Л. Г. Шефера как «антисоветчика» было типичным для «социалистов» периода «хрущевской оттепели». Первоначально одобряя, как и все здравомыслящие люди, решения XX съезда КПСС, он вскоре понял глубинный смысл этого поворота. Партия очищалась для того, чтобы окрепнуть, восстановить монопольное положение в идеологической жизни общества, которое сильно пошатнулось. В своей рукописи «Организационные вопросы построения революционной партии» он писал: «Так называемое новое правительство состоит из тех же „коммунистов“, что и при Сталине, с той лишь разницей, что те, кто правил при Сталине были его ставленники, а теперь правят ставленники Хрущева. Во главе же ЦК и правительства стоит один из самых активных деятелей сталинского режима – Хрущев. Этим и определяется преемственность нынешнего режима от прежнего. Решение задачи построения подлинного социализма в нашей стране состоит в прерывании преемственности»^[791].

Л. Г. Шефер в беседах со своими знакомыми в 1957–1958 гг. остро критиковал «социалистическую демократию» с ее главным тезисом о диктатуре пролетариата, одобрял революционные события в Венгерской Народной Республике, утверждал, что культ личности и необоснованные репрессии являлись закономерным явлением в развитии советского социалистического государства^[792].

В начале июня 1962 г. в связи с повышением цен на продовольственные товары Л. Г. Шефер написал текст листовки, в которой указывал на прямую связь ухудшения материального положения советских людей с господствующим политическим режимом в стране. Он разоблачал коррумпированность правительственного аппарата, репрессии и антидемократизм советского тоталитарного общественно-политического строя^[793].

Вероятно, участники обсуждения текста листовки, опасаясь арестов, решили сосредоточить свои усилия на решении главной задачи — создании подпольной политической партии. С этой целью Л. Г. Шефер в октябре-ноябре 1962 г. написал документ «Организационные вопросы построения революционной партии»^[794]. Провозгласив идею социальной революции в СССР, результатом которой станет возрождение «истинного социализма», Л. Г. Шефер в этом документе главное внимание уделял структуре будущей революционной организации и предполагал, «учитывая неплохо поставленную жандармскую службу с многочисленными традициями подавления свободы, учитывая запуганность и разобщенность рабочего класса и крестьянства», «строить партию по концентрическому принципу»^[795].

Причастность широкого круга людей, разделявших или симпатизировавших взглядам Л. Г. Шефера и его друзей, придавала политическому процессу 1963 г. в г. Свердловске особую значимость. Весьма показательно, что дело рассматривалось в закрытом заседании, а судебный процесс длился достаточно долго — с 15 по 18 апреля. Сделав ссылку на «хрущевскую либерализацию», можно утверждать, что и сроки наказания были весьма су-

ровыми для 1963 г. Признанные виновными по статье 70 части 1 и 72 УК РСФСР участники «антисоветской группы» были приговорены к лишению свободы с содержанием в лагерях строгого режима соответственно Л. Г. Шефер – к четырем годам, А. Р. Судаков – к трем годам, В. А. Ельчин – к двум годам^[796].

Таким образом, получившая мощный импульс в годы Великой Отечественной войны политическая активность советских людей в послевоенные годы существенно возросла. Она проросла зачатками инакомыслия в большей мере у молодежи, не испытавшей репрессий эпохи массового террора 1930-х гг. и имевшей поэтому больше надежд и иллюзий на возможные преобразования политического режима в СССР.

Более радикальные и опасные формы общественного протеста имели место в социальной среде, прошедшей горнило войны, имевшей опыт боевых действий и владевшей оружием. Как правило, ее представителями являлись заключенные лагерей «специального режима», в которых в очень тяжелых условиях содержались лица, осужденные за «антисоветские» или «контрреволюционные акты».

В 1950–1960-х гг. «социалисты» представляли широкий круг инакомыслящих советских граждан и являлись существенным фактором общественной жизни интеллигенции СССР. Под их влиянием находилась определенное время значительная часть наиболее ярких представителей советских диссидентов, будущих правозащитников.

6.3. НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ В 1960–1980-Х ГГ. (А. И. ПРИЩЕПА)

С приходом к власти брежневского руководства стало ощущаться ужесточение политического климата в стране, усиление нетерпимости властей к проявлению свободомыслия. Возникла угроза реанимации сталинизма. Надежды прогрессивной части

советского общества на продолжение процесса либерализации таяли. В этой ситуации был неизбежен медленный, но неостановимый рост протеста. Он проявлялся как в политической, так и духовной сферах общественного развития. Особое внимание в СССР и за его пределами привлекал феномен возникшего «правозащитного движения» – наиболее радикального, заметного и мужественного несогласия существенной части советской интеллигенции в 1960–1980-е гг. Однако логика политической борьбы в СССР неумолимо загоняла диссидентов в подполье.

В 1968 г. на Урале была создана по инициативе и под руководством В. И. Балакирева нелегальная организация «Просветительское общество», многочисленная подпольная группа, включавшая в себя несколько десятков представителей различных городов страны. Ее основу составляли уральские диссиденты, координатором деятельности которых являлся замеченный еще в 1964 г. органами КГБ за «крамольные разговоры с рабочими, пропагандистскую деятельность, сбор информации о забастовках на предприятиях Лысьвы, Куйбышева, Новочеркаска» житель г. Чусового Пермской области В. А. Шаклеин. В силу обстоятельств ему пришлось переменить много мест проживания, познать условия существования простого советского народа в послевоенное двадцатилетие во многих регионах страны, сблизиться со многими людьми, разделявшими его критические взгляды.

«Просветительское общество» провозгласило приверженность его членов правозащитным идеалам, но странным образом сочетало с ним и все родовые черты политической подпольной организации. Был разработан «Устав», строго регистрировалось членство в организации, собирались членские взносы, существовала касса организации^[797].

Благодаря деятельности уральских диссидентов, членов «Просветительского общества», инакомыслящие Урала имели возможность изучать самиздатовскую литературу во всем ее объеме и разнообразии жанров.

Находясь в шоке от крупных выступлений диссидентов, власть принимала усилия для подведения под борьбу с ними

«научной основы». В мае 1967 г. был отправлен в отставку председатель КГБ В. Семичастный. Вместо него был назначен секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. По его инициативе была изменена структура КГБ, в котором для борьбы с внутренней оппозицией было специально создано «Пятое управление». Изменились формы и методы борьбы с инакомыслием, ставшие более разнообразными и изощренными. Все чаще судебное наказание заменялось административным: снятием с работы, лишением прописки в Москве и других городах. Протестовавшую интеллигенцию лишали возможности выезжать за границу.

Однако, несмотря на принимаемые меры, существенного уменьшения числа антисоветских подпольных групп не происходило. По данным КГБ, в 1967–1971 гг. было выявлено 3096 «группировок политически вредного характера», профилировано 13 602 человека, входивших в их состав^[798]. Заметный рост активности антисоветских подпольных групп наблюдается и на Урале.

В 1969 г. Управлением КГБ по Свердловской области была раскрыта нелегальная молодежная группа, которая в материалах КГБ проходила как «Партия свободной России»^[799]. Виктор Пестов, один из наиболее ее активных участников, вспоминая об истории создания этой организации, писал: «Решили взять пример с РСДРП, так как другой литературы под рукой не было, — создать подпольную организацию. Дали ей название „Свободная Россия — партия трудящейся молодежи“»^[800].

Основываясь на воспоминаниях Виктора Пестова, можно уверенно констатировать, что эта организация много внимания уделяла вопросам конспирации^[801]. Численность молодежной организации была типичной для подобного рода групп. «По делу „Свободной России“ прошло пять человек. Остальных пустили как свидетелей, где-то около десяти человек», — вспоминал В. Пестов^[802].

Видимо, для того, чтобы придать организации еще более радикальный классовый характер, весной 1970 г. участники группы приняли новое название — Российская рабочая партия. КГБ

был крайне обеспокоен ее деятельностью и уделял ей самое пристальное внимание. 12 июня 1970 г. в адрес ЦК КПСС под грифом «совершенно секретно» была направлена информация за подписью самого Ю. В. Андропова. Памятная записка была полностью посвящена анализу деятельности Российской рабочей партии. В ней подчеркивался антисоветский, террористический характер организации. Изъяв при обыске пишущую машинку, копировальную и писчую бумагу, 70 экземпляров программы и устава партии, ведомость уплаты членских взносов, холодное оружие – кинжал, органы КГБ сообщали в общий отдел ЦК КПСС: «Зафиксировано, что Пестов старший рассказывал сокамернику о намерении группы поднять мятеж, воспользовавшись для этого днем встречи космонавтов и применив против правительства огнестрельное оружие»^[803], – с большой долей беспокойства сообщалось в Памятной записке.

«Сюжеты о террористических намерениях были явной выдумкой органов, стремившихся получить большую свободу действий против участников группы», – рассказывал позже автору этих строк вымышленный организатор «контрреволюционного мятежа» Виктор Пестов. «У нас и оружия-то никакого не было, кроме кинжала. Да и не кинжал это был, а простой охотничий нож», – уточнял несостоявшийся террорист^[804].

«Я думал, что социализм необходимо улучшать», – рассказывал о деятельности уральской группы В. Пестов. Поскольку в обществе были сильны марксистские убеждения, то и программа писалась с марксистской позиции. «Мы пришли к выводу, что нашей стране необходим возврат к демократическим устоям, и самым наглядным примером для нас тогда выступала Югославия», – вспоминал он^[805]. Программа включала в себя требования свободы слова, отмены цензуры, независимости профсоюзов и другие демократические требования. В социальной области «мятежники» добивались повышения заработной платы рабочим и стипендии студентам, улучшения жилищных условий и медицинского обслуживания.

Участники группы в два приема отпечатали около 700 анти-советских листовок, озаглавленных «Нота советскому правительству от трудящейся молодежи СССР» и «Минус будущее, плюс прошлое – современный социализм». В них нашли отражение основные программные требования Революционной рабочей партии. Значительная часть этих листовок 7 ноября 1969 г. была сброшена в Свердловске с виадука над проспектом Космонавтов в праздничную колонну электровозоремонтного завода и в группу демонстрантов – студентов и преподавателей политехнического и юридического институтов. Часть листовок была разбросана в районах УПИ и железнодорожного вокзала. Чтобы сбить агентов КГБ со следа, участники группы приняли решение о направлении Н. Шабурова в г. Лиепая. Ему было поручено распространить листовки 1 мая 1970 г. в Ленинграде. «Всего мы распечатали и распространили около 2000 листовок разного содержания», – отмечал В. Пестов^[806].

Аресты членов уральской группы Революционной рабочей партии начались 19 мая 1970 г. Первым был арестован Владислав Узлов в Серове, затем Виктор и Валерий Пестовы в Свердловске, 25 мая – Н. Шабуров и В. Берсенев. Обвиняли их на основании статье 70 части 1 УК РСФСР «Организационная деятельность, направленная на подрыв и ослабление существующего строя». «Я считал, что инкриминировали нам статьи УК правильно, – подчеркивал в своих воспоминаниях Виктор Пестов. – Суд проходил в ноябре 1970 г. в Свердловске. Приговоры – от пяти до трех лет лагерей»^[807].

Ровно через год – в ноябре 1971 г. – в Свердловске состоялся суд над семью членами другой нелегальной организации, действовавшей на Урале, назвавшей себя Революционной партией интеллектуалистов Советского Союза. По делу проходили 27-летний слесарь из Нижнего Тагила, бывший член КПСС, Георгий Давиденко – руководитель организации, Василий Спиненко, 1947 г. р., выпускник философского факультета Донецкого университета – идеолог организации, а также Александр Киселев 1951 г. р., слесарь одной из шахт г. Макеевки, Евгений Бабищев,

1948 г. р., Наталья Лаврентьева, 1950 г. р., Виктор Семилетов и Виктор Беломесов^[808].

Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза проделала большую работу по распространению статей своего идеолога В. Спиненко. В созданной ею подпольной типографии были отпечатаны работы В. Спиненко «Трамполизм» и «Рождение новых классов при социализме», о которых в приговоре было сказано, что они «утверждали о деградации социалистического общества, о вырождении комсомола»^[809]. Учитывая особую социальную опасность В. Спиненко и разработанных им теорий развития общества, а также его поведение на следствии, органы КГБ решили подвергнуть инакомыслящего философа психиатрической экспертизе.

Помещение диссидентов в психиатрические лечебницы продолжало оставаться самым тяжелым физическим и нравственным наказанием. В конце 1960-х гг., кроме обычных психиатрических больниц Минздрава, расширялась сеть специальных «лечебниц», подчиненных КГБ и МВД. 29 апреля 1969 г. Ю. Андропов направил в ЦК КПСС письмо с планом развертывания сети специальных психиатрических лечебниц и предложениями по поводу их использования «для защиты советского государственного и общественного строя». Руководство партии с большим интересом отнеслось к инициативам Юрия Владимировича и приняло основанные на них специальные решения Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР^[810].

На Урале же совершенно неожиданно для органов КГБ первая психиатрическая экспертиза В. Спиненко не дала ожидаемых следствием результатов: он был признан психически здоровым. Была назначена повторная экспертиза. И на этот раз врачи оказались верны клятве Гиппократата. Лишь только на третий раз КГБ удалось подобрать такой состав «врачебной комиссии», которая вынесла угодный властям вердикт^[811].

В 1970-е гг. в использовании психиатрии против инакомыслящих появилось новое благоприятное для властей обстоя-

тельство: академиком АМН СССР А. В. Снежневским был «теоретически» обоснован диагноз «вялотекущей шизофрении», позволявший объявить больным любого человека, чьи политические взгляды отличались от общепринятых^[812].

По решению суда В. Спиненко был направлен в психиатрическую лечебницу закрытого типа в г. Талгар Алма-Атинской области, где провел пять лет в полной изоляции. Лишь в декабре 1976 г. он был переведен в психиатрическую лечебницу по месту жительства в г. Макеевку Донецкой области. По нашим данным, вплоть до середины 1980-х гг. узник советской репрессивной психиатрии В. Спиненко находился в изоляции психических больниц, лишь эпизодически, на короткое время, выходя на свободу^[813].

Иначе складывались условия сопротивления тоталитарной системе и формирование гражданской позиции для других уральских подпольщиков. Находясь в лагерях и тюрьмах, объединенные с правозащитниками общей борьбой с администрацией, они все в большей степени усваивали идеалы движения за права человека, попадали под влияние его активистов, сближались с ними духовно.

Так, например, Г. М. Давиденко отбывал срок в 35 лагпункте на севере Пермской области с известными правозащитниками В. Буковским, А. Марченко, А. Огурцовым, Суперфином, Альтманом, Антонюком, Глузманом и другими видными деятелями правозащитного движения^[814]. Он проникся уважением к основным ценностям правозащитников: идее открытой борьбы, гуманизма, демократии, отказа от навязывания односторонних идеологических установок и штампов, утверждения социальной справедливости, понимаемой как равенство всех граждан в правах и возможностях.

После освобождения из лагерей уральские подпольщики активно включались в правозащитную работу. 20 мая 1975 г. вернулся в Свердловск Виктор Пестов. 4 декабря 1976 г. под прикрытием его свадьбы собрались бывшие свердловские политзеки для обсуждения планов своих дальнейших действий.

Чуть позже на квартире брата Виктора состоялась встреча, в которой, кроме них, участвовали Г. Давиденко, В. Узлов и известный омский правозащитник В. Поташев. Участники встречи приняли решение о создании Добровольного гражданского фонда имени Солженицына. Главной целью фонда являлось оказание помощи политзаключенным в лагерях, вышедшим на свободу диссидентам, транспортировка и распространение литературы. Были приобретены пишущие машинки, радиоприемники и магнитофоны, канцелярские принадлежности, создана фотолаборатория^[815].

Обеспокоенное масштабами деятельности Добровольного гражданского фонда имени Солженицына Управление КГБ по Свердловской области делало все возможное для ее пресечения. В 1976 г. Виктор Пестов дважды был подвергнут допросам в связи с тем, что его знакомый, студент УрГУ, признался сотрудникам КГБ о передаче ему В. Пестовым книги А. Д. Сахарова «О стране и мире». В мае 1977 г. В. Пестова, Г. Давиденко, В. Узлова допрашивали в связи с привлечшим мировое общественное мнение делом известного правозащитника Александра Гинзбурга^[816].

«Лагерный период» диссидентской деятельности стал временем эволюции «революционных» взглядов и убежденности в справедливости избранного жизненного пути для «ветеранов» диссидентского движения на Урале «подпольщиков» Л. Г. Шефера и В. А. Ельчина, привлекавшихся к судебной ответственности^[817]^[овл.].

Характер деятельности лидеров уральского политического подполья, их литературные и общественно-политические пристрастия свидетельствуют об осознании ими бесперспективности конспиративной антисоветской деятельности, ставящей целью кардинальное изменение существующей политической системы. В условиях тотального полицейского надзора и летаргической политической пассивности преобладающей части населения страны «подпольщики» все в большей мере тяготели к правозащитным ценностям и идеалам, их формам и методам борьбы.

В 1960-е гг. инакомыслие, выражавшее критику режима культа личности, переросло в критику реального социалистического общества в СССР. По мнению известного философа А. А. Зиновьева, к этому времени сформировалась новая форма оппозиции – диссидентское движение, явление, которое он рассматривал «самым значительным в социальной истории Советского Союза, в том смысле, что оно перед всем миром с огромной силой поставило вопрос о сущности коммунистического общества и впервые в истории этого общества дало пример оппозиции к самому строю в целом»^[818].

Доминирующей точкой зрения в исторических исследованиях является признание 1965 г. в качестве начала правозащитного движения, ассоциируемого с арестом писателей А. Синявского и Ю. Даниэля и демонстрацией 5 декабря этого года в защиту их гражданских прав.

В действительности, развязанную властями кампанию 1965 г., завершившуюся приговором А. Синявского к семи годам заключения в трудовом лагере, а Ю. Даниэля – к пяти, трудно переоценить в истории формирования правозащитного движения. 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась первая после выступления Л. Троцкого в ноябре 1927 г. несанкционированная властями демонстрация под правозащитными лозунгами.

Наспех латая брешь в уголовном законодательстве после демонстрации 5 декабря 1965 г., создавшей пример для будущих подобных акций, высшие партийные инстанции по представлению КГБ в сентябре 1966 г. одобрили текст Указа Верховного Совета РСФСР о дополнении Уголовного кодекса статьями 190–1, 190–2 и 190–3. В соответствии с ними к «антисоветским преступлениям» власти относили «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, организацию, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок [...] или повлекших нарушения работы транспорта, государственных, общественных

учреждений или предприятий»^[819]. Столь широкая трактовка «антисоветской агитации и пропаганды», расплывчатый характер формулировок статей УК давали широкий простор произволу властей в борьбе с правозащитниками. Такого рода «преступления» теперь относились к числу особо опасных государственных преступлений, что давало возможность руководителям партии и государства говорить об отсутствии политзаключенных в стране, а осужденных по данным статьям наказывать не за убеждения, а за конкретные действия, не предусмотренные законодательством. После принятия этих статей последовала череда многочисленных процессов над правозащитниками.

Борьба уральских правозащитников за свободу получения и распространения информации, свободу интеллектуального труда ассоциируется прежде всего с именем Алексея Илларионовича Голуба, который в 1961 г. во время туристической поездки самовольно остался в Голландии. За то, что он «дал повод для развязывания бешеной антисоветской кампании и нанес серьезный ущерб политическим интересам советской державы», Свердловским областным судом 12 марта 1962 г. А. И. Голуб был заочно приговорен к смертной казни^[820].

К убеждению о необходимости действительного, а не буферского мира с Западом, бессмысленности и преступности испытаний водородных бомб, загрязнения огромных территорий, прекращения безумной проповеди несовместимости мировых идеологий, разобщающей человечество, и утверждению всемирного сотрудничества в условиях интеллектуальной свободы А. И. Голуб шел тем же путем и почти одновременно с А. Д. Сахаровым.

В Свердловске А. И. Голуб оказался в 1949 г. после окончания химического факультета Киевского университета. Там же параллельно он прошел программу биофака, чтобы подготовить себя к фундаментальной работе по биологии. В студенческие годы А. И. Голуб начал исследования по созданию новых биологически активных веществ, но эти работы был вынужден прекратить из-за разгула лысенковщины и проведения в 1948 г. в Киеве с боль-

шой помпой подобия Сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук, состоявшейся накануне в Москве и сопровождавшейся на Украине, как и в центре, дикой травлей настоящих ученых-генетиков, дружным улюлюканьем «биологов» -лысенковцев и «философов» -марксистов^[821].

В Уральском филиале Академии наук А. И. Голуб работал с Тимофеевым-Ресовским – ученым с мировым именем, ставшим известным широкой общественности после выхода книги Д. Гранина «Зубр». Тимофеев-Ресовский оказался в УфАНе после рассекречивания работ по защите от радиации и переезда из южно-уральской «шарашки», куда он в свое время был переведен из Карлага. Основная идея исследований «Зубра» сразу увлекла А. И. Голуба, и он посвятил свою научную деятельность созданию нового направления в развитии работ своего знаменитого коллеги^[822].

Хотя «Зубр», дававший всем прозвища, называл А. Голуба «200 лошадиных сил», этого не хватало, чтобы преодолеть комплекс трудностей в работе – предвзятое отношение к лаборатории Тимофеева-Ресовского со стороны властей, ограничение в свободе получения зарубежной информации, вмешательство в исследования некомпетентных псевдоученых, недостаток современного оборудования.

Спустя много лет, уже после катастрофы в Чернобыле, выяснилось, что некоторые из лекарств, предложенных Западом Советскому Союзу для выведения изотопов из организма, созданы на основе упомянутого принципа в лаборатории «Зубра». Тогда А. Голубу все же удалось выполнить работу общебиологического характера, получившую признание на Международном биохимическом конгрессе в СССР. Однако большего создать было просто невозможно и было принято решение остаться в Голландии^[823].

Основанием для смертного приговора Свердловского областного суда ученому явился не только факт его эмиграции, но и критика политики советского руководства, содержавшаяся в письмах А. Голуба к жене. В них, кроме критики ограничения

сотрудничества и контактов с западными учеными, А. Голуб выразил возмущение по поводу принуждения советских ученых к провокациям против церкви, национальной дискриминации в СССР, возобновления репрессий, попыток установить мировое господство, заявлений Н. Хрущева с угрозами сбросить с околоземных орбит ядерные бомбы в любое время и в любое место Земли, хронической шизофрении так называемого «народного хозяйства»^[824].

В Голландии А. Голуб работал в отделе биофизики и биохимии Делфтского университета. По политическим вопросам высказывался весьма нейтрально, заявив на пресс-конференции, что предпочел Запад, главным образом, «из-за стремления работать над проблемами, нужными для благоденствия всех людей».

Тем не менее, советское посольство в Голландии во главе с Пономаренко, бывшим руководителем партизанского движения в Белоруссии, выполняя указания Москвы, всеми средствами препятствовало установлению контактов с женой и близкими родственниками. Полный разрыв с ними оказался выше человеческих сил А. И. Голуба, и в 1962 г. после телефонного разговора с супругой, которую предупредили, что «возвращение — единственный способ избежать того, чтобы его убил какой-нибудь патриот», он явился в советское посольство. Во время последней встречи Генеральный прокурор Голландии сказал А. И. Голубу: «Если чудом останетесь на свободе, напишите. Но, полагаю, что Вы едете в тюрьму!»^[825].

В Москве, при поддержке КГБ, высшее партийное руководство решило устроить пресс-конференцию. Последовали тренировки-дрессировки с магнитофонами. Во время конференции, на случай, если бы А. Голуб, как фирменно выражались в КГБ, «пошел по кочкам», за шторой сидел генерал с выключателями микрофонов^[826].

Весьма сдержанное поведение А. И. Голуба на пресс-конференции не удовлетворило организаторов покаянного шоу, поэтому последовало этапирование в Свердловск, собрание

«представителей трудящихся». «Народные представители» ходатайствовали отдать А. И. Голуба под суд и лишить ученой степени. 27 июня 1962 г. Свердловский областной суд отменил прежний приговор и вынес новый – шесть лет строгого режима с конфискацией личного имущества. Забрали все, вплоть до рубашек. Лишили ученой степени. Был оформлен развод с женой, которой «настоятельно порекомендовали [...]»^[827].

Срок А. И. Голуб отбывал в Мордовских лагерях. Там не сломался, остался верен своему нравственному выбору. Отказался говорить лагерной молодежи о «страшной жизни на Западе» даже под угрозой перевода в «лагерь смерти» – так именовали лагерь №10 строгого режима, расположенный в Мордовской АССР. Продолжал возможными средствами активно поддерживать правозащитников^[828].

После «выхода в большую зону», т. е. освобождения в 1968 г., устроился на завод в Нижнем Тагиле. При активном содействии куратора по науке в ЦК КПСС Кутепова продолжал сохраняться запрет на публикации и участие в научных конференциях. Несмотря на многочисленные рекомендательные письма в Высшую Аттестационную Комиссию крупного и смелого ученого А. Любичева, ученая степень так и не была восстановлена^[829].

Только после «перестройки» А. И. Голуб получил возможность заниматься научной деятельностью в полную силу. В 1990-е гг. А. И. Голуб проживал в Москве. Полностью реабилитирован в марте 1992 г.^[830]

Ни репрессии властей, ни кризис правозащитного движения начала 1970-х гг. не остановили развитие вширь и вглубь правозащитных идеалов и практической деятельности на Урале.

18 сентября 1971 г. в Свердловске был арестован Анатолий Ильич Решетник. Ему было предъявлено обвинение по статье 190 части 1 УК РСФСР. 16–17 февраля 1972 г. Свердловский горсуд, рассмотрев дело, признал его виновным и приговорил к двум годам исправительно-трудовых лагерей общего режима. 12 апреля 1971 г. Верховный суд РСФСР рассмотрел в отсут-

ствии адвоката кассационную жалобу А. И. Решетника и оставил приговор без изменения^[831].

А. И. Решетник родился в 1937 г. в семье рабочего. После окончания средней школы трудился на производстве, служил в армии. В 1964 г. окончил историко-филологический факультет Московского государственного педагогического института и был распределен в Свердловск. Здесь преподавал в школе историю и обществоведение, являлся секретарем партийной организации, председателем профкома учителей Свердловска. В начале 1970-х гг. А. И. Решетник преподавал политэкономия в институте, являлся лектором-международником Свердловского отделения общества «Знание». В марте 1971 г. за написание открытого письма Дину Риду и за положительное отношение к А. И. Солженицыну был исключен из партии, уволен с работы и привлечен к уголовной ответственности^[832].

Спустя четыре года после освобождения из лагерей, А. И. Решетник был привлечен в качестве свидетеля по делу А. Твердохлебова, секретаря советского отделения созданной в 1974 г. организации «Международная амнистия», председателем которой являлся доктор физико-математических наук В. Турчин. Сотрудники КГБ недвусмысленно заявляли А. И. Решетнику: «Перед тем, как выйти на вас, мы получили одобрение высокого руководства»^[833]. В июле во время официальных допросов в прокуратуре Москвы и трех «неофициальных встреч», состоявшихся в гостинице «Россия», компетентные органы настойчиво пытались убедить А. И. Решетника дать на следствии и в суде нужные, компрометирующие А. Твердохлебова показания. Угрозы сотрудников КГБ умело чередовались с обещаниями. А. И. Решетнику предлагалось «сообщить, какие материалы он получал от Твердохлебова или давал ему» взамен на московскую прописку и представление возможности заниматься научной работой. Все предложения стать осведомителем А. И. Решетник категорически отверг^[834].

С середины 1970-х гг. в уральских городах и рабочих поселках, сельских поселениях стало заметно ухудшаться продоволь-

ственное и промтоварное снабжение, что являлось следствием возникающих проблем в промышленности и аграрном секторе экономики страны. Возникшая в городах острая нехватка пищевых продуктов, а также дефицит промышленных товаров создавали условия повсеместного недовольства политикой геронтократической партийной номенклатуры.

В Свердловске попытку привлечь внимание властей к трудностям повседневной жизни уральцев и выразить в адрес городской администрации критические замечания предпринял студент пятого курса математико-механического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького Александр Владимирович Аваков^[835].

В ноябре 1975 г. в своей квартире А. Аваков на пишущей машинке изготовил листовки четырех наименований, которые начинались словами «Вы должны осознать свою силу и свою роль [...]», «Задумывались ли Вы – в какой стране живете [...]», «Хотите ли Вы избежать ядерной катастрофы [...]», «Вот наша история вкратце [...]». Всего было напечатано по 70 листовок каждого наименования. Позже А. В. Аваков писал: «Всего я напечатал и распространил около 500 листовок»^[836].

Листовки были написаны с марксистских позиций. Главный вывод, к которому пришел А. В. Аваков, состоял в том, что существующий в СССР строй является капиталистическим. В его экономическом анализе большое место занимали самые болезненные в тот период вопросы – проблемы развития сельского хозяйства в СССР. Свой лозунг «Крестьянам новый нэп!» А. В. Аваков пояснял следующим образом: «Если мы говорим, что у нас капиталистический строй, то надо по-новому смотреть на сельское хозяйство [...], значит сельское хозяйство должно развиваться по частному сектору [...], нужна некоторая капитализация крестьянства, т. е., предоставить автономию отдельным сельскохозяйственным производителям». В текстах А. В. Авакова содержится обоснование права владения частной собственностью, приватизации сферы услуг, торговли, мелкой и средней промышленности, освобождения экономики от бремени военных расходов.

В духе «рабочей оппозиции» А. Шляпникова и А. Коллонтай 1921 года он был убежден в необходимости выбора руководящего персонала промышленных предприятий и государственных учреждений из числа непосредственных производителей и служащих^[837].

18 ноября 1975 г. А. В. Аваков пришел примерно за полтора часа до начала занятий в корпус Уральского университета, расположенный на ул. Куйбышева, 48А, и в семи аудиториях разложил на студенческих столах подготовленные листовки. 27 ноября в 8 часов вечера А. В. Аваков закрылся в аудитории 472 и написал на ее стенах лозунги: «Свободу политзаключенным!», «Рабочим право на забастовки!», «Долой КГБ – советское гестапо!», «Долой идеологическое принуждение!», «Да здравствует свобода слова, печати, всех форм выражения мнений!»^[838]. Оперативность, с которой по звонку университетского вахтера приехали строгие мужчины из КГБ, свидетельствовала о том, что в тот вечер юного романтика уже ждали.

В ходе следствия от А. В. Авакова настойчиво добивались признания своей вины и раскаяния. Однако он держался на своем и вины не признавал. Как и полагалось в таких случаях, организовали судебно-психиатрическую экспертизу, в ходе которой главный врач больницы оказывал большое моральное давление на подсудимого, заявляя, что если он не признает себя виновным, то его не выпустят из зала суда и отправят в психиатрическую больницу. Подключили наемных заключенных, которые поведали ему, что это будет психиатрическая больница в Казани для особо опасных преступников, из которой не выходят.

Осознавая бессмысленность борьбы с тоталитарной советской машиной и представляя реальности собственной жизни после сурового приговора, на суде А. В. Аваков признал себя виновным по всем пунктам обвинения, кроме одного. Он отказался взять на себя призыв к вооруженному свержению Советской власти, что явно не соответствовало его взглядам.

Приговор суда гласил: «Авакова Александра Владимировича признать виновным в совершении преступления, предусмотрен-

ного статьей 70-й части 1-ой УК РСФСР, и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима»^[839].

А. В. Аваков попал в ИТК №37, расположенную в Пермской области. К этому времени всех заключенных «за особо опасные государственные преступления» перевели в Пермскую область, в ИТК 35, 36 и 37. В последний месяц отбывания срока был переведен со строгого режима на особый. Вышел из лагеря 27 мая 1977 г. В 1980 г. он эмигрировал из СССР и проживал в Соединенных штатах Америки. В 1994. в Екатеринбурге опубликовал книгу «Автобиография советского антисоветского философа»^[840], в которой изложил историю своего хождения в диссидентство.

В конце 1977 г. КПСС последовательно усиливало давление на диссидентское движение, формируя вокруг его лидеров обстановку идеологической нетерпимости. В мае 1977 г. Центральный комитет партии принял постановление «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей», выполняя которое, горкомы и райкомы Свердловской области разработали очередную систему мер борьбы против «антисоветских вылазок отщепенцев всех мастей». В течение 1977–1979 гг. в СССР были арестованы 23 члена хельсинских групп и семеро отправлены за рубеж^[841]. Но это был еще не разгром.

Началом «генерального наступления» на инакомыслие можно считать 1 ноября 1979 г. По мнению видного историка диссидентского движения, активного участника правозащитного движения в СССР Л. М. Алексеевой, к этому времени, к этому дню КГБ получило «добро» на осуществление плана последовательного разгрома независимого общественного движения в стране, разработанного еще в 1977 г. Поначалу аресты были восприняты как всплеск репрессий, неизбежный в связи с приближением начала Московской Олимпиады. Однако вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и высылка А. Д. Сахарова в г. Горький в январе 1980 г. не оставляли сомнений в принципах

альной корректировке внутренней и внешней политики советского руководства^[842].

В начале 1980-х гг. правозащитное движение переживало глубокий кризис. С момента образования в 1976 году Московская Хельсинская Группа подвергалась постоянным преследованиям и давлению со стороны КГБ и других силовых ведомств советского государства. В период с 1976 по 1982 год были арестованы и осуждены к разным срокам заключения или ссылки восемь членов группы, ещё шестерых вынудили эмигрировать из СССР и лишили гражданства. 6 сентября 1982 года трое оставшихся на свободе участников группы под давлением властей были вынуждены объявить о прекращении работы.

В связи с арестами всех членов прекратили работу Инициативная группа по правам человека в СССР, Христианский комитет, Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. В феврале 1981 г. после обысков и изъятия макетов 59 номеров «Хроники текущих событий» редакция заявила о своем самоотстранении от дальнейшей работы над «Хроникой». Осенью 1982 г. было официально объявлено о прекращении работы Московской Хельсинской группы. Общее число арестованных деятелей диссидентского движения превышало 500 человек. В сентябрьском номере журнала «Коммунист» за 1981 г. заместитель председателя КГБ С. К. Цвигун с удовлетворением заявлял о разоблачении и обезвреживании антиобщественных элементов, «маскировавшихся под правозащитников и поборников демократии». В той же статье Цвигун отметил, что правозащитное движение перестало существовать^[843].

Заместитель председателя КГБ выдавал желаемое за действительное. Репрессиями была снята видимая часть цепочки — открытые общественные ассоциации, но скрытые звенья сохранились и функционировали. В эту деятельность, наряду с прежними, втягивались новые люди. Вернуть общество в «додиссидентское состояние» не удалось даже беспример-

ным для послесталинского времени размахом репрессий. За 20 лет существования правозащитного движения общество «отвоевало» у власти в своем сознании, в том числе и усилиями уральских правозащитников, независимость, суверенность личности в ее индивидуальных нравственных, интеллектуальных и духовных проявлениях, а до некоторой степени, и в проявлениях групповых политических, национальных и религиозных интересов.

Наиболее заметные сдвиги произошли благодаря правозащитникам в духовной жизни общества. Началось восстановление прерванной в 1930-е гг. духовной преемственности российской культуры. Самиздат открывал для советской читательской аудитории культурное наследие русской эмиграции, творчество запрещенных и репрессированных современных отечественных писателей, подцензурных интеллектуалов Запада. Благодаря правозащитникам началось возрождение родовых черт российской интеллигенции с ее вечными вопросами, решенными, казалось, навсегда. В ходе борьбы с навязыванием односторонних идеологических установок и штампов происходил возврат к тем общечеловеческим ценностям, которые отстаивались не одним поколением людей и которые были органически чужеродны статичной авторитарно-бюрократической системе: демократизм, гуманизм, гражданские свободы, идея социальной справедливости, понимаемая как равенство всех граждан в правах и возможностях, правовое государство.

ГЛАВА 7. ТЕХНОЛОГИЯ ТЕРРОРА И ИСПОЛНИТЕЛИ

7.1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (1917–1950-Е ГГ.) (В. М. КИРИЛЛОВ)

Основатель советского государства В. И. Ленин подчеркивал: «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»^[844].

Соответственно такой установке большевики поставили задачу создать «путем расстрелов и трудовой повинности коммунистическое человечество из человеческого материала капиталистической эпохи»^[845].

В период с конца 1917 – по начало 1920-х в деятельности органов советского государства преобладало применение правовых норм «из соображений революционного правосознания и революционной целесообразности»^[846].

Народным судьям того времени импонировала мысль, что в судебном процессе одинаковое значение с законом имеет справедливость, т. е. чисто психические человеческие переживания. Непрофессиональные судьи (1921 – 66% с начальным образованием, 10% со средним, 6% без образования, 7% с высшим юридическим), руководствуясь «революционным правосознанием» и «социалистической совестью», превратились в орудие террора^[847].

В период 1922–1929 гг. «революционное правосознание сменилось формально-определенным нормативным актом» (в это время большевики создали свой свод законов, заменив им дореволюционный), «однако осталось ведущим принципом

судейского усмотрения, что нашло закрепление в кодексах»^[848]. Ведущей стала категория «революционной законности», бесклассовая законность в годы нэпа отрицалась, принцип революционной законности сочетался с принципом революционной целесообразности.

В уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 9) говорилось: «назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением руководящих начал и статей настоящего кодекса»^[849].

В ходе формирования новой законодательной системы в условиях нэпа были восстановлены институты адвокатуры и прокуратуры, на короткое время ограничены полномочия чрезвычайных органов (военных, военно-транспортных трибуналов, арбитражных, земельных комиссий и пр.). Все дела о преступлениях подлежали рассмотрению судами^[850]. Суд рассматривался большевиками лишь как один из элементов государственной машины, призванной осуществлять волю политической элиты^[851].

Несмотря на нерешенность многих проблем, реформа 1922 г. заложила правовые основы нэпа. Большевики обратили внимание в первую очередь на перевоспитание осужденных в духе социалистического общежития и провели с этой целью широкую реформу карательных учреждений, в ходе которой были ликвидированы лагеря принудительных работ^[852].

В ходе дискуссии по основным принципам судопроизводства на рубеже 1920–1930-х Народный комиссариат юстиции хотел восстановить позиции революционного правосознания как источника права. А. Я. Вышинский в публикациях начала 1930-х гг. «противопоставлял социалистическую законность и диктатуру пролетариата, в законности видел какие-то оковы, стесняющие действия диктатуры пролетариата»^[853].

Массовые репрессии, развернувшиеся с провозглашением политики «Великого перелома», стали своеобразной «визитной карточкой» сталинизма. Выросшая из опыта гражданской войны концепция «революционной законности» предполагала прагма-

тичное использование массового террора в интересах построения нового общества.

К концу 1930-х гг. окончательно оформилась система правового бесправия, опиравшаяся на положения различных законных и подзаконных актов в своей совокупности сформировавших нигде официально не утвержденную в цельном виде концепцию революционной законности. В нее, исходя из правоприменительной практики большевиков, можно включить следующие положения:

- враги революции и народа, определяемые на основе классового подхода как главный преступный элемент государства диктатуры пролетариата;
- уголовная ответственность за политические и идеологические убеждения;
- политический преступник – социально-опасный элемент;
- уголовный преступник – социально-близкий элемент;
- террор и концлагеря как средства наказания и изоляции;
- наказание по велению революционной совести;
- презумпция виновности обвиняемого до суда и признание обвиняемого как основа обвинения;
- наказание за недонесение и за покушение на деяние, как за само деяние;
- обратная сила принимаемых законов;
- использование чрезвычайных, внесудебных органов.

Сталинская система опиралась на механизм «чрезвычайщины» на всем протяжении своего существования: волны террора прокатились в 1930–1932 гг. в процессе раскрестьянивания российской деревни; в 1932–1934 гг. в борьбе с расхитителями социалистической собственности; в 1936–1938 гг. с помощью террора уничтожали «пятую колонну»; в 1939–1945 гг. террор проходил в условиях военной мобилизации в форме массовых депортаций народов; в 1946–1953 гг. пароксизм террора произошел в условиях действия чрезвычайного законодательства.

В начальный период существования советской власти, непосредственно после революции 1917 г. и до конца 1918 г.,

основным источником советского права являлись декреты Всероссийских съездов Советов, ВЦИК, ВРК, ВЧК, приказы народных комиссаров, акты местных Советов. В декрете СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» официально был введен термин **«враги народа»** (применительно к членам партии кадетов)^[854]. Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале [...]», прямо опираясь на идеи В. И. Ленина, гласила: «Меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями **революционной советской власти**»^[855].

Постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» официально были введены термины **«террор»**, **«концлагеря»** и воплотились в жестокой практике с частым обращением к высшей мере наказания — расстрелу. С 1917 по 1953 гг. советский аппарат госбезопасности имел **право внесудебной расправы** и его руками разбиралось более 50% всех дел^[856].

В постановлении СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне» были сформулированы еще два новшества, которые звучали так: все «[...] прикосновенные лица отвечают перед революционным трибуналом наравне с главными виновниками»; **«покушение на совершение [...] деяния наказуется как оконченное деяние»**^[857]. Эти положения были закреплены в Уголовном кодексе 1926 г.

Кодификация советского права началась в конце 1918 г., в условиях иностранной интервенции и Гражданской войны, что обусловило репрессивный характер многих законоположений. Ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. впервые узаконила длительную практику лишения избирательных прав по классовым и иным признакам.

В сентябре 1918 г. было введено в действие постановление ВЦИК «О превращении Советской республики в военный лагерь». Объявлялась всеобщая трудовая повинность. Все граждане должны были беспрекословно выполнять любую работу по обороне страны, порученную им советской властью^[858]. В Ко-

декс законов о труде, принятом в декабре 1918 г., было зафиксировано положение о всеобщей трудовой повинности. В период 1918–1922 гг., наряду с общими местами лишения свободы, находящимися в ведении Народного комиссариата юстиции, для изоляции классово-враждебных элементов были созданы лагеря принудительных работ НКВД и лагеря ВЧК. Порядок их организации был изложен в Постановлении ВЦИК (апрель 1919 г.) «О лагерях принудительных работ»^[859]. В декабре 1919 г. ВЦИК принял «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», где в ст. 25 один из пунктов перечня наказаний гласил: «**Объявление врагом революции и народа**»^[860].

На 25 ноября 1919 г. в стране был 21 лагерь и 16 тыс. заключенных, к ноябрю 1920 г. число лагерей возросло до 84, заключенных в них — до 59 тыс. чел.^[861] В соответствии с «Инструкцией о лагерях принудительных работ» в концлагерях содержались «лица, совершившие различные преступления и проступки (обвиняемые в спекуляции, саботаже, преступлениях по должности и пр.), заведомые угнетатели, эксплуататоры труда и приверженцы... буржуазного и царского дворянского строя»^[862].

Циркуляр Наркомюста от 4 мая 1921 г. расширил категории заключенных: «К лагерю принудительных работ могут быть приговаряемы: а) [...] уклоняющиеся от общественно-полезного труда [...] б) лица, виновные в саботаже, в) мелкие спекулянты, г) контрреволюционеры, не представляющие явной опасности для Республики, д) незлостные дезертиры, не прибегающие в целях уклонения от воинской службы к подложным документам, е) труддезертиры, ж) лица, совершившие должностные преступления некорыстного характера». Все остальные подлежали отбыванию наказания в местах заключения, подведомственных Наркомюсту^[863]. В мае 1921 г. концлагерей насчитывалось 128, заключенных — примерно 100 тыс. чел. В Екатеринбургской губернии было создано три концлагеря^[864].

Кровавая вакханалия Гражданской войны, унесшая жизни миллионов россиян, была стихией, лишь формально управляе-

мой какими-то законодательными актами. Однако именно в эти годы оформились основные подходы большевиков к созданию правовых основ советского государства.

В 1922 г. наступил второй этап кодификации советского права: были созданы Гражданский, Земельный и Уголовный кодексы РСФСР, Кодекс законов о труде. КЗОТ 1922 г., в отличие от Кодекса 1918 г., отменил всеобщую трудовую повинность и ввел свободный наем рабочих. Однако уголовное и иные виды законодательства сохранили целенаправленный классовый характер. Это подтверждает ст. 40 УК РСФСР 1922 г., дающая разъяснение о поражении в гражданских правах. Кроме того, 10 августа 1922 г. был принят декрет ВЦИК «Об административной высылке», который предполагал высылку контрреволюционеров за границу или местности РСФСР на срок до трех лет^[865].

Декрет ВЦИК от 16 декабря 1922 г. предоставил ГПУ «право внесудебной расправы, вплоть до расстрела» и право «...заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки [...]»^[866].

При формировании первого советского Уголовного кодекса 1922 г. Ленин писал министру юстиции Курскому: « [...] т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса [...] Основная мысль, надеюсь, ясна [...] открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор: обещать это было бы самообманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас [...]»^[867]. Уголовный кодекс 1922 г. дал определение контрреволюционным преступлениям, перечислил их и определил меру наказания. В Кодексе 17 «контрреволюционных» статей, в 12 из них говорится о высшей мере наказания, всего же в нем 27 расстрельных статей^[868]. Кодекс 1922 г. подтвердил необходимость террора и сохранил внесудебное преследование.

Большевистская диктатура зорко следила за своими врагами и после окончания Гражданской войны. ОГПУ создало систему контроля за настроениями населения и быстро пресекало инакомыслие, не останавливаясь перед физической расправой. В советских учреждениях, на предприятиях организовывались «Бюро содействия органам ГПУ на местах», действовавшие конспиративно в условиях мирного времени. Вот некоторые пункты из положения ГПУ о «Бюро содействия по Нижнетагильском уезду» от 1922 г.: « [...] Члены «Бюро содействия» занимаются собиранием сведений о всякого рода явлениях антисоветского характера, выявлением контрреволюционного элемента [...] при выявлении сообщают Уполномоченному Губотдела ГПУ для взятия таковых на учет, а по мере надобности для привлечения к ответственности [...] члены «Бюро содействия» не должны себя выдавать [...] членам «Бюро содействия» надлежит расписываться фиктивными фамилиями, каковые назначаются председателем «Бюро» [...]»^[869].

Органы ОГПУ стояли выше закона и *не подчинялись Конституции*. Кроме многих других документов, это подтверждал, например, циркуляр отдела охраны труда ЦКТ СССР от 8 августа 1924 г. «О нераспространении законодательства о труде на некоторые категории сотрудников ГПУ». В нем говорилось: « [...] Учреждений ГПУ надзор инспекции по труду не должен совершенно касаться». В циркуляре предлагалось дать соответствующие указания инспекторам труда^[870]. 15 ноября 1923 г. было утверждено положение об ОГПУ, а 28 марта 1924 г. в дополнение к Коллегии ОГПУ создано Особое совещание, ставшее одним из главных органов внесудебного преследования^[871].

Число антиправовых положений в законодательных актах страны «победившего пролетариата» ширилось. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., узаконившее ссылку на срок от 3 до 10 лет для социально опасных граждан, разъясняло, что для решения вопроса о ссылке необязательно совершение какого-то преступления (ссылка в связи с преступлением допущена

только в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 12 июля 1946 г.)^[872].

«Классификация отбывающих лишение свободы заключенных по категориям и разрядам» исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. определяла: «Первая категория – подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией [...]; вторая – [...] профессиональные преступники, а также те из числа заключенных, которые, не принадлежа к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов [...]»^[873]. Вторая категория преступников заключалась в изоляторы специального назначения с особо строгим режимом содержания.

Новый Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1926 г. и введен в действие 1 января 1927 г. (формально действовал до 1960 г.). В УК 1926 г. против врагов советской власти был направлен целый ряд статей и, в первую очередь, знаменитая ст. 58 с восемнадцатью подпунктами. В двенадцати случаях за контрреволюционные преступления грозила высшая мера наказания, всего же в кодексе содержалось 46 расстрельных статей^[874]. Следует отметить, что УК 1926 г. довел нижний предел возраста уголовно наказуемых до 12 лет. В результате тюрьмы были заполнены «малолетками». Например, в 1927 г. заключенных в возрасте от 16 до 24 лет было 48% от общего числа заключенных^[875]. 25 февраля 1927 г. вступило в силу общесоюзное положение о государственных преступлениях, куда включались «контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления». 6 июня 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК в УК 1926 г. была включена глава I, состоящая из двух частей: 1) контрреволюционные преступления (ст. 58 п. 1–14); 2) [...] против порядка управления (ст. 59 п. 1–13)^[876]. Это постановление установило, что «**недонесение** о готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев^[877]. Практика ареста за недонесительство резко увеличила численность арестованных.

Советская власть, наводя порядок, железной рукой борется с бандитизмом, подразумевая под бандитом не только нарушителя государственных законов, но и всех, «кто силою — даже без оружия — сопротивляется поспрацию его гражданских прав, либо оккупации исконных земель своего народа (басмач, белополяк, белофинн, бандеровец и пр.)»^[878].

В ст. 58 п. 1 УК 1926 г. говорилось, что контрреволюционным преступлением признается «...всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти [...]»^[879]. В ст. 59 п. 1 формулировалось: «Особо опасными для Союза СССР преступлениями против порядка управления признаются те, совершенные без контрреволюционных целей, преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик»^[880].

На первый взгляд, особенно в 1927 г., казалось, что ст. 58 и 59 имеют четкое подразделение. Ст. 58 была направлена против «контрреволюционеров», а ст. 59 — против других государственных преступников. Однако в условиях массового раскулачивания и ответного сопротивления крестьян в борьбе с «кулаками» активно применялась ст. 59 п. 2 («массовые беспорядки [...], сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей»), ст. 59 п. 3 (« [...] организация вооруженных банд и участие в них [...]»), ст. 59 п. 13 (« [...] недонесение о [...] преступлениях, предусмотренных ст. 59 п. 2, 3, 8 [...]») ^[881]. Период 1922–1928 гг. был связан в основном с политикой лишения избирательных прав. Именно в это время партия и государство подготовили законодательную базу для проведения массовых репрессий конца 1920-х — 1930-х гг.

Новый этап войны с народом открылся в 1929 г., с провозглашением политики «Великого перелома». Массовые нарушения прав человека в 1930-х гг. привели к превращению в «уголовников» сотен тысяч граждан социалистического государства, против которых обернулась большая часть УК 1926 г.

Террор обрушился на крестьян. В 1927–1929 гг. против них активно использовали ст. 60, 61 и 62 УК РСФСР 1926 г., которые позволяли лишать «кулаков» свободы с конфискацией имущества на срок от одного до двух лет за отказ от выполнения государственных повинностей. Ст. 107 (спекуляция) была повернута против крестьян, не сдающих зерно. Согласно циркуляру Наркомюста от 5 сентября 1929 г., разрешались репрессии против «кулаков» и контрреволюционеров с применением высшей меры наказания — расстрела. А постановление СНК РСФСР от 29 ноября 1929 г. давало право на заключение осужденных «кулаков» в концлагеря^[882]. В этом же году перешла в активную стадию борьба с оппозицией в партии, с инакомыслящими по всей стране. В 1929 г. был издан ряд постановлений об изменении «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик». Именно в этом году специальным законом от 21 ноября 1929 г. граждане СССР, находящиеся за границей и «перемещавшиеся в лагерь врагов рабочего класса», объявлялись вне закона и в случае их обнаружения и опознания подлежали по приговору Верховного суда СССР расстрелу в 24 часа, их имущество конфисковывалось. Более того, выдвигалось новое положение — *«настоящий закон имеет обратную силу»*^[883].

В 1929 г. началась «сплошная коллективизация» как в пределах СССР, так и на Урале. Еще до ее начала органами ОГПУ на Урале было арестовано около тысячи крестьян. Наряду со ст. 60–62, 107 УК РСФСР заработала и ст. 58 — по ней осудили 380 чел. В начале 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) разработало массовую карательную акцию против крестьян-«кулаков» — выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала. 5 февраля 1930 г. вступило в силу постановление бюро Уралобкома ВКП (б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией», а еще 25 января 1930 г. постановление Уралоблисполкома определило план расселения и использования «кулачества»^[884].

В 1930-х гг. вышла целая серия постановлений, указов, инструкций и законов, ужесточающих репрессивную политику со-

ветского государства. Например, 7 августа 1932 г. последовало Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», в народе – «Указ о пяти колосках». Главной мерой наказания в нем был определен расстрел и, в виде исключения, 10 лет лишения свободы^[885]. В третьем разделе Указа говорилось: «1. Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилия и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям. 2. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. 3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам». Особенно активно использовался «Указ о колосках» во время голодных лет^[886].

Вслед за предыдущим указом 22 августа 1932 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией»^[887]. Этот закон активно применялся во время голода 1932–1933 гг. Разоренные поборами крестьяне торговали, чем могли, для того, чтобы выжить. Такая «спекуляция» жестоко наказывалась.

Время от времени партия инициировала законодательные акты в духе заботы о правах народа. Так, в июле 1931 г. вышло постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», где было обещано восстановление в правах через пять лет после раскулачивания^[888]. В июне 1932 г. опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», в котором говорилось: « [...] Устранить факты наложения твердых заданий, раскулачивания и т. п., допущенные в нарушение законов советской власти в отношении отдельных колхозников и единоличных кре-

стьянских хозяйств, последовательно проводя установленные советскими законами задания и меры в отношении кулацких элементов [...]»^[889].

Хотя вышеуказанные законодательные акты были в первую очередь пропагандистскими уловками, их практическое значение заключалось в снятии напряженности в обществе. А в реальной жизни руководствовались иными постановлениями. В 1933 г. был принят закон об ответственности служащих государственных учреждений и предприятий за вредительские акты, и 27 июня этого же года – Постановление Верховного Совета РСФСР о наказании за недоносительство о хищениях, подпадающих под действие закона от 7 августа 1932 г. 8 июня 1934 г. была установлена ответственность за измену Родине (высшая мера наказания или 10 лет заключения)^[890]. Этот закон в годы войны обрел на несправедливое наказание тех, кто по вине самого государства попал в плен (около 5 млн человек). По этому закону в двух случаях из трех полагался расстрел, члены семей изменников лишались избирательных прав и ссылались в Сибирь на пять лет; недонесение военнотружущего наказывалось десятию годами, остальных граждан – шестью месяцами лишения свободы^[891].

В середине 1930-х гг. в городах СССР был введен паспортный режим, в тюрьмы попали те, кто не имел паспортов, занимался бродяжничеством. 1 июля 1934 г. в УК 1926 г. добавилась ст. 192а по «беспаспортным», срок наказания определен в два года^[892]. Учитывая, что раскулаченные-спецпереселенцы не могли иметь паспортов и единственной формой их протеста было бегство с великих строек, можно понять, против кого были направлены вышеуказанные мероприятия.

Убийство Кирова открыло новый этап репрессивного законодательства. 1 декабря 1934 г. вышло Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке и совершении террористических актов». Оно стало основой для Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 декабря 1934 г. (утвержденного 9 февраля 1936 г.) «О дополнении уголовно-процессуального

кодекса РСФСР главой XXXIII». Эта глава носила название «О расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти». Вот выдержки из Постановления, определяющие его суть: «Следствие по делам о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти (ст. 58 п. 8, 11 УК) должно быть закончено в срок не более 10 дней [...] Обвинительное заключение вручается обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде [] ... Дела слушаются без участия сторон [...] Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств не допускается [...] Приговор о высшей мере наказания приводится в исполнение немедленно по вынесению приговора [...]»^[893].

К этому времени произошла перестройка органов внесудебного преследования. По решению от 2 февраля 1930 г. были созданы суды-тройки при ОГПУ. Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. включило ОГПУ в НКВД, ликвидировалась судебная коллегия ОГПУ и создавалось Особое совещание при НКВД, действовавшее до 1 сентября 1953 г. Суды-тройки при НКВД организовались 25 сентября 1935 г., а 20 сентября появились суды-двойки, действовавшие до 17 сентября 1938 г.^[894] Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1934 г. исправительно-трудовые учреждения НКЮ РСФСР были переданы в ведение НКВД^[895].

В 1936 г. с принятием новой Конституции формально закончился период государства диктатуры пролетариата, призванного подавить сопротивление буржуазии. Конституция гласила, что социализм в основном построен, уничтожена частная собственность на средства производства и эксплуататорские классы. Впервые в истории СССР всем гражданам предоставлялись равные права, провозглашалась неприкосновенность личности и права переписки. Однако и в этом демократическом документе, в статье 131, фигурировало одно из ключевых положений концепции революционной законности: « [...] **Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, яв-**

ляются врагами народа». *Коммунистическая партия* провозглашалась «руководящим ядром» государственных и общественных организаций (в Конституции 1924 г. партия не упоминалась)^[896].

О формальности принятия «самого демократического» государственного документа и лживо-показном его характере свидетельствовали вскоре развернувшиеся события, сегодня именуемые Большим террором.

События этой чудовищной акции связаны не только с 1937 г. Согласно исследованию современных историков, она готовилась и проходила в течение нескольких взаимосвязанных этапов^[897]:

- октябрь 1936 – февраль 1937 (перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии»);

- март 1937 – июнь 1937 (декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров – кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т. п.);

- июль 1937 – октябрь 1938 (декретирование и реализация массовых репрессивных операций – «кулацкой», «национальных», против ЧСИР; интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и др. отраслях);

- ноябрь 1938 – 1939 (так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных, ротация и уничтожение «ежовских» кадров в НКВД.

Предварительно, разгорелась «Великая чистка» в партии, и в ход пошли секретные директивы, распоряжения, известные только узкому кругу лиц. Таковыми являются секретная директива наркома внутренних дел СССР №143 от июля 1935 г. о ссылке освобожденных по ст. 58 в отдаленные районы Сибири

и 383 списка на виднейших партийных и государственных деятелей, подлежащих «разоблачению» и расстрелу (более 43 тыс. человек), утвержденных Сталиным на протяжении 1936–1938 гг.^[898]. Резко возрос произвол в отношении арестованных и заключенных. В 1937 г. ЦК партии переслал всем партийным организациям секретное письмо, разрешающее применение пыток на следствии. Целым рядом секретных инструкций рабочий день заключенных в 1937 г. увеличился с 8 до 11,5 часов^[899].

Не менее секретны и официальные решения законодательной и исполнительной власти. Эти постановления стали широко известны только в середине 1950-х гг. Согласно Постановлению ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г., обвиняемым во вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручалось за сутки до разбирательства дела, не допускалось кассационное обжалование. Постановление ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. повысило срок наказания за особо опасные государственные преступления – шпионаж, вредительство и диверсию с 10 до 25 лет^[900]. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 февраля 1938 г. «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIV» – «О рассмотрении дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях» говорило: «Кассационное обжалование по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 7 УК РСФСР (вредительство) и ст. 58 п. 9 УК РСФСР (диверсия), не допускается [...] Приговоры о высшей мере наказания (расстреле) приводятся в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании»^[901]. Затем, 15 марта 1938 г., последовала директива НКЮ СССР «О направлении дел по контрреволюционным высказываниям в военные трибуналы»^[902].

Статистические итоги Большого террора с октября 1936 по ноябрь 1938 гг. выглядят следующим образом^[903]: по делам, которые вели органы госбезопасности (ГУГБ НКВД) арестовано – около 1 710 000 чел, осуждено не менее 1 440 000 чел. В том числе приговорено к расстрелу – около 724 000 чел.

Кроме того, за тот же период: осуждено «милицейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЭ) – около

400 тыс. чел, подвергнуто высылкам и депортациям в административном порядке — около 200 тыс. чел.

Осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям — не менее 2 миллионов человек, из них в лагеря отправлено около 800 тыс. чел.

Указ Президиума Верховного Совета (далее — ПВС) от 15 июня 1939 г. «О лагерях НКВД» отменил условно-досрочное освобождение осужденных и фактически прекратил действие исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г., который обеспечивал хотя бы минимальные права заключенных^[904]. Кроме того, Указ разрешил применение высшей меры наказания к нарушителям в лагерях, срывающим производственные задания^[905]. Принятие ряда последних законов объяснялось тем, что на рабочую силу исправительно-трудовых лагерей в третьей пятилетке возлагалось проведение строительных работ стоимостью 12 млрд руб. В 1939 г. в ГУЛАГе находилось 1 672 438 заключенных и НКВД превратился в крупнейшее строительное ведомство^[906].

С началом Второй мировой войны советское партийно-государственное руководство предприняло массированные усилия по военной мобилизации страны, укреплению оборонной промышленности, перестройке армии. Времени было отпущено мало, а хозяйственно-экономические задачи стояли масштабные. Иного выхода, кроме усиления репрессивного законодательства и использования подневольного труда заключенных ГУЛАГа, сталинская модель социализма не предусматривала.

Уже в 1940 г. выходит целый ряд указов ПВС СССР, которые очень похожи на мобилизационные мероприятия военного периода. Это позволяет некоторым авторам^[907] утверждать, что «конструктивные детали» механизма мобилизации оттачивались еще в 1920-х гг., а перед войной нашли воплощение в указах Верховного Совета. Так, например, 10 февраля 1940 г. последовал указ «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия»; 10 июля — «Об ответ-

ственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Срок наказания по этим указам составлял от 5 до 8 лет. Учитывая качество продукции и дисциплину в нашем социалистическом производстве, можно понять, что этот указ грозил многим тысячам организаторов и исполнителей в промышленности^[908]. Вскоре, 17 июля, вышел указ «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров в машинотракторных станциях»; ранее — 26 июня — «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (отменен только 25 апреля 1956 г.)^[909]; 10 августа 1940 г. — «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» (срок 1 год)^[910].

По закону «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г., молодежь фактически насильно мобилизовывалась в систему ФЗО; 28 декабря 1940 г. вышел указ о наказании за самовольный уход из ремесленного училища (сроки давали от 3 до 7 лет лагерей). Только 18 марта 1955 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища»^[911].

В дополнение к перечисленным, 19 октября 1940 г. был принят указ «О порядке обязательного перевода инженеров, технологов, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий в другие». П. Н. Кнышевский отмечал: «Совокупность этих законов являла собой законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации. Лишь за полгода с 26 июня 1940 г. за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания на работу было осуждено более 2,09 млн чел., из них свыше 1,7 млн чел. отбывали шестимесячный исправительно-трудовой срок по ме-

сту работы. С начала 1941 г. показатели карательной политики упали, ибо меры принуждения возымели действие, и система прижилась, да так, что и в военное время она не потребовала радикального изменения [...]»^[912].

1939 и 1940 гг. стали для СССР временем насильственного присоединения и оккупации чужих территорий: Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, Польши и Бессарабии. В этой ситуации в полной мере проявилось значение термина «бандит» в трактовке советской государственной системы. Бандитами стали граждане захватываемых территорий, боровшиеся за свое достоинство и независимость родины. Целые потоки репрессированных хлынули на север необъятного социалистического отечества. Советская власть в полной мере показала и свое отношение к солдатам Красной армии, попавшим в плен во время финской войны (что послужило образцом для войны 1941–1945 гг.). Бывшие советские военнопленные, возвращенные Финляндией, попали в лагеря Воркуты и почти все погибли^[913].

Весьма характерно, что законодательство 1930-х гг. плавно перешло в 1940-е гг. и новые жестокие законы военного времени не очень сильно отличались от законов мирного времени. Накануне и в первые дни войны был ужесточен режим в советских лагерях: 28 марта 1941 г. была разослана директива НКВД, НКЮ и Прокурора СССР о применении высшей меры наказания к заключенным, совершившим побег; 22 июня — директива Наркома внутренних дел и Прокурора СССР о прекращении освобождения по истечении срока наказания в лагерях^[914].

На 1 марта 1940 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа числилось 1 688 200 заключенных, из них: 28,7% сидело за контрреволюционные преступления; 5,4% — за преступления, особо опасные для порядка управления; 1,5% — за расхищение социалистической собственности; 12,4% — за хулиганство, спекуляцию и пр.; 9,7% — за кражи; 8,9% — за должностные и хозяйственные преступления; 5,9% — за преступления против личности; 27,5% — прочие^[915]. От заключенных требовали более интенсивного труда: в 1941 г. выработка в лагерях на одного человека в день со-

ставляла 9 руб. 50 коп., а в 1944 г. — 21 руб.^[916]. Вопреки распространенному мнению о наиболее массовых репрессиях в 1930-е гг., «во время Великой Отечественной войны число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные преступления выросло в 1,5 раза»^[917].

С началом Великой Отечественной войны еще более ужесточилось трудовое законодательство: 26 июня 1941 г. последовал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» с установлением на предприятиях, в сельском хозяйстве и на транспорте сверхурочных работ от 1 до 3 часов в день; 29 июня 1941 г. — директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Все для фронта, все для победы». «Крупные поражения советских войск, — писал П. Н. Кнышевский, — летом и осенью 1941 г. повлекли за собой дестабилизацию местного и военного управления во многих районах и вызвали социально-политическую напряженность в тылу. Для преодоления нарастающего кризиса власти Сталин пошел по пути ужесточения репрессивных мер. Таков был приказ Ставки ВГК №270 от 26 августа 1941 г. Не менее жестким явилось постановление ГКО за №903 „сс“ от 17 ноября 1941 г., состоявшее всего из двух пунктов: „1. Привести в исполнение все приговоры о ВМН без утверждения их в высших инстанциях. 2. Особому Совещанию НКВД дано право выносить наказания вплоть до ВМН по ст. 58 п. 1–14, 59 п. 2, 3, 3а, 3б, 4, 7, 10, 12, 13 УК РСФСР и СССР“. Тотчас прокатилась волна массовых расстрелов»^[918].

«Постановление №903 „сс“ имело прямое отношение к выполнению мобилизационных, экономических и оборонно-производственных задач и до конца войны оставалось прототипом многих последующих распоряжений и постановлений ГКО», — отмечал П. Н. Кнышевский^[919]. Достаточно было намек, и ОСО НКВД интересовалось срывом выполнения производственных заданий как контрреволюционным преступлением.

26 декабря 1941 г. вышел указ ПВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (отменен 13.01.1953). Это

указ установил, что самовольный уход с предприятий, в том числе эвакуированных, надо «рассматривать как дезертирство, карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет, дела же о виновных передавать в военные трибуналы»^[920].

В апреле 1942 г. последовали указы ПВС СССР «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней» и «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы»^[921]. Следует отметить, что «невыполнение норм влекло за собой уголовную ответственность, а основанием для привлечения к суду являлся даже простой список соответствующих лиц, заверенный счетоводом»^[922]. Постановление ГКО №2005 «сс» от 10 июня 1942 г. стало одной из самых массовых мобилизаций молодежи 14–18 лет и направления в ремесленные училища и школы ФЗО промышленных центров восточных областей^[923].

Красная армия в первые два года войны понесла огромные потери и даже в масштабах такой страны как СССР людских ресурсов не хватало. Это объяснялось тем, что значительная часть мужчин призывного возраста сидела в лагерях, колониях, тюрьмах, находилась на спецпоселении. Для того чтобы справиться с возникшей проблемой, Сталин пошел на разрешение призыва в армию из лагерей и спецпоселений. По указам ПВС СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. освободили осужденных «за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления» в количестве 420 тыс. чел. Освобождали по специальным решениям ГКО и в 1942–1943 гг. Всего с 1941 по 1944 гг. в РККА было передано 975 тыс. бывших заключенных^[924].

Трудпоселенцы – «бывшие кулаки» – в 1930-х гг. не подлежали призыву в армию. Главное управление РККА 27 февраля 1940 г. разослало указание «О порядке приписки к призывным участкам трудпоселенческой молодежи» (освобожденной из трудпоселков по достижении 16-летнего возраста). Постановление ГКО №1575 «сс» от 11 апреля 1942 г. разрешило призыв

бывших кулаков на военную службу с условием снятия их со спецучета только через год. И, наконец, 22 октября 1942 г. последовал приказ НКВД СССР №002303 о снятии с учета всех трудпоселенцев и членов их семей, призванных в армию, с выдачей им паспортов. К 1 ноября 1942 г. всего призвали в РККА 607 047 чел., а в течение 1943 г. — 102 520 чел.^[925]

Особого внимания заслуживает вопрос о законодательных актах СССР применительно к военнопленным. Отношение советского государства к своим гражданам, оказавшимся на оккупированной территории и в плену, вылилось в целую серию жестоких директив и законов. Директива Прокурора СССР от 12 октября 1942 г. «узаконила» репрессии против семей дезертиров «как членов семей изменников Родины». Правда, 25 ноября 1943 г. вышло постановление пленума Верховного суда СССР о различении между изменниками и пособниками врага, несколько смягчившее ситуацию. В 1942–1943 гг. создавались проверочно-фильтрационные лагеря, через которые были пропущены сотни тысяч советских граждан, вернувшихся из плена и оккупации.

По указу от 22 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам Родине и предателям и о введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ» в СССР появились каторжане (в июле 1944 г. — 5200 чел., в сентябре 1947 г. — 6021 чел.)^[926]. Как известно, Сталин отказался подписывать Женевскую конвенцию о защите прав военнопленных, заведомо считая их «изменниками Родины». Более того, он обрек их на положение преступников. ГКО 18 августа 1945 г. принял решение о принудительной отправке бывших военнопленных Красной армии на работу в промышленность, в тюрьмы, лагеря и на спецпоселения^[927].

В действиях Сталина и его окружения присутствовала железная логика — унижить человека в глазах народа, обвинив его в измене Родине, растоптать его достоинство и затем манипулировать в своих интересах. Через проверочно-фильтрационные лагеря с конца 1941 г. по 1 октября 1944 г. прошло, по подсче-

там В. Н. Земскова, 421 199 чел., из них передано в РККА 249 416 чел., в промышленность – 30 749 чел. и т. п.^[928] Таким образом, «рационально» распределялись людские ресурсы.

Наряду со всеми вышеупомянутыми указами, директивами и постановлениями следует помнить о разнообразной практике репрессивной мобилизации трудовых ресурсов в годы войны: чистке войсками НКВД, органами милиции, госбезопасности и народными дружинами прифронтовой полосы и бывших оккупированных территорий с целью осуждения за уклонение от трудовой мобилизации; формировании рабочих колонн из представителей репрессированных народов и других категорий «врагов народа»; использовании труда узников ГУЛАГа, военнопленных и такого спецконтингента, как интернированное гражданское население Германии количеством более 140 тыс. чел. Репрессивное законодательство и основные направления его развития в годы войны показывают, насколько велико было недоверие властей предрежащих к своему народу, руками которого вершилась победа.

После победы, давшейся ценой явной самоотверженности всего населения страны, от любой разумной власти следовало бы ожидать резкого смягчения репрессивных законов и широкой амнистии. Действительно, в 1945–1946 гг. такая амнистия прошла, в 1947 г. даже временно отменили смертную казнь. В дальнейшем, однако, все возвратилось «на круги своя». Действия Сталина и его соратников объяснялись вполне прагматичным образом. Победа в войне, достигнутая ценой огромных жертв народа, была использована, прежде всего, для укрепления сложившейся командно-административной системы. Люди, с их болью, надеждами и мечтами о лучшей жизни, были, как и раньше, принесены в жертву всеильному государству и «гениальному вождю».

В тяжелых условиях послевоенной разрухи, голода 1946–1947 гг. был принят репрессивный указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Срок наказания по нему опреде-

лялся в 7–25 лет. Под его действие попали десятки тысяч малолетних преступников и вконец обнищавших людей. Именно они и были освобождены по амнистии 1953 г.^[929]. Указ от 2 июня 1948 г. угрожал колхозникам, не вырабатывающим обязательный минимум трудодней, выселением на восемь лет, а указ от 23 июня 1951 г. наказывал выселением за бродяжничество и попрошайничество^[930].

Русский солдат, прошагавший по Европе и крепко задумавшийся о «преимуществах социализма», достаточно быстро «протрезвел». Его интерес к экономическим и культурным достижениям стран Западной Европы натолкнулся на глухой пропагандистский заслон сталинизма. ПВС СССР 15 февраля 1947 г. принял указ «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами». В этом же году появилась новая литературная формулировка приговора внесудебного органа — «п. з.» — «преклонение перед Западом», и в период с 1947 по 1953 гг. в соответствии с ней давали 10 лет лагерей^[931].

Отмененная в 1947 г. высшая мера наказания — расстрел — вскоре была восстановлена, причем сначала для политических, а уже затем для уголовных преступников^[932]. В феврале 1948 г. был принят указ о направлении в ссылку в отдаленные местности СССР освободившихся особо опасных (прежде всего политических) преступников; 26 ноября 1948 г. — указ Президиума Верховного Совета СССР, определявший наказанием за побеги из мест ссылки 20 лет каторжных работ. В 1953 г. в политизоляторах появились первые политические, осужденные Особым совещанием к пожизненному тюремному заключению, которое не предусмотрено ни одним уголовным кодексом^[933].

Уголовное и трудовое законодательство СССР неумолимо порождало все новые указы о наказании своих задавленных тяготами социалистического существования граждан. Когда сегодня мы пытаемся вычислить, сколько же сидело в тюрьмах и лагерях незаконно репрессированных, нам доказывают, что политических в лагерях было мало, в основном там сидели

уголовники. Таким образом, неосталинисты утверждают, что жертв сталинщины было не так уж и много, а в основном наказывались «по закону» и «за дело». Однако суть заключается в том, что жертвами были отнюдь не только осужденные по ст. 58, ибо репрессивных статей хватало и без нее. Когда после смерти «вождя народов» началась кампания амнистий и отмены наиболее одиозных репрессивных законов, мы обнаружили, как много их было.

По подсчетам В. Н. Земскова, в 1951 г. из числа отбывавших наказание за уголовные преступления 60% было осуждено не на основе статей Уголовного кодекса, а на основе подзаконных актов – по указам Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за самовольный уход с предприятия, за побег из мест обязательного поселения и т. п.^[934]

Указ ПВС СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. гласил: « [...] Освободить из мест заключения [...] лиц, осужденных на срок до пяти лет включительно [...] Освободить осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления, предусмотренные ст. 193 п. 4а, 7, 8, 10, 10а, 14–17а УК РСФСР [...] Не применять амнистию к лицам, осужденным на срок более пяти лет за контрреволюционные преступления»^[935]. Всего было освобождено 1 201 738 чел., в том числе значительная часть тех, кто попал в заключение за мелкие хищения по указу от 4 июня 1947 г.; освобождены все «высланные», и эта категория репрессированных исчезла^[936].

По указу от 8 сентября 1953 г. амнистировали тысячи тех, кто был осужден подзаконными актами от 7 и 22 августа 1932 г. По указу от 28 октября 1953 г. отменялась уголовная ответственность за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней. Только в 1954 г. повысился возраст уголовно наказуемых за любые деяния до 16 лет^[937].

Только в июле 1954 г. была восстановлена практика условно-досрочного освобождения, прерванная в 1939 г. За это время многие десятки тысяч людей стали закоренелыми преступни-

ками, пройдя воспитание лагерями и тюрьмой. 17 сентября 1955 г. вышел указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», который, наряду с подлинными коллаборационистами, освободил и тех, кто по вине Сталина попал в плен в первые годы войны. 20 сентября 1956 г. этот указ был распространен и на военнослужащих, побывавших в плену и осужденных по ст. 193 п. 22 и ст. 58 п. 16. Закон ПВС СССР «Об отмене лишения избирательных прав по суду» вышел 25 декабря 1958 г.^[938]

Законодательная реформа 1950-х гг. была вызвана многими причинами. Во-первых, страна была явно перегружена репрессированными по разным основаниям: на 1 января 1953 г. насчитывалось 2 753 356 спецпереселенцев; только в лагерях и колониях ГУЛАГа (без тюрем и детских трудовых колоний) содержалось 2 468 524 заключенных^[939]. Во-вторых, эффективность подневольного труда после окончания Великой Отечественной войны неуклонно снижалась. В-третьих, политика «позднего сталинизма» находила все меньше понимания как среди народа, так и среди «соратников» вождя. В-четвертых, Н. С. Хрущев и группа его единомышленников хотели обрести популярность как внутри страны, так и за рубежом за счет своего отхода от сталинизма.

В декабре 1956 г. были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза СССР и республик. В ст. 3 впервые в советской практике было провозглашено, что наказание может даваться только по решению суда. Кроме того, уголовная ответственность начиналась теперь с 16 лет. Из перечня видов наказания Основы исключали такие меры, как объявление врагом трудящихся на неопределенный срок и поражение политических прав по суду, в том числе и избирательных прав. Верховный Совет РСФСР 27 октября 1960 г. принял новый УК РСФСР^[940]. Однако все это отнюдь не означало, что советское право рассталось с прошлым. В новом законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государствен-

ные преступления» присутствовали: ст. 1. Измена Родине [...]; ст. 6. Вредительство [...]; ст. 7. Антисоветская агитация и пропаганда (срок от 3 до 10 лет) [...]; ст. 9. Организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации [...]^[941]. Излишне напоминать современнику о том, что сохранилась практика изгнания неугодных лиц из СССР, поражения политических прав и добавилось принудительное лечение в спецпсихбольницах. И еще одна характерная деталь – на указах, отменяющих жестокие законы сталинщины, зачастую встречается гриф «Без опубликования в печати». Тайна свято хранилась и во времена оттепели.

7.2. «СДОХНЕШЬ, НО ПОДПИШЕШЬ». МЕТОДЫ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИЗНАТЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ УНКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА (А. Г. МОСИН)

С началом Большого террора объемы работы сотрудников госбезопасности по всей стране резко возросли. Конвейер смерти должен был работать без остановок, утвержденные в Москве разрядки по осуждению арестованных по I и II категориям следовало выполнять, а во многих случаях и перевыполнять. Времени на то, чтобы провести человека через все круги ада, от ареста до исполнения приговора, отпускалось мало, начальство постоянно торопило с завершением дел. В этих условиях сотрудниками следственных органов широко применялись самые разные способы ускорения процесса и достижения поставленных целей. Как это делалось, мы рассмотрим на материалах одного из дел, сфабрикованных сотрудниками УНКВД по Свердловской области.

Летом и осенью 1937 г. Первоуральский городской отдел НКВД вел несколько следственных дел, некоторые из них были объединены в одно, получившее по числу арестованных жите-

лей города Первоуральска, поселка Билимбаев и поселка железнодорожной станции Кузино название «дело 52-х», или «дело Азанова и других». Материалы этого дела составили шесть томов документов, хранящихся ныне в Государственном архиве административных органов Свердловской области^[942].

Сотрудникам Первоуральского горотдела НКВД важно было в ходе следствия «установить», что им удалось обнаружить и обезвредить чрезвычайно опасную массовую организацию, представляющую собой часть разветвленной вражеской сети: это позволяло продемонстрировать свою бдительность, оперативность в работе и открывало широкие возможности для карьерного роста самих оперативников. В обвинительном заключении отмечалось: «В процессе вскрытой УНКВД по Свердловской области в 1937 году контрреволюционной террористической право-троцкистской организации установлено, что штабом этой контрреволюционной организации в ряде районов области были созданы низовые диверсионно-повстанческие ячейки – взводы.

Как установлено проведенным П-Уральским горотделом НКВД следствием, вся контрреволюционная диверсионно-повстанческая деятельность в П-Уральском районе была создана по прямому указанию областного штаба контрреволюционной организации, руководителем которой являлся священник Азанов Петр Дмитриевич и бывший первый секретарь П-Уральского горкома ВКП (б) Чернецов П. Н. (осужден). [...]

Начиная со второй половины 1935 года и по день ареста Азановым создано в П-Уральском районе 8 контрреволюционных диверсионно-повстанческих групп – взводов на ряде предприятий и поселков [...]»^[943].

Спектр предъявляемых арестованным обвинений был чрезвычайно широк, вплоть до подготовки терактов и насильственного изменения государственного строя в СССР: «В практической контрреволюционной деятельности контрреволюционной повстанческой организации за период с 1935 года и по день ее ликвидации было проведено ряд вредительских диверсионных

актов на ряде предприятий и заводов П-Уральского района, а также готовился ряд террористических актов над представителями Советской власти, причем один террористический акт готовился над членом Политбюро ЦК ВКП (б) Кагановичем.

Контрреволюционная повстанческая организация своей основной целью ставила поднятие вооруженного восстания, свержение Советской власти и установление фашистского строя в стране»^[944].

15 октября 1937 г. постановлением тройки при УНКВД по Свердловской области четверо арестованных (П. Д. Азанов, Ф. А. Голендухин, Г. М. Зырянов и Л. Е. Лукин) были приговорены к высшей мере наказания и спустя четыре дня расстреляны, остальные 48 человек получили десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Добиваясь от арестованных признаний в их преступной деятельности, следователи не гнушались ничем: применяли методы устрашения и пытки, прибегали к фальсификации следственных материалов. В ходе повторного расследования, проводившегося в 1955 г., было установлено, что «следствие по делу Азанова и других полностью сфальсифицировано и велось с грубым нарушением социалистической законности», «материалы проверки полностью доказывают невиновность всех осужденных по делу»^[945]. В результате все 52 человека были полностью реабилитированы «за отсутствием в их действиях состава преступления».

Сведения о методах допросов и фальсификации следственных материалов, допускавшихся в работе Первоуральского горотдела НКВД как в «деле 52-х», так и в других делах, основаны не только на показаниях тех, кто допрашивался, был приговорен к лагерному сроку и остался в живых, но и на материалах допросов самих следователей. Первые признательные показания некоторые из них давали еще в конце 1930-х гг.

В 1939 г. было возбуждено дело против Кузьмы Никитича Трепова, возглавлявшего с октября 1937 г. по март 1938 г. Первоуральский горотдел НКВД. Предварительным и судебным следствием по делу было установлено, что Трепов «необосно-

ванно арестовал 23 человека из числа рабочих, служащих, колхозников и членов ВКП (б). Не имея материалов, уличающих виновность арестованных им лиц, Трепов сам, а также через подчиненный ему аппарат, путем угроз и применения физического воздействия (конвейера) вынуждал подследственных дать на себя вымышленные данные о якобы причастности их к контрреволюционным организациям. Таким же путем и добивались подписи арестованных на заочно составленных протоколах допроса с фиктивными данными, в которых вписывали ряд лиц, якобы причастных к контрреволюционным организациям, которых арестованные зачастую не знали»^[946]. В 1940 г. К. Н. Трепов был осужден к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

В оправдание своих действий Трепов ссылался на сложившуюся практику в системе областного управления НКВД: « [...] мне было известно, что в аппарате управления НКВД действительно применялась конвейерная система при допросе арестованных, и эта система проводилась <по указанию?> бывшего начальника УНКВД Дмитриева. Кроме того, сотрудники аппарата горотдела НКВД Комлев и Куимов тоже настаивали на том, чтобы применять конвейер на допросах»^[947].

На этом же допросе Трепов показал, что Куимов «составил провокационный протокол допроса Митянина, в котором вывел Митянина как участника контрреволюционной троцкистской организации»^[948]. Позднее его показания подтвердились и Митянин был освобожден из-под стражи.

О методах следствия, применявшихся на допросах Колбиным, дал показания свидетель Тюменцев: «24 декабря 1937 года я был арестован Первоуральским горотделом НКВД. Вечером 25 декабря я был вызван на допрос к бывшему уполномоченному Колбину, который предложил подписать уже готовый протокол, где я фигурировал как член контрреволюционной организации, существующей на Гологорском руднике... Протокол, не соответствующий действительности, я старался не подписывать. Так меня методом конвейера продержали без сна и отдыха — 96 часов»^[949].

О методах давления, применявшихся к нему на допросах одним из подчиненных Трепова, рассказывал С. И. Барановский: «С ведома бывшего начальника Первоуральского ГО НКВД Трепова в начале моего пребывания под арестом я был подвергнут конвейеру в течение 5 суток. Допрашивавший тогда меня Комлев сначала обращался вежливо, предлагал подписать готовое, написанное не мной, заявление. Вследствие того, что я отказался от подписи заявления, говорил мне, что тебе, если подпишешь заявление, дадут всего лишь 5–10 лет, а если не подпишешь – расстрел. Что якобы он, Комлев, действует по указанию партии.

Я сказал Комлеву, что так могут делать только действительные враги. Тогда Комлев вытаскивает и показывает партбилет, говоря о том, что «видишь, я член партии. Какие есть основания у тебя мне не верить. Это в интересах партии».

Вежливости со стороны Комлева по отношению ко мне был скоро положен конец»^[950].

М. И. Митянин обвинял допрашивавших его Комлева и Куимова в том, что они с помощью угроз принуждали его к даче ложных показаний: «В процессе моего пребывания под арестом Трепов, а вместе с ним Комлев и Куимов – работники ГО НКВД – оскорбляли всячески меня, называли „проституткой“ и т. д. „Сдохнешь, но подпишешь“. Куимов, кроме того, заявил: „Если подпишешь протокол, то получишь 2–3 года, не подпишешь – дадут крышку“. Мне был применен конвейер примерно в течение 50-ти часов». И далее: «Позднее Комлев (уже в управлении НКВД) мне предлагал подписать протокол об окончании следствия. Я отказывался ввиду того, что мной был подписан ложный протокол. Тогда Комлев угрожал мне арестом моей жены. „А ты получишь 25 лет, если не подпишешь, или вышку, детисек сгноим“, – заявил Комлев»^[951].

Конвейер применяли и при допросах женщин, что отражено в показаниях О. С. Савельевой: «К Прокопенко я была вызвана в кабинет 15 января 1938 года, где находилась 48 часов, применяли конвейерную систему. Прокопенко поставил мне

стул и сказал: „Сиди как кошка“. Я спросила – „почему как кошка?“ Он ответил: „До тех пор будешь сидеть, что сама скажешь“. Так продолжалось в течение 48 часов. 16 января Прокопенко, озлобившись, стал ругать меня матерной бранью. Я не вынесла этого и заплакала. Присутствовали при этом Прокопенко и Колбин»^[952].

Первым из подчиненных К. Н. Трепова по его делу был допрошен Николай Гаврилович Куимов, член ВКП (б) с 1926 г. К этому времени в отношении самого Куимова были выдвинуты обвинения в использовании «провокационных», как это квалифицировалось в следственном делопроизводстве, методов дознания. Поэтому не удивительно его стремление оправдать собственные действия, перекладывая ответственность на начальника и других сотрудников горотдела НКВД.

«Провокационный метод ведения следствия в Первоуральском ГО НКВД имел место еще до приезда Трепова, – сообщал Куимов, – т. е. в бытность начальником ГО НКВД Федосеева. Уже до этого периода, т. е. до приезда Трепова, оперсостав Первоуральского ГО НКВД практиковал составление протоколов в отсутствие арестованных, применяли уговор и держали арестованных на конвейере. В октябре месяце 1936 года Федосеев принял горотдел, нормально следствие велось до половины октября 1937 года. За период первой операции было около 4 случаев, что арестовали вместо кулаков бедняков, помню фамилию Иванова – нормировщик Н-Трубного завода. Один случай был у Комлева, который был в бригаде Морозова, оперуполномоченного на НТЗ.

Допрашивали свидетелей и собрали показания на одного бедняка (фамилию не помню). Комлев собрал на него материал и сделал его билимбаевским попом, тогда я заинтересовался и при допросе свидетелей (фамилии не помню) говорили, что Комлев сказал, что нужно бороться с контрреволюцией, и свидетели подписали показания на этого бедняка, не зная его даже в личность. В период руководства Федосеева я помню один случай с арестованными церковниками, Федосеев это дело у меня

взял и передал для дальнейшего ведения следствия Комлеву, который написал в отсутствие арестованного Зырянова протокол допроса, а ранее составленный мною протокол допроса переделал и позднее уничтожили. Этот протокол был арестованным подписан.

По делу церковников проходили Азанов (поп), Грибанова церковный староста, двое Зыряновых, отец и сын Григорий, всего было около 15 человек, но арестованы были не все. Комлев, ведя дальнейшее следствие, и пересоставил протокол Зыряновых, и по церковникам прошло около 50 человек, и из попа Азанова сделал руководителя к-р повстанческого взвода и связал его с несуществующей какой-то районной повстанческой организацией, но никаких материалов о существовании к-р повстанческой организации у нас в ГО НКВД не было. Комлев неоднократно мне говорил, что мы на этом деле можем нажать багаж и выдвинуться. К-р повстанческого формирования вскрыто не было, а Комлев его сфабриковал. Впоследствии Комлев всех этих 50 человек доложил на Тройку и говорил мне, что 4 человека были расстреляны. Комлев активно проводил конвейер и держал на конвейере арестованных, который, насколько мне помнится, держал на конвейере попа Азанова, требовал от него заявление о признании.

За это дело Комлев получил 200 рублей от начальника 4 отдела Варшавского, и вскоре Комлева перевели работать в управление. Я лично убежден, что Комлев получил эти 200 рублей за это дело церковников.

При допросе попа Азанова Комлев получил указание от Федосеева, что не отпускать Азанова до тех пор, пока не получишь от него показаний, и как будто конвейер начался с Азанова.

Трепов приехал в Первоуральский ГО НКВД 23/Х-37 года, аресты по 1 и 2 категории были в основном закончены. Трепов также проводил следствие провокационными методами, т. е. применял конвейер, корректировал протоколы допроса, помню, что на конвейере у Трепова в течение 3–5 суток – Козменко, инженер, Грязных, редактор райгазеты. В период

работы Трепова также отбирались и заявления от арестованных»^[953].

Перечислив фамилии арестованных при Трепове членов ВКП (б), Куимов перешел к делам против рабочих: «Насчет ареста рабочих, я помню дело по Гологорскому руднику, подробностей данного дела не помню, но знаю, что на Гологорский рудник выезжали б/работник УНКВД Пурышев и оперуполномоченный ГО Колбин, которые вели там следствие, и вскоре Пурышев провел там операцию, из арестованных рабочих я помню фамилии Аржанникова, Аржанниковой, Савиновой, Котова.

В первый же день ареста мне дали для допроса гр-ку Аржанникову, с которой я сидел около 5 часов, и после этого я настаивал на освобождении, но Пурышев настаивал, чтобы из-под стражи ее не освобождать, а добиваться от нее показаний»^[954].

На утверждение Трепова, что он настаивал на применении к арестованным конвейера, Куимов решительно возразил: «Нет, не настаивал, и не было необходимости, т. к. Трепов больше меня держал на конвейере арестованных»^[955]. После того, как Куимову зачитали показания Трепова, касающиеся его, он ответил более развернуто: «Этим показанием Трепов сам себя обвиняет, ведь Трепов сам держал на конвейере арестованных, и мне не было в этом необходимости, я сам тоже держал на конвейере Козьменко, который был раньше арестован, чем Митянин. К тому же Трепов никому не запрещал держать на конвейере арестованных. Показания Трепова просто абсурд. Кроме всего, Трепов применял угрозы при допросе. Помню, что он заявил Митянину, Козьменко, Грязных, что если они не сознаются, то у них будут арестованы жены, и я лично считаю, что таким методом запугивания Трепов получил показания от Козьменко»^[956].

В конце допроса Куимов дал показания о том, как было искусственно образовано «дело 52-х», стараясь при этом приуменьшить свою роль в нем: «Я уже выше показал, что Первоуральским ГО НКВД были арестованы церковники, первоначальное след-

ствие по делу вел я, Куимов, после чего Федосеев, начальник отдела, это следственное дело у меня взял и передал Комлеву, который без наличия материалов о к-р повстанческом формировании увязал дело кулаков — 10 человек со спецпоселка, следствие по которому мною было закончено, но Комлев это дело увязал с церковниками, попа Азанова «сделал» руководителем к-р повстанческого взвода, и впоследствии сам Комлев лично доложил это дело на Тройку за существующий к-р повстанческий взвод, якобы который связан был с районным к-р повстанческим штабом Первоуральского района. Этому повстанческому взводу, его руководителю Азанову Комлев прописал 25 кг аммоналу, якобы Азанов достал для совершения диверсионного акта на Н. Т. заводе.

На самом деле этот аммонал был найден на Титаномагнитовом руднике, и у Комлева не было никаких данных, что это было сделано Азановым, к тому же Азанов не знал об этом аммонале.

Я тогда возражал, чтобы приписывать Азанову этот аммонал, но Комлев вписал этот аммонал арестованным Зыряновым и Лукину, а сам Азанов никакого протокола не подписал.

На одном из партсобраний в УНКВД Комлев признал, что им действительно в части повстанческой к-р организации дело было сфальсифицировано. На этом собрании присутствовали Саулин, Мокин, Попковский, был на этом собрании и начальник УНКВД Иванов»^[957].

В 1955 г., в процессе реабилитации осужденных по «делу 52-х», Н. Г. Куимов был допрошен еще дважды. Интересно сравнить его показания, касающиеся методов ведения следствия в Первоуральском горотделе НКВД в 1937–1938 гг., с данными им же показаниями пятнадцатью годами ранее.

Отвечая на вопрос, имелись ли материалы о существовании в Первоуральском районе широко разветвленной кулацко-повстанческой организации, построенной по типу воинских подразделений, Куимов показал, как в горотделе НКВД была искусственно «создана» такая организация: «В Первоуральском горотделе НКВД имелись агентурные материалы лишь о том, что отдельные разрозненные группы из числа церковников

и кулаков спецпоселенцев собираются и в разговорах между собой ведут антисоветскую агитацию, высказывают озлобление на Советскую власть. Но эти группы были организационно не оформлены и работы к созданию какой-то большой повстанческой организации не вели.

У нас в горотделе НКВД не было материалов о наличии в Первоуральском районе широко разветвленной повстанческой организации, построенной по типу воинских подразделений.

В 1937 году церковники и кулаки были арестованы, и в период следствия их всех искусственно объединили в одну организацию, которой фактически не существовало»^[958].

Как и в 1940 г., Куимов старался приуменьшить свою роль в следствии по «делу 52-х» и в фальсификации его материалов: «Арест Азанова и других церковников и кулаков, всего около 50 человек, был произведен Первоуральским горотделом НКВД в период моего отпуска, осенью 1937 года. В связи с большим количеством арестованных меня из отпуска отозвали досрочно и поручили вместе с помощником оперуполномоченного Комлевым вести следствие по этому делу. В следствие по делу арестованных были включены и другие работники горотдела НКВД. Первое время следствие по делу церковников возглавлялось мною, но вскоре меня от следствия отстранили. Получилось это отстранение по следующим мотивам:

Как только началось следствие, Комлев стал высказывать свои намерения провести следствие так, чтобы объединить арестованных в якобы существовавшую повстанческую организацию. Он мне неоднократно говорил, что на этом деле мы можем «вытти в люди», и предлагал стать на путь фальсификации следственных материалов. Я возражал Комлеву и докладывал начальнику горотдела Федосееву о том, что материалов о существовании повстанческой организации нет, и нельзя ее искусственно создавать. Однако Федосеев стал на точку зрения Комлева. Меня от следствия отстранил, передав это дело Комлеву. С этого времени Комлев возглавлял следствие по делу

Азанова и других. Он его заканчивал и выносил обвинительное заключение, он же докладывал его на заседании Тройки УНКВД по Свердловской области.

Я очень мало участвовал в следствии по этому делу и затрудняюсь подробно объяснить о ходе следствия. Знаю, что при допросах арестованных широко практиковалась конвейерная система, особенно Комлевым, когда арестованных держали на допросе непрерывно по несколько суток. Например, Комлев держал Азанова на допросе непрерывно около 7 суток. Основные протоколы допроса обвиняемых сочинял Комлев, излагая в протоколах не показания обвиняемых, а свои собственные умозаключения, и потом добивался подписи обвиняемых на таких сфальсифицированных протоколах. В частности, Комлевым был сочинен обширный протокол допроса Азанова, но не знаю, добился ли он от Азанова подписи этого протокола»^[959].

По словам Куимова, сам он фальсификации протоколов допроса обвиняемых и свидетелей не допускал: «я лично фальсификацией документов не занимался и в протоколы допроса записывал только то, что показывали арестованные»^[960].

Куимову был предъявлены показания свидетеля Вологиной, допрошенной 17 января 1955 г., утверждавшей, что он ее в 1937 г. не допрашивал, но протокол ее допроса подписан им. На вопрос, подтверждает ли он эти показания свидетеля о фальсификации протокола ее допроса, Куимов ответил: «Нет, не подтверждаю. Вологина неправильно показывает о том, что я ее не допрашивал. У меня не было случаев, чтобы самому составлять протокол допроса свидетеля, а потом направлять с другим работником на подпись»^[961].

Отвечая на свидетельские показания 1955 г. В. М. Грибановой, протокол допроса которой в 1937 г. был подписан Куимовым, что ее специально вообще не допрашивали и протокола допроса она не подписывала^[962], Куимов заявил, что «Грибанова о методах ее допроса в 1937 году показывает ложно, ибо я не только по отношению к ней, но в отношении других церковников незаконных методов следствия не применял, а потому

не мог фальсифицировать протокол ее допроса, как показывает Грибанова»^[963].

Отвечая в 1955 г. на вопросы следователя, фальсифицировал ли его коллега Комлев протоколы допросов арестованных Зыряновых и Лукина и как в «деле 52-х» появилось взрывчатое вещество, Куимов, с одной стороны, ссылаясь на то, что не может вспомнить чего-то «за давностью времени», а с другой стороны, пытался возложить ответственность за фальсификацию дела на Комлева: «Фальсифицировал ли Комлев протоколы допросов арестованных Зыряновых, отца и сына, я сейчас не помню. Допрашивал ли я предварительно Зыряновых, тоже сейчас не помню; в 1940 году я эти факты помнил лучше, и если показывал на допросе, то, видимо, Комлев действительно эти протоколы переделывал. Сейчас я по этому вопросу пояснить ничего не могу.

Помню, кем-то было обнаружено взрывчатое вещество — аммонит или аммонал, более 20 килограмм. Никаких данных, свидетельствующих о том, что эта взрывчатка была подготовлена арестованными Азановым, Зыряновым и другими для совершения каких-то преступных действий, у нас в горотделе НКВД не было. Однако Комлев, не имея никаких к тому оснований, пропустил этот аммонал по показаниям ряда арестованных как взрывчатое вещество, специально подготовленное ими для совершения диверсионных или террористических актов. Свои показания в этой части, данные на допросе 10 мая 1940 года и с которыми я сейчас ознакомился, я подтверждаю. Пояснений к этим показаниям за давностью времени дать не могу»^[964].

Степан Никитич Комлев, член КПСС с 1932 г., также был допрошен в 1955 г. в качестве свидетеля по «делу 52-х». В своих ответах на вопросы следователя он придерживался той же тактики, что и Куимов, стараясь отвести себе в этом деле самую незначительную роль, а в «трудных» случаях ссылаясь на незнание или плохую память: «В Первоуральском горотделе НКВД Свердловской области я работал в 1937–1938 годах в должности помощника оперуполномоченного. Начальником горотдела

в то время был Федосеев, а начальником отделения и моим непосредственным начальником являлся Куимов. Я и Куимов работали в Первоуральском горотделе НКВД по линии СИО (*название не расшифровано. – Прим. Автора*), вели разработку антисоветского элемента среди церковников и кулаков, а также участвовали в следствии по делам арестованных церковников и кулаков.

Сейчас я только помню, что в Первоуральском горотделе НКВД имелась разработка на церковников и кулаков выселенцев. Эту разработку вел Куимов. Какие конкретно были получены материалы в период этой разработки, и в частности, имелись ли материалы, свидетельствующие о наличии широко разветвленной повстанческой организации кулаков и церковников, я не помню и пояснить сейчас не могу. Знаю, что по разработке проходило ряд лиц, в том числе билимбаевский священник Азанов.

Следствием по делу арестованного Азанова и других руководили начальник горотдела Федосеев и Куимов, который вел разработку и реализовал ее путем ареста разрабатываемых. Какие материалы и данные послужили основанием к аресту этих лиц, я точно не знаю, но думаю, что основанием к аресту послужили материалы разработки»^[965].

Фальсификацию следственных материалов Комлев предпочитал называть «корректированием». Своего участия в этом процессе он не отрицал, но сводил его к исполнению распоряжений начальства: «К следствию по делу Азанова и других обвиняемых было привлечено большинство сотрудников горотдела, коменданта, спецкомендатур, курсанты, находящиеся в горотделе на практике. Кому и каких арестованных допрашивать, распределяли Куимов и Колбин как старые и опытные работники. Каких арестованных мне поручали допрашивать, я тех и допрашивал. Обвинительное заключение составлял не я один, а ряд работников, принимавших участие в следствии по делу. Корректировали обвинительное заключение неоднократно, в том числе корректировали Куимов и Федосеев.

Мною это откорректированное обвинительное заключение было подписано по поручению Федосеева.

Допускались ли работниками, ведущими следствие по делу Азанова и других, фальсификация протоколов допроса обвиняемых, я не могу сказать, не знаю. Я лично не практиковал в работе фальсификацию протоколов допросов. Однако, возможно, в некоторых протоколах мною допускались элементы фальсификации, но более точно пояснить сейчас об этом не могу, т.к. не помню за давностью времени»^[966].

О практике применения пыток к арестованным и фальсификации протоколов допроса Колбин распространился подробнее: «Вообще порочные методы следствия тогда применялись мною и другими работниками. В частности, практиковался так называемый конвейер, когда арестованных держали на допросе беспрерывно по несколько суток. Помню, применялся конвейер к арестованному Азанову, которого допрашивал я. Применялся конвейер и к другим арестованным, но их фамилии не помню. В практике следствия применялась и корректировка протоколов допроса обвиняемых. Протоколы допросов обвиняемых, написанные работниками, корректировались Федосеевым, Куимовым, Колбиным и Морозовым, после чего они печатались на машинке и давались на подпись обвиняемым. Все печатные на машинке протоколы допросов обвиняемых в какой-то степени были откорректированы руководящими работниками»^[967].

На вопрос следователя, в чем выражалась корректировка протоколов допросов, Колбин заметил, что «корректировка иногда была такая, которая меняла содержание и смысл показаний обвиняемых. Однако конкретными фактами подтвердить это я затрудняюсь»^[968].

Утверждение Куимова, что именно он, Колбин, был инициатором фальсификации протоколов допроса и настаивал на объединении всех арестованных в одну контрреволюционную организацию, Колбин решительно отверг: «Я не отрицаю, что так называемая контрреволюционная повстанческая организация

была создана исключительно в период следствия. Однако я никогда не являлся инициатором фальсификации протоколов допроса обвиняемых и не настаивал об объединении всех арестованных в одну, якобы, существовавшую организацию, а лишь выполнял указания, даваемые Федосеевым и Куимовым. Куимов в этой части показывает явно неправильно»^[969].

От какого-либо участия в истории с аммоналом, в которой Куимов отводил ему решающую роль, Колбин решительно отмежевался: ничего не помнит, никакого аммонала не видел, кто и где его обнаружил, не знает. «О подготовке аммонала я мог записать в протокол допроса только при наличии таких показаний со стороны обвиняемых»^[970], — заключил он.

Просмотрев предъявленные ему протоколы допроса отца и сына Зыряновых, Колбин так отвечал на предложение следователя пояснить, кем они составлены и кем корректировались: «Представленные протоколы допроса Зыряновых, л. д. 185–195 и 200–218, напечатаны на машинке и подписаны мною. Допрашивались ли Зыряновы, отец и сын, мною, я не помню, но подписал эти протоколы я. Кто корректировал эти протоколы допроса Зыряновых, я тоже не помню.

Возможно, первоначально протоколы допросов Зыряновых составлялись мною, но потом они были откорректированы кем-то из руководящих работников. Ознакомившись с содержанием этих протоколов допроса, я могу пояснить, что таких развернутых показаний о существовании в Первоуральском районе контрреволюционной повстанческой организации во главе со священником Азановым, как это записано в указанных протоколах, мне арестованные на допросах не давали. Ясно, что эти протоколы Зыряновых являются сфальсифицированными, но в какой степени, затрудняюсь пояснить. Я не помню, чтоб кто-то из арестованных, которых я допрашивал, давали показания о подготовке теракта над товарищем Кагановичем, а также о связи церковников с троцкистами Головиным и Чернецовым. В какой степени протоколы допросов Зыряновых соответствуют показаниям, данным Зыряновыми, отцом и сыном, я сейчас не могу точно сказать.

Помимо меня эти протоколы допроса Зыряновых подписаны Федосеевым, который, видимо, участвовал в допросе Зыряновых»^[971].

Комментируя степень соответствия протокола допроса и реальных показаний Л. Е. Лукина, который, как и Г. М. Зырянов, был расстрелян, Колбин фактически признал использование шаблона при фальсификации протоколов допроса арестованных: «Предъявленный мне протокол допроса Лукина подписан мною. Какие давал Лукин показания, я сейчас не помню. Судя по содержанию протокола допроса и по тому, что этот протокол отпечатан на машинке, могу пояснить, что протокол подвергался корректировке, и насколько соответствует содержание протокола показаниям самого Лукина, я не могу сказать. Причем содержание этого протокола мало чем отличается от протоколов допроса Зыряновых и, видимо, подгонялся по содержанию к протоколам допросов Зыряновых»^[972].

Подводя итог своим показаниям на допросах в 1955 г., Колбин еще раз подчеркнул, что не на нем лежит ответственность за фальсификацию материалов следствия по «делу 52-х»: «По заданному вопросу могу добавить, что протоколы Зыряновых и Лукина, как мною было сказано раньше, подвергались резкой корректировке руководством горотдела. Я имею в виду Федосеева, Куимова, Колбина и Морозова, т. к. при начинании следственной работы я таких протоколов самостоятельно составить не мог, ибо не имел опыта в их писании, а также не был знаком совершенно ни с районом, ни с производством»^[973].

В ходе пересмотра «дела 52-х» был допрошен также Никита Михайлович Прокопенко, бригадир шихтарей Первоуральского старотрубного завода. В 1937 г. он обучался в Свердловской школе НКВД, с 15 августа по 26 ноября проходил практику в Первоуральском горотделе НКВД. После окончания школы с декабря 1937 г. до 1939 г. работал в том же горотделе, в 1940 г. оказался под судом по делу К. Н. Трепова.

Во время практики, а затем в должности оперуполномоченного Прокопенко, по его признанию, «принимал участие

в следствии по делам арестованных кулаков спецпоселенцев и церковников»^[974], занимался допросами арестованных и свидетелей.

О роли сотрудников горотдела в следствии по «делу 52-х» и о своем участии в нем Прокопенко сообщил следующее: «Следствие по делу арестованных кулаков и церковников Азанова и других 52-х человек возглавлял начальник горотдела Федосеев. Следствие по делу вели оперуполномоченный Комлев и оперуполномоченный Колбин. Я же и другие курсанты: Мисиков, Орлов и Лаптев были приданы Комлеву и Колбину для участия в следствии по делу. Кроме того принимал участие в следствии по этому делу оперуполномоченный Куимов, он же тогда замещал начальника отдела Федосеева. Я лично работал непосредственно под руководством Колбина и Куимова»^[975].

Показания Прокопенко не оставляют сомнений в том, что первоуральская контрреволюционная организация существовала только в воображении сотрудников местного горотдела НКВД: «Я, участвуя в следствии по делу Азанова и других арестованных, читал все агентурные материалы на этих лиц, но никаких данных, свидетельствующих о наличии контрреволюционной повстанческой организации, не видел.

Эта организация была «создана» искусственно работниками Первоуральского горотдела НКВД путем провокационных методов следствия и фальсификации протоколов допроса обвиняемых»^[976].

Далее Прокопенко обстоятельно изложил суть провокационных методов, применявшихся в ходе следствия по «делу 52-х»: «Как я уже показал, в горотделе НКВД имелись материалы лишь об антисоветской агитации, проводимой Азановым и другими. Однако Федосеев, Колбин и Куимов давали указания писать в протоколы допроса обвиняемых показания, что они являются не только антисоветчиками, но и участниками контрреволюционной повстанческой кулацкой организации, якобы существующей в Первоуральском районе.

Практиковалось мною и другими работниками, участвующими в следствии по делу, составление протоколов допроса обвиняемых в отсутствие самих обвиняемых. Для этой цели нам давались написанные и отпечатанные на машинке протоколы допроса арестованных с тем, чтобы мы, при допросе других арестованных, составляли протоколы по этому образцу и вписывали в протокол все факты и участников организации, которые указаны в «образцовом» протоколе. По существу получался не допрос обвиняемого, а лишь составление протокола с данного образца, переписывание этого образца с некоторой перефразировкой и перестановкой фамилий.

После того, как протокол был таким образом составлен работником, вызывался арестованный, и ему предлагалось подписать такой протокол. Арестованный подписывал.

В случае, если арестованный отказывался подписать такой сфабрикованный протокол, его принуждали подписывать. Для этого держали арестованного на допросе порой более суток, пока не подпишет.

Я помню, заходил в кабинет Комлева, когда он допрашивал Азанова. Азанов упорно отрицал предъявленные обвинения в том, что он являлся руководителем контрреволюционной организации. При этом Азанов сидел на торце ножки перевернутой табуретки. Когда Азанова увели, то я заявил Комлеву, что я бы никогда не стал так издеваться над человеком. Комлев ответил: «А чего он не подписывает». Комлев держал Азанова в кабинете непрерывно более двух суток, домогаясь от него подписи сфабрикованного протокола. Сейчас я не помню, подписал ли Азанов протокол.

У меня лично было несколько случаев, когда арестованные отказывались подписывать сфабрикованные протоколы. Куимов приказывал мне этих арестованных с протоколом передать Комлеву. У Комлева они подписывали. Фамилии этих арестованных я не помню, но знаю, что были такие арестованные и по делу Азанова и других.

Кроме того, практиковалась камерная обработка арестованных, для чего в камеру подсаживались агенты, которые уговари-

вали арестованных подписать протокол допроса. Этими агентами руководил Колбин. Как-то я зашел в кабинет к Колбину. У него сидел агент, фамилию его не знаю, кушал. Позднее Колбин мне рассказал, что этот агент специально подсажен к арестованным уговаривать подписать протоколы»^[977].

На уточняющий вопрос следователя, на всех ли арестованных распространялась фальсификация протоколов допроса, Прокопенко пояснил: «Я и другие работники, как правило, сами составляли протоколы допроса арестованных, а потом принуждали арестованных их подписывать. Сейчас я не могу точно сказать, на всех ли арестованных составлялись сфальсифицированные протоколы допроса, но хорошо помню, что из всех арестованных, которых я допрашивал по делу Азанова, никто показаний об участии в контрреволюционной организации не давал. Часть арестованных, примерно 30–40%, признавались в проведении антисоветской агитации среди окружения, однако никто не показывал о наличии контрреволюционной организации и своем участии в ней. Несмотря на это, протоколы допроса составлялись как на участника организации»^[978].

Следователь зачитал Прокопенко список из шестнадцати арестованных, которых он допрашивал в 1937 г., и просил указать, кто из них признал себя виновным в ведении антисоветской агитации. Прокопенко пояснил, почему эта задача ему не под силу: «Даже при ознакомлении с протоколами допроса на указанных лиц я не могу сказать, кто из них дал показания в проводимой антисоветской агитации, а кто не давал, т. к. протоколы мною писались по шаблону»^[979].

Допрошенный несколькими днями ранее свидетель Шибачев показал, что в 1937 г. Прокопенко, зачитывая ему протокол допроса, пропустил «запись о его участии в контрреволюционных сборищах», и он, подписывая протокол, не знал о ее существовании. Прокопенко это обвинение отвел: «Я помню, что протоколы допроса обвиняемым читал полностью. Не могло быть, чтобы я обманул обвиняемого, как об этом показал Шибачев»^[980].

На вопрос следователя, признавался ли арестованный Л. И. Попов в подготовке теракта против председателя поселкового совета Маркина и Шалимова, Прокопенко отвечал, что не помнит, но, возможно, «такие данные были мною списаны с другого, „образцового“ протокола, а Попов мог только подписать»^[981].

В конце допроса Прокопенко выразил собственное отношение, по прошествии восемнадцати лет, к своему участию в «деле 52-х»: «Могу дополнить, что, работая в горотделе практикантом, я не мог не верить и не выполнять те указания, которые давались мне оперативными работниками. Все заявления Куимова и Колбина о наличии контрреволюционной организации я воспринимал как истину и поэтому допускал в своей работе провокационные методы. Сейчас я понимаю, что поступал тогда неправильно»^[982].

В действиях сотрудников Первоуральского горотдела НКВД в годы Большого террора, как в капле воды, отразилась практика ведения следствия в системе УНКВД по Свердловской области, а она, в свою очередь, была частным случаем работы репрессивной машины госбезопасности в масштабах всей страны.

«Если враг не сдается, — его уничтожают». Этот заголовок статьи Максима Горького, опубликованной в газете «Правда» 15 ноября 1930 г., в годы Большого террора звучал прямым оправданием расправ с теми, кого назначало врагами советское государство. Колесиками и винтиками безжалостной репрессивной машины, решавшей задачу очистки страны от внутренних «врагов», были тысячи сотрудников НКВД, несущие свою долю ответственности за творившееся беззаконие, за преступления государства против своего народа.

7.3. ЛИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА УРАЛА В 1917–1918 ГГ.

(С. И. КОНСТАНТИНОВ)

Впервые опубликовано: Общество и личность на переломе эпох. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 25 февраля 2017 г.). М., Московский финансово-юридический университет, 2017. 180 с. С. 148–155

Практически все партийное и советское руководство Урала и Екатеринбурга в 1917–1918 гг. составили профессиональные революционеры – борцы с прежним режимом. Все они неоднократно побывали в тюрьмах и ссылках и прибыли в Екатеринбург после освобождения их Февральской революцией. При этом практически все они были людьми одного поколения в возрасте от 26 (Белобородов, Сафаров) до 34 (Крестинский) лет.

Так, партийное руководство осуществляли большевики: **Я. М. Свердлов** (1885–1919, в 1917 г. – 32 года) – в партии с 1901 г., неоднократно арестовывался и ссылался, с февраля 1913 г. в ссылке в Сибири, в апреле 1917 г. руководил 1-й Уральской свободной конференцией большевиков, воссоздавшей областной комитет партии, с 8 (21) ноября – председатель ВЦИК; **Н. Н. Крестинский** (1883–1938, в 1917 г. – 34 года) – в партии с 1903 г., 7 раз арестовывался полицией, в 1917 г. – в ссылке на Урале, с апреля 1917 г. – председатель обкома партии, с 29 октября по 22 ноября – председатель ВРК (военно-революционного комитета, претендовавшего на высшую власть в городе), с декабря 1917 г. – в Петрограде; **И. М. Малышев** (1889–1918, в 1917 г. – 28 лет) – единственный уроженец Урала – г. Верхотурье, в партии с 1907 г., неоднократно арестовывался и ссылался, с 1915 г. – член Екатеринбургского комитета партии, после Февраля освобожден из тюрьмы и избран председателем Екатеринбургского комитета, с апреля – член Уралобкома партии, затем зампреда городского и член Уральского областного Советов, с января 1918 г. – председатель Уральского областного комитета партии, член облисполкома; **Ф. И. Голощекин** (1876–1941) – в партии

с 1903 г., неоднократно арестовывался и ссылался, с 1913 г. в сибирской ссылке вместе со Свердловым, в мае 1917 г. избран членом Пермского городского, а в июле – член и секретарь Уральского областного комитета партии в Екатеринбурге, с января 1919 г. – областной комиссар юстиции, комиссар Уральского военного округа, член исполкома облсовета, член обкома партии; **И. А. Акулов** (1888–1939, в 1917 г. – 29 лет) – в партии с 1907 г., в декабре 1917 – январе 1918 гг. – секретарь Екатеринбургского комитета партии, в январе-апреле 1918 г. – Уралобкома партии, в сентябре 1918 – январе 1919 гг. – председатель Вятского губкома партии и губисполкома. С 1930 г. – 1-й зампредела ОГПУ, в 1933–1935 гг. – прокурор СССР.

Советское руководство: **Л. С. Сосновский** (1886–1937, в 1917 г. – 31 год) – в партии с 1904 г., освобожден Февралем из ссылки и в апреле 1917 г. избран членом Уралобкома партии, а в августе – председателем Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов и Уральского облсовета профсоюзов, в октябре – председатель Екатеринбургского Совета; **С. К. Тарабукин** (Тарин) (1878 –?) – единственный в городском руководстве член партии эсеров с 1903 г., как и остальные прошел аресты и ссылки, с марта 1917 г. – председатель Екатеринбургского комитета партии эсеров, в июне 1917 – январе 1918 гг. – товарищ председателя исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Екатеринбургского и член исполкома Уральского совета крестьянских депутатов. (После захвата города белыми, на первом заседании городской думы 31 июля 1918 г., был избран гласным от партии социалистов-революционеров. См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1994. Л. 2.); **П. М. Быков** (1888–1953, в 1917 г. – 29 лет) – в партии с 1902 г., арестовывался, ссылался, в 1917 г. – прапорщик Екатеринбургского гарнизона, в марте 1917 г. – председатель Екатеринбургского совета солдатских депутатов. Входил в состав Екатеринбургского окружного и Уральского областного Советов. С ноября

1917 г. – гласный Екатеринбургской городской Думы; **В. Н. Андронников** (1885–1942, в 1917 г. – 32 года) – в партии с 1905 г., неоднократно ссылался, кандидат в члены Уральского обкома партии, в июне 1917 г. – председатель окружного Совета. В январе-феврале 1918 г. – председатель Уральского областного Совета; **С. Е. Чуцкаев** (1876–1944) – в партии с 1903 г., эмигрант, подвергался арестам, заключению, после февраля 1917 г. – избран городским головой, член областного Совета, после октября – член исполкома Облсовета, председатель Екатеринбургского Совета и один из заместителей председателя облЧК; **Г. И. Сафаров (Вольпин)** (1891–1942, в 1917 г. – 26 лет) – в партии с 1908 г., эмигрант, после февраля 1917 г. вместе с Лениным и Зиновьевым вернулся в Россию, с сентября 1917 г. – товарищ председателя Уралоблсовета, одновременно с января 1918 г. – товарищ председателя, член президиума Уралобкома партии.

Более того, ряд активных большевиков Екатеринбурга оказались за решеткой как раз накануне Февральской революции и были они арестованы в самом городе. 16 января 1917 г. отдельного корпуса жандармов ротмистр Ивановский докладывал прокурору Екатеринбургского Окружного Суда о заключении им под стражу в Екатеринбургскую уездную тюрьму Малышева Ивана Михайловича, Мрачковского Сергея Витальевича (будущий командующий войсками Приуральяского военного округа), Лепы Альфреда Карловича (будущий член Екатеринбургского Совета и Уралобкома РСДРП (б), кандидат в члены ЦК ВКП (б)), Баранова Сергея Фомича (будущий член Урало-Сибирского бюро ЦК РКП (б)), Фектера Анджи Луиша, Дзерве Лавизы Лапиновны, Кочкиной Екатерины Игнатьевны^[983].

Тот же ротмистр Ивановский докладывал прокурору Судебной Палаты, что «по имеющимся у помощника начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском и Шадринском уездах агентурным данным, в июле 1916 г. в Верх-Исетском заводе под руководством прибывшего на Урал студента-технолога, фамилию которого выяснить не уда-

лось, организовалась группа большевиков [...]». Среди руководителей группы названы: Малышев, Баранов, Фехтер, Мрачковский, а также Герш-Лейба Сосновский^[984].

Но... грянул Февраль. И уже 3 марта 1917 г. ротмистр Ивановский, «по соглашению с Прокурором Екатеринбургского Окружного Суда, Пермским Губернатором и Особоуполномоченным по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам генералом Фортвенглером», издает постановление: «вышеупомянутых лиц из-под стражи освободить»^[985].

Надо сказать, что эти же большевики действовали и в самом городе (поселок ВИЗа тогда официально не входил в состав города). Юровский вспоминал: «Я бы начал с первых дней – кто у нас был в организации: Вайнеры двое, Линде, Лепя, Яков Шейнкман, Жилинский, Уфимцева Мария Николаевна, Кривоногов (Невский), Сосновский, Клавдия Завьялова, Горохов, Парамонов, интернационалист-меньшевик Пиньжаков Василий, Быков Павел, Медведко, Бартенев, Давыдов, Авдеев (с Злоказовского завода), Ермаков, Иван Мрачковский, Малышев, М. Юровская, Я. Юровский, Украинцев (с завода Злоказова). Первый подпольный комитет был на Фетисовской улице дом №6. Там же был и подпольный комитет Союза печатников. Хозяином квартиры был тов. Медведко (член партии). Обязанности партийного секретаря выполнял т. Линде [...]»^[986].

Можно представить, каково было отношение к царскому режиму революционеров, лучшие годы проведенных в тюрьмах, ссылках, эмиграции. Как мы уже упоминали ранее, екатеринбургский историк, академик РАН В. В. Алексеев отмечал, что, возвращаясь из сибирской ссылки, Я. М. Свердлов и Ф. И. Голощекин «покаялись застрелить „Николая Кровавого“»^[987].

После исполнения мечты, в статье «Казнь Николая Кровавого», опубликованной 23 июля 1918 г. в газете «Уральский рабочий», Г. Сафаров (Вольпин) писал: «Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца [...] Николай второй – был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда февральская революция

опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить „по недоразумению“»^[988].

Председатель следственной комиссии при ревтрибунале Екатеринбургского горсовета, а затем заместитель председателя ЧК Яков Юровский (сам из семьи ссыльного уголовника) в воспоминаниях 1922 года заметил: «Восставший пролетариат, забитый нуждой, безграмотный, имел полную возможность и полное право излить свою вековую злобу на попавших в их руки злодеев»^[989].

Немаловажным было и другое соображение. Солдат-строитель, а затем член Совета рабочих депутатов в с. Таватуй, екатеринбургский чекист и участник расстрела царской семьи Г. П. Никулин считал, что с царем поступили даже гуманно, расстреляв его без пыток. В своем интервью в 1964 г. он заявил: «Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски»^[990].

Каков был реальный путь в революцию, по крайней мере у некоторых революционеров, можно судить по автобиографии одного из соратников Я. М. Свердлова Николая Ивановича Дербышева (1879–1955). Написанная в 1925 г., сразу после победы в Гражданской войне, она поражает редкой откровенностью. «Родился в Томске [...] Отец мой — кожевенник [...] к моменту моего рождения жил не нуждаясь [...] С 14 лет — ученик в типографии [...] Втянулся в пьянку, забросил охоту и все свободное время проводил в пьяной кампании. Ранняя половая жизнь и пьянки не удовлетворяли меня, появилось стремление к чему-то необычному [...] В 1896 г. я уже вступил в только что начавшуюся организацию Сибирского социал-демократического союза [...] После года одиночного заключения был выслан в г. Омск [...] В Омске организовал большевистский комитет [...] арестован и просидел около трех лет в тюрьме, за-

тем сослан в г. Березов на 4 года [...] После 2,5 лет ссылки по амнистии 1905 г. приехал в Екатеринбург и сразу же вошел в Уральский областной комитет, где работал с покойным Я. М. Свердловым [...] После 9 месяцев тюрьмы был сослан в Олонецкую губернию [...] откуда бежал и жил нелегально в Петрограде почти до февральской революции [...] За это время годы тюрьмы, где пришлось много читать и думать, создали из меня – бурного и эксцентричного человека – более или менее уравновешенного революционера борца [...] Я не любил подчиняться никому. Я был по природе непокорный и самолюбивый, но Андрея (*подпольная кличка Свердлова. – К.С.*) я любил, и слова его были для меня законом [...] Рабочие выбрали меня председателем центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда [...] После Октябрьской революции принял пост народного комиссара по делам печати [...] После фронтовой борьбы с Юденичем, заболев тяжелой формой истерии, был отправлен на отдых в Одессу, но по приезде туда был назначен комиссаром транспорта Черного моря [...] В 1921 г. выбран на съезде председателем ЦК печатников [...] Одновременно с этим, три года выбирался членом пленума ВЦСПС и членом ВЦИКа РСФСР и ЦИКа СССР»^[991].

Не сразу большевистские руководители страны и партии становились похожими на портреты, которые были описаны впоследствии в учебниках истории КПСС и героических биографиях. «В период июльских дней 1917 г. у нас происходило соглашение с эсерами и меньшевиками для отпора Корнилову [...] – откровенно повествовал Юровский. – Второе соглашение, насколько помню, было в период после Октября, в *связи с отсутствием сведений о положении в Петербурге и других центрах России (выделено мною. – К.С.)*, так как почтово-телеграфные работники, вернее союз их, саботировали и сведений никаких не давали. Кроме того, в указанный период были большие продовольственные затруднения и на почве этих затруднений голод [...]»^[992].

«После Октября прошел слух о движении казаков со стороны Московского тракта. Но навстречу им были выдвинуты 10-я

и 15-я роты 108 полка и конского запаса во главе не с большевиком, а беспартийным поручиком Браницким. Большевики в это время срочно создавали объединенный революционный комитет [...] („2–3 дня сидели ночи напролет, вели переговоры“ Вайнер, Крестинский, Юровский, эсеры Доброклонский, Хотимский) [...] В революционный комитет вошли Крестинский, (как будто) Войков и поручик Браницкий [...] Сосновский, который был в тот период председателем октябрьского большевистского Совета где-то отсутствовал (сдрейфил, очевидно, где-то прятался) [...] Это было несомненно результатом паникерства в части Уральской организации [...] дней через 20 Крестинский заявил, что Революционный комитет заканчивает свое существование и власть снова переходит целиком в руки Советов»^[993].

Таким образом, радикализм революционного руководства Урала в переломную эпоху XX века объясняется пройденным им жизненным путем. В то же время портрет «рыцарей революции без страха и упрека» сложился во многом благодаря тому, что они оказались в стане победителей.

7.4. КОМЕНДАНТ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА ПОДПОРУЧИК М. К. ЕРМОХИН: ЭПИЗОДЫ БИОГРАФИИ (М. И. ВЕБЕР)

Одной из наиболее заметных фигур, так или иначе связанных с белым террором в Екатеринбургском уезде, был комендант рабочего поселка Верх-Исетский завод, расположенного в одной версте от Екатеринбурга, подпоручик М. К. Ермохин. Наша публикация ставит своей целью осветить основные этапы биографии Ермохина, особое внимание уделив вопросу о его причастности к белому террору.

Чиновник почтового ведомства

Михаил Капитонович Ермохин родился в Екатеринбурге – 25 октября 1890 г.^[994] Родители его были мещане. Окончив Екатеринбургскую мужскую гимназию имени императора Алек-

сандра II, Ермохин поступил вольноопределяющимся на службу в армию.

В 1907–1909 гг. он служил в 12-м пехотном Великолуцком полку^[995]. В мирное время эта воинская часть была дислоцирована в Туле. С 1910 по 1914 гг. М. К. Ермохин проживал в Екатеринбурге и служил разъездным чиновником почтового ведомства, сопровождая перевозку почтовых отправок по железной дороге^[996]. Ничто не выдавало в скромном почтовом служащем жестокости и склонности к насилию.

На фронтах Первой мировой войны

21 июля 1914 г. М. К. Ермохин был мобилизован в армию. Первоначально он попал в 126-й пехотный запасной батальон, где сдал экзамен на прапорщика^[997]. 22 апреля 1915 г. Ермохин вместе с маршевым пополнением убыл на фронт. В действующей армии его распределили в 23-й пехотный Низовский генерал-фельдмаршала графа Салтыкова полк, входивший в состав 2-й бригады 6-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса 3-й армии Северо-Западного фронта. М. К. Ермохин принял участие в тяжелых боях на Люблинском направлении — т. н. Таневском сражении. 3 июля 1915 г. он был контужен в бою у дер. Эвунин и эвакуирован в тыл на лечение. С 31 июля по 19 августа 1915 г. Ермохин лечился в патронаже №1 Красного Креста в Екатеринбурге.

После выздоровления он не вернулся в 23-й пехотный Низовский полк, а был направлен в тыловую часть (возможно, это было связано с последствиями его контузии). С 12 сентября 1915 г. по 4 января 1917 г. Ермохин командовал взводом в 49-м обозном батальоне, подвозившим в войска продовольствие и другие припасы^[998].

С 17 января по 13 августа 1917 г. Ермохин снова на передовой — в рядах 335-го пехотного Анапского полка^[999], входившего в состав 2-й бригады 84-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса 9-й армии Юго-Западного фронта. В этот период полк вел позиционные бои в Карпатах. За участие в боевых действи-

ях Ермохин был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом^[1000].

В вихре Гражданской войны

В марте 1918 г. после демобилизации из армии Ермохин вернулся в родной Екатеринбург^[1001]. Однако мирная жизнь не прельщала боевого офицера. М. К. Ермохин принял участие в деятельности подпольной антибольшевистской организации, но был схвачен большевиками и оказался в городской тюрьме^[1002].

25 июля 1918 г. Екатеринбург был занят белыми, которые освободили Ермохина из заточения. Оказавшись на свободе, Ермохин сразу же вступил в ряды Народной армии. Сперва он служил в 1-й Верх-Исетской добровольческой роте, затем возглавил Следственную комиссию при комендатуре Верх-Исетского завода.

9 сентября 1918 г. подпоручик Ермохин и группа других офицеров из комендатуры Верх-Исетского завода (поручик С. С. Панов, подпоручик Б. Е. Онуфриев, прапорщики М. В. Бобылев, С. К. Химичев и М. Ф. Онуфриев) были зачислены в состав 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков^[1003], которым руководил его бывший сослуживец по 12-му пехотному Великолуцкому полку царской армии – полковник С. М. Торейкин. В первой половине сентября 1918 г. в составе сводного батальона 25-го Екатеринбургского полка Ермохин принял непосредственное участие в боях с Красной армией к северу от Екатеринбурга – на т. н. Мостовском фронте.

После кратковременной командировки на фронт М. К. Ермохин вернулся обратно в Верх-Исетский завод. До конца года он возглавлял комендатуру Верх-Исетского завода и руководил работой ее Следственной комиссии. Кроме того, с 22 по 27 ноября 1918 г. Ермохин временно исполнял обязанности начальника милиции г. Екатеринбурга^[1004].

После захвата колчаковцами Перми Ермохина перевели из рабочего пригорода Екатеринбурга (поселка Верх-Исетский

завод) на аналогичную должность в рабочий пригород Перми – поселок Мотовилихинский завод. С 9 января по 23 февраля 1919 г. он возглавлял комендатуру Мотовилихинского завода^[1005]. 18 марта 1919 г. подпоручика Ермохина вновь перевели в комендатуру Верх-Исетского завода, а вскоре он был назначен комендантом всего Екатеринбургского уезда.

Знакомство с Дитерихсом

Весной 1919 г. в Екатеринбург приехал генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, курировавший ход расследования убийств царской семьи. Вокруг Дитерихса начали группироваться монархически настроенные офицеры, среди которых были уполномоченный командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия генерал-майор С. А. Домонтович и начальник Военного контроля при штабе гарнизона г. Екатеринбурга подполковник Н. И. Белоцерковский. Будучи по своим политическим взглядам монархистом^[1006], к этой компании примкнул и М. К. Ермохин.

Вероятно, представил Ермохина Дитерихсу Н. И. Белоцерковский, с которым Ермохин тесно взаимодействовал в ходе разыскных мероприятий, проводимых Военным контролем. Так, например, 15 апреля 1919 г. подпоручик Ермохин лично принял участие в спецоперации, организованной подполковником Н. И. Белоцерковским. Военный контроль заманил видных местных эсеров на конспиративную квартиру выступить перед группой рабочих, сочувствующих партии эсеров. На самом же деле, в роли рабочих выступали загримированные и переодетые агенты Военного контроля, старший помощник начальника Екатеринбургского Военного контроля капитан Е. И. Шуминский и подпоручик М. К. Ермохин.

В результате этой провокации была арестована группа членов партии эсеров: адвокат, бывший товарищ прокурора Петроградского Окружного суда Е. А. Трупп, уполномоченный Областной инспекции труда Уральского края Н. А. Варгасов и регистратор городского статистического оценочного отдела г.

Екатеринбурга П. И. Ковалев. Этот инцидент вызвал в городе большой резонанс и протесты со стороны общественности. После личного вмешательства командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды, симпатизировавшего эсерам, Труппа, Варгасова и Ковалева выпустили на свободу.

Весной 1919 г. Ермохин сформировал и возглавил 1-й Егерский отряд особого назначения. В мае-июне 1919 г. этот отряд охранял местность вокруг Ганиной Ямы, где колчаковское следствие безуспешно искало останки расстрелянной большевиками царской семьи^[1007]. Затем отряд был передан в распоряжение главного начальника военно-административного района Восточного фронта генерал-майора С. А. Домонтовича. Фактически же, после своего назначения Главнокомандующим Восточным фронтом генерал-лейтенант М. К. Дитерихс использовал его в качестве личной охраны, что свидетельствует о степени доверия Дитерихса к Ермохину.

Участие в белом терроре

В воспоминаниях бывших узников колчаковских тюрем, собренных в 1920-е и 1930-е гг. местным истпартом, содержится немало упоминаний о порках и избиениях, к которым был причастен М. К. Ермохин. Стоит признать, что он оставил о себе недобрую память среди екатеринбургских и верх-исетских сторонников большевиков. Одно из наиболее ярких свидетельств о пытках, которым подвергали арестованных М. К. Ермохин и его подчиненные, оставил в своих воспоминаниях рабочий А. М. Лапин^[1008]. Его воспоминания хронологически относятся к событиям августа-сентября 1918 г. Однако жалобы на бесчинства Ермохина содержатся и в мемуарах, описывающих события 1919 г.

В 1937 г. писатель Ю. Н. Бессонов написал книгу «На фронте и в тылу: Рабочие Верхисетского завода. 1918–1921 годы», которая основана на воспоминаниях и устных рассказах жителей Верх-Исетского завода^[1009]. Зловещая фигура коменданта Верх-Исетского завода М. К. Ермохина занимает на страницах этой книги одно из центральных мест.

В целом, корпус мемуарных свидетельств, собранных ист-партом, рисует Ермохина как человека со склонностью к садизму, лично участвующего в избиениях и порках арестантов. Можно ли доверять советским мемуаристам в этом вопросе? Ведь нередко они гиперболизировали или искажали пережитое во время Гражданской войны под влиянием государственной пропаганды или в силу других причин. Однако нам удалось найти документы и с колчаковской стороны, подтверждающие суровость характера М. К. Ермохина и его личное участие в пытках и издевательствах^[1010].

Уже после отступления белых из Екатеринбурга, 5 августа 1919 г. в г. Ишиме Ермохин проводил вечернюю поверку 1-го Егерского батальона особого назначения и обратил внимание, что четверо солдат из другой части, занятые приготовлением ужина у костра, не встали на ноги во время исполнения национального гимна «Коль славен наш Господь в Сионе»^[1011]. Ермохин приказал задержать их и отвести в расположение своего батальона. Получив от начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковника Д. Н. Сальникова устное разрешение наказать провинившихся солдат по своему усмотрению^[1012], Ермохин решил дать каждому солдату по 25 ударов плетью — наказание, не только не предусмотренное воинским уставом, но и прямо запрещенное приказом №275 от 6 мая 1919 г. бывшего командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды^[1013]. Трех солдат Ермохин выпорол лично, а затем устал и его сменил другой офицер из 1-го Егерского батальона особого назначения.

Как оказалось, выпороты были санитары Пермского госпиталя №1 Российского общества Красного Креста (РОКК) Борисов, Клементьев, Матинцев и Турицын. Весь день они разгружали на станции прибывший из Ялуторовска эшелон с ранеными и больными солдатами и только вечером получили возможность отдохнуть и поужинать, когда и попали, на свою беду, на глаза М. К. Ермохину. Выпоротые санитары пожаловались старшему врачу своего госпиталя Нагаеву, который провел их медицин-

ское освидетельствование и зафиксировал нанесенные побои^[1014].

7 августа 1919 г. старший врач Пермского госпиталя №1 РОКК Нагаев доложил об этом инциденте особоуполномоченному РОКК при штабе 1-й и 2-й армий А. Ф. Грахе^[1015]. Грахе, в свою очередь, обратился к начальнику штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковнику Д. Н. Сальникову с просьбой произвести дознание, а также выслал копии материалов своему непосредственному начальству – во Временное главное управление Российского общества Красного Креста.

Однако, несмотря на все старания А. Ф. Грахе, Ермохин понес не уголовное, а лишь дисциплинарное наказание за порку санитаров. По предписанию начальника походного штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковника Д. Н. Сальникова №18 от 2 сентября 1919 г. дело было окончено в дисциплинарном порядке: подпоручику М. К. Ермохину был объявлен выговор^[1016]. Это не удивительно, ведь именно у Сальникова Ермохин получил разрешение наказывать санитаров и карт-бланш в выборе способа наказания.

Тем не менее, дело о порке санитаров получило дальнейший ход. Временное главное управление Российского общества Красного Креста обратилось к главному военному прокурору генерал-майору Н. Ф. Кузнецову. Ознакомившись с материалами дела, Н. Ф. Кузнецов решил, что поступок М. К. Ермохина попадает под признаки статьи 1489 Уложения о наказаниях, предусматривающей уголовную ответственность «за причинение кому-либо с умыслом тяжких, подвергающих жизнь его опасности, побоев или иных истязаний или мучений»^[1017]. 15 сентября 1919 г. Кузнецов сделал доклад о деле Ермохина военному министру А. П. Будбергу. Будберг, известный своим принципиальным характером и нетерпимостью к разного рода беззакониям, наложил на докладе главного военного прокурора следующую резолюцию: «Представить Главнокоманд [ующему] Вост [очным] фронтом ген [ералу] Дитерихсу. Насилие и беззаконие не могут оставаться безнаказанными»^[1018].

Однако, учитывая доверительные отношения между Дитерихсом и Ермохиным, сложившиеся еще во время поиска останков царской семьи в Ганиной Яме, дело о порке санитаров Пермского госпиталя №1 РОКК в дальнейшем, скорее всего, было окончательно замято.

В целом же, как представляется, хорошо документированный стараниями Красного Креста эпизод с поркой санитаров в Ишиме в достаточной мере характеризует М. К. Ермохина и служит подтверждением тем оценкам, которые давали ему советские мемуаристы.

Белое Забайкалье и Приморье

После отставки М. К. Дитерихса с поста Главнокомандующего Восточным фронтом Ермохин получил новое ответственное поручение. В ноябре 1919 г. М. К. Ермохину было доверено возглавить русскую часть охраны золотого запаса, эвакуируемого из Омска на восток^[1019]. В какой-то момент пути охрана эшелона с золотым запасом целиком перешла в руки чехов. Дальнейшие следы Ермохина на время теряются в хаосе отступления.

Как бы то ни было, весной 1920 г. вместе с остатками колчаковской армии М. К. Ермохин оказался в Забайкалье, которое контролировал атаман Г. М. Семенов. У Семенова М. К. Ермохин, по его собственному свидетельству, служил начальником железнодорожной милиции на ст. Оловянная Забайкальской железной дороги^[1020]. Осенью 1920 г. Забайкалье было занято просоветскими войсками Дальневосточной республики. Однако Ермохину удалось избежать плена и своевременно уехать в Маньчжурию.

26 мая 1921 г. каппелевцы произвели антисоветский вооруженный переворот во Владивостоке. В Приморье установилась власть антибольшевистского Временного Приамурского правительства. Вместе с каппелевцами в Россию вернулся и принял активное участие в перевороте М. К. Ермохин. В белом Приморье он, к тому моменту уже в чине подполковника, служил начальником контрразведки при штабе Приамурского военного

округа^[1021]. В 1922 г. Ермохин также непродолжительное время работал начальником уголовного розыска в Императорской Гавани (ныне – г. Советская Гавань в Хабаровском крае).

Жизнь в эмиграции

В ноябре 1922 г., после ликвидации войсками ДВР последнего белого анклава в Приморье, М. К. Ермохин вместе с остатками Земской рати эвакуировался на территорию Маньчжурии. Вместе с Ермохиным в эмиграции в Маньчжурии оказалась и его семья – жена Юлия Максимовна, трое детей (дочери Тамара и Галина и сын Виктор), а также теща – Евдокия Васильевна Уркатова^[1022]. Ермохины поселились в г. Харбине, где была крупнейшая колония русских эмигрантов в Китае. В 1923–1931 гг. М. К. Ермохин работал в различных торговых фирмах в Харбине, в т. ч. в 1926–1931 гг. торговым представителем в оптовом отделе торгового дома «И. Я. Чурин и Ко»^[1023]. В сентябре 1931 г. он поступил на службу в уголовный розыск железнодорожной полиции на ст. Харбин^[1024].

Находясь в эмиграции, Ермохин активно участвовал в деятельности белоэмигрантских организаций. С 1922 по 1936 гг. он состоял в РОВСе^[1025]. В августе 1935 г. в Маньчжоу-го была создана новая военизированная организация белоэмигрантов – Дальневосточный союз военных. М. К. Ермохин занимал в ней руководящую должность – осенью 1936 г. он был назначен начальником одного из территориальных отделов (с центром на ст. Пограничная) Пограничного района Дальневосточного союза военных^[1026].

Протест советского консула

В 1932–1937 гг. М. К. Ермохин служил в русском отряде железнодорожной полиции Маньчжоу-го на ст. Пограничная. С этим периодом в его жизни связан еще один задокументированный факт участия Ермохина в издевательствах и пытках над заключенными.

7 января 1937 г. генеральный консул СССР в г. Харбине М. М. Славущкий направил Особому агенту МИД Северной

Маньчжурии Ши-Люй-Бэнь дипломатическую ноту с протестом против пыток, которым подвергались арестованные советские граждане в местной полиции^[1027]. Советские дипломаты сняли показания и организовали медицинское освидетельствование 26 советских граждан, находившихся в различных местах заключения в Маньчжурии и вышедших на свободу в ноябре 1936 г. Среди примеров пыток, приведенных в ноте протеста, упоминаются два случая на ст. Пограничная, где служил в этот период в железнодорожной полиции М. К. Ермохин. Один из подвергшихся пыткам на ст. Пограничная советских граждан — Д. П. Мищенко — в своих показаниях прямо упоминает Ермохина среди тех сотрудников полиции, кто его допрашивал и бил.

Копия дипломатической ноты советского консула М. М. Славуцкого сохранилась в личном деле М. К. Ермохина в Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии — вероятно, в качестве компрометирующего материала. Несмотря на выдвинутые советским дипломатом обвинения в пытках, Ермохин не только не понес какого-либо уголовного наказания, но даже не был уволен из полиции. В 1938–1939 гг. М. К. Ермохин служил в управлении полиции г. Цицикар, а в 1940 г. — в управлении полиции г. Суйхуа^[1028].

В 1940–1941 гг. Ермохин работал в частной фирме в Харбине^[1029]. С августа 1941 г. — на различных должностях (например, делопроизводителем по хозяйственной части) в отделении БРЭМ на Мулинских коях. Кроме того, он заведовал там же Русским национальным клубом^[1030].

Репатриация и суд

В августе 1945 г. Маньчжурия была занята советскими войсками. СМЕРШ незамедлительно приступил к арестам белоэмигрантов. Ермохин попадал в поле зрения советской военной контрразведки и как активный участник Гражданской войны в России, и как видный представитель военной эмиграции, работавший в эмигрантской администрации, и как бывший полицей-

ский Маньчжоу-го. Как и многие другие белоэмигранты, которым не удалось вовремя уехать из Маньчжурии, он был арестован советскими органами госбезопасности и репатриирован в СССР. В 1949 г. М. К. Ермохин был приговорен к 15 годам лагерей^[1031]. Наказание отбывал в Иркутской области, где, по имеющимся данным, и скончался в конце 1950-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПУБЛИКУЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

№1

Воспоминания А. М. Лапина о белом терроре
[после 1924 г.]^[1032]

В застенке карательного отряда Ермохина

Зверские расправы, пытки и расстрелы ознаменовали вступление Колчака^[1033] в столицу красного Урала, быв [ший] Екатеринбург, ныне Свердловск. Буржуазия, вооружившись до зубов, ликовала, обагрывая руки в рабочей крови. Тюремь сразу были переполнены, но их оказалось мало, пришлось занять ряд домов (быв [ший] дом Ардашева и частью Гостиного двора). Нас, не успевших отступить (не были сняты с караула), захватили в первую очередь и передали на расправу карательного отряда поручика ЕРМОХИНА. Отряд Ермохина^[1034] состоял частью из бывших воров-рецидивистов и частью [из] всем известных местных хулиганов. Руководителями этой банды были самые отъявленные^[1035] монархисты Ермохинского пошиба. «Следственная комиссия» была подобрана на подбор из самых надежных людей, которая пользовалась под покровительством Ермохина и контрразведки неограниченной властью. При такой обстановке приступил адмирал Колчак к созданию правопорядка и вытравлению «большеви [с] тской заразы» при полной поддержке эсеров и меньшевиков, вручивших ему впоследствии, через организованное Временное коалиционное правительство, верховную власть.

В первую ночь в «бывшей каталажке» при Верх-Исетской пожарной части нас, арестованных, набралось до 25-ти человек в одной камере. При конвоировании арестованных, как правило, их избивали до неузнаваемости и даже близкие знакомые товарищи не могли узнать до тех пор арестованного, пока не выясняли его фамилии и где он работает. Допросы начались по ночам, обычно часов с 11–12, прибывала «следственная комиссия» с отрядом Ермохинских орлов, по предложению комиссии выдавался список на руки нач. караула на лиц, подлежащих «опросу». Арестованных вызывали по одному. При выходе «на допрос» арестованный первый удар получал от лица, открывавшего дверь, замком или ключами по лицу и голове, далее его к столу комиссии сопровождала разнузданная, всегда пьяная, толпа бандитов-ермохинцев, награждая прикладами, нагайками, клинками и т. п. Здесь уже человек начинал терять сознание, тогда приступали «к допросу»: «Как фамилия, доброволец, на Дутовском фронте был, в отрядах участвовал, кто был с тобой в Красной гвардии и т. д.». И для того, чтобы опрашиваемый скорее развязал язык, его силой ложили на пол и принимались пороть шомполами и нагайками до тех пор, пока он не потеряет сознание, после чего на его изуродованное тело выливали 1–2 ведра холодной воды и, приведя в чувство этим «лекарством», вновь били. Как правило, протоколов давать подписывать не было. После допроса всего окровавленного человека, представляющего сплошной темно-фиолетовый кровавый кусок мяса, бросали обратно в камеру и вызывали следующего. «Допросы» эти продолжались до тех пор, пока члены «Комиссии» и ермохинские молодцы не устанут работать нагайками и шомполами. Таким допросам подверглись все участники по несколько раз, не считались и с женщинами, вплоть до изнасилования несовершеннолетней девочки всем караулом.

И так на протяжении всего времени нашего пребывания у ермохинцев, два раза устраивали общую порку по камерам, где били чем попало, в особенности в ту ночь, когда Жебенев был на подступах к Екатеринбург^[1036]. Ворвалась ватага пьяных

ермохинцев и казаков, били нагайками, призывали сесть, брали винтовку за штык и с размаху ударяли по голове первого сидящего, и кровью от вырванного прикладом из головы куска мяса обрызгивало близь сидящих 2–3 человека. Стены камеры после этой бани были сплошь в крови, арестованные лежали в камере неподвижно, беспомощные.

Полученные глубокие раны от пинков нечем было перевязать, и у некоторых из товарищей – старика Орлова, Низковских и Блохина началось загнивание ран, что еще больше приносило боли, перевязать же было нечем, так как все белье у всех представляло сплошь огрубевшую от засохшей крови материю, и достать чистого белья или бинтов через передачу было невозможно, и ее не разрешали. Приносимые продукты – передача для арестованных – проходили через руки ермохинцев, которые забирали себе, что им нравилось, и передавали то, что им не нужно, или же совсем ничего не передавали. Несмотря на пытки ермохинцев, арестованные держались стойко и никого не выдавали, несмотря на то, что среди нас были и такие товарищи, которые совершенно нигде не участвовали, но прекрасно знали многих из нас участников, но об них не обмолвились ни словом и несли до конца вместе с нами эти лишения.

При выкапывании^[1037] первых жертв, погибших в борьбе за защиту Урала, похороненных у ворот ВИЗа перед собором на площади^[1038], здесь работало 19 человек. В эту ночь их избивали до неузнаваемости и, возвратившись в камеру, они нам сообщили, что сегодня ночью их ожидает расстрел, и вскоре их от нас перевели в другую камеру – камеру смертников. В первом часу ночи 23-го августа их выводили. Один из них Берсенов Владимир (рабочий Монетки^[1039]) успел лишь крикнуть: «Прощайте, товарищи!». И было слышно какой-то глухой звук, по-видимому его чем-то ударили тяжелым, и все стихло. Предварительно раздев арестованных до нижнего белья, их пропустили через строй, избивая вновь прикладами и нагайками, повели рыть могилу на свалку у татарского кладбища для себя и для товарищей, похороненных у ВИЗа, и там сре-

ди спущенных гробов в этой могиле их замучили окончательно.

Так зверски были убиты 19 человек^[1040] в одну ночь и [в] следующие 11 и 12 человек^[1041]. Семьям всех расстрелянных товарищей было предложено ермохинцами в трехдневный срок покинуть пределы Верх-Исетского завода и города [Екатеринбурга]. Всего при мне за время пребывания в застенке Ермохина расстреляно 42 чел [овека], а их гораздо больше. Вот имена тех, кто до последней минуты были тверды и преданы делу рабочих и погибли от разнузданной шайки бандитов-ермохинцев:

1. БЕРСЕНЕВ Виктор – рабочий молотобоец кузнечн [ого] цеха Монетки

2. БЕЛЫХ – литейщик Монетки

3. МУТНЫХ – столяр Монетки

4. БЛОХИН Михаил – столяр Монетки

5. КИРЕЕВ Александр – столяр Монетки

6. МОСЕЕВСКИХ Степан – котельщик Монетки

7. НИЗОВСКИХ Семен – рабочий ВИЗа

8. ВОЛЧИХИН – рабочий Монетки

9. ДЯТЛОВ – рабочий ВИЗа

10. ЗОТИН – рабочий ВИЗа

11. ДОРОНЕНКО – рабочий ВИЗа

12. АНИКИН – рабочий ВИЗа

13. МЕДВЕДЕВ

14. БЛОХИН Сергей

15. БАХТЕЕВ

16. ЧЕПУРИН

17. ОВЧИНКИН – рабочий спичечной фабрики^[1042], и друг [ие], фамилии которых не помню.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОГИБШИМ БОРЦАМ. РАБОЧИЙ УРАЛА
ПАМЯТЬ О НИХ СОХРАНИТ.

б [ывший] рабочий Монетки котельщик А. Лапин^[1043]

Верх-Исетский завод,
ул. Колмогорова, [дом] №36^[1044]
ЛАПИН Алексей Матвеев [ич]
член ВКП (б) №0587241^[1045]

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 192. Л. 69–70. Подлинник.
Машинопись.

№2

Отношение особоуполномоченного РОКК
при штабе 1-й и 2-й армий А. Ф. Грахе
начальнику штаба Главкомандующего Восточным
фронтом полковнику Д. Н. Сальникову №337 от 12.08.1919
Копия

При сем имею честь препроводить Вам отношение старшего врача госпиталя №1-й д [окто] ра Нагаева от 7 августа 1919 г. за №4625, с приложенным к нему актом медицинского освидетельствования и 2-мя показаниями — по делу четырех санитаров Пермского госпиталя Кр [асного] Креста — Турицына, Борисова, Клементьева и Матинцева — на Ваше распоряжение.

Приложение: отношен [ие] за №4625^[1046], акт мед [ицинско-го] осв [идетельствования]^[1047] и 2 показан [ия]^[1048].

Особоуполномоченный А. ГРАХЕ

Делопроизводитель Орлова

Верно:

Делопроизводитель

Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 168. Заверенная копия. Машинопись.

№3

Рапорт старшего врача Пермского госпиталя №1 РОКК
Нагаева особоуполномоченному РОКК при штабе
1-й и 2-й армий
А. Грахе №4625 от 07.08.1919
Копия

5-го сего августа на ст. Ишим в составе одного из эшелонов прибыли из Ялуторовска три платформы, нагруженные больными и ранеными солдатами. После работ в амбулатории по приемке и отправлении заразных больных из упомянутого эшелона в лазарет Красного Креста четыре санитаров вверенного мне госпиталя ТУРИЦЫН, БОРИСОВ, КЛЕМЕНТЬЕВ и МАТИНЦЕВ, возвратившись вечером со станции в расположение обоза госпиталя во дворе новой Железнодорожной школы, усталые расположились рядом со школой на площади, развели маленький костер и сели отдохнуть и жарить себе пищу на костре. В это время на той же площади на некотором расстоянии происходила вечерняя поверка солдат Егерского отряда. После поверки к упомянутым санитарам подошел офицер и приказал им следовать за собой к начальнику Егерского отряда, оставшемуся на площади, чему они беспрекословно повиновались. Начальник отряда, спросив какой части санитары, приказал отвести их в помещение Егерского отряда в пакгаузе против школы, где они были переданы часовому, стоящему у дверей. Через некоторое время явился туда же начальник Егерского отряда и приказал одному за другим из приведенных санитаров лечь и нанес 25 ударов плетью одному санитару, второму и третьему, причем рядом стоящий офицер считал число ударов; четвертому санитару нанес 25 ударов плетью офицер, считавший удары начальника отряда. После порки начальник Егерского отряда приказал санитарам выйти вон. Об изложенном в тот же вечер

мне было доложено пострадавшими санитарями. При медицинском осмотре упомянутых четырех санитаров оказалось, что всем четверем санитарам нанесены побои, о чем при сем представляю акт. На другой день 6-го сего августа ввиду отсутствия уведомления со стороны начальника отряда для выяснения происшедшего я сам обратился к начальнику 1-го Егерского отряда особого назначения подпоручику ЕРМОХИНУ, который заявил, что упомянутые четыре санитаря действительно им выпороты.

Подробности моего объяснения с подпоручиком ЕРМОХИНЫМ, происходившего в присутствии чиновника поручений при особоуполномоченном Красного Креста, отставного капитана Е. М. Иолшина, я могу, в случае необходимости, изложить.

Ко всему вышеизложенному считаю необходимым указать, что все четыре подвергшихся побоям — санитары из мобилизованных и добровольно сдавшихся военнопленных красноармейцев, ни в чем дурном замечены не были и несли и несут свои обязанности по обслуживанию больных и раненых воинов хорошо и добросовестно.

Сообщая о происшедшем случае, прошу Вашего ходатайства пред надлежащими военными властями о производстве законного расследования.

Приложение: акт медицинского освидетельствования №4624^[1049].

Старший врач госпиталя Нагаев

С подлинным верно:

Делопроизводитель Походн [ой] канц [елярии]
особоуп [олномоченного] Р [оссийского]
о [бщества] Кр [асного] Креста
при штабе 1 и 2 армий

Л. Орлова

Препроводить начальнику штаба Главкомандующего Восточным фронтом с просьбой произвести дознание и меня о результате уведомить. С отношения и акта снять по 2 копии, из коих одну послать в Главкред на распоряжение.
08.08.1919 г. А. ГРАХЕ

Прошу полковника Н. Я. Бутыгина [о] просить по сему делу д[окто]ра Нагаева и чиновн[ика] особ[ых] поруч[ений] Е. И. Иолшина и представить мне их объяснения – в 2 коп[иях].
А. ГРАХЕ

Представляю настоящую переписку г. особоуполномоченному Р [оссийского] о [бщества] Красного Креста на фронте – Полковник Бутыгин. 11 августа 1919 г.

Верно:

Делопроизводитель

Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 172. Заверенная копия.
Машинопись.

№4

Акт медицинского освидетельствования санитаров
Пермского госпиталя №1 РОКК Борисова, Клементьева,
Матинцева и Турицына №4624

Копия^[1050]

1919 г. августа 5 дня. Мы, нижеподписавшиеся свидетельствовали санитаров Пермского госпиталя Красного Креста №1-й ТУРИЦЫНА, БОРИСОВА, КЛЕМЕНТЬЕВА И МАТИНЦЕВА, причем обнаружено: у каждого из вышеупомянутых санитаров кожа ягодичных областей и нижней части поясицы усеяны линейными шириною в ½ сантиметра, несколько возвышающимися над по-

верхностью кожи, кровоподтеками светло-красного цвета: у МАТИНЦЕВА кроме того такие же кровоподтеки имеются и на кистях обеих рук. Из данных освидетельствования заключаем, что всем четырем санитарам нанесены побои каким-либо линейным предметом, каковым могла быть плеть.

Старший врач госпиталя Нагаев

Старший ординатор (подпись)

Младший ординатор (подпись)

С подлинным верно:

Делопроизводитель Походн [ой] канц [елярии]
особоуполном [оченного] Р [оссийского]
о [бщества] Кр [асного] Креста
при штабе 1 и 2 армий

Л. Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 173. Заверенная копия.
Машинопись.

№5

Рапорт старшего врача Пермского госпиталя №1 РОКК
Нагаева полковнику Н. Я. Бутягину №4642 от 11.08.1919
Копия

На Ваше предложение дать письменное показание по поводу моего объяснения с подпоручиком Ермохиным, происходившего в присутствии чиновника [для] поручений при особоуполномоченном Красного Креста, отставного капитана Иолшина сообщаю о нижеследующем:

6-го августа во время следования моего к начальнику военных сообщений по делам службы с упомянутым чиновником поручений, я по дороге встретил начальника Егерского отряда, подпоручика Ермохина. После приветствия я спросил подпоручика Ермохина знает ли он о происшедшей накануне порке, на что он мне ответил, что им, подпоручиком Ермохиным, четыре солдата накануне действительно были выпороты и далее объяснил, что во время вечерней поверки Егерского отряда и исполнения музыки гимна на некотором расстоянии от отряда на той же площади четыре солдата, находившиеся у поста, не встали со своих мест и оставались лежать и сидеть, почему он, подпоручик Ермохин, их арестовал и выпорол. На мой вопрос знает ли подпоручик Ермохин, кто такие солдаты, которых он выпорол, он ответил, что они из красноармейцев, санитары лазарета Красного Креста. На мой следующий вопрос по собственной-ли инициативе выпороты упомянутые санитары, подпоручик Ермохин сказал: «по распоряжению начальника штаба фронта». Когда же я повторил свой вопрос действительно-ли по распоряжению начальника штаба это сделано, подпоручик Ермохин поправился, сказав, что начальник штаба такого распоряжения не отдавал и далее объяснил, что о происшедшем случае во время вечерней поверки Егерского отряда им, подпоручиком Ермохиным, в тот же вечер было доложено начальнику штаба фронта, на что последний заметил: «делайте, что хотите».

После этого он, подпоручик Ермохин, возвратившись в расположение отряда, выпорол санитаров. К этому подпоручик Ермохин добавил, что за это своих солдат он расстрелял бы и что кроме этих санитаров он выпорол еще двух солдат за то же самое.

Старший врач Нагаев

С подлинным верно:

Делопроизводитель Походн [ой] канцелярии
особоуполн [омоченного] Р [оссийского]
о [бщества] Кр [асного] Креста
при штабе 1 и 2 армий

Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 170–171. Заверенная копия.
Машинопись.

№6

Отношение заведующего военно-судной частью штаба
Главного командующего Восточным фронтом
генерал-лейтенанта
В. А. Тыртова и. д. начальника Главного военно-судного
управления и главного военного прокурора
генерал-майору Н. Ф. Кузнецову №206 от 09.09.1919

Представляя при сем переписку по делу о нанесении побоев
4-м санитарам подпоручиком Ермохиным, довожу до Вашего
сведения, что по справке, данной мне начальником канцелярии
походного штаба ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО Восточным фронтом
армий, настоящее дело, по предписанию начальника названного
штаба^[1051] от 2-го сентября с. г. за №18, окончено в дисципли-
нарном порядке и подпоручику Ермохину объявлен выговор,
о чем было сообщено г [осподину] Грахе 5-го сентября с. г.
за №1880^[1052].

ПРИЛОЖЕНИЕ: Переписка на 7 листах.

Заведующий военно-судной частью штаба
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО Восточным фронтом армий,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

9 сентября 1919 г.
№206
гор. Омск

Обер-офицер для поручений и делопроизводства
Подпоручик

Горовенский

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 166. Заверенная копия.
Машинопись.

№7

Доклад и. д. главного военного прокурора генерал-майора
Н. Ф. Кузнецова военному министру генерал-лейтенанту
А. П. Будбергу №2324 от 15.09.1919

2-го сего сентября за №5512 председателем Временного
главного управления Российского общества Красного Креста мне
была препровождена переписка о незаконных действиях
подпоручика Егерского отряда ЕРМОХИНА, выразившихся в том,
что 5-го августа на ст. Ишим подпоручик Ермохин приказал вы-
пороть четырех санитаров Пермского госпиталя Красного Креста
№1 – ТУРИЦЫНА, БОРИСОВА, КЛЕМЕНТЬЕВА и МАТИНЦЕВА.

Приказание это было исполнено, хотя никаких оснований
к производству этого неуставленного в законе наказания
не имелось.

4-го сего сентября при №2189 вся указанная переписка бы-
ла мной препровождена заведующему военно-судной частью
фронта для передачи подлежащему военному прокурору для
законного направления.

9-го сентября за №206 заведующий военно-судной частью
Восточного фронта, возвратив мне переписку, сообщил, что дело
это по предписанию начальника штаба Восточного фронта от 2-
го сентября с. г. за №18 окончено в дисциплинарном порядке.
Подпоручику Ермохину объявлен выговор.

Принимая во внимание:

1) Что в действиях подпоручика Ермохина могут заключаться признаки уголовно-наказуемого деяния (1489 ст [атья] Ул [ожения] о нак [азаниях])^[1053], подведомственного военному суду, и

2) что за силою 12 ст [атьи] Дисциплинарного устава это дело не может быть закончено в дисциплинарном порядке,

Я ПОЛАГАЛ БЫ:

Всю переписку по данному вопросу передать Главнокомандующему Восточным фронтом для направления через подлежащего военного прокурора Общего корпусного суда по закону.

ЗАКОН: 63 ст [атья] Воен [но] -Суд [ебного] уст [ава].

ПРИЛОЖЕНИЕ: Переписка^[1054].

Генерал-майор

Кузнецов

Представить Главнокоманд [ующему] Вост [очным] фронтом ген [ералу] Дитерихсу. Насилие и беззаконие не могут оставаться безнаказанными. Г [енерал] -л [ейтенант] *Будберг*

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 165. Подлинник.
Машинопись.

№8

Из дипломатической ноты генерального консула СССР
в Харбине М. М. Славуцкого
Особому агенту МИД Северной Маньчжурии
Ши-Люй-Бэнь №011/01 от 07.01.1937
Копия

Господин Особый агент,

Мне неоднократно приходилось устно и письменно обращать Ваше внимание на исключительный произвол, существующий в Маньчж [о] у-го в отношении советских граждан, на беспричинные аресты их и на возмутительные насилия над ними в маньчжурских тюрьмах, каковые факты вызывают негодование властей и общественности СССР и серьезно вредят нашим отношениям. Перечисление только лишь дат этих моих обращений к Вам заняло бы много места.

Ныне по распоряжению Народного комиссариата по иностранным делам СССР я имею честь привлечь самым серьезным образом внимание к нижеследующему.

13-го и 14-го ноября истекшего года были освобождены 26 советских граждан, беспричинно содержащихся в исключительно тяжелых условиях в течение многих месяцев в Харбине, Маньчжурии, Пограничной и др [угих] пунктах. Во время пребывания этих граждан в местах заключения я неоднократно обращался к Вам с представлениями по поводу совершившихся там над ними неопикуемых издевательств и насилий, вызывавших серьезные опасения за состояние их здоровья и жизнь^[1055]. Однако, несмотря на приводимые мною в каждом случае конкретные факты, Вы, г-н Особый агент, неизменно считали по возможности отвечать мне, что полицейские власти категорически отрицают подобные обвинения. Лишь в одном случае, а именно – 27 мая прошлого года, в беседе со мной Вы отметили, что допускаете возможность проявления отдельными белыми чинами полиции личной неприязни по отноше-

нию к арестованным советским гражданам, но считает [е] абсолютно исключенным жестокое обращение с арестованными со стороны полицейских властей, в частности, чинов полиции японской национальности, поскольку это порочило бы официальные учреждения Маньчж [о] у-го.

Полученные ныне, в результате опроса и специального медицинского освидетельствования означенной выше группы освобожденных советских граждан, данные с неопровержимой убедительностью подтверждают все мои указанные неоднократные представления.

<...>

Подобное неслыханное обращение с арестованными имело место не только в Харбине, но и во всех др [угих] пунктах МНЖ.

Так, находящийся под арестом с 4-го авг [уста] по 14-е ноября на ст. Погр [аничной] советский гражд [анин] МИЩЕНКО Д. П. ^[1056] в своем заявлении пишет:

«[...] на крыльце жандармерии меня встретили два японских жандарма и белогвардеец-жандарм Мих [аил] ЕРМОХИН^[1057], который потащил меня в помещение жандармерии^[1058]. Меня заставили раздеться и начали бить. После избиения заставили одеться, а затем Ермохин прикрепил меня кандалами к койке, у которой я стоял до 2-х часов дня. В два часа дня пришли четыре белогв [ардейца] -полиц [ейских]: Егупов, Меликов, Ермохин и один неизвестный, а также 4 японца. Они заставили меня раздеться. Один из яп [онцев] взял меня за бок и 3 раза бросил на пол, после третьего раза я потерял сознание. Затем два белогвардейца наступили ногами на руки, прижали доской ноги и стали бить бамбуками. Я снова потерял сознание. [нрзб]. В 11 часов меня снова били бамбуками до тех пор, пока я не потерял сознания, после чего мне снова производили вливание в рот воды и обливали водою. Вылили пять чайников холодной воды. Затем предложили встать. Положили на голову маленькую скамейку и заставили держать за ножки, и стали бить по верхней доске скамейки бамбуками с тем, чтобы оглушить меня. Когда я упал, потеряв сознание, меня подняли, так как я не мог

стоять, меня поставили к стенке и снова оглушили тем же способом. Я опять упал...

5.VIII снова Ермохин и тот же японец тем же способом, что и 4-го августа, бросили меня на пол. Ермохин расстегнул [мои] кальсоны и сказал: «Что тут делается. Давай скорее йод». Меликов подал йод и меня обмазали йодом. После этого Ермохин сказал, что «еще можно бить» и ударил ременной плеткой, от плети на спине получилась большая опухоль. Потом сверху легли на меня два человека — японец и русский, вследствие чего меня вырвало^[1059]. Тогда они встали и японец стал топтаться у меня на спине. Потом заставили меня повернуться и он продолжал топтаться на груди [...]

[...]8.VIII меня опрашивали Меликов и Ермохин. Причем Меликов предложил уплатить выкуп 500 гоби с тем, что они меня выпустят [...]

[...]10.VIII один из японцев взял меня за ухо, а другой японец ударил несколько раз по лицу и, стуча кулаками по голове, кричал «говори, Мищенко». Затем заставили снять сапоги, надели кандалы и в течение четырех суток лишили меня сна (не давали вздремнуть ни на минуту). Днем дежурили около меня русские, а ночью японцы. Если я начинал дремать, то меня били палкой, говоря при этом «не спи».

[...]14.VIII один японец схватил меня за кандалы и несколько раз перевернул через голову, другой толстый японец начал на мне прыгать, а потом ударил коленкой по груди и я потерял сознание, после чего мне снова стали вливать воду в рот [...]

[...] 13.IX меня вызвали из камеры и потребовали дать подписку о том, что меня не избивали [...]^[1060]

Другой советский гражданин АВДЕЕВ И. Я., содержащийся под арестом с 3-го сентября по 14 ноября так же на ст. Пограничная в своем заявлении пишет:

«Меня допрашивал [и] Мельников и Воцилло в присутствии ЯМОМОТО. Стали требовать от меня, чтобы я сознался и поскольку мне сознаваться было не в чем, Воцилло, Рябович и Гантимуров принесли чайник с холодной водой, заставили ме-

ня лечь на скамью, связали бичевкой и стали вливать воду в рот и нос, и все требовать признаться. Сознаться мне было не в чем, но они все же в протоколе записали на заранее приготовленной бумажке слова, которые я не говорил [...]»

<...>

Эти приведенные заявления подтверждаются и имеющим [и] ся в моем распоряжении официальными актами медицинского освидетельствования. Почти у всех освобожденных советских граждан установлено наличие синяков, кровоподтеков и рубцов от ран на различных участках тела, а у некоторых на икроножных мышцах изъязвленные рубцы воспаленной кожи вокруг, что явилось результатом избиения; у многих видны рубчики на кистях рук и других частях тела от прижигания сигаретами, у ряда лиц зафиксированы воспаления ногтевого лома от вкалывания острых предметов под ногти; у большинства отмечены болезненность мышц рук и следы от кровоподтеков на руках, а именно: на бицепсах, явившееся результатами подвешивания на палках; у многих ярко выражено потеря обоняния, носовой оттенок голоса и даже потеря голоса, а у некоторых следы гнойного воспаления среднего уха, каковые явления — прямой результат вливания жидкости в нос, наконец, медицинское освидетельствование устанавливает исключительно тяжелое общее состояние абсолютно всех освобожденных и необходимость для многих из них длительной лечебной помощи в условиях больничного или санитарного режима.

Я не стану останавливаться более детально на всех выводах медицинского освидетельствования, равно как не стану утруждать Ваше внимание приведением выдержек из заявлений других бывших под арестом советских граждан. Все они рисуют жуткие картины неслыханных издевательств, вопиющих насилий и варварских пыток темного средневековья.

Против этих вполне установленных фактов бесчеловечного обращения с арестованными советскими гражданами, в результате которого ряд лиц остались калеками, а один из арестованных — советский гражданин ПЕТРЕНКО И. И. — был замучен на-

смерть, по поручению Народного комиссариата по иностранным делам СССР заявляю самый решительный протест^[1061].

Эти факты вызывают тем более возмущение и негодование, что подобное обращение с советскими гражданами стало почти обычным во всех местах заключения Маньчж [о] у-Го, что я уже не раз протестовал против этого в прошлом и что мои протесты тем не менее оставались безрезультатными, несмотря даже на то, что ряд советских граждан, а именно: инженер ВОРОНИН, КИСЛЫЙ, ЛАУШКИН, КУЛЬБАЦКИЙ, ОСАДЧУК, БОГОМОЛОВ и другие были убиты в маньчжурских застенках японскими и белогвардейскими служащими полиции и жандармерии.

Совершенно очевидно, что все эти нетерпимые ни в одном культурном государстве факты могли явиться только прямым следствием безнаказанности чинов полиции и жандармерии, что поощряет их на самые изощренные методы насилия над советскими гражданами, ответственность за что ложится целиком на высшие маньчжурские власти, не принимающие ни каких мер к пресечению этого.

В связи с этим мне поручено потребовать немедленно и действительного привлечения к ответственности всех виновных в указанных выше вопиющих преступлениях и принятия эффективных мер к тому, чтобы подобные зверства не могли иметь места в дальнейшем.

Ожидая немедленного удовлетворения этих справедливых требований и возлагая на Маньчжурское правительство ответственность за последствия, могущие иметь место в случае продолжения политики зверских насилий в отношении советских граждан, я вместе с тем имею честь сообщить, что советское правительство не намерено больше терпеть подобных издевательств над своими гражданами, равно как и голословного отрицания установленных фактов вместо принятия мер, которое каждое цивилизованное государство в таких случаях принимает.

Оставляя за собой право вернуться к вопросу о компенсации как пострадавшим советским гражданам, так и семьям советских граждан, замученных на маньчжурских застенках, я

ожидаю Вашего скорейшего уведомления о принятии Вами мер для сообщения Народному комис [с] ариату по иностранным делам СССР^[1062].

Примите уверение в моем глубоком к Вам,
г. Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине (М. СЛАВУЦКИЙ)^[1063]

ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 10–22. Копия.
Машинопись.

**7.5 СУДЬБА ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА
Н. В. ЖИРЯКОВА. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ
(С. И. КОНСТАНТИНОВ)**

Впервые опубликовано: Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. №5. С. 74–85.

Попытки понять причины самоистребления российского народа в Гражданской войне начала XX века продолжают уже более 100 лет. В ряду теорий, ищущих объяснения произошедшего, выдвигались самые разные концепции. Р. Конквест писал о том, что в 1918–1920 гг. террор проводили фанатики, идеалисты, «люди, у которых при всей их беспощадности можно найти некоторые черты своеобразного извращенного благородства». Точку зрения Р. Конквеста разделял поэт Н. Коржавин. Ленинщина, считал он, это преступление, совершенное людьми, которые считали исторически необходимым его совершить^[1064].

Эти утверждения вызывали возражения других исследователей, которые считали, что террор в годы Гражданской войны осуществляли не фанатики, не идеалисты, а люди, лишенные всякого «благородства» и психических комплексов героев произведений Достоевского. М. Горький в 1918 г. призывал «не закрывать глаза на то, что теперь, когда народ завоевал право физического насилия над человеком — он стал мучителем

не менее зверским и жестоким, чем его бывшие мучители [...] Матрос Железняк, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей [...] Людей на Руси много, убийц – тоже достаточно [...]»^[1065]. Эта полемика продолжается и поныне.

Обратимся к достаточно типичной судьбе первого председателя Екатеринбургского губернского суда и Уральского областного суда **Николая Васильевича Жирякова** на основе автобиографии, написанной им 12 ноября 1923 г. и хранящейся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф. 1494. Оп. 2. Д. 144. Л. 1–2об.

Родился Николай Васильевич 26 февраля 1896 г. в Серебрянском заводе Нижне-Тагильского округа. Отец – заводской рабочий: печник, столяр и штукатур, мать – домохозяйка. В семье было пятеро детей, корова и 4 десятины покоса. Отец пил запоями. Николай работать начал с 12-летнего возраста.

Образование – низшее. Окончил двухклассное училище Уездного Земства, где пришлось учиться пять лет, но грамоту, видимо благодаря природным способностям, освоил успешно. Дальше учиться не пришлось за неимением средств.

В 1912 г. уехал в Кушвинский завод, где стал работать «машинистом на пишущей машинке». В 1913 г. – конторщик на железной дороге в г. Екатеринбурге. От досрочного призыва в августе 1915 г. в армию скрылся из города на Коноваловский завод, где с 1916 до 1918 г. дорос до помощника бухгалтера завода. В 1917 г. в октябре (*в автобиографии подчеркнуто – до Октябрьской революции.* – К. С.) вступил в РСДРП (б), а в 1918 г. «механически» перешел в РКП.

Как признавался сам Жиряков, «глубокой марксистской подготовки не имею и изучать марксизм приходится случайно [...] В революционном движении до Февральской революции никакого участия не принимал». Толчок карьере дала Февральская революция, когда Н. Жиряков был избран в волостной Совет.

Далее карьера развивалась на фоне непредсказуемых событий гражданского противостояния. В августе 1918 г. Н. Жиряков по партийной мобилизации был призван в Красную армию и в течение месяца был полковым писарем. Оказался он на Лысьвенском направлении в Отряде особого назначения, которым командовал В. К. Рейхардт.

Любопытно, что именно здесь, у станции Кын 7 августа 1918 г. сошлись в бою будущий президент Чехословацкой Социалистической Республики 22-летний поручик 3-го стрелкового полка имени Яна Жижки Людвиг Свобода и будущий премьер-министр Венгерской Народной Республики 31-летний командир венгерского Московского коммунистического батальона Ференц Мюнних (товарищ Михин). Станция была взята чехами. Увидев повешенного накануне товарища, они жестоко расправились с пленными венграми. Прежде чем повесить их на балках железнодорожного пакгауза, вырезали на телах звезды, выкалывали глаза. Из 360 венгров на станцию Новая Лысьва вырвались только 35 человек. Через 20 лет оба офицера вновь окажутся в России и будут сражаться с фашизмом на одной стороне, на стороне СССР^[1066].

29 августа Особый отряд В. К. Рейхардта передавался на пополнение 2-й Уральской дивизии 3-й армии Восточного фронта, но вскоре был вновь выделен в Особый отряд с непосредственным подчинением штабу армии. А 1 октября 1918 г. организатором Следственной комиссии и военно-полевого суда Особого отряда Лысьвенского направления назначается Н. Жиряков. Так началась карьера хотя и минимально, но грамотного выходца из рабочей среды в юриспруденции.

Вскоре, по распоряжению военкома Особого отряда Бела Куна, Жиряков становится председателем Следственной комиссии и секретарем военно-полевого суда. Не здесь ли, на фронте, Николай Васильевич попал на заметку будущим крупным политическим деятелям? Ведь тот же Бела Кун в 1922–1923 гг. становится членом Уралбюро ЦК РКП (б) в Екатеринбурге^[1067].

Полки В. К. Рейхардта в начале декабря были разбиты под Лысьвой. После боев на Среднем Урале 3-я армия потеряла значительную часть своего состава. После этого 1-я и 2-я Уральские дивизии 5 октября 1918 г. сводятся в одну, Сводно-Уральскую дивизию. А 11 ноября Сводно-Уральская дивизия переименовывается в 29-ю стрелковую дивизию 3-й армии (начальник дивизии с 26 ноября 1918 по 5 марта 1919 гг. — М. М. Лашевич, будущий член ЦК РКП (б) в 1923–1925 гг. и член ВЦИК).

После переформирования в Перми оставшиеся подразделения отряда Рейхардта с 10 декабря 1918 г. пошли на усиление 29-й стрелковой дивизии. На части именно 29-й дивизии легла вся тяжесть зимнего наступления 1918–1919 гг. Сибирской белой армии и так называемая Пермская катастрофа, постигшая красный Восточный фронт. Соединение было обескровлено и вынуждено отступать к Перми, а затем в район Вятской губернии^[1068].

Таким образом, можно сказать, что мировоззрение будущего председателя Екатеринбургского трибунала и Губернского судьи Жирякова формировалось отнюдь не в победоносных боях Гражданской войны, а тогда, когда приходилось беспощадно бороться и с трусостью, и с массовым дезертирством, и с предательством.

С 1 февраля 1919 г. Жиряков — следователь Военно-полевого контроля, переименованного в Особый отдел 29 дивизии. Затем помощник начальника, а с 15 июня — начальник Особого отдела Особой бригады, переименованной позднее в 57-ю дивизию 3-й армии. Постановлением Совета Труда и Обороны от 15 января 1920 г. 3-я армия преобразована в 1-ю Революционную Армию Труда.

С 20 апреля 1920 г. Жиряков стал членом Военного трибунала армии, затем заместителем председателя Военного и Железнодорожного трибунала. С 1 января 1921 г. Н. В. Жиряков — заместитель председателя трибунала Приуральского военного округа и 1-й Армии Труда со штабом в Екатеринбурге. 15 июля 1921 г. Н. В. Жиряков губкомом РКП (б) утвержден заместителем

председателя Екатеринбургского трибунала, а с 15 февраля 1922 г. — председателем Екатеринбургского губревтрибунала.

В соответствии с Декретом о суде №1, от 24 ноября 1917 г., еще 16 января 1918 г. Уральский областной комиссар юстиции Ф (И). И. Голощекин отдал распоряжение о создании Екатеринбургского революционного трибунала в составе 7 чел. Во главе трибунала стоял председатель, а входили в него шесть очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами. В разработанной тогда же инструкции указывались подсудные трибуналу дела: о лицах, организующих восстания против советской власти, саботаж на производстве, злоупотребления по службе, использование печати в целях контрреволюции и другие.

В 1921 г. в штат Екатеринбургского губернского трибунала входили 18 сотрудников, включая председателя — Николая Степановича Пяткова и его заместителя Николая Васильевича Жирякова. Анализируя становление и деятельность трибунала, в докладной записке Н. В. Жиряков писал: «Хотя в Постановлении ВЦИК о реорганизации трибуналов и указывается о том, что существующие губернские трибуналы должны влить в себя на правах отдела военные трибуналы, в Екатеринбургской губернии пришлось сделать все наоборот: губернский трибунал влить в военный, а последнему — переменить название. [...] Екатеринбургский губтрибунал существовал только на бумаге и не имел даже постоянной коллегии, за исключением трех полупаралитичных канцеляристов, которым место было не в трибунале, в чрезвычайном боевом органе, а в доме старчества.

[...] Главным образом, трибунал ведет систематическую упорную борьбу с проявлениями по расхищению народного достояния, проводя линию беспощадности по отношению к преступникам, так как это явление принимает угрожающие размеры.

Нельзя упускать из виду и чисто внутреннюю экономическую жизнь трибунала. В этом отношении Екатеринбургский губревтрибунал находится в плачевном положении. В августе меся-

це с. г. сотрудники трибунала (за исключением ответственных), несмотря на боевую важную работу по продовольствию, с планового государственного довольствия оказались снятыми. И трибунал, как таковой, не имея возможности предоставить им материальной поддержки, вынужден был часть сотрудников уволить, а часть разбежалась самовольно и только уже в половине сентября нищенским выклянчиванием с применением угроз о снятии выездных продовольственных сессий, удалось получить от губпродкома по 15 фунтов муки. Вопрос с обмундированием обстоит еще хуже. Почти у всех работников нет обуви и верхней одежды [...]

Финансирование также скверно. Губфинотдел отпускает денежных знаков только на 10% заявки, чем тормозится работа по следствию, требующая разъездов, а также выездных продовольственных сессий. Личный состав трибунала из-за экономической необеспеченности приходится заполнять заключенными из исправительных домов [...] За последнее время особенно, преступники, учитывая слабую сторону трибунала, начинают практиковать предложение взяток и подкуп сотрудников [...]»^[1069]

Гражданская война начинала диктовать свои законы. В 1920 г. ВЦИК издал несколько нормативных актов, в соответствии с которыми трибуналам предоставлялось неограниченное право в определении мер репрессии, вплоть до расстрела. В то же время на коллектив трибунала дополнительно возлагались и такие обязанности, как проведение выездных сессий для принуждения населения к выполнению государственного задания по сбору натурального продовольственного налога.

Отношение к этим дополнительным обязанностям Н. В. Жирякова можно понять из его информации губернскому исполкому о проделанной работе: «В некоторых районах работа сессий принесла за собой результаты, превысившие самые смелые ожидания в сборе продовольственного налога [...] Однако ни на минуту не приходится упускать из вида то обстоятельство, что всякая угроза, повторенная несколько раз, ослабляет первона-

чальное впечатление, при частом употреблении и теряет всякую силу. Поэтому трибунал высказывает пожелание, чтобы призыв его в участие в сборе продналога совершался при появлении безусловной необходимости в этом, по исчерпанию иных, имеющих в распоряжении административной власти средств»^[1070].

Следственный аппарат Губревтрибунала по информации Губернского прокурора к 1922 г. состоял из 8 следователей. Старший следователь Бронислав Адамович Лешко, беспартийный, единственный с высшим юридическим образованием (с 1 декабря 1920 г.), Иван Антонович Малых, член РКП (б), с низшим образованием, Захар Моисеевич Щуголь, Алексей Павлович Корешков, Григорий Антонович Семенчук.

Коллегия Ревтрибунала, по штату состоящая из 9 чел., налицо имела 7 – все члены РКП (б). Председатель – Николай Васильевич Жиряков (с 1920 г., образование – двухклассное училище), заместитель председателя – Борис Сергеевич Знаменский (с марта 1921 г., студент-юрист), председатель выездных сессий – Георгий Иванович Боев (с 1 января 1921 г., с образованием четырехклассное горное училище). Члены коллегии: Михаил Федорович Халдеев (с 11 апреля 1922 г., высшее начальное училище), Павел Алексеевич Мальцев (с 28 ноября 1921 г., двухклассное училище), Павел Николаевич Османов (с 5 августа 1922 г., четырехклассное училище), Анисим Федорович Конев (с 28 июля 1922 г., начальная школа).

Пополнить штат, докладывал прокурор В. Л. Горохов, не удается из-за низкой зарплаты и большого объема работы. К 10 октября 1922 г., например, в рассмотрении находилось 72 дела (по 9 дел одновременно на каждого следователя)^[1071].

Хронический крайний недостаток сотрудников трибунала отражался на работе, что подтверждали и сообщения с мест. В телеграмме 29 января 1921 г. от Мягкова, заведующего Алапаевским политбюро (структура, входившая в губчека), в Екатеринбургскую губчека сообщалось: «Имеется на гауптвахте Алапаевского гарнизона арестованных до ста пятидесяти человек, которые содержатся за Губревтрибуналом с октября прошлого

года без предъявления обвинения. Помещение арестованных [в] санитарном отношении не соответствует. [В] охране ощущается недостаток, идет ропот среди арестованных. Просьба сообщить о времени выезда тов. Федорова для окончательного решения суда»^[1072].

Для характеристики выдвиженца из народа Николая Васильевича Жирякова, как юриста и как человека, особый интерес представляет его деятельность в период борьбы с вооруженными выступлениями крестьянства эпохи военного коммунизма. Продразверстка, да еще проводимая зачастую с крайней жесткостью, вызвала яростное сопротивление крестьянства. Нередки были истребления продовольственных работников и целых продотрядов. В ответ появляются соответствующие распоряжения. Так, приказ Совета 1-й Революционной Армии Труда №387 от 20 октября 1920 г. гласил: « [...] приказывается в тех местах, где будут иметь место убийства продработников: 1) Взятие заложников из среды кулацкого населения и расстрел части заложников. 2) Увеличение разверстки в полтора раза в волости, где произошло убийство продработника. Настоящий приказ вводится в силу со дня опубликования и подлежит широкому оповещению»^[1073].

Сопротивление становится все более массовым. Об этом свидетельствуют такие доклады: «Начальнику Особого Отдела ВЧК при Совтрударме I т. Тунгусову начальника Особотделения №2 Особого Отдела ВЧК при Совтрударме I Александра Деревнина. Представляется согласно циркуляра от 1 марта 1921 г. Особый доклад. В ночь с 8 на 9 февраля вспыхнуло первое восстание около ст. Макушино Курганского уезда [...] в Омском, Ишимском, Ялуторовском, Петропавловском, Тобольском и Курганском уездах [в восстании участвует] до 7000 человек»^[1074].

В этом же докладе четко указывалось и на причины возмущения населения. В качестве натурального налога, за неимением мяса домашнего скота, местные власти заставляли сдавать даже мясо диких зайцев. Местами доходило до анекдотических

случаев. За неимением шерсти крестьяне стригли старые шубы для покрытия долга.

И все же игнорирование правовых норм и крайние меры не были изобретением большевиков. Примером могло служить репрессивное законодательство царской администрации. Еще 13 марта 1907 г. с трибуны Государственной Думы премьер-министр России В. А. Столыпин, не колеблясь, провозглашал: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, нарушать и приостанавливать все нормы права для того, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно [...] *Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права*»^[1075].

Для спасения городов от голодной смерти большевики были вынуждены выбивать продовольствие из деревни силой. Это, правда, привело к тому, что стихия «русского бунта» повернулась против тех, кто обещал крестьянам землю и мир. На попытки изъятия хлеба деревня ответила яростным сопротивлением. Между городом и деревней началась настоящая война за физическое выживание. Пик выступления западносибирских крестьян пришелся на январь 1921 г. Численность восставших — несколько сотен тысяч человек. «Усмирение» крестьян продолжалось вплоть до июля 1921 г. Погибло не менее 2 тысяч красноармейцев, 5 тысяч партийно-советских работников. Число погибших крестьян исчислялось десятками тысяч^[1076].

Эти события задела и заместителя председателя Губревтрибунала Жирякова. Приведем следующий документ. 21 февраля 1921 г. Председатель Совтрударм I. Рапорт. «Доношу, что в связи с вооруженными выступлениями в районах Камышловского и Шадринского уездов 19 февраля в названные уезды выехали две выездные сессии РВТрибунала в составе: 1) Председательствующий — зам. пред. РВТ т. Жиряков, член коллегии РВТ т. Спицын, военследователь Малых, инспектор-инструктор т. Тихонов, секретарь общей части Колегов и 5 красноармейцев. 2)

Председательствующий – член коллегии т. Погорелов, член коллегии т. Боев, военследователь т. Соколов, секретарь исполчасти т. Фукс и 5 красноармейцев. Председатель РВТ Приурво I Армии Труда»^[1077].

Опубликованные документы Государственного архива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г., позволяют не только уточнить события тех лет, но и выявить роль в них героя нашего повествования Н. В. Жирякова. Воспользуемся этим источником^[1078].

В середине февраля восстание охватило всю Тюменскую и большую часть Омской губернии, Курганский уезд Челябинской губернии, Камышловский и Шадринский уезд Екатеринбургской губернии и районы нижнего течения Оби. На его подавление были брошены четыре стрелковые дивизии, несколько стрелковых и кавалерийских полков, четыре бронепоезда и отряды частей особого назначения. К началу июня основные очаги были ликвидированы, хотя отдельные отряды продолжали сопротивление до середины 1922 г.

В район восстания были направлены выездные сессии Реввоентрибунала Приуральского военного округа (РВТ Приурво) и 1-й Армии Труда. Одну из таких выездных сессий и возглавил Н. В. Жиряков. Соответствующее решение 15 февраля 1921 г. принял Екатеринбургский губком РКП (б): «В прифронтовую полосу выехать трем выездным сессиям трибунала, поручив организацию сессии военному [трибуналу] совместно с губернским трибуналом. Губкому дать по одному представителю в каждую сессию».

С 12 февраля по 3 марта 1921 г. выездная сессия под руководством Жирякова работала в Шадринске. В 1920–1921 гг. широкое распространение на Урале и в Сибири получило явление, которое будет позднее названо красным бандитизмом. Речь идет не о государственном красном терроре, а о внесудебных расправах низового актива партийных и советских органов не только над реальными участниками и пособниками белого движения, но и над всеми неугодными лицами. «Можно быть

разных мнений о красном терроре, — писал в газете „Вечерние Известия“ 3 февраля 1919 г. современник событий старый большевик М. С. Ольминский, — но то, что сейчас творится в провинции, — это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина» [1079].

Уродливые формы принял красный бандитизм и в Шадринском уезде: сотни крестьян, арестованных в зоне восстания волостными партийными ячейками без всяких доказательств, 60 расстрелянных только в селе Мехонском, самовольные конфискации, грабежи, мародерство (с арестованных снимали шубы, валенки, отбирали деньги и т.п.).

Характерно, что Жиряков не решился возбудить уголовные дела против советских и партийных работников, замешанных во внесудебных расправах над крестьянами Шадринского уезда, он лишь угрожал судебным преследованием в случае продолжения красного бандитизма. Естественно, эта мера оказалась малоэффективной: осенью 1921 г. в том же селе Мехонском членами местных сельскохозяйственных коммун было убито в ходе внесудебной расправы еще 10 местных жителей.

Централизованный красный террор тоже был жесток, но все же более рационален, чем хаотичный красный бандитизм. Предложенная Жиряковым в инициативном порядке система наказаний участников восстания (расстрел — для главарей и активных участников, конфискация имущества — для рядовых участников, денежные штрафы — для поддержавшего восставших мирного населения) в целом соответствовала инструкциям и указаниям, которые давались вышестоящими органами власти. Стоит отметить, что председатель РВТ Приурво (с декабря 1920 по апрель 1921 гг.) Н. С. Пятков дал Жирякову «добро» на применение этих карательных мер.

За период с 18 февраля по 29 марта 1921 г. выездная сессия РВТ Приурво и 1-й Армии Труда под руководством Н. В. Жирякова рассмотрела 10 групповых дел крестьян 10 волостей, по которым проходили 444 чел., из которых 276 были преданы суду. Выездная сессия приговорила: к заключению в концлагерь —

36 чел., в том числе 10 – условно; к заключению в исправдом – 74 чел., в том числе 68 – условно; к принудительным работам с лишением свободы – 10 чел., в том числе 8 – условно; к принудительным работам без содержания под стражей – 28 чел.; к расстрелу – 90 чел., оправдала – 20 чел.

Кроме того, за этот же период выездная сессия конфисковала у 97 чел. все имущество, у 56 – половину; четыре волости были обложены денежным взысканием на общую сумму 3 млн руб. На двух человек наложено денежное взыскание в размере 50 тыс. руб. с каждого, еще на двух – по 25 тыс., на трех – по 10 тыс. руб., на одного – 5 тыс. руб.

Арестованных повстанцев судили даже не индивидуально, а большими группами. Наказания выносились и максимально суровые (расстрел), и относительно мягкие (денежные штрафы, условные сроки заключения). Но к реальным срокам заключения было приговорено всего 34 чел. – почти в три раза меньше, чем к расстрелу. При этом стоит учитывать, что многих из приговоренных к реальным срокам заключения впоследствии досрочно освободили, либо сроки заключения им существенно сократили по амнистии ВЦИК от 2 ноября 1922 г.

В то же время Жиряков, будучи выходцем из простого народа, пытался внести в картельный рейд элементы законности и пресечь явные злоупотребления властью. Так, его приказом от 25 февраля конвоирам было строго запрещено отбирать личные вещи и деньги у арестованных крестьян. Комиссару 209-го стрелкового полка ВНУС Заостровских было предписано Жиряковым принять меры против мародерства красноармейцев полка.

По окончании работы выездной сессии Н. В. Жирякова отзывали в Екатеринбург. В апреле 1921 г. на посту председателя выездной сессии его сменил другой работник РВТ – Ленский. Под его руководством было расследовано и заслушано еще девять групповых дел на участников восстания. Всего с 30 марта по 28 апреля 1921 г. эта выездная сессия предала суду 280 чел., из которых 45 приговорила к расстрелу^[1080].

Характерным руководящим документом того времени является, например, циркуляр председателя РВТ Республики от 23 февраля 1921 г. №33/370: «РВТ Трибуналу Приурво. 1) Пролетарское право, как практический метод организованного подавления буржуазии, имея своим базисом вечно меняющуюся экономику, руководствуется не общими нормами, рассчитанными на продолжительный период, а соображениями **революционной целесообразности**, зависящей от внутренней и международной ситуации данного момента [...]

5) [...] гражданская война еще не закончена и лишь центр тяжести ее перенесен на фронт хозяйственный, где нам придется дать грандиозный бой буржуазии, которую **убедить или устыдить нельзя, а можно лишь утратить или раздавить**, а в таком случае политика РВТ должна подчиняться суровым и беспощадным законам войны, но вместе с тем общее положение Республики, в связи с вышеставленными задачами, дает возможность ограничить применение высшей меры репрессии лишь определенными деяниями: шпионаж, измена, бандитизм, восстания и вооруженное неповиновение (подстрекательство и пособничество), крупное злобное хищение и истребление народного достояния [. ...] Осторожно и внимательно подходить к рабочим и крестьянам [...]». Циркуляр подписали: Зампредседателя РВТ Республики А. Анокин. Начальник орг-инстр. отдела Б. Изаксон. За секретаря орг-инструкт. отд. А. Дудашкин^[1081].

Безусловно, не всегда вынесенные приговоры к расстрелу приводились в исполнение. В списке лиц осужденных к расстрелу Екатеринбургским Губревтрибуналом с 1 января по 1 августа 1922 г., направленном в Верховный трибунал ВЦИК замначупруднадзора Верхтриба ВЦИК Уманским, сообщалось: «в списке – 81 человек. 10 из них умерли своей смертью. В основном – из беспартийных крестьян. Части расстрел заменен 5, 10 годами заключения, части – амнистией»^[1082].

Председатель Губревтрибунала Жиряков и помощник секретаря Губревтрибунала Борисов конкретизировали: «Осуждено

к высшей мере наказания / Фактически расстреляно: Январь 4/-, февраль 2/2, март -/-, апрель 9/1, май 23/16, июнь 4/4, июль 4/4, август -/12, сентябрь 4/ 3, октябрь 1/-, ноябрь -/3. декабрь -/1»^[1083]. [Итого: 51/44]

Затухание гражданской войны и переход к новой экономической политике настоятельно требовали выработки и новой правовой политики, реорганизации судебных и правоохранительных органов. Декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. были упразднены военные трибуналы в военных округах, на фронтах, в армиях и дивизиях, «существование коих, в связи с прекращением военных действий, не вызывается необходимостью». При всех губернских революционных трибуналах были установлены в качестве постоянно действующих их отделения «По военным и крупным служебным преступлениям» Этим отделениям предоставлялось право «присуждения к высшей мере наказания независимо от наличия в данной местности военного положения»^[1084].

В условиях нэпа особо опасными преступлениями рассматривались хищения из государственных складов и должностные преступления, способствующие хищениям. Был издан специальный декрет ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г., который первым пунктом обязывал все губернские революционные трибуналы, военные трибуналы и военно-железнодорожные трибуналы за перечисленные в декрете преступления «установить, как общее правило, применение строгой изоляции на срок не ниже трех лет и высшей меры наказания при отягчающих обстоятельствах»^[1085].

1 июня 1922 г. вступил в действие Уголовный кодекс РСФСР, устанавливающий смертную казнь по 28 составам преступлений, при этом «смертная казнь» как высшая мера наказания отсутствовала в общем перечне наказаний, подчеркивая тем самым исключительность этого наказания. Право применения смертной казни предоставлялось только военным трибуналам. С 1 июля 1922 г. был введен в действие Уголовно-процессуальный кодекс. Введение им целого ряда демократических принципов судопро-

изводства разбивалось о камень классового правосознания. Ведь в ревтрибуналах от суда зависело допущение защиты и обвинения на судебное разбирательство, он мог не открывать прения сторон. Трибунал мог не вызывать на судебное заседание свидетелей, достоверность показаний которых не вызвала сомнений на предварительном следствии. Мог прекратить допрос свидетелей, если считал, что истина установлена. Допускались и вообще закрытые судебные разбирательства^[1086].

Тем временем работа судов в стране находилась на крайне низком уровне. Особенно серьезные претензии у работников судебной сферы вызывало ее финансирование. Протест работников судов доходил и до крайних форм. Так, срочная телеграмма совещания народных судей Екатеринбургского уезда гласила: «Москва Кремль Предс. ВЦИК Калинину. Копия НКЮ Курскому. Нарсудьям Нарследователям Канцелярскому составу Нарсудов Екатеринбургского Уезда за май [1922] выплачено 25% жалования. С июня по сентябрь с переходом на местные средства жалования не получали. Авансы на разъезды, почтовые, канцелярские расходы не отпускаются. Технический состав разбегается. Дороговизна возрастает, потребности в связи с расширением увеличиваются. Проводнику революционной законности Суду угрожает опасность бездействовать. Съезд считает обязанностью просить о принятии срочных мер, чтобы дать судье возможность исполнять долг как подобает революционеру и гражданину. Ответ ждем не разъезжаясь на места. Президиум съезда»^[1087].

Работа судов беспокоила и партийные органы. Протокол заседания Укома РКП (б) от 11 ноября 1922 г. гласил: «Присутствуют: Циховский, Клепацкий, Мясников, Партин, Волон, от Укома РКСМ Шорин. Слушали: доклад Ветлугина о состоянии Нарсудов: Бывший отдел юстиции распался на 3 части: Прокуратуру, Совет народных судей и Исправительные Заведения. Участков по губернии 60, в уезде 10 участков [...] По Екатеринбургскому уезду есть участки, где нерассмотренных дел до 600. Отсутствие классовой линии. Решения субъективны, большинство не в нашу пользу. Техническое несовершенство судей... Количество нерас-

смотренных дел по уезду на 1 октября более 5000. Отсутствие контроля партии. Кошелев: На всю губернию имеется лишь 2 экземпляра процессуального кодекса и 1 уголовного. Судьи судят, не зная, что вышел новый закон и иногда на суде защитник выступает с законом, который судья не знает [...] Все упирается в средства снабжения (деньги) [...]»^[1088].

На фоне откровенно слабой работы судебной системы расцветали не только хищения государственного имущества, но и уголовные преступления. Характерна докладная записка Н. В. Жирякова от 30 июня 1922 г. в Губком партии «О развивающемся на территории Екатеринбургской губернии уголовном бандитизме и хищениях с Государственных складов, магазинов и т. п.». «За последнее время, — пишет он, — начиная с февраля месяца, в Екатеринбургский губернский трибунал замечается усиленное поступление дел по преступлениям бандитско-экономического характера [...] Согласно справке Уголовного розыска с января по февраль месяц 1922 г. в районе Екатеринбурга и Верх-Исетского завода с разных казенных складов расхищено продуктов питания и предметов первой необходимости до 2 миллиардов рублей [...] Что же касается уголовного бандитизма, то таковой, как тесно связанный с вышеприведенными преступлениями, процветает еще сильнее по числу индивидуальных преступлений [...] В уездах много случаев вырезки целых семей вместе с малолетними детьми. Проезд по грунтовым дорогам на лошадях считается опасным — нападения и грабежи не прекращаются [...] Если до сего времени хищения с Государственных складов носили мелочный характер, выражаясь в десятках, а самое большое в сотнях пудов, то за последнее время эти хищения возросли до тысяч и десятков тысяч пудов [...]

Жалование сотрудников — от 1 до 4 млн рублей, с вычетом за паек, который выражается в одном пуде муки и 3 фунтов соли, из чего можно сделать логический вывод, что при таких условиях, особенно материальных, никто в Трибунале работать не может и не хочет, особенно специалисты-юристы [...] Что может быть хуже того, что Трибуналу органу политическому, органу

суровой расправы с преступниками, приходится использовать для работ осужденных им же преступников [...] Следователи Семенчук, Шигаев – бывшие белые офицеры; Османов – осужденный; помощник секретаря Разгильдеев, делопроизводитель Крохин, статистик Борисов также осужденные. По штату Губтрибунал должен иметь 87 чел., налицо состоит – 23.

Если в мае 1921 г. рассмотрено в судебном заседании 41 дело с осуждением 593 чел., из которых расстреляно 135 чел., при штате Трибунала в 70 чел. с красноармейским пайком, то в феврале 1922 г. рассмотрено 7 дел с осуждением 20 чел. при штате Трибунала в 26 чел.

При этом распоряжением Центропрозыска были упразднены следственные аппараты в Губпрозысках, а их функции переданы в ведение следователям при трибуналах и народным следователям. За уголовным розыском были оставлены только розыскные действия. В дополнение к этому постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. упразднена ВЧК и ее местные органы, включая экономические отделы при Губчека, которые вели расследование по экономическим преступлениям. При этом все общеуголовные дела для расследования были также переданы в Ревтрибуналы и Нарсуды. Передача следствия по крупным и серьезным делам Трибуналам, следственный аппарат которых был не подготовлен, заставила последний расписаться в собственном бессилии»^[1089]. Далее Н. В. Жиряков выдвигает ряд предложений об оказании трибуналу помощи со стороны Губисполкома и местных партийных организаций.

В отчете о деятельности прокуратуры с 1 октября по 31 декабря 1922 г. губернский прокурор В. Л. Горохов также отмечал, что положение судебных органов в губернии продолжает оставаться катастрофическим. После пятимесячного перерыва в выплате зарплаты работники Нарсуда впервые получили зарплату только в октябре 1922 г. В некоторых уездах перерыв в выплате зарплаты доходил до 6–7 месяцев^[1090].

Подготовка к участию страны в Генуэзской конференции дала толчок к проведению судебной реформы 1922 г. В ходе ре-

формы в декабре 1922 г. принято решение об организации Екатеринбургского губернского суда. Открытие суда состоялось 15 февраля 1923 г. Состав суда состоял из председателя, двух его заместителей, составлявших президиум суда, и 11 постоянных членов. Положение о судоустройстве, принятое 31 октября 1922 г., возлагало на Губсуд обязанности надзора за деятельностью Народных судов губернии, организация которых предусматривалось тем же Положением.

Первым председателем Екатеринбургского губернского суда с 15 февраля 1923 г. стал Николай Васильевич Жиряков (*выделено мною. — К. С.*). Своими заместителями он назначил: по уголовному отделу — Бориса Сергеевича Знаменского, по гражданскому — Георгия Ивановича Боева. Все они, как и семь из 11 членов суда, были бывшими членами коллегии трибунала. Полный штат Екатеринбургского губернского суда, вместе с техническими и оперативными работниками, насчитывал 124 чел.

Участок работы председателю суда Жирякову достался весьма непростой. Прокурор Екатеринбургской губернии В. Л. Горохов в отчете прокурору Республики сообщал о состоянии судов губернии: «Народные суды в губернии политически безграмотны, не способны ориентироваться в УК и УПК, среди них процветает пьянство и взяточничество [...] губернский суд к весне 1923 г. находился в состоянии развала».

Комиссия в составе председателя Н. В. Жирякова, его заместителей и прокурора губернии, проверив в феврале 1923 г. профессиональную пригодность 66 работников народных судов губернии, сразу отстранила от работы 15 чел. Оставлены с условием замены при первой же возможности 17 чел. Формулировки отстранения были следующие: за пьянство и взятки, неподготовленность и малограмотность, непонимание советского законодательства и даже за прежнюю судимость за взятки^[1091].

Но причина была не только в нерадивости работников суда. В Губернский суд уполномоченный Губсуда по Екатеринбургскому уезду Р. Б. Кашанский о бедственном положении низовых ра-

ботников суда докладывал: «В Екатеринбургский уезд входит 19 судебных участков, 7 следственных районов [...] Зарплата делопроизводителя суда – 500–600 руб. (на 2–3 пуда муки и больше ничего), тогда как в других учреждениях могли бы зарабатывать не менее 2000 руб. в месяц [...]»^[1092].

Неудивительно было, отмечал Губпрокурор В. Л. Горохов, что бывший председатель Екатеринбургского военно-революционного трибунала Федоров перешел на работу бухгалтера в Тресте, а работник трибунала Погорелов ныне коммерческий директор Треста в Нижнем Тагиле^[1093].

Заседание президиума Камышловского Укома РКП (б) 24 октября 1923 г. также констатировало, что «оплата работников Юстиции очень низка и хозяйственное положение органов Юстиции определено невыносимо. Положение местного бюджета, однако, решительно не позволяет хотя бы в некоторой степени улучшить это положение... Отв. Секретарь Укома РКП (б) Власов»^[1094].

18 февраля 1924 г. по постановлению ВЦИК и СНК создан Уральский областной суд, который объединил четыре расформированных губернских суда – Екатеринбургский, Пермский, Тюменский и Челябинский. Первым председателем Уральского областного суда являлся Н. В. Жиряков. С июля по октябрь 1924 г. исполнял обязанности председателя суда Г. И. Боев.

Разместился суд по адресу: улица Ивана Малышева, 68. Это были постройки, растянувшиеся практически на весь квартал. Одноэтажный барак, примкнувший к зданию бывшей Американской гостиницы (ныне угол Люксембург – Малышева), рядом с ним – еще одно одноэтажное здание, а затем двухэтажный угловой дом (ныне угол Малышева – Гоголя). Между двумя каменными домами имелась арка – вход во двор. Внутри дома находилось общежитие, в котором на протяжении полувека проживали работники суда, как оперативного состава, так и технические. Ныне одноэтажные здания снесены, на их месте построено правое крыло художественного училища. Рядом, в сохранившемся двухэтажном доме, магазин^[1095].

Урал, как промышленный район с добычей золота, платины и драгоценных камней, всегда привлекал преступный элемент, жаждущий легкой наживы. Кроме того, он издревле служил местом высылки уголовных преступников. Эти причины, наряду с общими социально-экономическими условиями способствовали тому, что в 1924 г. в Уральской области в среднем на каждые 10 тыс. чел. совершалось 14 уголовных преступлений. Всего судами было возбуждено более 260 тыс. дел. Наиболее криминогенными являлись (из расчета на 10 тыс. жителей): Екатеринбург – 26 преступлений, Златоуст – 25,6, Тобольск – 23,7, Челябинск – 21,5, Троицк – 18,6, Тюмень – 13,5, Пермь – 13,4.

Самым массовым нарушением было самогонование. Милицией было отобрано 16 тыс. самогонных аппаратов и уничтожено около 18 тыс. ведер зелья. Особую озабоченность вызывала детская беспризорность и преступность. За 9 месяцев 1924 г. было выявлено 10 тыс. беспризорников, 1 288 правонарушений несовершеннолетних^[1096].

Определенные меры по борьбе с преступностью принимались и председателем губсуда. Об этом говорят и сохранившиеся документы. В президиум фракции РКП (б) Губисполкома – председатель Екатеринбургского губсуда Н. В. Жиряков. Докладная записка. «Ввиду того, что за последнее время хищения платины и золота и спекуляция ими в районе приисков приобрели угрожающие размеры [...], правление Уралплатины предлагает открыть в районе приисков (Нижне-Тагильский Платиновый Округ) один участок Нарсуда и два следственных на средства Уралплатины. Прошу не отказать». 14 июня 1923 г.^[1097]

Тем не менее, отсутствие систематического образования и интенсивные физические и психологические нагрузки периода Гражданской войны привели Николая Васильевича к определенному пределу усталости. Своим новым назначениям он уже пытался сопротивляться. Еще 1 января 1923 г., как писал сам Н. В. Жиряков, «несмотря на протесты мои выдвинут Губкомом

председателем Екатеринбургского Губернского суда». В октябре 1923 г. он избирается еще и кандидатом в члены Губисполкома^[1098].

Но здесь, видимо, Жиряков почувствовал, что достиг высшей точки своей карьеры и этот пост ему уже не по плечу. Он пишет о себе в автобиографии 12 ноября 1923 г.: «Газетной, журнальной и лекционной работы не нес, так как считаю, что [мое] интеллектуальное развитие стоит ниже той точки, которая требуется для этой работы [...] Целесообразнее мыслю использовать себя или в органах Юстиции Народным судьей, или в области хозяйственной — счетоводом, но никак не на должности председателя Губсуда, особенно в последнее время, когда право, как таковое в связи с нэп настолько развилось, что требует руководства, для такой ответственной работы человека с специальным хорошим образованием и хорошего марксиста-теоретика»^[1099].

Тем не менее, в списке председателей и заместителей председателя губернских и областных судов, утвержденных Наркоматом Юстиции на 1924 г., председателем Уральского областного суда указан Николай Васильевич Жиряков^[1100]. Но уже с июля по октябрь 1924 г. исполнял обязанности председателя суда заместитель Н. В. Жирякова Георгий Иванович Боев, а с октября 1924 по ноябрь 1925 гг. председателем Уральского областного суда стал В. М. Гуревич.

Писатель М. А. Осоргин высказал такую мысль: «Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и билась между собой две правды и две чести, — и поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших»^[1101].

Екатеринбургские историки О. С. Поршнева и М. А. Фельдман в своем исследовании о взаимоотношениях власти и рабочих Урала в годы Гражданской войны обращают внимание на еще один аспект революционного бытия. Грандиозный социальный лифт — гордость советской идеологии — в годы Гражданской войны вынес наверх примерно 4% рабочих Урала

на различные руководящие должности в государственном, партийном аппарате, структурах общественных организаций. Однако это был путь в особую мегамашину власти, бюрократическую и военно-полицейскую по своему характеру. В 1918–1920 гг. малейшая провинность со стороны рабочего-выдвиженца, несогласие с партийными решениями влекли понижение в должности; в 1920-х гг. такое «вольномыслие» уже каралось исключением из партии; в 1930-х гг. — означало арест. Рабочий-индивидуум во власти становился заложником партийно-государственного аппарата. Социальная группа рабочих-выдвиженцев — временным строительным материалом в руках власти^[1102].

Типичным представителем таких рабочих-выдвиженцев и стал первый председатель Екатеринбургского губернского суда Николай Васильевич Жиряков.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЖИРЯКОВА

- Родился 26 февраля 1896 г. в Серебрянском заводе Нижне-Тагильского округа.
- 1916–1918 гг. — работал на Коноваловском заводе, где становится помощником бухгалтера.
- 1917 г., октябрь — вступил в РСДРП (б).
- 1918 г., август — призван в Красную армию по партийной мобилизации.
- 1918 г., октябрь — председатель Следственной комиссии и секретарь военно-полевого суда Особого отряда Лысьвенского направления 29-й стрелковой дивизии.
- 1919 г., с 1 февраля — следователь, затем начальник Особого отдела 29-й дивизии.
- 1920 г., с 20 апреля — член военного трибунала 3-й армии.
- 1921 г., с 1 января — заместитель председателя трибунала Приуральского военного округа и 1-й Армии Труда, преобразованной из 3-й армии, в Екатеринбурге.

- 1921 г., с 18 февраля по 29 марта – участие в выездной сессии РВТ Приурво и 1-й Армии Труда.
- 1921 г., с 15 июля – заместитель председателя Екатеринбургского губернского революционного трибунала.
- 1922 г., с 15 февраля – председатель Екатеринбургского губернского революционного трибунала.
- 1923–1924 гг., с 15 февраля 1923 по 18 февраля 1924 г. – первый председатель Екатеринбургского губернского суда.
- 1924 г., с 18 февраля по июль 1924 г. – первый председатель Уральского областного суда, объединившего четыре расформированных губернских суда – Екатеринбургский, Пермский, Тюменский и Челябинский.

7.6. ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГУБЧЕКА В 1919–1922 ГГ. (С. И. КОНСТАНТИНОВ)

Впервые опубликовано: Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. №4. С. 131–139.

В годы революции и Гражданской войны на острие борьбы находились органы ВЧК. Они и стали первым объектом лжи и фальсификации, даже учитывая реальность того, что они не были образцом соблюдения, в их понимании буржуазной, законности.

Сегодня мы можем судить об их деятельности более объективно, чем не только на протяжении всей советской истории, но и особенно в 1990-е гг., когда эти органы рисовались исключительно черной краской. Несмотря на то, что именно тогда стали доступными новые источники информации, такие например, как протоколы заседаний УралгубЧК за 1919–1922 гг., гриф секретности с которых был снят только в 1993 г. При этом, изучая опыт истории органов ВЧК, не стоит отбрасывать свидетельств и врагов советской власти. Но даже с учетом их точки зрения картина становится не столь одноцветной, какой она ранее была.

Ровно через год после оставления города в июле 1918 г., 14 июля 1919 г. в Екатеринбург вошли части Красной армии.

Практически сразу была воссоздана УралгубЧК, где она и продолжила работу на правах губернской, что было утверждено Губревкомом и ВЧК 28 августа 1919 г.^[1103].

В период деятельности УралоблЧК в Вятке, после оставления Екатеринбурга, в структуре чрезвычайных комиссий произошли серьезные изменения. К концу весны 1919 г. в структуру губернских ЧК входили: коллегия ГубЧК во главе с председателем и 3 отдела – секретно-оперативный, особый и юридический. Совершенствовалась организационная структура и в последующем.

Вот как описывал начало своей работы в ЧК один из первых так называемых невозвращенцев, а точнее предателей своей страны и перебежчиков на сторону ее противников, Г. С. Агабеков^[1104]. «Началось это на Урале, в городе Екатеринбурге (ныне Свердловск) в конце 1920 года, когда я из Губкома был направлен на службу в местное Губчека. Мне было тогда 24 года [...] Губчека помещалась на Пушкинской улице в доме №7. Это было небольшое двухэтажное здание, с большим подвалом для арестованных, с двором и с конюшней на конце двора, где производились расстрелы выводимых из подвала. Председателем Чека и одновременно председателем Особого отдела третьей армии, находившегося в Екатеринбурге, был **Тунгусков**, старый матрос. Об этом недалеком человеке, жестоким по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были – начальник Секретно-оперативной части **Хромцов**, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка **Штальберг**, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вынесением смертных приговоров, она сама спускалась с верхнего [этажа] в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта «тройка» наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице.

Это было десять лет тому назад. Сейчас, в 1930 году, **Тунгусков** сам расстрелян за бандитизм, **Хромцов**, исключенный

из партии, ходит безработным по Москве, и только **Штальберг** работает следователем по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной Контрольной Комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того, как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата»^[1105].

Оставим эти оценки на совести Агабекова. Имеются и другие сведения о чекистах города. Так, согласно Постановлению Президиума ВЦИК от 27 января 1921 г. (а затем и Приказу ВЧК №23), при местных чрезвычайных комиссиях создавались комиссии по улучшению жизни детей. Такая комиссия действовала и при Екатеринбургской ГубЧК. В ее обязанности входило: тщательное и объективное обследование и информирование Исполкома о фактическом положении детей на местах; о положении и количестве беспризорных детей; выполнении декретов о детском питании и снабжении; помощь в этом детским домам; сообщение обо всех случаях хищений, злоупотреблений, преступного отношения к детям и разгильдяйства. Членом этой комиссии в 1921 г. работала **Елизавета Карловна Густ**. В 1919–1920 гг. она работала заведующей регистрацией Екатеринбургской ЧК, была секретарем партячейки. С 1921 г. – начальник архива ОГПУ-НКВД СССР, затем в аппарате особоуполномоченного НКВД. В 1932 г. была награждена именованным оружием^[1106].

По прошествии ста лет после описываемых событий, благодаря сохранившимся архивным документам, мы можем назвать по фамилиям почти всех героев и антигероев, всех участников той драмы, которая носит название Гражданская война в России. Так, в Государственном архиве Свердловской области сохранился состав Екатеринбургской Губчека на 9 июля 1921 г. Административно-организационная часть (11 чел.): начальник – Александр Спиридонович Колмогорцев, секретарь – Василий Васильевич Старцев, исполняющий обязанности начальника административного отделения – Вера Николаевна Лукоянова. Секретно-оперативная часть (12): начальник – Крылов. Осведомительная

часть (10): начальник – Бушман. Регистрационная отделение: (11) начальник – Елизавета Карловна Густ. Особое отделение (6): начальник – Киселев. Экономическое отделение (7 чел.): начальник – Завгородских^[1107].

Состав Губчека часто менялся, многие были прикомандированы на время, часть откомандировывалось на усиление других структур. Например, Николай Яковлевич **Храмцов**, начальник ключевого секретно-оперативного отдела, прибыл из Всероссийской ЧК 29 ноября 1919 г. и был откомандирован в распоряжение Административно-организационного Управления ВЧК только 15 июня 1921 г.^[1108].

Так, решением от 13 декабря 1919 г. командированного Комитетом партии для работы в Губчека тов. Бухбанта назначили уполномоченным Секретно-оперативного отдела по городу. Помощник бухгалтера с 22 декабря 1919 г. Марта Юрьевна Подник также была командирована из Губернского комитета партии. Пополнили состав Губчека в ноябре 1919 г. командированные из Вятки Белых, Мицкевич, Коврижник, из Вологодской Губчека – Ивановская и др.^[1109].

Большое пополнение Екатеринбургское Губчека получила 4 июля 1921 г., когда расформированный Особый отдел 1-й Трудовой армии со всем личным составом в 164 чел. делами и имуществом был передан в распоряжение Губчека – в резерв административной части^[1110].

В то же время по требованию президиума ВЧК 13 декабря 1919 г. были откомандированы в Москву 3 сотрудника Губчека, а четвертого – члена коллегии, заведующего Особым отделом т. Агаларова, обещали командировать по завершению им организации отдела в течение месяца^[1111].

Покидали ряды Губчека и по другим основаниям. В приказе от 15 сентября 1921 г. отмечено: «Бывший сотрудник Особого Отдела Пасютин Николай уволенный в кратковременный отпуск по 6 августа и до настоящего времени не явившегося считать дезертиром и как чекиста – переданным суду, сообщив об аресте по месту жительства Пасютина».

Приказ от 26 октября 1921 г.: «Сотрудницу Секретного Отделения №2 тов. Носову Клавдию Степановну с сего числа полагать уволенной без права поступления в органы ЧК за злостный саботаж — исключив со всех видов довольствия с 1 ноября сего года». Приказом от 3 октября 1921 г. объявлена копия приговора Губревтрибунала от 22 сентября об осуждении сотрудника Секретно-Оперативного отдела Губчека Александра Македонovichа Шилкова, обвиняемого в краже часов во время обыска у гражданина Пильщикова. Не помогла ни молодость, ни пролетарское происхождение. 24-летний чекист из рабочих Нижне-Исетского завода приговорен к заключению в Исправдоме сроком на 5 лет^[1112].

Напряженный темп деятельности, психологические нагрузки, связанные с расстрелами, страх и ненависть врагов, окружающих чекистов, приводили и к плачевным последствиям для психического здоровья. Коллегия Губчека в составе Тунгускова, Штальберг, Соловьева и секретаря Калькштейна 20 февраля 1920 г. заслушала заявление инспектора Анатолия Григорьевича Эппингера с просьбой об откомандировании его в распоряжение ВЧК в связи с болезнью. Постановили: «Ввиду болезни Эппингера, тяжелой формы психо-неврастении (цереброспинальной неврастении) с галлюцинациями и бредом преследования, согласно приложенных при заявлении удостоверений разных врачей и амбулаторий [...] уволить без права поступления в какую-либо ЧК на должность следователя или другой ответственный пост»^[1113].

Любопытный анализ личных дел сотрудников Екатеринбургской губернской чрезвычайной комиссии по архивным данным Управления ФСБ России по Свердловской области за июль 1919 г. — март 1922 г. провела Е. В. Демакова. Результаты исследования опровергают некоторые штампы восприятия чекистов, сложившиеся в годы перестройки — о преобладании в кадрах ЧК евреев и латышей с мадьярами, о наборе в кадры людей неместных, о полной безнаказанности чекистов и т. п.

Ряд исследователей отмечает, что подбор чекистских кадров базировался на двух принципах: классовый подход и партийность, а с принципом партийности напрямую было связано наличие опыта партийно-боевой работы. Однако анализ анкет кандидатов на службу в органы Екатеринбургской ЧК показывает, что 40,5% принадлежали к мещанскому сословию, являлись жителями Екатеринбурга, Ирбита и Красноуфимска. Вторую по численности (35,1%) категорию составили крестьяне, 21,7% – рабочие и 2,7% – интеллигенция.

Большинство кандидатов указало началом самостоятельной трудовой жизни возраст до 15 лет. Практически все они происходили из крестьянского сословия и писали в анкете: «занимался хлебопашеством с 10 лет», «работал в хозяйстве отца с 11 лет» и т. п.

Наличие иностранных подданных в кадровой структуре Екатеринбургской ЧК составляло 9%. Партийная принадлежность большинства чекистов – РКП (б). Среди членов других партий (8,1%) были эсеры (с 1904 г.) и левые эсеры (с 1905 г.). Число беспартийных составило лишь 18,4%. Впоследствии ряд беспартийных вступили в ряды РКП (б), уже будучи на службе в ЧК.

Большинство кандидатов (37,5%) на момент поступления в ЧК являлись военнослужащими и были направлены в органы из военных комиссариатов или воинских частей, 20% из партийных органов.

Число малограмотных (менее двух классов) или прошедших двухмесячные курсы обучения военному делу составило 24%. Чуть более одной трети (33,4%) получили образование 3 класса. Вместе с тем 1/4 (26%) составляли грамотные люди, окончившие от 4 до 9 классов реального училища или гимназии. Возраст сотрудников в основном составил 18–29 лет.

Если рассматривать причины убытия из кадров Екатеринбургского ЧК, то 37,6% чекистов откомандированы для дальнейшего прохождения службы в ЧК других регионов и в Красную армию. На руководящие должности в партийные органы направлено 10,4%. На втором месте – число выбывших

из числа сотрудников ЧК (25%) по несоответствию должности^[1114].

Деятельность Екатеринбургской губчека в 1919–1920 гг. была весьма разнообразной. В отсутствие четко сформированной структуры властных органов чрезвычайная комиссия выполняла одновременно и административные, и антикоррупционные, и судебные, и военные функции. Приходилось и бороться с самосудами населения над сторонниками белых.

В докладе к III годовщине Октябрьской революции в октябре 1920 г. отмечалось, что за год господства белых в Екатеринбургской губернии **расстреляно 18 тысяч человек**^[1115].

Как сообщал председатель ГубЧК Тунгусков в июле 1920 г. в ответ на упреки в аресте группы меньшевиков, при белых «один Верхотурский уезд дал 8 тысяч расстрелянных и замученных разными способами. Алапаевский уезд – шахты Кизилловских копей забиты трупами [...] Всего ЧК за 11 месяцев (*август 1919 – июль 1920 гг.* – К. С.) было заведено 3 777 дел с общим количеством обвиняемых 6 229 человек. Приговорено: на принудительные работы – 853 чел., в концлагерь – 74, передано в народный суд 504 дела с 901 обвиняемым, в различные следкомы и другие судебные учреждения – 591 дело с 1021 обвиняемым, **расстреляно по 105 делам 122 человека**, освобождено по 1307 делам 2 123 человека, т. е. одна треть привлекаемых [...] Из общего числа осужденных амнистировано 592 человека [...] Кизеловские копи, могильные холмы, массовые расстрелы в царстве меньшевиков и 122 расстрелянных за год Советской Властью говорят сами за себя. Превращенные в тюрьмы и набитые до верху рабочими и крестьянами: Гостиный двор, Макаровская фабрика, Уездные тюрьмы у меньшевиков и 550 заключенных на всю губернию у большевиков, сразу показывают, кто является узурпаторами Власти»^[1116].

С 1 по 28 августа 1919 г. ГубЧК была занята работой по организации своих отделов и вспомогательных органов. Кроме того, ГубЧК взяла на учет бежавших из губернии представителей видной буржуазии и кулачества. При этом были снабжены списками

этих людей Челябинская, Тюменская и Омская Чрезвычайные комиссии. Развернута была и работа по вербовке своих осведомителей в учреждениях города^[1117].

Необходимо было иметь при ЧК и вооруженные формирования. Так, 21 августа в Губвоенревком была подана докладная записка с предложением разрешить формирование и финансирование при ГубЧК батальона войск внутренней охраны трехротного состава со всеми родами оружия и видами специальностей, полагающимися в боевом батальоне. Численность предполагалась в 600 чел., из которых будет 450 штыков, а остальные — командный состав, команда связи, разведчики, пулеметчики, врачи. В Екатеринбурге предлагалось расквартировать 200 чел., а остальных, в целях быстрой переброски, распределить при больших промышленных районах. Для содержания батальона запрашивалась сумма в два миллиона рублей в полугодие^[1118].

Осенью 1919 г. интенсивно работал Юридический отдел ГубЧК. Через следователей отдела за сентябрь, октябрь и ноябрь прошла масса дел с общим количеством арестованных по ним в 832 чел. Большинство из них обвинялось в следующих преступлениях: выдача и истязания советских работников — 181 чел.; контрреволюция — 115; служба у белых — 80; агитация против Советской власти — 78.

За месяц, с 1 ноября по 1 декабря 1919 г., по результатам рассмотренных дел Юридическим отделом был освобожден 71 чел., амнистировано 350, расстреляно 13 чел. (из них за шпионаж — 2, за контрреволюцию — 4, за преступления по должности — 7 чел.). Общее количество расстрелянных по постановлению ГубЧК за три осенних месяца составляло 101 чел., приговоренных к принудительным работам — 97, к заключению в концентрационном лагере — 3 чел.^[1119].

Параллельно с организационной работой в этот период ГубЧК пришлось не только ликвидировать остатки разбитых белогвардейских войск — отряды князя Вяземского и подпоручика Ермохина, а также бороться с самосудами местного населения

над сторонниками белых, но и преодолевать острый кадровый голод рядовых работников государственных учреждений и ЧК.

В докладе о деятельности ГубЧК отмечалось: «На первых порах пришлось столкнуться с отсутствием технических сил и специалистов, как те, так и другие за незначительным исключением ушли с Колчаком, а те которые остались, шли по выбору, ища лучших условий и военного пайка. Губернские учреждения буквально сидели без сотрудников, а где и были, то их нужно было удерживать силой [...]

Этот период времени до начала 1920 года можно было еще считать саботажем индивидуальным, неорганизованным, хотя и здесь были видны руководящие руки ненавистников Советской власти. С начала 1921 года картина резко меняется благодаря наплыву всевозможных спецов из разгромленной Колчаковии [...] Одно только дело Химотдела дает право судить о той роли, какую играют облеченные доверием специалисты высокой марки продававшие все до последнего точильного камня, имевшегося на заводах, продающих материалы взвешивающихся на вес золота в виду совершенного их отсутствия, и мечтающих с нажитыми миллионами уехать за границу [...]

Ликвидация Комиссии по снабжению северного фронта подтверждает это, ибо она продажей за 20 миллионов рублей материалов предназначенных для Красной Армии стремилась подрывом снабжения ее потопить Советскую власть»^[1120].

Первоочередной задачей была организация Секретного отдела губЧК, который бы срочно занялся проверкой заявлений, и Юридического отдела — для разбора поступающих дел. Наряду с работой по организации пришлось вести борьбу с элементами, не заслуживающими доверия, но которые, тем не менее, «примазывались» к комиссии иногда просто для того, чтобы погреть руки или с целью скрыть за стенами комиссии свое преступное прошлое^[1121].

Примером этого явления может служить ликвидация в сентябре 1919 г. «шайки бандитов целиком служивших в Екатеринбургском Губернском розыске». В докладе о работе ЧК к III го-

довщине Октябрьской революции отмечалось, что участники этой «шайки» придерживались следующей системы: сами писали заявления о том, что в каком-нибудь доме скрыто имущество. По заявлению сами производили обыск и устанавливали его наличие. Ночью производили грабеж и сами прекращали дело [...] Еще усугубляло борьбу с ними и то, что ЧК иногда приходилось сноситься с Розыском по тем или иным вопросам и таким образом держать агентов-бандитов в курсе дела, которое в этом случае всегда будет сорвано. Благодаря тому, что ЧК раскрыло карты сотрудников Губрозыска, бандитизм почти сошел на нет. И это был не единичный случай в области борьбы ЧК с бандитизмом.

Тогда же Екатеринбургской ЧК удалось обезвредить несколько банд численностью от 7 до 25 чел., которые ставили задачами перед собой налеты на учреждения с целью ограбления касс, которые сопровождались убийствами служащих. Ставилась ими и задача убийства ответственных работников советской власти^[1122]. В октябре 1920 г. в ликвидации восстания в Красноуфимском уезде участвовали отряд особого назначения (под командованием лично председателя Губчека А. Г. Тунгускова), милиция и воинские части (под командованием окружного военкома С. В. Мрачковского) – всего около 1000 чел.^[1123].

В одном из докладов чекистов отмечалось: «Говоря о двух главных нервах ЧК нельзя не коснуться не менее важного отдела – финансового [...] Бежавшая буржуазия оставила много ценностей, которые или припрятаны в земле или переданы в другие руки. Эти ценности постепенно высылались на рынок или просто расхищались. Путем разведки, доносов, случайных сообщений и так далее, открывались целые склады и передавались тем или иным заинтересованным учреждениям [...] Можно с уверенностью сказать, что приблизительная цифра на переданные более или менее ценности только в Губздравотдел и Губ и Горпродкомы превысит три миллиона рублей, так как один сахарин превышает стоимость два миллиона.

Помимо этого в доход республики отдано наличными деньгами: золотой, серебряной и медной монетой на 1292 рубля

80 копеек, советскими, царскими, керенками на 554 151 руб. 82 коп., колчаковскими на 421 097 руб. Эта сумма еще не исчерпывающая, так как сюда не вошли суммы, сданные позднее 25 ноября (1919 г. – К. С.)»^[1124].

Так, в протоколе заседания Екатеринбургской ГубЧК от 12 января 1920 г. отмечено, что сотруднику ЧК Бухбанду был увеличен оклад жалования до 2625 руб. и выдан отрез материала для костюма и ночной паек за то, что вырвал из рук злостного спекулянта на миллион рублей товара и мыло^[1125].

Прекращение Гражданской войны и переход к мирному строительству потребовали внесения изменений в структуру органов ВЧК. Новый период реорганизации (март-ноябрь 1921 г.) проходил на фоне глубокого внутреннего кризиса, охватившего страну в начале 1921 г. Наряду с либерализацией экономической политики, руководство большевиков усилило борьбу с оппозиционными партиями, иностранными спецслужбами и антисоветскими белогвардейскими центрами, политическим бандитизмом. Больше внимание стало уделяться обеспечению экономической безопасности страны.

Центральный аппарат ВЧК способствовал укреплению кадрового состава губернских ЧК направлением на Урал опытных сотрудников, которые, как правило, назначались на руководящие должности. Это позволило уже в 1920–1921 гг. реорганизовать малочисленную группу по борьбе с технической контрреволюцией ГубЧК в экономическое отделение, а позднее и экономический отдел. Состоящий сначала из трех сотрудников, отдел уже в 1921 г. увеличился втрое^[1126].

По большому счету, у карательных служб не доходили руки до мелкой бытовой «спекуляции». Наряду с потребительским мешочничеством, их внимание все более привлекал расцвет профессиональной и организованной, крупной криминальной торговой активности. Так, в июле 1920 г. Екатеринбургская губчека сообщала о раскрытии шайки профессионалов – «спекулянтов», состоявшей в основном из советских служащих. Продажей кожи, мануфактуры, марли, нормированных продуктов

питания с государственных складов на вольный рынок занималось 38 чел.^[1127].

Итоги работы Губчека за первые 8 месяцев 1920 г. выражались в следующих цифрах: 1. Всего арестовано прошедших через Губчека – 4 033 чел.; 2. Расстреляно – 42 чел.; 3. Направлено в другие судебные органы (трибунал, народный суд) – 1199; 4. Осуждено в концлагерь – 375; 5. Осуждено в тюрьму и на принудительные работы – 580. В то же время освобождено по разным причинам – 1164 чел. (правда, 683 из них – за истечением срока заключения)^[1128].

Не скрывал в докладах Тунгусков и такие факты: « [...] банда в 29 человек поймана на месте преступления и ликвидирована. Главари расстреляны, остальные направлены на принудительные работы»^[1129].

Но и скрывать было что. Так, секретный приказ, изданный в июне 1920 г. за подписью председателя ГубЧК и начособотдела Трудармии I Тунгускова, завсекретоперотделом ГубЧК Храмовым и секретарем ГубЧК Соловьевым, был рассекречен только в 1993 г. Он гласил: «Приказ №24 Екатеринбургской ГубЧК [...] 1. Арестовать и направлять в распоряжение Губчека для заключения в концентрационный лагерь до 50 человек с каждого уезда наиболее видных контрреволюционеров [...] как то: бывших видных земцев, думцев, черносотенного духовенства, крупных торговцев, кулаков и т. п. 2. Аресты произвести разом, в один прием [...] Арестов одиночных, разрозненных, по 1–2 в волости отнюдь не допускать, ибо таковые, как показал опыт прошлых лет, не приводят ни к каким результатам и на оставшийся не изолированный остальной контрреволюционный элемент, не производят никакого впечатления [...] 5. Всю операцию провести в контакте с Уездпарткомами и Уездисполкомами в наикратчайший срок и, в крайнем случае, не далее как в течение 10 дней со дня получения настоящего приказа»^[1130].

В июле 1921 г. в Екатеринбурге создано Полномочное представительство ВЧК по Уралу, которому подчинялись Вятская, Пермская, Екатеринбургская, Тюменская, Челябинская,

Уфимская, Башкирская и Воткинская чрезвычайные комиссии^[1131].

В связи с ликвидацией ВЧК и образованием при НКВД РСФСР Государственного политического управления изменилась структура органов государственной безопасности и на Урале. 1 марта 1922 г. Полномочное представительство ВЧК преобразовано в Полномочное представительство ГПУ. Екатеринбургская ГубЧК трансформировалась в Екатеринбургский губернский отдел ГПУ при Губиспокоме^[1132].

Где герои, где палачи, где жертвы – вопрос спорный до сегодняшнего дня. Споры о том, что первично, а что вторично, красный или белый террор, напоминают споры о том, что было раньше: курица или яйцо. На наш взгляд, и красный, и белый террор – это две стороны одного явления – трагедии Гражданской войны, трагедии народа и самих чекистов.

7.7. ЗОНЫ МАССОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ 1930–1950-Х ГОДОВ У НОВОГО И СТАРОГО МОСКОВСКИХ ТРАКТОВ («12 КМ», «С/К ДИНАМО») В РАЙОНЕ КВАШНИНСКОГО РУДНИКА (С. Н. ПОГОРЕЛОВ)

До 2019 г. этой проблемной историей автор не занимался, но сейчас возникло ощущение, что к ней что-то вело его долгие годы. Многие предшествующие историко-археологические и военно-поисковые исследования готовили к встрече с этим Местом. Первое знакомство оказалось как бы не первым, почти сразу многое стало понятно. Данный материал является предварительным, и пока нет уверенности, что эти исследования будут поддержаны (прошел уже третий полевой сезон, но и в 2021 году обещанное финансирование так и не было выделено). Но начало положено, работы начаты...

История места – Квашнинский рудник^[1133].

Месторождение стало разрабатываться с 1722 г., его границы до настоящего времени не были определены. Железные ру-

ды здесь сформировались по восточным склонам долины р. Большой Каменки (далее Б. Каменка) и на сопредельных территориях. Руду добывали до начала XX в. До открытия Сибирского тракта (СТ)^[1134] к середине XVIII в. дорога из Екатеринбурга шла к слиянию рек Б. Каменка с Каменкой – севернее Старого Московского тракта (СМТ). Тогда же рудник вошел в площадь Дачи Верх-Исетского завода (ВИЗ, добыча руды, камня, флюсов, дерева, жжения древесного угля и прочее).

Нами были выявлены несколько участков выработок, с севера на юг – от восточного берега ВИЗ пруда до Чусовского тракта (до Кокошинского рудника), с запада на восток от края долины р. Б. Каменки с запада до Мемориала жертв политических репрессий 1930–1950-х гг. (М30–50) и восточнее его до строений новых тиров, отмечены и иные разработки в сторону города. Нами обнаружены как отдельные котлованы, так и карьеры, сгруппированные или идущие цепочкой на сотни метров. На дне некоторых выявлены затянутые грунтом или затопленные шахты. Среди самих разрезов и в окрестностях находятся множество шурфов разных размеров, часть идут в линию – поиск рудных жил.

Учитывая известную практику сокрытия убитых людей в шахтах горнорудных месторождений (Екатеринбург, Алапаевск^[1135], Челябинск^[1136] и др.), можно предположить использование для этого дудок, карьеров и шурфов Квашнинского рудника. Несколько шурфов и траншей нами были проверены поисковыми щупами (до гл. 1 м) и определено заполнение их рыхлыми отложениями, что позволяло скрывать останки (в 2021 г. мы выявили следы деятельности НКВД в нескольких карьерах).

Сам СМТ как исторический объект в рассматриваемом районе не изучался. Предполагаем, что его современная асфальтированная трассировка сложилась только к середине XX в. На него выходили дороги из близлежащих деревень, с рудников, углежогных участков и так далее. Обратим внимание на время Гражданской войны на Урале 1918–1919 гг., основные боевые действия которой были привязаны к трактам и желез-

ным дорогам, где столкновения могли происходить в местах пересечения ими рек, а также и по дорогам, идущим на рудники (такие следы мы обнаружили в 2020 г.). Теорию боевых событий изучают историки-архивисты, а практиками в этой теме являются некоторые военные поисковики. Известно, что доверять без оглядки письменным источникам нельзя, так как информация в них бывает ошибочная или сознательно искаженная. Другое дело, когда она анализируется в комплексе с результатами полевых изысканий и коллекциями артефактов. Таких работ мало, автор посвятил этому годы, но результат пока ограничен возможностями^[1137].

С историей места связано еще одно нерядовое событие, которое изучал и автор^[1138]. Подготавливая убийство бывшей императорской семьи Николая II и их приближенных в Ипатьевском доме в 1918 г., большевики заранее продумали и план сокрытия их тел. Они использовали знания рабочих ВИ-За, в том числе П. З. Ермакова, о железных рудниках. Он предложил Открытую шахту (№7) Четырехбратского рудника рядом с карьером Ганина. Месторождение располагалось с запада у Старой Коптяковской дороги (СКД) в 9 верстах от Екатеринбурга.

После неудачной попытки замаскировать сброшенные в шахту тела организатор преступления Я. М. Юровский по совету знатоков поехал на другой железный рудник – Квашнинский. Там у 10–12 версты СТ были выбраны три глубокие шахты для сброса – утопления жертв (Записки Юровского 1920, 1922 и 1934 гг.^[1139]). Но затем от этого плана отказались – тела закопали на СКД. С нашей точки зрения, эта попытка спрятать убитых членов царской семьи на этом руднике, возможно, стала первым отправляющим событием, приведшим к дальнейшему выбору этого места чекистами – ОГПУ, НКВД для массовых казней и тайных захоронений репрессированных граждан страны.

История места в 1920–1960-е гг.

С 1928 г. в Свердловской области начал развиваться военизированный вид занятий – подготовка боевых лыжников (армейский уровень, почему-то постепенно ставший у нас прерогативой динамовцев НКВД). Лыжники тренировались в полной боевой выкладке с винтовками Мосина (калибр 7,62 мм), максимальные дистанции доходили до 50 км, а дальность стрельбы по целям – до 300 метров (была и стрельба из пистолетов, метание гранат – в 2020 г. было найдено место уничтожения этих боеприпасов). Мы нашли упоминание о районе СМТ как территории проведения соревнований только на 1942 г.^[1140], но нельзя исключать, что подготовленные дистанции были созданы ранее.

Известно, что после 1939 г. приговоры на расстрел выносили реже (одно из подтверждений – мы обнаружили выкопанные, но неиспользованные могилы, как рекультивированные так и открытые), а в конце 1940-х гг. на данном месте они почти прекратились (выявлена 1 могила 1950-х гг.). «Территория НКВД», используемая для расстрелов и сокрытия жертв, должна была подвергнуться какой-нибудь «рекультивации» – маскировке следов массовых «мероприятий». Также отдельные участки зоны могли какое-то время оставаться закрытыми для тренировок боевых спортсменов.

Более широкий доступ на эту территорию стал возможен с рубежа 1950–1960-х гг., когда оформилось понятие спортивных соревнований – биатлон. В 1959 г. на базе винтовки Мосина была разработана облегченная винтовка калибра 6,5 мм (БИ-59). Предполагаем, что некоторый период в районе М30–50 не располагали огневые рубежи, но мы обнаружили здесь несколько двухвековых сосен, имеющих заросшие (50–70 лет) затесы с множественными пробитиями пулями. На одном – от пуль калибра 6,5 мм, на втором – 5,6 мм (с 1978 г.), оба от биатлонного оружия. Северо-западнее от М30–50 нашли еще мишень – блок пенопласта, пробитый сотнями малокалиберных пуль. Другой артефакт – стальной баллон с отверстиями от пуль

калибра 7,62, найденный за НМТ, — к лыжникам, вероятно, не относится, а вот к представителям НКВД — под знаком вопроса.

«Территория НКВД» была ранее огорожена забором с колючей проволокой (ее куски найдены нами), позже — сетчатым на железных столбах, забетонированных в землю (забор разрушен, выявили его остатки). Вопрос — как могли проектировать НМТ, зная об ограждении опасной (биатлон) территории, не говоря уже о секретности места? В 1960-е гг. около СМТ началось строительство биатлонного спорткомплекса «Динамо» (с/к) на месте массовых захоронений, которые частью уничтожили, другие замаскировали. Это было засекречено и не послужило причиной отмены строительства объекта. Сделали бы на другом месте, и нет проблем в будущем, но нет. Из этого делаем вывод, что, по крайней мере, одна из целей строительства заключалась в сохранении закрытости «своей» территории, ее подконтрольности, иного использования, для предотвращения свободного посещения. Заметим, что в туристических книгах^[1141], изданных к концу 1970-х гг., у СМТ не упоминается даже объект «Динамо».

«12 км НМТ» в 1970-е гг.

Очередной засекреченный факт случайного (?) нахождения массовых захоронений также стал известен лишь в начале 1990-х гг. В 1974 г. строителями проводились работы по формированию ложа НМТ. До этого было проектирование, трассировка дороги, вырубка полосы леса, в том числе и на отрезке 12 км от Свердловска. Этот участок естественно был схож с сохранившимися участками по сторонам — к северу от НМТ находятся карьеры рудника, они же есть и с юга. Площадка будущего М30—50 восточнее разрезом представляла поляну. Южнее НМТ — также восточнее выработок, сохранился выположенный естественный участок, но он более возвышенный по высотным отметкам, чем на М30—50 (порядка 3 метров). Западнее М30—50 и рудных ям идет понижение, переходящее через 50–100 м в болотистую пойменную часть долины р. Б. Каменки. С юга от НМТ по-

нижение на запад тянется более чем на 250 м до долины, вдоль которой расположена заброшенная насыпная дорога, идущая с НМТ на юг – юго-запад в сторону пос. Карасьеозерский.

Поверхность тракта возвышается над площадкой М30–50 примерно на 2 м, а с южной стороны она находится ниже прилегающего залесенного участка – от 0 до 1–2 м. Основание полотна трассы от его асфальтированного верха проложено, вероятно, на глубине около 2–3 м. Т. е. можно предположить, что могилы жертв репрессий (уровень залегания останков – 2–2,5 м) здесь в разной степени разрушены. Нами первично определено, что ширина распространения захоронений на М30–50 с запада на восток может составлять примерно 100 м, за НМТ полоса сужается до 50 м и менее. Исходя из этого, под дорогой ширина – около 60–80 м. Трасса в поперечнике – 30 м, вместе с техническими полосами – не менее 70 м. Т. е. общая площадь с могилами под полотном около 2000 кв. м., а с учетом техполос – порядка 5000 кв. м. Значит, под трактом, по предварительным нашим подсчетам, могли находиться останки до 1500 жертв (зависит от форм и количества ям). При учете площадей техполос число закопанных жертв возрастает не менее чем на порядок.

Мы определили, что могилы были отчетливо видны на поверхности (для специалиста и сейчас), но непредупрежденные строители не обратили на них внимания, пока не вырыли какое-то количество останков. Сложно определить, как быстро заметил кости и вещи бульдозерист-экскаваторщик. По наблюдениям автора, водитель стройтехники порой не сразу может определить, что за коричневые «палки» – кости, облепленные сырой глиной, или «округлые комки» грязи – черепа валяются из-под лопаты или ковша.

Экскаваторщик рассказывал, что выкапывал целые тела, которые разваливались на части. Т. е. не одно, а много, тогда почему не остановился сразу? Из этой информации журналиста газеты «Вечерний Свердловск» (ВС)^[1142] можно сделать вывод, что останков было так много, что пришлось привозить на двух авто-

мобилях (автозаки-грузовики, по 20–40 человек?) эков для сбора останков и вещей в мешки, которые потом вывезли (куда?). ВС сообщала об этом так: «в конце концов (?) это место засыпали, положили ж/б плиты и подняли дорогу на 2 метра от проекта» – непонятно и крайне сомнительно. Т. е. срыли могилы до глубины в 2,5 м, затем засыпали на 2 м, чем подняли дорогу еще на 2 м от проекта? Известно, что наличие в земле старых костей никогда ранее и сейчас не останавливало строителей при противозаконном сносе даже известных некрополей (в Екатеринбурге, Невьянске, Ревде и др.)^[1143].

Принципиально то, что если технологией предусмотрена определенная по толщине, ширине и плотности подушка под трассу, да еще такого высокого класса, то таковой она и должна быть, без всяких там плит и тому подобное, иначе нарушение может сказаться на ее качестве и привести к опасным последствиям. Мы считаем, что, как обычно, весь намеченный на удаление грунт вместе с несобранными останками полностью вырыли до плотной породы и вывезли куда-то (на отсыпку болот, низин по НМТ?). Могилы, возможно сохранившиеся по бокам от тракта, при строительстве техсторон сверху срезали вместе с артефактами, а останки, лежащие на дне, были раздавлены тяжелой техникой и массой отсыпок. Без сомнения, часть костей и артефактов из разрушенных погребений оказались сброшены в отвалы, утрамбованы в почву.

Анализируя ситуацию 1974 г., предполагаем, что не было зафиксировано количество разрушенных могил, не посчитали индивидуальные останки убитых, не определяли их пол и возраст, артефакты также не учитывались, увиденные собирались для очередного уничтожения. Новое место их «перезахоронения» неизвестно. Т. е., как и в 1960-е гг., «убивали» убитых и память о них.

По воспоминаниям рабочих, останки были в одежде, с алюминиевыми ложками, кружками, котелками. Значит, жертв убивали и закапывали с личными вещами! Вывод – массовые расстрелы этих людей происходили на месте, а не на пр. Ленина,

17. Вероятно, мало подозревающих о последствиях людей вывозили из лагерей или тюрем под предлогом перевода в другие учреждения, но на самом деле везли в лес, где, возможно, сразу вели на казнь, в одежде, с котомками и чемоданами. Предполагаем, что сюда привозили и убитых в других местах людей, уже не имеющих при себе вещей.

«12 км НТМ» в 1990 г.

В 1990 г. было осуществлено условно показательное выкапывание каких-либо человеческих костей к северу от НМТ. Цель – кратко информировать население (и родственников жертв) именно о точечном месте нахождения останков и создать символический М30–50 (решение 1990 г.). Отметим, что это было время разрушения СССР, когда «надо» было каяться перед своим народом и, главное, показательно перед Западным миром – за репрессии, за убийство царской семьи Романовых, за агрессивность в Восточной Европе и так далее. Это ограниченное «открытие» получило организованную дозированную огласку и, несмотря на это, предопределило развитие направления по увековечиванию памяти репрессированных. Власти определили ситуацию, которая возникла ранее на местах других зон НКВД (Мариуполь, Дубовка – Воронеж, Золотая горка – Челябинск и др.), где энтузиасты начали сами исследовать – раскапывать могилы жертв.

Возникают вопросы. Нет точных данных о тех, кто нашел, выбрал место для вскрытия захоронения. В ВС пишется, что кто-то подсказал это место КГБ, а для них это было «страшно» и неизвестно (?). КГБ назвало эти мероприятия «деликатной работой требующей колоссальной ответственности»^[1144] – какая и в чем деликатность, перед кем ответственность, как это было осуществлено на практике? «Особый» допуск к «процессу» получили только два человека: журналист и фотограф ВС. Отметим, что в наше время они не пожелали комментировать произошедшее сотрудникам Музея истории Екатеринбурга (МИЕ).

Раскопки, как мы определили, были проведены севернее НМТ на большой поляне. Пресса описывала это так: сотрудники спецкомбината стали копать землю лопатами, закладывая шурф, его затопило. Через день пригнали экскаватор-бульдозер на базе трактора «Беларусь». Когда дошли до костей, то вновь перешли на аккуратную копку лопатами, в какой-то момент подключились специалисты Свердловского бюро судмедэкспертизы (СБСМЭ), которые забрали кости на изучение. Это все детали «методики» изучения.

Нет сомнения в том, что эта «эксгумация», судя по доступным сейчас документальным материалам (фото ВС), была фиктивной. Почти с самого начала решили не церемониться и использовали экскаватор, иначе при работах лопатой сразу бы наткнулись на артефакты. Рытье проходило в видимой на поверхности могильной яме, но как объект исследования она была не нужна, только для извлечения костей. И это был не шурф, а бесформенный котлован примерно 3×4 м, глубиной за 2 м, подтопленный водой.

Можно предположить только одно, что с затопленного дна ямы, но вероятнее в большей степени из отвалов сырой глины, вытаскивали видимые загрязненные кости, что покрупней – кости ног, рук, черепа, и что еще попадет. Журналист заявляет^[1145], что он, несмотря на особенность объекта, просто обязан информировать о деталях работ читателей. Он подробно перечисляет находки – 31 череп, несколько костей ног и рук, немного ребер и даже 2 позвонка. Этим раскрывается вся «методика» раскопок, а вернее ее отсутствие. Это не научные изыскания и даже не уголовная эксгумация, это «какое-то» взятие образцов человеческих костей при осквернении могилы.

Собранные загрязненные черепа эксперты разложили на тенте и сфотографировали. На фото видно, что многие черепа представлены в обломках, почти у всех отсутствуют нижние челюсти. И здесь нечему удивляться, ведь «аккуратно» работал экскаватор. Понятно, что никакого обследования не проводилось, не была собрана большая часть костей 31 человека, конту-

ры и размеры могилы не зафиксированы, количество всех убитых, находящихся в ней, не выяснено и так далее. К примеру, царскую семью в Поросенковом логу на СКД вскоре (1991 г.) вырыли примерно по этой же «методике», но с элементами эксгумации и даже археологии^[1146], и то, при исправлении ошибок на следующий год, перекапывая могилу, нашли еще свыше 700 «неувиденных» костей от 9 чел., а отдельные кости обнаруживали и в последующие годы.

При этом копанием были собраны некоторые вещи — какие увидели и решили взять. Их местоположение, взаимосвязь с жертвами не зафиксированы. На одном фото (все без масштабной линейки) видны несколько кружек, кастрюля, крышка (?). Нет информации: о размерах изделий, деталях форм, о клеймах производителей и так далее. Сообщается, что была найдена одежда и обувь, но фото нет, кроме пары ботинок или туфель (?). Понять фасон, размер обуви, клейма невозможно.

Отчеты копателей и экспертов, если они есть, нам неизвестны, поиск результатов не дал (в чем секрет?). Проверить наличие в яме останков можно было не разрушающими методами, а извлечь археологически, но требовались кости по-быстрому, частичное изъятие, узкое исследование, и главное — торжественное официальное заявление и перезахоронение (протянули два года) и так далее. Удивительно, но это показательно для данного случая, дальнейшее строительство М30–50 привело к тому, что место рытья и закапывания «31 черепа и нескольких костей» было утеряно, как говорится, «намоленный» крест с могилы пропал, а памятный камень, возможно, прикопали. Вещи из могилы почему-то только частично были переданы в областной краеведческий музей. Отдали и важный письменный документ — «Ударное удостоверение» заключенного Ф. М. Загурского (сейчас он пропал). Кошелек (поясной) с удостоверением при научном изучении нужно было зафиксировать на останках и, следовательно, точно идентифицировать их, этого сделано не было.

Добавим, что о сопроводительной документации сведений нет, кроме нескольких фото ВС и СБСМЭ, и понятно — сотрудники

спецкомбината копают ямы-могилы, а не занимаются научными изысканиями. Поэтому они не изучали характеристики почв, ее обводненность, стратиграфию и планиграфию объекта. Непонятно, кто выбрал эту сырую, а не сухую могилу и именно в этот месяц – не понимали, не думали? Но и в обводненном грунте можно качественно работать, ведь существуют специальные научные методики. К примеру, автор в течение 20 лет вел археологические исследования культурных слоев уникальных торфяниковых памятников Урала, залегающих ниже 1–6 м от уровня воды, в самих озерах, в заливах которых и сохранились древние поселения. При этом без повреждения находились, четко фиксировались и извлекались все хрупкие деревянные и костяные изделия (в т. ч. миллиметровой толщины) каменного века.

Антропологический анализ был проведен СБСМЭ. На известных их фото видны очищенные, высушенные черепа. Итог – на черепаках (всех?) по два пулевых входных отверстия диаметром более 7 мм и большие выходные. В одном пуля осталась внутри и определена как пуля калибра 7,62 мм от патрона к револьверу наган. Из чего в ВС^[1147] делается вывод, что все жертвы убиты из этого оружия, что оно было на вооружении именно органов НКВД. Это не соответствует действительности, наганы были на вооружении всей Красной армии с момента формирования и до послевоенных времен (ВОВ). Также в НКВД и РККА пользовались другими револьверами и пистолетами. Например, пистолеты браунинг, маузер, тульский Токарева имели калибры – 7,65, 7,63 и 7,62 мм, т. е. как у нагана или около того, поэтому пули, выпущенные из этого оружия, могли оставить отверстия, не отличимые друг от друга. Наш вывод – так как не найдено остальных пуль и ни одной гильзы, говорить однозначно о применении только наганов было преждевременно (такие артефакты были нами найдены).

Журналист предположил метод расстрела людей. Якобы их укладывали лицом вниз и стреляли два раза, при этом отверстия от пуль располагались рядом. Т. е. людям приказывали лечь на живот и повернуть голову вправо? Потом наклонялись к ним

и стреляли в нижнюю правую часть затылка, а пули выходили слева в лобной части? Это странная гипотеза. Известно, что чаще стреляли в стоящих жертв, и тогда если палач правша, то логично будет именно такое расположение следов от выстрелов. Если бы человек стоял на коленях, то направление полета пуль было бы несколько иное.

Общедоступна информация о некоторых отличившихся палачах НКВД (по стране), за ними сотни, тысячи и даже десятки тысяч лично застреленных или убитых иным способом людей. Такие «профи» могли за секунду сделать даже не по два выстрела в еще не упавшего человека. Нам известны разные способы «казни» репрессированных, но какие использовали местные исполнители, пока окончательно не выяснено.

«12 км НМТ» в 1992 г.

В этот год администрация города заказывает УралТИСИЗ изыскания на «определенной» территории, ни меньше ни больше. Цель – определить зону распространения могил и выбрать место под памятный комплекс с юга или севера от НМТ. Для примера, подобные работы проводились в начале 2000-х гг. на месте парка-кладбища Коммунаров на пр. Ленина. В этом случае пытались понять, с какой стороны от памятника проложить дорогу, соединяющую пр. Ленина с ул. Татищева, чтобы под нее попало меньше погребений – меньше уничтожить. В процессе масштабных изысканий их массово обнаружили геофизики разных организаций (много братских и одиночных могил вокруг Мемориала Коммунарам с вечным огнем).

Тогда не построили, а к Чемпионату мира по футболу 2018 г. вновь вернулись к этому плану. Помог проектантам автор, проведший профессиональные исследования^[1148] и доказавший ложность итогов гигантских работ геофизиков (Институт геофизики УрО РАН, геофизики МГУ, Уралсейсмоцентр и др.), одновременно определивший участок подлинного расположения могил большевиков, их количество, поименный состав и прочее. После этого строители «кинули» автора по оплате исследований, отка-

зались от обязательных археологических раскопок, быстро подделали проект, снесли парк и проложили трассы с обеих сторон от обелиска (2015–2017 гг.).

Но у НМТ поступили «круче» – выбрали место, где могил больше! Методы, которые использовали изыскатели, для исторической науки, изучающей погребения, выглядят варварски. На территорию массовых захоронений заезжала тяжелая автотехника и проводила бурение земли колонковым буром. Из двух десятков скважин несколько «попали» в человечески кости. Могильные ямы были четко видны на поверхности, зачем надо было пробивать скважины диаметром в 16 см? Это привело к частичному уничтожению лежащих там слоями останков жертв – их пропилили насквозь, а на соседних участках – к пустой работе. При этом нет данных об изучении разрезанных буром костей. И вообще, где они, были ли обнаружены в этих «кернах» части одежды, обуви, посуды, пули, иные артефакты? Странной выглядит и их геофизическая электроразведка (электромагнитная на железном месторождении?) с детальными замерами – шагом в 10 м на большой площади. Тоже пустое дело. В итоге – больше костей нашли с севера – там и решили строить М30–50! Не важно, что страшные исторические объекты будут разрушены, зато – из города удобнее подъезжать...

В ходе нашего обследования мы предварительно определили места, где забурились изыскатели к югу от М30–50. Точки «антропологических» скважин к северу от НМТ определить сложнее, так как территория застроена М30–50. Наличие ям подтверждали и сами изыскатели – они упоминают увиденные впадины в земле при прохождении по одной из лесных дорог. Сейчас количество дорог увеличилось за счет развития с/к «Динамо», а часть исчезла под НМТ, М30–50 и новыми спорттрассами. Для понимания не помешал бы точный план увиденных ими впадин, для определения их принадлежности – углежогные ямы, рудные шурфы, могилы. Заметим, нам для определения могил нет необходимости бурить их или проверять геофизическими приборами, достаточен опыт военного поисковика-археолога.

По работам изыскателей возникают и другие вопросы. Каковы были ее цели, кроме выбора места для строительства, если изучение было неполноценное, точки нахождения костей засекретили, не стали выявлять объекты на с/к «Динамо»?

О строительстве мемориала

В 1996 г. был торжественно открыт мемориал (первая очередь, вторая в 1999 г., третья в 2000 г.). Итогом работ стала потеря места «эксгумации» 1990 г. и перезахоронения 1992 г. Снова вопрос, а во что их «перезакопали» – в ту же разрушенную могилу или в соседнюю, которую также нарушили? Ладно бы обошлось этим, но потери оказались невероятными.

Строительство М30–50, посвященного памяти жертв политических репрессий, сопровождалось основательным уничтожением самой истории гибели этих людей, в том числе следов преступлений, приведших их к смерти! В почве сохранялись артефакты – улики по этим преступлениям, принадлежавшие как палачам, так и казненным. Работники сначала расширили поляну, вырубив прилегающую полосу леса, потом выкорчевали пни, возможно, бульдозерами, одновременно сгребли верхний исторический слой земли, осуществили нивелировку – выравнивание площадки под строительство, может, подсыпали и утрамбовали поверхность. Затем провели ряд земляных работ – закладка траншей и котлованов под фундаменты памятников для плит с фамилиями, под установку большого креста, под здание музея, под туалет и прочее. Затем прокопали осушительную траншею с севера от М30–50, также частично по могилам. При этом никаких исследований территории не проводилось!

Очевидцы, побывавшие тогда на месте строительства, видели на поверхности и в отвалах кости людей, посуду, куски одежды и обуви. Один знакомый автора видел в отвалах «могилы 1990 г.», размытые тающим снегом и дождями кости ноги в штанине и ботинке.

Предполагаем, что все было куда-то выброшено, прикопано. Наши новые изыскания это подтвердили – были обнаружены

находки в отвалах у М30–50 и следы новых разрушений начала XXI в., когда по южной окраине НМТ проложили газопровод, разрушивший могилы (мы обнаружили в отвалах б. берцовую кость, часть бедренной и обломки др. костей), что было скрыто от общественности. Удивляет отношение к самим артефактам, если кости после изучения логично уважительно предать земле, то исторические вещи – улики – обычно хранятся, а здесь строился музей. В его экспозиции за эти годы не появилось ни одного подлинного артефакта с этого места.

Также поражает то, как можно было включить в проект комплекса (авторы: архитектор А. Л. Булыгин и председатель Ассоциации жертв политических репрессий А. А. Кривоногов, строило Управление капитального строительства г. Екатеринбург на средства горбюджета) такую составляющую, как сооружение огромных земляных навалов (площадью в сотни кв. м, толщиной в 2 м), которыми засыпали все промежутки между дорожками и памятными тумбами? Вообще, навалы – это историческая земля, которую сгребли с поверхности могил, или привозной грунт? Ведь надо было догадаться, что сырые могилы с останками (факт 1990 г.) будут раздавлены, сплющены, сломаны тоннами насыпного грунта. Специально хотели скрыть от взгляда, замаскировать могильные ямы? Но проект создан представителями правозащитной организации, которые должны были способствовать сохранению и изучению истории жертв. Не понимали, что делают, или им настойчиво посоветовали?

Статус «12 км НМТ»

В ноябре 1990 г. Свердловский горисполком принял решение признать это место официальным кладбищем, где будет установлен памятник жертвам политических репрессий. Сейчас на официальных сайтах в списках кладбищ оно не значится, но считается в ведении Службы городских кладбищ. По данным разных организаций и обществ, площадь захоронений варьирует от 75 до 94 га. Но площадь М30–50 менее 2 га, откуда такие цифры и как обозначено на месте само кладбище? Изыскатели

в 1992 г. установили, что могилы занимают участок всего порядка 2 га. По нашим предварительным данным, эта площадь в два раза больше (без учета объекта на с/к «Динамо»). А вот вся зона НКВД от СМТ до НМТ возможно и близка этим цифрам.

Такое место по федеральному закону №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...»^[149] (2002 г.) после открытия и тщательных научных исследований должно стать памятником истории минимум федерального значения, тяжелее выговорить – объектом *культурного наследия* (ОКН). Этого не произошло за 30 лет с момента копаний 1990-х гг.

По ФЗ-8 «О погребении и похоронном деле» (1996 г.) подобные объекты могут иметь историко-культурное значение – места погребений не подлежат сносу (могут быть перенесены по особому решению); согласно ст. 22 к старым, ранее *неизвестным* захоронениям относятся кроме военных и захоронения жертв массовых репрессий, перед проведением любых работ (строительных и т. п.) на территории возможных захоронений жертв массовых репрессий органы местного самоуправления обязаны провести обследования местности в целях *выявления* возможных неизвестных захоронений (изм. 2004 г.). Выделим – «*выявление... захоронений*», а не только обведение границ.

Также прописано: собственная инициатива по поискам и вскрытиям могил запрещена, могут только специализирующиеся на этом организации. По пункту: «*обследования... спецорганизациями*» – фактически *единственной* организацией с таким опытом и постоянной практикой изысканий и изучения является Поисковое движение России, которое официально представляют Военно-поисковые отряды РФ. Они (а не сотрудники спецкомбинатов) уже второе десятилетие занимаются научным изучением таких объектов и восстановлением исторической памяти. Классические археологи этим не могут заниматься, по причине их работы в сфере археологического наследия, к которым могилы 1930–1950-х гг. не относятся. «Открытый лист» на археологические работы не дает право на изучение объектов, не относящихся к археологии. Военные поисковики с профессиональной,

в том числе – археологической, подготовкой знают такие объекты и используют комплексные научные методики для их поиска и исследований.

Это подтвердил председатель Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, руководитель рабочей группы по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, Михаил Федотов в 2017 г. Он отметил важный вклад военных поисковиков в изучение таких объектов и призвал именно поисковые отряды России к более активному исследованию мест массовых захоронений жертв политических репрессий^[1150]!

Особо стоит отметить, что права на могилы своих родных, в том числе репрессированных, имеют родственники жертв (в данном случае и их представители – подразделения общества «Мемориал», Ассоциации жертв политических репрессии и другие), и они вправе потребовать от властей проведения исследований этих объектов, приглашения тех специалистов, которым они доверяют, достойного перезахоронения останков.

По одним данным, место с 1990 г. было в ведении «ЕМУП Комбината спецобслуживания» (ЕКС), охранник, проживающий в музее, оплачивается ЕКС. Его обязанности, вероятно, предписывают охранять и прибирать площадь М30–50, но не большую территорию (?). На самом деле ситуация неоднозначная. Отметим, что он, вероятно не осознавая каких-то особенностей объекта, в процессе приборки окрестностей заваливает могильные ямы валежником и прочим мусором, видоизменяет отдельные участки местности (строительство велосипедных трасс и прочее).

По другим данным, комплекс находится на балансе ЕКС с более позднего периода – по Постановлению главы г. Екатеринбурга от 18.10.1996 №704 «О вводе в эксплуатацию Мемориального комплекса жертвам политических репрессий на 12 км Московского тракта». Но признаков кладбища это место и его окрестности не имеют, не выделены и не исследованы могилы, нет памятников на них, нет никакой ограды, а существует сим-

волицеский Памятный комплекс, со странным расположением тумбовых блоков и кучи наваленной земли. Также продолжают утраты исторической информации, объектов и артефактов.

М30–50 внесен в перечень произведений изобразительного искусства (скульптурных монументально-декоративных произведений) г. Екатеринбурга по Постановлению главы г. Екатеринбурга от 09.12.2000 №1300 «Об утверждении реестра и содержании скульптурных и монументально-декоративных произведений на территории города Екатеринбурга» (земляные валы на могилах?). Возможно, в него добавлен новый объект – «Маска скорби» Э. Неизвестного (?).

Сведения о том, что объект состоит на учете в Научно-производственном центре по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области, неверны, так как он не имеет статуса ОКН.

В 2016 г. музей М30–50 закрепили за МИЕ, но он давно не обслуживается и фактически не работает много лет. Открывается два раза в год на момент проведения мероприятий. Экспозиция размещена в одной комнате – бумажные копии документов, книги, некоторые вещи, бытовавшие в те времена.

Первые исследования

В 2018 г. директором МИЕ С. Ю. Каменским и его сотрудником А. В. Соуровой при участии студентов было намечено проведение разведочных изысканий с северо-западной стороны от мемориала. Удалось осуществить их частично. Было заложено несколько шурфов 1×2 м. В отдельных вскрытиях была выявлена «красная глина» и замечен «тяжелый запах» (?). Часть остальных была затоплена грунтовыми водами, что не удивительно – шурфы оказались приурочены к осушительной траншее, прокопанной в 1990-х гг. и соединяющейся с руслом сезонного водотока – ручья. При раскопках было найдено несколько артефактов. Они предварительно были атрибутированы как частично относящиеся к археологическому периоду (возраст более 100 лет), на основании этого было решено пре-

кратить вскрытие шурфов и запланировать заявку «Открытого листа».

Автор ознакомился с этими предметами, которые представлены фрагментами посуды из поливной керамики, фаянса, фарфора и стекла, а также из железа — гвозди, проволока и прочее. Такие изделия вероятнее бытовали в первой половине XX в., т. е. артефакты не археологические, а этнографические, периода Новейшей истории. Значение имеют две частично сохранившиеся железные эмалированные (зеленые) тарелки-миски. Мы уверены, что эти вещи принадлежали убитым людям. Важны находки остатков двух гильз от патронов для револьвера наган. Они являются новым свидетельством о применении нагана, после данных СБСМЭ. При их осмотре автор выявил на одной плохо сохранившееся клеймо с датой выпуска патрона — 1931 (-34, -37?) г. Это указывает на то, что артефакты не имеют отношения к археологии, а также — патроны вероятнее были использованы при расстреле заключенных в 1930-х гг.

Новые поисковые научные исследования

На весь полевой сезон 2019 г. автором планировались поисковые и научно-исследовательские работы на территории М30—50 и на окружающих его участках. Целями комплексных работ являлось обнаружение объектов — могил, других искусственных сооружений, их предварительное изучение, определение границ комплекса объектов, подготовка научной документации к приданию ему статуса объекта культурного наследия РФ. Выявленные материалы должны были поступить в МИЕ. Был разработан проект НИР, рассчитаны сметы, приглашены специалисты, но в связи с отсутствием обещанного финансирования областным правительством пришлось осенью 2019 г. ограничиться малым предварительным обследованием района 12 км НТМ. Такая же ситуация повторилась в 2020 г.

Были проведены обследования площади М30—50, местности к югу от него за НМТ, территорий к западу до долины р. Б. Каменки, к северу вдоль границы с/к «Динамо» — западная

часть, центральной полосы от мемориала до стрелкового стадиона, и с востока – до строений новых тиров. Были осмотрены и прилегающие окрестности. Работу осуществляли историки, военные поисковики-археологи Екатеринбургского Военно-исторического клуба «Горный щит» и других отрядов Поискового движения России, членами Российского военно-исторического общества. Кроме ряда исторических объектов мы выявили следы раскопок «черных» копателей!

«12 км НМТ» – географические особенности места

Обследуемая территория принадлежит бассейну р. Исеть. Водосбор происходит с окрестных возвышенностей в заболоченные котловину древнего Карасьего озера и долину р. Б. Каменка и Каменка, текущих из озера на север и впадающих справа в р. Светлую, расположенную параллельно им к западу. Соединение рек происходит севернее СМТ близ устья р. Светлой при правобережном впадении ее в р. Исеть. М30–50 и обследуемая зона расположены на левом западном склоне горного увала, идущего с юга на север, или – на восточном берегу долины р. Б. Каменки.

Флора района обследований соответствует климатической зоне, имеет привязанность к рельефу: в низинах произрастает влаголюбивая луговая и болотная растительность, на возвышенностях и их склонах – смешанный лес с преобладанием березы или сосны, встречается также ель, рябина, осина, ольха, клен, разнообразные кустарники и прочее. Нами выявлены три зоны искусственной посадки дикой яблони и отдельные участки – клена, акации, шиповника (местами естественное распространение).

Поверхность на больших площадях в разной степени задернована, кроме некоторых участков выработок, используемых дорог. На пониженных площадях склона в сторону долины р. Б. Каменки под дерном местами залегают супесчаные отложения, под ними и выше по склону – суглинистые, которые подстилают глины. Местами эти отложения рассекают выходы рыхлого, разрушенного или глыбового, сланцевого скальника.

Встречаются слои с содержанием кварца и, конечно, пятна железосодержащих пород. На возвышенностях есть выходы гранита и сланца. Рельеф формируют и горные выработки с отвалами, частично заросшие соответственно высотам растительностью.

«12 км НМТ» – следы искусственных сооружений

В районе М30–50 были выявлены участки жизнедеятельности человека с разнообразными следами строений и прочих объектов. Территория между двумя трактами рассечена лесоразделительными просеками с ориентацией север – юг. Также в разных направлениях по лесу проходят старые дороги, некоторые заросшие, остальные доступные для проезда или превратившиеся в тропы. Часть из них, вероятно, была проложена еще во времена работы рудника. Некоторые подходят к массовым захоронениям. Изучение старых дорог предполагает особые исследования, к примеру, подобные трассы должны иметь ширину для проезда двух телег, коробов, обычно они подсыпаны и несколько возвышаются над поверхностью, а по сторонам имеют водоотводящие канавки (фрагмент такой дороги мы обнаружили на с/к «Динамо»).

Рассмотрим следы искусственных сооружений, расположенные недалеко от участков с могилами, некоторые из них могли быть связаны с комплексом НКВД (?). К северу – северо-западу от М30–50 на отвалах большого карьера, по которому проходит дорога – тропа, находятся остатки прямоугольного двухкамерного сооружения (около 3×6 м) со следами печи (?). Есть мнение, что это «баня», показательно, что она располагается рядом с двумя затопленными котлованами. Северный карьер, вероятно с шахтой, имеет водное зеркало. Его использует с/к «Динамо» как водонакопитель, на водоеме есть пирс, рядом пробурены глубинные скважины. Когда-то здесь располагалась охрана и сохранилась будка для собаки. Вода качается по железной трубе, проложенной над землей, и идет через лес на территорию с/к «Динамо». На карте конца XX в. карьер обозначается как «Озеро».

Западнее этих объектов (в 20–40 м) находится родник, возможно, он действовал в начале XX в. и ранее. Сейчас, вероятно по причине работы насосной скважины (уровень ее и «озера» ниже родника), он не имеет стока. С юга к роднику примыкает небольшая ровная площадка (около 3×4 м), возможно на месте бывшего сооружения, она заросла кустарником и высокой травяной растительностью.

Неожиданный объект зафиксирован нами к западу – юго-западу от «бани» и «озера», менее чем в ста метрах за упомянутым длинным валом рудничных отвалов. Рядом с границей заболоченной долины реки идет «Сосновая аллея». Ее протяженность порядка 50, а ширина – 3 м. Возраст растущих по относительно прямым двум линиям сосен составляет не менее 100–200 лет. Такое расположение предполагает искусственную периодическую (2 раза?) посадку растений. Смысл ее создания пока загадка. В любом случае это уникальный природно-исторический объект (и реликт первичного леса).

Далее к северу от М30–50 и описанных объектов на одном обширном участке густого соснового леса (до 50–60 лет) в его западной части выявлена прямоугольная площадка, значительно приподнятая над поверхностью (около 4×8 м), на которой располагалось сооружение, определение его функционального назначения требует дополнительного изучения.

Заметим, что рядом с М30–50 углежогных ям пока не выявлено, они начинают встречаться далее к северу, ближе к СМТ (у с/к «Динамо») и за ним. Обнаруженные нами углежогные курганы (есть с двойным рвом) располагаются недалеко от лесных дорог, вероятно, проложенных еще до XX в.

Могилы жертв политических репрессий и объекты рядом с ними

С целью поиска следов массовых захоронений в первую очередь была предварительно обследована площадка М30–50, в результате чего в разных местах были выявлены следы могильных ям. Они имеют разные глубины проваливания (5–15 см)

и формы: округлые, подовальные и подпрямоугольное (одна). Они обнаружены на поверхности плитчатой выстилки на центральной площадке М30–50, от линии музея до западной части комплекса. Осмотр южной дорожки и участка до НМТ (техполосы) результатов пока не дал, здесь видны заросшие травой сплошные колеи от строительной техники, остатки отвалов щебня и прочее.

Мы, возможно, определили утерянное место перезахоронения «31 черепа». На одном из планов конца XX в. показана, сегодня застроенная М30–50, грунтовая дорога, идущая перпендикулярно от НМТ на север в лес вдоль поляны, заканчивающейся примерно в 100 м от тракта. Вероятно, это участок старой горнорудной дороги, идущей с СМТ и далее за НМТ, где мы ее также зафиксировали. В центре открытого места нарисован знак, мы предполагаем, что так отмечено место установки первого креста, каменного обелиска (?), где выкопали и закопали указанные останки. На фотографиях 1990-х гг. (ВС) памятные мероприятия и перезахоронение происходят на большой поляне, и по окрестной растительности нами определены ориентиры, указывающие на северо-западную часть будущего М30–50.

Мы считаем, что этому искомому месту вероятнее соответствует площадка, в центре которой установлен куб с религиозными символами (с 2003 г.). При осмотре этого участка выявлен могильный подпрямоугольный провал под памятным кубом, уходящий немного к западу от него, также с востока от памятника расположен еще один овальный след соседней могильной ямы. Подпрямоугольная форма провала показатель «свежести» ямы.

Таким образом, первичное обследование площадки памятного места, несмотря на срезку почвы тяжелой техникой и утрамбовку разного покрытия при строительстве М30–50, когда были уничтожены рельефные следы – провалы могил, позволило выявить ряд захоронений. После создания комплекса, по прошествии многих лет, при регулярном прохождении убо-

рочных тракторов и вероятно грузовиков, а также многих людей, рыхлое заполнение ям с жертвами еще продавилось и вновь сформировались уже слабо видимые провалы. Можно заключить, что пустоты с останками были раздавлены, спрессованы, повреждены. В результате проведенного визуального анализа площадки М30–50 представляется, что относительно малые, но разноразмерные могилы (радиус в несколько метров) располагались группами.

Заметим, что в общественных публикациях фигурируют траншеи длиной 45 и шириной 4 м и таких якобы кто-то насчитал 12. По слухам, это был участок на месте современного с/к «Динамо» (документальных данных нет). Наши обследования выявили следы больших траншей, менее выраженных в рельефе изначально по причине последующей маскировки у М30–50. Можно предполагать, что они могли располагаться и на территории будущего М30–50, но их внешние ориентиры были срезаны при строительстве. Последнему есть и устное подтверждение одного родственника жертвы репрессий (В. В. Тарик), которому траншеи показал представитель силовых структур в начале 1990-х гг.

Особой задачей была проверка местности к югу от М30–50 за НМТ, наличие там объектов предполагалось рассечением могил НТМ в 1974 г. В 1992 г. это было подтверждено изыскательской стройорганизацией. Наши обследования определили два десятка объектов, которые являются могилами для групповых захоронений. Они располагаются восточнее горнорудных разработок и частично примыкают к ним. Обнаруженные провалы похожи на выработки, есть подозрение и на использование самих рудных ям. Среди них выявлена землянка. Вдоль них, в направлении с севера на юг, прослеживается старая дорога, возможно появившаяся еще в XVIII в. и проходящая через эту часть рудника от СМТ.

При изучении полосы леса западнее М30–50 до ряда открытых карьеров, протянувшихся от НМТ вдоль всей западной части памятного комплекса, и несколько севернее нами выявле-

ны несистемно расположенные овальные провалы (могилы), которые необходимо изучить. На этой границе ближе к НМТ сохранился останец старой поверхности с растущими соснами, подрезанный при строительстве М30–50. Он показывает, что в этом месте почву срезали не менее чем на полметра.

Небольшие ямы выявлены на границе комплекса и леса со стороны НМТ, все они частично завалены мусором. Некоторые из них окружают крайний карьер с юго-востока. Размер объектов без расчистки определить сложно, но вероятно они не превышают в радиусе несколько метров. Возникает предположение, что только близость глубоких карьеров остановила расширение площади М30–50 при строительстве, что спасло могилы от поверхностного уничтожения.

Большая площадь обследовалась нами к северу от М30–50. От края комплекса из северо-западного угла почти в северном направлении, фактически вдоль заболоченной долины р. Б. Каменки, идет дорога, местами она представляет собой тропу или извилистую разной ширины полосу, а ближе к СМТ она переходит в лесоразделительную просеку. Восточнее находится еще одна дорога с ответвлениями, которая пересекает западную дугу кольцевой асфальтовой биатлонной трассы. Найденные могильные ямы начинаются прямо от угла, частично попадают под саму дорогу. Далее по ней они не выявлены.

С севера М30–50 огибает искусственный осушительный канал, прокопанный в западной части по могилам (?) – в 1990-е гг. очевидцы находили там кости (в том числе известные автору военные историки, поисковики). Траншея выведена к северо-западному углу М30–50, где указанную выше дорогу пересекает и небольшое русло сезонного ручья. Ручей к верховьям поднимается на восток – северо-восток. Могильные ямы расположены и за каналом от М30–50 и более чем на сотню метров на север. Севернее канала (в 20–30 метрах) проходит в направлении восток – запад небольшая лесная дорога, ближе к ранее описанной дороге она пересекает русло упомянутого ручья и поворачивает на северо-

запад — в этом месте она пересекает могилы (здесь есть и две пустые).

От первой дороги на север от М30—50 через сотню метров отходят две тропы на запад к долине р. Б. Каменки и на восток. В районе этого перекрестка дорога поднимается на выположенную возвышенность. Здесь располагаются две относительно ровные площадки, на которых возможно помещались строения (наше мнение) — одно с запада, другое (?) с востока от дороги. На площади первого выявлены две ямы, вероятно от погребов или нужника. Гипотетически сооружения могли использоваться под казармы охраны и временного содержания узников. К северу от западной площадки выявлена еще одна яма, вероятно также хозяйственного назначения (сотрудники МИЕ предполагали наличие барака к западу от М30—50, мы этот объект не определили).

В северо-восточном углу перекрестка нами первично обследовано капитальное сооружение, сохранившееся в виде квадратного в плане каменного фундамента. Его размер по продольным осям развала 12×12, по внешнему контуру порядка 15×15 м. Он незначительно возвышается с юга и более высоко — с запада, севера и востока (северная сторона является склоном рассматриваемой возвышенности с перекрестком). Интересна его ориентация, которая соответствует направлениям света (север — юг / запад — восток). Высота фундаментов с внутренней части сооружения превышает полтора метра и ранее, вероятно, была не ниже 2 м. Ширина фундамента была не менее полуметра, сейчас в развалинах — более 1–2 м. Кладка на первый взгляд сложена из необработанных ломаных и колотых разноразмерных блоков и кусков темного сланца, гранита и серого мраморизированного известняка. Конструктивная особенность объекта состоит в том, что с востока фундамент разрезан до основания (пола) проемом шириной около 2 м, при этом вырезка коснулась и самого склона возвышенности. Предполагаем, что здесь был вход в полуподвальный этаж через небольшие ворота. С западной стороны в центре тоже проем, но узкий порядка

полуметра и не до дна помещения – окно (?). Само здание, когда-то стоящее на этом фундаменте, вероятно, было мощным бревенчатым одноэтажным (?). По словам очевидца, яма (подвал) была основательно завалена мусором, но в 1990-е гг. его вывезли (?). Тем не менее, при поверхностном осмотре мы нашли фрагмент крышки цинка – ящика для патронов винтовки Мосина. Крепость сооружения с мощным фундаментом, воротный проем и находка части ящика позволяет предположить, что нижний этаж использовали как склад и, может, арсенал. Если с этим согласиться, то и здание можно считать основным строением представителей НКВД в этой части зоны. На части фундамента выросли деревья, возраст которых около 60–80 лет. Изначально дом мог принадлежать рудокопам. Восточнее этого объекта выявлена еще одна меньшего размера возвышенная плоская площадка неопределенного назначения.

От перекрестка на запад идет тропа к долине реки и после своротка на север она подходит к «Сосновой аллее». На восток от перекрестка мимо «дома» уходит дорога-тропа. Вдоль нее расположены могилы, которые встречаются на протяжении более 60 м. Южнее этой дорожки за отдельными могилами перпендикулярно дороге предварительно определены порядка пяти траншейных могил (около 4×30 м). Три из них между собой имеют небольшие возвышающиеся валообразные промежутки, до следующей полосы не менее десятка метров, и примерно аналогично до последней. Эти особые могилы протянулись от перекрестка к востоку на расстояние порядка 100 м. Они заканчиваются у дорожки, которая идет с севера (от юго-западного угла стадиона с/к «Динамо») на юг и выходит примерно на середину М30–50. Возможно, еще одна траншея расположена за дорожкой с востока.

В юго-восточном углу от перекрестка до могил расположен округлый горнорудный карьер диаметром порядка 30 м и глубиной до 3 м. Первая траншея по длине к южной трети имеет невыразительную перемычку и за ней большее заглубление. Остальные траншеи «рекультивированы», выровнены и в релье-

фе малозаметны. Южнее трех первых траншей в сторону М30–50 расположены, возможно, одна-две меньшего размера траншейные могилы с продольной ориентацией (запад – восток), далее идут могилы у северной дороги и осушительной траншеи.

От описанного места к северу до с/к «Динамо» и к востоку до новых тиров могил нами не выявлено (возможно, одна), для окончательной проверки необходимы подробные изыскания. Можно предположить, что если они и есть, то основательно рекультивированы с отсутствием провалов и визуально их определить сложно. Исходя из ситуации, обозначенной нашими исследованиями, предлагаем для выявленной территории распространения могил название «Южная зона массовых казней и захоронений» (ЮЗМКЗ).

Уточним, ЮЗМКЗ в северной части имеет протяженность с запада на восток порядка 100 м, затем к М30–50 она неравномерно сужается до ширины около 50–60 м в сторону устья ручья, затем после него предположительно вновь расширяется на территории М30–50 до прежних показателей, далее опять идет пока неопределимое сужение к и под НМТ, а за ним к югу ширина полосы захоронений вновь сужается до 50–30 м (?). На данный момент мы считаем, что протяженность ЮЗМКЗ с севера на юг составляла порядка 400–500 м. Общая площадь ЮЗМКЗ может составлять 25–35 тыс. кв. м.

Соответственно, место с могилами, предварительно выявленными нами и частично разрушенными ранее на территории с/к «Динамо», мы назвали «Северная зона массовых казней и захоронений» (СЗМКЗ), ее изучение должно быть предварено дополнительными решениями.

В процессе проведения первых поисковых НИР мы пришли к пониманию, что существуют отдельные места, где проходили казни и сокрытие жертв репрессий. Известно, что открытие массовых захоронений произошло в 1960-е и 1970-е гг., один участок расположен на территории действующего спорткомплекса, второй – в районе 12 км НМТ. «Внезапные» раскопки 1990 г. ситуацию не изменили. Ограниченные изыскания строителей

в 1992 г. вновь лишь подтвердили их нахождение у 12 км, хотя и несколько расширили участок их распространения, обозначив границы расположения могил, окружив точки своих «кантропологических» бурений. Известным для всех местом должно было остаться только место рытья 1990 г., где и планировали строительство М30–50.

До настоящего времени большинство людей, связанных или знакомых с М30–50, считают, что массовые захоронения находятся ограничено под самим М30–50; другие, что они распространяются до с/к «Динамо» включительно, третьи, что они занимают весь этот район во все стороны за СМТ и НМТ (в этом случае можно насчитать и больше «94 га»). Наши предварительные разведочные работы позволяют заявить о двух отдельных, ограниченных в своей территории зонах убийств и сокрытия тел.

Предварительное обследование территории между СЗМКЗ и ЮЗМКЗ не дали результатов на наличие могил. Динамовскую зону мы выделяем на основании нашего первичного профессионального осмотра, а не слухов об открытиях 1960-х гг. При этом мы выявили участок старой горнорудной дороги, рядом с которой находится площадка с «рекультивированными» захоронениями, которая недавно была частично завалена скальным грунтом с возведением на нем нового здания – очередной акт вандализма. Мы думаем, что вопрос с этим местом разрешим (изучение и перезахоронение – вынос с территории спорткомплекса, или компактное перезахоронение на месте, или другое).

Заезд в зону НКВД вероятнее располагался с востока – северо-востока с СМТ, сложно сейчас утверждать, где раньше по времени начали приводить приговоры в исполнение, здесь (с/к «Динамо») или в глубине леса (12 км НМТ), или одновременно, в какие годы активная «деятельность» проводилась на том или другом месте. Не можем мы пока определить все захоронения и датировать каждое из них, но такая работа начата. Изучение и идентификация останков жертв дело будущего, надеюсь.

Обратим внимание на нахождение объектов между карьерами и на их окраинах. Выкопанные ямы для казненных людей после их закрытия и проваливания приобретали схожесть с шурфами горной выработки, таким образом, объекты самомаскировались (естественный способ). Могилы располагались и выше низинных участков, на более высоких «террасах», соответственно более сухих, чем могила типа «31 череп». Этот вывод может быть важным в определении степени сохранности останков, особенностей их изучения.

Природные участки с захоронениями различны. С юга от НМТ — это в основном березовый лес с примесью сосны, с запада памятного комплекса — сосновый лес с примесью елей. С севера от М30–50 — смешанный лес с участками преобладания сосны или березы и с площадкой искусственных посадок (дикая яблоня).

Как отмечали, мы выявили три площадки искусственных лесопосадок — это расположенные параллельными рядами старые яблони («Яблонево́й сад» — ЯС). Максимальная толщина ствола деревьев в южном ЯС более 30 см — возраст порядка 50 лет, можно учесть и время стояния сухих погибших деревьев до их падения — это могут быть годы. Следующий севернее ЯС состоит на первый взгляд из более молодых яблонь, занимающих небольшую вытянутую подтреугольную площадку. Крайний северный аналогичен первому и посажен на прямоугольной площадке.

Расстояния между линиями деревьев примерно 4–5 м, шаг между ними аналогичный. При этом найдены цепочки подготовленных ям (радиус около 1 метра, современная глубина 10–15 см) для посадок саженцев. Ямками, возможно, не воспользовались, или саженцы в них погибли, но их не заменяли, что также говорит о одновременности работ. В северной части ЮЗМКЗ основной участок имеет размер около 35×50 м, и под ним находятся три траншеи с предполагаемыми захоронениями (далее еще небольшой). Два северных ЯС расположены примерно в 100 и 200 м от южного, к ним примешиваются клены и ака-

ция. По итогам поверхностного осмотра под ними могил не определено (требуется дополнительные изыскания). Не стоит исключать, что эти «дополнительные» посадки сделаны специально и должны были отвлечь внимание от южного ЯС, который маскировал траншейные погребения (?). Исходя из предполагаемого возраста яблонь, они могли быть посажены на рубеже 1960–1970-х гг., что совпадает с периодом строительства биатлонного с/к «Динамо». Это также подтверждает гипотезу о «рекультивации» – маскировке некоторых захоронений, а именно траншей.

Предшествующие мнения специалистов (отчет МИЕ 2018 г.) о том, что это экспериментальные посадки «Зеленстроя», элементы благоустройства пионерлагеря или спорткомплекса (за исключением акации?), считаем неправильными.

Отметим также обнаруженные около ЮЗМКЗ с обеих сторон от НМТ небольшие безлесные открытые участки, заросшие высокой травяной растительностью. Подобная ситуация была выявлена на одной из траншей, поэтому эти были проверены. Почвы на полянах легко протыкались щупами, но при исследовании было определено, что материковый грунт мягкий от переувлажнения, но не переотложенный. Возможно, это объясняется под давлением грунтовых вод именно на этих местах, связанных с гидрологическими и геологическими особенностями этих участков (?).

Предварительный итог первых поисковых НИР

Таким образом, в результате первичных полевых обследований в районе М30–50 осенью 2019, 2020 и летом 2021 гг. были определены общие особенности рельефа, растительности, гидрологии, поверхностного состава почв, выявлены следы и сами искусственные объекты (посадки, сооружения, дороги). Предварительно среди горнорудных выработок выявлены несколько десятков разнотипных могил с массовыми захоронениями. Две из них были проверены, при этом одна оказалась пустая – рекультивированная, вторая – с десятками жертв

(по расчетам). К другим выявленным объектам относятся – свалка ломаных лопат и место стрелковых тренировок представителей НКВД. В ЮЗМКЗ после проведения комплексных детальных поисковых научных изысканий и исследований можно будет приступить к обозначению и обследованию предметов охраны объектов, разработке границы ЮЗМКЗ, включая прилегающие охранные зоны. Но главное – к изучению истории этого периода уничтожения людей, восстановлению их имен, достойному перезахоронению их останков, что даст возможность реально, а не символически восстановить память о них, в том числе через полноценное развитие музея на основании новых материалов.

В дальнейшем необходимо продолжать расширенные многоплановые комплексные исследования, для чего необходима дальнейшая отработка проекта изысканий и исследований и соответствующее финансирование. Для реальных и полноценных, а не формальных работ особо важно привлечение опытных военных поисковиков-археологов, многие годы серьезно занимающихся подобными темами и объектами. Ряд направлений из этих работ должны явиться основой разработки документации для постановки объекта на государственную охрану, например, как Мемориального кладбища.

**ПРИЛОЖЕНИЕ. ПЕРЕЧЕНЬ МЕСТ МАССОВЫХ
ЗАХОРОНЕНИЙ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ,
ВЫЯВЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ПМ-2

ФЕДЕРАЛЬНАЯ
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ФСБ России)

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИСТРАЦИИ
И АРХИВНЫХ ФОНДОВ

08.10.2013 10/А-4243

г. Москва, 101000

Экз. NQ 1

Советнику Президента Российской Федерации,
Председателю Совета по развитию гражданского
общества и правам человека
М. А. ФЕДОТОВУ

Уважаемый Михаил Александрович!

В рамках деятельности межведомственной рабочей группы по подготовке предложений, направленных на реализацию программы по увековечению памяти жертв политических ре-

прессий, утвержденной Распоряжением Президента Российской Федерации N2 819-рп от 27 декабря 2011 г., в ФСБ России проведена комплексная работа по выявлению документов, необходимых для создания перечня мест массовых захоронений жертв политических репрессий.

По данным территориальных органов безопасности, органов власти и местного самоуправления установлено 66 мест массовых захоронений, имеющих документальное подтверждение, из них 60 находятся в ведении администраций и признаны официальными.

Перечень мест массовых захоронений жертв политических репрессий, выявленных на территории Российской Федерации в результате работы, проведенной в 2013 г., прилагается.

Приложение: по тексту, несекретно, на 5 листах, только в адрес.

Начальник Управления

В. С. Христофоров

60751

15.10.2013 15:56

Экз. 1

*С уважением,
В. Христофоров*

**ПЕРЕЧЕНЬ МЕСТ МАССОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ
ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ,
ВЫЯВЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

п/п	Город	Кол-во мест	Находятся в ведении администраций	Не находятся в ведении администраций
1	2	3	4	5
	Владивосток	2	1	1. г. Владивосток, р-он «2-я речка», территория передана в ведение Владивостокской епархии
2	Вологда	1	1	
3	Воронеж	2	2	
4	Горно-Алтайск	2	2	
5	Екатеринбург	1		
6	Иваново	2	2	
7	Ижевск	4	4	

Признаны официальными кладбищами (захоронениями)	Примечания
6	7
1. г. Владивосток, во рвах Владивостокской крепости (обнаружено в 2009 г.), перезахоронение осуществлено в 2010 г. на кладбище «Лесное»	
1. д. Чашниково, Поминальная часовня	
1. г. Воронеж, пос. Дубровка, Мемориальное кладбище; 2. Бобровский р-он, с. Лушниковка, кладбище	
1. г. Горно-Алтайск, памятник; 2. г. Горно-Алтайск, Улалинская стоянка, памятный крест литовским ссыльным	
12 км Московского тракта, Мемориальный комплекс	
1. г. Иваново, городское кладбище, м. Балино; 2. г. Иваново, бывшее «Бурылинское кладбище»	
1. Памятник «Скорбь»; 2. Барельеф; 3. г. Можга, Закладной камень; 4. г. Глазов, Памятник	

п/п	Город	Кол-во мест	Находятся в ведении администраций	Не находятся в ведении администраций
8	Иркутск	2	2	
9	Йошкар-Ола	1	1	
10	Йошкар-Ола		1	
11	Киров	2	2	
12	Красноярск	2	2	
13	Курск		1	
14	Москва (УФСБ)	3	3	
15	Оренбург		1	

Признаны официальными кладбищами (захоронениями)	Примечания
1. Пос. Пивовариха (район г. Иркутска) 2. г. Киренск, Хабаровское кладбище, братская могила	
Мендурское кладбище, РМЭ, Медведевский р-он 8-й кв. Черемушкинского лесничества	
1. Архангельское кладбище. Памятные стелы с именами	
1. г. Киров, Мезринское кладбище; 2. г. Слободской, ул. Советская	
1. г. Минусинск, гора Лысуха (по материалам Муниципального казенного учреждения «Архи» города Минусинска); 2. Берег озера «Лама», захоронение прибалтийских офицеров, скончавшихся в лагере (по материалам Муниципального казенного учреждения «Норильский городской архив»)	
1. Урочище Солянка.	
1. Бутово 2. Коммунарка 3. Донское кладбище	
1. Зауральная роща парка им. В. П. Чкалова	

п/п	Город	Кол-во мест	Находятся в ведении администраций	Не находятся в ведении администраций
16	Петрозаводск	5	5	
17	С-Петербург	1	1	
18	Самара	1	1	
19	Саратов	2	1	с. Багаевка, кладбище, по воспоминаниям очевидцев, отраженных в книге авторского коллектива УФСБ

Признаны официальными кладбищами (захоронениями)	Примечания
<p>1. Лесной массив в 22 кв. Гакугского лесничества на 9-м км. тракта Пудож – Вытегра (на лесопункт Черная речка), памятник ЖПР, месту придан статус кладбища;</p> <p>2. Зарецкое кладбище г. Петрозаводска, памятный крест;</p> <p>3. Кемское городское кладбище, памятный крест;</p> <p>4. Урочище Сандармох Медвежьегорского р-на, памятник;</p> <p>5. Мемориальное кладбище «Краснь» Прионежского р-на</p>	
Левашовское мемориальное кладбище	
1 . Памятник «Спас» жертвам политических репрессий	
г. Саратов, Воскресенское кладбище	

п/п	Город	Кол-во мест	Находятся в ведении администраций	Не находятся в ведении администраций
20	Смоленск	4	0	1. г. Смоленск, Братское кладбище 2. Урочище «Горы», (Катынский лес); 3. 423 км ж/д магистрали Москва – Минск; 4. Семеновская дача, р-он г. Велижа
21	Сыктывкар	5	5	
22	Тамбов	1	1	
23	Тверь	2	2	
24	Томск	3	3	
25	Тула	1	1	

Признаны официальными кладбищами (захоронениями)	Примечания
	Планируется создание единого центра памяти жертв политических репрессий на базе мемориального комплекса «Катынь»
<p>1. п. Абезь, кладбище заключенных;</p> <p>2. г. Ухта, кладбище репрессированных;</p> <p>3. м. Ичет-ди, с.п. Дутово, кладбище жертв режима;</p> <p>4. г. Инта, старое кладбище;</p> <p>5. п. Усть-Лэкчим, захоронение жертв ежима</p>	
«Петропавловское кладбище»	
<p>1. с. Медное, мемориальный комплекс «Медное»;</p> <p>2. г. Тверь, Волынское кладбище</p>	
<p>1. г. Томск, Каштачная гора;</p> <p>2. г. Колпашево, Колпашевский Яр;</p> <p>3. г. Асино, кладбище заключенных</p>	
Лесной массив Тесницкого военного лесничества.	

п/п	Город	Кол-во мест	Находятся в ведении администраций	Не находятся в ведении администраций
26	Тюмень	4	4	
27	Уфа	1		
28	Хабаровск	2	2	
29	Челябинск	1	1	
30	Чита		1	
31	Ю-Сахалинск	4	4	
32	Ярославль	1	1	
Итого:		66	60	6

Признаны официальными кладбищами (захоронениями)	Примечания
1. г. Тюмень, Текутьевское кладбище; 2. г. Тюмень, Затюменское кладбище; 3. г. Тюмень, р-он Березовой рощи по ул. Федорова; 4. г. Тобольск, на территории городской тюрьмы;	
1. Сергиевское кладбище.	
1. г. Хабаровск, городское кладбище; 2. г. Николаевск-на Амуре, городское кладбище	
«Золотая Гора» Мемориальный комплекс	
г. Чита, памятник «Братская могила жертв политических репрессий».	
1. Александровск-Сахалинский; 2. п.г.т. Ноглинка; 3. г. Оха; 4. с. Оноры	
1. д. Селифонтово, Памятник с поименным списком.	
60	

10/А-4244

ГЛАВА 8. МАСШТАБЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА В СССР И ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ. (В. М. КИРИЛЛОВ)

Проблема политического террора в советском государстве по-прежнему неоднозначно понимается и трактуется в современном российском обществе. С одной стороны, в начале 1990-х гг. репрессивные методы управления страной получили однозначно отрицательную оценку со стороны государственной власти и были приняты основополагающие законы, которые заложили основу массовой реабилитации.

С другой стороны, в начале 2000-х гг. реабилитационный процесс стал сворачиваться и власти предрержащие сделали вид, что реабилитация завершена. Более того, в России поднялась очередная волна рестаилинизации, которая достигла пика к настоящему времени.

Законодательная база реабилитационной политики имеет свою историю развития, начиная с середины 1950-х гг. А. Н. Яковлев^[1151] так обозначил начальную точку отсчета процесса реабилитации: « [...] после смерти Сталина, его одноверцы физически чувствовали кровь на своих руках. Они начали процесс реабилитации. Начали с родственников правящей элиты, жен Молотова, Калинина, брата Кагановича и др. И все втихую, чтобы никто не знал. Но жизнь пережить трудно. Страх, разные манипуляции, вранье, политические зигзаги мало помогали. На диктатуру уровня Сталина не было ни сил, ни времени. Правда постепенно выходила из-под контроля власть предрержащих»^[1152].

Вопрос о личной ответственности высшей партийной верхушки «незримо присутствовал на заседаниях Президиума ЦК, едва речь заходила об отношении к наследию Сталина и об обнародовании информации о репрессиях». В мемуарных высказываниях Микояна, Хрущева определены мотивы постановки вопроса о репрессиях на XX съезде партии. Они полагали, что лучше самим рассказать хотя бы часть правды, прежде чем «за это возьмется кто-то другой». Например, Микоян считал, что такая информация «могла бы показать делегатам съезда, что всю правду о сталинских преступлениях его бывшие соратники узнали недавно, в результате специального изучения, предпринятого комиссией Поспелова. Тем самым члены Президиума ЦК пытались снять с себя вину за кровавый террор». Как бы то ни было, с момента доклада Хрущева на XX съезде партии «критика сталинизма и неразрывно связанных с ним преступлений стала публичной. Открылся новый этап в реабилитации жертв репрессий»^[1153].

В современных исследованиях историков^[1154] выделяется несколько периодов и этапов в развитии реабилитационной политики. Началом первого периода считается принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», окончанием — начало 1980-х гг.

Уже в конце 1953 г. Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву были доложены примерные цифры, характеризующие масштабы репрессий: «органами ВЧК-ОГПУ-НКВД было арестовано в 1921–1929 гг. более миллиона человек; в 1930–1936 гг. — более 2,2 миллиона; в 1937–1938 гг. — более полутора миллиона, в том числе осуждено к высшей мере наказания 681 692 человека; в 1939–1953 гг. арестовано более одного миллиона ста тысяч человек»^[1155]. Однако тогда это знание не стало основой для массовой реабилитации.

Второй импульс официальной реабилитационной политике был дан в период Перестройки, в частности, образованием 28 сентября 1987 г. Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг.

Принятый 18 октября 1991 г. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» ознаменовал начало третьего периода, который характеризуется как время «массовой реабилитации». На основании данного закона должна была проводиться процедура реабилитации всех оставшихся категорий жертв необоснованных репрессий, а государство должно было заняться восстановлением нарушенных прав этих граждан, возместить ущерб, причиненный незаконным применением к ним политических репрессий, и увековечить память погибших.

Первый период (*«начальный», по определению Е. Г. Путиловой*), в свою очередь, делится на три этапа. На первом этапе (1953–1956 гг.) понятие «реабилитации» приравнивалось к «амнистии», так как происходило досрочное освобождение политических заключенных, нахождение которых под стражей более не вызывалось необходимостью. Если до 1953 г. амнистия политических заключенных была скорее исключением из правила (так как под амнистию попадали в первую очередь уголовники), то с 1954–1955 гг., а особенно с 1956 г., с началом работы комиссий по освобождению, реабилитация осуществлялась в виде разгрузки лагерей.

Происходило освобождение со спецпоселения депортированных народов и других категорий спецконтингента, репрессированных по политическим мотивам. Одновременно закладывались основы системы социальных компенсаций жертвам репрессий, в т. ч. льготы по предоставлению жилья, пенсионное обеспечение.

По данным А. Н. Яковлева, «в мае 1954 г. начала работу Центральная комиссия по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления [...] созданы аналогичные комиссии на местах [...] Для изучения положения спецпоселенцев была образована комиссия под председательством Ворошилова». Механизм реабилитации был сложным, и работа шла очень медленно. С мая 1954 г. начинается период массового пересмотра дел. Набирал обороты и процесс индивидуального пересмотра

дел, отмены приговоров, реабилитации на основе личных заявлений в судебном порядке (или заявлений родственников по делам расстрелянных).

Второй этап начального периода реабилитации (1956 – начало 1960-х гг.) отличался более организованным и массовым характером освобождения политических заключенных и расширением социальных гарантий, в частности снятием судимости и всех связанных с осуждением ограничений прав. Согласно официальным данным, только во время первой волны реабилитации (1954–1962 гг.) – ежегодно реабилитировали около 30 тысяч чел., в общей сложности – 258 322 чел.^[1156]. Однако лишь немногие из жертв репрессий удостоились гласной, публичной реабилитации. Широкая общественность, народ были, как и прежде, в неведении о том, скольким людям возвращено полноправие и кто они, какие государственные органы занимаются этой важной гуманной работой.

Третий этап начального периода государственной реабилитационной политики (начало 1960-х – начало 1980-х гг.) характеризуется свертыванием процессов реабилитации. На этом фоне происходит зарождение общественного движения по защите прав и увековечению памяти жертв политических репрессий. Всего, по данным общества «Мемориал», за период с 1962 по 1983 гг. было реабилитировано 157 055 чел.^[1157].

На этом этапе произошло событие, очень важное для дальнейшего развития реабилитационного процесса. В 1961 г. начала действовать комиссия Президиума ЦК КПСС во главе с председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. М. Шверником, которая через три года работы пришла к истине революционному выводу – «все судебные процессы 30-х годов комиссия признала сфальсифицированными, а их участников подлежащими реабилитации»^[1158]. Однако документы этой комиссии о расследовании политических процессов 1930-х годов и так называемом «военно-фашистском заговоре» в Красной армии были упрятаны на «совершенно секретное» хранение в архиве.

Вторая половина 1980-х – 1990-е гг. характеризуется расширением понятия «реабилитация»: теперь под реабилитацией стало подразумеваться не только восстановление социальной и юридической справедливости по отношению к жертвам политических репрессий, но и увековечение их памяти. Кроме этого, указанный период отличается появлением общественных организаций по увековечению памяти жертв репрессий, а также их тесным сотрудничеством с государственными органами в решении вопросов разработки реабилитационного законодательства.

Начало 2000-х гг. – переломный период в государственной реабилитационной политике: заявления правительства РФ о сворачивании процесса реабилитации привели к возникновению разногласий между властью и общественными организациями. Последние, в свою очередь, настаивают на том, что процесс реабилитации не только не должен останавливаться, но и на том, что требуется серьезное совершенствование его законодательной базы^[1159].

Всего за период 1988–1989 гг. были пересмотрены дела 856 582 чел., из них реабилитировано – 844 740^[1160]. Согласно Протоколу №11 Заседания Комиссии от 29 мая 1990 г. «Об итогах реабилитации»: в 1988–1989 и первой половине 1990-го гг. реабилитировано около 1 млн чел. Именно в этот период Политбюро ЦК КПСС, наконец, признало, что в 1930–1950-е годы «имела место практика массовых репрессий и произвола»^[1161] и что «полной реабилитации всех невинно репрессированных, увековечения их памяти ждут общественность, родственники и близкие пострадавших»^[1162].

В настоящее время законодательство о реабилитации в корне изменилось. Оно опирается на законы РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 и «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991. На их основе разработан механизм реабилитации, который воплощен в целом ряде документов.

Согласно формулировке закона от 18.10.1991, «Политическими репрессиями признаются различные меры принужде-

ния, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворение из страны и лишение гражданства, выселение групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду, в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами или их органами, наделявшимися административными полномочиями»^[1163].

Согласно трактовке этих законов определены массовые категории жертв политических репрессий. Первая из них – арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности и приговоренные к смертной казни, к заключению в лагерях и тюрьмах, к ссылке или иным видам наказания. Арест «органами» сопровождался изнурительными допросами, пытками и длительным сроком содержания в следственном изоляторе, даже в случае последующего освобождения. Поэтому, на наш взгляд, арестованные и затем освобожденные за недоказанностью преступления также подлежат реабилитации.

По нашим оценкам, только в период 1921–1953 гг. за так называемые контрреволюционные преступления было арестовано около 4,5 млн чел. и из них осуждено около 3 млн. Если же учесть, что разделение на «контрреволюционные преступления» и «прочие» проводившими арест и осуждение внесудебными органами (ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ) чисто условно и нарушает нормы права, то арестованных окажется 5 951 364 чел., а осужденных – 4 060 306 чел.^[1164]. По оценке Международного общества «Мемориал» за «период с 1921 по 1985 г. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 млн чел.»^[1165].

Вторая категория – административно высланные крестьяне. Через «кулацкую ссылку» прошли около 2,5 млн чел., куда помимо раскулаченных крестьян (1,8 млн) входили направленные на спецпоселение «сомнительный элемент» из погранзон, городской деклассированный элемент и др.^[1166]. По оценке «Мемориала» в 1930–1933 гг. деревню вынужденно покинули от 3 до 4,5 млн чел., из которых 1,8 млн стали «спецпоселенцами»^[1167].

Третья категория – депортированные народы. По оценке ведущих специалистов по проблемам спецссылки и депортации (В. Н. Земсков, Н. Ф. Бугай, П. М. Полян) в период с середины 1930-х по начало 1950-х гг. насильственному выселению были подвергнуты представители 61 национальности общим количеством более 3,6 млн чел. (в 1939–1941 гг. из Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии, Бессарабии депортировано 400 000 чел.). Среди них преобладали депортированные народы – около 2,6 млн чел.^[1168].

П. М. Полян масштабы «внутренних» депортаций в СССР определяет числом 6 млн чел., а «международных» (ввоз в СССР) – 5,8 млн чел. (репатрианты 1944–1952 гг. и «вестарбайтеры» 1945 г.)^[1169].

Таким образом, только в рамках законов 1990-х гг. реабилитации подлежат от 12 млн чел. (по нашим оценкам) до 13 млн чел. (по подсчетам общества «Мемориал»).

В целом, согласно данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ об исполнении Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»: за период с 1991 по 1 января 2009 г. закон «О реабилитации» был реализован в отношении 3 972 140 чел.^[1170].

В тексте «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» (2015 г.) сказано, что в 1991–2014 гг. были реабилитированы 3 510 818 чел., а также признаны подвергшимися политическим репрессиям и реабилитированы 264 085 чел. (детей репрессированных лиц).

На сегодняшний день нет полной ясности в официальных данных о количестве репрессированных и реабилитированных граждан России. По подсчетам Е. Г. Путиловой, за период с 1954 по начало 2009 гг. реабилитировано 5 387 517 чел.^[1171]. При этом следует учесть, что до момента распада СССР реабилитация шла не только в России, а после 1991 г. она продолжилась в бывших республиках единой страны более высокими темпами, чем в Российской Федерации. И эти последние цифры нам неизвестны.

Полагаться на результаты, достигнутые в области российского реабилитационного законодательства, на наш взгляд, не совсем правильно. Как справедливо отмечается во вступительной статье И. В. Безбородовой к четвертому тому серии «История сталинского Гулага», «Уголовное законодательство и подзаконные акты сталинского режима были направлены на превентивное подавление возможно недовольных слоев населения для удержания власти в условиях экономических трудностей и политических угроз. Поэтому, с точки зрения современного демократического общества, количество заключенных, осужденных несправедливо, значительно превышает численность осужденных непосредственно „за контрреволюционные преступления“, о чем говорят и весьма суровые сроки наказания»^[1172].

Если подходить к вопросу с точки зрения международного права и признать, что основой существования советской экономики являлась принудительная система организации труда, то следует говорить о нарушении прав миллионов людей.

По нашим подсчетам, основанным на статистике Верховного суда СССР, в период с 1921 по 1956 гг. было подвергнуто аресту минимум 46,6 млн чел., т. е. около 1,3 млн ежегодно. Конечно, политика репрессий имела свою логику и средние подсчеты здесь не совсем уместны. Так, в 1921–1936 г. арестовано 3 260 678 чел., в 1937–1938 г. – 1 575 259 чел., а в 1939–1956 г. осуждено 41 792 241 чел., из которых по указам военного времени – 17 961 429 чел. Количество осужденных за период с 1921 по 1956 гг. составило более 44,9 млн чел.^[1173].

Из вышеприведенного количества органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ в период 1921–1953 г. осуждено 4 060 306 чел. Они были наказаны следующим образом: к ВМН 799 445 чел. (только в 1937–1938 г. – 681 692 чел.); к лишению свободы на разные сроки, в диапазоне от 25 (таковых с 1937 по 1953 гг. – 235 637 чел.) до 2 лет – 2 631 397 чел.; к ссылке (1921–1953 г.) – 413 512 чел., а с учетом «кулаков» (2,5 млн чел.), депортированных национальных групп и народов (3,6 млн чел.), всего – 6 513 512 чел.; к «прочим» видам – 215 942 чел.

По сведениям Президиума Верховного Совета СССР за 1940 – первую половину 1955 г. было осуждено 35 829 866 чел., из них к ВМН – 255 781 (0,7%), к лишению свободы – 15 108 738 чел. (42,2%), к штрафу, исправительно-трудовым работам и другим мерам наказания – 20 465 347 чел. (57,1%).

Достаточно приблизительно можно подсчитать количество осужденных к разным видам наказания за период 1921–1956 гг.: ВМН – более 813 тыс. чел.; лишение свободы на разные сроки – более 15 млн чел.; ссылка, с учетом раскулаченных крестьян и депортированных народов – около 6,5 млн чел.; приговоренных к исправительно-трудовым работам – 17 885 512 чел.; к «прочим» видам наказаний (условное осуждение, штрафы, общественное порицание и др.) – 3 644 815 чел. Таким образом, через ИТЛ, ИТК, тюрьмы и спецссылку в СССР прошло около 21,5 млн чел. В Гулаге за 1930–1956 гг. погибло более 3,6 млн чел.: умерло более 1,6 млн чел., расстреляно более 813 000 чел., скончались от голода и болезней во время спецпереселения около 1,2 млн чел.^[1174].

Понятно, что среди этих миллионов был значительный процент осужденных за тяжкие, чисто уголовные преступления (убийства, вооруженные ограбления, рецидивное воровство, изнасилование, разбойное хулиганство) и все они находятся вне поля реабилитационного процесса. Однако таковых было (по подсчетам И. В. Безбородовой), например, в 1951 г. – 10%, в 1956 г. – около 30%.

В связи с оценкой процесса реабилитации А. Н. Яковлев сделал весьма актуальный и в наше время вывод: «Политическая реабилитация в СССР всегда была лакмусовой бумагой для выявления политических настроений правящей элиты, для определения действительных устремлений и возможностей власти по реформированию общественной жизни, соблюдению конституционных прав и свобод граждан. Реабилитацию поэтому невозможно рассматривать вне общего контекста развития страны. Ее периодизация почти зеркально повторяет этапы общественно-политической эволюции советского общества»^[1175].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СВЕДЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1936 г. в Свердловской области было арестовано 2428 чел., в 1937 г. – 28 724, в 1938 г. – 17 016 чел., т. е. всего арестовано – 48 168 чел. Сколько из них осуждено, точно неизвестно, а приговорено к ВМН – около 21 тыс.^[1176].

В интервью, которое дал в 2014 г. подполковник ФСБ в отставке В. А. Киеня (он в составе специальной группы Свердловской области занимался реабилитацией советских политзаключенных в 1990-х гг.), сказано, что было пересмотрено около 100 тыс. дел репрессированных, из которых примерно 6 тыс. не подлежали реабилитации^[1177].

В предисловии к «Книге памяти», за авторством Свердловской областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, говорится, что за 1937–1938 гг. в Свердловской области по «политическим» статьям было возбуждено 14 885 дел на 45 823 чел. При этом 99% дел, по мнению представителей комиссии, являются фальсифицированными.

В 10 томах Книги памяти Свердловской области увековечены имена 36 540 персоналий реабилитированных, а в фонде Р-1 Оп. 2 Государственного архива административных органов Свердловской области общее количество дел реабилитированных, переданных на хранение от ФСБ, составляет 79 085 единиц хранения, в базе данных ФСБ относительно репрессированных жителей Свердловской области 58 877 записей, так и остается неизвестным точное количество репрессированных и реабилитированных^[1178].

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
И РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В СССР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
И В НИЖНЕТАГИЛЬСКОМ
РЕГИОНЕ УРАЛА
(1926–1951 ГГ.)**

Кириллов В. М. История репрессий
в Нижнетагильском регионе Урала.
1920–1950 годы. Нижний Тагил, 1996.
Ч. 2. С. 233–237

Годы	Регион	Численность населения (тыс. чел.)	Лишенные избирательных прав
1926	Уральская область	6 800 000	67 644 (1927 г.)
	Нижнетагильский округ	437 760	4 304 (1927 г.)
	Нижний Тагил	38 800	559
1932	СССР	163 600 000	2 000 000* по РСФСР (1927 г.)
	Свердловская область	4 069 500	
	Нижнетагильский округ	650 000*	6 000*
	Нижний Тагил	115 000 (июнь)	1 000*
1933	СССР	165 700 000	2 000 000*
	Свердловская область	4 189 800	
	Нижнетагильский округ	680 000*	6 000*
	Нижний Тагил	125 000	1 500*
1934	СССР	164 000 000	2 000 000*
	Свердловская область	4 132 300	30 000*
	Нижнетагильский округ	680 000*	6 000*
	Нижний Тагил	147 500	1530
1935	СССР	158 167 000	2 000 000*
	Уральская область	3 985 100	30 000*
	Нижнетагильский округ	680 000*	7 000*
	Нижний Тагил	159 500	1 800*

Спецпоселенцы	Заключенные (ИТЛ, ИТК, тюрьмы)	Всего репрессированных (числ. – абс./ знам. – %)
		67 644 / 1
	8495 (1925 г.)	12 799 / 2,9*
		559 / 1,4
1317022		3317022 / 2*
232 000*		232 000 / 5,7*
198 920		205 000 / 31,5*
12 650 (июнь)		13 650 / 12*
1 142 084		3 142 084 / 2*
232 000*		232 000 / 5,5*
200 000*		206 000 / 30*
14 464 (апрель)		15 000 / 12*
1 072 546	510 307 (без тюрем)	3 582 853 / 2,2*
232 000*		262 000 / 6,3*
200 000*		206 000 / 30*
15 000		20 530 / 14
973 693	965 742 (без тюрем)	3 939 435 / 2,5*
232 000*	19 276 (декабрь)	281 276 / 7*
200 000*	10 000*	217 000 / 32*
8 832 (декабрь)	4 000*	14 632 / 9*

Годы	Регион	Численность населения (тыс. чел.)	Лишенные избирательных прав
1936	СССР	160 134 000	2 000 000*
	Свердловская область	4 105 600	30 000*
	Нижний Тагил	150 000	1 821
1937	СССР	162 039 470	
	Свердловская область	4 126 450	
	Нижний Тагил	147 136	
1938	СССР	165 492 000	
	Свердловская область	2 501 000	
	Нижнетагильский регион	850 000*	
	Нижний Тагил	150 000*	
1939	СССР	168 524 000 (до 17 сентября)	
	Свердловская область	2 512 000	
	Нижнетагильский регион	900 000	
	Нижний Тагил	159 867	
1940	СССР	192 598 000	
	Свердловская область	2 596 500 (на 01.01.1941)	
1941	СССР	194 821 000	

Спецпоселенцы	Заклученные (ИТЛ, ИТК, тюрьмы)	Всего репрессированных (числ. – абс./ знам. – %)
1 017 133	1 296 494 (без тюрем)	4 313 627 / 2,7*
189 000	20 207 (январь 1937 г.)	239 207 / 5,8*
15 468 (декабрь)	4 000	21 289 / 13,3
916 787	1 741 369	2 658 156 / 1,64
109 700	30 242	139 207 / 3,4
15 000*	4 000*	19 000 / 13*
997 329 (на 1 июля)	1 881 570	2 878 899 / 1,7
171 899 (на 1 июля)	57 431	229 330 / 9,16
120 000*	37 000*	157 000 / 18,4*
6 776	4 000*	10 776 / 6,7*
938 552	2 022 976	2 961 528 / 1,75
102 688	67 708	170 396 / 6,8
60 000*	58 000*	118 000 / 13*
6 000*	4 000*	10 000 / 6,25*
997 513	49 446	2 847 771 / 1,47
105 677	2 417 468	155 123 / 6
960 133 (на 1 апреля)	2 417 468	3 377 601 / 1,7

Годы	Регион	Численность населения (тыс. чел.)	Лишенные избирательных прав
1941	Свердловская область	2 596 500	
	Нижнетагильский регион	900 000*	
1942	Нижний Тагил	257 500 (без учета заключенных)	
1943	Свердловская область	3 266 400	
1944	Свердловская область	3 101 400 (на 1 апреля)	
	Нижний Тагил	217 554 (по количеству продкарточек, без заключенных)	
1945	Свердловская область	2 791 000	
	Нижний Тагил	248 800 (июнь)	
1946	СССР	170 548 000	
	Свердловская область	2 764 400* (на 1 июня 1945)	
	Нижний Тагил	248 800* (на 01.06.1945)	

Спецпоселенцы	Заклученные (ИТЛ, ИТК, тюрьмы)	Всего репрессированных (числ. – абс./ знам. – %)
89 868 (1-й квартал)	105 793	195 661 / 7,5
60 000*	53 039	113 039 / 12,5*
5 000*	49 170*	54 170 / 21*
76 090	168 990 (декабрь 1942)	245 080 / 7,5
86 640 (на 1 октября)	112 160	198 800 / 6,4
	25 311**	25 311 / 11,6
86 640	129 289 (январь 1946)	215 929 / 7,7
	27 561**	27 561 / 11
599 477	1 964 595	2 564 071 / 1,5
62 215	129 289	191 504 / 6,9*
	27 335** (на 20.02)	27 335 / 10,9*

Годы	Регион	Численность населения (тыс. чел.)	Лишенные избирательных прав
1947	СССР	172 102 000	
	Свердловская область	2 750 000	
	Нижний Тагил	245 500	
1951	СССР	182 321 000	
	Нижний Тагил	300 000 (со спецконтингентом)	

Спецпоселенцы	Заключенные (ИТЛ, ИТК, тюрьмы)	Всего репрессированных (числ. – абс./ знам. – %)
	2 027 706	2 027 706 / 1,2
61 281* (1949 г.)	53 302	114 583 / 4,16*
	16 329**	16 329 / 6,6
108 386* (только быв- шие кулаки на 01.01.1950)	2 528 146 (без тюрем)	2 636 532 / 1,4*
	50 000 (весь спецконтин- гент)	50 000 / 16,6

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
АО УралТИСИЗ – Акционерное общество Уральская компания комплексных инженерных изысканий для строительства
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВЖР – Высокогорский железный рудник
ВИЗ – Верх-Исетский завод
ВМН – высшая мера наказания
ВОВ – Великая Отечественная война
ВС СССР – Верховный суд СССР
ВС – газета «Вечерний Свердловск»
Втуз – Высшее техническое учебное заведение
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГКО – Государственный комитет обороны
ГО НКВД – городской отдел НКВД
Губком РКП (б) – Губернский комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ГУБУМЗАК – Губернское управление местами заключения
ГубЧК (Губчека) – Губернская чрезвычайная комиссия
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУМЗ – Главное управление мест заключения
ДВР – Дальневосточная республика
ЕМУП – Единое муниципальное управление
ИТК – исправительно-трудовая колония
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

ИТЛ БМК-ЧМС – исправительно-трудовой лагерь Бакалметаллургстрой-Челябметаллургстрой

ИТР – инженерно-технические работники

КГБ – Комитет государственной безопасности

КЗОТ РСФСР – Кодекс законов о труде РСФСР

КОМУЧ – Комитет членов Всероссийского учредительного собрания

МВД – Министерство внутренних дел

МГБ – Министерство государственной безопасности

МИЕ – Музей истории Екатеринбурга

Наркомзем – Народный комиссариат земледелия

Наркомснаб – Народный комиссариат снабжения

Наркомторг – Народный комиссариат торговли

Наркомюст – Народный комиссариат юстиции

НИР – научно-исследовательская работа

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

НМТ – Новомосковский тракт

НТМЗ – Нижне-Тагильский металлургический завод

НЭП – Новая экономическая политика

ОблОНО – Областной отдел народного образования

ОблРКИ – Областная рабоче-крестьянская инспекция

ОГПУ – Объединенное главное политическое управление

ОКС – Отдел капитального строительства

ОСО – Особое совещание

ПВС СССР – Президиум Верховного Совета СССР

Президиум ЦИК СССР – Президиум Центрального исполнительного комитета СССР

РВТ Приурво – Революционный военный трибунал Приуралья военного округа

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РК ВЛКСМ – Районный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

РОВС – Российский общевойсковой союз
РОКК – Российское общество Красного Креста
РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СБСМЭ – Свердловское бюро судебно-медицинской экспертизы

СКД – Старая Коптяковская дорога
СМТ – Старомосковский тракт
СНК – Совет народных комиссаров
СУГРЭС – Среднеуральская гидроэлектростанция
УВЗ – Уральский вагоностроительный завод
УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения
УИИ – Уральский индустриальный институт
Уком – Уездный комитет
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел

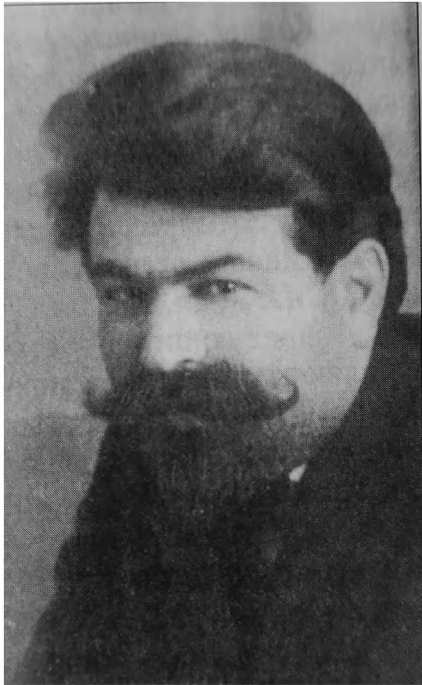
УралоблЧК – Уральская областная чрезвычайная комиссия
УрГУ – Уральский государственный университет им. А. М. Горького
УфАН – Уральский филиал академии наук
ФЗО – фабрично-заводское обучение
ФЗ – Федеральный закон
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦК ВКП (б) – Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК РСДРП (б) – Центральный Комитет Российской социал-демократической партии (большевиков)
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦРК – Центральный рабочий кооператив
ЧГРЭС – Челябинская государственная районная электростанция
ЧСИР – члены семей изменников родины
ЧТЗ – Челябинский тракторный завод

ФОТОГРАФИИ И ДОКУМЕНТЫ

К СТАТЬЯМ КОНСТАНТИНОВА С. И. (ГЛАВА 2)

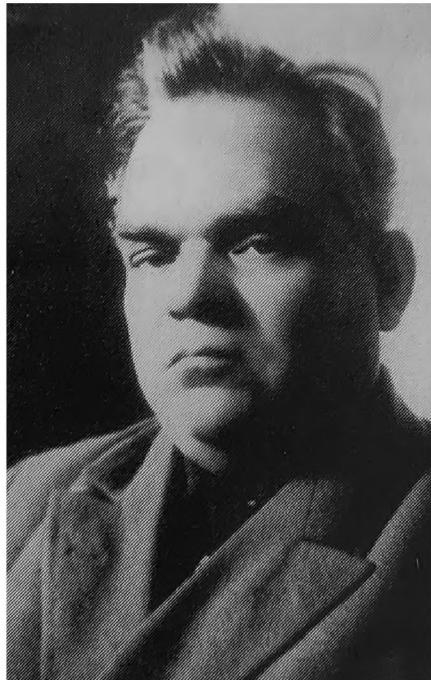
«Что несет народу большевизм». Листовка времен Гражданской войны. Ист.: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале (1917-1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Т. 1. Екатеринбург, 2007. Иллюстрации

Юровский Я. Х.
(21.06. (03.07) 1878, Томск –
02.08.1938, Москва) – член
Уралоблсовета, зампред
УралоблЧК, комендант Дома
особого назначения, участник
расстрела царской семьи и ее
приближенных.

Ист.: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. Екатеринбург, 2008. Иллюстрации

Кабанов А. Г.
(30.09 (12.10) 1890, Тверская
губ. – 01.07.1972, Хабаровск) –
начальник пулеметной
команды Дома особого
назначения, участник
расстрела царской семьи и ее
приближенных. Его старший
брат Михаил (1879 –
1960-е гг.) был начальником
Екатеринбургской тюрьмы
№ 2. Ист.: Плотников И.Ф.
Правда истории. Гибель
царской семьи. Изд. 2-е, испр. и
доп. Т. 1. Екатеринбург, 2008.
Иллюстрации.

Хохряков П. Д. (16 (28) 06. 1893, Вятская губ.- 17.08. 1918, ст. Крутиха, Екатеринбургского у., Пермской губ.) – член Уралоблсовета и УралоблЧК. В марте 1918 – председатель Тобольского Совета. Ист.: Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. Екатеринбург, 2008. Иллюстрации

Социальное положение	месяцы 1918 г.					Итого
	VII	VIII	IX	X	XI–XII	
1. Бывшие офицеры	18	79	537	34	45	713
2. Жандармские чины и провокаторы	2	42	202	65	31	342
3. «Белогвардейцы»	–	41	88	16	65	210
4. Старорежимное чиновничество	–	4	27	1	7	39
5. Священнослужители	–	10	44	18	11	83
6. Крестьяне	–	40	242	11	259	552
7. Помещики	1	–	51	1	11	64
8. Торговцы, буржуазия	6	14	38	6	5	69
9. Студенты, учащиеся	–	6	7	1	1	15
10. Учителя	–	–	4	1	1	6
11. Врачи, фельдшеры	–	1	8	–	1	10
12. Чекисты	14	9	9	7	29	68
13. Красноармейцы, матросы	19	13	20	19	93	164
14. Милиционеры	–	1	6	4	5	16
15. Ост. совслужащие	16	20	45	51	53	155
16. Уголовный элемент (за вычетом 1–15 категорий)	62	94	159	54	62	430
17. Итого	138	374	1486	259	679	2936
Общее количество выявленных расстрелов за период	272	403	3470	451	785	5381

Социальное положение расстрелянных органами ЧК за 1918 г. (выявленные опубликованные случаи). Ист.: Ратьковский И. *Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции / Илья Ратьковский.* М., 2017. С. 288

Ураков Семен Никифорович, родился 2 февраля 1886 г. в бедной крестьянской семье в Вятской губернии. После ранения на фронте Первой мировой войны получил звание младшего унтер-офицера. В марте 1917 г. вступил в партию левых эсеров, а в феврале 1918 г. – в РКП (б). С 5 мая 1918 г. воевал с чехословаками, попал в плен, после тюрьмы и концлагеря ожидал расстрела за попытку побега, но сумел бежать в 1919 г. В июле 1919 г. назначен комендантом Екатеринбургской тюрьмы. В марте 1920 г. возглавил Губернский подотдел принудительных работ. Ист.: ГАСО. Ф. Р-8. Оп.1. Д.8. Л.44, Д.10. Л. 64

Булатов Али Якубович
(11/1889 - 03/ 04. 08.1921).
Подпоручик 5 Сызранского
полка. Уфа. Участник Великой
и Гражданской войны. Ист.:
Фото из фондов ГАОСО. Пре-
доставлено Н. И. Дмитриевым

Булатов Али Якубович. Подпоручик. Узник Екатеринбургского
концлагеря № 1. Ист.: Тюремное фото из фондов ГАОСО.
Предоставлено Н. И. Дмитриевым

**Вильгельм Владимир Васильевич (15.07.1896 - 03/ 04. 08. 1921)
с возлюбленной. Апрель 1919 г. Омск. Ист.: Фото из фондов ГААОСО.
Предоставлено Н. И. Дмитриевым**

**Вильгельм Владимир Васильевич, поручик. Узник Екатеринбургского концлагеря № 1. Ист.: Тюремное фото из фондов ГААОСО.
Предоставлено Н. И. Дмитриевым**

**К СТАТЬЯМ КИЛИНА А. П.
(ГЛАВА 3)**

Так дадим мы все зарок не давать купцам наживы. Московский союз потребительских обществ. Место публикации: Москва Харьков Харьковское Потребительское Общество. Х.П.О. Техника исполнения: Литография многоцветная. 108х67. Период: 1917–1921 гг.// Советский политический плакат. Коллекция Серго Григоряна URL: shorturl.at/doprE (дата обращения: 09.03.2021)

Извещение о лишении избирательного права*

8 ноября 1927 г.

РСФСР
Уральская область
Тагильский округ

Извещение № 401
Гражданину Титову Ивану Никитичу

Избирательная комиссия извещает, что, согласно ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., ст. 14-17 Инструкции о выборах Советов, принятой ВЦИКом и опубликованной 4 ноября 1926 г. в № 263 «Известия» ЦИКа СССР» как

указывается причина лишения (торговец, священник и пр.)

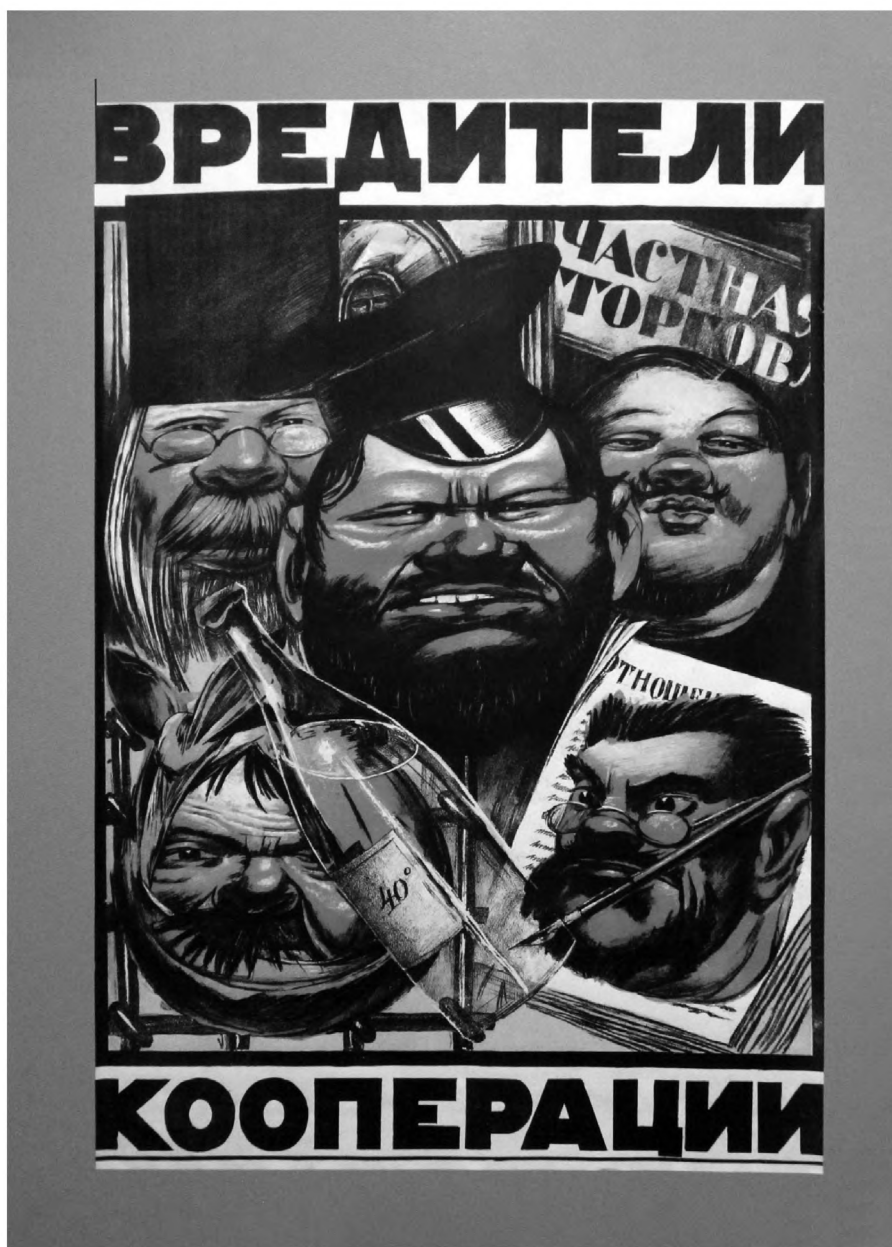
лишены избирательного права и устранены от участия в перевыборах Советов.

Согласно ст. 27 упомянутой выше Инструкции за вами остается право обжалования нашего решения в течение 7 дней со дня получения сего.

При подаче жалобы необходимо приложить к таковой настоящее извещение.

Председатель избиркома.

**Источник: НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1825. Л. 95. Копия*

*Вредители кооперации. Плакат. 1920-е гг.(?).
Ист.: Государственный музей истории ГУЛАГа. Москва*

Финансовый инспектор у эмпанши. Москва. 1928 г. Автор фото Аркадий Шайхет/Собрание «Мультимедиа Арт Музей» (Москва), Музей «Московский дом фотографии»

Демонстрация трудящихся г. Свердловска, посвященная дню международной солидарности трудящихся 1 мая. Оформление одной из колонн первомайской демонстрации. 1 мая 1927 г. Ист.: ГАСО. Ф. Ф-1. Оп. 23. Д. 3-496

Патент на промышленное предприятие. // <https://auction.conros.ru/lot/2013604/643/1/> (дата обращения: 09.03.2021)

О налогах с лишенцев*

Из постановления Уралоблисполкома

10 января 1931 г.

Всем Райфо, Горфо, Профо и Окрфо
Уралобласти.

Постановлением Облисполкома от 15 XII-[19]30 г. установлен в пределах области на 1931 г. сбор с лиц, лишенных права быть сельскими исполнителями.

В развитии указанного постановления Облфо предлагает принять к руководству и исполнению следующие указания:

1) Сбор с лишенцев постановлением Облика установлен по области в окончательной форме, поэтому издавать на местах постановления о введении этого сбора на 1931 г. не требуется.

2) Взимание сбора с лишенцев надлежит производить в порядке Правил, утвержденных НКФ и НКВД РСФСР 13 августа 1930 г. [...], по высшим предельным ставкам, указанным в ст[атье] 5 этих правил.

3) По имеющимся в Облфо сведениям, на местах допускаются неправильности такого порядка:

а) в директиве Облфо от 4 X- 1930 г. «О порядке взыскания месячных налогов в особом квартале октябрь-декабрь» было указано, что сбор с лишенцев, в случае наступления очереди в особом квартале, взимается в размере 100 % по существующим ставкам. Несмотря на это, сбор в особом квартале взыскивался в некоторых районах авансом в размере 50 %;

б) минимальная ставка вместо 7 р. 50 к. устанавливалась 10 руб.;

в) с лиценцев, облагаемых подоходным налогом, особый сбор взыскивался не 30 % от оклада подоходного налога, как это требуется по закону, а 15 % оклада сельхозналога, условно исчисляемого с этого лица по доходу, обложенному подоходным налогом;

г) с лиценцев, облагаемых сельхозналогом, особый сбор исчислялся не 5 % оклада сельхозналога, а 30 %;

4) В отношении всех лиценцев, привлеченных к уплате сбора в период особого квартала октябрь-декабрь, надлежит немедленно проверить исчисленные оклады, каковые должны быть равны 100 % по ставкам, указанным в правилах НКФ и НКВД, и в случае обнаружения недобора немедленно таковой взыскать.

5) Равным образом, немедленно привести в полный порядок окладное счетоводство по сбору с лиценцев, проверить отметки об уплате за особый квартал и прошлое время, точно выявить недоимки и взыскать таковые в кратчайшие сроки.

6) Немедленно с получением сего начислить на всех лиценцев Вашего района, подлежащих обложению сбором, оклады этого сбора за 1931 г., затем оформить через адморганы и сельсоветы (по согласованию с райпрокуратурой) порядок очередей для лиценцев и полностью взыскать в январе с[его] г[ода] причитающиеся платежи сбора.

7) Для внесения ясности в порядок исчисления окладов сбора с лиценцев приводятся следующие три примера:

а) в хозяйстве три лишенца, подлежащих обложению сбором. Оклад сельхозналога на хозяйство 280 руб. От этого оклада 15 % составляет 42 руб. Таким образом, с каждого из трех лишенцев данного хозяйства причитается сбора по 42 руб., а всего с троих 126 руб.;

б) в хозяйстве два лишенца. Оклад сельхозналога 6 р. 25 к. Так как 15 % от этого оклада меньше 7 р. 50 к., то с каждого берется сбора по 7 р. 50 к.;

в) в хозяйстве три лишенца. К сельхозналогу хозяйство не привлечено. Глава семьи обложен подоходным налогом в сумме 252 руб. 40 коп. С него оклад сбора будет равен 75 руб. 72 коп. Остальные два лишенца этого хозяйства, как не привлеченные ни к сельхозналогу, ни к подоходному налогу (имея в виду примечание к п. «б» ст[атьи] 5 Правил НКФ и НКВД) облагаются сбором по 7 р[уб]. 50 к[оп]. каждый.

*П[олномочный] представитель], Заместитель]
заведующего] Облфо Урала
Карпов
Сектор мобилизации ресурсов Галкин*

**Ист.: НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1842. Л. 4. Подлинник*

**«...Рассмотреть его в строгом соответствии
с существующим избирательным
законодательством.»**

Из типичного запроса Урализбиркома по поводу сведений на лиценца*

Январь 1934 г.
Висимскому райисполкому

Согласно отношения ВЦИКа и заявления Черемных Митроф[анна] Алек[?], проживающего Висимо-Шайтанского с/с[ельсовета].

Орготдел Уралоблисполкома предлагает рассмотреть его в строгом соответствии с существующим избирательным законодательством, согласно инструкции ВЦИК, в случае восстановления сообщить нам и просителю, а отклонения - руководствуясь примечанием 2 к ст[атье] 32 Инструкции ВЦИК, приложив полную характеристику о семейном, имущественном положении просителя, чем он и его семья ранее и сейчас занимались, если торговали, то чем и когда начали и когда кончили, какого разряда имел патент и какой был валовой годовой оборот. Где он и его семья в настоящее время работают, сколько он засеивал земли, какое количество имел лошадей, коров и мелкого скота ежегодно отдельно, а также какие имел земледельческие машины и сепараторы, единолично приобретенных или кампанией, пользовался ли наемной рабочей силой, когда и в каком количестве и в какое время года, и всю имеющуюся в райисполкоме переписку по делу

просителя с приложением мотивированной копии постановления выслать в Облисполком. Срок – к 3 февраля 1934 г.

Ответственный] секретарь Уралоблизбиркома
Подпись

**Источник: НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1846. Л. 128, 128об. Подлинник*

Р. С. Ф. С. Р.
Уральский Областной Исполнительный Комитет
С. Р. К. и К. Д.

Ф. № 88р
Описание № 344
Дело № 344

Организационный отдел.

3. IX 1944

ДЕЛО № 344

По ходатайству гр. Бунькова
Ивана Мироновича
о восстановлении в Избирательных правах.
Ирбитского округа.

х п 2

Личное дело «лишенца» Бунькова Ивана Мироновича.
Ист.: ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 7. Д. 344

1

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

М. ПРЕЗИДИУМА УРАЛОБЛИСПОЛКОМА.

г. Свердловск " 17/11 - 1930 г.
№ 48-366.

СЛУШАЛИ: Ходатайство Бусиной
Ивана Марковича
прожив. в Ишимском
сельсовете, Ишимского
района, того же
округа, - о восстановлении в
избирательных правах, утрачен-
ных в силу п. "б" ст. 14
инструкции ВЦИК с переизборах
от 4/Х1-1926 года.

ПОСТАНОВИЛИ: _____
Восстановить.

Настоящее решение Президиума
Облсполкома подателю сообще-
но.

" 17/11 - 1930 г.

Подпись исполнителя _____

Проект решения о восстановлении в избирательных правах.
Ист.: ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 7. Д. 344

К СТАТЬЯМ ПЕЧЕРИНА А. В. (ГЛАВА 4)

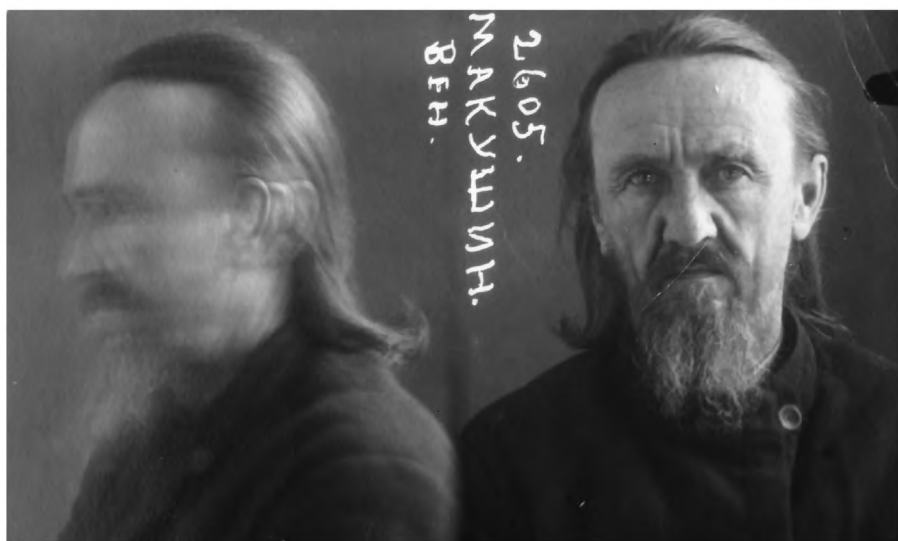

**На предыдущей странице: Духовенство и церковный актив
Крестовоздвиженского храма г. Свердловска, 1927 г**

На фото представлены. – В верхнем ряду слева направо: епископ Шадринский Стефан (Знамировский) (расстрелян в 1942 г.), заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) (с 1943 г. – патриарх), патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) (расстрелян в 1937 г.), архиепископ Свердловский Корнилий (Соболев) (репрессирован, умер в ссылке), епископ Кунгурский Аркадий (Ершов) (расстрелян в 1937 г.). Во втором ряду сверху второй слева – К. Ф. Коняев (расстрелян в 1937 г.), пятый слева – А. П. Луппов (репрессирован), шестой слева – Г. Н. Зонов (репрессирован), седьмой слева – протоиерей Сергей Конев (репрессирован). В третьем ряду первый слева – протодиакон Димитрий Рогалев (репрессирован), второй слева – священник Григорий Лобанов (расстрелян в 1937 г.), третий слева – священник Михаил Протопопов, четвертый слева – протоиерей Александр Здравомыслов (репрессирован), пятый слева – протоиерей Димитрий Пономарев (репрессирован), шестой слева – протоиерей Владимир Лебедев, седьмой слева – протоиерей Анатолий Меледин (репрессирован), восьмой слева – протоиерей Феликс Козельский (расстрелян в 1937 г.), девятый слева – протоиерей Всеволод Дягилев, десятый слева – священник Павел Колегов, одиннадцатый слева – диакон Стефан Ажгихин (расстрелян в 1937 г.). В четвертом ряду шестой слева – А. В. Чертищев (репрессирован). // Электронный архив УЦИО, персональный фонд Шилковой.

**Протоиерей Успенского собора на ВИЗе Феликс Козельский, 1930 г.
(тюремное фото) // Электронный архив УЦИО, фотоколлекция**

**Протоиерей Иоанно-Предтеченской церкви г. Свердловска
Вениамин Макушин, 1932 г. (тюремное фото) // ГААОСО. Ф. Р-1. Оп.
2. Д. 67654. Л. 52.**

*Иоанно-Предтеченская церковь г. Свердловска, 1934 г
// Электронный архив УЦИО, персональный фонд Л. Ф. Муртузалиевой*

Священник с. Шарташ Константин Пономарев, 1935 г. (тюремное фото) // Электронный архив УЦИО, фотоколлекция

Архиепископ Петр (Савельев), ок. 1937 г // Электронный архив УЦИО, фотоколлекция

16

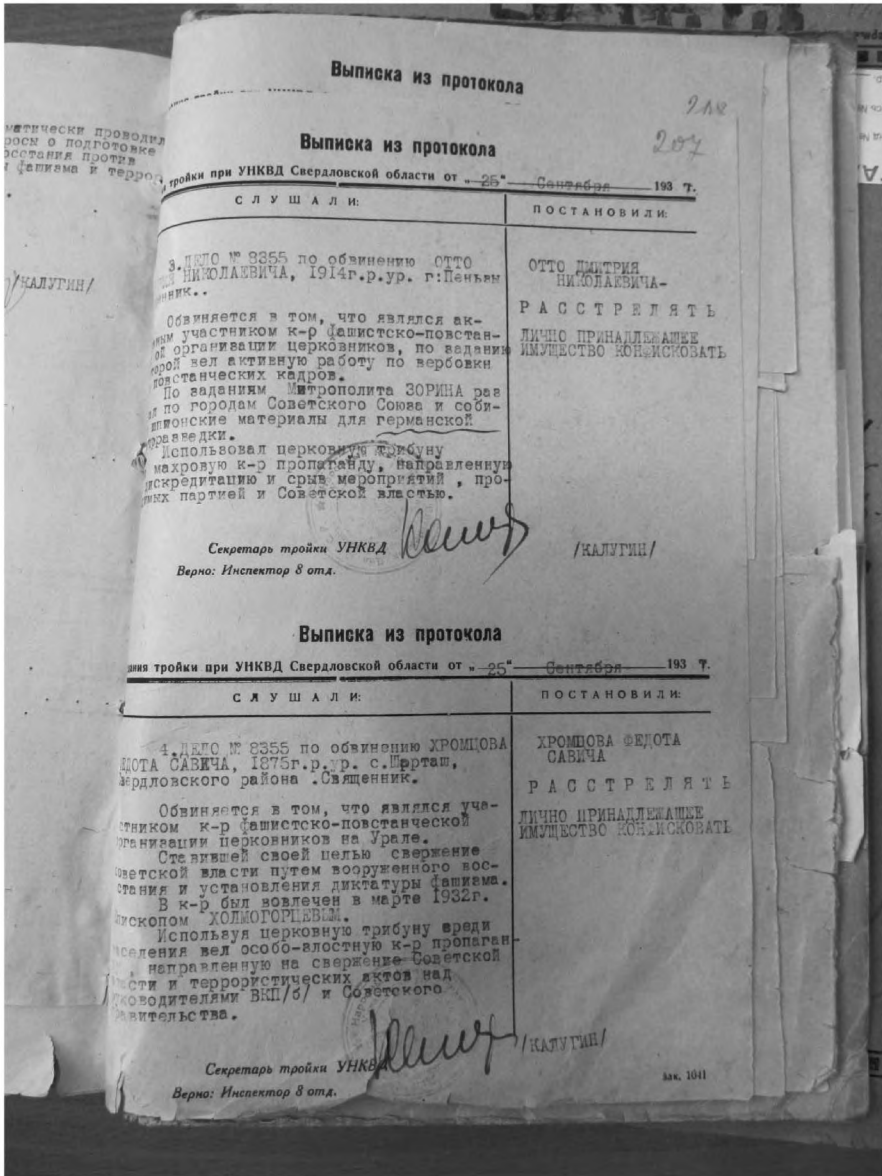
Его Высокопреосвященству
Блаженнейшему Сергию Митрополиту
Иосифовскому и Коломенскому.

От Свердловской Камеральной охоты
Давоими со Вашего сведения что
в ночь с 2 на 3 июля Епископ Петр
и Иеромонах Илья, явивши свободу
и на четвертое, также участв
посетили Промышленника Александра
Исаева и председатели ревизионной
комиссии в пленном совета.

Председательница Царского совета
Замест. Председат. Плещинава

Милл совета зудишно,
4 VIII 37 г.

Письмо митрополиту Сергию (Страгородскому) от 04.08.1937 с сообщением об аресте духовенства кафедрального собора г. Свердловска // Архив Московской Патриархии, фонд Екатеринбургской епархии, дело с документацией 1937 г.

Приговоры свердловскому духовенству, 1937 г //
ГААОСО. Ф. Р-1. Он. 2. Д. 36766. Л. 207.

К СТАТЬЯМ КИРИЛЛОВА В. М. (ГЛАВА 5)

19.408 УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВОЗБУЖДЕНО ПО ЗАМЕТКАМ РАБСЕЛЬКОРОВ В 1927 Г.

Рабселькоровские заметки в своем большинстве разоблачают не обыкновенные проступки, а крупные уголовные дела — выступление т. Крыленко на съезде рабселькоров.

МОСКВА, 5-ХП. На совещании рабселькоров продолжаются прения по докладу тов. Ульяновой. Основное, что отмечают почти все выступающие в прениях, это необходимость в дальнейшем укрепить партийное и редакционное руководство рабселькоровской работой. Селькоры выдвигают важнейшей своей задачей на ближайший период борьбу за развитие колхозного строительства.

В прениях выступил прокурор республики Крыленко. Тесная и непосредственная связь работников прокуратуры с рабселькорами, заявил он, является одним из важнейших условий плодотворной работы судебных органов. Касаясь результатов рабселькоровских заметок, Крыленко указывает, что в 1927 году по заметкам рабселькоров было возбуждено 19.408 уголовных дел 4.094 дисциплинарных, а в первое полугодие 1928 года по 40 губерниям было возбуждено 6894 уголовных дела и 1836 дисциплинарных дел. То, что уголовных дел возбуждается в несколько раз больше, чем дисциплинарных, показывает, что рабселькоровские заметки

бьют в цель, они вскрывают не обыкновенные проступки, не случайные дела, а настоящие уголовные дела. Переходя к вопросу о преследованных рабселькоров Крыленко указывает, что в последний год значительно увеличилась репрессия за преследования рабселькоров, но с другой стороны растет число фактов самих преследований, которые ставятся в некоторых местах бытовым явлением, имеющим глубокие корни в обстановке классовой борьбы.

НОВЫЕ АКАДЕМИКИ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ

ЛЕНИНГРАД, 5 декабря. В Академии Наук состоялось заседание физико-математического отделения для выборов новых академиков. Подавляющим большинством академиками избраны: Барнштейн, Виноградов, Крылов, Рождественский, Мандельштам, Чичи, Бабин, Бах, Феворский, Демьянов, Зелинский, Кистяковский, Чаплыгин, Миткевич, Губкин, Заболотный, Обручев, Архангельский, Бориски, Гейдройц, Прянишников, Вакилов, Кулаич и Мензбир.

Выступление прокурора республики Крыленко на съезде рабселькоров. Заметка в газете. Источник: Уральский рабочий. 1928. №284

**«...Обязуемся следить
за поведением друг друга...»***

Обязательство членов сельской десятки

1930 г.

Мы, нижеподписавшиеся граждане, даем настоящее обязательство сельсовету в том, что:

1) Никто из вышеперечисленных не будет каким-либо способом препятствовать или противодействовать проведению всех мероприятий соввласти в деревне.

2) Обязуемся следить за поведением друг друга, не допускать противозаконных действий, как-то: агитации против соввласти, незаконные сборища, учинения беспорядков и их подстрекательства, вредительских действий колхозному или советскому хозяйству или других действий, направленных против соввласти. О всех перечисленных противозаконных действиях в случае совершения кем-либо из нас и других лиц обязуемся немедленно сообщать об этом сельсовету или другим представителям власти через назначенного старшину.

3) Обязуемся не хранить никакого огнестрельного оружия.

4) Старшина и все перечисленные выше не несем ответственность по закону за совершение кем-либо из нас преступления.

Подписи:

Источник: НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 142. Копия.

СПРАВКА

О ЛИКВИДИРОВАННЫХ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯХ НА УРАЛЕ.

О.Г.П.У. за последнее время вскрыты и ликвидированы на Урале целый ряд к.-р. организаций, охвативших активной вредительской деятельностью все основные участки Уральской промышленности.

В настоящее время следствие ведется по следующим отраслям промышленности: черная металлургия, строительство Магнитогорского завода, цветная металлургия, каменноугольная промышленность, машиностроение, строительство электростанций, бывший геологический комитет, сельхозмашиностроение, промышленность строительных материалов, лесная и химическая промышленность.

К.-р. группы вскрыты также в научно-исследовательских институтах и ВТУЗах Урала.

Следствием установлено, что вредительские организации на <Урале> [руко]водились в своей деятельности указаниями Уральского Областного Центра «Промпартии», связанного, в свою очередь, с ЦК Промпартии в Москве.

Во главе Уральского Областного вредительского центра стояли:

1. ГАССЕЛЬБЛАТ — б. главный инженер Урал-Гипромеза и главный инженер Магнитостроя.
2. КРАПИВИН — б. технический руководитель треста «Уралмет».
3. ГИРБАСОВ — б. технический директор «Уралгостреста» и консультант Уралгеолкома.

4. ДУНАЕВ — член Президиума Уралоблсовнархоза и

5. СОЛОВОВ — б. председатель промсекции Уралплана.

С начала 1930 г. в составе вредительских организаций на Урале были созданы специальные военные и диверсантские ячейки. В настоящее время вскрыты и ликвидируются следующие военно-диверсантские ячейки:

1) на электростанциях: Челябинской, Свердловской, Пермской, Губахинской, Кизеловской и Кушвинской.

2) на жел.-дор. узлах: Свердловском, Пермском, Челябинском, Луньевско-Чусовской ж.-д. ветке и на переправах через р. Каму у Перми и Сарапула.

Военно-диверсантские ячейки состояли в своем большинстве из б. офицеров царской и белой армии. Их задачей являлось на случай интервенции парализовать деятельность уральской промышленности.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ.

Наиболее мощной к.-р. организацией на Урале являлась организация черной металлургии. Благодаря деятельности последней сорвана реконструкция металлургических заводов Урала и тормозится развитие машиностроения:

1. Сорвана своевременная реконструкция Златоустовского, Н[ижне]-Салд[и]нского, Чусовского, Алапаевского и Кушвинского з-дов. Златоустовский з-д имеет все данные для того, чтобы быть развернутым в крупную металлургическую единицу по производству вы-

сокосортных сталей и изделий. До настоящего времени вопрос о реконструкции этого завода не разрешен.

2. Консервировались железорудные месторождения с богатыми запасами руды, как-то: северные рудники Богословского общества, Синарские рудники.

3. Задерживалась и срывалась проблема использования Кизеловского угля для коксования.

4. Срывалась программа механизации (собственных) лесозаготовок, что привело к срыву заготовки дров и древесного угля для металлургических заводов.

5. Завозилось, но не использовалось дорогостоящее импортное оборудование. Часть этого оборудования лежит и в настоящее время без использования на Златоустовском заводе.

6. В пятилетнем плане развития на Урале было намечено незначительное развитие доменного хозяйства Надеждинского района, вполне обеспеченного рудными запасами. По делу арестовано 27 человек.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В НОВОСТАЛИ И В МАГНИТОГОРСКЕ.

С момента создания специального объединения для руководства строительством новых металлургических заводов (Магнито[-] и Кузнецкстрой) как само объединение (Новосталь, затем Востокосталь), так и техническое руководство этими строительствами было захвачено вредительской организацией. Вредительскую организацию на Магнитогорском строительстве

возглавлял главный инженер ГАССЕЛЬБЛАТ. Основной задачей к.-р. организации Востокостали являлось сорвать строительство металлургических гигантов.

Проверенными агентурными материалами устанавливается, что в Востокостали вредительская работа продолжается и в настоящее время. Вредительская группа Востокостали (инженеры ЕМЕЛЬЯНОВ, ПИСАРЕВ и др.) продолжает срывать своевременную выдачу заказов для Магнитостроя.

В целях срыва строительства Магнитогорского завода к.-р. организацией были проведены следующие основные вредительские акты.

1. До конца 1930 г. не был разрешен вопрос о топливной базе и в результате не известны данные для шихтовки, которая будет принята для изготовления углей, нет точных данных о содержании фосфора в угле.

2. Вредительским способом велись разведки и исследовательская работа по определению состояния железорудной базы. Данные разведок 1927, 1928 и 1929 г.г. не соответствуют действительности в части качественных показателей. Были даны неправильные химические анализы на фосфор и серу. Исследовательские работы в целом велись таким образом, что не дали возможности составить проект обогащения магнитогорских руд.

3. До самого последнего времени не разрешен вопрос доставки грузов Магнитогорскому заводу. Совершенно не был поставлен вопрос об усилении пропускной способности Сибирской ж.-д. и части Уральских дорог, чем создана угроза

правильному питанию топливом Магнитогорского з[аво]да и вывозу готовых грузов с завода.

4. Задание Магнитогорскому заводу по номенклатуре прокатных изделий дано без учета и увязки с заводами, которые будут потреблять металл Магнитогорского з[аво]да. Поэтому задержано проектирование прокатных станов с точки зрения их специализации и установления максимальной производительности. Качество прокатных изделий вовсе не определено.

5. Не разработан проект строительства крупнейшей электростанции (250.000 квт.) при заводе. Заграничная комиссия Энергостроя, работавшая под руководством член[а] вредительской организации проф. СУШКИНА, заказала за границей совершенно неиспытанные топки к котлам, что должно было сорвать своевременный пуск станции.

6. Не разрешен вопрос водоснабжения завода и города.

7. Сорвано строительство вспомогательных цехов.

По делу Магнитогорского з-да проходят 10 чел., арестовано 5 ч[ел].

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ.

В интересах срыва развития цветной металлургии проведены следующие вредительские акты:

1. Законсервированы крупные медные месторождения — Икшмино-Ключевское, Богословское и не разрабатывалось Карабашское.

2. Проект нового Богомолдовского медеплавильного з[аво]да умышленно разрабатывался три года.

3. Вопрос о флотации медных руд распространен на медноколчеданные месторождения в Калате и Карабаше, где строятся новые обогатительные фабрики. Руды этих месторождений на флотацию не испытаны.

4. Разведки медных месторождений не производившиеся в предыдущие годы в пятилетием плане также получили слабое отражение. Разведки известных месторождений (Калата, Карабаш, Богомол, С[а]н-Донато и др.) по пятилетке затушевываются и в то же время выдвинут вопрос о разведках Пермских медистых песчаников, совершенно не изученных.

5. Подготовительные работы на рудниках запущены, и добыча руды для текущей плавки меди проходит в исключительно напряженных условиях. Не подготовленные рудники — Рыковский и Первомайские в Карабаше, Калатинский и Картушинский в Калате.

По делу арестовано 4 человека.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В КАМЕННО-УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Основные вредительские акты:

1. Горные работы проводились в местах, не содержащих угля.

2. Добыча была сосредоточена на загрязненных низкосортных пластах.

3. Шахты с богатыми залежами углей разрабатывались неправильно и потом закрывались.

4. Задерживались проходкой и постройкой новые шахты из-за отсутствия оборудования. В то же время имеющееся оборудование направлялось не незначительные работы.

5. Разведками скрывались богатые залежи угля и не показывались документами.

По делу арестовано 9 человек.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В МАШИНОСТРОЕНИИ.

1. До 1929 г. машиностроительные з[аво]ды Урала не были объединены и находились в составе отдельных металлургических заводов, как подсобные цеха. Производственная мощность цехов умышленно не учитывалась и полностью не использовалась. Разработанной вредителями пятилеткой было намечено к выпуску продукции Уралмаштрестом на 4 миллиона рублей. Фактически в 1929/30 г. заводы дали продукции на 12.000.000 рублей.

2. Работа заводов дезорганизовывалась изменением номенклатуры изделий. Вместо крайне необходимых буровых станков вводилось производство стиральных машин. Работа цехов между собой не увязывалась.

3. Строительство Свердловского машиностроительного завода затянута на 2 года. Выстроенный в 1929 г. цех металлических конструкций около года стоял без использования.

В настоящее время не разрешен вопрос о номенклатуре изделий, которые должен производить Уральский машиностроительный завод.

В руководящую к.-р. группу входило 3 человека.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В ЭЛЕКТРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ.

1. Сорвано строительство районных электростанций. Это повлекло задержку развития тяжелой индустрии (металлургия, химия и др.). По плану ГОЭРЛО к 1931 г. предполагалось по-

строить 4 станции мощностью в 165.000. квл. На 1/I-1931 г. выполнено 30 т[ыс]. квл., или 19 %. Кизеловская станция начата постройкой в 1921 г. До сих пор имеет мощность в 6 т[ыс]. квл. В 1924 г. было начато дальнейшее расширение станции, но в 1927 г. строительство станции из разряда районной переводится в местную и снимаются кредиты. Этот акт привел к полному разгрому станции. Последнее решение по расширению станции так же срывалось путем несвоевременной выдачи заказов на импорт.

В 1931 г. намечено к пуску на этой станции 5 генераторов мощностью в 94 т[ыс]. квл. Выясняется, что это не обеспечено оборудованием по срокам.

2. Постройка Челябинской станции задержана из-за отсутствия геологических данных. Оборудование для этой станции могло быть заказано внутри Союза. Этого не сделали, и заказы были выданы на импорт. Несвоевременная выдача заказов привела также к созданию разрыва между котельной и турбинной мощностью. Строительством были представлены явно преуменьшенные заявки на цемент, что привело в разгар строительного сезона к остановке работ.

На месте по делу арестовано 2 чел., проходят — 9 чел.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В УРАЛЬСКОМ ГТРУ.

Вредительская организация проводила политику преуменьшения подсчета запасов минерального топлива, железных и медных руд в недрах Урала. Такая политика задержала подготовку уральской сырьевой базы.

Программа разведочных работ умышленно составлялась по многочисленным объектам и таким образом расплывали ассигнованные средства, что привело к затяжке разведочных работ на важнейших участках капитального строительства.

Задерживались разведки на более важных имеющих первостепенное значение участк[ах], за счет форсирования работ на участках, имеющих второстепенное значение, эта вредительская установка нашла полное отражение в планах и программах работ, в распределении оборудования и кадров геологов на Урале.

Задержано развитие Кизеловского каменно-угольного бассейна[;] отсутствие геологической карты привело к тому, что до сих пор не имеется твердых данных для промышленной оценки бассейна, а также тормозится производство уже намеченных разведочных работ. Благодаря вредительской задержке изучения этого важнейшего угольного центра Урала невозможно новое шахтное строительство, т. к. неизвестны даже приблизительно те пункты, где должны быть заложены шахты.

Задержаны на 3 года геологические разведки в Челябинском районе.

Задержано на год начало буровых работ в Брединском районе.

Задержаны разведки на бурые угли на восточном склоне Урала.

Вредительски составленный план организационных] разведок железных руд привел к срыву постройки нового Алапаевского з[аво]да.

Вредительская организация по директивам геолого-разведочного вредительского центра

(Ленинград) преуменьшила медно-рудные ресурсы Урала. Умалчивая о незаконченных разведках рудников Калатинского комбината, дано было необоснованное заключение о быстром прекращении разработки рудников этого комбината.

Широкие перспективы разработки колчеданных месторождений в Нижне-Тагильском округе, а также медных магнезитов и месторождений, типа Волковских и сульфидных вкрапленников, либо совершенно замалчивается, либо отрицается их промышленная ценность.

По делу арестовано 4 человека.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В СЕЛЬХОЗМАШИНОСТРОЕНИИ.

Основной завод сельхозмашиностроение на Урале — Челябинский плужный. В связи с неоднократным изменением программы и номенклатуры подвергался несколько раз переоборудованию.

На Во[т]кинском з-де имеющийся механический цех, могущий выполнять крупные заказы металлургических заводов Урала, был использован от 10 до 30 %. Оборудование паровозного цеха этого же завода разрушено и самый цех ликвидирован.

На з-де «Сепаратор» в течение последних лет дезорганизовано производство взрывателей.

Вредительская группа состояла из 5 человек.

К..-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Сырьевая база основной химической промышленности (серно-кислотной) не подготовлена. Не проведены разведки на месторождениях серных колчеданов и других мест химического сырья. До

сего времени ничего не сделано для использования и утилизации отходов сернистых газов на медеплавильных заводах в Калате и Карабаше.

Березниковское строительство ведется по проектам Бондюжского завода со всеми включенными в него вредительскими расчетами: недостаточная площадь и размеры здания для размещения аппаратуры, неверная установка вентиляции и др.

Развертывание химических комбинатов в таких пунктах, как Богомолковский завод и Карабаш — задержано.

По делу проходят 5 человек.

К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ.

Строящиеся новые кирпичные заводы имеют резкий разрыв между силовыми установками, количеством выпускаемого кирпича и приспособленных площадей для сушки кирпича. Имеющиеся старые кирпичные з[аво]ды, несмотря на возможности[,] не расширялись.

Не расширялись также цементные заводы — Невьянский и Катав-Ивановский, несмотря на наличие сырьевой базы. Работа Невьянского з[аво]да дезорганизована, благодаря неправильной работе печей, мельниц и неправильного составления смеси для размола.

Сухоложский цементный завод до 1928 г. задерживался достройкой в надежде сдачи его в концессию бывшему владельцу Мешкову.

Законченная в настоящее время первая очередь Сухоложского з[аво]да не может приступить к работе, т. к. карьеры сырья не под-

готовлены и часть строительных работ (упоры, трансмиссии от мельниц) требуют переделки и укрепления их колоннами.

Руководящая вредительская группа состоит из 5 человек.

Что же касается строительства Челябинского тракторного з[аво]да, то в виду того, что оно находится в самой первоначальной стадии (в основном жилстроительство) — О.Г.П.У. приняты меры агентурного обслуживания, т. к., несомненно, этот крупный объект в будущем привлечет внимание вредителей.

Кроме уже арестованных в настоящее время — по делу уральской к.-р. вредительской организации проходит еще 100 инженеров.

НАЧ. ЭКОНОМУПра ОГПУ: Прокофьев
«12» февраля 1931 г.

Источник: Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2016 / URL: <https://istmat.info/node/61273>

**«...Виновные привлекаются
к ответственности...»***

Из типового бланка газеты «Рабочий»

18 ноября 1931 г.

Посылаю Вам подлинник заметки «Расследовать горсовету» для расследования. «Рабочий» ждет ответа без напоминания.

Разглашение должностными лицами имен корреспондентов, а равно содержания заметок, передаваемых им для расследования, является, наряду с разглашением неподлежащих оглашению данных дознания следствия или сведений, неподлежащих оглашению, уголовно наказуемым преступлением: виновные привлекаются к ответственности по ст. 104 п. «В» или по ст. ст. 117 УК.

Председатель Верховного суда РСФСР
Стучка

**Источник: НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1830. Без л. Копия.
Датируется по дате поступления в горсовет.*

Постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». «...в целях очистки населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов...». Заметка в газете. Источник: Уральский рабочий. 1932. №293.

Воспитательная работа в спецпоселках*

Из плана наркомпроса по обследованию
учебно-воспитательной работы школ
в спецпоселках

Март 1934 г.

1) Приведите конкретные случаи, когда имела место со стороны учащихся чуждая нездоровая критика мероприятий советской власти (защита кулачества, религии и т. п.). Кто выступал - отдельные ученики или группы. Как реагировал на это выступление педагог и школа в целом.

1) Если в среде учащихся возникали или существуют какие-либо организации реакционного (контрреволюционного) характера - назовите каждую из этих организаций, опишите ее занятия и способы ликвидации данной организации.

**Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 12-12об. Копия.*

**О проделанной работе по освоению спецссылки
и о положении последней в лесной
промышленности Свердловской области***

Из докладной записки наркому внутренних дел
Союза ССР Г. Г. Ягоде

1 ноября 1934 г.

Докладной запиской от 9 июля сего года я доносил Вам о мероприятиях, направленных по освоению спецссылки, расселенной в Свердловской области.

За истекшие четыре месяца проведена значительная работа по улучшению материально-бытовых условий и хозяйственному закреплению трудовых поселенцев.

5) Большая работа проделана по ликвидации детской беспризорности в труд[овых] поселениях путем организации новых детприемников и передачи сирот на иждивение родственников.

6) Проведена частичная перегруппировка ссылки, путем изъятия от одних хозорганизаций, не желающих осваивать ее, и передачи другим (в промышленность и на новостройках).

Ликвидировано до 60 поселков, не имевших перспектив к хозяйственному закреплению ссылки. Этим самым устранены допущенные в 1930-1931 гг. ошибки территориального расселения ссылки.

Значительно сократилось бегство из ссылки и уменьшилась смертность (в октябре бежало 578 чел. против 1600 в мае-июне).

По системе Наркомлекса положение трудссылки остается тяжелым и напряженным. Главная

причина тяжелых условий ссылки в лесу заключается в том, что руководители мелких организаций недооценивают политические задачи освоения ссылки.

1) В результате безответственного отношения к выполнению директив партии и правительственных решений, уральские организации Наркомлеса уже лишились половины спецрабсилы за счет массового бегства и смертности трудпоселенцев за прошлые годы.

Динамика движения ссылки .по трестам «Западолес» и «Свердлес» за прошлое время по июнь текущего года составляли угрожающие размеры.

Из переданных этим трестам 35 217 семей с количеством в них 130 613 чел. за три с половиной года бежало 60 214 и умерло 31 240 чел.

Только по одному «Западолестресту» убыль ссылки составляет 56 %. .только в пяти районах (Коми-Пермяцкий округ, Ньроб, Н. Вишера) при обследовании выявлено более 2000 семей с количеством 5000 чел., не имеющих в своем составе ни одного трудоспособного (инвалиды, вдовы с малолетними детьми, старики и т. п.).

В числе 2000 семей было до 800 чел., опухших от истощения, и такое же количество стариков, неспособных ни к какой работе в силу своей дряхлости. В поселках «Западолеса» остались на положении беспризорников 2 850 детей, родители которых умерли или бежали из ссылки.

Начальник Управления НКВД по Свердловской области: И. Решетов

Источник: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.22. Л.22-49. Копия.

ДЕЛО О ПОДЖОГЕ КУЗНЕЧНО-ПРЕССОВОГО ЦЕХА УРАЛМАШЗАВОДА

Дело о поджоге кузнечно-прессового цеха на Уральском заводе тяжелого машиностроения по обвинению бывшего зам. тех. директора Уралмаша Баландина, инженеров Кушманова, Седелева и других, всего в количестве 11 человек, по 58 статье (пункты 7, 9, 11) Уголовного кодекса РСФСР, начнется слушанием 23 июля в зале звукового кино-театра Уралмашзавода в 6 час. вечера.

Председательствует председатель Свердловского областного суда тов. С. Г. Чудновский. Государственное обвинение поддерживает, по поручению прокурора Республики, прокурор Челябинской области тов. Леонидов Л. Я. и старший помощник прокурора Свердловской области тов. Курбатов. Общественным обвинителем выступает тов. Леопольд Авербах. Защиту ведут члены коллегии защитников т.т. Браславский и Ветлугин.

Вход по специальным пропускам.

*Дело о поджоге кузнечно-прессового цеха Уралмаша.
Заметка в газете. Источник: Уральский рабочий. 1934. №166*

О приговоре военной коллегии Верхсуда Союза ССР

по делу Зиновьева Г. Е., Евдокимова
Г. Е., Гертника А. М. и др.

Пятнадцатого — шестнадцатого января с. г. в г. Ленинграде зыбная сессия военной коллегии Верхсуда Союза ССР, под председательством В. В. Ульярих, в составе членов коллегии И. О. Матуловича и А. Д. Горчаева, рассмотрела дело по обвинению Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Гертника А. М., Бакаева И. П., Кушлина А. С., Намнева Л. Б., Шарова Я. В., Федорова Г. Ф., Горшенина И. С., Перимова А. В., Тарасова И. И., Файмиловича Л. Я., Герцберга А. В., Гессна С. М., Сахова Б. Н., Башкирова А. Ф., Царькова Н. А., Браво Б. Л. и Анишва А. И. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17, 58-8 и 58-11 УБ РСФСР.

Данными судебного следствия и признание самих обвиняемых было установлено существование в г. Москве вплоть до дня ареста подпольной контрреволюционной группы, образовавшейся из числа участников анти-советской агитационной олимпиады, во главе с т. н. «московским центром», в который входили Зиновьев Г. Е., Шаров Я. В., Кушлин А. С., Евдокимов Г. Е., Гертник А. М., Бакаев И. П., Намнев Л. Б., Федоров Г. Ф. и Горшенин И. С.

Суд установил, что под руководством т. н. «московского центра» действовала и подпольная контрреволюционная ленинградская группа с так называемым «ленинградским центром», главные участники которого осуждены военной коллегией Верхсуда Союза ССР 28—29 декабря 1934 года по делу об убийстве первого декабря 1934 года в гор. Ленинграде члена президиума ЦИК Союза ССР, члена политбюро и секретаря ЦК и ЦК ВРП(б) тов. С. М. Кирова.

Суд допросил в качестве свидетелей ряд лиц из числа участников этой к.-р. группы, дела о которых были выданы и направлены на рассмотрение.

Все эти лица (Сафаров, Эльнович) сообщили суду многочисленные факты о подпольной контрреволюционной деятельности «московского центра» и, в частности, Зиновьева, Гертника, Кушлина, Евдокимова и других. Эти же лица подтвердили многочисленные попытки «московского центра» организовать в разное время контрреволюционный бляк с раз-

личными антисоветскими группами, в целях развернутой борьбы против советской власти.

Судебное следствие не установило фактов, которые дали бы основание квалифицировать преступления членов «московского центра», в связи с убийством первого декабря 1934 года тов. С. М. Кирова, как подстрекательство к этому гнусному преступлению, однако, следствие полностью подтвердило, что участники контрреволюционной «московского центра» являлись в террористических настроениях ленинградской группы и сами разжигали эти настроения.

Все обвиняемые по настоящему делу полностью признали себя виновными по предъявленным им обвинениям.

Руководствуясь постановлением ЦИК Союза ССР от первого декабря 1934 года, военная коллегия Верхсуда Союза ССР приговорила:

1. Зиновьева Г. Е., как главного организатора и наиболее активного руководителя подпольной контрреволюционной группы «московского центра» — к тюремному заключению на десять лет.
 2. Гертника А. М. 3. Кушлина А. С. и 4. Сахова Б. Н., — как наиболее активных участников контрреволюционной подпольной группы «московского центра» — к тюремному заключению на десять лет каждого.
 5. Шарова Я. В., 6. Евдокимова Г. Е., 7. Бакаева И. П., 8. Горшенина И. С. и 9. Царькова Н. А., — за активное участие в указанной группе к тюремному заключению на восемь лет каждого.
 10. Федорова Г. Ф., 11. Герцберга А. В., 12. Гессна С. М., 13. Тарасова И. И., 14. Перимова А. В., 15. Анишва А. И. и 16. Файмиловича Л. Я., — за участие в указанной группе к тюремному заключению на шесть лет каждого.
 17. Намнева Л. Б., 18. Башкирова А. Ф. и 19. Браво Б. Л., — как менее активных участников указанной выше группы — к тюремному заключению на пять лет каждого.
- Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, суд постановил конфисковать.

О приговоре военной коллегии Верхсуда Союза ССР по делу Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Гертника А. М. и др.

Информационная заметка в газете.

Источник: Уральский рабочий. 1935. №16

ЛОЗУНГИ К 1 МАЯ 1935 ГОДА

1. Да здравствует 1-е мая—боевой смотр революционных сил международного пролетариата!
2. Братьям по классу, жертвам фашистского террора, узникам концлагерей... в день первого мая—ваш пролетарский привет!
3. Пролетарии всех стран! Укрепляйте дело пролетарского интернационализма! Ставьте пох знамена Коммунистического Интернационала! Вперед, к новым боям и победам! Да здравствует мировая социалистическая революция!
4. В странах капитализма, в странах фашизма миллионы рабочих и крестьян обречены на голод, нищету и безработицу. В СССР власть советов уничтожила безработицу, открыла всем трудящимся широкую дверь к зажиточной, культурной, радостной жизни. Пролетарии и крестьяне всего мира! Идите по пути рабочих и крестьян Советского Союза! Долой фашизм! Долой фашизм! Да здравствует советская власть во всем мире!

48. «...Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам» (Сталин). Безжалостно разламывайте дуршники и тряпки презренных палитов буржуазии на полонках бывшей зиповского-троцкистской своры! Ваше знамя ленинско-сталинской непримиримости ко всем врагам ленинизма!
49. Трудящиеся Страны Советов! Окаменевшие остатки угнетенного классового врага пытаются поодеть дело социализма. Искореняйте последнюю буржуазию! Долой благодушие и розоцветство! Будем всегда и везде бдительными!

Лозунги к 1 мая 1935 года. Революционная бдительность, мировая революция. Источник: Уральский рабочий. 1935. №95.

**«В целях предупреждения проникновения
в воздушные силы РККА
социально-чуждых элементов»***

Из запроса войсковой части
председателю горсовета

17 января 1936 г.

В целях предупреждения проникновения в Воздушные Силы РККА социально-чуждых и морально-неустойчивых элементов, на основании указаний ЦК ВКП (б) и директивы Заместителя] Нач[альника] Политуправления РККА от января 1935 г. войсковые части должны вести проверку данных о социально-имущественном положении и происхождении состоящих в РККА военнослужащих и их родственников через соответствующие райсоветы (горсоветы) по месту жительства военнослужащего и его ближайших родственников.

Прилагая при сем чистый бланк спецанкеты, прошу Вас путем тщательной проверки вопросов, указанных в данной анкете, заполнить ее подробными ответами на командира Воздушных Сил РККА тов[арища] Бишарова Степана Андреевича, заверить анкету Вашей подписью и печатью райсовета (горсовета), после чего спецанкету возвратить мне, но не позднее 15 февраля 1936 г. по адресу: Ленинград.

Начальник Политотдела:
(Пагольский)

Начальник отдела кадров:
(Александров)

**Источник: НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1863. Л. 269. Копия.*

Выше бдительность в разоблачении троцкистских последышей

Такие последыши троцкистско-зюновьевской фашистской банды — злобная кучка презренных и проклятых народов врагов все глубже маскирует свои гнусные дела. Бессилыне оставить победоносное движение вперед Родины социализма, испещаемые гневом народа, троцкистские мерзавцы становятся все шире в своей маскарвке.

Но растет бдительность большевиков партийных и непартийных, всего советского народа и велика большевистская бдительность сланных органов НКВД.

Враги партии и советской власти троцкисты Марьясиц, Колегаев, Тараканов, Киселев, а также ранее исключенные из пленума Облсполкома полные враги Стриганов, Мелников и Степанов длительное время вели свою гнусную, вредительскую работу. Бывший председатель Облсполкома Головин проявил преступное отношение к врагам партии и советской власти.

Безграничной ненавистью к заклятым врагам и их укрывателям были наполнены гневные выступления членов чрезвычайного пленума Областного Исполнительного Комитета, состоявшегося вчера.

На пленуме участвовали тт. Бабков, Шеняцын, Шахматьян, Дмитриев, М. Бузнецов, Богачев, Ковалев, Плиновос, Козубовский.

Член президиума Облсполкома, беспартийная большевичка, старая учительница Обуховская в своей взволнованной речи напомнила о величественной картине могущества Родины социализма — картине, развернувшейся на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов, де

легаткой которого т. Обуховская была.

— Гнусные враги, — говорят т. Обуховская, — позушают нашу священную страну, на руководимый Великим и любимым Сталиным народ, едущий счастье всего человечества. Троцкистские мерзавцы надо беспощадно уничтожать!

— Все мы должны выше поднять нашу революционную бдительность. Этой бдительности раз и хватало в президиуме Областного Исполнительного Комитета.

Выше поднять революционную бдительность! Быть ворками, быть всегда на-охране, уметь сорвать личину с искусно замаскированного врага!

Этот непреклонный вывод сделал пленум, принявший единогласно свои решения. Этот вывод еще раз должны сделать партийный и непартийный большевики все трудящиеся нашей области.

Разоблачение задержанных и изгнанных пленумом последышей троцкистской банды так же, как разоблачение троцкистского бандела Жарикова, разоблачение бывшего второго секретаря Пермского горкома троцкиста Дьячкова и контрреволюционного последыша Чернецова — все это властно требует поднятия революционной бдительности, которая на ряде участков нашей области была и продолжает еще оставаться не на высоте.

Ни один враг из змеяного фашистско-троцкистского гнезда должен остаться неразоблаченным!

**Постановления 9 пленума Свердловского
Областного Исполнительного Комитета,
состоявшегося 11 января 1937 года**

**I. О председателе Свердловского Облисполкома
Головине В. Ф.**

1. За политические ошибки и преступное отношение к врагам партии и правительства снять Головина В. Ф. с работы председателя Свердловского Облисполкома и вывести его из состава членов президиума пленума Облисполкома.

2. Временно исполняющим обязанности председателя Облисполкома утвердить тов. Плинокос Григория Павловича.

Вр. и. об. председателя Свердловского Областного Исполнительного Комитета Г. ПЛИНОКОС.
Зам. секретаря Свердловского Областного Исполнительного Комитета
НАЮРИН.

**II. Об исключении из состава членов
пленума Облисполкома**

Исключить из членов пленума Облисполкома, как врагов партии и советской власти—Марьясина, Колсаева, Тарканова, Кисалева.

Вр. и. об. председателя Свердловского Областного Исполнительного Комитета Г. ПЛИНОКОС.
Зам. секретаря Свердловского Областного Исполнительного Комитета
НАЮРИН.

Пленум Областного Исполнительного Комитета постановил также освободить тов. Царевского А. С. от обязанностей секретаря Свердловского Облисполкома и члена президиума Облисполкома, как не справившегося с работой и избрал секретарем и членом президиума Облисполкома тов.

Пленум избрал тов. Ветчинина кандидатом в члены президиума Облисполкома и постановил считать вышедшими из членов пленума Облисполкома, в связи с выездом на работу в другие области Союза, тт. Самойлова и Ухова

**«Выше бдительность в разоблачении троцкистских
последышей». Постановление пленума Свердловского
Облисполкома об исключении из состава членов пленума.**

11.01.1937. Статья и заметки в газете.

Источник: Уральский рабочий. 1937. №10.

**«...Есть один элемент,
которому место где-нибудь в Нарымском крае»***

Из анонимного письма-доноса

5 марта 1937 г.

Уполномоченному ОГПУ, ст[анция] Тагил

Прошу ОГПУ обратить внимание на . состав сотрудников управления района и на их благонадежность. Есть один элемент, которому место где-нибудь в Нарымском крае, а не здесь. Это бухгалтер Курочкин, сын торговца, до революции до 19 лет тоже торговал с отцом. Ненавидит партию, заклятый враг всех партийцев. Очень хитер, осторожен, ведет разлагающую агитацию среди сотрудников, с которыми работает, вообще человек вредный. Вот его слова, сказанные не так давно среди двух-трех человек: ну не долго царствовать этой шпане, будет и на нашей улице праздник, и, сжав кулаки, побелевши от злости, прошипел, а если представится случай, так я сам с десяток передую этих гадов, в особенности, самую главную из них Сталина. При каждом удобном случае он старается сказать что-нибудь по . соввласти, но все так остороженько, с оглядкой, чтоб в случае чего, выйти сухому из воды. Первый дезорганизатор в финансовом., и имеет влияние на некоторых сотрудников. на Михайлова, Шешина Андрея и др.

Мои слова не голословны, думаю, что его характеристику и оценку не откажутся дать. Если они честные люди и не желают зла советской власти, - начальник финансового бюро Степанов, по прежней его работе - АТУ района - Ни-

кандров, а по домашней обстановке сотрудница в районе – Рубцова.

Почему я это делаю письменно, да потому что сам ужасно нервный, всего боюсь, и лично ничего не сказать. А слушать этого типа больше терпения не хватает. Он и работать кондуктором поступал и в партию вступал только для того, чтобы замаскировать свое прошлое, а теперь прошло 15 лет, авось скажет, забылось. Последите за этим типом и убедитесь, что я прав, что его нужно убрать с производства и вообще он заслуживает наказание.

Сотрудник района

Дано задание сети проверить личность Курочкина, его биографические данные, политическую деловую характеристику, его связи, антисоветскую деятельность, суждения и разговоры о мероприятиях советской власти и т. д. Установлено постоянное наблюдение.

**Источник: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17195. Т. 1. Л. 1. Подлинник.
Анонимное письмо (донос) о контрреволюционной деятельности Курочкина Петра Ивановича написано карандашом, печатными буквами. Вследствие этого доноса Курочкин П. И. был арестован и приговорен к расстрелу.*

Вражеский глашатай на научной кафедре

Разоблачение контрреволюционной троцкистско-право-реставраторской деятельности Пашуканиса и его группы на правовом фронте, которые «с величайшей наглостью вели дело врагов социализма, пытавшихся подорвать наше право,—один из мощных рычагов диктатуры рабочего класса и советского государства» (Вышинский, «Правда»), объясняет в усиленно большевистской бдительности на этом участке, разоблачению всех антимарксистских взглядов и представлений, долго проповедывавшихся шпалой Пашуканиса в учебных заведениях.

В Свердловском юридическом институте не учтено по-серьезному указание «Правды». Иначе чем же объяснить факт, что научной кафедрой хозяйственного права здесь ведется неразоблаченный буржуазный идеолог, глашатай антимарксистских взглядов в области теории государства и права—проф. Антропов.

Чтобы яснее обрисовать политическое нутро Антропова, следует сказать, что в прошлом это—выпный болташовац, юриконсулт штаба Болчака. Сейчас этот вражеский толкователь теории государства и права, хитро маскируясь, орудует на научной кафедре Юридического института.

Политической слепотой руководителей и некоторых научных работников института объясняется, что Антропов, проповедующий в своих «научных» трудах троцкистскую право-реставраторскую контрбанду, не разоблачен. Ведь стоит только взглянуть в некоторые его труды, чтобы обнаружить вражеские руки. Например, в работе «Октябрьская революция и право» Антропов обходит и

замалчивает четкое марксистское понятие о производственных, классовых отношениях и классовых противоречиях.

В другом месте Антропов писал: «Государство—наиболее обширная и публично-властная территориальная организация классового господства». Но ведь это же полное извращение марксистско-ленинского определения сути государства, как аппарата господствующего класса и продукта мировых классовых противоречий общества. Таким извращением является толкование Антроповым права, которое, по его мнению, «настроена, состоящая из особых идеологических общественных отношений, особой психики и особой идеологии». Как известно, марксистское определение права совершенно иное, оно есть «воля господствующего класса, возведенная в закон» (К. Маркс).

Это не все. В вопросе союза пролетариата с крестьянством Антропов протаскивал явно вражескую контрбанду. Он клеветал на наши братские компартии в следующей тираде: «В советской России все новые и новые миллионы на деле участвуют в управлении нашим государством. Чемберлены этого не хотят видеть. Не знает, к сожалению, и рабочий авангард Западной Европы».

Не будем приводить многих иных фактов вражеской фальсификации. Удивительно одно, что этот человек до сего времени вытаскивает с фальшивыми, лженаучными лекциями по предмету хозяйственного права.

В лекциях Антропов продолжает протаскивать чуждую идеологию, превращает учение Ленина—Сталина о государстве, утверждает, что Бард

Реннер, Отто Бауэр являются австро-марксистами, а Каутский—«марксистом» в Германии, прожевывая скрежетом зубы, что у них имеются «вершишки фашизма!» Хороши вершишки!

За все годы работы в Свердловском юридическом институте Антропов был первым или вторым образом связан с разоблаченными троцкистскими группами в институте—Горичева, Воробьева (1934 г.), Шишова и Дубельского (1935 г.), которым он давал свои запрещенные труды и в которых консультировал.

Не удивляет он и в последнее время, прибивая к себе политический неустойчивых студентов, «воспитывая» их на вражеский зал. Так, например, Ступин, являющийся секретарем комсомольской организации, который был тесно связан с троцкистом Чесновым и рыло зашишал Чесновым вплоть до ареста последнего, и который демagogически разлагает комсомольскую организацию, является «любимым учеником» и банкирши Антропову человеку.

Перед Юридическим институтом поставлена серьезнейшая задача выловки достойных кадров провозников революционной законности, провозников Сталинской Конституции, которые, «будучи чужды к революционным потребностям момента, умели бы каждый шаг осмыслить с точки зрения основных задач политики партии и марксистской теории и в то же время, что главное, были бы чужды только «юридического фетишизма». («Правда»). И особенно ветерпими здесь политическая беспечность в розтозейство.

Я. ИРИНЦЕВ, студент Юридического института.

«Вражеский глашатай на научной кафедре». Статья-донос на профессора Свердловского юридического института И.А. Антропова (члена «троцкистской школы» Е.Б.Пашуканиса). Статья в газете. Источник: Уральский рабочий. 1937. №103.

Пленум Свердловского горсовета

25—26 июля состоялся пленум Свердловского горсовета. С большим вниманием депутаты выслушали доклад тов. Стояра о вредительской деятельности бывших руководителей совета—разоблаченных врагов народа и их прихвостней.

Подлые враги разоблачены и изгнаны, но депутаты горсовета также несут ответственность перед избирателями за то, что проглядели вредительскую деятельность бывших руководителей.

В прениях по докладу т. Стояра члены пленума тт. Котляров, Васильева, Шубина, Шиврин, Гвоздев и другие дополнили новыми фактами картину мерзкой вражеской работы. И когда тов. Федченко внесла на утверждение пленума список подлежащих из числа депутатов совета разоблаченных врагов народа и их подручных, в этом списке присутствующие добавили еще новые фамилии, в том числе прихвостня Авербаха Лаптева, пытавшегося оправдаться перед пленумом.

И. о. председателя Облисполкома тов. Алашеев от имени горкома ВКП(б) и Облисполкома предложил: ввиду того, что большинство членов президиума горсовета сняты с работы, как враги народа и их пособники, президиум распустить. Это предложение было принято единогласно.

Тайным голосованием пленум подавляющим большинством голосов избрал заместителем председателя горсовета тов. Петрова и ответственным секретарем горсовета—тов. Федченко. В состав президиума большинством голосов избраны тт. Петров, Федченко, Яковлев, Киселев, Каменев и Овчинников.

(СвердТАСС).

**Пленум Свердловского
горсовета. Предложение о
ропуске президиума горсовета
из-за снятия с работы его
членов как врагов народа.**

Статья и заметки в газете.

Источник: Уральский рабочий.
1937. №171.

Собрание свердловских писателей

Собрание писателей города Свердловска, начавшееся 13 мая, призвано обсудить статьи «Правды» и «Литературной газеты» о вредительской деятельности Авербаха и его последышей в литературе.

О сущности гнусной контрреволюционной роли Авербаха и его соратников достаточно полно и четко говорят статьи «Правды». Подлый троцкист—враг народа Авербах и его приспешники вслеськи боролись против решения ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП, боролись последовательно, упорно и злобно. Троцкист Авербах и его единомышленники пытались создать свой, враждебный партии Ленина—Сталина, предвзвученный для служения делу капиталистической реставрации в СССР—параллельный литературный центр.

Авербах и его соучастники—Киршон, Афиногенов и другие—использовали все изощреннейшие методы для достижения своих целей. В ход пускались оголтелая травля и запугивание писателей, неугомонные авербаховской группке, злобонные самети, лесть и подкуп, рекламная шумиха и вредительское разбазаривание государственных средств. Авербаховская литературная банда правительвала и конспиративные собрания. Она поддерживала тесные связи с фашистской контрразведкой и ее агентами.

втянутой в группашину. «Уральский рабочий» поддерживал таких людей, как поэт Троицкий, автор ряда враждебных произведений («Маргарита», «Город славы»). Статьи по литературным вопросам писали в газете авторы, но пользующиеся доверием писателей, как, например, Горев, исключенный из партии, и другие. Кроме того, работники газеты допустили ряд ошибок в оценках литературных произведений. Таким образом «Уральский рабочий» не сумел ни оказать творческой помощи писательской среде, ни содействовать ее оздоровлению.

Подавание, создавшееся в свердловской писательской организации, обязывает членов союза писателей, его кандидатов особенно глубоко и вдумчиво, со всей политической остротой, на высоком уровне самокритики подойти к обсуждению вопроса, стоящего на повестке дня.

Нужно, однако, сказать, что первый день собрания писателей прошел на чрезвычайно низком идейно-политическом уровне. Такому уровню немало способствовал доклад председателя правления т. Астахова. «Правда» строго предупредила тов. Астахова. Оценивая его политический доклад об итогах пленума союза советских писателей, «Правда» сказала, что «Астахов не способен по-большевистски бороться на ответственном посту руководителя писательской организации».

На развороте: Собрание свердловских писателей. Обсуждение «вредительской деятельности Авербаха и его последышей в литературе». Статья в газете. Источник: Уральский рабочий. 1937. №109.

Это азербайджанцы организовали в свое время травлю лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи — Маяковского. Делом их грязных рук была в свое время травля великого пролетарского писателя Максима Горького. Это азербайджанская шпана, подло двурушничая и распускавшая слухи в своей враждебности к Троцкому и Бухарину, на деле протаскивала в своих вражеских писанных троцкистские и бухаринские взгляды.

Свердловская организация писателей проводит свое собрание в обстановке особенно сложной, требующей острой бдительности, боевой и жесткой самокритики.

В Свердловске в качестве председателя отделения союза писателей орудовал враг народа Новик, вредительски развалявший писательскую организацию. В Свердловске, как известно, орудовал и вредил враг народа Авербах.

Неожидантно «Правда» ставила вопрос о чрезвычайном неблагополучии в свердловской писательской организации. Статья тов. Ильенкова «Свердловская организация писателей», помещенная в «Правде» 31 марта нынешнего года, содержит суровую и справедливую большевистскую критику. Оценивая создавшееся в Свердловском отделении союза писателей положение, «Правда» писала:

«Организацию» развалили богемы, групповщина, зазнайство, но решительной борьбы с этими явлениями не вели. Правления фактически не существовало. Партийная группа не собиралась и не собирается даже для обсуждения важнейших политических вопросов. Вновь избранное правление также не повело борьбы за оздоровление организации. Председатель правления Астахов, работавший вместе с Новиком, в прежнем составе правления, и в Институте марксизма и ленинизма, не сумел по-большевистски признать свои ошибки. Его апломбный доклад об итогах пленума союза советских писателей свидетельствует о том, что Астахов не способен по-большевистски бороться на ответственном посту руководителя писательской организации».

Справедливая критика содержалась в статье «Правды» и по адресу «Уральского рабочего». «Правда» писала:

«Областная газета «Уральский рабочий» не могла успешно бороться с групповщиной среди писателей, так как, при активном содействии зам. редактора Харитонова, сама оказалась

Этот урок, видимо, ничему не научил председателя правления. Доклад, сделанный на собрании 13 мая, не вскрывал с достаточной глубиной контрреволюционной сущности деятельности азербайджанской группы. И на этот раз Астахов, работавший в правлении союза писателей, которым руководил враг народа Новик, по существу ничем не помог разоблачить подрытую, контрреволюционную, вредительскую деятельность Новика. Основные обвинения, которые выдвинул докладчик в адрес Новика, сводились к тому, что Новик ослабил хозяйственную «мощь» Свердловского отделения союза писателей, в результате чего отделение пришлось... продавать мебель. Эта апломбная характеристика, по существу, затупила факты вредительства, писавшие место в писательской организации. У докладчика не нашлось ни одного слова, и для того, чтобы охарактеризовать работу Свердловского отделения союза в области ликвидации последствий вредительства. Председатель правления не сумел наметить сколько-нибудь конкретной программы действий, направленных на оздоровление свердловской организации писателей. Не сказал он ни слова и о том, что делается для этого оздоровления.

Речь идет о политическом оздоровлении писательской организации. И в этом свете важно подвергнуть глубокому обсуждению, к примеру говоря, такие факты, как длительное существование писательских курсов на писательской дате; ведь лекторами на этих курсах были, как раз Новик, Баммель, Застенкер. Характер деятельности этих курсов должен быть освещен. Писатели обязаны полным голосом, смело, большевистским языком — вскрывать факты вредительской деятельности.

Справедливую оценку доклад тов. Астахова, как доклада не удовлетворяющего основным политическим требованиям, сделал на собрании представитель Обкома ВМЛ(б) тов. Блажих.

Более чем валю развертывалась в первый день собрания самокритика. В прениях выступило за этот вечер только три члена и кандидата союза — гг. Новошенин, Подоссов, Малецкий.

Совершенно необходимо, чтобы на сегодняшнем собрании прозвучала, наконец, подлинно большевистская, боевая и конкретная самокритика, способствующая коренному улучшению и оздоровлению работы свердловской организации писателей!

ОСОБАЯ ПАПКА 1

Совершенно секретно

СССР

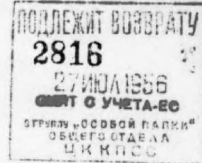
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

3 - февраля 1954.

№ 297/к
гор. МОСКВА

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Докладываю Вам, что в архивах МВД СССР обнаружено 383 списка "лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР". Эти списки были составлены в 1937 и 1938 годах НКВД СССР и тогда же представлены в ЦК ВКП(б) на рассмотрение. На всех списках имеются собственноручные резолюции И.В.СТАЛИНА и других членов Политбюро.

Представляю при этом подлинники всех указанных списков. Для необходимой справочной работы в МВД имеются вторые экземпляры (копии) списков.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту в 11 томах.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

С. Крутилов
(С. КРУТЮЛОВ)

*Дошло до
Чернышевского 1954 года
В. Манин*

*Хранилось в архиве Президиума
и т.д.
27 июля, В. Манин*

Сталинские расстрельные списки 1937-1938 гг. /
URL: shorturl.at/ltFIX

Совершенно секретно
Экз. № 1
30 июля 1937 г., г. Москва

**ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
№ 00447¹**

**«Об операции по репрессированию
бывших кулаков, уголовников
и других антисоветских элементов»**

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмек, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительство.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников — скотоконократов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших нака-

¹ Публикуется в сокращенном виде.

зание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ: С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ И ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ И УГОЛОВНИКОВ [...]

При организации и проведении операции руководствоваться следующим:

I. КОНТИНГЕНТЫ. ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских,

террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели [в царской России и во время Гражданской войны], бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе — на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ И КОЛИЧЕСТВО ПОДЛЕЖАЩИХ РЕПРЕССИИ

1. Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным Наркомаами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД

утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

	1 кате- гория	2 кате- гория	Всего
1. Азербайджанская ССР	1500	3750	5250
2. Армянская ССР	500	1000	1500
3. Белорусская ССР	2000	10000	12000
4. Грузинская ССР	2000	3000	5000
5. Киргизская ССР	250	500	750
6. Таджикская ССР	500	1300	1800
7. Туркменская ССР	500	1500	2000
8. Узбекская ССР	750	4000	4750
9. Башкирская АССР	500	1500	2000
10. Бурят-Монголь- ская АССР	350	1500	1850
11. Дагестанская АССР	500	2500	3000
12. Карельская АССР	300	700	1000
13. Кабардино-Бал- карская АССР	300	700	1000
14. Крымская АССР	300	1200	1500
15. Коми АССР	100	300	400
16. Калмыцкая АССР	100	300	400
17. Марийская АССР	300	1500	1800
18. Мордовская АССР	300	1500	1800
19. АССР Немцев По- волжья	200	700	900
20. Северо-Осетин- ская АССР	200	500	700
21. Татарская АССР	500	1500	2000
22. Удмуртская АССР	200	500	700

	1 кате- гория	2 кате- гория	Всего
23. Чечено-Ингуш- ская АССР	500	1500	2000
24. Чувашская АССР	300	1500	1800
25. Азово-Черномор- ский край	5000	8000	13000
26. Дальневосточный край	2000	4000	6000
27. Западно-Сибир- ский край	5000	12000	17000
28. Красноярский край	750	2500	3250
29. Орджоникидзев- ский край	1000	4000	5000
30. Восточно-Сибир- ская область	1000	4000	5000
31. Воронежская область	1000	3500	4500
32. Горьковская область	1000	3500	4500
33. Западная область	1000	5000	6000
34. Ивановская область	750	2000	2750
35. Калининская область	1000	3000	4000
36. Курская область	1000	3000	4000
37. Куйбышевская область	1000	4000	5000
38. Кировская область	500	1500	2000
39. Ленинградская область	4000	10000	14000

	1 кате- гория	2 кате- гория	Всего
40. Московская область	5000	30000	35000
41. Омская область	1000	2500	3500
42. Оренбургская область	1500	3000	4500
43. Саратовская область	1000	2000	3000
44. Сталинградская область	1000	3000	4000
45. Свердловская область	4000	6000	10000
46. Северная область	750	2000	2750
47. Челябинская область	1500	4500	6000
48. Ярославская область	750	1250	2000
Украинская ССР			
1. Харьковская область	1500	4000	5500
2. Киевская область	2000	3500	5500
3. Винницкая область	1000	3000	4000
4. Донецкая область	1000	3000	4000
5. Одесская область	1000	3500	4500
6. Днепропетровская область	1000	2000	3000
7. Черниговская область	300	1300	1600
8. Молдавская АССР	200	500	700

	1 кате- гория	2 кате- гория	Всего
Казахская ССР			
1. Северо-Казах- станская область	650	300	950
2. Южно-Казахстан- ская область	350	600	950
3. Западно-Казах- станская область	100	200	300
4. Кустанайская об- ласть	150	450	600
5. Восточно-Казах- станская область	300	1050	1350
6. Актюбинская об- ласть	350	1000	1350
7. Карагандинская область	400	600	1000
8. Алма-Атинская область	200	800	1000
Лагеря НКВД	10000	-	10000

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются. В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой кате-

гории, во вторую категорию и наоборот – разрешается.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессировываются, исключение составляют:

а) Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагерь или трудпоселки.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

в) Семьи репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение [...]

V. ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ТРОЕК

1. Утверждаю следующий персональный состав республиканских, краевых и областных троек.

2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский, краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведет свою работу или находясь в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД, или областных отделов НКВД, или выезжая к местам расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

Тройки, в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного, могут относить лиц, намеченных к репрессированию по второй категории, к первой категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, ко второй.

5. Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесенные ими приговора в отношении каждого осужденного.

Протокол заседания тройки направляется начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. К следственным делам приобщаются выписки из протоколов в отношении каждого осужденного.

VI. ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ

1. Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т. е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговора в исполнение являются — заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.

2. Приговоры по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников

управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение.

Документы об исполнении приговора приобщаются в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории, производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГом НКВД СССР [...]

Ежов

Верно: Фриновский

Источник: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 1: 1937 г. М., 2010. С. 99-115.

Секретно
11 августа 1937 г. г. Москва

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ
народного комиссара внутренних дел
Союза С.С.Р.
№ 00485¹

Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, а также материалы следствия по делу „ПОВ“ («Польская организация войсковая» – прим. ред.) вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза.

Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.

Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организации ПОВ полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учета (из общей массы пе-

¹ Пример приказа по одной из «национальных» операций: серии массовых репрессивных кампаний, проводившихся органами НКВД в период Большого террора 1937–1938 годов и направленных в основном против лиц иностранных для СССР национальностей. Публикуется в сокращенном виде.

ребечников из Польши, насчитывающей примерно 15.000 человек, учтено по Союзу только 9.000 человек. В Западной Сибири из находящихся на ее территории около 5.000 перебежчиков, учтено не более 1.000 ч.). Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши. Что касается агентурной работы, то она почти совершенно отсутствует. Больше того, существующая агентура, как правило, двойническая, подставленная самой польской разведкой.

Недостаточно решительная ликвидация кадров польской разведки тем более опасна сейчас, когда разгромлен московский центр „ПОВ“ и арестованы многие активнейшие его члены. Польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР и, в первую очередь, на его оборонных объектах.

В соответствии с этим основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки „ПОВ“ и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20 августа 1937 года начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций „ПОВ“ и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3-х месячный срок, т.е. к 20 ноября 1937 года.

2. Аресту подлежат:

а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены „ПОВ“ по прилагаемому списку;

б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

в) перебежчики из Польши, независимо от времени их перехода в СССР;

г) политэмигранты и политобменные из Польши;

д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов [...]

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу. Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп, с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети. Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов — НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ. Для ведения следствия выделить специальную группу оперативных работников.

5. Все арестованные по мере выявления их виновности в процессе следствия — подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 5 до 10 лет.

6. На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории, каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР

После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т.е. осужденные по первой категории — расстреливаются и по второй отправляются в тюрьмы и лагеря, согласно нарядов НКВД СССР [...]

9. О ходе операции телеграфно доносить каждые 5 дней, т.е. 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца.

п.п. НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СССР ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

— ЕЖОВ

С подлинным верно: ОПЕРСЕКРЕТАРЬ ГУГБ
НКВД СССР Комбриг (УЛЬМЕР)

Источник: Бутовский полигон 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. С. 353–354.

Сверхбдительный директор

В январе 1938 года на курсах мастеров социалистического труда на Волжском заводе произошло событие, создавшее громкую славу директору этих курсов В. Зыкову.

Еще в недалеком прошлом Зыков за политически-блуждающего человека, но умевшего отличать друга от врага, не находившего в себе мужества пресечь и искоренить враждебную деятельность орудовавших рядом с ним отъявленных врагов народа.

Теперь Зыков во что бы то ни стало старается показать себя сверхбдительным.

Событие началось так:

На курсах мастеров социалистического труда литературу и русский преподает Ольга Константиновна Козловская. Она двадцать лет работает в школе. До Зыкова никто не замечал за старой учительницей ничего предосудительного. Козловская пользовалась у преподавателей и всех учащихся уважением и любовью, как истинный советский труженик, как большой мастер педагогического искусства. У ней учились этому искусству многие преподаватели. Учащиеся с большой охотой посещают ее уроки. Классе Козловской — один из самых немногих, в котором обеспечены закреплены стопроцентная посещаемость учащихся и стопроцентное выполнение домашних работ. Достигают это кропотливой, энергичной работой, умением заинтересовать учащихся изучаемым предметом, серьезной и глубокой подготовкой к каждому уроку. Козловская не ограничивается учебной работой и активно участвует в общественной жизни. По вечерам, которые ей давали, она выходя с любовью, выхватывая в них свое умение, все силы.

Умает сочинять разоблачительное «распоряжение», вошедшее в книгу приказов под № 155.

«На уроке русского языка, — повествуется в этом приказе, — мною обнаружен недопустимый в советской школе факт. Преподавательница Козловская продирижировала всему классу чуждый по своему идейному содержанию текст предложения. Это предложение без всяких возражений со стороны слушателей было записано на доске и в тетрадях учащихся».

Следующие пункты распоряжения сверхбдительного директора содержат полную клевету на ни в чем неповинную советскую учительницу. Оказывается, она и неряшлива, и плохо готовится к урокам, и, что самое главное, у ней нет «элементарного политического чутья».

Мерой наказания директор определил на первый раз объявление строгого выговора с предупреждением. Но чувствуя, что этого мало, добавил: «спровергнуть всю педагогическую работу Козловской в школе, осудить настоящее распоряжение на педагогическом и во всех группах курсов».

Потряса приказом, директор сам зачитывал его в классах, напоминая собой бойких, молодых людей, «которые, — как писал старик Шейн, — ради карьеры готовы отречься от отца и матери, которые, так сказать, едва вышедши из пеленок, уже потирают указательным перстом, как бы угрожая невзлюбленному врагу: «вот я тебя!».

И преподаватели и слушатели были ошеломлены клеветническим порывом своего директора. К сожалению, никто из них открыто и громко не призвал к порицанию негодного клеветника. Но все были явно недовольны.

— Тут что-то не так, познакомилась с Ольгой Константиновной, решила Зыков. — Надо к ней прикоснуться поближе.

— Напишите-ка мне автобиографию. — обращается он к ней.

Учительница пишет. Ничего не подозревая, она честно рассказывает о том, что 50 лет тому назад родилась в дворянской семье, о том, как беспробудно было ее прошлое и какое огромное удовлетворение доставляет ей обучение граждан нашей социалистической родины.

— Родилась от дворянских родителей! — Зыкову оказалось этого предания достаточно, чтобы взять на нем неповинную учительницу под подозрение.

Он начинает грубить ей и высказывать компрометирующие ее статьи.

21 января был урок русского языка. Занимались анализом предложения с одним подлежащим и двумя сказуемыми. Учительница интуитивно всему классу и пишет на доске предложение из Пушкинской повести «Метель»:

— «Властимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику»...

— Так и есть. — окончательно решает Зыков, — дворянского происхождения! Интуитивно вражеские слова. Не тепло!

И расчувствовав так, сверхбдительный директор, как шедрицкий герой, на-

Старая учительница, оклеветанная бездушным самодромом, заболела. Первый приступ приковал ее к постели. Уроки русского языка и литературы, которые так охотно посещались слушателями, прекратились.

Обком партии защитил старую учительницу от гнусного клеветника.

Бюро Обкома ВВП(б) признало, что Зыков проявил исключительное самодрство и бездушие.

В целях показной бдительности и самостраховки, — говорится в постановлении Обкома ВВП(б), — Зыков оклеветал Козловскую, без всяких оснований наложил на нее административное взыскание и дискредитировал ее перед слушателями и педагогами курсов.

Обком нашел невозможным оставление и дальнейшее использование Зыкова на руководящей работе, снял его с должности лектора курсов и объявил ему строгий выговор.

Директору Всех-Исетского завода тов. Горбачеву Обком поручил отменить приказ Зыкова об учительнице Козловской, как неправильный и политически вредный, и информировать об этом педагогический коллектив и слушателей курсов.

Таков конец печальной деятельности сверхбдительного директора.

П. ИРЕНИН.

«Сверхбдительный директор». Газетная статья о травле учительницы О. К. Козловской. Источник: Уральский рабочий. 1938. № 30.

Расстрелять*

Выписка из протокола заседания тройки
при УНКВД Свердловской области

25 февраля 1938 г.

СЛУШАЛИ:

328. ДЕЛО № 28270 ТАГИЛЬСКОГО Р/О НКВД по обвинению ШАРОВА Ивана Прокопьевича, 1891 г[ода] р[ождения], ур[оженец] Тагильского района, сын подрядчика, бывш[ий] белый офицер, судим.

Обвиняется в том, что являлся руководящим участником к[онтр]-р[еволюционной] повстанческой террористической организации в Тагильском районе, ставившей свое целью свержение советской власти путем вооруженного восстания.

Вел вербовку новых повстанческих кадров и возглавлял повстанческий взвод.

ПОСТАНОВИЛИ:

ШАРОВА ИВАНА ПРОКОПЬЕВИЧА - РАССТРЕЛЯТЬ.
ЛИЧНО ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ИМУЩЕСТВО - КОНФИСКОВАТЬ.

Секретарь тройки УНКВД: КУЗНЕЦОВ Верно:
инспектор 8 отд.

*Источник: ГААОСО. Ф. 1 Оп. 2. Д. 18171. Т. 3. Л. 265. Подлинник.

СЛУШАЛИ:

329. ДЕЛО № 28270 ТАГИЛЬСКОГО Р/О НКВД по обвинению ИЛЬИНА Василия Евсеевича, 1894 г[ода] р[ождения], ур[оженец] Тагильского района, белогвардеец, судим.

Обвиняется в том, что являлся руководящим участником к[онтр]-р[еволюционной] повстанческой террористической организации в Тагильском районе, ставившей свое целью свержение советской власти путем вооруженного восстания.

Вербовал новые повстанческие кадры и руководил ими на медном руднике и кирпичном заводе.

ПОСТАНОВИЛИ:

ИЛЬИНА ВАСИЛИЯ ЕВСЕЕВИЧА - РАССТРЕЛЯТЬ.

ЛИЧНО ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ИМУЩЕСТВО - КОНФИСКОВАТЬ.

Секретарь тройки УНКВД

**Источник: ГААОСО. Ф. 1 Оп. 2. Д. 18171. Т. 3. Л. 265. Подлинник.*

Исполнение приговора
Выписка из акта

25 января 1938 г.

Постановление тройки УНКВД по Свердловской области от 30 декабря 1937 г. о расстреле Орлова Алексея Георгиевича приведено в исполнение 25 января 1938 г. в 24 часа.

СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ -
СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
КУЗНЕЦОВ

Источник: ГААОСО. Ф. 1 Оп. 2. Д. 27461. Т. 2. Л. 126. Подлинник.

Я. Замятин

К Расстрелу!

*Из газеты «Тагильский рабочий»
3 марта 1938 г.*

*Цепные псы Без племени и рода Страну делили нашу,
Озверев.*

*Недаром у советского народа
К ним только ненависть И только гнев.
И в розницу, и оптом Продавали - Ее,
Такую на земле одну.*

Шипя,

*Враги народа разжигали Кровавую,
Смертельную войну.*

*Их жертвой был Железной воли Киров - Любимец партии,
Гроза врагов.*

*Предателям Республики и мира Судья -
Народ страны большевиков.*

Менжинский, Киров,

Куйбышев и Горький - Нам близкие Родные имена.

Враги их вырвали Из нашей стройки;

Убийцам пишет приговор Страна.

*За нашими Любимыми вождами Охотились враги,
Пьяны от зла.*

Но схвачены чекистскими

Руками

Они,

Разбойники из-за угла.

Перед судом Шпионы и убийцы,

Как зверь в капкане,

Каждый присмирел.

Попался враг в «ежовы» рукавицы.

Да, вся страна за приговор - Расстрел!

РЕАБИЛИТАЦИЯ тов. ПОПОВА

Ленинский район ВКП(б) г. Свердловска рассмотрел дело тов. Попова, бывшего председателя ревкомиссии областного совета Осоавиахиза.

В октябре прошлого года т. Попову на областной конференции Осоавиахиза было необоснованно выражено политическое недоверие и от был удален с конференции. Редакция газеты «Уральский рабочий», пожелав отчет о работе конференции (см. номер от 12 октября 1937 г.), сообщила, что было «...решено удалить с конференции и исключившего из членства

тов. Попова, как участившего в связи с врагами взрыва», чем также по существу поддержала клеветническое обвинение против него.

Райком призвал расследовать по существу указанные факты и установить, что обвинение, предъявленное тов. Попову, является необоснованным; он с конференцией был удален неправильно. Райком реабилитировал тов. Попова. Бюро райкома указало тов. Попову на абсолютность его долга на областной конференции Осоавиахиза.

Реабилитация тов. Попова. Заметка в газету. Источник: Уральский рабочий. 1938. №43.

Трудящиеся требуют уничтожить подлых врагов народа

Грозный голос металлургов

Из резолюции, принятой участниками 2 пленума ЦК металлургов Востока

Более 200 участников второго пленума ЦК металлургов Востока с чувством величайшего негодования узнали о чудовищных преступлениях троцкистско-бухаринских бандитов. В единогласно принятой резолюции металлурги заявляют:

— Нет предела нашему возмущению и негодованию по поводу гнусных действий подельников из полных бандитов, злобедов Бухарина, Рыкова, Яголы, Раковского, Крестинского и других сообщников этой презренной банды агентов фашизма.

Второй пленум ЦК создал черной металлургии Востока от имени 160

тысяч рабочих, служащих, инженеров и техников металлургических заводов Востока требует беспощадного уничтожения этих гадов, паскинов фашизма—Бухарина, Рыкова, Яголы и всех их сообщников.

Металлурги Востока еще более сплотят свои ряды вокруг партии Ленина—Сталина, вокруг великого Сталина и вместе со всеми трудящимися нашей социалистической родины на козлы проклятых врагов отвратят еще большим повышением революционной бдительности, повышением производительности труда, укреплением нашей Отчизны Советов.

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО ДОЛЖНО БЫТЬ УНИЧТОЖЕНО

Многочисленный народ нашей страны на обвинительном заключении по делу «право-троцкистского блока» и попроса первых подсудимых узнал о полной деятельности шпионов, убийц и диверсантов, пытавшихся расчленить великий советский народ, вернуть армию помещиков и капиталистов. Столь мерзких преступлений перед лицом, казак совершили Бухарин, Рыков, Яголы и другие бандиты, на злобу еще человечество.

Злейшим врагам народа не удалось повернуть колесо истории вспять. Оглетела банды разоблачена и разбита. Действия матерых шпионов и

убийц—Троцкого, Бухарина, Рыкова, Яголы, Левина, Плетнева, Базилева и других мерзавцев не забудем и не простим мы никогда, не простит наша родина, наш народ за измену, шпионаж, за извержение, убийство юного С. М. Кирова. Наша родина, наш народ не простят гнусным бандам умерщвление товарищей Куйбышева, Менжинского, Горького. Врагам народа и всем презренным убийцам и предателям не было, нет и впредь не будет пощады. Змеиное гнездо троцкистско-бухаринских шпионов должно быть уничтожено!

Профессор Пермского медицинского факультета Б. В. ПАРИН.

ВЫСШУЮ МЕРУ НАКАЗАНИЯ

Резолюция митинга инженерно-технических работников и служащих заводоуправления Надеждинского металлургического завода

Мы, инженерно-технические работники и служащие заводоуправления Надеждинского металлургического завода, выражаем свою глубокую ненависть к разоблаченным врагам народа за злодеяния против нашей

Мы требуем от советского суда применить к злодеям высшую меру социальной защиты—расстрел.

Поляны врагам не удалось и никогда не удастся сломить мощь нашей великой родины—нашего Советского

СМЕРТЬ! ФАШИСТСКИМ НАЙМИТАМ

КУНГУР, 3 (по телефону от соб. корр.). На заводах, предприятиях и в колхозах района состоялись митинги по поводу начавшегося суда надшейской арестованной родины, озверевших фашистских наймитов на «право-троцкистского блока».

Все выступления и резолюции трудящихся района имеют значение не только к презренной троцкистско-бухаринской банде заговорщиков. Трактористы, комбайнеры, рабочие-механики, агрономы и служащие Кунгурской МТС в единогласно принятой резолюции пишут:

«Троцкистско-бухаринские бандиты хотели отнять у советского народа свободу и радость жизни, восстановить власть помещиков и капиталистов. В своей злой злобе фашистские мерзавцы погнали эмигрантов на лучших сынов партии и народа борцов за коммунизм гг. Кирова, Куйбышева, Менжинского и Горького.

Бандитская свора замыслила отнять у советского народа самое дорогое—наше сердце—учителя и вождя товарища Сталина. Черные замыслы врагов пресечены славыми партизанами, возмущенными сталинскими партизанами П. И. Ежовым.

Гневом полны наши сердца. Мы требуем от Военной коллегии Верховного суда уничтожить гнусную банду. Выше поднимем большевистскую революционную бдительность, тесней сплетемся вокруг нашей большевистской партии и великого вождя народов товарища Сталина. Поможем органам НКВД до конца выгнать троцкистско-бухаринское отребье. Еще шире развернем соревнование и сталинское движение, образцовой подготовкой встретим весну, будем крепить обороноспособность нашей прекрасной родины».

Расстрелять право-троцкистских гадов

Из резолюции собрания жильцов 71 домоуправления

«Трудящиеся требуют уничтожить подлых врагов народа».

Подборка заметок в газету. Источник: Уральский рабочий. 1938. №52.

Единственный справедливый приговор— расстрелять

Общее собрание коллектива работников театра оперы и балета им. А. В. Луначарского выразило свое глубокое негодование по поводу преступной и омерзительной деятельности подлой фашистско-троцкистской банды.

Презренные фашистские наймиты злодейски убили лучших людей нашей родины—Кирова, Куйбышева, Горького и Мельникова. Они закосили свою грязную кровавую лапу, чтобы убить великих героев революции—Ленина и Сталина. Может ли советский народ простить преступления гадин на троцкистско-бухаринской шайбе? Нет, пощады врагам народа не будет. Смерть убийцам!—вот единственный справедливый приговор забесившимся псам кровавого фашизма.

Коллектив театра еще теснее сплочется вокруг партии Ленина—Сталина.

От имени шестисот работников театра: народный артист Республики **МАРГУЛЯН**, засл. арт. Республики **МЕСНЯЕВ**, засл. арт. Республики **АГРАНОВСКИЙ**, **БЕРНЕР**, **БАРАШКОВ**, **КУРОЧКИН**, **КОЧНЕВ**, **КЕЛЛЕР**, **ЕРЕМЕЕВ**.

«Единственный справедливый приговор – расстрелять». Заметка в газете за подписью работников театра оперы и балета им. А.В.Луначарского. Источник: Уральский рабочий. 1938. №53.

Под маркой музея

...Под высоким куполом, слова кружась в воздухе, летают ярко-намазанные ангелы. На стене — картина, изображающая сцену «Нагорной проповеди». Прямо-таки массивные «царские ворота» оцелой армией «святых». Зритель бросает взор в противоположную сторону — перед глазами скульптурная группа «12 апостолов», «бег Савваф» и слова ангелы. Посетитель ищет надписи. Они воткнуты: «святых святых».

Что это? Первозы, сохранившая, как музейная редкость, ван антирелигиозный музей? Ни то, ни другое. Это — отдел деревянной скульптуры Пермской художественной галереи. Несколько лет тому назад собрали несколько сот деревянных скульптур, изображающих «христа-спасителя», апостолов и иных «святых», долгие годы потынившихся в многочисленных церквях Пермской губернии, и, поставив в одном из отделов художественной галереи, решили, что лучшего места для них не найти.

Чем же является в настоящее время этот отдел деревянной скульптуры, какую роль он играет в этом учреждении, вменуемом художественной галереей? Какую увидя, только не антирелигиозную. Экспозиция отдела составлена по принципу психологической выразительности пермских «богов», без объяснений, без этикеток. В отделе — ни одного политического лозунга, ни одной антирелигиозной цитаты. Расписные «христы» висят на щитах красного фона, а под одной из церковных цитат то ли по недомыслию, то ли по враждебному

умыслу написали одну из отатей Сталинской Конституции.

Эту политически вредную экспозицию дополняет не менее вредная книга «Пермская деревянная скульптура», выпущенная в свет десять лет тому назад. На протяжении многих страниц автор этой книги, он же директор галереи Серебренников, грубо фальсифицирует историю, клеветает на жителей Пермского края, проповедует поповщину. Так, на 29-й странице своего «ученого» труда он утверждает, что первыми шагами по пути приобщения к западно-европейской культуре великий русский народ обязан в начале 17 века не кому-нибудь, а самозванцу, ставленнику польских панов. На 18-й странице он с наглостью утверждает о казкой-то «умственной отсталости» пермяков, далее, с трогательной подробностью, описав бжюдо, «которое употребляется во всеобщем бдении при благословении хлеба, пшеницы, вина и елей», он снова возвращается к клевете, утверждая на 123-й странице о «малоподвижности и вностинокности» жителей Пермь Великой.

Отдел деревянной скульптуры Пермской художественной галереи является сегодня ни чем иным, как рассадником грубого невежества, поповского дурмана, а монография, посвященная этому отделу, — вредной книгой.

Пермский горком ВКП(б) должен, наконец, заинтересоваться этим делом и, реализуя указание партии о ликвидации последствий вредительства, сделать практические выводы.

Д. ВЛАДИМИРСКИЙ.

«Под маркой музея». Статья об отделе деревянной скульптуры Пермской художественной галереи. Источник: Уральский рабочий. 1938. № 209.

ОБ АРЕСТАХ, ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ И ВЕДЕНИИ СЛЕДСТВИЯ

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР
и Центрального Комитета ВКП(б).

СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что за 1937—38 г.г., под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа также и по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, переброшенных в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч.

Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда – не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД.

Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры, являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и что хуже всего, многие наркомвнудельцы потеряли

вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной, агентурной работы следствию, как правило, не удавалось полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи.

Такая недооценка значения агентурной работы и недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимы, что Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 года, 17 июня 1935 года и, наконец, 3 марта 1937 года давали категорически указания о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.).

Часто арестованный не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах арестованных протоколы допроса не всегда ведутся. Нередко имеют место случаи, когда показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время (декада, месяц и даже больше), составляется общий протокол,

причем совершенно не выполняется требование статьи 138 УПК о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения.

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются не подписанные и не утвержденные обвинительные заключения и т. п.

Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному произволу и грубым нарушениям установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах, — враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и

даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место, как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

Все эти отмеченные в работе органов НКВД и Прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры, — СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Выселение из погранполосы допускается в каждом отдельном случае с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а

также тройки при областных, краевых и республиканских Управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР.

3. При арестах, органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест — органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все, обосновывающие необходимость ареста материалы;

в) органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест, наряду с работниками НКВД, несет ответственность и, давший санкцию на арест, прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования Уголовно-процессуальных Кодексов [...]

5. Обязать органы Прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных Кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД [...]

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы Прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие — признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и прокурора Союза ССР [...]

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 октября 1938 г. В частности, одобрить решение НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей [...]

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу Народного Комиссара Внутренних Дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и Прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и Прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив Партии

и Правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета народных комиссаров
СССР В. МОЛОТОВ
Секретарь Центрального Комитета ВКП(б)
И. СТАЛИН

17 ноября 1938 года
№ П 4387

Источник: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 607-611.

Информационное сообщение

9—10 января 1939 года состоялся IV (внеочередной) пленум Свердловского обкома ВКП(б) с участием первых секретарей горкомов и райкомов партии.

Пленум обсудил постановление Центрального Комитета ВКП(б) от 30 декабря 1938 года «О работе Свердловского обкома ВКП(б)».

Пленум принял к неуклонному руководству и исполнению постановление ЦК ВКП(б) и единодушно одобрил решение ЦК ВКП(б) о снятии с поста первого секретаря обкома тов. **Валухина Н. Н.** и вывел его из состава членов бюро и пленума обкома ВКП(б).

Пленум вывел из состава бюро обкома ВКП(б) редактора газеты «Уральский рабочий» тов. **Леонова И. П.**, а также вывел из состава кандидатов в члены бюро обкома ВКП(б) бывшего секретаря обкома ВЛКСМ тов. **Санникова И. С.**

Первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б) пленум единогласно избрал тов. **Анрианова В. М.**, ранее работавшего заместителем заведующего отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б), и ввел его в состав пленума и бюро обкома ВКП(б).

Пленум принял соответствующее решение.

За большевистский стиль руководства

Два дня работал IV (внеочередной) пленум Свердловского обкома партии совместно с первыми секретарями Горкомов и райкомов ВКП(б). Пленум тщательно обсудил решение Центрального Комитета ВКП(б) по отчетному докладу Свердловского обкома. Центральный Комитет партии признал работу обкома ВКП(б) неудовлетворительной и постановил снять с поста первого секретаря обкома т. Валухина, как неоправдавшего доверия ЦК.

Решение Сталинского Центрального Комитета, единодушно одобренное пленумом обкома, мобилизует всю областную партийную организацию на большевистское выполнение тех огромных задач, которые поставлены перед Свердловской областью партией и Советским правительством.

А задачи эти поистине огромны. Свердловская область, имеющая громадное значение в народном хозяйстве страны, находится в большом долгу перед государством. Троцкистско-бухаринские фашистские шпионы и диверсанты, в течение ряда лет орудовавшие в областных организациях, приложили свою кровавую лапу во всем участкам хозяйства области — и к промышленности, и к транспорту, и к сельскому, и к городскому хозяйству. Они разваливали партийно-политическую работу и старались перебить наши большевистские кадры, преданные партии Ленина — Сталина.

Зоркая советская разведка под

Жилищно-коммунальное строительство по-прежнему ведется совершенно неудовлетворительно, несмотря на громадную помощь, оказанную партией и правительством.

В чем же причины такого положения Свердловской области? Сталинский Центральный Комитет вскрыл эти причины. Они заключаются в гнилом стиле руководства обкома. Отрыв от масс, шумиха, бесконечные заседания вместо конкретного руководства, вместо большевистской борьбы за ликвидацию последствий вредительства, за подъем работы промышленности, транспорта и сельского хозяйства, — таков был стиль руководства Свердловского обкома. Гнилой, порочный стиль!

Гениальный наш учитель и вождь товарищ Сталин учит руководителей повседневно укреплять связи с массами, чутко реагировать на сигналы трудящихся, учить массы и учиться у них. Это указание вождя партии не было выполнено руководством Свердловского обкома ВКП(б).

Товарищ Сталин учит партию повседневно развешивать самокритику, ибо самокритика — основа партийных действий, основа наших успехов на всех участках работы. Это указание товарища Сталина не было выполнено руководством Свердловского обкома.

Товарищ Сталин учит руководителей смелее выдвигать новые кадры, преданные делу коммунизма, на руководящую работу. Это указание

Руководством Центрального Комитета партии разгромила и уничтожила основные вражеские гнезда. Сталинский Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство оказали большевикам Свердловской области громадную помощь для ликвидации последствий вредительства. Нужно было только уметь использовать эту помощь и по-большевистски взяться за ликвидацию последствий вражеской подрывной работы.

Однако Свердловский обком и его руководство в лице бывшего первого секретаря т. Валухина не сделало необходимых выводов из указаний товарища Сталина и не приняло мер для ликвидации последствий вредительства в партийной и хозяйственной работе.

Об этом говорят, во-первых, тот факт, что быв. секретарь обкома т. Валухин и бюро обкома не приняли мер к очищению партийного и советского аппарата от политически сомнительных лиц, в результате чего у руководства ряда партийных, советских и хозяйственных организаций оказались люди, не заслуживающие политического доверия и неспособные по-большевистски выполнять директивы партии и правительства.

Об этом говорят, во-вторых, то, что в Свердловской организации до сих пор не разобрано до 500 апелляций исключенных из ВКП(б), хотя сроки, установленные для этого январским Пленумом ЦК ВКП(б), давно прошли. Обком не выполнил решений Пленума ЦК о привлечении к ответственности клеветников и карьеристов, стремившихся выслужиться на исключенных из партии честных людей. В результате многие клеветники остались ненаказанными, а честные люди до сих пор не реабилитированы.

товарища Сталина также не было выполнено руководством Свердловского обкома.

Занимаясь шумихой и бесконечными заседаниями, руководство обкома было оторвано от масс, не видело и не знало нужд предприятий и колхозов и не оказывало им своевременной помощи. Поэтому такое руководство и обанкротилось.

Пленум обкома ВКП(б) по-большевистски раскрыл гнилой стиль работы бывшего первого секретаря обкома т. Валухина и ошибки бюро обкома. Пленум подверг резкой критике газету «Уральский рабочий» и ее редактора. Наша газета не развертывала большевистской самокритики невзирая на лица. Руководство газеты допустило политическую ошибку, не перепечатав из «Правды» корреспонденцию тов. Жильцова, правильно критиковавшую работу Свердловского горкома и его бывшего первого секретаря т. Валухина.

Сталинский Центральный Комитет партии разоблачил негодный стиль работы обкома и укрепил его руководство. Центральный Комитет указал Свердловской областной партийной организации конкретные пути исправления допущенных ошибок.

Мы не раз давали обещания товарищу Сталину, Центральному Комитету партии покончить с ялпотской болезнью — беспечностью, ликвидировать последствия вредительства и вывести Свердловскую область в число передовых областей нашей великой социалистической родины. Эти обещания не выполнялись. А у большевиков слово не должно расходиться с делом!

Отсюда вывод — систематически

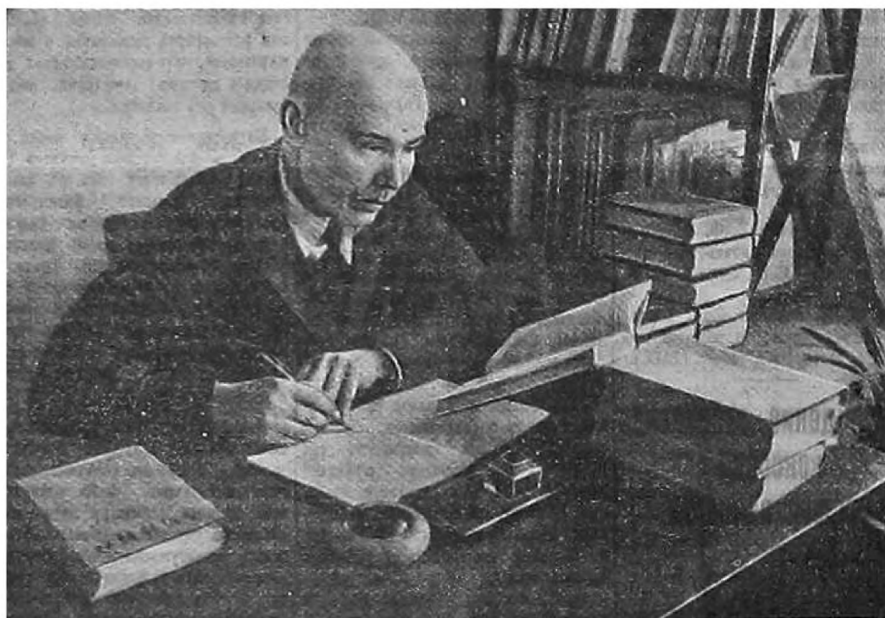
Об этом говорит, в-третьих, состоя-
ние промышленности, сельского и
городского хозяйства Свердловской
области. В минувшем 1938 году не
одна отрасль промышленности не
выполнила плана. Предприятия обла-
сти задолжали стране сотни тысяч
тонн стали, чугуна, меди, угля. Пло-
хо работала дорога имени Л. М.
Багановича. Сотни тысяч феметров
лесов не получили повостройки страны
и шахты. Несмотря на хороший уро-
жай, колхозы области до сих пор не
выполнили полностью свои обязатель-
ства перед государством, особенно по
сдаче натуроплаты за работу МТС.

проверять людей не по их словам в
заверениям, а по их работе. Надо
работать так, как учит нас Цент-
ральный Комитет, как учит нас
товарищ Сталин. И тогда дело у нас
пойдет наверх.

За работу, товарищи! Широко раз-
вернем самокритику, не на словах, а
на деле покопчим с идиотской бо-
лезнью—беспечностью, выше подни-
жем большевистскую бдительность!
Давайте работать так, чтобы товарищ
Сталин в ближайшее время сказал
свердловским большевикам:

— ХОРОШО!

*Информационное сообщение о пленуме Свердловского обкома
ВКП(б). Снятие с поста первого секретаря обкома Н.Н.Валухина.
Январь 1939. Источник: Уральский рабочий. 1939. №10.*

Тов. А.В.Щекотов – инженер-преподаватель Исовского горного техникума изучает «Краткий курс истории ВКП(б)». Фото в газете. Источник: Уральский рабочий. 1939. №16.

В прокуратуре Свердловской области

В газете «Правда» была опубликована статья под заголовком «Подлые клеветники и трусливые молчаливники», в которой указывалось на клеветнические действия сотрудника редакции газеты «Уральский рабочий» Замараевой А. М.

Несмотря на вмешательство печати, Замараева продолжала свою клеветническую деятельность.

Произведенным прокуратурой Свердловской области следствием установлено, что Замараева оклеветала 11 членов партии, обвиняя их во вражеской деятельности.

Будучи окончательно разоблаченной партийной организацией, как клеветник и исключенной за это из членов партии, Замараева стала на путь прямой, открытой контрреволюционной клеветнической деятельности и, чтобы безнаказанно творить преступления, симулировала психическое расстройство.

Замараева была подвергнута прокуратурой судебно-психиатрической экспертизе, в результате которой эксперты признали ее вполне нормальной и ответственной за свою преступную деятельность.

Прокуратурой Замараева привлечена к уголовной ответственности по ст. 58-10 УБ и арестована.

В ближайшие дни дело по обвинению Замараевой будет передано для рассмотрения в Свердловский областной суд.

В прокуратуре Свердловской области. Наказание за клевету сотрудника редакции газеты «Уральский рабочий» А.М.Замараевой. Источник: Уральский рабочий. 1939. №90.

**На участников контрреволюционной
повстанческой организации, существовавшей
якобы в Нижнетагильском районе, искусственно
созданной Боярским и Шариковым путем
провокационного метода следствия
по обвинению Булгакова***

Из справки особоуполномоченного УНКВД

17 декабря 1939 г.

В списке, написанном БУЛГАКОВЫМ, якобы найденном у него при обыске, числится 2094 чел., как участники к[онтр]-революционной] повстанческой организации, из указанного списка было арестовано 570 чел., из них осуждено к ВМН 211 чел., осуждены на разные сроки 162 чел., нет решений – на 96 чел. и прекращено за недоказанностью состава преступления – на 31 чел[овека].

Не значится арестованных – 1505 чел.

Справка составлена на основании карточек I спецотдела УНКВД по Свердловской области.

Установить, сколько рабочих – членов ВКП (б) – не представляется возможным, потому как по карточкам числится только фамилия, имя, отчество и год рождения, других установочных данных нет.

Справка составлена для председателя военного трибунала войск НКВД Уралокруга.

Врид. Особоуполномоченного] УНКВД ет[арший] лейтенант г[ос]безопасности: СМИРНЯГИН

Верно: ст[арший] следователь спецотд[ела] УКГВ Свердловской обл[асти] капитан: МОСКАЛЕВ

**Источник: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27461. Т. 2. Л. 180. Копия.*

Реабилитация С. А. Сморыго

Из заключения по архивно-следственному делу

27 июня 1956 г.

Я, оперуполномоченный управления КГБ при С[ОВЕТЕ]М[ИНИСТРОВ] СССР по Свердловской области, лейтенант КОНОПЛЕВ, рассмотрев архивно-следственное дело № 102806 по обвинению СМОРЫГО Стефана Афанасьевича, 1911 года рождения, уроженца гор[ода] Каунаса Литовской ССР, русского, гр[аждани]на СССР, беспартийного, до ареста - техник «Уралвагонзавода» в городе Нижний Тагил.

НАШЕЛ:

СМОРЫГО С. А. арестован в декабре 1937 г. бывшим Н[ижне]-Тагильским горотделом НКВД с санкции Прокурора и Тройкой ГУГБ НКВД СССР 15 января 1938 г. осужден к расстрелу.

Согласно обвинительному заключению СМОРЫГО признан виновным в том, что с 1936 г. являлся участником шпионской организации, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 п. 6, 11 УК РСФСР. В предъявленном обвинении СМОРЫГО виновным себя не признал.

Изучением архивно-следственного дела и материалов дополнительной проверки установлено:

В декабре 1937 г. бывшим Н[ижне]-Тагильским горотделом НКВД Свердловской области было арестовано 13 человек по обвинению в принадлежности к шпионской организации. Из них 9 человек в период следствия признали себя виновными и показали, что в городе Нижний Тагил в 1933-1934 гг. агентом германской

разведки УЛЬБЕРГОМ Ф. К. создана шпионская организация, непосредственное руководство которой осуществлял ГЕРЧЕС Н. В. Участники шпионской организации ДУТКЕВИЧ, КАУС, РОТГОЛЬЦ, ЭЗЕРИНА и другие показали, что СМОРЫГО С. А. также является членом их организации.

Дело на него 14 мая 1939 г. в уголовном порядке прекращено. ГЕРЧЕС, будучи арестованным, на первом допросе признавал себя виновным в руководстве этой организацией, назвал участников ее, но затем от своих показаний отказался. ГЕРЧЕС пояснил, что первые его показания о существовании шпионской организации не соответствуют действительности, т. к. были даны им в результате провокационных методов следствия. 10 ноября 1938 г. ГЕРЧЕС Н. В. был осужден Особой Тройкой УНКВД по Свердловской области как социально-опасный элемент на три года гласного надзора.

По учетам соответствующих органов госбезопасности компрометирующих материалов на СМОРЫГО С. А. не имеется.

Просмотром архивно-следственного дела по обвинению бывшего сотрудника Н[ижне]-Тагильского горотдела НКВД ЧЕРНЫШЕВА (осужден) установлено, что дело на СМОРЫГО С. А. было сфальсифицировано.

В 1956 г. Управлением КГБ при Совете Министров СССР по Свердловской области вынесены заключения о прекращении дел в уголовном порядке в отношении ГЕРЧЕСА Н. В., ПЛЕСНЯКА И. И., РОТГОЛЬЦА Р. А. и других проходящих по их делам лиц (11 чел.), и ставится вопрос о реабилитации осужденных.

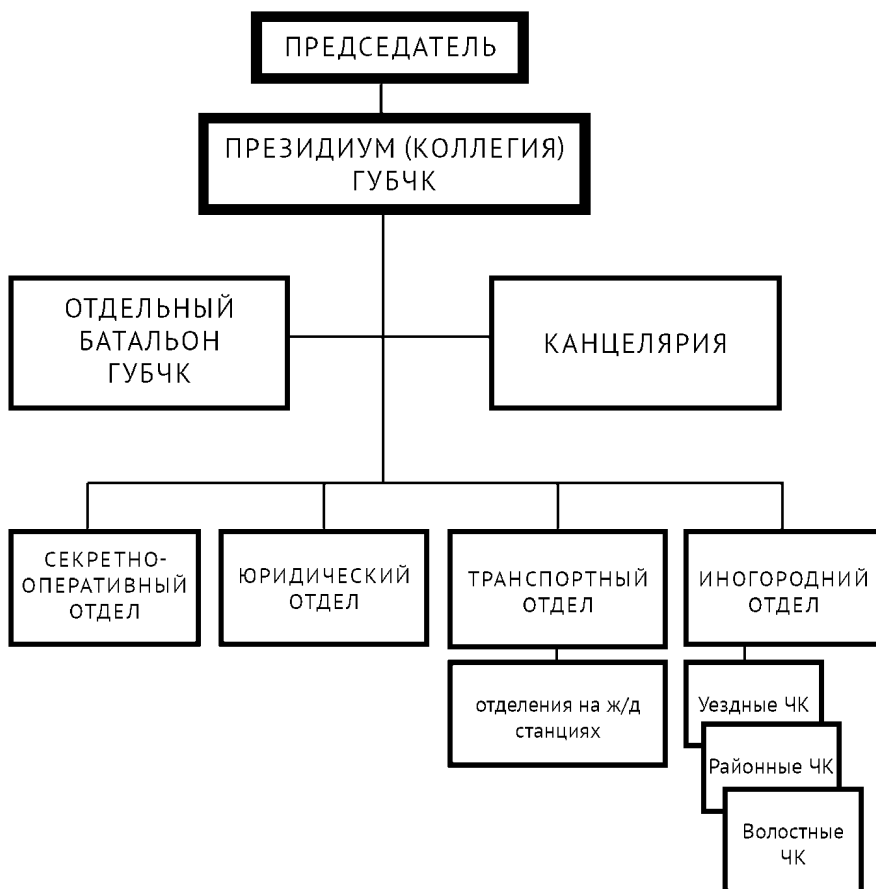
Таким образом, следует признать, что СМО-
РЫГО С. А. осужден необоснованно, а поэтому,
руководствуясь ст. 25 Положения о прокурор-
ском надзоре в СССР, ПРОШУ:

Постановление НКВД и Прокурора СССР от 15
января 1938 г. в отношении СМОРЫГО Стефана
Афанасьевича отменить и дело в уголовном по-
рядке прекратить за отсутствием в его дей-
ствиях состава преступления.

Зам. генерального прокурора
генерал-майор юстиции:
Е. Варской

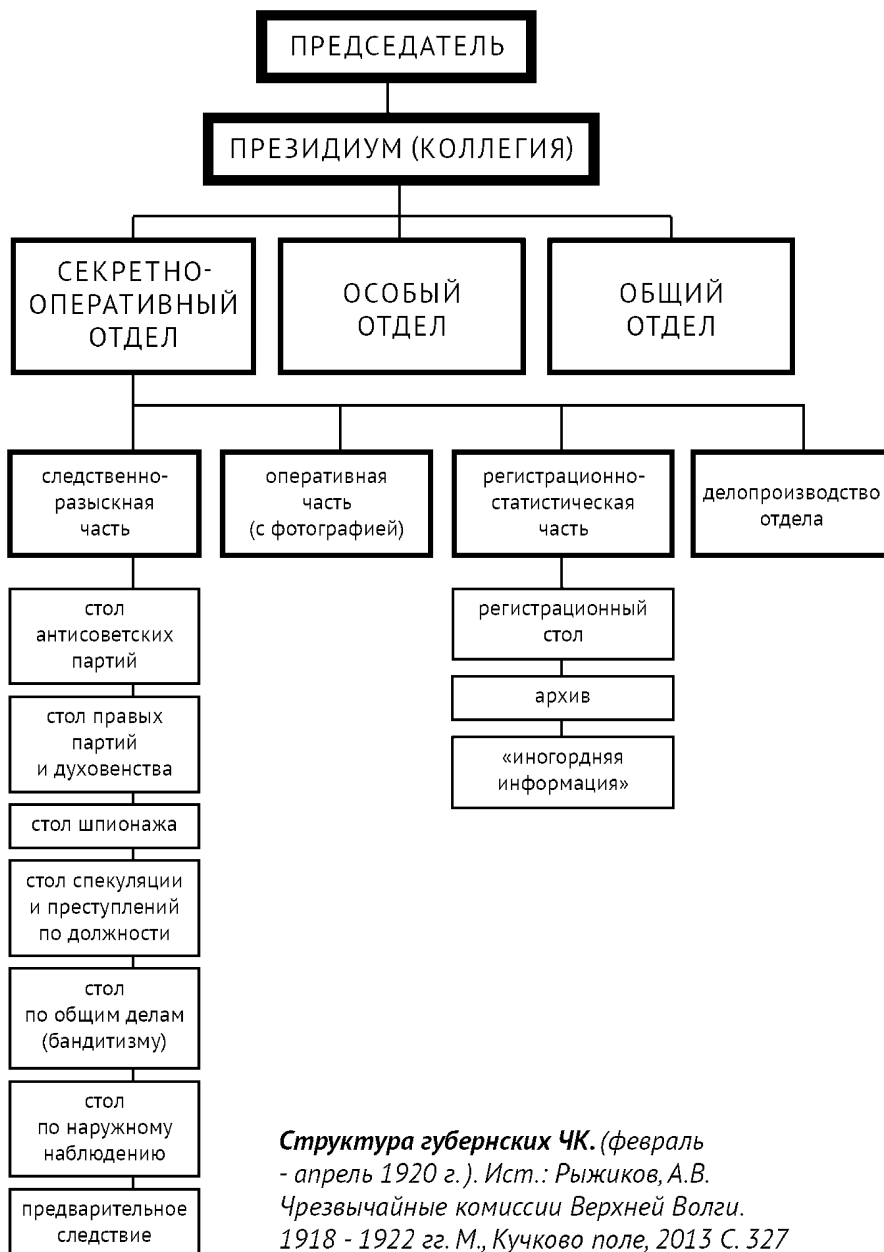
*Источник: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22143. Л. 64, 67. Подлинник.
Датируется по времени утверждения документа начальником
управления КГБ при СМ СССР по Свердловской области
полковником Ильичевым.*

**К СТАТЬЕ КОНСТАНТИНОВА С. И.
«ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГУБЧЕКА
В 1919–1922 ГГ.» (ГЛАВА 7)**

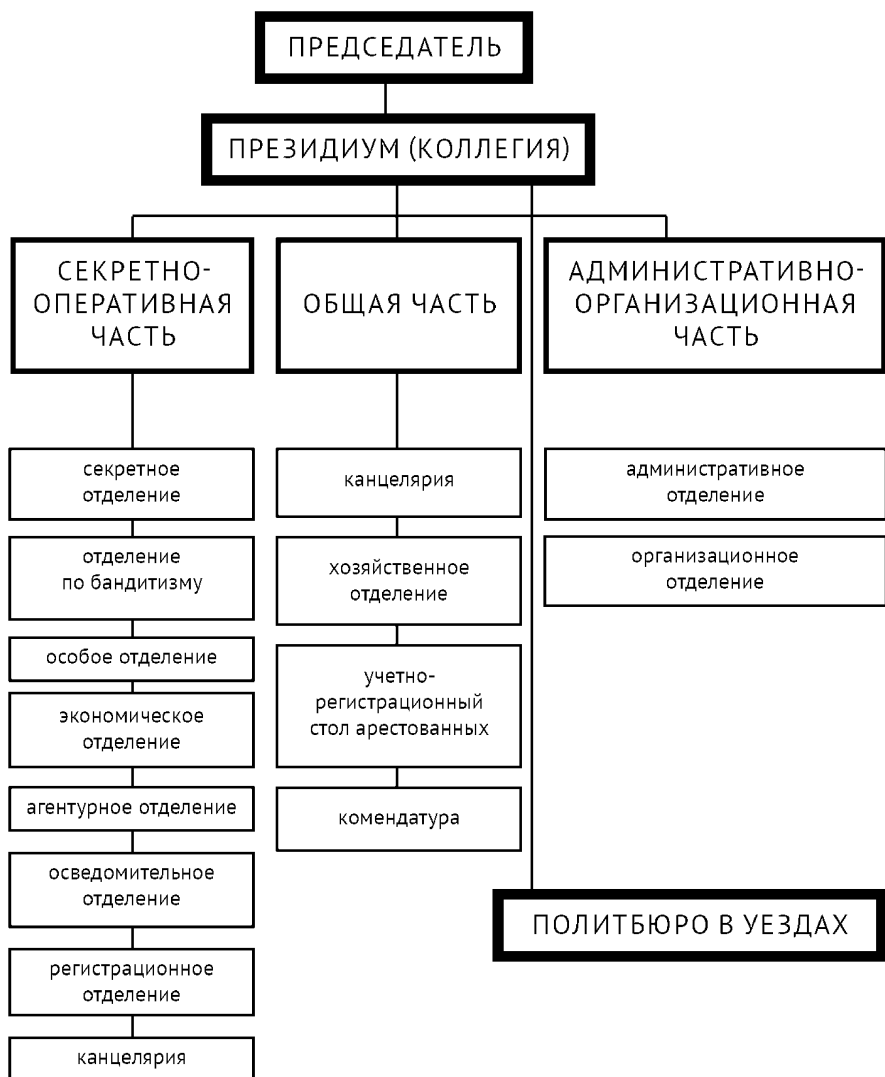

Структура губернских ЧК. (январь - февраль 1919 г.).

Ист.: Рыжиков, А.В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918 - 1922 гг. М., Кучково поле, 2013 С. 325

Структура губернских ЧК. (февраль - апрель 1920 г.). Ист.: Рыжиков, А.В. *Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918 - 1922 гг. М., Кучково поле, 2013 С. 327*

Структура губернских ЧК. (май 1921 - февраль 1922 г.). Ист.: Рыжиков, А.В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918 - 1922 гг. М., Кучково поле, 2013 С. 329

Руководящие сотрудники Екатеринбургской губЧК. Слева направо: В. Н. Лукоянова, Н. Я. Храмцов, А. Г. Тунгусков (председатель), Е. К. Густ, Г. Н. Штальберг, А. Я. Калькштейн. Фото 1921 г.

Ист.: Фото предоставлено Н. И. Дмитриевым

Зотов Василий Михайлович (30.01.1894 – 20.03.1922). Уроженец Верхнее-Сергинского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии. Офицер военного времени, участник Великой и Гражданской войны, подпоручик. Руководитель антибольшевистского подполья в Екатеринбурге в 1918 г. Последняя должность – командир егерского батальона 25 Екатеринбургской дивизии. Арестован в мае 1920 г. в Красноярске. Приговорен к смертной казни и почти два года провел в тюрьмах ЧК. Застрелен охраной при попытке к бегству из Екатеринбургского губотдела ГПУ. Похоронен в Екатеринбурге.
Ист.: Фото из фондов ГАОСО предоставлено Н. И. Дмитриевым

Авторы

Быкова Светлана Ивановна –
кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежного
регионоведения департамента
международных отношений
УГИ Уральского федерального
университета им. первого
Президента России
Б.Н. Ельцина

Вебер Михаил Игоревич –
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра политической
и социокультурной истории
Института истории
и археологии УрО РАН

Килин Алексей Павлович –
кандидат исторических
наук, доцент кафедры
документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Уральского федерального
университета им. первого
Президента России
Б. Н. Ельцина

**Кириллов Виктор
Михайлович** – доктор
исторических наук, профессор
Российского государственного
профессионально-
педагогического университета

**Кириллова Татьяна
Сергеевна** – кандидат
филологических наук, доцент

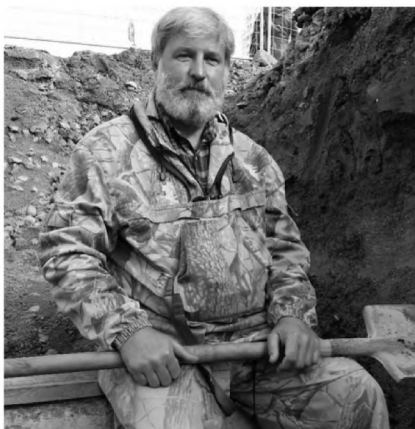
Константинов Сергей Иванович – полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор Уральского государственного юридического университета

Мосин Алексей Геннадьевич – доктор исторических наук, председатель Уральского отделения Археографической комиссии РАН, председатель Межрегионального общественного совета по развитию Музейно-мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий в Екатеринбурге

Печерин Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, председатель совета Уральского Церковно-исторического общества, лауреат Макариевской премии (2019)

Погорелов Сергей Николаевич – историк, археолог, член Российского военно-исторического общества, Поискового движения России, Екатеринбургского военно-исторического клуба, Межрегионального общественного совета по развитию Музейно-мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий в Екатеринбурге

Прищеп Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, Почетный профессор Сургутского государственного университета ХМАО-Югры, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа - Югры

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М., 2000. С. 76–77.

[2] Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012.; Покровский И. А. Перуново заклѣтье. М., 2008 [Электронный ресурс] URL: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7301> (дата обращения: 10.05.2016); Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra: Современные диалоги // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990; Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. Берлин, 1924; Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Берлин, 1921.

[3] См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России: 1918–1923. Берлин, 1924. С. 47–84 – материал по Нижнему Тагилу; Давыдова Н. Полгода в заключении: Дневник 1920–1921. Берлин, 1923; Оржеховский В. Страничка «Красного террора» // На чужой стороне. 1924. №8. С. 99–108; и др.

[4] Аронсон Д. Из записок тюремного старосты // На чужой стороне. 1925. №9. С. 57–89; Malsagoff S. A. An island Hell: a Soviet prison in the Far North. London, 1926; Schirvindt E. Russian prisons. London, 1928; Atholl D. The Conscription of a people. London, 1931; и др.

[5] Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Книга 1. Генезис. Екатеринбург, 1996. С. 22.

[6] Там же. С. 26.

[7] См.: Киселев-Громов Н. И. Лагеря смерти в СССР. Шанхай, 1936; Tchernavin V. I speak for the Silent Prisoners of the Soviets. London, 1939; Солоневич И. Россия в концлагере. Вып. 1–6. Буэнос-Айрес, 1958 (впервые изд. в 1936 г.).

[8] Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 2. С. 518.

[9] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1801.

[10] Borkenau F. *Socialism National or International*. London, 1942; Cranshow E. *Russia by Daylight*. London, 1951; Dallin D. and Nicolaevsky B. *Forsed Labor in Soviet Russia*. New Haven, 1947.; Марченко В. Тренд численности населения 1926–1939. (Программа изучения СССР). Нью-Йорк, 1953. №35; и др.

[11] Семенов Н. Советский суд и карательная политика. Мюнхен, 1952; Jashy N. *Labor and Output in Soviet Camps // Journal of Political Economy* 1951/59. Oct. P. 405–519; Rousset D. (under the direction of) *Police-State methods in the Soviet Union*. Boston, 1953; *GULAG: The Documentary Map of Forsed Labour Camps in Soviet Russia*. New York, 1951.

[12] Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М., 1996; Бжезинский З., Фридрих К. *Тоталитарная диктатура и автократия*. М., 1993; Авторханов А. *Происхождение партократии*. Франкфурт-на-Майне, 1973; Восленский М. С. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. М., 1991; Авторханов А. *Технология власти*. Франкфурт-на-Майне, 1976; Яковлев Б., Бурцов А. *Концентрационные лагеря СССР*. Мюнхен, 1955; Barton P. *L'institution concentrationnaire in Russia (1930–1957)*. Paris, 1969; Conquest R. *The Great Terror*. London, 1968; Conquest R. *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities*. London, 1970; Heller M. *The World of Concentration Blips and Soviet Literature*. London 1979; Nekrich A. *The Punished Peoples*. New York, 1978; Wolfe B. *Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System*. Boston, 1961; Wolin S. В Slusser R. *The Soviet Secret Police*. New York, 1957; Подробную библиографию см.: Zorin L. *Soviet Prisons and Concentration Camps. An Annotated Bibliography 1917–1980*. Newtonville, Mass., 1980.

[13] Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purges in the 1930s*. London, 1968; Конквест Р. *Большой террор*. Рига, 1991.

[14] Как мы пишем историю? М., 2013. С. 239–241; Словарь историка. М., 2011. С. 184, 185

[15] Medvedev R. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. London, 1971; Медведев Р. К суду истории: Генезис и последствия сталинизма. New York, 1974; Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

[16] Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1–7. Париж, 1973–1975.

[17] История КПСС. Т. 4. Книга вторая. М., 1971. С. 510.

[18] См.: Романов В. Иван Кабаков. Свердловск, 1965; Плотников И. Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с Блюхером В. К. М., 1976; и др.

[19] Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937). Свердловск, 1968. С. 147.

[20] См. напр.: Щербакова Н. М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 60.

[21] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1991.

[22] Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан в 1944–1951 годы // История СССР. №4. 1990. С. 26–41; Он же. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. №1. 1991. С. 5–26; Он же. Об учете спецконтингента НКВД во всеобщих переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. №2. 1991. С. 79–81; Он же. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. №5. 1991. С. 151–155; Он же. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. №6. 1991. С. 10–27; №7. 1991. С. 3–17; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. №10. 1991. С. 3–21; Он же. Спецпоселенцы // Социологические исследования. №11. 1991. С. 5–27; Он же. ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. № №6–7. 1991. С. 69–70; Он же. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. №2. 1992.

С. 3–26; Он же. Репатриация советских граждан и их судьба // Социологические исследования. № №5, 6. 1995; Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Л. Берия – И. Сталину // История СССР. №1. 1991. С. 143–165; Депортации народов СССР. М., 1992; Бугай Н. Ф. 20–50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. №4. 1993. С. 175–185; и др.

[23] Камынин В. Д., Заболотский Е. Б. Тема репрессий 20-х – начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 41–44.

[24] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 1995; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922. М., 1998; Т. 2. 1923–1929. М., 2000; Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. М., 2003; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Новосибирск, 1992–1994; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. М., 2001–2008; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. М., 2004–2007; и др.

[25] Например: Советское руководство. Переписка. 1928–1941 / Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, А. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М., 1999.; Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М., 2002.; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003; и др.

[26] Kronewald J. An der Arbeitsfront // Heimatliche Weiten. 1982. Nr. 1. S. 235–249; Kronevald J. Janre des Standhaftigkeit und des Mutes // Ibid. 1985. Nr.1. S. 104–119; Hermann P. Fur den Sieg, fur den Frieden // Ibid. 1985. Nr. 2. S. 232–238; Беккер Э. Депортация советских немцев в годы Второй мировой войны //

Форум. 1987. №16. С. 102–108; Бугай, Н. Ф. За что переселяли народы? // Агитатор. 1989. №11

[27] Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

[28] Цит. по: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 13; Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433–451.

[29] См., например: Чухин И. И. Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1994; Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 1950-х гг. Н. Тагил, 1996. т. 1; Репрессии 1920–1930-х гг.; Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР) СПб, 1997; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири: 1928–1941. Новосибирск, 1997; и др.

[30] Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1993; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932. М., 1989.

[31] Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. М., 1992; Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII – начала XX вв. М., 1994; История России: 1917–1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993.

[32] Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. №4. С. 175–181; Он же. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. 1991. №4–5. С. 157–163; Поляков Ю. А. и др. Полвека молчания: Всесоюзная перепись 1937 г. // Социологические исследования. 1990. №6–8; Всесоюзная перепись населения

1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994; и др.

[33] Попов Н. Н. Белые и черные пятна прошлого // Уральский рабочий. 1988. 14 августа.

[34] 37-й на Урале. Свердловск, 1990.

[35] Дела и судьбы: Научно-техническая интеллигенция Урала в 20–30-е годы. Екатеринбург, 1993.

[36] См.: Мемориал-аспект // Информационный бюллетень общества «Мемориал». 1993. №4. С. 6.

[37] См.: Тоталитаризм и личность. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Пермь, 1994.

[38] Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991; Вып. 2. М., 1992.

[39] Боль людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40 и начале 50-х годов. Т. 3. Томск, 1992; Рудин В. Сопротивление произволу // Разыскания. Вып. 2. Кемерово, 1992; Пайчадзе С. А. Издания БАМЛага ОГПУ-НКВД // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991; и др.

[40] Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932–1937). Краеведческие записки. Магаданский обл. краеведческий музей. Вып. 17. Магадан, 1991; Широков А. М., Этлис М. М. Советский период Северо-Востока России (Историография и новые архивные данные). Магадан, 1993.

[41] Карлаг в 40-х годах // Советские архивы. 1991. №6. С. 30–46; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х гг. / Сост. Цыганов А. М. Петрозаводск, 1992; Из истории раскулачивания в Карелии: 1930–1935 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.

[42] В Рязани «мемориальцами» издавался общемемориальный независимый и правозащитный журнал «Карта», непосредственно посвященный теме репрессий.

[43] Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 2 / Сост. Ю. И. Калиниченко и др. Калуга, 1994; Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1–2. Элиста, 1993; Пашков А. М. Боль и память. Южно-Сахалинск, 1990; Султанбе-

ков Б. С. С грифом «Совершенно секретно»: Драматические страницы истории Татарстана. Казань, 1993; Михалков В. Ф. Хроника Великого Джута: Документальное повествование. Алма-Ата, 1990; Лаппо Д. Д. В красно-белом отсвете трагедии: Воронежская губерния. 1917–1920. Воронеж, 1993; Кропачев С. Большой террор на Кубани: Драматические страницы истории края 30–40-х гг. Краснодар, 1993; Не предать забвению. Ярославль, 1993; Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. №4. С. 159–167; Книга Памяти: Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х гг. Екатеринбург, 1994; Тагильский краевед: Альманах. Нижний Тагил, 1992; Базаров А. А. Кулак и Агроулаг. Челябинск, 1991; Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода: 1942–1945 / Публ. подг. Турова Е. П. // Отечественные архивы. 1992. №2. С. 72–83.

[44] См. Славко Т. И. Региональный банк данных: Урал в XX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Март, 1995. №13. М., 1995. С. 118–119.

[45] История России: 1917–1940: Хрестоматия. Екатеринбург, 1993; Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале: 1930–1936 гг. Екатеринбург, 1994; Грум-Гржимайло В. Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело. Екатеринбург, 1994; Региональный банк данных: Урал в XX веке. Тезисы рабочего совещания, ноябрь 1993. Екатеринбург, 1993; Российская интеллигенция. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 23–24 февраля 1994. Екатеринбург, 1994; История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы научной конференции. 25–26 октября 1994. Екатеринбург, 1994.

[46] Бедель А. Э., Славко Т. И. Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале: 1930–1936 гг. Екатеринбург, 1994; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930–1936. М., 1995.

[47] Славко Т. И. Указ. соч. С. 124.

[48] Свидетельства истории. Публикация документов (церковь). Вып. 3. Екатеринбург, 1994; Из документов КПСС. Вып. 1. Спецпереселенцы на Урале в 1920–1930 гг. Екатеринбург, 1994;

Свидетельства истории. Публикация документов: Тоталитаризм и личность. Вып. 4. Екатеринбург, 1994; Раскулачивание на Урале: Из документов КПСС. Тематический перечень. Вып. 5. Ч. 1, 2. Екатеринбург, 1994.

[49] Коллективизация в рассекреченных документах / Сост. И. В. Темникова, Р. С. Дулепова, О. А. Бухаркина, Г. И. Степанова // Архивы Урала. 1995. №1. С. 54–81.

[50] Базаров А. А. Кулак и Агроулаг. Челябинск, 1991; Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. №4. С. 159–167; Он же. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. №3. С. 77–91; Он же. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е гг. // Отечественная история. 1995. №1. С. 160–179.

[51] Кириллов В. М. Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. Материалы 14-й Международной научной конференции. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 г. М., 2014. С. 123.

[52] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004.

[53] Там же. С. 71

[54] Там же. С. 72–75.

[55] Gregory P. R., Lazarev V. (ed.). The Economics of Force Labor. The Soviet Gulag. Stanford, 2003. 212 p; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. 320 с.

[56] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага... М., 2004. С. 24. Депортациям и спецссылке посвящен 5-й том серии.

[57] Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. М., 2008. Книга создана в рамках российско-украинско-германского исследовательского проекта «Сталинизм в со-

ветской провинции 1937–1938: массовая операция на основе приказа №00447».

[58] Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Масовая операция на основе приказа №00447 [Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М., 2009.

[59] Включен в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / Ред. О. Л. Лейбович. М., 2009.

[60] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. ...; Лопатин Л. Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х – 30-х гг. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. Омск, 1990. С. 163–164; Степанов М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан, 2008; Он же. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: автореф. дисс. ... д-ра исторических наук: 07 00 09. Улан-Удэ, 2009. 39 с.; Он же. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан, 2009; Кропачев С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. // Российская история. 2010. №1. С. 166–172; Степанов М. Г. «Большой террор» в СССР (1937–1938 гг.): проблемы концептуального осмысления в современной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. №8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 178–181; и др.

[61] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 25.

[62] Борисенко Е. А. Историография репрессий 1930-х гг. в Красноярском крае. [Электронный ресурс]. URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/2010Borisenko.htm> (дата обращения: 15.02.2016).

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Кропачев С. А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–

1945 годах: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07 00 09. Майкоп, 2011. 53 с.

[66] Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

[67] Борисенко Е. А. Историография репрессий 1930-х гг. в Красноярском крае...

[68] См.: Закон об архивном деле. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.html>. (дата обращения: 15.01.2016).

[69] См.: Дударев А. В. о «Деле историков». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hro.org>, 17/11/2010 (дата обращения: 16.02.2016).

[70] Кириллов В. М. Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. Материалы 14-й Международной научной конференции. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 г. М., 2014. С. 122–165.

[71] Лопатин Л. Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х – 30-х гг. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири / под ред. В. М. Самосудова. Омск, 1990. С. 162; Бугай Н. Ф. Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996. С. 511; Самосудов В. М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х годов). Омск, 1998; Павлова И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов // Отечественная история. 1998. №5. С. 107–121; Кубанова М. Н. Проблемы депортаций на страницах академических журналов // Репрессированные народы: история

и современность: материалы республик. науч. конф. / отв. ред. М. Н. Кубанова. Карачаевск, 2003. С. 53–58; Канн А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история, 2003. №1. С. 130; Багдасарян В. Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма: сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 206; Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 09. Улан-Удэ, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.referun.com/n/repressivnaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-1928-1953-gg-problemy-rossiyskoj-istoriografii> (дата обращения: 06.03.2016); Климкова О. ГУЛАГ: от мифотворчества к изучению // Ab imperio. 2005. №3. С. 24–32; Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010; Кропачев С. А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 годах: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07 00 09. Майкоп, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/78/093/16517.php> (дата обращения: 03.05.2016); Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 8–25; Бугай Н. Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. – начало XXI в.). М., 2012; Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2013; Горинов М. Советская история 1920–1930-х годов: от мифов к реальности // Там же. С. 237–274; Суровцева Е. Сталин и сталинизм / Там же. С. 1063–1096; Тепляков А. Эпоха репрессий: субъекты и объекты // Там же. С. 1135–1169.

[72] Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2014. 23 с.; Верещагин А. С. Отечественная историография Гражданской войны на Урале, 1917–1921 гг.: дисс. ... д-ра исторических наук:

07 00 02. М., 2001. 498 с.; Константинов С. И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны: дисс. ... д-ра исторических наук: 07 00 02. Екатеринбург, 1998. 550 с.; Костогрызов П. И. Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2003. 283 с.; Мардамшин Р. Р. История Башкирской чрезвычайной комиссии, 1917–1922 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07 00 02. Уфа, 1995. 191 с.; Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и Гражданской войны: дисс. ... д-ра исторических наук: 07 00 02. Тюмень, 2004. 357 с.; Салазникова С. С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции» (январь–ноябрь 1918 г.): дисс. ... кандидата исторических наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2005. 304 с.; Скипина И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы: дисс. ... доктора исторических наук: 07 00 02. Тюмень, 2003. 786 с.; Чирухин Н. А. Дутовщина: (Антибольшевистское движение на Южном Урале, 1917–1918 гг.): дисс. ... кандидата исторических наук: 07 00 02. М., 1992. 253 с.

[73] Васьковский О. А. Советская историография Гражданской войны на Урале // Вопросы советской историографии Урала. Свердловск, 1967. С. 32–48; Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Современная историография истории Урала периода Гражданской войны. (1918–1920). Свердловск, 1984. 96 с.; Историография истории Урала переходного периода. 1917–1937: Сб. ст. / О. А. Васьковский и др. Свердловск, 1985. 152 с.; Историография истории Урала периода Октябрьской революции и Гражданской войны 1917–1920. Свердловск, 1984. С. 122–140; Камынин В. Д. Альтернативы Гражданской войны в отечественной историографии // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Мат-лы регионального научного семинара 24–25 апреля 1999 года, г. Челябинск. Челябинск, 1999. С. 4–11; Камынин В. Д. Некоторые итоги историографического изучения истории Гражданской войны на Урале // Граж-

данская война как феномен мировой истории. Мат-лы научной конференции 26 апреля 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 9–21; Камынин В. Д. Красные и белые в Гражданской войне на Урале (современные подходы к изучению) // Первые уральские военно-исторические чтения: Мат-лы регион. науч. конф. Екатеринбург, 1997. С. 73–75.

[74] Килин А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1995. 212 с.; Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 1950-х годов. Ч. 1. Нижний Тагил: НТГПИ, УрГПУ, 1996. 232 с.; Мазур Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Нижний Тагил, 1997. С. 105–118.

[75] Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкортостана. 1917–1930 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07 00 02. Уфа, 2000. 442 с.; Захаровский Л. В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929–1933: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2000. 31 с.; Кириллов В. М. История репрессий на Урале. 1920-е – начало 1950-х гг. (на материалах Нижнетагильского региона): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1996. 44 с.; Петрова В. П. История сельскохозяйственной кооперации Урала (1917–1930 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 02. Тюмень, 2004. 44 с.; Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 1998. 45 с.; Раков А. А. Раскулачивание крестьян Южного Урала: 1930–1934 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Москва, 2008. 27 с.; Серебрякова И. Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 23с.; Ильиных И. В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928–1932 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Нижний Тагил, 2006. 23 с.

[76] Базаров А. А. Кулак и агроулаг. Ч. 1. Челябинск, 1991. 320 с.; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М., 1995. 174 с.; Попов Н. Н. Положение спецпереселенцев на севере Урала и Западной Сибири при сталинском режиме // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Нижний Тагил, 1997. С. 155–163.

[77] Включен в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / Ред. О. Л. Лейбович. М., 2009. 318 с.; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447 [Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М., 2009. 927 с.; Колдушко А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Пермь, 2006. 18 с.

[78] Большой террор в частных историях жителей Екатеринбурга. Екатеринбург, 2018.

[79] Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2006. 39 с.; Евсеев И. В. Формирование и развитие исправительно-трудовой системы СССР 1918–1941 гг.: на примере Южно-Уральского региона: историко-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12 00 01 Самара, 2010. 26 с.; Коломейский А. А. Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР на территории Челябинской области: 1930–1950-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Челябинск, 2009. 26 с.; Маламуд Г. Я. Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 1950-х гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 1998. 18 с.; Пажит Ю. Ю. Заключение, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2005. 21 с.; Пименов К. А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1917–1930-е гг.: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12 00 01. Екатеринбург, 2010. 21 с.; Разинков С. Л. Социальный портрет

и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагерь НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: Опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2001. 24 с.; Рубинов М. В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы, 1918–1934 гг.: по материалам Урала: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Пермь, 2000. 24 с.; Саранча Г. А. Режим содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа 1930–1960 гг. на примере исправительно-трудовых лагерей Пермской области: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Ижевск, 2010. 23 с.; Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 1960-х гг.: историко-юридическое исследование: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12 00 01. Екатеринбург, 1998. 43 с.; Старикова О. Н. Специальные места лишения свободы в пенитенциарной системе советского государства (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12 00 01. Екатеринбург, 2010. 29 с.; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2004. 22 с.; Токмянина С. В. Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945–1953 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2006. 17 с.; Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Ижевск, 2008. 22 с.; Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на стройках и промышленных предприятиях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Челябинск, 2016. 31 с.; Цепкалова А. М. Промышленное строительство в системе Гулага в 1940-е годы: источники и методы исследования: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. М., 2012. 26 с.

[80] Кириллов В. М. Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны: научные дискуссии и фальсификация

проблемы // Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению: От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы 5-й Международной научно-практической конференции. Москва, 11–16 февраля 2015 г. М., 2015. С. 368–376; Кириллов В. М. Депортация, трудовая мобилизация и спецпоселение немцев СССР // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Научный журнал. №1. 2015. С. 296–308; Кириллов В. М. Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. Материалы 14-й Международной научной конференции. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 года. М., 2014. С. 122–165; и др.

[81] Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале, середина 1940-х – середина 1980-х гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 02. Сургут, 1999. 43 с.; Русина Ю. А. Самиздат – феномен диссидентской культуры и форма инакомыслия // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 283–288; Русина Ю. А. «Антисоветчина» в студенческой среде Уральского политехнического института после XX съезда КПСС // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6 №3. р. 797–814; Русина Ю. А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб, 2019; Русина Ю. А. Самиздат как форма проявления инакомыслия в 1960–1980-е гг. // Российская интеллигенция: Критика исторического опыта. Тез. докл. Всерос. конф., 1–2 июня 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 188–189; Русина Ю. А. Диссиденты 1960-х – 1980-х гг. в лагерях и тюрьмах: формы протеста // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Тез. докл. международной научной конференции, 4–6 октября 2002 г. Пермь, 2002. С. 124–126 и др.

[82] Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение па-

мяти жертв политических репрессий в России: 1953 – начало 2000-х гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Нижний Тагил, 2011. 15 с.

[83] Касимов С. Ф. Репрессии против национальных кадров Башкортостана (1918–1938 гг.) // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 44–46; Мерзлякова Г. В. Репрессии в Удмуртии // Там же. С. 62–64; Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов. М., Ижевск, 1993. 82 с.; Делицой А. И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919 – 1931 гг.: проблема взаимоотношений: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 1998. 23 с.; Семенов С. В. Политические репрессии в сфере образования и культуры Южного Урала в 30-е годы XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Оренбург, 2009. 18 с.; Шилова И. С. Политические репрессии против технической и педагогической интеллигенции в конце 1920 – конце 1930-х годов: по материалам Пермского региона: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Пермь, 2013. 26 с.; Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материалах местных Советов Урала) // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 16–18; Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и Православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 370 с.; Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг. (на материалах Урала): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 273 с.; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2004. 22 с.; Токмянина С. В. Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945–1953 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://dis.podelise.ru/text/index-49321.html> (дата обращения 02.06.2017).

[84] Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Екатеринбург, Т. 1: А–Б. 1999. 360 с.; Т. 2: В–Д.

2000. 426 с.; Т. 3. 2001. 237 с.; Т. 4: К. 2003. 423 с.; Т. 5: Л–М–Н. 2005; Т.6: О–П. 2006; Т. 7: Р–С. 2008; Т. 9: Ц–Я. 2012; Т. 10: А–Я. 2014; Книга памяти жертв политических репрессий Челябинской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://bd-chelarhiv.eps74.ru/knpramrep/index.html> (дата обращения: 02.02.2020); Список жертв репрессий Республики Башкортостан (Башкирия). Данные Министерства внутренних дел [Электронный ресурс] /URL: https://bessmertnybarak.ru/books/spisok_repressiy_bashkir/page-1/ (дата обращения: 02.02.2020); и др.

[85] Годы террора: Электронная книга памяти жертв политических репрессий / Перм. Обл. отд-ние Междунар. ист.-просвет., правозащит. и благотвор. о-ва «Мемориал». [Электронный ресурс]. URL: <http://kniga.pmem.ru/> (дата обращения: 02.02.2020); Электронная книга памяти российских немцев. [Электронный ресурс]. URL: <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

[86] Сосновских С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии: дисс. ... канд. исто. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2010. 309 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/istoriografia/politicheskie-repressii-na-urale-v-konce-1920-h-nachale-1950-h-gg-v.html> (дата обращения: 02.02.2020).

[87] Алексеев В. В. Судьба России в XX веке // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации: докл. V Всеросс. конф. (г. Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г.). Екатеринбург, 2003. С. 9.

[88] Быкова С. И. Политические представления советских людей в 1930-е гг.: на материалах Уральского региона: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2002. 23 с.; Ильиных И. В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928–1932 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2007. 23 с.; Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2018.; Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы

и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017.

[89] Сосновских С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2010. 309 с.; Камынин В. Д., Заболотный Е. Б. Тема репрессий 20-х – начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы Советской власти: Тез. докл. науч. конф., (г. Екатеринбург, 25–26 октября 1994 г.). Екатеринбург, 1994. С. 41–44; Игишева Е. А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной отечественной историографии: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 09. Екатеринбург, 2010. 44 с; Верещагин А. С. Отечественная историография Гражданской войны на Урале, 1917–1921 гг.; автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07 00 09. М., 2001.50 с. и др.

[90] Гудков Л. Д. Амнезия или стерилизация большого прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. СПб, 18–20 октября 2012 г. М., 2013. С. 20.

[91] Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004. С. 621.

[92] Маркс К., Энгельс Ф. Победа контрреволюции в Вене [Текст] // Собр. соч. 2-е изд. Т. 5. М., 1956. С. 494.

[93] Маркс К., Энгельс Ф. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов [Текст] // Собр. соч. 2-е изд. Т. 6. С. 256.

[94] Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Август – сентябрь 1917 г. [Текст] // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 89.

[95] См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 5, 8.

[96] Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 78–79.

[97] Цит. по: Соболев В. С. Советы Верхнего Поволжья в период Гражданской войны и восстановления народного хозяй-

ства. 1917–1925 (По материалам Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний) [Текст] Дисс. канд. ист. наук. М., 1981. С. 46.

[98] Образование и деятельность местных ЧК. Сборник документов. М., 1967. С. 25. Цит. по: *Рыжиков А. В.* Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. [Текст]. М., 2013. С. 109.

[99] Хохряков Павел Данилович (1893–1918) – родился в деревне Хохряки Вятской губернии в семье батрака. Окончил три класса церковно-приходской школы. В ноябре 1914 г. был призван в армию и служил матросом-кочегаром на линкоре «Император Александр II». В 1916 г. вступил в члены РСДРП (б). После февраля один из руководителей восстания Кронштадтского крепостного полка, разъездной агитатор городского партийного комитета. Председатель судебного комитета РСДРП линкора «Заря свободы». Делегат VI съезда РСДРП (б). В августе 1917-го Военной комиссией ЦК во главе отряда матросов направлен на Урал. Возглавил Центральный красногвардейский штаб в Екатеринбурге. Избран в состав Екатеринбургского Совета, стал членом Исполкома. В декабре 1917 возглавил отдел по борьбе с контрреволюцией. Одним из направлений его работы была борьба с уголовной преступностью. Именно отдел Хохрякова ликвидировал банды «гусара» Ключина, Виктора Карманного, Ваньки Каина и Пашки Грохота, которые нападали на поезда с продовольствием, грабили жителей Верх-Исетского поселка, расправлялись с активистами советской власти. Под руководством Хохрякова был подавлен мятеж анархистов, ликвидировано несколько заговоров контрреволюционеров. В январе 1918 г. Хохряков стал начальником Центрального штаба резерва РККА на Урале, вскоре избран членом Уралоблсовета. В марте во главе отряда из 20 бойцов прибыл в Тобольск, где по его инициативе избран 2 апреля в городской комитет РСДРП (б), а 9 апреля Хохряков избран председателем исполкома местного Совета. Участвовал в установлении контроля над охраной семьи бывшего императора Николая II и отправке ее 30 мая в Екатеринбург. После выступления чехов возглавил ка-

рательный отряд тобольского направления, а затем Тюменскую военную флотилию. После падения Екатеринбурга во главе отряда продвигался к Режевскому заводу. 17 августа 1918 г. убит в бою между станциями Монетка и Крутиха. (См.: Абрамовский А. А. История госбезопасности России в лицах. Первые чекисты Урала. Челябинск, 2008. С. 96–107).

[100] См.: Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток: 1917–1922 гг. М., 1998. С. 51.

[101] Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 97–98; Образование и деятельность местных ЧК. Сборник документов. М., 1967. С. 27.

[102] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 221. Оп. 2. Д. 776. Л. 7–9; Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области. 1918–2003. Екатеринбург, 2003. С. 16. Ефремов Михаил Иванович (1886–1968), партийная кличка Финн, родился в Нижнем Новгороде. В 1905 году в возрасте 19 лет вступил в РСДРП. В 1907-м входил в состав Екатеринбургского уездного комитета партии. В 1908 – член городского комитета партии в Уфе. Активный участник известного Миасского «экса» – вооруженного нападения на почтовый поезд на ст. Миасс, где было «экспроприровано» 40 тыс. руб. на партийные нужды. Приговорен к смертной казни, замененной в 1911 году шестью годами каторги в Тобольском центре. В феврале 1917-го освобожден и Екатеринбургским Советом назначен разъездным организатором советских учреждений на местах. Делегат VI съезда РСДРП. В сентябре 1917 года на деньги Екатеринбургского комитета РСДРП отправлен на лечение от чахотки в Крым. В январе 1918-го назначен председателем Чрезвычайной следственной комиссии, созданной взамен отдела по борьбе с контрреволюцией, возглавляемого П. Д. Хохряковым. В годы Гражданской войны руководил особыми отделами ВЧК в действующих частях Красной армии, член Всеукраинской комис-

сии по борьбе с контрреволюцией. В 1920 – председатель Юзовского (Донецкого) исполкома и секретарь парткома в Донбассе. С 1922-го – в Москве, работал в РКИ, ВСНХ, Экспортхлебе. (См.: Абрамовский А. А. История госбезопасности России в лицах. Первые чекисты Урала... С. 37–39.)

[103] См.: Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 347–349. В издании «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области. 1918–2003» (Екатеринбург, 2003. С. 17, 51–52) перепутан Александровский проспект с Покровским; снимок дома А. Ф. Поклевского-Козелл (Малышева, 46) назван Американской гостиницей (Малышева, 68).

[104] См.: Плотников И. Ф. Двоюродные братья В. И. Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная. Екатеринбург, 2005.

[105] Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 85, 87, 99–100.

[106] Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. С. 117, 119, 125.

[107] Ленин В. И. Речь на V Всероссийском Съезде Советов 5 июля 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 504.

[108] Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. С. 135.

[109] Спирин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 185, 211.

[110] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 104 «Доклад к III годовщине Октябрьской революции» (1920 г.).

[111] Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области. 1918–2003. Екатеринбург, 2003. С. 17.

[112] Цит. по: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Т. II. Екатеринбург, 2008. С. 147. Лукоянов Федор Николаевич (1894–1947), из семьи чиновника, старшего контролера казенной палаты. Учился в городской гимназии, на юридическом факультете Московского университета заочно.

В ноябре 1913-го стал членом кружка студентов-большевиков, а по возвращении в Пермь вступил в РСДРП. В 1917 – редактор газеты «Пролетарское знамя» и начальник штаба Пермской Красной гвардии. В Пермской губернии 15 марта 1918 г. был образован окружной чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, через два месяца переименованный в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию. Председателем ее был утвержден Лукоянов. В 1918 г., как он сам писал в автобиографии 1942 г., «создал на Урале ряд чрезвычайных комиссий и работал... сначала председателем Пермской Губчека (до июля 1918 г.), а затем председателем Уральской Областной Чека (Екатеринбург). Был членом комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых». (См.: Платонов О. А. Цареубийцы. М., 2015. С. 235.) Его жена, К. А. Будрина, выпускала в Перми бюллетень Пермского Окружного Чрезвычайного комитета, возглавляемого Лукояновым. В 1920-е гг. занимал разные посты по линии печати. Был председателем газетного объединения и Комитета по делам печати, служил в Наркомторге личным консультантом А. Микояна. После прихода в Отдел печати ЦК Мехлиса Лукоянов становится редактором журнала «Мукомолье». Лечился от тяжелого нервного заболевания, приобретенного в 1918 г. Работал в редакции «Известий» до 1937 г., затем в Наркомзаге. Умер в Москве в 1947 г. (См.: Абрамовский А. А. История госбезопасности России в лицах. Первые чекисты Урала. С. 74–79.) Лукоянова Вера Николаевна (в Перми известна по мужу как Карнаухова), сестра председателя ПермгубЧК, затем ЕкгубЧК Ф. Н. Лукоянова. В декабре 1919 – информатор ГубЧК. В январе 1920 – председатель женотдела ГубЧК. 31 августа 1920 – «информатора Секретно-Оперативного отдела Лукоянову В. Н. считать откомандированной с 1 сентября в распоряжение Губкома». В июле 1921-го – врид начальника административного отделения. В октябре 1921 – и.о. начальника административной оргчасти. (Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 83, 190; Оп. 2. Д. 3. Л. 8, 19, 66).

[113] Цит. по: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Т. II. Екатеринбург, 2008. С.148.

[114] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 33. Ныне – здание художественного училища им. И. Шадра – перекресток ул. Малышева (д. 68) и Р. Люксембург, образец гостиничного комплекса 2-й половины XIX века, особняк купца П. В. Холкина. Именно в этом здании останавливались, находясь проездом в городе, декабрист И. И. Пущин, А. П. Чехов, Д. И. Менделеев. (См.: Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург. Отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург, 2007. С. 347–349).

[115] Чуцкаев Сергей Егорович (1876–1944) родился 22 февраля 1876 г. в семье станционного смотрителя, в д. Сугат Камышловского уезда Пермской губернии. Окончив в 1895 г. гимназию, Чуцкаев по году учился сначала в Казанском, затем в Петербургском университете. Член РСДРП с августа 1903 г. За революционную работу отбывал наказание в Крестах. После ареста в мае 1897-го просидел год в доме предварительного заключения и был выслан на родину. Работал секретарем земской управы. Пытался, в 1902–1904 гг., закончить химическое образование в Гейдельбергском университете (Германия), но недостаток средств не позволил сделать это. В 1907 г. в Екатеринбурге арестован за принадлежность к РСДРП (б) и получил год крепости. Наказание отбывал в Екатеринбургской тюрьме. В 1913–1915 гг. был секретарем Челябинской уездной и Оренбургской губернской земской управ. С апреля по 23 июня 1917-го занимал пост помощника Оренбургского губернского комиссара Временного правительства. В ноябре 1917 г. переехал в Екатеринбург, несмотря на это – в декабре избран депутатом Учредительного собрания от Оренбургской губернии. В Екатеринбурге большевики провели его в состав городской думы, затем содействовали избранию на пост городского головы (с 19 ноября 1917 г.). В марте 1918 г. Чуцкаев, выполняя партийное решение, объявил о роспуске городской думы, а сам до июля 1918 стал председателем исполкома го-

родского Совета и членом Президиума Уральского областного Совета. По сведениям военного коменданта Екатеринбурга при белых генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, на совещании в третьем номере Американской гостиницы в начале второй декады июля 1918 г., принимавшем решение о расстреле семьи бывшего императора, присутствовали: Голощекин, Юровский, Чуцкаев, Белобородов, Ермаков, Лукоянов, Сахаров, Горин. Некоторое время Чуцкаев занимал ответственные посты, в том числе члена коллегии и заместителя председателя Уральской областной ЧК. (См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 33). После занятия города чехами, с августа 1918-го стал заместителем народного комиссара финансов РСФСР Н. Н. Крестинского, занимаясь ликвидацией старых финансовых институтов. Был членом «малого» СНК, работая под руководством В. И. Ленина. В начале 1921 г. командирован в Сибирь, где стал заместителем, а затем председателем Сибревкома, членом Сибирского бюро ЦК партии до мая 1922 г. В 1924–1927 гг. – член президиума ЦКК РКП (б), зам, а затем нарком РКИ СССР. В марте 1927-го избран председателем Дальневосточного краевого исполкома Советов, член президиума ЦИК СССР. В 1929–1933 гг. возглавлял бюджетную комиссию ЦИК СССР, а в 1933–1935 – полномочный представитель СССР в Монголии. После возвращения был перемещен с поста главы бюджетной комиссии на пост председателя Комитета по землеустройству трудящихся евреев. Делегат XI–XVII съездов партии, на XVII съезде – член центральной ревизионной комиссии. В 1938 г. снят со всех постов и исключен из партии. С осени 1938-го жил и работал в Камышлове, затем в Свердловске. Скончался 1 марта 1944 года. Восстановлен в партии в 1971 г. (См.: Чуцкаев С. Е. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 760–762; Главы городского самоуправления Екатеринбурга: исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 150–153; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале, 1917–1922 гг. Энциклопедия и библиография. Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 181.

[116] Бобылев Николай Александрович (1892–1937) – с мая до 21 июля 1918 г. и.о. председателя УралоблЧК. 31 августа 1920 г. врид начальника оперативной части Н. А. Бобылев откомандирован в распоряжение Военкома Приуральяского военного округа (вместо него назначен – Погге). (ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Д. 3. Л. 66.) После окончания боевых действий на Урале – командир вооруженного отряда при УралоблЧК. В последующем возглавил Отряд особого назначения при Президиуме ГПУ РСФСР. См.: Кашин В. В. Чекисты Урала после оставления края в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конференции (Москва, 6–7 декабря 2018 года). – М.: Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. С. 74.

[117] Колпакиди Александр Иванович. Николай II. Святой или кровавый. М., 2017. С. 458.

[118] Алексеев В. В. Тайна века // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 137.

[119] См.: Плотников И. Ф. Правда истории. Т. 2. С. 75, 90.

[120] См.: Соколов Н. А. Расследование убийства Российской Императорской семьи. Избранные главы / Перевод с франц. яз. С. Ю. Нечаева. Екатеринбург, 2018; Мультатули П. В. Император Николай II. Мученик. М.: Вече, 2016. (Лучшие биографии); Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб., 2013.

[121] Подсчитано по: Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 г. Екатеринбург, 2005.

[122] Беседовский Г. З. (1896–1963?) – советский дипломат-невозвращенец (1929). См.: Плотников И. Ф. Правда истории. Т. 2. С. 63–64, 86.

[123] Петров А. Н. – член ВКП (б) с 1905 по 1924 г. Выбыл из партии по собственному желанию. Характеристика со слов

родственников: «Жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью». Дальнейшая судьба неизвестна. См.: Платонов О. А. Цареубийцы. М., 2015. С. 245.

[124] Булдаков В. П. Красная смута. С. 352.

[125] Наиболее полный список расстрелянных 29 июня назван в книге «Претерпевшие до конца» Ю. Жука. Это единственный сумевший бежать в ходе расстрела, гласный Екатеринбургской городской думы Н. П. Чистосердов, протоиерей Л. Игноротов, диакон Уфимцев, врачи В. Онуфриев и А. Линдер, адвокат К. Герц и, как было указано в извещении, «прочие» граждане: Л. Дукельский, Н. Беленьков, А. Макаров, Конторович, Агафуров, П. Первушин и другие (Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. СПб., 2013. С. 162–164). Автор указывает, что среди них были известные и весьма уважаемые в городе люди: мукомолы и владельцы престижных магазинов. Но, по крайней мере, две последние фамилии требуют дополнительного исследования, так как «мукомол» – владелец мельниц Павел Степанович Первушин в июле 1919 г. эмигрировал и покончил с собой уже находясь в Харбине (См.: Микитюк В. П. Железная вдова // Помещик. 2006. №1–2. С. 68–71). А три брата Агафуровых также в 1919 г. эмигрировали в Японию (См.: Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 3.). Еще две фамилии упоминаются в воспоминаниях В. П. Аничкова, участника похорон на Соборной площади 19 расстрелянных, состоявшихся 31 июля 1918 года, после занятия города чехословаками. Это бывший управляющий Сысертскими заводами Мокроносов и бывший полицмейстер Екатеринбурга, жандармский полковник Рупинский (См.: Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток: 1917–1922 гг. М., 1998. С. 154, 155).

[126] См.: Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. С. 79–82.

[127] Булдаков В. П. Красная смута. С. 5.

[128] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть. Екатеринбург, 2005. С. 31–32.

[129] Еженедельник ЧК. М., 1918. №1. С. 18–19. Цит. по: Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. С. 229.

[130] Нечаев М. Т. Красный террор и церковь на Урале. Пермь, 1992. С. 4–8.

[131] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 104 «Доклад к III годовщине Октябрьской революции» (1920 г.). См. также: Якуба О. М. Чрезвычайные органы советского социалистического государства // Ученые записки Свердловского юридического института. Т. 1. Свердловск, 1945. С. 12.

[132] Пашина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. // Урал индустриальный. Материалы VIII Всероссийской конференции. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 191.

[133] Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2011. С. 16.

[134] Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997. С. 57.

[135] ГАСО. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[136] Пашина М. В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь №1 // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002. Екатеринбург, 2003. С. 362.

[137] Пашина М. В. Указ. соч. С. 363–364.

[138] Пашина М. В. Указ. соч. С. 363.

[139] Пашина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. С. 191.

[140] Пашина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. С. 192.

[141] Пашина М. В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь №1. С. 363.

[142] ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

[143] ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 82. Л. 2–9.

- [144] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 259. Л. 20об.
- [145] Рогова Е. М. Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала. 1919–1923 гг. // Научные труды XVI Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 367.
- [146] Пащина М. В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь №1. С. 363.
- [147] ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.
- [148] ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.
- [149] Рогова Е. М., Дмитриев Н. И. Санитарное состояние и медицинское обеспечение пенитенциарных учреждений Среднего Урала (1918–1923 гг.) // Науч. труды XVII Межд. конф. молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 402.
- [150] Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 76.
- [151] ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 46. Л. 125. Ураков С. Н. родился 2 февраля 1886 г. в бедной крестьянской семье в Вятской губернии. После ранения на фронте Первой мировой войны получил звание младшего унтер-офицера. В марте 1917-го вступил в партию левых эсеров, а в феврале 1918-го – в РКП (б). С 5 мая 1918 г. воевал с чехословаками, попал в плен, после тюрьмы и концлагеря ожидал расстрела за попытку побега, но сумел бежать в 1919 г. В июле 1919-го назначен комендантом Екатеринбургской тюрьмы. В марте 1920 г. возглавил Губернский подотдел принудительных работ (ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 44, Д. 10. Л. 64).
- [152] См.: Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2011. №19. С.98–121; 2012. №20. С. 81–103.
- [153] ГАСО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 195.
- [154] ГАСО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
- [155] Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2011. №19. С. 106.

[156] Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2012. №20. С. 82.

[157] Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... №19. С. 107–110.

[158] Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... №20. С. 86, 102.

[159] Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... №19. С. 115.

[160] См.: Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... №20. С. 102.

[161] ГАСО. Ф. 1568. Д. 30. Л. 41, 84. Подсчеты автора.

[162] Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 64, 66, 67, 76.

[163] Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1994. С. 206.

[164] Алексеев С. С. Теория права. С. 207.

[165] Килин А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Сб. ст. участников науч. конф. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 95–105.

[166] Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что подразумевало негативную коннотацию. Идя вслед за источником, мы используем этот термин, но считаем целесообразным помещать его в кавычки.

[167] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 16.

[168] Инструкция о строительстве советской власти в Екатеринбургской губернии. Екатеринбург: Уральское обл. гос. изд-во, 1920. Ч. 1–2. 1920.

[169] Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №603 от 13 октября 1925 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. №79, 1 декабря 1925. Отдел первый. С. 955–603.

[170] Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов: Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №577 от 28 сентября 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. №75, 26 ноября 1926. Отдел первый. С. 888–896.

[171] Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №654 от 20 октября 1930 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. №54, 12 декабря 1930. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 845–858.

[172] О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №233 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. №18, 10 апреля 1930. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 261–263; О разъяснении п. 5 постановления Президиума ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан»: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №278 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. №22, 30 апреля 1930. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 326.

[173] Инструкция о строительстве советской власти в Екатеринбургской губернии. С. 23.

[174] Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №603 от 13 октября 1925 года. С. 958.

[175] Об утверждении инструкции о выборах городских

и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №603 от 13 октября 1925 года. С. 959.

[176] Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов: Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №577 от 28 сентября 1926 года. С. 891.

[177] Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Отв. ред. Т. И. Славко. Екатеринбург: УрГУ, 1996.

[178] Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета №603 от 13 октября 1925 года. С. 960.

[179] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 27.

[180] О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан. С. 263.

[181] Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. С. 9.

[182] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 28.

[183] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док-ты и мат-лы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 303–305.

[184] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 3.

[185] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 87.

[186] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 58.

[187] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 60.

[188] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 2. Л. 1–94.

[189] Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Уральская область. Отдел II. Занятия. Отдельный оттиск табличной части тома XXI. Москва: Издание ЦСУ СССР, 1929. 432 с.

[190] Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты:

Научная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 527–562.

[191] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 71

[192] Килин А. П. Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №433. С. 70–77.

[193] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6013. Л. 3.

[194] Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 188.

[195] Шишалов Семен Ильич, проживал в г. Свердловске по ул. Сакко и Ванцетти, д. №4, кв. 1.

[196] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9181. Л. 2–2об.

[197] Бухарин Н. И. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 333.

[198] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 126.

[199] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 110.

[200] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

[201] «Новый человек»: проект и процесс конструирования // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт.; под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 180–328.

[202] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 275–276.

[203] Востров Александр Петрович, проживал в г. Свердловск, Северная ул., №д. 14.

[204] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 1503. Л. 5.

[205] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 144–145.

- [206] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts p. 141.
- [207] Лагуткин Василий Иванович, проживал в г. Свердловск, Верх-Исетск (ВИЗ), ул. Нагорная, д. 32, кв. 1.
- [208] ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. 4289. Л. 15об.
- [209] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts... p. 154.
- [210] РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 127. Л. 110.
- [211] Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
- [212] Килин А. П. Автобиография как средство реабилитации: на материалах личных дел «лишенцев» // Диалог со временем. 2018. №63. С. 267–288.
- [213] Сорокин П. А. Современное состояние России / Питирим Сорокин. Прага: Тип. «Лингва», 1922.
- [214] Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства». С. 56–63.
- [215] Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви: 1900–1927. СПб., 2002. С. 122–126.
- [216] Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 222.
- [217] Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 48.
- [218] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 29.
- [219] Там же. С. 28.
- [220] Там же. С. 29.
- [221] Катагощин А., прот. В лапах большевиков // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. №14, 1–15 авг. С. 251–256.
- [222] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 37.
- [223] Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

[224] Цит. по: Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве Съезда Советов. URL: <https://www.rusempire.ru/sssр/osnovnye-pravovye-akty-sssр/607-ob-utverzhenii-instruktsii-o-vyborakh-gorodskikh-i-selskikh-sovetov-i-o-sozyve-s-ezda-sovetov.html> (дата обращения: 12.02.2020).

[225] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 59.

[226] Включая ВИЗ, Уктус, Нижне-Исетск, Елизавет, Шарташ, Пышму. В таблице не учтены лица, осужденные районными народными судами, а также получившие условное наказание.

[227] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 53596. Л. 15–16, 18.

[228] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15785. Л. 108–111.

[229] Нечаев М. Г. Из истории Пермской епархии // Храмы Пермского края. Историко-краеведческое издание. Фотоальбом. Пермь, 2010. С. 27.

[230] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 62313. Л. 16.

[231] Там же. Л. 18.

[232] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 70.

[233] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 14923. Л. 427.

[234] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24176. Л. 382.

[235] Там же. Л. 399, 422–425; Репрессированные владыки Свердловской епархии. URL: <http://alexlib.ru/obshchestvo/duhovnoe-pole/repressirovannye-vladyki-sverdlovskoj-eparhii/> (дата обращения: 13.02.2020).

[236] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24176. Л. 9–71, 80–162.

[237] Лавринов В., прот. Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). Екатеринбург, 2018. С. 147.

[238] ГАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 57328. Л. 235–239.

[239] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 74.

[240] Составлено по авторской Базе данных репрессированного духовенства Урала.

[241] Подсчитано по: Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915.

[242] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 132.

[243] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 21–22.

[244] Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 172.

[245] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть. Екатеринбург, 2018. С. 289–290.

[246] Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. №14. С. 259–260.

[247] Из епархиальной жизни // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. №28. Отд. неофиц. С. 231; Демаков И. Н. Русская Православная Церковь в Маньчжурии: страницы истории // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 65.

[248] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 154, 161.

[249] Лыжин С. М. Принципы формирования структуры жилищного фонда крупнейшего города (на примере Екатеринбурга) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. №2. С. 79.

[250] Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия... С. 51.

[251] Не включены старообрядцы.

[252] Список лишенных права голоса по г. Свердловску 1934–1935 г. ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442. Л. 1–46.

[253] Авторская база данных репрессированного духовенства Урала.

[254] По данным, предоставленным протоиереем В. Лавриновым.

[255] ГАСО. Ф. Р-2788. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–3об.

[256] Принадлежность «Уральского рабочего» менялась: в 1931-м – это орган Уральского областного комитета ВКП (б), Уральского областного исполнительного комитета и Уралпрофсовета, 1933 – Орган Уралобкома и Свердловского горкома ВКП (б), Уралоблисполкома и Уралпрофсовета, с 1935-го – Ор-

ган Свердловского областного и городского комитетов ВКП (б), Свердловского облисполкома и Облпрофсовета.

[257] См.: Комплексный классификатор контент-анализа (Приложение).

[258] См.: Комплексный классификатор «Политические репрессии по материалам газеты „Уральский рабочий“».

[259] Например, Уральский рабочий. №31, 292 и др.

[260] См.: Уральский рабочий. № №7, 41, 43, 47, 48, 122, 147 и др.

[261] См.: Уральский рабочий. № №52, 56, 80, 146, 153, 159, 280, 193, 266, 286.

[262] Уральский рабочий. 1928. №284

[263] См.: Блюм А., Красильников С. А., Савин А. И., Ушакова С. Н. Предисловие // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2012.

[264] См.: Войтович В. Ю. Лудорвайское дело и его последствия для России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ludorvayskoe-delo-i-ego-posledstviya-dlya-rossii>; Лудорвайское дело. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Лудорвайское_дело&oldid=102211851

[265] Уральский рабочий. 1928. №18

[266] Уральский рабочий. 1928. №81

[267] Уральский рабочий. 1928. 14 марта (№62), Рабочий. 1928. 27 марта

[268] НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1830. Без л.

[269] Там же.

[270] Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории. 1992. №2–3. С. 108.

[271] См.: Уральский рабочий. № №159, 264, 292.

[272] См.: Уральский рабочий. № №124, 146, 147, 223, 234.

[273] См.: Уральский рабочий. №84.

[274] См.: Уральский рабочий. № №105, 109, 238, 185, 118, 262, 291. Дело, сфабрикованное ОГПУ в 1929–1931 годах, по которому проходила элита историков Ленинграда, Москвы

и других городов, обвиненная в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и установления конституционно-монархического строя. URL: <https://clck.ru/YUfdQ>

[275] См.: Уральский рабочий. № №117–121

[276] См.: Уральский рабочий. № №211, 212.

[277] Уральский рабочий. №268.

[278] Уральский рабочий. №235.

[279] Уральский рабочий. №293.

[280] Уральский рабочий. №198.

[281] Уральский рабочий. №294.

[282] 21 апреля 1928 г. он был вновь арестован, обвинен в участии в деятельности совета Союза инженерных организаций – по версии ОГПУ, тайной антисоветской организации. Находился в заключении во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке и в Бутырской тюрьме, 22 мая 1929 г. был приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу по обвинению в руководстве заговором и вредительством на железнодорожном транспорте и в золото-платиновой промышленности. В 1930 г. на процессе по делу Промпартии объявлено, что Пальчинский был идейным вдохновителем некоего «Инженерного центра». С точки зрения современных историков, все «вредительские» организации, в участии в работе которых обвиняли Пальчинского, в реальности не существовали. Реабилитирован в 1989 г. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Пальчинский,_Петр_Иоахимович&oldid=106621058.

[283] Открытые архивы. Из истории золото-платиновой промышленности Урала в начале 1920-х годов. Выпуск 2. Часть 1. Клуб горных деятелей. 1994. Екатеринбург. Сост. А. Свалухин. 24 с.; Выпуск 2. Часть 2. Люди и судьбы. 1995. Екатеринбург. Сост. А. Свалухин. 38 с.: ил.

[284] См.: Обвинительное заключение по делу о контрреволюционной вредительской организации в золотоплатиновой промышленности СССР. Москва, 23 марта 1929 г. URL: <http://>

docs.historyrussia.org/ru/nodes/139745-obvinitelnoe-zaklyuchenie-po-delu-o-kontrrevolyutsionnoy-vreditelskoy-organizatsii-v-zolotoplatinovoy-promyshlennosti-sssr-moskva-23-marta-1929-g

[285] См.: Чарквиани К. М. URL: <https://clck.ru/YUgA4>

[286] Мозохин О. Б. Вредительство в народном хозяйстве. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vrnar.php

[287] Борьба с вредительством // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/borba_s_vreditielstvom

[288] Борьба с вредительством // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/borba_s_vreditielstvom

[289] Уголовно-политические процессы о вредительстве. URL: <https://www.sites.google.com/site/collectosao/11-anticommunism-museum/11-19-internal-wrecking/5-processy>

[290] Борьба с вредительством // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/borba_s_vreditielstvom

[291] Уголовно-политические процессы о вредительстве. URL: <https://www.sites.google.com/site/collectosao/11-anticommunism-museum/11-19-internal-wrecking/5-processy>

[292] Дело 48 вредителей рабочего снабжения. URL: <https://clck.ru/YUgLr>

[293] Там же.

[294] «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), т. 8, ч. 1, 1930 г. М., 2008. С. 517–519.

[295] Цит. по: Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930–1931 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №18 (199). История. Вып. 41. С. 95–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-politiki-forsirovannoy-sovetizatsii-tehnicheskoy-intelligentsii-na-urale-v-1930-1931-godah-1>

[296] Там же.

[297] Там же.

[298] Подробнее см.: Делицой А. И. Уральский инженерный центр / А. И. Делицой, М. Е. Главацкий // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): сб. ст. участников науч. конф. Н. Тагил, 1997. С.177–186.

[299] Делицой А. И., Главацкий М. Е. Дело «Уральского инженерного центра». URL: <http://docplayer.ru/68455345-Delouralskogo-inzhenerenogo-centra.html>

[300] «Справка» о деятельности «вредительских организаций» в промышленности Урала. 12 февраля 1931 г. URL: <https://istmat.info/node/61273>

[301] Раков А. А. «Деревню опустошают»: сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-х годах. М., 2013. С. 92.

[302] Свидетельства истории. Публикация документов. Вып. 4. Тоталитаризм и личность. Екатеринбург, 1994. С. 17, 18.

[303] Раков А. А. Указ. соч. С. 112; Грегори П. Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. М., 2006. С. 59; Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2020. С. 164, 166.

[304] Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. / гл. ред. В. В. Алексеев. Т. 1. 1917–1940. Пермский край. Пермь: банк культурной информации, 2008. С. 682.

[305] Б. М. Берлацкий, И. Г. Волков, А. М. Гинзбург, В. Г. Громан, Л. Б. Залкинд, В. К. Иков, К. Г. Петунин, И. И. Рубин, А. Л. Соколовский, Н. Н. Суханов, М. И. Тейтельбаум, А. Ю. Финн-Енотаевский, В. В. Шер, М. П. Якубович // Показательный процесс «Союзного бюро меньшевиков». URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Показательный_процесс_«Союзного_бюро_меньшевиков»&oldid=109855266

[306] К настоящему времени все обвиненные по этому делу реабилитированы.

[307] «Уральский рабочий. 1931. №58.

[308] Справка о деятельности «вредительских организаций» в промышленности Урала. 12 февраля 1931 г. URL: <https://istmat.info/node/61273>; Подробнее см.: Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2016.

[309] Там же.

[310] Цит. по: Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930–1931 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №18 (199). История. Вып. 41. С. 95–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-politiki-forsirovannoy-sovetizatsii-tehnicheskoy-intelligentsii-na-urale-v-1930-1931-godah-1>

[311] Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: речь на совещании хозяйственников. 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 69.

[312] Цит. по: Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930–1931 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №18 (199). История. Вып. 41. С. 95–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-politiki-forsirovannoy-sovetizatsii-tehnicheskoy-intelligentsii-na-urale-v-1930-1931-godah-1>

[313] Раков А. А. «Деревню опустошают»: сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-х годах М., 2013. С. 94.

[314] Там же. С. 94, 99.

[315] Цит. по: Раков А. А. Указ. соч. С. 110–111.

[316] Сапожников А. Г. К вопросу о размещении и условиях жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 89.

[317] Раков А. А. Указ. соч. С. 114.

[318] Правда. 1988. 26 августа.

- [319] Раков А. А. Указ. соч. С. 115.
- [320] Уральский рабочий. 1932. № №255, 287 и др.
- [321] См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социологические исследования. 1991. №10. С. 3–5. В кн. Документы свидетельствуют... приведена другая цифра – 540 818 чел.; ряд исследователей использует цифру 500 тыс. чел.
- [322] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994. С. 237.
- [323] Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. С. 160, 161.
- [324] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 3–5.
- [325] Там же. С. 102.
- [326] Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 168.
- [327] Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни: научное издание. М., 2008. С. 331.
- [328] Раков А. А. С.120.
- [329] Цит. по: Базаров А. А. Хроника колхозного рабства. М., 2004. С. 196.
- [330] Там же. С. 213.
- [331] Уральский рабочий. 1932. № №58, 63, 65.
- [332] Уральский рабочий. 1932. №65.
- [333] В конце октября 1931 г. Сталин направил в редакцию журнала «Пролетарская революция» свое открытое письмо «О некоторых вопросах истории большевизма». Сталин настаивал на первенстве партийного руководства в формировании линии партии, критикуя проникновение «троцкистских контрабандистов» в партийную историографию, а журнал «Пролетарская революция» как их платформу или дискуссионный форум. Журналу «Пролетарская революция» пришлось прекратить выход более чем на год. Только в 1933 г. его издание продолжил новый коллектив. Заменены были и редакции многих других журналов. Почти вся редакция журнала советских марксистских историков «Историк-марксист» оказалась жертвой репрессий.
- [334] Уральский рабочий. 1932. №2.

[335] П. А. Смирнов, по мнению партийной организации, отрицал связь диамата и истмата с математикой и теоретической физикой, был обвинен в проповеди поповского идеализма.

[336] Уральский индустриально-педагогический институт (с 25 августа 1930 г.) Уральский педагогический институт (с 1 октября 1932 г.). URL: <https://uspu.ru/university/history/1930.pdf>; Уральский рабочий. 1932. №4, 5; И. И. Рубин – крупный советский экономист. В 1928 г. началась научная дискуссия по книге Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», постепенно переросшая в травлю по политическим мотивам. Рубин был обвинен в фальсификации экономической теории марксизма и объявлен лидером идеалистического направления в политической экономии. Его идеи получили название «рубинщина». Подвергался многочисленным репрессиям. Был расстрелян в 1937 г.

[337] Уральский рабочий. 1932. №6.

[338] Уральский рабочий. 1932. №7.

[339] Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 169.

[340] Там же. С.172, 173.

[341] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149, 149об.

[342] Там же. Л. 58об.

[343] Там же. С. 179–180.

[344] Уральский рабочий. 1933. №100.

[345] Уральский рабочий. 1933. №100.

[346] Уральский рабочий. 1933. №179.

[347] Уральский рабочий». 1933. №137, 138, 140, 145.

[348] Головин В. Ф. (1893–1937), советский партийный и государственный деятель. В 1933–1934 гг. – председатель Уральского, в 1934–1937 гг. – Свердловского облисполкомов, член ЦИК СССР. Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г. **Шахгильдян В. П.** (1901–1938). Член ВКП (б). В 1928 г. переведен на Урал, работал инструктором обкома, **ответственным секретарем Верхне-Камского окружкома ВКП (б)** (1929–1930), **ответственным секретарь Березниковского райкома ВКП (б)** (1930–1933). С 1933 г. – на Пермской железной дороге им. Л. М. Кагановича (г. Свердловск): начальник политотде-

ла дороги, начальник дороги (с 1935 г.). Арестован 11.08.1937. Расстрелян 01.05.1938 по приговору Военной коллегии ВС СССР. Ройзенман Б. А. (1878–1938). Член Президиума ЦКК ВКП (б), заместитель председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР. Награжден орденом Ленина. Расстрелян в 1938 г. Карклин Ф. И. (1894–1937). В 1932–1935 гг. – первый секретарь Свердловского горкома ВКП (б). В 1935–1937 гг. – первый секретарь Тарского окружкома ВКП (б) Омской области. Репрессирован. Застрелился 17.07.1937.

[349] Рабочий. 1934. 6 января.

[350] Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Тез. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 16.

[351] Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй пол. 30-х гг. // Там же. С. 75; Рабочий. 1934. 18 января.

[352] Уральский рабочий. 1933. №217.

[353] Уральский рабочий. 1933. №219.

[354] Уральский рабочий. 1933. №153.

[355] Уральский рабочий. 1933. №154.

[356] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19420. Т. 1. Л. 72 (листы брошюры, находящейся в деле); Т. 9. Л. 488–492.

[357] Там же. Т. 1. Л. 1 (брошюры).

[358] Там же. Т. 9. Л. 506–509; Т. 1. Л. 3 (брошюры). Все осужденные по этому делу реабилитированы Военным трибуналом Уральского военного округа в июле 1956 г.

[359] Уральский рабочий. 1933. №18.

[360] Уральский рабочий. 1933. №18.

[361] «И как это не найдется человек, который мог бы убрать Сталина». URL: <http://libelli.ru/works/tom2htm/XXXIX.HTM>

[362] Там же. «Смирновцы» требовали: 1) пересмотреть однопольный курс «сверхиндустриализации», создающий диспропорцию в развитии народного хозяйства; 2) распустить колхозы и совхозы; 3) реорганизовать ОГПУ и поставить его под контроль закона; 4) удалить Сталина и его выучеников из ЦК; 5) отделить профессиональные союзы от государства. Свержение

Сталинского руководства мыслилось как акт восстановления «советской власти». См.: Авторханов А. Г. Технология власти. URL: <https://history.wikireading.ru/46898>

[363] Колдушко А. А. Дело повстанческой контрреволюционной организации. URL: <https://maxpark.com/community/4375/content/2146108>

[364] Уральский рабочий. 1933. №64.

[365] Уральский рабочий. 1933. №54.

[366] Уральский рабочий. 1933. №166.

[367] Уральский рабочий. 1933. №61.

[368] Вышинский А. Я. Судебные речи. М., 1955. С. 304–381; Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР. URL: <https://istmat.info/node/31279>; Козкина А. «Вредительство». Как газетное клише стало статьей УК. URL: <https://zona.media/article/2017/17/02/uk-vrediteli>

[369] Уральский рабочий. 1934. №30.

[370] Уральский рабочий. 1934. №20.

[371] Уральский рабочий. 1934. №112

[372] Уральский рабочий. 1934. №63.

[373] Уголовный кодекс 1926 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374>

[374] Мозохин О. Б. Вредительство в народном хозяйстве. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vrnar.php

[375] Уральский рабочий. 1934. №69.

[376] Уральский рабочий. 1934. №84.

[377] Уральский рабочий. 1934. №164.

[378] Уральский рабочий. 1934. №169.

[379] Райш Г. Трагическая судьба потомков Канта в России – итоги расследования. URL: <http://newreportage.ru/archives/13182>

[380] Уральский рабочий. 1934. №166.

[381] Райш Г. Трагическая судьба потомков Канта в России – итоги расследования. URL: <http://newreportage.ru/archives/13182>

- [382] Уральский рабочий. 1934. №244.
- [383] Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2020. С. 187, 191
- [384] Уральский рабочий. 1934. №279.
- [385] Уральский рабочий. 1934. №287.
- [386] Уральский рабочий. 1934. №292.
- [387] Уральский рабочий. 1934. №293.
- [388] Уральский рабочий. 1934. №296.
- [389] Уральский рабочий. 1934. №296
- [390] Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 191.
- [391] Там же. С. 192.
- [392] Уральский рабочий. 1935. №1.
- [393] Уральский рабочий. 1935. №2.
- [394] Уральский рабочий. 1935. №3.
- [395] Уральский рабочий. 1935. №15.
- [396] Уральский рабочий. 1935. №19.
- [397] Уральский рабочий. 1935. №19.
- [398] Уральский рабочий. 1935. №20.
- [399] Уральский рабочий. 1935. №20, 38, 50.
- [400] Уральский рабочий. 1935. №71, 98, 129.
- [401] Уральский рабочий. 1935. №287.
- [402] Уральский рабочий. 1935. №203.
- [403] Уральский рабочий. 1935. №245.
- [404] Уральский рабочий. 1935. №275.
- [405] Уральский рабочий. 1935. №176.
- [406] Уральский рабочий. 1935. №54.
- [407] Уральский рабочий. 1935. №185.
- [408] Уральский рабочий. 1936. №124.
- [409] Винниченко О. Ю. Указ. соч. С. 17; Филатов В. В. К вопросу о репрессиях в отношении управленческих кадров Урала. История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 129.
- [410] Уральский рабочий. 1936. №156, 184, 194, 198.
- [411] Уральский рабочий. 1936. №201.
- [412] Уральский рабочий. 1936. №204.

- [413] Уральский рабочий. 1936. №215.
- [414] Уральский рабочий. 1936. №53.
- [415] Уральский рабочий. 1936. №187.
- [416] Уральский рабочий. 1936. №70.
- [417] Уральский рабочий. 1936. №76.
- [418] Уральский рабочий. 1936. №45; Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР». 1934.05.15. URL: <https://istmat.info/node/40824>
- [419] Жарова Н. Л. История Отечества. М. 1992. С. 300–301.
- [420] Тагильский рабочий. 1936. 1 сентября; 22 ноября.
- [421] Уральский рабочий. 1936. №209.
- [422] Уральский рабочий. 1936. №266.
- [423] Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Кемеровский процесс. URL: <https://history.wikireading.ru/364181>
- [424] Хлевнюк О. В. Указ. соч. С.195, 197–198.
- [425] Уральский рабочий. 1936. №181.
- [426] Колдушко А. Первый этап политических репрессий 1936–1937 гг. в отношении руководства партийных органов Свердловской области. URL: <http://www.el-history.ru/node/329>
- [427] Там же.
- [428] «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / О. Лейбович, А. Колдушко, А. Казанков и др.; [отв. ред. О. Лейбович]. М., 2009. URL: <https://textarchive.ru/c-2875130-p4.html>
- [429] Там же.
- [430] Уральский рабочий. 1936. №199.
- [431] Уральский рабочий. 1936. №200.
- [432] Уральский рабочий. 1936. №201.
- [433] Уральский рабочий. 1936. №201
- [434] Уральский рабочий. 1936. №206.
- [435] Уральский рабочий. 1936. №207.
- [436] Уральский рабочий. 1936. №284.
- [437] См.: публикацию Р. А. Печуркиной «Аверинские мужики» в данной книге.

[438] О так называемом «Параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. №9; Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг. М., 1991. С. 210–235.

[439] Уральский рабочий. 1937. №23.

[440] Уральский рабочий. 1937. №72, 92, 93.

[441] 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 135.

[442] Молотов В. М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М. 1937. С. 42.

[443] 37-й на Урале. С. 188–193.

[444] Тагильский рабочий. 1937. 12 января; 27 января; 30 января; 1 февраля; 2 февраля; 12 февраля; 21 февраля; 22 февраля; 9 апреля; 12 августа; 24 сентября; 18 сентября. Л. Н. Пальцев, например, был осужден 16 сентября 1937 г. по закону от 7 августа 1932 г. за «вредительство в сельском хозяйстве». Верховный суд РСФСР 26 марта 1938 г. возвратил дело на доследование. 10 августа Л. Н. Пальцев был обвинен уже по ст. 58 п. 7, 8, 11, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитация последовала 16 мая 1956 г. (см.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 103–104).

[445] Там же. 24 июля.

[446] Там же. 3 октября; 28 ноября.

[447] Там же. 22 ноября. Осужденные по этому делу: В. К. Уткин, С. Е. Рыбников, П. В. Страхов, П. Н. Тошин, П. Л. Веников, Н. Ф. Жмаев были расстреляны 17 февраля 1938 г. В 1955 г. дело было пересмотрено и все эти жертвы реабилитированы 25 августа (см.: ГААОСО. Оп. 2. Д. 2. Т. 1. Л. 442–447 и Л. 5 (наблюдательное дело)).

[448] Тагильский рабочий. 1937. 23 декабря.

[449] 37-й на Урале. С. 5, 6.

[450] Тагильский рабочий. 1991. 20 марта.

[451] Там же. 1937. 22 ноября.

[452] Там же.

[453] «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / О. Лейбович, А. Колдушко, А. Казанков и др.;

[отв. ред. О. Лейбович]. 2-е изд., перераб. М., 2009. 318 с.
URL: <https://textarchive.ru/c-2875130-p4.html>

[454] Попов Н. Н. Указ. соч. С. 75.

[455] «Актив – кадровые офицеры». Публ. док-ов В. Лебедев // Источник. 1994. №1. С. 94–96.

[456] Там же. С. 96–102.

[457] Там же. С. 103.

[458] Там же. С. 107.

[459] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 1. Л. 86–92, 93–96.

[460] Хаустов В. Н. Репрессии второй половины 30-х годов // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 101.

[461] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27461. Т. 2. Л. 102.

[462] Там же. Д. 18171. Т. 1.

[463] Там же. Т. 3.

[464] Там же. Т. 2, 4.

[465] ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 33. Л. 1–6, 45; Д. 32. Л. 1, 30, 31, 37.

[466] История России. 1917–1940. Хрестоматия. С. 299–300; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 190, 179.

[467] Там же. Д. 27452. Т. 3. Л. 191.

[468] С августа 1937 года по ноябрь 1938 года в рамках всех «национальных операций» было осуждено 335 513 чел., из них приговорено к расстрелу 247 157 чел., т. е. 73,66% от общего числа осужденных. См.: Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://old.memo.ru/history/polacy/00485art.htm>

[469] ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д. 26808. Л. 53, 42–43, 44, 48, 51; Д. 27452. Т. 3. Л. 172; Д. 25438. Л. 38.

[470] Уральский рабочий. 1937. №7.

[471] Уральский рабочий. 1937. №8.

[472] Уральский рабочий. 1937. №10.

[473] Уральский рабочий. 1937. №14.

[474] Уральский рабочий. 1937. №16.

[475] Уральский рабочий. 1937. №25.

[476] Уральский рабочий. 1937. №40. Шрейбер Г. Я. после увольнения устроился работать мастером цеха на Алапаевский металлургический завод. Зимой 1938 г. был арестован и «обвинен в шпионаже», однако смог доказать свою невиновность, был выпущен на свободу. После освобождения переехал в Ленинград. В 1941 г. вновь был арестован, решением суда получил наказание в виде 15 лет лишения свободы. Отбывал наказание на Урале, работал мастером мартеновского цеха Алапаевского завода.. Скончался в 1944 г. Посмертно реабилитирован в 1994 г.

[477] Уральский рабочий. 1937. №51. Кузнецов М. В. (28 июля 1900 – 31 июля 1937) – советский партийный руководитель, первый секретарь Свердловского горкома ВКП (б) (1935–1937). Расстрелян 31 июля 1937 г. в г. Свердловске. Предпожительным местом захоронения является 12-й км Московского тракта. Реабилитирован.

[478] Уральский рабочий. 1937. №71; Шапошников Г. Н. Дело о контрреволюционной организации правых в связи Урала // Russian History Vol. 27, No. 2 (SUMMER 2000 / ETE 2000), pp. 169–195.

[479] Уральский рабочий. 1937. №87.

[480] Уральский рабочий. 1937. №104.

[481] Уральский рабочий. 1937. №89.

[482] Уральский рабочий. 1937. №103; Насибуллин Р. А. «Решительным образом бороться за ликвидацию в кратчайший срок всех последствий контрреволюционных извращений на теоретическом правовом фронте...»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. №1. С. 67–78. Пашуканис Е. Б. – видный ученый-юрист, разработчик нового советского права, заместитель наркома юстиции СССР. Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

[483] Авербах Л. Л. (1903–1937) – советский литературный критик, член Союза писателей СССР, редактировал газету «Уральский рабочий», один из организаторов РАПП, комсо-

мольский деятель, до апреля 1937 г. – 1-й секретарь Орджоникидзевского райкома ВКП (б) в Свердловске. Репрессирован, расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1961 г. См.: Авербах, Леопольд Леонидович // Российская историческая энциклопедия. В 18-ти т. / Ред. Александр Чубарьян. М., 2015. Т. 1. 616 с.

[484] Уральский рабочий. 1937. №109.

[485] Уральский рабочий. 1937. №118, 120.

[486] Уральский рабочий. 1937. №118, 125,129.

[487] Уральский рабочий. 1937. №132. Обвиняемому, Д. Д. Плетневу, профессору медицины, было 66 лет. Врачом Кремля он состоял почти со дня Октябрьского переворота. К политике не имел никакого отношения. Услугами Д. Д. Плетнева пользовались В. Ленин, Н. Крупская, И. П. Павлов и почти все сановники Кремля. Д. Д. Плетнев был приговорен к двум годам лишения свободы условно, т.е. фактически освобожден от всякого наказания. В 1938 г. возникло громкое дело против «правотроцкистского блока». Тогда в особую группу вновь были выделены «врачи-убийцы» – профессора Д. Д. Плетнев, Л. Г. Левин, И. Н. Казаков и другие, которые, как утверждалось, неправильным лечением способствовали смерти видных деятелей компартии. По приговору суда 1938 г. Д. Д. Плетнев был осужден на 25 лет лагерей. Отбыть срок ему не удалось. По официальным данным, Д. Д. Плетнев был расстрелян в Орловской тюрьме в сентябре 1941 г. в числе многих заключенных. Реабилитирован. См.: «Садист» Плетнев и «Врачи-убийцы». URL: <https://valkiriarf.livejournal.com/261640.html>

[488] Уральский рабочий. 1937. №142, 146, 150. Информация о Жуховицком Александре Израилевиче в Книге Памяти жертв политических репрессий. Свердловская область: 10 т. Т. 3: Е – И. Екатеринбург, 2001.

[489] Уральский рабочий. 1937. №140. Перель Идея Абрамович (1891–1937), заведующий областным отделом народного образования, арестован 24.05.1937, осужден 31.07.1937, расстрелян. Реабилитирован. Книга памяти Свердловской области. Т. 6; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 2. Л. 33.

[490] Уральский рабочий. 1937. №151.

[491] Уральский рабочий. 1937. №171, 177.

[492] Уральский рабочий. 1937. №181.

[493] Уральский рабочий. 1937. №215.

[494] Уральский рабочий. 1937. №237. Среди членов этой группы: А. А. Кобелев – секр. Ирбитского райкома ВКП (б), Н. Ф. Ячменев – председатель Ирбитского райисполкома, К. К. Падерин – зав. Ирбитским райзо, Г. И. Резлер – уполномоченный комитета заготовок СНК СССР по Ирбитскому району, И. А. Ананичев – директор Ирбитской МТС, Д. М. Хлысталов – управляющий Ирбитским заготзерно, Х. А. Рапаков – председатель колхоза «Борец Урала», М. С. Фоминцев – счетовод колхоза «Борец Урала».

[495] Уральский рабочий. 1937. №238. В. П. Каржавин – второй секретарь Егоршинского РК ВКП (б), Д. А. Ярославцев – председатель райисполкома, П. П. Харитонов, Н. С. Журавлев – директор совхоза «Талый ключ» и его зам П. А. Окалович, Е. Ф. Хлебников – председатель сельсовета. Ст. 58–7, 58–11. Л. И. Козырев, К. С. Налимов – ст. 58–13.

[496] Уральский рабочий. 1937. №229.

[497] Уральский рабочий. 1937. №251.

[498] Уральский рабочий. 1937. №279. Ее участники: 1. М. А. Осипов – начальник животноводческого управления Свердловского ОблЗО, 2. В. С. Анцигин – начальник ветеринарного управления Свердловского ОблЗО, 3. И. Ф. Божедомов – ст. врач при ветуправлении Свердловского ОблЗО, 4. В. И. Салтыкова – директор Свердловской ветеринарной научно-исследовательской станции, 5. А. И. Удинцев – зав. гельминтологическим отделом Свердловской ветеринарной станции.

[499] Уральский рабочий. 1937. №291.

[500] Джамбул Джабаев (1846–1945) – казахский советский поэт-акын, лауреат Сталинской премии (1941). Автор стихов: «Гимн Октябрю», «Ленин и Сталин», «Закон счастья» (о конституции 1936 г.), «Я избираю Сталина», «Песня о батыре Ежове» («Нарком Ежов»), «В час, когда зовет Сталин» и др.

[501] Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/articles/2007hrbt.htm>.

[502] Январский пленум ЦК ВКП (б) 1938 г. URL: <https://mybiblioteka.su/tom2/10-86655.html>

[503] Большой террор. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Большой_террор&oldid=110822539.

[504] Петров Н. В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011. с. 29

[505] Эксперты нашли фактические ошибки в учебнике истории Барсенкова и Вдовина. URL: <http://ria.ru/society/20101124/300515272.html>

[506] Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. URL: [URL:http://www.memorial.krsk.ru/articles/2007hrbt.html](http://www.memorial.krsk.ru/articles/2007hrbt.html).

[507] Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://old.memo.ru/history/polacy/00485art.htm>

[508] Большой террор. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Большой_террор&oldid=110822539.

[509] Уральский рабочий. 1938. №6, 7.

[510] Уральский рабочий. 1938. №7.

[511] Уральский рабочий. 1938. №15.

[512] Уральский рабочий. 1938. №16.

[513] Уральский рабочий. 1938. №19.

[514] Уральский рабочий. 1938. №48.

[515] Уральский рабочий. 1938. №49.

[516] Уральский рабочий. 1938. №53.

[517] Уральский рабочий. 1938. №59, 60.

[518] Уральский рабочий. 1938. №68.

[519] Уральский рабочий. 1938. №109.

[520] Уральский рабочий. 1938. №103.

[521] Уральский рабочий. 1938. №123.

[522] Уральский рабочий. 1938. №138.

[523] Уральский рабочий. 1938. №138.

- [524] Уральский рабочий. 1938. №202.
- [525] Уральский рабочий. 1938. №281.
- [526] Уральский рабочий. 1938. №158.
- [527] Уральский рабочий. 1938. №187.
- [528] Уральский рабочий. 1938. №227.
- [529] Уральский рабочий. 1938. №234.
- [530] Уральский рабочий. 1938. №240.
- [531] Уральский рабочий. 1938. №291.
- [532] Косарев А. В. (1903–1939), первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1929–1939), арестован 28 ноября, 23 февраля 1939 г. расстрелян, реабилитирован в 1954 г.
- [533] Уральский рабочий. 1938. №270.
- [534] Санников И. С., первый секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ (октябрь 1937 – декабрь 1938).
- [535] Уральский рабочий. 1938. №297.
- [536] Уральский рабочий. 1938. №16.
- [537] Уральский рабочий. 1938. №16.
- [538] Уральский рабочий. 1938. №26.
- [539] Уральский рабочий. 1938. №32.
- [540] Уральский рабочий. 1938. №34.
- [541] Уральский рабочий. 1938. №30.
- [542] Уральский рабочий. 1938. №30.
- [543] Уральский рабочий. 1938. №35.
- [544] Уральский рабочий. 1938. №47.
- [545] Уральский рабочий. 1938. №64.
- [546] Уральский рабочий. 1938. №173.
- [547] Уральский рабочий. 1938. №37.
- [548] Уральский рабочий. 1938. №191.
- [549] Уральский рабочий. 1938. №258.
- [550] Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 285, 306.
- [551] Большой террор. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Большой_террор&oldid=110822539.
- [552] Уральский рабочий. 1939. №10.
- [553] Уральский рабочий. 1939. №12.

- [554] Там же.
- [555] Уральский рабочий. 1939. №15.
- [556] Уральский рабочий. 1939. №16.
- [557] Уральский рабочий. 1939. №37.
- [558] Уральский рабочий. 1939. №57.
- [559] Уральский рабочий. 1939. №58.
- [560] Уральский рабочий. 1939. №26.
- [561] Уральский рабочий. 1939. №61.
- [562] Уральский рабочий. 1939. №26.
- [563] Уральский рабочий. 1939. №90.
- [564] Уральский рабочий. 1939. №94.
- [565] Тагильский рабочий. 1938. 22 марта; 24 марта.
- [566] Там же.
- [567] Филатов В. В. К вопросу о репрессиях в отношении управленческих кадров на Урале в годы коллективизации // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 130.
- [568] Хаустов В. Н. Указ. соч. С. 101; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26808. Л. 41.
- [569] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22143. Л. 61.
- [570] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27469. Т. 2. Л. 180.
- [571] Там же. Л. 185–187.
- [572] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 193–195.
- [573] Там же. Л. 189.
- [574] Там же. Л. 172.
- [575] Там же. Л. 179.
- [576] Винниченко О. Ю. Указ. соч. С. 16, 17.
- [577] Попов Н. Н. Указ. соч. С. 75–76.
- [578] Фельдман М. А. Уральские организации ВКП (б) в 1938 – июне 1941 гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 131–132.
- [579] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 174.
- [580] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18727. Л. 39.
- [581] Плоды освобожденного труда. Что дала Советская власть рабочим? Свердловск, 1938. С. 56–57.
- [582] ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 13. Л. 95, 97–98

- [583] Дзюбинский Л. И., Дзюбинская З. П. Свет над тайгой. Екатеринбург, 2001. С. 64.
- [584] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 85об.
- [585] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4177. Л. 108.
- [586] ГАСО. Ф. Р-2266. Д. 74. Л. 225.
- [587] Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 181, 243, 319.
- [588] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 144. Л. 41.
- [589] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17285. Л. 122.
- [590] ГАСО. Ф. Р-2266. Д. 74. Л. 222.
- [591] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17921. Л.23.
- [592] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8024. Л. 3об.
- [593] Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2011. С. 155–156.
- [594] Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 27, 221–222.
- [595] См. подробнее: Быкова С. И. Наказанная память: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД// Неприкосновенный запас. 2009. №2. С.38–54.
- [596] См. подробнее: Быкова С. И. Советская иконография и «портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 105–125.
- [597] Быкова С. И. Советский человек в 1930-е гг.: научный дискурс и самоидентификация // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 320–327.
- [598] ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 32329. Л. 118
- [599] ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 20790. Т. 1. Конверт.
- [600] ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 43747. Конверт (Тетрадь серого цвета. Л. 20).
- [601] См. подробнее: Быкова С. И. Революция как оправдание: интерпретация личного (со) участия в политических репрессиях 1930-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 631–640.

[602] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 236, 318.

[603] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь. С. 501.

[604] ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 74. Л. 204.

[605] Книга памяти: Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980 гг. / сост. В. М. Кириллов. Екатеринбург, 1994. С. 66.

[606] Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 1950-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1. С. 179–180.

[607] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 41216 (конверт); Д. 17201. Л. 36–38; Д. 22750. Л. 10–22; Д. 20883. Л. 2–7; Д. 29985. Л. 10–26 и др.; ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Т. 2. Л. 226–235.

[608] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь. С. 592; Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 112.

[609] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 183. Л. 189–191; 196–200.

[610] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20945. Конверт; Д. 26018. Т. 1. Л. 10, 11, 17; Д. 17160. Т. 16. Л. 173–175 и др. дела; ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 2. Л. 60; Т. 3. Л. 95; Ф. 2. Оп. 1. Д. 31849. Л. 58–59 и др. дела.

[611] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 3. Л. 95.

[612] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20945. Конверт.

[613] ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 31849. Л. 57–59.

[614] ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 26710. Л. 365.

[615] Швед С. Воспоминания // Завещание. Свердловск, 1989. С. 73–75.

[616] 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 170–171.

[617] См. подробнее: Быкова С. И. Игра в патриотизм как один из методов формирования «врагов народа» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 175–185.

[618] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18001. Л. 64; Д. 4514. Л. 29; Д. 17554. Т. 30. Л. 86–87, Т. 32. Л. 77; Репрессии в среде препода-

вателей высших учебных заведений г. Свердловска в 1937–1938 гг. // Архивы Урала. 2006. №9–10. С. 273.

[619] Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал». М., 2007. С. 64.

[620] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18166. Л. 30–32.

[621] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39666. Л. 11.

[622] Завещание. С. 26. См. аналогичные истории: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 32. Л. 337–339.

[623] См. подробнее: Быкова С. И. «Чекист... морально и политически абсолютно безупречен»: о нравах сотрудников НКВД в 1930-е годы // Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России / науч. ред. Л. С. Лихачева. Екатеринбург, 2013. С. 100–112.

[624] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17368. Т. 5. Л. 92–93.

[625] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 54. Л. 44–45.

[626] Например: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26018. Т. 1. Л. 141–145, 164–165; Д. 17160. Т. 11. Л. 245–250.

[627] Завещание. С. 151; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17201. Л. 89, 93–94, 105 об; Д. 20945. Л. 45об.

[628] Репрессии в среде преподавателей высших учебных заведений г. Свердловска в 1937–1938 гг. // Архивы Урала. 2006. №9–10. С. 274.

[629] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 87 об; Т. 32. Л. 80.

[630] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22750. Л. 28; Д. 17208. Л. 161–162; Д. 39666. Л. 12.

[631] Мемуары о политических репрессиях. С. 108, 164, 183, 176, 201 и др.

[632] Завещание. С. 101–102, 208, 211, 213–215, 217; Мемуары о политических репрессиях. С. 118, 289.

[633] Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М. – Свердловск, 1991. С. 204–205.

[634] 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 221–222.

[635] Шангин М. Дороги // Завещание. Свердловск, 1989. С. 203, 204, 219.

- [636] 37-й на Урале. С. 203.
- [637] Шаламов В. Вишера. Челябинск, 1990. С. 8, 12.
- [638] 37-й на Урале. С. 288.
- [639] Афанасьев П. Да, это было... // Завещание. С. 23.
- [640] Швед С. Воспоминания // Завещание. С. 84, 110.
- [641] Шангин М. Дороги. С. 201–202, 205, 209, 210.
- [642] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18166. Л. 75.
- [643] Швед С. Воспоминания. С. 78; 37-й на Урале. С. 291–292.
- [644] Афанасьев П. Да, это было... С. 15.
- [645] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 93.
- [646] 37-й на Урале. С. 218, 186.
- [647] Непридуманые истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И. Н. Демченко. Екатеринбург, 2013. С. 94.
- [648] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38518. Л. 62.
- [649] Скотт Дж. За Уралом. С. 213, 296, 298.
- [650] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17368. Л. 92–93.
- [651] Там же. Л. 95.
- [652] Шангин М. Дороги. С. 213.
- [653] Федотов Г. П. Тяжба о России // Мыслители русского зарубежья: Бердяев Н. А., Федотов Г. П. СПб., 1992. С. 362.
- [654] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15699. Конверт.
- [655] Этот вопрос продолжает оставаться актуальным и в обществе, и в исторической науке. Очень часто используется тезис сталинских времен о том, что репрессировали только коррумпированных чиновников. Признавая, что репрессии были направлены не только против интеллигенции, военных, служащих, но и против рабочих, некоторые ученые наиболее пострадавшими называют как кадровых, так и «новых» рабочих. См.: Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 228, 325.
- [656] Скотт Дж. За Уралом. С. 295, 195, 297–298.

- [657] Афанасьев П. Да, это было... С. 10.
- [658] Там же. С. 13–31.
- [659] Швед С. Воспоминания. С. 73.
- [660] Например: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17368. Л. 95; Д. 17160. Т. 54. Л. 80.
- [661] Швед С. Воспоминания. С. 95; Чусовитина Т. О пережитом // Завещание. Свердловск, 1989. С. 182–185.
- [662] Скотт Дж. За Уралом. С. 197, 202, 234.
- [663] Афанасьев П. Да, это было... С. 11, 15.
- [664] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 2. Л. 133–136.
- [665] Шангин М. Дороги. С. 195–196.
- [666] Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. С. 327.
- [667] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15699. Конверт. Л. 6.
- [668] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15699. Конверт. Л. 6.
- [669] 37-й на Урале. С. 218.
- [670] Скотт Дж. За Уралом. С. 195.
- [671] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38822. Л. 33; Д. 17554. Т. 30. Л. 51; 37-й на Урале. С. 288.
- [672] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20790. Т. 2. Конверт. Далее ссылки на этот источник не указываются.
- [673] Швед С. Воспоминания. С. 112, 185.
- [674] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17208. Л. 162; Д. 17368. Т. 5. Л. 92; Шангин М. Дороги. С. 199.
- [675] Афанасьев П. Да, это было... С. 9, 24; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39206. Конверт.
- [676] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20878. Т. 2. Л. 207.
- [677] Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996. С. 39.
- [678] Бухарин Н. Будущему поколению руководителей партии // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 606–610.
- [679] Федотов Г. П. Тяжба о России. С. 359.
- [680] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17368. Т. 5. Л. 92; Д. 19657. Т. 4. Л. 50.
- [681] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 2. Л. 136.
- [682] Чусовитина Т. Пережитое. С. 184.

- [683] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 14.
- [684] ГАСО. Ф. Р. – 2266. Оп. 1. Д. 153. Л. 109.
- [685] ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 17208. Л. 5.
- [686] ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 20883. Л. 7.
- [687] Шангин М. Дороги. С. 204.
- [688] ГАСО. Ф. Р. – 2266. Оп. 1. Д. 220. Л. 11.
- [689] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь. С. 35.
- [690] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь. С. 146, 583, 641, 214.
- [691] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3679. Л. 23 (конверт).
- [692] Шангин М. Дороги. С. 204.
- [693] Шаламов В. Вишера. С. 60.
- [694] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36399. Л. 9; Д. 22750. Л. 13; Д. 20880. Л. 45; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 9, 96, 102.
- [695] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 99; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20879. Л. 25.
- [696] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2128. Л. 35
- [697] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36399. Л. 8об.
- [698] Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 242.
- [699] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 86–87; Т. 32. Л. 6, 77–80; Д. 39206. Конверт; Д. 17201. Л. 89; Д. 20880. Л. 85об.; Д. 20878. Т. 2. Л. 17; Д. 22750. Л. 28.
- [700] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19409. Л. 11.
- [701] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19657. Т. 4. Л.48
- [702] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9188. Л. 5.
- [703] Швед С. Воспоминания. С. 81.
- [704] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь. С. 373.
- [705] ГАСО. Ф. Р. – 2266. Оп. 1. Д. 59. Л. 61; Д. 61. Л. 4.
- [706] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32329. Л. 126.
- [707] Книга памяти: Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980 гг. / сост. В. М. Кириллов. Екатеринбург, 1994. С. 277–278.

[708] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 35. Л. 40.

[709] Книга памяти. С. 219.

[710] Из списка руководящих партийных работников Свердловской области, входивших в номенклатуру ЦК ВКП (б) // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Документы и материалы. Т. 1. 1917–1941. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2005. С. 599, 608, 663

[711] Хлевнюк О. В. 1937-й. С. 197, 202–206; Афанасьев П. Да, это было... С. 15, 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 47. Л. 2.

[712] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17160. Т. 2. Л. 349.

[713] Афанасьев П. Да, это было... С. 27; Шангин М. Дороги. С. 222; Швед С. Воспоминания. С. 62; Коц А. Наваждение. Екатеринбург, 2000. С. 17; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48149. Л. 61; Д. 24695. Л. 125–128.

[714] Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. С. 64.

[715] Там же. С. 65. **Доказывание.** Доказывать – это приводить аргументы, подтверждающие правильность какого-либо тезиса. Доказывание – логический путь речевого воздействия. **Убеждение.** Убеждать – это вселять в собеседника уверенность, что истина доказана. В убеждении используется и логика, и обязательно – эмоция. **Уговаривание.** Уговаривать – это преимущественно эмоционально побуждать собеседника отказаться от его точки зрения и принять иную. Уговаривание всегда очень эмоционально, интенсивно, с использованием личных мотивов и многократных повторов. **Внушение.** Внушать – это побуждать собеседника просто поверить на слово – без обдумывания, без критического осмысления. Внушение основано на сильном психологическом эмоциональном давлении, часто – на авторитете говорящего или пишущего. **Принуждение.** Принудить – значит заставить человека сделать что-либо против его воли. Принуждение основывается обычно на грубом нажиме, на демонстрации силы, угрозах.

[716] Там же. С. 72.

- [717] Уральский рабочий. 1937. №72.
- [718] Уральский рабочий. 1937. №92.
- [719] Уральский рабочий. 1937. №93.
- [720] Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ: CORPUS, 2020. С. 219–220.
- [721] Там же. С. 220–221.
- [722] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33149. Л. 58.
- [723] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33149. Л. 65.
- [724] Там же. Л. 75.
- [725] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 70. Л. 11.
- [726] ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 32. Л. 31.
- [727] ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 93. Л. 97.
- [728] Пряхин В. М. Дискриминация студенческой молодежи в послевоенный период. // Высшая школа в преддверии XXI века. Екатеринбург, 1995. С. 72.
- [729] Постановление ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» // О партийной и советской печати: сборник документов и материалов. М., 1954. С. 564–568.
- [730] Уральский рабочий. 1947. 25 сентября.
- [731] ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 61. Л. 62.
- [732] Пряхин В. М. Указ. соч. С. 73.
- [733] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Л. 73.
- [734] Там же.
- [735] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 66. Л. 14.
- [736] Белокуров К. К. КЛИП. №18; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л. 164.
- [737] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л. 161; Белокуров К. К. Указ. соч.
- [738] Белокуров К. К. Указ. соч.
- [739] Уральский рабочий. 1949. 5 апреля.
- [740] ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 107. Л. 120.
- [741] Там же. Л. 122.
- [742] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 87. Л. 35.
- [743] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 87. Л. 36.

- [744] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 94. Л. 13.
- [745] Там же. Л. 12.
- [746] Там же. Л. 11–12.
- [747] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 122. Л. 27.
- [748] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 63. Д. 135. Л. 28.
- [749] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 122. Л. 87–88.
- [750] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 120. Л. 10.
- [751] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 18. Д. 42. Л. 24.
- [752] Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 11.
- [753] Там же. С. 225.
- [754] Воспоминания преподавателей Уральского государственного университета о В. В. Адамове. Личный архив автора.
- [755] Там же.
- [756] ЦДООСО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.
- [757] Там же. Л. 22.
- [758] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 71. Д. 28. Л. 8.
- [759] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44077. Т. 3. Л. 56.
- [760] Там же. Л. 79.
- [761] Там же. Л. 59–64.
- [762] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44077. Т. 3. Л. 236.
- [763] Болотов И. От составителя // Авангардные направления в советском изобразительном искусстве. Екатеринбург, 1993. С. 3.
- [764] Там же. С. 4.
- [765] Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С. 433.
- [766] Верт Н. История советского государства. М., 1992. С. 310.
- [767] Там же. С. 313.
- [768] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4402. Л. 91.
- [769] Там же. Л. 45, 79.
- [770] Там же. Л. 79, Л. 5.
- [771] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43995. Т. 2. Л. 249.
- [772] Там же. Л. 249.

- [773] Там же. Л. 295.
- [774] Там же. Л. 279, 281.
- [775] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43995. Т. 1. Л. 29.
- [776] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43995. Т. 1. Л. 311.
- [777] Там же. Л. 351.
- [778] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 4.
- [779] Там же. Л. 5.
- [780] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 11. Л. 56.
- [781] Там же. Л. 56.
- [782] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 27–31.
- [783] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л. 29, 141–142.
- [784] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 7.
- [785] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 66. Л. 14.
- [786] ГАОСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 381. Л. 12, 31.
- [787] Барсуков Н. На переломе. Советское общество в послевоенные десятилетия // Свободная мысль. 1994. №6. С. 104.
- [788] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43949. Т. 3. Л. 9.
- [789] Там же. Т. 4. Л. 83, 184, 168, 342–343; Т. 1. Л. 355, 275; Т. 1. Л. 1.
- [790] Архив научно-исследовательского и просветительского Центра «Мемориал» (в дальнейшем – Архив НИПЦ «Мемориал»). Ф. 155. Интервью А. Прищепы с В. Пестовым.
- [791] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43949. Т. 3. Л. 9.
- [792] Там же. Т. 4. Л. 340.
- [793] Там же. Т. 3. Л. 54. Пакет №1.
- [794] Там же. Т. 3. Л. 10–49.
- [795] Там же. Л. 9.
- [796] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43949. Т. 4. Л. 344.
- [797] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Воспоминания В. А. Шаклеина. Л. 4.
- [798] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 244.
- [799] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Информация Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР в ЦК КПСС. 12 июня 1970 г.

- [800] Уральский рабочий. 1995. 27 января.
- [801] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Воспоминания Виктора Пестова. С. 7.
- [802] Уральский рабочий. 1995. 27 января.
- [803] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Информация Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР в ЦК КПСС. 12 июня 1970.
- [804] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Воспоминания Виктора Пестова. С. 7.
- [805] Уральский рабочий. 1995. 27 января.
- [806] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Информация Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР в ЦК КПСС. 12 июня 1970 г.; Уральский рабочий. 1995. 27 января.
- [807] Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс – М., 1992. С. 227; Уральский рабочий. 1995. 27 января.
- [808] Хроника текущих событий. (ХТС) Вып. 33. С. 38.
- [809] ХТС. Вып. 33. С. 38.
- [810] См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 245.
- [811] АС. №4528. Вып. 2/82. С. 6.
- [812] Власть и оппозиция... С. 246.
- [813] АС. №4528. Вып. 2/82. С. 6; См.: Буковский В. И возвращается ветер... М., 1990. С. 155–156; АС. №4528. Вып. 2/82. С. 6.
- [814] ХТС. Вып. 37. С. 31.
- [815] Прищепа А. И. Виктор Пестов: «Я думал, что социализм необходимо улучшать» // Уральский рабочий. 1995. 27 января; Встреча политзаключенных 50–80-х годов. С-Петербург. 11–12 августа 1990 года. С-Петербург, Мемориал. 1991. С. 54
- [816] ХТС. Вып. 41. С. 30–31.
- [817] ХТС. Вып. 64. С. 56.
- [818] Зиновьев А. А. Об оппозиции в коммунистическом обществе // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1992. С. 60.

- [819] Цит. по: Данилов А. А. История инакомыслия в России... С. 62.
- [820] Архив НИПЦ «Мемориал». Пакет «А. И. Голуб». Л. 2.
- [821] Архив НИПЦ «Мемориал». Пакет «А. И. Голуб». Л. 2.
- [822] Там же. Л. 3.
- [823] Там же.
- [824] Там же.
- [825] Там же. Л. 4, 5.
- [826] Там же.
- [827] Там же. Л. 6.
- [828] См.: Химия и жизнь. 1990. №4. С. 7–15.
- [829] Архив НИПЦ «Мемориал». Пакет «А. И. Голуб». Л. 6; См.: Голуб А. И. Особо опасный государственный преступник // Новое время. 1990. №51. 14 декабря. С. 36–38.
- [830] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Л. 44031. Т. 9. Л. 249.
- [831] ХТС. Вып. 16–27. С. 390–391.
- [832] ХТС. Вып. 37. С. 25.
- [833] Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 101. Д. 18. Л. 171–172.
- [834] Приговоры по политическим делам в СССР (50–80-х годов). 16 серия. М., 1994. С. 24.
- [835] ГАОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44083. Т. 9. Л. 58.
- [836] Аваков А. В. Автобиография советского антисоветского философа. Екатеринбург, 1994. С. 10; ГАОСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44083. Т. 9. Л. 37.
- [837] Аваков А. В. Указ. соч. С. 19–21
- [838] Аваков А. В. Указ. соч. С. 10–11.
- [839] Аваков А. В. Указ. соч. С. 11.
- [840] Там же. С. 15–16, 14, 21.
- [841] Алексеева Л. Указ. соч. С. 276–277.
- [842] Там же. С. 289.
- [843] Безбородов А. Б., Мейер М. М., Пивовар Е. И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50–80-х годов. Учебное пособие для студентов по курсу отечественной истории новейшего времени. М., 1994. С. 48–49.
- [844] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 50. С. 245.

[845] Шипилов А. В. Революционная законность и становление советской юстиции (1917–1922 гг.): дисс. ... канд. истор. наук 07.00.02. Москва, 2006. URL: cheloveknauka.com/revolyutsionnaya-zakonnost-i-stanovlenie-sovetskoj-yustitsii-1917-1922-gg#ixzz4wOcoRygb

[846] Колтунов О. А. Революционная законность и особенности ее обеспечения в деятельности российской милиции в первые годы советской власти, 1917–1925 гг. (Историко-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 216 с. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/revoljucionnaja-zakonnost-i-osobennosti-ee-obespechenija-v-dejatelnosti-rossijskoj.html>

[847] Абдурахманова И. В. Указ. соч.

[848] Шипилов А. В. Указ. соч.

[849] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР)» // СУ РСФСР. 1922. №15. Ст. 153.

[850] Курицын В. М. Нэп и революционная законность // Вопросы истории. 1967. №9. URL: <https://clck.ru/YUiUS>

[851] Шипилов А. В. Указ. соч.

[852] Курицын В. М. Указ. соч.

[853] Луцык С. М. А. Я. Вышинский о понятии и видах законности. URL: www.justicemaker.ru/view-article.php?art=1654&id=26

[854] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 9.

[855] Там же. С. 9–10.

[856] Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1. М., 1991. С. 40, 98; Ч. 2. С. 400.

[857] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 11–12.

[858] Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 3.

[859] Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства. Вып. 20. С. 235.

[860] См.: История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 132, 115.

[861] Степанов В. А. Красный террор // Радуга. 1991. №2. С. 65.

[862] Нижнетагильский городской исторический архив (далее НТГИА). Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 6. Л. 167.

[863] Там же. Л. 144, 144об.

[864] Там же. Л. 125, 126.

[865] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 12.

[866] Там же. С. 13.

[867] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189.

[868] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 336.

[869] НТГИА. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 15. Л. 36.

[870] Там же.

[871] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 57–58.

[872] Там же. С. 18–19.

[873] Собрание кодексов РСФСР. М., 1927. С. 710, 726, 727.

[874] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 22–26; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 336.

[875] Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1990. С. 84.

[876] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 31–32.

[877] Там же; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 233.

[878] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 425.

[879] Уголовный кодекс 1926 г. М., 1929. С. 25.

[880] Там же. С. 31.

[881] Там же. С. 31, 32, 36.

[882] Базаров А. Кулак и Агрогулаг. Челябинск, 1991. С. 129; Книга Памяти (посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х гг.). Екатеринбург, 1994. С. 31–32.

[883] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 32, 33.

[884] См. более подробно: Книга Памяти. Гл. 2, пар. 1.

[885] История Советской Конституции 1917–1936 гг. М., 1957. С. 673.

[886] См.: Сборник материалов и документов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 300, 301; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1990. С. 86.

[887] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991). Казань, 1992. С. 17.

[888] История Советской Конституции. 1917–1936 гг. С. 669, 670.

[889] Там же. С. 670–672.

[890] История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 261, 262; История советского уголовного права. 1917–1947. М., 1948. С. 412.

[891] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 27, 28.

[892] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 39.

[893] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сб. документов. М., 1955. С. 551–553, 466–470.

[894] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 59, 61–63.

[895] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. С. 551–552.

[896] Конституция СССР 1936 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

[897] «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. Составили Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html

[898] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 49, 137.

- [899] Там же.
- [900] История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 261, 323, 324.
- [901] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. С. 574, 471–473; Сталинские списки. URL: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>.
- [902] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 36.
- [903] «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника...
- [904] История советского государства и права. Т. 3. М., 1985. С. 183.
- [905] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 37.
- [906] См.: ГУЛАГ в годы войны // Военно-исторический журнал. 1991. №1. С. 15–19; Земсков В. Н. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. №5. С. 152.
- [907] См.: Кнышевский П. Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. №2. С. 54.
- [908] История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 323.
- [909] Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 361; Сб. док. по истории угол. зак-ва СССР и РСФСР (1953–1991). С. 29.
- [910] История государства и права СССР. Ч. 2. С. 84.
- [911] Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 362; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С.432.
- [912] См.: Указ. соч. С. 54.
- [913] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 59; Ч. 2 С. 321.
- [914] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 38, 158.

- [915] Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6. С. 14.
- [916] Там же. С. 22.
- [917] Там же.
- [918] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 55.
- [919] Там же.
- [920] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. С. 323.
- [921] Там же. С. 17, 25.
- [922] Кнышевский П. Н. Указ. соч. С. 60.
- [923] Там же. С. 62.
- [924] Земсков В. Н. ГУЛАГ. С. 24.
- [925] Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. №2. С. 4, 5, 19–21.
- [926] Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. №6. С. 24.
- [927] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 41–44, 136, 137, 139–142; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 321, 356.
- [928] Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. №7. С. 4, 5.
- [929] История Советской Конституции. 1917–1956 гг. М., 1957. С. 840, 841.
- [930] Земсков В. Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. №11. С. 16, 17.
- [931] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 41; История Советской Конституции. С. 891.
- [932] Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 65.
- [933] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 46–47, 48; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 255.
- [934] Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. №7. С. 9.

[935] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. С. 16.

[936] Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. №7. С. 12, 14.

[937] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. С. 15–17, 22.

[938] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 23, 27, 30; История Советской Конституции. М., 1957. С. 773.

[939] Земсков В. Н. Спецпоселенцы... С. 16.

[940] История государства и права СССР. Ч. 2. С. 417–420.

[941] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 52–58.

[942] ГАОСО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 21333–21338.

[943] ГАОСО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 21336. Л. 85–86.

[944] Там же. Л. 87.

[945] Там же. Д. 21338. Л. 257.

[946] Там же. Л. 163–163об.

[947] Там же. Л. 164.

[948] Там же.

[949] Там же. Л. 164–164об.

[950] Там же. Л. 164об. – 165.

[951] Там же. Л. 165–165об.

[952] Там же. С. 165об. – 166.

[953] Там же. Л. 167–168.

[954] Там же. Л. 168–169.

[955] Там же. Л. 169.

[956] Там же.

[957] Там же. Л. 169–170.

[958] Там же. Л. 172об. – 173.

[959] Там же. Л. 173об. – 174об.

[960] Там же. Л. 175.

[961] Там же. Л. 175–175об.

[962] См.: Там же. Д. 21337. Л. 2–5.

- [963] Там же. Д. 21338. Л. 178.
- [964] Там же. Л. 178–178об.
- [965] Там же. Л. 153об. – 154об.
- [966] Там же. Л. 154об. – 155об.
- [967] Там же. Л. 155об. – 156.
- [968] Там же. Л. 156.
- [969] Там же. Л. 158.
- [970] Там же. Л. 158об.
- [971] Там же. Л. 158об. – 159.
- [972] Там же. Л. 159об.
- [973] Там же. Л. 159об. – 160.
- [974] Там же. Л. 137.
- [975] Там же. Л. 137–137об.
- [976] Там же. Л. 138.
- [977] Там же. Л. 138–139об.
- [978] Там же. Л. 140.
- [979] Там же. Л. 140об.
- [980] Там же. Л. 140об. – 141.
- [981] Там же. Л. 141.
- [982] Там же. Л. 140–141об.
- [983] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 44. Л. 82.
- [984] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 44. Л. 85
- [985] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.
- [986] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 3.
- [987] См.: Алексеев В. В. Тайна века // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 137.
- [988] См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149а. Л. 338 // Цит. по: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Т. 2. 2008. С. 56.
- [989] Опубликовано в альманахе «Источник». №0, 1993. С.108–116.
- [990] См.: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Т. 2. Екатеринбург, 2008. С. 90.
- [991] Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 406–407.

- [992] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 6.
- [993] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 7–8.
- [994] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 5.
- [995] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 1аоб.
- [996] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 7.
- [997] Там же.
- [998] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть. Екатеринбург, 2018. С. 371.
- [999] Там же.
- [1000] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 4.
- [1001] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 7.
- [1002] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 8об.
- [1003] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть... С. 126.
- [1004] Там же. С. 371.
- [1005] Там же.
- [1006] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 6об.
- [1007] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург... С. 372.
- [1008] См. док. №1 (Приложение).
- [1009] Бессонов Ю. На фронте и в тылу: Рабочие Верхисетского завода. 1918–1921 годы (главы из истории завода). Свердловск, 1937. 96 с.
- [1010] См. док. №2–7 (Приложение).
- [1011] См. док. №3 (Приложение).
- [1012] См. док. №5 (Приложение).
- [1013] Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Пермский край. Т. 1. 1917–1940. Пермь, 2008. С. 212–213.
- [1014] См. док. №4 (Приложение).
- [1015] См. док. №3 (Приложение).
- [1016] См. док. №6 (Приложение).
- [1017] См. док. №7 (Приложение).
- [1018] См. док. №7 (Приложение).
- [1019] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 7об.
- [1020] Там же.

- [1021] Там же.
- [1022] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 5.
- [1023] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 6.
- [1024] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 8.
- [1025] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 6об.
- [1026] Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2018. С. 367.
- [1027] См. док. №8.
- [1028] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 8об.
- [1029] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 1об.
- [1030] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 5об.
- [1031] Константинов С. И. Биографии белых генералов и офицеров: Ермохин Михаил Капитонович // Девятые Романовские чтения. Екатеринбург, 2005. С. 150.
- [1032] Датируется по содержанию документа.
- [1033] Сведения не соответствуют действительности. Во время описываемых в воспоминаниях А. М. Лапина событий адмирала А. В. Колчака не было на территории России. Войска, занявшие Екатеринбург, подчинялись Временному Сибирскому правительству во главе с П. В. Вологодским.
- [1034] Здесь и далее по тексту документа подчеркнута черными чернилами неустановленным лицом – предположительно, сотрудником Истпарта.
- [1035] Исправлено. В документе ошибочно *объявленного*.
- [1036] Имеется в виду ночь с 8 на 9 августа 1918 г., когда 2-я бригада Средней дивизии 3-й армии под командованием комбрига П. И. Жебенева в ходе наступления вышла на ближние подступы к Екатеринбургу.
- [1037] После «выкапывании» зачеркнуто «арестованных».
- [1038] Имеется в виду братская могила, в которой были похоронены 7 красногвардейцев из Верх-Исетского завода, погибших во время экспедиции против атамана А. И. Дутова в марте-апреле 1918 г.
- [1039] Под Монеткой имеется в виду Екатеринбургский мо-

нетный двор, который был закрыт в 1876 г., а его производственные корпуса и оборудование переданы железнодорожным мастерским Уральской горнозаводской железной дороги, но название прижилось среди горожан.

[1040] Согласно записям в метрических книгах Успенского собора и Никольской церкви Верх-Исетского завода, 23 августа 1918 г. комендатурой были расстреляны 19 сторонников большевиков: В. А. Аникин, В. И. Берсенев, М. Я. Блохин, В. И. Волокитин, В. В. Волчихин, А. А. Дмитриев, А. А. Дироненков, А. М. Дятлов, П. И. Епанчищев, А. Т. Ерыкинов, В. А. Зотин, П. Н. Кудин, М. С. Лобов, Г. М. Мазунин, П. В. Медведев, С. М. Овчинкин, В. Я. Санников, В. П. Удинов и Н. И. Чечулин. (См.: Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. С. 106).

[1041] 9 августа 1918 г. комендатурой Верх-Исетского завода было расстреляно 11 чел., в т. ч. 8 чел., чьи имена удалось установить по метрическим книгам: С. Ф. Блохин, С. Ф. Воробьев, А. Е. Гончаров, И. С. Коннаков, В. И. Медведев, И. И. Пьянков, М. П. Пьянков и Г. М. Фролов. 9 сентября 1918 г. была расстреляна еще одна группа большевиков, по метрическим книгам удалось установить имена 8 расстрелянных (И. Ф. Абрамов, С. Е. Нисковских, А. А. Разумов, П. Г. Савин, Ф. В. Свинцов, М. Д. Толстов, Г. П. Чепурин и А. К. Шаклеев), но возможно, что в общей сложности их было 12, как упоминает А. М. Лапин. (См.: Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. С. 106–107).

[1042] Имеется в виду екатеринбургская спичечная фабрика акционерного общества «Василий Логинов».

[1043] Вписано зелеными чернилами.

[1044] Вписано зелеными чернилами.

[1045] Вписано зелеными чернилами.

[1046] См. док. №3.

[1047] См. док. №4.

[1048] См. док. №5.

- [1049] См. док. №4.
- [1050] Копия снята и заверена 07.08.1919.
- [1051] Имеется в виду полковник Д. Н. Сальников.
- [1052] На документе есть помета «10.09.1919 г. №2106» и «10.09. [1919]. Пров. к докладу Воен [ному] м [инист] ру. Г [енерал] -м [айор] Кузнецов».
- [1053] 1489 статья Уложения о наказаниях предусматривала уголовную ответственность «За причинение кому-либо с умыслом тяжких, подвергающих жизнь его опасности, побоев или иных истязаний или мучений».
- [1054] См. док. №2–6.
- [1055] Три абзаца текста, начиная со слов *Мне неоднократно приходилось устно и письменно* и заканчивая словами *серьезные опасения за состояние их здоровья и жизнь*, выделены на полях документа красным карандашом.
- [1056] Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто красным карандашом неуставленным лицом.
- [1057] Фамилия Ермохина выделена на полях документа вертикальной чертой красным карандашом.
- [1058] Предложение выделено на полях документа двумя вертикальными чертами красным карандашом.
- [1059] Предложение выделено на полях документа двумя вертикальными чертами красным карандашом.
- [1060] Семь абзацев текста, начиная со слов *Так, находящийся под арестом* и заканчивая словами *дать подписку о том, что меня не избивали*, выделены на полях документа красным карандашом.
- [1061] Абзац выделен на полях документа красным карандашом.
- [1062] Два абзаца, начиная со слов *Ожидая немедленного удовлетворения* и заканчивая словами *Народному комис [с] ариату по иностранным делам СССР*, выделены на полях документа красным карандашом неуставленным лицом.
- [1063] Исправлено. В документе ошибочно Н. СЛАВУЦКИЙ.

[1064] Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 24, 45.

[1065] Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., 1918. С. 69, 101. Цит. по: Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. С. 15.

[1066] Бахарев К. За чью свободу сражался Людвиг Свобода? В жестоком бою у станции Кын сошлись будущие лидеры социалистических стран // Родина. 2018. №3. С. 29–30.

[1067] Кун Бела (1886–1938) – участник 1-й мировой войны. В 1916 г. – военнопленный в России. Работал в журнале «Сибирский рабочий» (Томск). В 1917 г. – в отделе печати наркоминдела в Петрограде. Весной 1918 г. создал Венгерскую группу РКП (б) в Москве. Летом 1918 г. – комиссар Особой бригады на Лысьвенско-Кыновском направлении. С ноября 1918 – 1919 г. – нарком иностранных и военных дел Советской Венгерской Республики. Летом 1920 г. – член РВС Южного фронта Красной армии, председатель ревкома Крыма. С 1921 – член Президиума Исполкома Коминтерна. В 1921 г. – один из руководителей мартовской революции в Германии. В 1922–1923 гг. – в Екатеринбурге, член Уралбюро ЦК РКП (б), заведомом агитации и пропаганды. Видимо, сыграл немаловажную роль в жизни Н. В. Жирякова. Арестован 28 июня 1937 г., расстрелян 29 августа 1938 г., реабилитирован в 1955 г. (См.: Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 310.)

[1068] Дубленных В. В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С.170–173, 188–190, 198–200.

[1069] Государственный архив Свердловской области (ГА-СО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 55. Л. 157; Павлова Л. А. Век слагается из вех. Екатеринбург, 2012. С. 44.

[1070] Павлова Л. А. Век слагается из вех. С. 43.

[1071] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 32–35.

[1072] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 26.

[1073] Приказ подписали: Зампредсовтрударм I уполномоченный ВСНХ Максимов. Начособотдела ВЧК при Ревсовтрудар-

ме I Тунгусков. Окрвоенком Дукат. Уполнаркомпрода член Ревсо-
втрударма I Пономаренко. Врид Управделами Совтрударма
1 Жуков. См.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 795. Л. 103–104.

[1074] ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 151–151об.

[1075] Цит. по: Галин В. Гражданская война в России.
За правду до смерти. М., 2017. С. 193–194.

[1076] См.: Галин В. Гражданская война в России. За правду
до смерти... С. 281.

[1077] ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 5. Л. 28.

[1078] См.: «Судить буду группой по волостям». Документы
Госархива Свердловской области о репрессиях участников За-
падно-Сибирского восстания 1921 г. (Вступ. статья, подг. текста
к публик. и коммент. М. И. Вебера) // Отечественные архивы.
2016. №6. С. 88–103.

[1079] Цит по: Мельгунов С. П. Красный террор в России
1918–1923. М., 1990. С. 187.

[1080] См.: «Судить буду группой по волостям». Документы
Госархива Свердловской области о репрессиях участников За-
падно-Сибирского восстания 1921 г. (Вступ. статья, подг. текста
к публик. и коммент. М. И. Вебера) // Отечественные архивы.
2016. №6. С. 88–103; См. также: ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 2, 6, 8.

[1081] ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 2. Л. 34–35.

[1082] ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 5. Л. 113–121.

[1083] ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 5. Л. 123–125.

[1084] Сборник Узаконений РСФСР. 1921. №51. Ст. 294. См.:
Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 272.

[1085] Сборник документов по истории уголовного законо-
дательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И. Т. Голяко-
ва. М., 1953. №124. С. 96. См.: Жильцов С. В. Смертная казнь
в истории России. С. 281–282.

[1086] См.: Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России.
С. 284–285, 286–287.

[1087] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 13.

[1088] ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 36.

[1089] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 16–23.

- [1090] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 57.
- [1091] ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 14. Л. 32; Павлова Л. А. Век слагается из вех. С. 56–58.
- [1092] ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 36.
- [1093] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 262. Л. 47об.
- [1094] ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 9. Л. 68.
- [1095] Павлова Л. А. Век слагается из вех. С. 59.
- [1096] ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 181. Л. 51. Павлова Л. А. Творить суд по закону и чистой совести. Из истории судебной власти на Среднем Урале 1722–2004. Екатеринбург, 2004. С. 49.
- [1097] ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 9. Л. 73.
- [1098] ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 144. Л. 2.
- [1099] ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 144. Л. 2об.
- [1100] Еженедельник советской юстиции. 1924. №10. С. 242.
- [1101] Осоргин М. А. Сивцев Вражек // Урал. 1989. №7. С. 86.
- [1102] См.: Поршнева О. С., Фельдман М. А. Власть и рабочее Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии: Монография. Екатеринбург, 2013. С. 354.
- [1103] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 104.
- [1104] Агабеков Георгий Сергеевич (наст. фам. – Арутюнов, 1895–1937) – сотрудник НКВД, невооруженный (1930). В 1920 г. был военным комиссаром батальона внутренней службы в Екатеринбурге. Работал в Екатеринбургской губЧК. Первый в ряду высокопоставленных сотрудников советской внешней разведки, бежавших на Запад в 30-х годах XX века. Публикация его книги «OGPU: The Russian Secret Terror» (Brentanos, 1931, на англ. яз.) привела к арестам сотен советских агентов в Иране (Персии) и других странах Ближнего Востока, а также к резкому обострению отношений СССР с шахом Ирана Резой Пехлеви. В августе 1937 г. убит спецгруппой НКВД во Франции.
- [1105] Агабеков Г. С. Г.П. У. Записки чекиста. Берлин, 1931. С. 37. URL: http://vtoraya-literatyra.com/publ_1800/html.

Тунгусков Андрей Георгиевич (1888–1930) – по профессии техник-механик. Во время Первой мировой войны служил на Балтийском флоте, награжден Георгиевской медалью 4-й степени. В 1919 г. председатель Вятской губЧК, затем начальник Особого отдела ВЧК при 3-й армии. Решением Екатеринбургского Губкома РКП (б) от 2 ноября 1919 г. назначен председателем Екатеринбургской губЧК, вместо освобожденного от этой должности Я. М. Юровского. Совмещал эту должность с руководством Особым отделом ВЧК при 1-й Армии Труда. Полномочный представитель ВЧК на Урале (октябрь 1921 – февраль 1922 гг.). В феврале 1922 г. снят с должности и переведен руководить органами ГПУ в г. Орел. В ноябре 1922 г. исключен из партии, осужден и отправлен в феврале 1923 г. в концлагерь на Соловки. Расстрелян в 1930 г. по постановлению коллегии ОГПУ «за измену делу пролетарской революции и Советской власти». (См.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 3; ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 7. Л. 20, 25–26; «Судить буду группой по волостям». Документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. Публ. М. И. Вебера // Отечественные архивы. 2016. №6. С. 115). **Храмцов Николай Яковлевич** (1891 –?) – член РКП (б) с 1918 г., в августе 1919 г. – председатель Вятской губчека. С 29.11.1919 по 15.06.1921 – член коллегии Екатеринбургской губчека. Откомандирован в распоряжение административно-организационного управления ВЧК (ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 55; Оп. 2. Д. 3. Л. 1). В последующем – исключен из партии. **Штальберг Герта Николаевна** – в 1919 г. направлена в Екатеринбург из Перми. Заведующая отделом разведки и контрразведки. В последующем – следователь по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной Контрольной Комиссии.

[1106] См.: Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области. 1918–2003. Екатеринбург, 2003. С. 29–30.

[1107] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

- [1108] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 55; Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
- [1109] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 4, 7, 8.
- [1110] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.
- [1111] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
- [1112] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 171, 189, 208.
- [1113] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Д. 3. Л. 25.
- [1114] См.: Координационное бюро советов ветеранов органов безопасности в Уральском федеральном округе. Е. В. Демакова. URL: Жизнь-отечеству.рф.
- [1115] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 114.
- [1116] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 48–50.
- [1117] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 4.
- [1118] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 157–157об.
- [1119] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 4.
- [1120] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 108.
- [1121] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 789. Л. 2.
- [1122] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 111.
- [1123] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 136–137.
- [1124] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 5–5об.
- [1125] ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Д. 3. Л. 14.
- [1126] См.: Координационное бюро советов ветеранов органов безопасности в Уральском федеральном округе. А. Г. Сапожников. URL: Жизнь-отечеству.рф.
- [1127] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 62–64.
- [1128] См.: Известия Третьего Екатеринбургского Губернского Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. №5, 1920. 29 октября.
- [1129] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 51.
- [1130] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.
- [1131] Органы государственной безопасности // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 374.
- [1132] См.: Государственный архив административных органов Свердловской области. Фонды органов государственной безопасности ГАОСО. Управление ФСБ РФ по Свердловской области. Ф. Р-177. Историческая справка.

[1133] Байдин В. И., Грачев В. Ю., Коновалов Ю. В., Мо- син А. Г. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011. С. 43.

[1134] Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екате- ринбург, 2005. С. 101.

[1135] Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. М., 1990. С. 247, 326.

[1136] Панкова И. Рыдали, бились в истерике. Как на Золо- той горе нашли массовые захоронения // Аргументы и факты. 2017. 21 июля.

[1137] Погорелов С. Н. Обследование некоторых объектов по революционному движению и Гражданской войне на Урале // Вестник Музея истории Екатеринбурга. Екатеринбург, 2014. Вып. 1. С. 28

[1138] Погорелов С. Н., Ражев Д. И., Курлаев Е. А., Еро- хин Н. Г. Эхо цареубийства: Открытие на Старой Коптяковской дороге // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. №17. С. 115; Погорелов С. Н. Захоронение детей императора Николая II у Порошенкова лога на Старой Коптяковской дороге // Рейтар. М., 2015. №68. С. 182.

[1139] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1 Д. 150.

[1140] Биатлон. URL: http://sportufo.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=698&Itemid=147

[1141] Масленников Е. П, Рубель Р. Б. По окрестностям Свердловска. Свердловск, 1978. С. 52–53.

[1142] Левин А. Секреты Московского тракта. Обнаружено захоронение жертв сталинских репрессий // Вечерний Сверд- ловск. 1990. 14 сентября. С. 1–2.

[1143] Погорелов С. Н. Архитектурно-археологические ис- следования культовых объектов в исторических городах Свердловской области // Православие в судьбе Урала и Рос- сии: история и современность. Екатеринбург, 2010. С. 29; По- горелов С. Н. Из исследований некрополей в Свердловской области // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 119.

- [1144] Левин А. Секреты Московского тракта... С. 1–2.
- [1145] Левин А. Секреты Московского тракта... С. 1–2.
- [1146] Погорелов С. Н., Ражев Д. И., Курлаев Е. А., Ерохин Н. Г. Эхо царевубийства: Открытие на Старой Коптяковской дороге // Уральский исторический вестник. №17. Екатеринбург. Уральский центр академического обслуживания. 2007. С. 115.
- [1147] Левин А. Секреты Московского тракта... С. 1–2.
- [1148] Погорелов С. Н. Отчет о надзорных и разведочных исследованиях на ОКН «Парк-Кладбище Коммунаров» при строительстве дорожной развязки пр. Ленина – ул. Татищева // Архив Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области. Отдел археологических исследований. 2015–2016 гг.
- [1149] Федеральный закон 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 (ред. от 18.07.2019).
- [1150] Пушкарев И. «Прошу обратить внимание отрядов!». URL: https://www.znak.com/2017-11-20/glava_spch_predlozhit_privlech_poiskovikov_k_izucheniyu_repressiy_nachnut_s_e
- [1151] Председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, президент международного фонда «Демократия».
- [1152] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. / Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М., 2000. С. 5.
- [1153] Там же. С. 11,12.
- [1154] Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2011. С. 17–18
- [1155] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 –

февраль 1956. / Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М., 2000. С. 76–77.

[1156] Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2011. С. 21.

[1157] Амнистия и реабилитация. URL: <http://www.histpricion.ru/amnist.php>

[1158] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х гг. / Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М., 2003. С. 11.

[1159] Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2011. С. 17–18.

[1160] Деятельность ЦК КПСС по реабилитации граждан СССР // НТГИА (Нижнетагильский городской исторический архив). Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[1161] Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов: [Сборник / Сост. И. В. Курилов и др.; Вступ. ст. Н. Михайлова]. М., 1991. С. 17.

[1162] Постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» // Там же. С. 18.

[1163] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 281.

[1164] Подсчеты проведены по: «История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: Собрание до-

кументов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004. С. 608–609, 619–624.

[1165] Жертвы политического террора в СССР. 4-е издание компакт-диска / Сост. Международный «Мемориал». М., 2007.

[1166] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 281.

[1167] Жертвы политического террора в СССР..

[1168] Земсков В. Н. Там же; Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М., 2006. С. 26, 92.

[1169] Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 239–240.

[1170] Доклад Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ об исполнении Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2006–2008 гг. М., 2009. С. 4.

[1171] Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Екатеринбург, 2011. С. 28.

[1172] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / Отв. ред. А. Б. Безбородов и др. М., 2004. С. 40.

[1173] Подсчеты проведены по: «История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004. С. 608–609, 619–624.

[1174] Подсчеты проведены по: «История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004. С.

608–609, 619–624; Там же. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталев. М., 2004; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 281.

[1175] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М., 2000. С. 5.

[1176] Хаустов В. Н. Репрессии второй половины 30-х годов // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы научной конференции. Екатеринбург, 1994. С. 101. Автор являлся штатным работником КГБ-ФСБ и его данным можно доверять.

[1177] «Дела сегодняшних дней напоминают мне 37-й год». URL: <https://newdaynews.ru/ekb/488077.html>

[1178] См.: ответ на обращение в Управление архивами Свердловской области от 20.07.2018 за №27.02–05/25, подписанное и.о. начальника управления архивами.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Автобиография советского антисоветского философа» 332
- Агрогулаг 31, 638, 644, 699
- Административная высылка 340
- Административно высланные крестьяне 498
- «Академическое дело» 136
- Аллилуйщина 140
- Амнистия 27, 356, 494, 716
- Анафематствование большевиков 101
- Антикоммунистическое течение 38
- Антисоветская пропаганда 107, 137, 325, 360
- Антисоветские молодежные группы 306
- «Архангельское дело» 34
- «Архивная революция» 26
- «Архивы Урала» 31
- Ассоциация жертв политических репрессий 462, 464
- «Бандит» 352
- Белочехи 46
- Белый террор 18, 19, 27, 35, 36, 46, 386, 390, 396, 448, 631, 709
- «Бериевская оттепель» 207, 348
- Биатлон 451, 452, 714
- Биатлонный спорткомплекс «Динамо» 452
- Богомоловское дело (процесс лесных вредителей) 130
- Богословлаг 37, 38
- Большевистская самокритика 140
- «Большой скачок» 145, 150, 157, 159
- Большой террор 1937-1938 гг. 5, 6, 8, 10, 11, 12, 15, 16, 22, 26, 27, 32, 35, 36, 107, 109, 110, 118, 125, 154, 163, 177, 181, 189, 206, 208, 209, 214, 223, 230, 237, 289, 348, 349, 360, 379, 632, 635, 637, 638, 639, 644, 683, 684, 700, 701
- Борьба с «вредительством» 142, 176, 214, 348, 669
- Борьба с оппозицией 36, 128, 134, 161, 165, 169, 184, 344, 446
- «Борьба с религией – борьба за социализм» 104
- «Буржуазная псевдонаука» 298
- «Бывшие» 24, 27, 70, 92, 125, 127, 128, 130, 133, 134, 136, 137, 174, 176, 178, 207, 236, 248, 348

Вейсманийстско-морганистское учение в биологии 298, 299
«Великая чистка» партии 348
«Великий перелом» 36, 145, 336, 343
Верх-Исетское восстание 48
Военно-исторический клуб «Горный щит» 467
Восстановление в избирательных правах 5, 78, 81, 84, 85, 87, 89, 99, 663
Востураллаг МВД СССР 37, 38, 307, 308
Враги народа 30, 79, 133, 163, 171, 173, 184, 187, 189, 191, 192, 195, 198, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 208, 212, 214, 215, 216, 219, 221, 222, 225, 226, 227, 228, 229, 237, 249, 252, 262, 264, 270, 285, 286, 288, 296, 307, 337, 338, 339, 348, 356, 568
Вредители 128, 130, 137, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 149, 150, 154, 156, 157, 167, 168, 170, 172, 173, 183, 184, 189, 190, 191, 192, 199, 202, 211, 213, 215, 217, 235, 283, 286, 669
Вредительская организация в золото-платиновой промышленности СССР 136, 138, 668
Вредительство 11, 130, 137, 139, 142, 144, 145, 150, 168, 176, 190, 191, 192, 213, 214, 215, 216, 217, 224, 236, 251, 255, 283, 285, 348, 349, 360, 668, 669, 675, 678
Временное правительство 43, 654
Всеобщая трудовая повинность 338, 339, 340
Всехсвятская церковь, 102, 110
«Всходы» 295
«Вторая гражданская война» 10
Второй этап кодификации советского права 340
ВЧК 11, 42, 43, 45, 69, 206, 338, 339, 421, 430, 436, 438, 439, 440, 446, 447, 448, 493, 497, 500, 634, 651, 652, 658, 710, 712
Высшая мера наказания 45, 66, 67, 106, 137, 170, 172, 173, 189, 191, 193, 206, 249, 253, 267, 279, 338, 340, 342, 344, 346, 347, 349, 350, 352, 357, 362, 426, 427, 493, 578
Ганина Яма 390, 393
Генеральная линия партии 5, 127, 128, 132, 134, 140, 157, 160, 165, 177, 181, 227, 236, 247
«Генеральное наступление» на инакомыслие 332
«Гнилые либералы» 222
«Голос Америки» 308
Государственный террор 6, 9, 16, 492
Государство диктатуры пролетариата 15, 41, 175, 315, 335, 336, 337, 347
Группа категорий 127
Губком РКП(б) 57, 417, 423, 712

ГубЧК 15, 47, 48, 62, 436, 437, 438, 442, 443, 444, 446, 447, 448, 654, 711, 712
ГУЛАГ 23, 25, 26, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 69, 246, 350, 352, 356, 359, 499, 500, 632, 633, 638, 641, 644, 645, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 717, 718
XX съезд КПСС 12, 295, 301, 311, 314, 493, 637
12-й километр Московского тракта 6, 15, 448, 452, 464, 680
«Двурушники» 157, 161, 162, 168, 169, 181, 182, 186, 187, 190, 191, 193, 201, 202, 204, 207, 217, 221, 222, 236, 285, 348
Дезертиры 339, 355, 439
Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» с.101, 116
Декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности» с.101, 116
Дело «кирилловцев» 140
Дело «Трудовой крестьянской партии» 143
Дело «Уральского инженерного центра» 142, 149, 668, 670
Дело 52-х 15, 361, 362, 367, 368, 369, 371, 375, 376, 377
Дело вредительской шпионской организация в Воткинске 142
Дело епископа Скальского 130
Дело контрреволюционной группы в Коми-Пермяцком округе 166, 206
Дело контрреволюционной группы церковников и торговцев во главе с попами и монархистами 141, 142
Дело кулаков-террористов 137, 140
Дело о поджоге кузнечно-прессового цеха Уралмаша 172
Дело против белогвардейцев-кулаков в Киеве 130
Дело фракционной антипартийной группы Сырцова – Ломинадзе 141
Депортация народов 25, 26, 27, 337, 498, 734, 740
Депортированные народы 494, 498, 500
Диверсионная группа правых в Надеждинской конторе Заготзерно 190, 193, 206
Дискриминация 11, 18, 70, 78, 87, 89, 91, 97, 327, 693
Диссиденты 161, 316, 317, 321, 323, 646
«Добровольный гражданский фонд имени Солженицына» 323
Дом особого назначения 44
Доносы 137, 202, 203, 205, 235, 252, 254, 255, 272, 281, 445, 734
Единицы высказываний 128, 130, 134, 136, 139, 147, 148, 151, 160, 168, 177, 181, 200, 210, 214, 217, 224, 244
Екатеринбургский губревтрибунал 417, 418, 420, 422, 426, 440
Екатеринбургский епархиальный совет 102
Екатеринбургский концлагерь №1 5, 56, 62, 63, 64, 68
ЕМУП Комбината спецобслуживания 464
Журнал «Урал» 3

Заем восстановления крестьянского хозяйства 129
Заем индустриализации 129
Закон от 7 августа 1932 г. 153, 346, 559
Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991) 26, 494, 496, 498, 598
Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991) 26, 496
Законодательная реформа 1950-х гг. 359
Изменники родины 172, 207, 256, 355
Инакомыслие 6, 646, 696, 697
«Инициативная группа по правам человека в СССР» 333
Инобаза 200, 231
Инструкции о выборах 72, 73, 74
Инструкция «О выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» от 13 октября 1925 660, 661, 662
Инструкция 1926 г. 661, 662
Иоанно-Предтеченская церковь 110, 126
Исправдом №1 57
Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. 342
«Казарменная экономика» 351
Категории лишенных избирательных прав 73, 104, 660
Каторжане 355
Квашнинский рудник 448, 449, 450
Кенеш 131
Классовая линия 128, 129, 137, 182, 428
Классово-чуждые элементы 163, 169, 237
Классовый закон 129
Классовый подход 15, 337, 440
Клирики 12, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 124, 125
Клировые ведомости 120
Книга памяти Свердловской области 17, 502, 637, 681, 687, 691
Книги памяти 9, 34, 37, 38, 636, 637, 648, 699, 700
Командно-административные методы 39, 356
Коминтерн 135, 161, 162, 208, 245, 709
Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ 498, 717
Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 - 40-х и начала 50-х годов 493
Комплексный классификатор 12, 667
Конвейер 360, 363, 364, 365, 366, 367, 373

Консервативно-традиционалистское (просоветское) направление 38, 39
Конституция РСФСР 1918 г. 72, 81, 338
Конституция РСФСР 1925 г. 72
Контент-анализ 12, 127, 128, 667
Контрреволюционная организация правых в связи Урала 202, 680
Контрреволюционная террористическая право-троцкистская организация 199, 361
Контрреволюционные преступления 138, 170, 180, 342, 352, 358, 494, 497, 499
Концентрационные лагеря 56, 57, 63, 64, 68, 291, 345, 443, 447, 632, 658, 659
Концепция вялотекущей шизофрении Снежневского-Лунца 292, 322
Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий (2015 г.) 8, 498
Концепция модернизации 39
Концепция неомарксизма 39
Концепция позитивизма 38
Концепция революционной законности 11, 14, 15, 35, 130, 337, 348
Концепция социальной истории 39
Концепция тоталитаризма 19, 20, 21, 22, 39
Концлагеря 15, 21, 22, 30, 57, 62, 63, 64, 239, 266, 267, 337, 338, 339, 344
Корректировка протоколов 373, 375
«Космополитизм» 296, 297, 298
Красная гвардия 44, 397, 653
Красный бандитизм 423, 424,
Красный террор 5, 9, 11, 18, 19, 20, 27, 35, 36, 41, 42, 47, 54, 64, 101, 423, 424, 652, 658, 659, 698, 709, 710
Кремлевское дело 185
«Кулаки-террористы» 137, 140, 147
Кулацкая ссылка 27, 30, 154, 159, 498, 633, 637, 644, 672, 702
Кулачество 127, 128, 129, 131, 134, 136, 147, 151, 166, 283, 344, 442, 637, 643, 672
Кушвинское дело 130
Лаборатория «Исторической информатики» 38
Лагеря «специального режима» 307, 316
Лагеря принудительных работ 56, 62, 64, 336, 339, 340
Левые загибы 139, 140, 165
Либерально-демократическое (ревизионистское) направление 38
«Литературно-творческий кружок» 294

Лишение избирательных прав 5, 11, 18, 20, 27, 30, 36, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 93, 95, 97, 99, 103, 104, 124, 125, 176, 338, 343, 359, 643, 660, 666

Лишенцы 36, 72, 74, 76, 77, 78, 80, 82, 84, 85, 86, 88, 91, 93, 95, 98, 99, 104, 133, 236, 660, 662, 664

Лудорвайское дело 130, 131, 667

Маньчжоу-го 394, 396

Маньчжурия 117, 393, 394, 395, 396, 409, 667

«Маска скорби» 465

Массовая коллективизация 129, 344

«Массовая кулацкая операция» 199

Массовые депортации 337

Междисциплинарные подходы 39

«Мемориал» 28, 29, 38, 468, 495, 497, 498, 636, 648, 698, 695, 696, 697, 717

Мемориал жертв политических репрессий 449

Мемориал Коммунарам 459

Метод контент-анализа 12, 127

Методология социальной истории 22

Мобилизационные мероприятия военного периода 350

«Московская Хельсинская группа» 333

Московский процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» 184

Музей истории Екатеринбурга 7, 15, 17, 36, 455, 714

Налог самообложения 129

Национальные операции 207, 210, 348, 679

Недонесение 15, 337, 342, 343, 346

Ненадежные 160, 161, 162, 237

Неосталинизм 23

Неосталинисты 358

Неполноправные свободные 70, 79, 98

«Новая историческая наука» 39

Новый Московский тракт 6, 448

«Новонаправленцы» 302

Областная избирательная комиссия 81

Обновленцы 107

Общество «Мемориал» 28, 29, 38, 464, 495, 497, 498, 636, 648, 688, 695, 696, 697, 717

Объект культурного наследия 463, 466, 715

Оппортунисты 23, 134, 139, 140, 141, 142, 147, 160, 162, 168, 235, 236

Особое совещание 175, 209, 341, 347, 353, 357

«Оттепель» 303
Парадигматический подход 127
Партийная перерегистрация 1920 г. 161
Партноменклатура 300
Паспортный режим 177, 346
Патрон-клиентские отношения 100
1-я Революционная армия Труда 417, 421, 423, 424, 435, 436, 712
«Писательская богемщина» 178
Письмо к съезду 276
План «сверхиндустриализации» 141, 674
Подневольный труд 350, 359
«Поисковое движение России» 463, 467
Покушение на деяние 15, 337
Политические репрессии 10, 12, 134, 639, 647, 648, 649, 667
Постановление «О красном терроре» 338
Постановление ВЦИК от 10 апреля 1930 г. 73, 77, 79, 542
Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. 79
Право внесудебной расправы 338, 340
Правозащитники 14, 96, 316, 322, 325, 328, 333, 334
Правозащитное движение 6, 306, 316, 334, 697
Правый оппортунизм 139, 140, 157, 165
Правый уклон 132, 134, 135, 140, 142
Презумпция виновности 15, 85, 337
«Преклонение перед Западом» 357
Приказ №00447 НКВД о массовой «антикулацкой» операции 26,
107, 109, 199, 639, 644
«Примиренчество» 132, 139, 164
Проблема хлебозаготовок 128
Проверка деревенских ячеек 1925 г. 161
Проверочно-фильтрационные лагеря 355, 356
Проект Gedenkbuch 38, 648
Прокоммунистическое течение 38
Пролетарский суд 137, 249
Просветительское общество 317
Процесс 48 вредителей рабочего снабжения 156, 669
Процесс «Промпартии» 138, 141, 140, 143, 146, 149, 165, 170, 236,
668, 671
Процесс «Союза освобождения Украины» 140
Процесс «Союзного бюро меньшевиков» 148, 670
Процесс контрреволюционеров-пантюркистов в Узбекистане 141
Процесс над «кондратьевщиной» 140

Процесс над «чусовскими вредителями» 141
Процесс над вредительской организацией в пищевой промышленности Урала 141
Процесс над вредителями рабочего снабжения 141
Процесс над контрреволюционерами Уралмета 142
Процесс над оппортунистами-дезорганизаторами Всехимпрома 142
Процесс над саботажниками шахт Кизела 142
Процесс Параллельного антисоветского троцкистского центра 189
Психиатрическая экспертиза 321, 331
«Птенцы из школы Бухарина» 135
«Пятая колонна» 27, 32, 33, 211, 214, 288, 337
XV съезд ВКП(б) 127, 132, 663
Пятое управление КГБ 318
«Рабочий» 12, 127, 190, 194
Рабселькор 130, 133, 134, 137
Радикально-националистическое течение 38
Раскрестьянивание 337
Раскулачивание 24, 25, 27, 28, 30, 31, 35, 36, 147, 153, 154, 343, 345, 635, 638, 643, 662, 670, 672
Расстрельный полигон 15, 16
Реабилитационный процесс 492, 495, 500
Реабилитация 6, 16, 26, 27, 34, 35, 37, 38, 89, 94, 96, 128, 148, 150, 173, 179, 188, 196, 217, 220, 221, 228, 229, 230, 238, 279, 310, 368, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 501, 502, 631, 633, 641, 646, 664, 678, 678, 699, 700, 701, 702, 703, 705, 706, 707, 708
Реабилитация репрессированных 6, 16, 26, 492, 496, 717
Ревизионистское направление 22, 38
Революционная законность 71, 77, 91, 128, 130, 219, 252, 259, 267, 336, 337, 345, 348, 428, 698
«Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза» 320, 321
«Революционная рабочая партия» 320
«Революционная совесть» 15, 337, 338
«Революционная целесообразность» 335, 336, 426
Революционное правосознание 71, 335, 336
Революционный терроризм 41
Религиозный НЭП 103
Репатриация 27, 395, 633, 634
Репрессивная кампания против «буржуазных специалистов» 142
Репрессивная тематика 128, 134, 139, 148, 151, 160, 168, 177, 181, 200, 210, 224

Репрессии 148, 150, 152, 153, 154, 160, 166, 176, 186, 187, 191, 194, 195, 198, 327, 328, 332, 333, 334, 335, 336, 343, 344, 345, 353, 355, 419, 423, 426, 449, 453, 455, 461, 462, 463, 464, 469, 471, 475, 481, 493, 494, 495, 496, 497, 499, 502, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 643, 647, 648, 649, 658, 650, 667, 670, 671, 672, 674, 676, 677, 679, 681, 685, 686, 687, 688, 690, 691, 698, 699, 700, 701,
Ресталинизация 40, 492
«Российская рабочая партия» 319
Российские немцы 27, 32, 34, 35, 645, 646, 648
«Российский общевойсковой союз» 196, 238
Самиздат 334, 646
Самораскулачивание 147
«Свободная Россия – партия трудящейся молодежи» 318
Северная зона массовых казней и захоронений (СЗМКЗ) 475
Севураллаг 37, 38, 239
XVII съезде партии 168, 184
Смоленское дело 130
Советология 22
Советы 44, 46, 72, 75, 77, 80, 81, 103, 127, 278, 283, 338, 380, 381, 386, 647, 649, 652, 655, 660, 661, 662, 665, 713,
Соликамское дело 130, 140, 284
«Социал-вредители» 149
Социалистическое наступление в экономике 130
«Социально-близкий элемент» 15, 337
«Социально вредный элемент» 209, 350
Социальное революционное право 72
«Социально-опасный элемент» 15, 337
«Социально-чуждые элементы» 199
Социальный портрет 5, 38, 112, 644, 662
Социокультурная история 40
Спекуляция 42, 43, 44, 45, 47, 49, 67, 91, 129, 339, 344, 345, 352, 433, 446, 643
«Спецедство» 24, 132, 133, 136
Спецконтингент 34, 37, 38, 356, 494, 633, 645, 647
Спецпоселение 27, 31, 32, 34, 35, 37, 154, 354, 355, 494, 497, 498, 646
Спецпсихбольницы 360
Спецссылка 25, 27, 28, 30, 31, 36, 154, 498, 500, 638
Списки лишенцев 77, 84
Статья 107 УК 1926 г. 344
«Сталинские расстрельные списки» 190
Старая большевистская гвардия 169

Старая Коптяковская дорога 450, 714, 715
Старые специалисты 136
Старый Московский тракт 6, 448, 449
Статьи 190-2 и 190-3 УК 324
Статья 107 Уголовного кодекса 1926 г. 129
Статья 190-1 УК РСФСР 305
Статья 58 УК 1926г. 184
Статья 65 Конституции РСФСР 82, 338
Суды-двойки 347
Суды-тройки 347
Тагиллаг 37, 38
Темниковский лагерь 273
«Территория НКВД» 451, 452
Террор 6, 10, 11, 13, 14, 15, 19, 23, 25, 33, 41, 50, 98, 131, 175, 190, 252, 256, 259, 263, 266, 267, 269, 270, 281, 335, 337, 340, 341, 344, 414, 492, 643, 648, 649, 687
Террористические акты 108, 174, 185, 198, 346, 347, 362, 371
Тоталитаризм 19, 20, 21, 22, 26, 29, 39, 631, 632, 636, 638, 670
Тотальная чистка всей партии 1929-1930 гг. 161
Традиционное право 131
Третий Московский процесс 1938 года 143
Трибуналы пролетарской общественности 137
Троцкизм 132, 157, 158, 161, 163, 188, 284, 293
Троцкистские контрреволюционеры 157, 158
Трудармейцы 27, 645
Трудовая мобилизация 27, 35
Трудпоселенцы 232, 354, 355
Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. 336, 340, 698
Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. 184, 343, 343, 344, 346
Указ «О реабилитации жертв политических репрессий» 26
Указ «О реабилитации репрессированных народов» 26
«Указ о пяти колосках» 154, 345
Указ от 4 июня 1947 г. 356, 358
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» 309, 358, 493
Уклонисты 135, 140
Уралзолото 138
УралоблЧК 5, 41, 47, 55, 437, 646
Уральская офицерско-фашистская организация 196, 197, 198, 237
Уральский обком партии 132, 148, 381
Уральский областной вредительский центр 149

Уральский областной совет 47, 49, 380, 381, 382, 655
«Уральский рабочий» 6, 12, 13, 50, 127, 134, 149, 163, 177, 183, 190,
195, 203, 206, 216, 224, 229, 281, 282, 285, 286, 289, 294, 296, 383, 636,
667, 668, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680-685, 696
Фабрики хлеба 129
Фальсификация 15, 130, 189, 196, 232, 237, 238, 362, 369, 370, 371,
372, 373, 374, 375, 376, 378, 436, 645, 673
ФЗ-8 «О погребении и похоронном деле» (1996 г.) 463
Фирма «Метрополитен-Виккерс» 168
Хлебозаготовительный кризис 128
«Хроника текущих событий» 333, 696
«Чердынские краеведы» 136
Черный ворон 266
Чистка аппарата 181
Чистка партии 1921 г. 161
Чистка производственных ячеек 1924 г. 161
Шаблон советского человека 92
«Шарашки» 326
Шахтинский процесс 11, 130, 667
Шахтинское дело 130, 132, 137, 170
Южная зона массовых казней и захоронений (ЮЗМКЗ) 475, 476,
477, 478, 479

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аваков А. В. 330, 331, 332, 698
Авдеев И. Я. 383, 411
Авербах Л. Л. 172, 203, 287, 680, 681
Аврех А. Я. 301
Авторханов А. 21, 632, 667, 675
Агабеков Г. С. 437, 438, 711
Аганичев А. Н. 194
Адамов В. В. 301, 302, 694
Азанов П. Д. 361, 362, 366, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378
Айхенвальд А. Ю. 135
Акулов А. И. 171
Акулов И. А. 381
Алексеев 205
Алексеев В. В. 39, 50, 383, 648, 656, 670, 704
Алексеев В. М.
Алексеев С. М. 67
Алексеев С. С. 72, 541, 660
Алексеева Л. М. 332, 696, 697
Алексопулос Г. 72, 78, 79, 80, 83, 90, 94
Амендола Г. 19
Ангрес-Рикерт Д. 16
Андреев А. А. 194
Андреев Я. Н. 205
Андреианов В. М. 224
Андронников В. Н. 382
Андропов Ю. В. 318, 319, 321
Андрощук М. Е. 234
Андрющенко Г. В. 250
Анисимов А. 103
Аничков В. П. 43, 651, 657
Анокин А. 426
Антипов П. А. 206
Антонов 312
Антонов Д. А. 146
Ардашев В. А. 45, 396, 652

Ардашев Г.А. 45, 396, 652
Арендт Х. 21, 632
Арестов Ф. П. 278
Арнольд В. В. 189
Арон Р. 21
Аронсон Д. 631
Асанкин А. А. 314
Астафьев В. П. 303
Афанасьев П. 265, 268, 269, 689, 690, 692
Ахматова А. А. 294
Бабищев Е. 320
Багрянцев В. П. 308
Базаров 141
Базаров А.А. 31, 36, 155, 637, 638, 644, 672, 699
Байнов Н. В. 110
Бак И. Д. 294
Бакунин А. В. 24, 39, 631, 633
Балакин М. А. 146
Балакирев В. И. 317
Баландин А. И. 172
Балаховский А. М. 314
Бальцевич И. М. 178
Баранов С. Ф. 382
Барановский С. И. 364
Башкирцев П. М. 247
Безбородов А. Б. 697, 717, 718
Безбородова И. В. 499, 500
Белокуров К. 296
Белокуров К. К. 693
Беломесов В. 321
Белоцерковский Н. И. 389
Бер А. М. 234
Бердяев А. Н. 19
Бердяев Н. А. 20, 631, 689
Берия Л. П. 209, 228, 230, 236, 259, 267, 277, 310, 634
Берман Б. Д. 207, 223
Берсенев В. И. 320, 398, 399, 707
Беседовский Г. З. 52, 656
Бессонов 209
Бессонов С. А. 212
Бессонов Ю. Н. 390, 705
Бестужев-Лада И. В. 24

Бжезинский З. 21, 632
Бизяев В. А. 216
Биннер Р. 638, 639, 644
Бирюков В. П. 253
Бирюков М. И. 107
Блохин 398
Блохин М. Я. 399, 707
Блохин С. Ф. 399, 707
Блюхер В. К. 24, 633
Бобылев И. 49
Бобылев М. В. 388
Бобылев Н. А. 49, 656
Богачев С. Я. 217
Боголюбов К. В. 294
Боев Г. И. 420, 422, 431, 432, 434
Бордюгов Г. А. 24, 638, 641
Борисов (санитар) 391, 400, 401, 403, 407
Борисов (секретарь) 426
Борисов (статистик) 430
Борисов Ю. С. 24
Борчанинов П. А. 256
Боярский 201
Боярский В. Н. 69
Боярский Н. Я. 231, 232, 233
Брилль Е. А. 17
Брук-Левинсон Л. Н. 17
Брусиловский М. Ш. 305
Бубнов В. 268
Бугай Н. Ф. 25, 27, 498, 634, 635, 640, 641, 717
Будберг А. П. 392, 407, 408
Буканов Г. М. 222
Буковский В. 322, 696
Булгаков А. В. 196, 198
Булгаков С. Н. 19, 20, 631
Булдаков В. П. 42, 54, 649, 657
Булыгин А. Л. 462
Бунич И. Л. 25
Бутенко А. П. 24, 25
Бутягин Н. Я. 403, 404
Бухарин Н. И. 20, 90, 135, 182, 185, 190, 203, 208, 212, 247, 272, 276,
277, 285, 663, 690
Быков 188

Быков Г. С. 253
Быков П. М. 381, 383
Быкова С. И. 12, 36, 39, 244, 648, 686, 687
Быстрых Ф. П. 293, 313
Бэр Ю. А. 158
Валухин К. Н. 214, 224, 225, 226, 228
Варгасов Н. А. 389, 390
Варлаам (Пикалов) 111
Варшавский Н. 259, 269, 366
Васильев Ф. 171
Васильева А. В. 234
Вассо Л. 19
Вебер М. И. 14, 35, 386, 641, 710, 712
Вейберт Л. П. 17
Величко А. Ф. 139
Веников П. Л. 195, 678
Верещагин А. С. 35, 641, 649
Верт Н. 32, 694, 717
Вилкомир Л. В. 192
Витвицкий Н. П. 167
Витков Б. Ф. 206
Владимиров Л. С. 246, 268
Власюк А. Н. 205
Водков А. 247
Войков П. Л. 52, 386
Волков И. Г. 670
Волков Н. 219
Волков С. Е. 62
Волкогонов Д. А. 25
Волобуев П. В. 301
Вольская О. И. 276
Восленский М. С. 21, 632
Востров А. П. 92, 663
Высочиненко С. 268
Вышинский А. Я. 209, 336, 675, 698
Вязников К. Е. 206
Гаврилова 220
Гаевский А. С. 167, 177
Гайда А. Г. 259, 269
Гайда Р. 390, 391
Гамарник Я. Б. 204, 277
Гарькавый И. И. 195

Гарькавая 270
Гассельблат В. А. 146, 149
Гвай С. А. 275
Герасимов (Гершенбаум) И. А. 294
Герасимов И. П. 294
Герасимова, 182
Гергенредер И. Ф. 146
Гершенкрон А. 92, 663
Гетти Дж. С. 25
Гиндин И. В. 301
Гиндин И. Ф. 302
Гинзбург А. 323
Гинзбург А. М. 670
Гинзбург С. З. 191
Гинзбург 187
Гирбасов П. А. 146, 149
Гладковская Л. А. 294
Глинкин И. С. 231, 232, 233
Голендухин Ф. А. 362
Головин 198, 287, 374
Головин В. Ф. 162, 186, 195, 201, 673
Головин И. И. 216
Голощекин 50, 536
Голощекин Ф. И. 380, 383
Голощекин Ф. (И). И. 418
Голуб А. И. 325, 326, 327, 328, 697
Голубев 177
Голубев К. 65
Голубятников (см. Серафим) 120
Гончаров А. Е. 707
Гончаров Г. А. 37, 644
Горбач Г. Ф. 223
Горбачев О. В. 648
Горин 203, 655
Горин В. М. 48, 49
Горина Н. С. 202
Горинов М. 641
Горловский М. А. 293
Горохов В. Л. 383, 420, 430, 431, 432
Горький М. (А. М. Горький) 203, 379, 414, 709
Гранин Д. А. 326
Грахе А. Ф. 392, 400, 401, 403, 406

Грегори П. 246, 670, 686
Гудков Л. Д. 40, 649
Гусев В. А. 167
Густ Е. К. 438
Давиденко Г. М. 320, 322, 323
Давыдов 383
Давыдов А. А. 191, 192
Давыдова Н. 631
Данилов А. А. 697
Данилов М. 246
Даниэль Ю. М. 324
Делицой А. И. 145, 146, 150, 151, 647, 669, 670, 671
Демаков И. Н. 666
Демакова Е. В. 440, 713
Денисов 141, 192
Денисов Ю. М. 314
Дербышев Н. И. 384
Деревнин А. 421
Джамбул Д. 207, 682
Джилас М. 21
Дзерве Л. Л. 382
Диев И. Д. 136
Дистергефт М. В. 16
Дистергефт Э. П. 16
Дитерихс М. К. 389, 390, 392, 393, 408, 655
Дмитриев 187
Дмитриев А. А. 707
Дмитриев Д. М. (Плоткин М. М.) 195, 196, 197, 206, 230, 231, 233, 238
Дмитриев Н. И. 36, 64, 66, 67, 659, 660
Дмитриев Ю. А. 34
Долганов Г. Е. (Гермоген) 53
Домонтович С. А. 389, 390
Донкушин Я. К. 260
Дубянский В. В. 278
Дударев А. В. 34, 521
Дудашкин А. 426
Дунаев Б. С. 146, 149
Евдокимов Г. Е. 177
Евсеев И. В. 37, 644
Евстратов С. В. 194
Евстюгов М. Н. 202
Ежов Н. И. 12, 32, 183, 187, 194, 196, 199, 206, 207, 209, 223, 230, 682

Ельчин В. А. 316, 323
Енукидзе А. С. 185, 206
Ермилов П. М. 194
Ермохин М. К. 15, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396,
402, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 411, 443, 706, 708
Ермохина Ю. М. 394
Есенин С. А. 250
Ефимов В. А. 250, 271, 272, 274, 276
Ефремов А. В. 268
Ефремов М. И. 43, 49, 651
Жданов А. А. 194, 228
Жиряков Н. В. 15, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424,
425, 426, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 709
Жмаев Н. Ф. 195, 678
Жуховицкий А. И. 195, 204, 681
Заболотский Е. Б. 634
Завьялов В. И. 314
Завьялова К. 383
Загурский Ф. М. 457
Зайцев А. Д. 135, 201, 202
Запорожец И. В. 178
Застенкер Н. Е. 182, 187, 201
Захаров С. А. 17, 295
Захаров 173
Захаровский Л. В. 524
Зверев А. М. 61, 63, 65
Здравомыслов А. 103
Земсков В. Н. 25, 27, 210, 356, 358, 498, 633, 672, 701, 702, 703, 716,
717, 718
Зиновьев А. А. 324, 696
Зиновьев Г. Е. 173, 175, 177, 276, 283, 382
Злоказов Ф. А. 44
Знаменский Б. С. 420, 431
Зощенко М. М. 294
Зыков В. 220, 221
Зыкова А. А. 110
Зырянов Г. М. 362, 375
Зыряновы 366, 371, 374, 375
Иванов 178, 222, 365, 368
Иванов А. А. 146
Иванов В. А. 635
Иванов Л. М. 301

Иванова Г. М. 641
Ивановский 382
Ивановская 439
Изгоев А. С. 19
Иков В. К. 148
Ильиных И. В. 36, 643, 648
Ильчин В. П. 308
Иолшин Е. И. (М.) 404, 405, 406
Кабаков И. Д. 24, 132, 148, 191, 195, 197, 213, 225, 633
Каганович Л. М. 161, 194, 277, 362, 374, 492, 673
Казачков И. Н. 209, 681
Калинин М. И. 277, 428, 492
Калугин В. Н. 178
Каменев Л. Б. 174, 175, 185, 283
Каменский С. Ю. 465
Камынин В. Д. 634, 642, 643, 649
Канценбоген С. З. 183, 187
Каоугаль В. В. 268
Каратыгин Е. С. 143
Карахан О. М. 206
Карелин П. И. 53
Карклин Ф. И. 162, 674
Каруцкий В. А. 207
Катагощин А. 102, 664
Кашин В. В. 36, 656
Кедун Д. 253
Кестлер А. 20
Киеня В. А. 502
Килин А. П. 11, 36, 70, 84, 643, 660, 662, 664
Ким М. П. 23
Киреев А. 399
Кириллов 170
Кириллов В. М. 14, 16, 17, 18, 35, 36, 37, 49, 127, 335, 492, 635, 638,
640, 643, 645, 646, 687, 691
Кириллова Т. С. 12, 13, 281
Киров С. М. 106, 173, 174, 175, 176, 177, 181, 194, 276, 346
Киселев 182, 200, 439
Киселев А. 320
Киселев-Громов Н. И. 631
Китновский И. И. 67
Клюев Б. П. 136
Клязик К. 158

Кнышевский П. Н. 351, 353, 701, 702
Князев П. П. 231
Кобылкин Н. В. 179
Ковалев П. И. 389, 390
Коган Л. Н. 297
Кожевников Л. А. 276
Козлов А. Г. 636
Козлов В. П. 24
Козлова Н. Н. 248, 686
Козловская О. К. 220, 221
Колдушко А. А. 36, 644, 675, 677, 678
Колегов 422
Колегов П. 135
Колмогорцев А. С. 438
Колосов Ю. М. 17
Колпакиди А. И. 50, 656
Колтышев В. 296
Колчак А. В. 18, 73, 87, 94, 102, 117, 202, 212, 238, 396, 444, 706
Кольцов М. Е. 218
Комлев С. Н. 363, 364, 365, 366, 368, 369, 370, 371, 372, 376, 377
Кон Т. С. 20
Кондаков Г. Я. 197
Кондратьев Н. Д. 137, 140, 141, 143
Кондрашин В. В. 152, 154, 553
Конев А. Ф. 420
Конквест Р. 21, 22, 223, 414, 632, 684
Константинов С. И. 11, 13, 15, 35, 40, 56, 380, 414, 436, 642, 706
Конюшин И. Р. 206
Корешков А. П. 420
Коржавин Н. М. 414
Корк А. И. 204
Коровин С. С. 102
Косарев А. В. 217, 684
Костенко В. 137
Костин Н. А. 271
Костогрызов П. И. 642
Котков В. В. 200, 232, 233
Котляревский С. А. 19
Котов В. А. 135, 367
Кочкина Е. И. 382
Красильников С. А. 142, 667, 671
Краснов Г. К. 303

Крестинский Н. Н. 28, 50, 208, 212, 380, 386, 655
Кривец Е. Ф. 207
Кривоногов 383
Кривоногов А. А. 462
Кропачев С. А. 33, 637, 639, 641
Кручинин А. М. 36, 117, 556, 657, 666, 705, 707
Кузнецов 219
Кузнецов М. В. 182, 201, 217, 680
Кузнецов Н. Ф. 392, 406, 407, 408, 708
Куканов А. М. 313
Куликов Е. Ф. 135
Кун Б. 709
Куприн Г. А. 308, 309, 310
Куромия Х. 25
Кутейщиков В. А. 269
Лаврентьева Н. 321
Лагуткин В. И. 95, 664
Лапин А. М. 390, 396, 399, 400, 706, 707
Лапшин С. И. 277
Ларин В. Ф. 206
Лашевич М. М. 417
Лебедев В. 238, 679
Лебедев Л. 210
Лебензон И. 294
Левин А. 714, 715
Левин Л. Г. 209, 681
Левин М. 22
Лейбович О. Л. 33, 36, 639, 644, 677, 678, 679
Лейканд Г. 158
Ленин В. И. 9, 10, 23, 41, 45, 46, 65, 71, 72, 161, 203, 225, 247, 249, 276,
293, 335, 338, 340, 382, 649, 652, 655, 681, 682, 697, 699
Леонов И. П. 224
Лепа А. К. 383
Лешко Б. А. 420
Либгардт Э. 164, 165
Лихачев Е. М. 309, 310
Лукин А. 117
Лукин Л. Е. 362, 368, 370, 375
Лукоянов Ф. Н. 48, 49, 652, 653, 655
Лукоянова В. Н. 438, 653
Лупенин Г. А. 207
Лушников 219

Лушников В. С. 106
Лысенко Т. Д. 298, 299
Любищев А. А. 328
Мазур Л. Н. 36, 643, 648, 663
Макарий (Звездов) 109
Маковецкий А. Е. 146
Маламуд Г. Я. 37, 644
Маленков Г. М. 208, 209, 493
Малых И. А. 420, 422
Малышев И. М. 53, 380, 382, 383
Мальцев П. А. 420
Мамаева М. Л. 294
Мардамшин Р. Р. 36, 642
Маркус Ф. М. 162
Мартилов И. И. 194
Марченко А. Т. 322
Марченко В. 632
Марьясин Л. М. 186, 187, 190, 191, 192, 194, 200, 280
Маслов Н. Н. 23
Маяковский В. В. 203, 262
Медведев 399
Медведев М. А. 51
Медведев П. В. 588
Медведев Р. А. 23, 25, 633
Медведев-Кудрин 52
Медведь Ф. Д. 178
Мейерхольд В. Э. 211
Мекк Н. К. 139
Мельгунов С. П. 19, 64, 631, 659, 710
Меркушев К. И. 256
Метелев А. Д. 206
Мизес Л. 20
Микоян А. И. 155, 493, 653
Миловидов В. В. 146
Мильнер Я. А. 296, 297
Миронова-Шушарина Е. Ю. 17
Митянин М. И. 363, 364, 367
Михеев М. Н. 221
Мишенкова О. П. 217
Мищенко Д. П. 395, 410, 411
Мозохин О. Б. 139, 142, 658, 669, 675
Молоков П. А. 304, 305

Молотов В. М. 160, 177, 190, 191, 223, 226, 285, 286, 492, 678
Молчанов Б. И. 136
Мосеевских С. 399
Мосин А. Г. 14, 15, 360, 714
Мосин Г. С. 305
Москвин 170
Москвина Р. Т. 39
Московкин В. В. 36, 642
Мотылев А. П. 205
Мрачковский С. В. 28, 382, 383, 445
Мультагули П. В. 51, 656
Мэннинг Р. 25
Мюнних Ф. 416
Мяготин С. Н. 295
Мясников Г. И. 48, 49, 428
Мясоедов П. М. 274
Наговицын И. А. 24
Нагорный 253
Нагорный К. Г. 53
Нарский И. В. 36, 97, 664
Наседкин А. А. 223
Нахратов Т. 53
Негребецкий С. 258, 265
Неизвестный Э. И. 305, 465
Некрич А. 21
Немелков А. А. 311
Нетесин Ю. Н. 302
Нечаев А. 296
Нечаев М. Г. 664, 665
Нечаев М. Т. 658
Нечаев С. Ю. 656
Низовских С. Е. 399
Николаев Л. В. 173, 175
Николай II 50, 51, 248, 450, 650, 656, 714
Николай Адриановский 110
Никулин Г. П. 50, 384
Никулина Е. 122
Новик П. И. 187, 201, 202, 203
Новиков 170
Новоселов 188
Новоселов И. 246
Нойман С. 20

Носов В. Р. 194
Носова К. С. 439
Овсянников Н. Д. 205
Огурцов А. 322
Окуджава Ш. С. 191, 192
Олейников В. В. 179
Олешко В. Ф. 16
Ольденбург С. Ф. 136
Ольминский М. С. 424
Онуфриев Б. Е. 388
Онуфриев В. 657
Онуфриев М. Ф. 388
Орахелашвили И. Д. 206
Ортега-и-Гассет Х. 20
Оруэлл Д. 20
Османов П. Н. 420, 430
Осоргин М. А. 434, 711
Охотин Н. Г. 209, 683, 700
Очеретин В. К. 294
Ошвинцев М. К. 155
Ошивалов Н. С. 256
Пажит Ю. Ю. 37, 644
Пальчинский П. А. 138, 139, 668
Панов С. С. 388
Папетов Н. И. 116
Парфенова Е. Г. 16
Пархачев Н. 274
Пасютин Н. 439
Патрушев В. И. 298, 299
Пашуканис Е. Б. 202, 561
Паэгле Н. М. 17
Переладов Е. Л. 179
Перель И. А. 16, 195, 204, 205, 681
Пестов В. Г. 318, 319, 320, 322, 323, 695, 696
Петр (Савельев) 20
Петр (Холмогорцев) 20
Петренко И. И. 412
Петров 173
Петров А. Н. 52, 656
Петров Н. В. 209, 679, 683
Петрова В. П. 643
Печерин А. В. 11, 101, 112

Печуркина Р. А. 16, 677
Пигулевский Б. В. 264
Пикин В. Ф. 217
Пильняк Б. А. 270
Пименов К. А. 37, 644
Пиньжаков В. 383
Пиньжаков Г. В. 294, 295
Платонов О. А. 52, 653, 657
Платонов С. Ф. 136
Плетнев Д. Д. 204, 209, 212, 285, 681
Плешков А. Н. 142, 158
Плотников 136, 164,
Плотников И. Е. 31, 637, 638, 672
Плотников И. Ф. 633, 638, 652, 654, 655, 656, 704
Плотников Н. Н. 36
Поваров В. С. 307, 308
Погорелов 422, 432,
Погорелов С. Н. 14, 15, 448, 714, 715
Подниэк М. Ю. 439
Подчивалов Е. 266, 270
Покровский И. А. 19, 631
Поляков Ю. А. 23, 635
Пономарев 182
Пономарев Б. Н. 23
Попов К. 136
Попов М. В. 643
Попов Л. И. 379
Попов Н. А. 136
Попов Н. Н. 28, 235, 636, 644, 674, 679, 685
Поршнева О. С. 434, 711
Постыляков А. 274
Постышев П. П. 166, 208
Потапов Г. В. 50
Поташев В. 323
Преображенский Е. А. 135
Примаков В. М. 204
Прищепа А. И. 14, 37, 291, 306, 316, 646, 695, 696
Прокопенко Н. М. 364, 365, 375, 376, 378, 379
Прякон В. С. 206
Прянишников И. Н. 216
Пугачев С. А. 16, 202
Пунтус А. Л. 194

Путилова Е. Г. 37, 494, 499, 646, 715, 716, 717
Путна В. К. 204
Пшеницын К. Ф. 280
Пыхтеева М. И. 212
Пятаков Ю (Г). Л. 186, 189, 191, 194, 201
Рабинович Л. Г. 138
Радек К. Б. 135, 189, 194, 201
Разинков С. Л. 37, 644
Раков А. А. 147, 151, 153, 643, 670, 671, 672
Раковский Х. Г. 208, 209, 212
Рамзин Л. К. 139, 142
Раскольников Ф. Ф. 20
Реденс С. Ф. 223
Рейхардт В. К. 416, 417
Речкин Л. А. 314
Решетник А. И. 328, 329
Рикерт П. Э. 16
Рогачев И. С. 216
Рогинский А. Б. 209, 679, 683, 700
Роговин В. З. 25
Родзинский И. И. 47, 48, 49
Розенгольц А. П. 289
Ройзенман Б. А. 162, 169, 674
Романов В. 633
Романов М. А. 48
Романовы 44, 238, 455, 653
Росси Ж. 20, 632, 698, 699, 700, 701, 702
Рубин И. И. 158, 670, 673
Рубинов М. В. 37, 645
Рубинштейн Г. В. 141, 146
Рубцов В. И. 216
Рупинский Г. И. 54, 657
Русина Ю. А. 37, 646
Рутминский В. С. 294, 295
Рыбников С. Е. 195, 678
Рыков А. И. 165, 185, 190, 208, 212, 276, 285
Рындзюнский П. Г. 302
Рютин М. Н. 165
Рязанцев А. В. 141, 143
Савельев В. В. 138, 201
Савельев П. 109
Савельева И. М. 663

Савельева О. С. 364
Садовская Н. Н. 136
Сазанов К. З. 206
Салазникова С.С. 36, 642
Сальников Д. Н. 391, 392, 400, 708
Самойлов П. А. 194
Самуэльсон Л. 33, 635, 639, 641
Санников В. Я. 588
Санников И. С. 217, 224, 684
Сапронов Т. Ф. 135
Саранча Г. А. 37, 645
Сафаров (Вольпин) Г. И. 382, 383
Сахаров 655
Сахаров А. Д. 323, 325, 332
Сахаров А. Н. 640
Сахаров В. А. 48
Свалухин А. В. 138, 668
Свердлов Я. М. 9, 380, 383, 384, 385
Свобода Л. 416, 709
Седнев И. Д. 53
Семенов 182, 230
Семенов Г. М. 393
Семенов Н. 632
Семенов С. В. 647
Семенчук Г. А. 420
Семилетов В. 321
Семичастный В. 318
Серафим (Голубятников) 120
Серебряков Л. П. 189, 201
Серебрякова И. Г. 36, 643
Сивков Н. М. 205
Сидоркин И. Ф. 246
Синявский А. Д. 324
Скакун П. Т. 194
Скипина И. В. 36, 642
Скотт Дж. 266, 267, 268, 269, 270, 688, 689, 690
Славко Т. И. 30, 36, 637, 644, 662
Славуцкий М. М. 394, 395, 409, 414, 708
Слепков А. Н. 135, 165
Словцов А. А. 197
Словцов А. Н. 279
Смилга И. Т. 135

Смирнов 156, 188, 195
Смирнов А. П. 165
Смирнов П. А. 158, 673
Смирнов С. В. 706
Смыкалин А. С. 37, 39, 645, 658, 660
Снежневский А. В. 292, 322
Соколинский Д. М. 207
Соколов А. С. 158
Соколов В. А. 167
Соколов И. А. 17
Соколов И. С. 53
Соколов Н. А. 51, 656, 714
Сокольников Г. Я. 189, 201
Солженицын А. И. 23, 329, 633, 699, 700
Соловов М. А. 146, 149
Сорокин П. А. 99, 664
Сосновский Л. С. 381, 383, 386
Сосновских С. В. 648, 649
Союрова А. В. 465
Спиненко В. 320, 321, 322
Сталин И. В. 10, 13, 20, 23, 25, 27, 32, 33, 40, 128, 132, 134, 135, 140, 141, 142, 145, 148, 150, 153, 154, 157, 159, 160, 162, 166, 167, 169, 173, 174, 176, 181, 184, 185, 186, 190, 191, 193, 199, 203, 209, 215, 218, 219, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 234, 235, 236, 237, 238, 248, 249, 266, 272, 275, 276, 277, 281, 285, 289, 298, 300, 307, 308, 310, 314, 349, 353, 354, 355, 356, 359, 492, 493, 633, 634, 635, 639, 664, 669, 670, 671, 672, 674, 676, 682, 683, 686, 690, 691, 693
Старцев В. В. 438
Стернин И. А. 281, 692
Стецула И. В. 17
Столыпин В. А. 422
Столяр А. Я. 213, 214, 224
Страхов П. В. 195, 678
Строилов М. С. 189
Струве П. Б. 19, 20, 631
Судаков А. Р. 316
Супрун М. Н. 34
Суровцев Н. И. 212
Суровцева Е. 641
Суслов А. Б. 37, 645, 647
Сюзюмов М. Я. 300
Тальберг Б. А. 305

Тамаркин М. А. 280
Тарабукин (Тарин) С. К. 381
Тарик В.М. 268, 471
Тарновский К. Н. 301
Твердохлебов А. 329
Терстон Р. 25
Тибо-Бриньоль В. И. 146
Тимофеев-Ресовский Н. В. 326
Титов 192, 231
Титов Н. И. 291, 292
Тихон (патриарх) 101
Тихонов 422
Тихонов Б. 264
Токмянина С. В. 37, 645, 647
Толмачев В. Н. 165, 166
Толстая-Берс С. А. 16
Томский М. П. 165
Торбакова З. Ф. 17, 260
Торейкин С. М. 388
Трепов К. Н. 362, 363, 364, 365, 366, 367, 375
Троицкий А. А. 146, 178
Троицкий Г. А. 203
Троцкий Л. Д. 11, 20, 24, 56, 132, 141, 167, 184, 194, 203, 214, 247, 256, 277, 287, 324
Трубин М. 107, 109, 120
Трупп Е. А. 389, 390
Трусин П. Н. 193, 195
Трухин П. М. 269
Тунгусков А. Г. 66, 421, 437, 440, 442, 445, 447, 710, 712
Турати Ф. 19
Тухачевский М. Н. 204, 277
Тыртов В. А. 406
Уборевич И. П. 204
Угланов Н. А. 135, 190
Узлов В. Н. 320, 323
Узюков Н. А. 280
Ульрих В. В. 223
Ураков С. Н. 64, 66, 182, 659
Уркатова Е. В. 394
Успенский А. И. 223
Уфимцев М. Н. 24, 54, 657
Уфимцева М. Н. 164, 383

Фадеев А. И. 53
Фалеев-Рутминский В. С. 294
Федоров 421, 432
Федоров Г. Ф. 175
Федоров Н. Н. 207
Федосеев 365, 366, 368, 369, 372, 373, 374, 375, 376
Федосеев Г. 295, 296,
Федосеев Н. Н. 23
Федотов 141
Федотов Г. 267, 272, 689, 690
Федотов М. А. 464, 480
Фектер А. Л. 382
Фельдман Б. М. 204
Фельдман М. А. 235, 311, 434, 685, 689, 711
Фидлер В. Ф. 172, 173
Филатов А. 66
Филатов В. В. 676, 685
Фицпатрик Ш. 22, 25, 78, 662
Франк С. Л. 19, 20
Фридрих К. 21, 632
Фриновский М. П. 223
Хайек Ф. 20
Хаимсон Л. 22
Халдеев М. Ф. 420
Харитонов И. М. 51
Харитонов П. П. 682
Хаустов В. Н. 33, 635, 639, 641, 679, 685, 718
Хеллер Г. 19
Химичев С. К. 388
Хлевнюк О. В. 27, 32, 33, 159, 173, 185, 277, 289, 634, 635, 670, 672,
673, 676, 677, 690, 691, 692, 693
Хлопотов И. А. 280
Хлопотов И. К. 194
Хлусов Ю. 296
Холкин П. В. 44, 654
Хохряков П. Д. 43, 45, 54, 650, 651
Храмцов Н. Я. 437, 439, 712
Хрущев Н. С. 12, 23, 208, 302, 310, 314, 327, 359, 493
Цвигун С. К. 333
Ципко А. С. 25
Цой В. Н. 265
Цукерман В. М. 206

Чарквиани К. М. 138, 669
Чаянов А. В. 141, 143
Чернецов П. Н. 200, 201, 361, 374
Чернышев 231
Чернышев А.Т. 258
Черухин Н. А. 36
Чирков П. И. 276
Чистов П. В. 267
Чистосердов Н. П. 53, 657
Чусовитина Г. 269
Чусовитина Т. О. 273, 690
Чуфаров Г. И. 293, 312
Чуцкаев С. Е. 49, 382, 654, 655
Шабуров Н. 320
Шаклеин В. А. 317, 695
Шаламов В. Т. 264, 275, 689, 691
Шангин М. 264, 265, 270, 274, 275, 688, 689, 690, 691, 692
Шаров А. Ф. 212
Шафигуллин Г. 246
Шахильдян В. П. 162, 203, 673
Шахмин Н. Д. 178
Швед С. 256, 261, 265, 269, 271, 687, 689, 690, 691, 692
Шверник Н. М. 495
Шеболдаев Б. П. 206
Шевырин С. А. 37, 645
Шелегов Н. 260
Шелехов И. М. 54
Шепеляев И. Д. 270
Шефер Л. Г. 313, 314, 315, 36, 323
Шилков А. М. 440
Ши-Люй-Бэнь 395, 409
Ширяев И. А. 274
Шишалов С. И. 90, 663
Шкавро Л. Г. 294
Шолохович Ф. 266
Шрейбер Г. Я. 201, 680
Штальберг Г. Н. 65, 67, 437, 440, 712
Штейгер Б. С. 206
Шувагин В. А. 295
Шуминский Е. И. 389
Шустов В. А. 294
Щербак П. М. 202

Щербаков 170
Щербакова Н. М. 24, 633
Щуголь З. М. 420
Эйдеман Р. П. 204
Эйдлин М. А. 138
Эйсмонт Н. Б. 165, 166
Эппингер А. Г. 440
Юнге М. 638, 639, 644
Юровская М. А. 383
Юровский Я. М. 49, 50, 51, 52, 141, 383, 384, 385, 386, 450, 655, 712
Яворский М. И. 49
Ягода Г. Г. 187, 208, 209, 212
Якир И.З. 204
Яковлев А. 250
Яковлев А. Н. 492, 494, 501, 633
Яковлев Б. 21, 22, 632
Якубович М. П. 148, 670
Янковская Е. 136
Ярутин П. Я. 268,
Яцковский Г. 103, 123

**В. М. Кириллов
С. И. Быкова
М. И. Вебер
И. В. Дробина
А. П. Килин
Т. С. Кириллова
С. И. Константинов
Е. Ю. Миронова-Шушарина
А. Г. Мосин
В. Ф. Олешко
Е. Г. Парфенова
Н. М. Паэгле
А. В. Печерин
Р. А. Печуркина
С. Н. Погорелов
А. И. Прищепа**

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный
1917 – сер. 1980-х гг.
Часть I. Научные исследования